Схиархимандрит Иоанн ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Магистр богословия

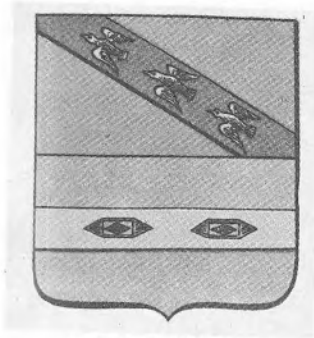
СХИАРХИМАНДРИТ
ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

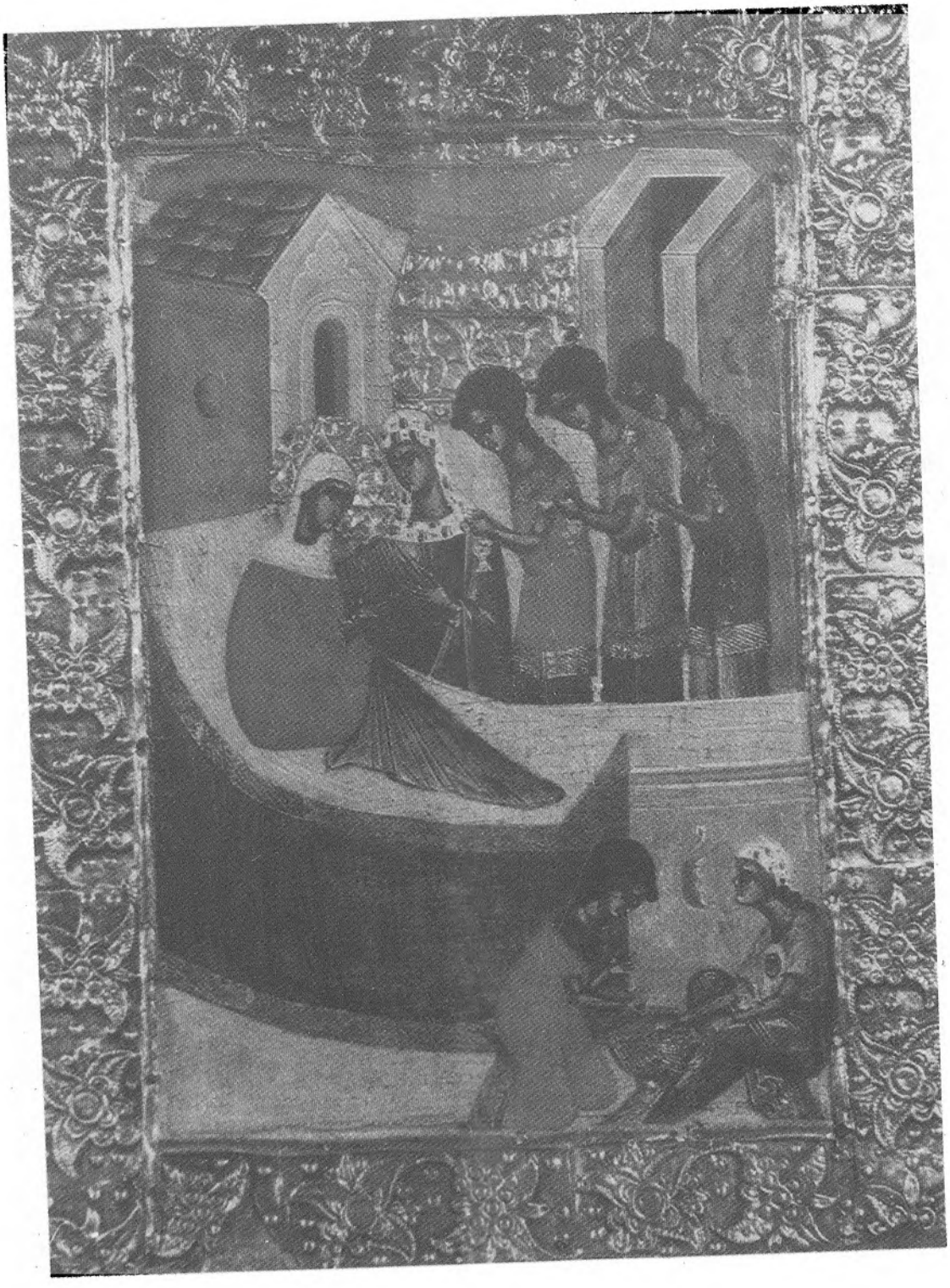
История
обите-

ли

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

СХИАРХИМАНДРИТ
ИОАНН
(Маслов)
МАГИСТР БОГОСЛОВИЯ

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI – XX веках

МОСКВА
1994

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

ТРОПАРЬ
Глинской иконе
Богородицы,
глас 4-й

Днесь
благовернии людие,
осеняемии святым
Богоматери образом,
во умилении глаголем: Владычице,
помози рабом Твоим в напастех,
скорбех и болезнех,
обременены бо грехми многими,
и избави ны от всякаго зла,
молящи Сына Твоего
Христа Бога нашего,
спасти души
наша.

На авантитуле –
герб города Путивля

На с. 2 –
икона Рождества Пресвятой
Владычицы нашей
Богородицы и Приснодевы
Марии

КОНДАК,
глас 8-й
Аще и многажды
икона Твоя, Богородице,
уносима бысть с места явления,
обаче чудесне
в пустыню возвращашеся,
отонудуже всем верным
подает благо
потребное.

ВЕЛИЧАНИЕ
Величаем Тя,
Пресвятая Дево,
и чтём образ Твой святый,
имже болезни наша врачуеши
и души наша к Богу
возводиши.

На с. 7 –
Схиархимандрит Иоанн
(Маслов)
(1932—1991)

МОЛИТВА
КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

О, Пресвятая Владычице,
Христа Спасителя нашего Богоизбранная Мати,
у Бога святыми молитвами
праведных родителей испрошенная,
Богу посвященная, и Богом возлюбленная.
Кто Тебе не ублажит, или кто не воспоет Твоего преславнаго рождества? Рождество бо Твое бысть началом спасения человеком и мы, сидящии во тьме согрещений, зрим Тя неприступнаго Света жилище. Сего ради витийствующий язык не может песнословити Тя по достоянию, паче бо Серафим возвысилася еси Пречистая; обаче приими недостойных рабов Твоих нынешнее похваление и не отрини мольбы наши. Твое величие исповедуем, Тебе во умилении припадаем и скорую в заступлении чадолюбивую и благосердую Матерь дерзновенно просим: умоли Сына Твоего и Бога нашего даровати нам, много согрешающим, искреннее покаяние и благочестное житие, да возможем творити вся Богу угодная и душам нашим полезная, и ктому возненавидим вся злая, укрепляемии Божественною благодатию во благом произволении нашем. Ты, непостыдная Надеждо наша в час смерти, даруй нам христианскую кончину, безбедное шествие на страшных мытарствах воздушных и наследие вечных, неизреченных благ церствия небеснаго, да со всеми святыми немолчно исповедуем Твое о нас заступление и да славим единаго истиннаго Бога
во святей Троице поклоняемаго
Отца и Сына и Святаго Духа.
Аминь.

МОЛИТВА 2-я

Преблагословенная Дева Марие,
Царице небесе и земли,
Твоему чудотворному образу припадающе,
умильно глаголем: призри милостиво на рабы Твоя и
Твоим всесильным ходатайством ниспосли комуждо
потребная: вся верныя чада святыя церкви спаси, неверныя
обрати, заблудшия на путь правый настави, старость и
слабость сил поддержи, юных в вере святой возрасти,
мужей ко благу направи; грешников к покаянию приведи и
всех христиан мольбы услыши; болящия уврачуй, скорби
утоли, путешествующим спутешествуй. Ты веси,
Всемилостивая, яко немощни, яко грешни, яко озлобляеми
и достойни прещения Божия; обаче буди нам на помощь,
да ни коим грехом самолюбия, соблазна и диавольскаго
прельщения прогневаем Бога. Тя имамы предстательницу,
Юже не отринет Господь, аще бо восхощеши, вся даровати
нам можеши, яко благодатный источник верно поющих Тя
и превозносящих преславное Твое рождество. Избави,
Владычице, грехопадений и бед всех благочестно
призывающих Святое Имя Твое и поклоняющихся честному
образу Твоему, Ты бо молитвами Своими, беззакония наша
туне очищаюши. Темже Тебе припадаем и паки вопием:
отжени от нас всякаго врага и супостата, всякия напасти и
губительныя поветрия, молитвами Своими подающи дожди
благовременины и земли обильное плодоприношение;
вложи в сердца наша страх Божественный ко исполнению
заповедей Господних, да вси в христианской любви,
благочестии и чистоте благоденственно, тихо и мирно
поживем во спасение душ наших, во благо ближних и во
славу Господа. Ему бо, яко Творцу, Промыслителю и
Спасителю нашему всякая подобает слава, честь и
поклонение ныне, и присно, и во веки веков.
Аминь.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
150-летию со дня блаженной кончины
приснопамятного настоятеля и возобновителя
Глинской Рождество-Богородицкой пустыни
Курской (ныне Сумской) епархии
игумена Филарета
(1777 — 31 марта 1841)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение почти четырех веков одно из важных мест среди православных духовных обителей занимала Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Курской епархии. Глинская обитель с момента своего возникновения была средоточием церковной жизни. Пустынь славилась строгостью истинно подвижнического устава, высотой духовной жизни своих насельников, особой силой религиозно-нравственного воздействия на народ, для которого всегда была "идеалом христианского богослужения и местом духовного подвига"[1]. Это отмечали многие иерархи Русской Православной Церкви, считая Глинскую пустынь истинной школой монашеского делания, "школой Христовой"[2].

В отчетах Св. Синоду о Курской епархии правящие архиереи называли Глинскую пустынь "лучшей обителью", а ее старцев — "украшением монашества"[3].

Особое положение Глинской пустыни среди других обителей было обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, находящаяся здесь явленно-чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская и многочисленные чудеса исцелений, совершавшиеся от нее ради славы Божией Матери и укрепления православной веры, привлекали сюда благочестивых православных паломников со всех концов обширной России[4].

Во-вторых, в Глинской пустыни неукоснительно соблюдался строгий устав, составленный по образцу Афонского[5], что возводило ее насельников на особую высоту духовной жизни.

Отличительные особенности устава богослужений и всего аскетического духовного строя жизни Глинской пустыни отмечали многие исследователи. "Если внимательно присмотреться ко всем порядкам иноческой жизни Глинской пустыни, то можно подметить много своеобразного, оригинального, невиданного в других обителях"[6].

Но особенно выделялась Глинская пустынь среди других монастырей процветавшим в ней старчеством. Старчество как образ духовного руководства пришло в Россию с Востока со времени принятия ею христианства. Преподобный Антоний Печерский, начавший свой иноческий путь на Афоне, несомненно, был одним из учредителей духовного руководства в России, которое процветало среди русского монашества в течение нескольких веков. Однако ко времени преподобного Нила Сорского (XV в.) старчество из-за ослабления духовной жизни крайне оскудевает. В это время даже среди монашествующих появляются люди, которые отрицают положительное значение старчества. Так, преподобный Иосиф Волоцкий считает, что частое обращение за духовным назиданием сказывается отрицательно на

внешней монастырской дисциплине. Впоследствии, к сожалению, этот взгляд восторжествовал, и устав, в котором не было отведено места старчеству, сделался у нас нормой монастырской жизни.

Возродил традицию старчества (во второй половине XVIII в.) преподобный схиархимандрит Паисий Величковский — настоятель Нямецкого монастыря в Молдавии. Со временем его влияние распространилось на многие монастыри России, в которых ученики преподобного Паисия полагали основанием монашеской жизни традиционные для восточного монашества умное делание и старческое руководство.

Глинская пустынь стала одним из наиболее значительных духовных центров, где старчество было восстановлено в полной мере. Это была одна из тех редких на Руси обителей, в которой старческое окормление было утверждено уставом.

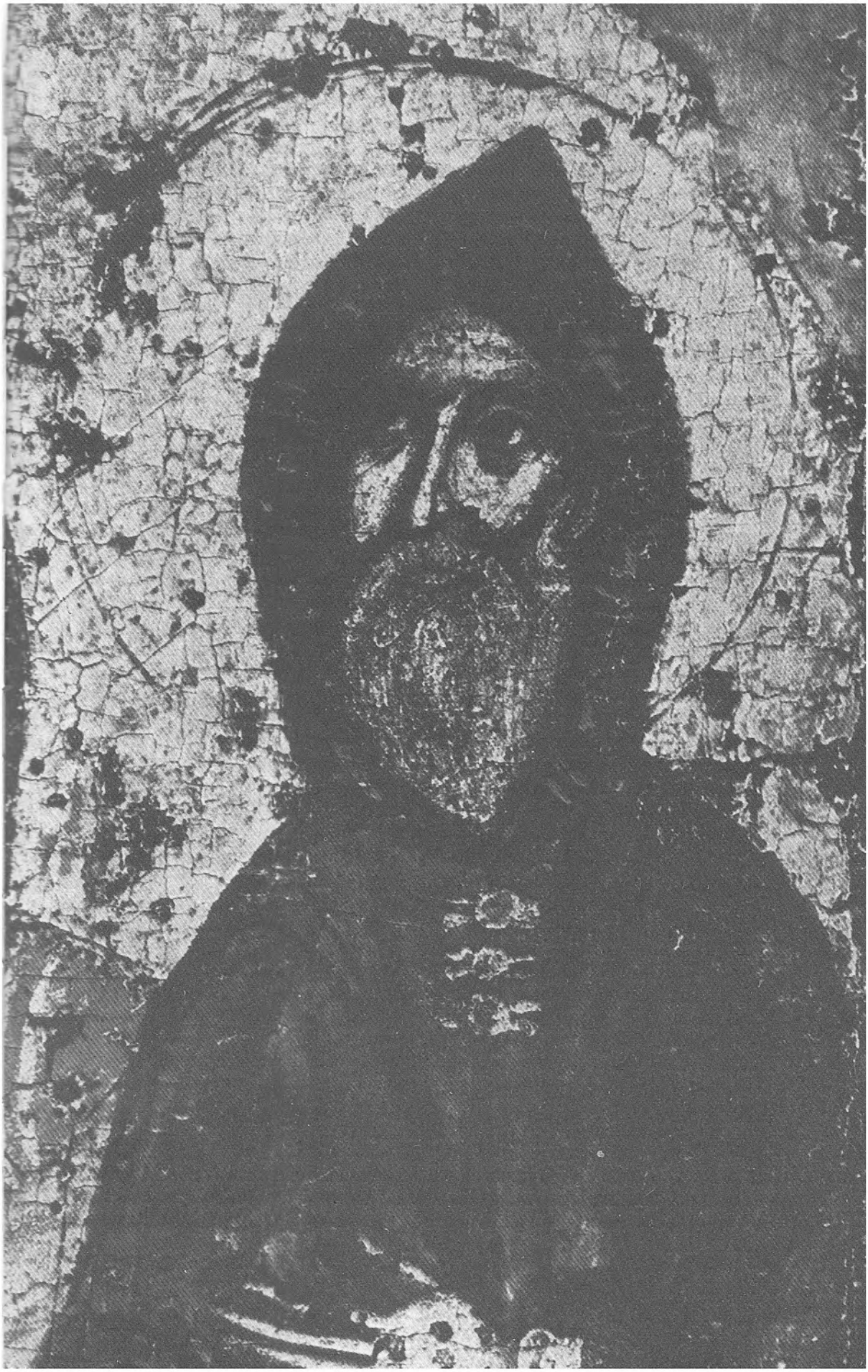
Сущность старчества заключается в том, что из среды братии, подвизающейся в обители, избирается один опытный в духовно-аскетической жизни инок, обладающий даром рассуждения, который становится руководителем, духовным отцом, старцем всей монашеской общины. Во всякое время к нему добровольно идут ученики, раскрывают пред ним свою душу, помыслы, желания и поступки, испрашивают его советов и благословения. Они полностью отказываются от своей воли ради исполнения всеблагой воли Божией и беспрекословно, без размышлений повинуются старцу и выполняют все его указания как откровения этой воли[7]. Это старческое окормление помогает в борьбе со страстями, подкрепляет в минуты уныния, малодушия и сомнения, служит верным покровом от вражеских бурь всем, кто прибегает к его мощному содействию.

Благодаря старческому окормлению, в Глинской пустыни воспитался целый сонм выдающихся подвижников. Здесь были и великие молитвенники, и строгие постники, и юродивые, и беспрекословные послушники. Они были удостоены дарований Святого Духа: прозрения, исцелений и т. д. Жизнеописания только наиболее известных Глинских подвижников составляют трехтомный Глинский Патерик[8].

Впоследствии Глинский устав полностью или частично был заимствован многими (не менее чем 14) русскими монастырями, причем в некоторых из них он был введен по повелению императора Николая I.

В-третьих, широкую известность Глинской обители принесло покровительство императорского Дома. Благотворителями пустыни были императоры Александр I и Николай I, императрица Елизавета Алексеевна. Они лично знали настоятеля Глинской пустыни игумена Филарета (Данилевского), обращались к нему за советом и благословением. Впоследствии обитель пользовалась покровительством императора Александра II и великой княгини Марии Николаевны.

На с. 13 —
преподобный
Антоний Печерский
(983—1073).
Фрагмент
Печерско-Свенской иконы
Божией Матери.
Икона XII в.

Щедрыми благотворителями Глинской пустыни были: в XVI — начале XVII века князья Глинские, в XVIII веке — князь А. Д. Меншиков, в XIX веке — князья А. А. Суворов и В. А. Долгоруков, граф А. Н. Толстой, графиня А. А. Орлова-Чесменская, граф С. П. Потемкин. В синодике Глинской пустыни были записаны также такие благотворители обители, как: бояре Чарторыжские, Аракчеевы, Трубицыны; роды князей Барятинских, Голицыных, Мещерских, Щербатовых, Шаховских, Оболенских, Волконских и других, графов: Орловых-Давидовых, Прозоровских, Чернышевых и проч.

Глинская пустынь занимала особое место в ряду православных монастырей и по своему воздействию на духовную жизнь России. Своей подвижнической жизнью и деятельностью Глинские старцы оказывали огромное влияние не только на иноков, но и на все слои общества. Многочисленные паломники со всех концов России устремлялись к ним с целью укрепления своих духовных сил, за советом и наставлением. Обитель поистине была центром духовного просвещения.

Религиозно-воспитывающей духовной силой были и богослужения Глинской пустыни.

Протоиерей Сергий Четвериков называет богослужение православных русских обителей, в том числе и Глинской пустыни, "духовной школой, в которой постоянно получали духовное православное воспитание... слушатели разных слоев русского общества... Оптина пустынь... дивная Киево-Печерская Лавра, своеобразная Глинская пустынь, величавая Троице-Сергиева Лавра, пустынный Валаам — все они делали одно общее всенародное, духовно-просветительное дело"[9].

Многие воспитанники Глинской пустыни за высоту духовной жизни избирались на начальствующие должности в другие монастыри для утверждения там истинно монашеского жития. Только в XIX — начале XX в. более 30 Глинских иноков[10] были назначены настоятелями в другие обители, причем не только в центральных, но и в самых отдаленных уголках страны: в Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь под Москвой; Обоянский Знаменский, Хотмыжский, Рыхловский Николаевский монастыри и Коренную пустынь Курской епархии; Болховский Троицкий и Одрин Николаевский монастыри Орловской епархии; Святогорскую пустынь Харьковской епархии; Петропавловский монастырь Черниговской епархии; Якутский и Киренский Свято-Троицкий монастыри Иркутской епархии; Чуркинскую пустынь Астраханской епархии; Бузулукский Преображенский монастырь Самарской епархии; Фрумошский, Гербовецкий монастыри Киши-невской епархии и др. Еще большее число Глинских монахов подвизалось в других монастырях в должностях наместников, казначеев, духовников, ризничих, благочинных и экономов[11]. В XX веке из Глинской пустыни вышли иерархи: схимитрополит Тетрицкаройский Серафим (Мажуга) и митрополит Одесский и Херсонский Леонтий (Гудимов).

Из Глинского братства вышли и известные миссионеры. Так, архимандрит Макарий (Глухарев) выехал в 1829 году из Глинской пустыни в Сибирь на проповедь язычникам и стал основателем Алтайской православной духовной миссии. Глинский иеромонах Иларион, впоследствии архимандрит, в 1861—1868 годах был миссионе-

ром Квихпахской миссии в Америке[12]. В конце XIX — начале XX века в Русской Иерусалимской миссии подвизался Глинский иеромонах Тихон (Ростовский)[13]; на западе Франции настоятелем православной церкви г. По был Глинский иеромонах Иродион[14]. В начале XX века Троицкую миссию Туркестанской епархии возглавлял Глинский игумен Порфирий[15]. Таким образом, влияние Глинской пустыни распространилось не только по всей России, но и далеко за ее пределами. И не случайно известный исследователь истории Курской епархии архимандрит Анатолий (Ключаров) назвал Глинскую пустынь "рассадником пустынножительства"[16].

Безусловно, высота нравственного строя Глинской пустыни не могла не привлекать внимание исследователей, и в дореволюционный период был опубликован целый ряд книг об этой обители. Все они свидетельствовали о том огромном нравственном влиянии, которое оказывала Глинская обитель на русский народ. Рассматривая старчество Глинской пустыни как неотъемлемую часть старческого делания на Руси, начатого преподобным Паисием Величковским, исследователи нередко сравнивают Глинскую пустынь с Оптиной, благодаря именно старческим традициям, связывающим эти обители[17].

Однако если история Оптиной пустыни освещена достаточно подробно, то этого нельзя сказать о Глинской. В существующих литературных источниках преимущественно раскрыта лишь история пустыни периода настоятельства игумена Филарета (1817—1841), а также конца XIX — начала XX века. Последний очерк о Глинской пустыни был опубликован еще в 1912 году[18], но ведь пустынь жила и процветала духовными подвигами и до ее первого закрытия в 1922 году, и особенно в близкий нам период — 1942—1961 гг.

Преподобный Паисий Величковский (1722—1794)

До сих пор не было проведено полное исследование истории, духовной жизни, старческого делания, просветительной, благотворительной и патриотической деятельности обители с XVI в. до ее закрытия в 1961 г. Все это обусловливает высокую *актуальность темы* данной работы. *Цель работы* состояла в том, чтобы осветить историю Глинской пустыни и ее многогранную деятельность с момента возникновения обители и до наших дней; определить ее значение в истории Русской Церкви; раскрыть роль Глинской пустыни как центра духовного просвещения и возрождения старчества.

Данная работа, по существу, является первым специальным исследованием, посвященным Глинской пустыни, в котором на основании разрозненного по многим литературным и архивным источникам материала рассмотрены ее место, роль и значение среди других русских православных монастырей. Впервые обоснованы время возникновения обители и происхождение ее названия, рассмотрена просветительная, благотворительная и патриотическая деятельность монастыря за весь период его существования, освещена история и преемственность старческого окормления в обители, раскрыта духовная связь Глинской пустыни с Оптиной.

Практическое значение исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в церковно-исторической науке, в последующих исследованиях, посвященных жизни православных русских монастырей и подвижников благочестия русских обителей в XVI—XX вв. Материалы данной диссертации о Глинской пустыни, например устав обители, примеры ее благотворительной и просветительной деятельности и т. д., могут быть использованы вновь открываемыми и возобновляющими свою деятельность монастырями.

На протяжении всей учебно-педагогической деятельности в Московских духовных школах с 1961 по 1985 г. автор этого исследования использовал материалы о Глинской пустыни и ее старцах схиархимандритах Серафиме (Амелине), Андронике (Лукаше), Серафиме (Романцове), иеросхимонахе Гаврииле (Тюшине), схиигумене Николае (Хондареве) и других в беседах с преподавателями и студентами с точки зрения исторической, духовно-просветительной, воспитательной и пастырской деятельности.

Примечания

1 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14.

2 Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальника Алтайской духовной миссии. Ч. 2. М., 1860. С. 153. Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 149. РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639, д. 14.

3 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 10.

4 История паломничества восходит к древним временам. Первой паломницей принято считать Божию Матерь, которая часто совершала путешествия, посещая все места, связанные с пребыванием в них Господа Иисуса Христа во время Его земной жизни. В России паломничество по

святым местам, и в частности в Иерусалим, Палестину, начало развиваться в начале XII века. Первым, кто "зажег на Гробе Господнем лампаду за всю Русскую Землю", был писатель, широко известный в свое время игумен Даниил, о чем повествуется в книге архимандрита Леонида "Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV–XVI веков" (М., 1871. С. 1).

5 Первый Устав Афонский был написан преп. Афанасием, который пришел на Афон около 960 г. Его уставом на Афоне был впервые введен преимущественно киновиальный образ жизни в отличие от преобладавшего ранее анахоретского, или отшельнического образа жизни. Общежительное подвижничество, введенное св. Афанасием, в последующие века совершенствовалось прежде всего в духовно-нравственном отношении. Совершенствовался и устав Святой Афонской Горы, который стал образцом духовного подвижничества для всех других святых обителей (Афон // Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Пг., 1901. С. 189–236).

6 Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 154. Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 24–25.

7 Григорий, архим. Сказание о житии оптинского старца Амвросия. М., 1893. С. 16.

8 Иоанн (Маслов), архим. Глинский Патерик. Т. 1–3.

9 Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 24–25.

10 В кн.: "Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители" (Одесса, 1904) сказано, что из Глинской пустыни вышло более 25 настоятелей (с. 48). Однако уже после издания этой книги Глинские иеромонахи были назначены настоятелями в Пустынский Успенский монастырь Могилевской епархии (1905 г.); Иссык-Кульский монастырь Туркестанской епархии (1905 г.); Обоянский Знаменский (1906 г.) и Путивльский Молченский (1909 г.), монастыри Курской епархии; Омский Покровский монастырь (1913 г.) (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 15; ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 5; РГИА, ф. 796, оп. 202, от. 1. ст. 5, д. 5/1889, л. 7–7 об.).

11 Из множества Глинских воспитанников назовем лишь наместника Почаевской лавры (в начале XX века) архимандрита Амвросия; главного духовника архиерейского дома митрополита Московского и Коломенского и казначея Московского Чудова монастыря в конце XIX века архимандрита Паисия (Рухленко); наместника Виленского Свято-Духова монастыря архимандрита Антония (1845—1862) и эконома Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна, исцелявшего бесноватых.

12 Глинская пустынь. Ч. I. С. 48.

13 ГАСО, Ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 9.

14 Курские епархиальные ведомости. 1894. № 5. С. 34.

15 Церковные ведомости. 1905. № 19. С. 220.

16 Глинская Рождество-Богородицкая пустынь / Архим. Анатолий // Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 79.

17 Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. С. 254, 279; Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970. С. 49–52, 171.

18 Глинская пустынь. Курск, 1912.

ВВЕДЕНИЕ

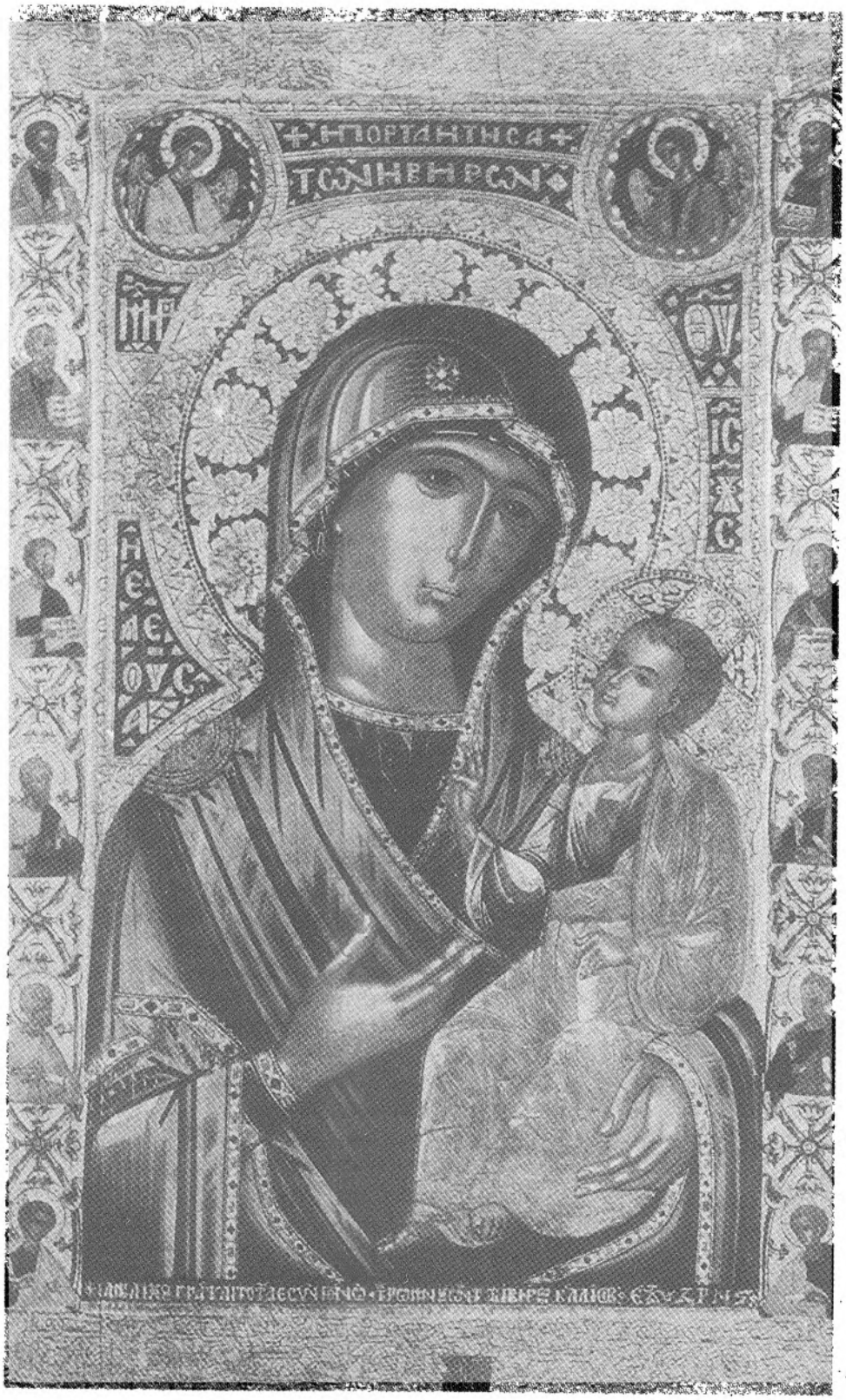
Деятельность Глинской Рождество-Богородицкой пустыни примечательна в различных аспектах: в духовном, историческом, социально-экономическом, просветительном и других. Вполне естественно, что она привлекала внимание многих исследователей. Они сознавали высоту внутреннего строя Глинской пустыни, с благоговением изучали и описывали эту обитель, так как малейшее знакомство с жизнью и деятельностью Глинских старцев порождает в душе исследователя стремление глубже изучить и определить значение пустыни в истории Русской Церкви. К настоящему времени существует несколько отдельных исследований, посвященных Глинской пустыни, и большое число справочных изданий о монастырях России, содержащих краткие сведения о ней.

Во время работы над диссертацией нами были тщательно изучены и проанализированы как литературные источники о Глинской пустыни, изданные в разные времена и различными лицами, так и архивные документы, многие из которых содержат ценные сведения об этой обители, ранее не известные исследователям. Перечень литературы и архивных документов приведен в библиографии к данной работе.

В первой половине XIX века церковно-историческая литература обогатилась историческими описаниями многих русских монастырей[1]. Ценность их заключалась в том, что в большинстве случаев это были первые литературные источники, посвященные описанию монастырей, освещавшие все стороны монастырской жизни. В этот же период была написана и опубликована первая книга о Глинской пустыни, называлась она "Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством общества истории и древностей российских соревнователем"[2]. История создания этой книги следующая. Курский и орловский помещик, отставной гвардии поручик Александр Семенович Анненков, известный любитель благолепия храмов Божиих, собрал основные исторические сведения о Глинской пустыни. Каждое лето А. С. Анненков ездил в Киев,

На с. 18 —
Святая Гора Афон
На с. 20—21 —
Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь.. Фрагмент гравюры XIX в.

чтобы присутствовать "при строении новой церкви, сооружаемой им на развалинах древней Десятинной"[3]. В 1832 году в Киеве он познакомился с Н. Самойловым, состоявшим в 1832—1833 гг. на службе у киевского генерал-губернатора. А. С. Анненков обратился к Н. Самойлову с просьбой рассмотреть собранные им материалы о Глинской пустыни и на основе их составить историческое описание этой обители[4].

Н. Самойлов в предисловии пишет, что собранного материала оказалось недостаточно для написания книги. В связи с этим дополнительные работы по сбору материала были проделаны самим А. С. Анненковым и Н. Самойловым, обращавшимся неоднократно как к документам Глинской пустыни, так и непосредственно к Глинскому настоятелю о. Филарету (Данилевскому), который всячески поддержал намерение о создании книги. Н. Самойлов пишет: "Я вошел в переписку с начальником Глинской пустыни, отцом Филаретом, который на сделанные мною вопросы доставил возможные сведения и, по настоянию моему, вид пустыни"[5].

Н. Самойлов, как историк, член общества истории и древностей российских, стремился к полноте и точности излагаемой в книге информации. Он обращался письменно к о. Филарету даже и с такими вопросами, как, например, "чем он может подтвердить свидание и разговор с императором Александром Благословенным? Отец Филарет отвечал ему, что его свидание с государем известно князю Александру Николаевичу Голицыну и многим другим, а о разговоре, записанном слово в слово, свидетельствует он сам (Филарет) своею совестию и долгом священства" (Дело архива Глинской пустыни № 255)[6].

"Вместе с тем, — продолжает в предисловии к своей книге Н. Самойлов, — отец Филарет убедительно просил меня, чтобы описание сие было более в духовном слоге, ибо он желает передать его последующей братии сей пустыни в воспоминание"[7].

Книга Н. Самойлова состоит из двух частей. В первой части автор характеризует месторасположение пустыни, описывает предание о возникновении обители, обретение пчеловодами в бортном ухожье на сосне Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы и целительного источника у корня сосны. Далее автор с исторических позиций рассматривает вопрос о том, кому и в какие годы принадлежала эта местность, излагает содержание некоторых высочайших императорских указов, связанных с историей пустыни; дает очень краткие сведения о настоятелях обители в конце XVIII века. Более обстоятельно раскрывается в книге период возрождения Глинской обители с приходом в нее отца игумена Филарета (Данилевского). Первая часть заканчивается описанием храмов, их иконостасов и приделов, церковной утвари; особое внимание уделено описанию Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы, даны сведения о ее размерах и украшениях.

На с. 22 —
Иверская икона Божией Матери
Икона 1648 г. Афон.
В Глинской пустыни
был храм в честь
Иверской иконы Божией
Матери

Во второй части книги Н. Самойлова характеризуются другие здания, воздвигнутые стараниями о. Филарета; названы имена благодетелей обители; описаны их щедрые пожертвования. Подробно рассказано о ходатайстве игумена Филарета перед императором Александром I об улучшении благосостояния Глинской пустыни, о встрече его с государем в 1821 году и императрицей Елизаветой Алексеевной в 1825 году. В заключение описаны особенности богослужения, уставных правил в Глинской пустыни, хотя, на наш взгляд, об этом следовало бы сказать значительно раньше. В целом же материал книги интересный и доступный, изложен в концентрированной форме.

Вместе с тем нельзя не отметить, что автор не смог все-таки отразить духовную жизнь Глинской обители: ее старчество, молитвенные подвиги иноков, о чем просил его игумен Филарет, и это является существенным недостатком данной работы. Кроме того, описание истории Глинской обители, по существу, начинается в этой книге лишь с 1764 года. О пустыни в XVI веке Н. Самойлов сообщает лишь предание о явлении Чудотворной иконы. История обители XVII века совсем не освещена, поэтому в книге отсутствует описание зависимости Глинской пустыни от Путивльского монастыря. О пустыни же в XVIII веке до разделения монастырей по штатам (в 1764 году) сообщаются лишь краткие сведения. Близкой по содержанию к рассмотренной работе является и другая печатная книга — "Софрониева и Глинская пустыни"[8]. (Глинской пустыни посвящены в ней страницы с 16-й по 40-ю.) Однако и в названной книге история обители в XVI, XVII и первой половине XVIII века не раскрыта. Этому периоду уделена всего одна страница. Наиболее обстоятельно описано время настоятельства о. Филарета (1817—1841).

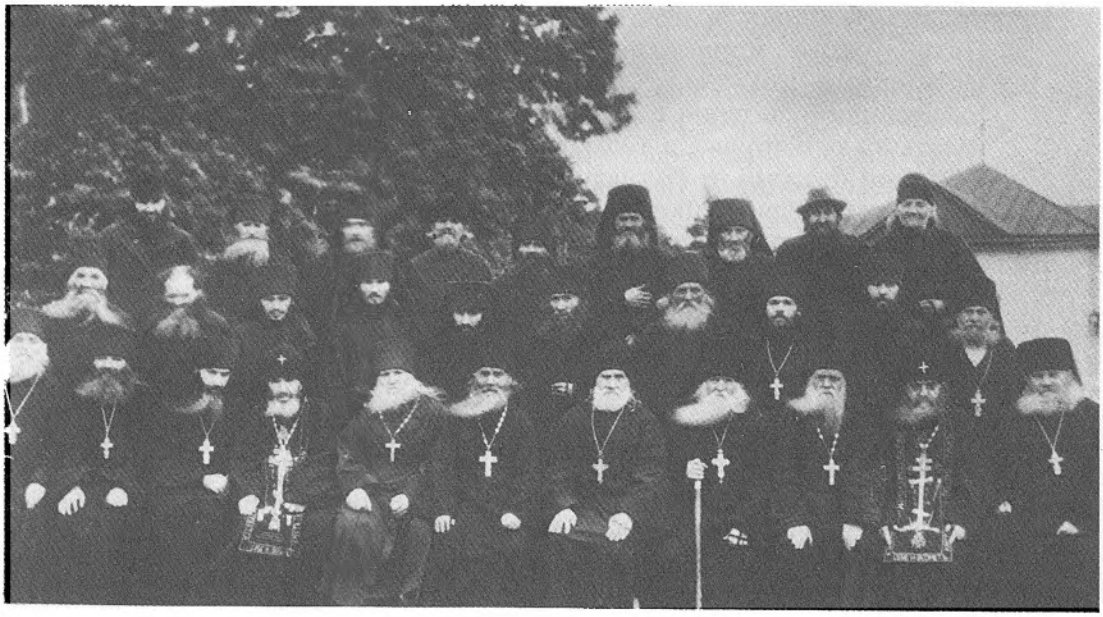
Автор книги справедливо отмечает, что "в продолжение двадцатичетырехлетнего управления Глинской пустынью он сделал для нее так много, что в кратком очерке невозможно обнять всех сторон его благотворной деятельности..." (с. 27). И описывает при этом главное, что сделано о. Филаретом для внешнего и внутреннего благоустройства обители, более подробно, чем в предыдущей книге, раскрывает обстоятельства встречи о. Филарета с императором Александром I. Сведения о жизни о. Филарета отличаются полнотой, конкретностью. Этому в значительной степени содействовало то обстоятельство, что к тому времени уже было издано жизнеописание игумена Филарета, причем автор имел возможность пользоваться не только печатным изданием, но даже и рукописью этой книги. Как сам он пишет, "мы имели случай видеть более полную рукопись этого жизнеописания: из нее и заимствуем сообщаемые здесь сведения" (с. 27).

Книга "Софрониева и Глинская пустыни" в части, посвященной Глинской обители, представляет собой скорее жизнеописание игумена Филарета (Данилевского), чем описание Глинского монастыря. Это подтверждается даже тем, что заканчивается она описанием кончины о. Филарета в 1841 году.

Автор не сообщает никаких более поздних сведений о Глинской пустыни, хотя книга была написана в 1861 году. В самой книге не указаны ни место, ни год издания, однако в ее последнем абзаце сказано, что со дня кончины приснопамятного старца Филарета "прошло двадцать лет" (с. 39).

Вполне допустимо, что именно эта книга была опубликована (в сокращенном варианте) в виде статьи с тем же названием "Софрониева и Глинская пустыни" в журнале "Странник" (1862, декабрь).

Особый интерес представляет работа настоятеля Рыльского Николаевского монастыря архимандрита Анатолия (Ключарова)[9] "Материалы по истории Курской епархии. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь", опубликованная на страницах "Курских епархиальных ведомостей" в 1886 году[10]. Архимандрит Анатолий собрал богатый материал по истории монастырей Курской епархии. В церковно-истори-

ческой литературе это одно из весомых исследований по данной теме. Особая ценность трудов архимандрита Анатолия состоит в том, что он собрал и тщательно проанализировал многочисленные архивные документы, хранящиеся не только в монастырях Курской епархии и ее Духовной Консистории, но и в архивах министерства юстиции, министерства иностранных дел и правительствующего Сената; в архиве и библиотеке Святейшего Синода[11]. Кроме того, "для справок при своих работах он на собственные средства приобретал все лучшие и ценные исторические и археологические сочинения и издания"[12].

Использование в работе многочисленных документов и их сопоставление свидетельствуют о кропотливой работе исследовательского характера настоятеля Рыльского монастыря. При описании истории Глинской пустыни он также основывался не только на литературных источниках и документах самой обители, но и на материалах центральных архивов. Это позволило архимандриту Анатолию

Братия Глинской пустыни.
Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

впервые раскрыть основные моменты истории Глинской пустыни XVII — начала XVIII века и высказать свои предположения об основании обители. Архимандрит Анатолий приводит два документа XVII века, в которых упоминается Глинская пустынь, а также архивные материалы XVIII века. Содержание некоторых из этих документов он подробно излагает.

Однако основное внимание в своем труде архимандрит Анатолий уделяет Путивльскому Молченскому монастырю и Молченской Софрониевой пустыни, историю которых анализирует особенно тщательно. Историю же Глинской пустыни XVII — XVIII веков он описывает лишь в той мере, в какой она связана с историей Путивльского монастыря. Поэтому он не излагает даже столь уникальный документ, как опись Глинской пустыни 1764 года (содержащий сведения о храмах, иконах, зданиях, угодьях, хозяйстве и насельниках обители), а только сообщает о нем в связи с зависимостью Глинской пустыни от Путивльского Молченского монастыря.

Архимандрит Анатолий сам указывает, что обоснование значения "Глинской пустыни как рассадника пустынножительства... не входило в задачу исследований"[13]. Поэтому он ничего не пишет о духовной жизни Глинского монастыря, его старцах-подвижниках, уставе, благотворительной и просветительной деятельности. Недостатком работы является также то, что хронологическая история Глинской пустыни рассмотрена лишь до начала XIX века, причем периоду конца XVIII — начала XIX века уделено в ней менее одной страницы. Другой работой этого же периода является книга "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). Издание Глинской пустыни"[14]. Автор названной книги неизвестен. Книга состоит из двадцати глав и трех приложений. В ней даны исторические, географические, топографические сведения о Глинской пустыни. Описаны храмы монастыря, Чудотворная и другие иконы, драгоценная церковная утварь, крестные ходы, устав монастыря, особенности богослужения. Отдельные главы книги посвящены настоятелям монастыря, характеристике его владений, их доходности, а также покровителям, благодетелям и т. д. В приложениях даны устав Глинской пустыни, копия грамоты великих государей Иоанна и Петра Алексеевича (1693) и "Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Святейшего Правительствующего Синода" (1731).

Недостатком книги является отсутствие описания духовной жизни настоятелей, старцев, других иноков, хотя и выделены глава XV "О настоятелях" и глава XVIII "О внемолитвенных занятиях иноков". Но при этом в главе "О настоятелях" даются лишь краткие исторические справки, а в главе XVIII характеризуются виды послушаний иноков, но нет главы о их молитвенных занятиях, духовном делании, старчестве, что является значительным пробелом.

На с. 28—29 —
вид Глинской пустыни
с северо-западной
стороны.
Фотография начала
XX в.

В конце XIX века в Глинской пустыни было организовано книгоиздательство, и уже в самом начале XX века обитель опубликовала несколько книг о Глинской пустыни, предназначенных широкому кругу читателей.

Так, в 1901 году вышел в свет очерк о Чудотворной Пустынно-Глинской иконе Богоматери[15]. Автор очерка, оставшийся неизвестным, широко использовал материалы из книг "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891) и "Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни..." (СПб., 1836), документы архива Глинской пустыни, книги о жизни Глинских подвижников благочестия. Здесь также дано общее понятие о чудотворных иконах, описание Чудотворной иконы Пустынно-Глинской, явления ее и многочисленных чудес: исцелений, спасений от пожаров, избавлений от засухи и многодождия; описание крестных ходов и т. д.

В 1907 году эта книга была дополнена и переиздана[16]. Среди всех изданий, описывающих многоразличные чудеса от Чудотворной иконы Пустынно-Глинской, это, пожалуй, самое полное. Во втором издании книги "Чудотворная икона..." описанию чудес посвящено более 40 страниц.

В 1901 году обитель издала очерк "Глинская пустынь"[17].

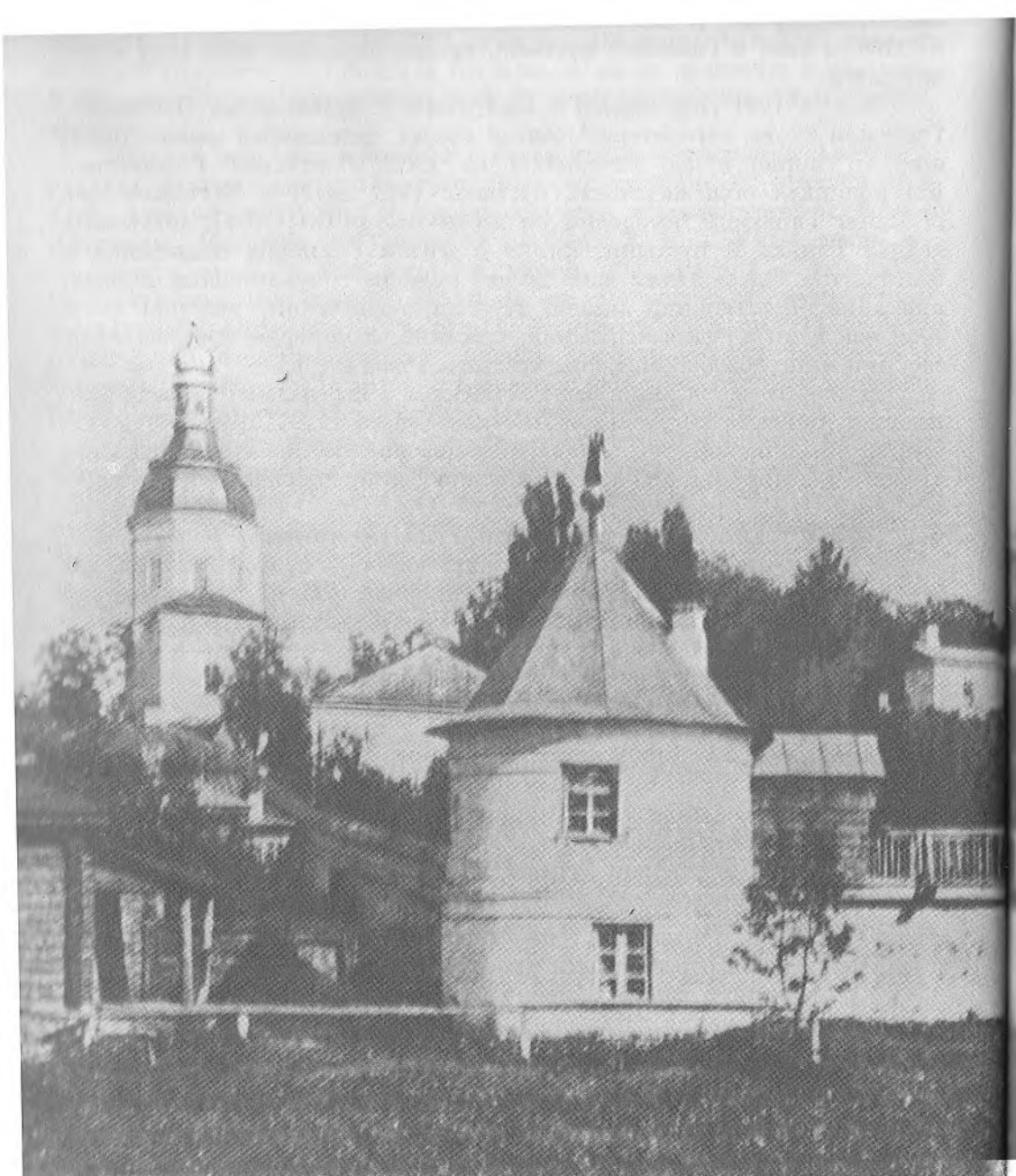
Содержание очерка делится на две части. В первой описаны все храмы обители, скиты, часовня, чудотворные иконы, монастырские постройки, ризница, архив, библиотека и братское кладбище. Предельно лаконично дана историческая справка о Глинской пустыни. В отличие от предыдущих работ в этой книге наибольшее внимание уделено описанию благочестивой жизни и подвигов Глинских старцев: игумена Филарета (Данилевского), иеросхимонаха Макария (Шарова), схиархимандрита Илиодора (Голованицкого) и многих других. Приводятся их портреты.

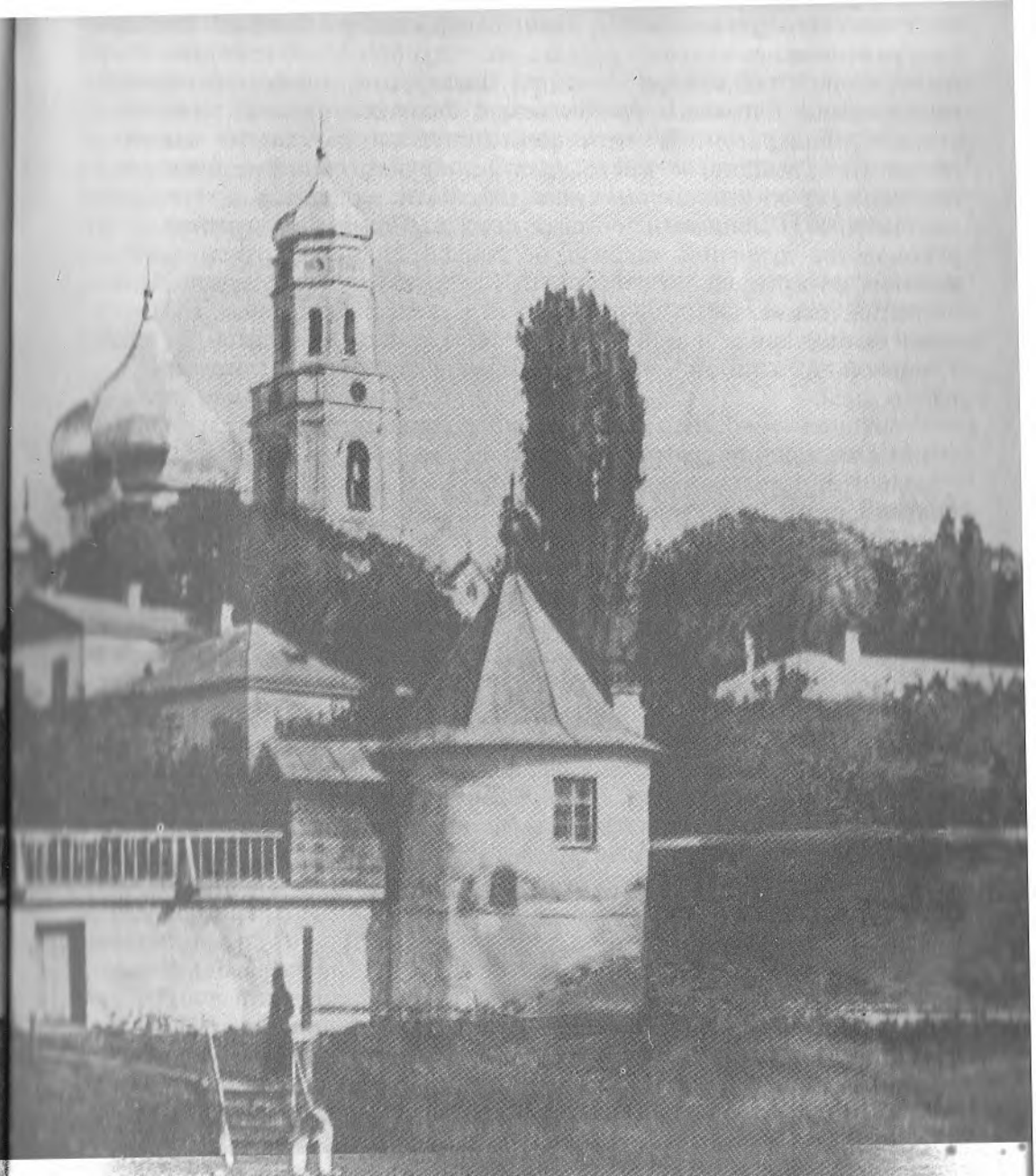
Во второй части очерка описан чин богослужения Глинской пустыни, его особенности, а также повседневная жизнь иноков, регламентируемая уставом обители, монастырские послушания, благотворительная и просветительная деятельность монастыря. Этот очерк был очень популярен среди народа. С некоторыми добавлениями и изменениями он переиздавался еще несколько раз[18].

Кроме книг о самой Глинской пустыни, являющейся предметом нашего исследования, большую ценность для настоящей работы представляют труды старца настоятеля Филарета (Данилевского), возобновителя Глинской пустыни в первой половине XIX века.

Первой и наиболее значительной работой игумена Филарета был составленный им по чину Святой Афонской Горы устав Глинской пустыни, утвержденный Святейшим Синодом в 1821 году[19].

Изучение этого устава было особенно важно при написании настоящей работы, поскольку именно устав определял все стороны как духовной, так и материальной жизни Глинского братства. С введением устава, составленного о. Филаретом, в Глинской пустыни навсегда были упрочены стройность, благолепие богослужений и полный порядок иноческого общежития[20]. Устав послужил "краеугольным камнем прочного устройства и процветания"[21] не только Глинской пустыни, но и многих других монастырей, в которых он был введен. Это было одним

Первое рукописное жизнеописание о. Филарета было составлено в 1829 году его учениками[25]. Оно содержало не только сведения биографического характера, но и подробное изложение бесед императора Александра I с о. Филаретом, описание встречи императрицы Елизаветы Алексеевны с Глинской братией во главе со старцем Филаретом. В этом жизнеописании рассказано также об общении Глинского настоятеля с архиепископом Филаретом (Дроздовым) и министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным, об обличении о. Филаретом мистиков, о его руководстве духовной жизнью не только Глинской пустыни, но и женских монастырей[26]. Рукопись 1829 года содержала и другие ценные сведения, использованные в последующих жизнеописаниях Глинского аввы и описаниях Глинской пустыни[27]. Она находилась в архиве Глинской пустыни еще в начале XX века[28], однако не сохранилась до наших дней.

Второе жизнеописание игумена Филарета было составлено учениками этого старца сразу же после его кончины в 1841 году[29].

С некоторыми сокращениями оно было издано в 1856 году[30], а в исправленном и дополненном виде — в 1892 году[31].

Но наиболее ценно для исследователей истории и духовной жизни Глинской обители третье издание жизнеописания о. Филарета, составленное в начале XX века и опубликованное в 1905 г.. Нам удалось установить имя его автора. Им был Глинский инок Михаил Кузьмин[32] (впоследствии иеросхимонах Максим). По благословению настоятеля он нес послушание в библиотеке и архиве Глинской пустыни и при написании своего труда использовал не только все известные ему литературные источники, но и богатый архивный материал. Так, первоисточником служило ему рукописное жизнеописание о. Филарета 1829 года[33]. Кроме того, он использовал сведения из многих дел архива Глинской пустыни, а также устные рассказы Глинских старцев, которые были учениками учеников игумена Филарета, поэтому третье издание жизнеописания о. Филарета является наиболее полным и достоверным.

Отец Михаил Кузьмин всесторонне раскрыл жизнь, труды и духовные подвиги игумена Филарета. Особое внимание уделено в книге характеристике о. Филарета как возродителя истинного духовного руководства в Глинской пустыни, учредителя старчества, составителя общежительных иноческих уставов, как автора книг и нот. Отдельная глава посвящена наставлениям о. Филарета и характеристике его учеников. Автор пишет об их молитвенных подвигах, келейном правиле, назначаемом старцем, о высоте их духовно-аскетической жизни. Ценность этого издания возрастает в связи с тем, что оно имеет два приложения: "Наставление игумена Филарета о должности духовника, служащего в женских монастырях" и "Поучение в день поминовения игумена Филарета в Глинской пустыни". К сожалению, автор не приводит писем о. Филарета, хотя и указывает, что игумен Филарет писал их ежегодно до 750.

Книга о. Михаила Кузьмина несомненно содержит обширный материал о жизни Глинских иноков в период настоятельства о. Филарета. Однако в ней почти не освещена просветительная, благотворительная и патриотическая деятельность пустыни. Кроме того,

образ богомудрого Глинского настоятеля и весь духовный строй жизни обители были бы раскрыты полнее, если бы автор, на основании данных архива Глинской пустыни, привел сведения о сподвижниках о. Филарета, особенно о соборных старцах (старшей братии) монастыря: духовнике Глинской пустыни иеросхимонахе Пахомии, подвизавшемся ранее на Афоне[34], духовнике иеромонахе Варсонофии, имевшем, по свидетельству Глинской братии, большое влияние на игумена Филарета[35], ризничем о. Самуиле, с которым еще в молодости вошел в духовно-молитвенное общение Оптинский старец о. Макарий (Иванов)[36] и о других.

Следует особо отметить такие источники, содержащие ценные сведения о монастыре, как "Рукописное описание Глинской пустыни 1829 г." и "Описание Глинской пустыни 1854 г.". Эти материалы не сохранились до наших дней, но многие авторы XIX века ссылаются на них при описании Глинской пустыни.

"Рукописное описание Глинской пустыни 1829 г." было составлено известным учеником игумена Филарета, профессором богословских наук (впоследствии начальником Алтайской духовной миссии) о. Макарием (Глухаревым)[37]. Оно включало в себя жизнеописание игумена Филарета, о котором было сказано выше, а также описание богослужений Глинской пустыни, устава и особых порядков обители. В этом описании приводились сведения о благодатных знамениях от Чудотворных икон монастыря[38]; об основании его Ближнего скита; о духовной связи Глинской пустыни с Софрониевой и о материальной помощи, которую оказывала последняя Глинским инокам[39].

История создания "Описания Глинской пустыни 1854 г." следующая. В 1851 году Курский архиепископ Илиодор получил от обер-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова указание представить в Синод церковно-историческое описание Курской губернии. С этой целью при Курской Духовной Консистории был учрежден Главный комитет по составлению указанного описания. В 1852 году комитет разработал программу описания, в которой, в частности, было отмечено, что существующее описание Глинской пустыни "в историческом отношении неудовлетворительно"[40]. В 1853 году в Главный комитет поступили описания Глинской и Софрониевой пустыней со времени их возникновения и до 1852 года, составленные, вероятно, настоятелями этих обителей по указу Курской Духовной Консистории. Но и эти описания не удовлетворили членов комитета. Материалы о пустынях были переданы протоиерею М. П. Архангельскому, которому поручалось составить историко-статистическое описание Курской епархии. Ему был предоставлен свободный доступ к архивам духовного ведомства, позволено письменно и устно обращаться для разрешения всех возникавших вопросов в Консисторию, духовные правления, к настоятелям и благочинным[41].

Уже 9 июля 1854 года протоиерей М. П. Архангельский докладывал Преосвященному Илиодору, что в результате проведенной работы им собран материал для полного описания Софрониевой и Глинской пустыней.

В конце 1854 года описание Глинской пустыни было представлено в Консисторию[42].

В декабре 1856 года протоиерей М. П. Архангельский завершил "Церковно-историческое и статистическое описание Курской епархии", которое в том же году было отправлено в Св. Синод[43]. Часть этой рукописи была издана в трудах Курского губернского статистического комитета, а ее черновик (240 с.) хранился в начале XX века в архиве Курского губернского правления[44]. Известный исследователь истории Курской губернии протоиерей А. А. Танков, изучив этот труд, в 1900 году писал: "Труд Архангельского не утратил своей научной ценности, так как работа исполнена по первоисточникам — архивным документам"[45]. К сожалению, до наших дней сохранились лишь отрывочные сведения об этом исследовании. Однако труд протоиерея М. П. Архангельского был использован в книге известного краеведа Курской губернии начала XX века Н. И. Златоверховникова[46]. Труд Н. И. Златоверховникова явился результатом деятельности созданной в 1900 году при Курском губернском статистическом комитете Историко-археологической комиссии. Целью комиссии была подготовка научно обоснованного исторического очерка Курской епархии к XII археологическому съезду[47]. Н. И. Златоверховников составил систематическое описание памятников старины Курской губернии, и этот его труд в 1902 году был издан Курским губернским статистическим комитетом под названием "Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии". В предисловии автор писал, что он использовал материалы по археологии и истории края, содержащиеся в местных и других изданиях, в архивных делах губернского статистического комитета, а также данные, собранные в начале XX века этим комитетом и лично им.

Книга Н. И. Златоверховникова представляет особый интерес, поскольку в ней на основании указанных источников определено время возникновения Глинской пустыни, а также описана благотворительная деятельность обители. Достоверность сведений Н. И. Златоверховникова о Глинской пустыни подтверждается также тем, что он имел возможность обращаться со всеми вопросами к настоятелю этой обители архимандриту Исаии (Гомолко), который "много содействовал проведению XII археологического съезда в августе 1902 года"[48].

В настоящей работе использованы многочисленные труды и статьи по истории, археологии, географии, статистике Курской епархии. Среди них, кроме названного труда Н. И. Златоверховникова, следует отметить статьи члена Курской губернской ученой архивной комиссии протоиерея А. А. Танкова. Его работы представляют интерес, поскольку они также основаны на архивных данных. Так, в статье "Несколько данных из прошлого Курской епархии"[49] протоиерей А. А. Танков приводит редкий архивный документ — рапорт Курскому архиепископу Феоктисту неизвестного ранее настоятеля Глинской пустыни. В другой статье — "Из истории церковного пения в Курской епархии" сообщает сведения из архива Курской Духовной Консистории о древних напевах и нотных рукописях Глинской пустыни[50].

Сведения о Глинской пустыни приводятся и в многочисленных справочных изданиях, посвященных описанию монастырей России. К их числу относятся: "История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии Ректором и Богословия учителем Антониева

монастыря, Архимандритом Амвросием" (М., 1807—1815); "Описание монастырей, в Российской империи находящихся, с указанием времени построения оных и в каких классах положены по штатам" (М., 1817); Ратишин А. "Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России" (М., 1852); "Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви". Сост. Павел Строев (СПб., 1877); Зверинский В.В. "Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи" (СПб., 1890—1897); "Православные монастыри и архиерейские дома в России ныне существующие" (М., 1889); Денисов Л. И. "Православные монастыри Российской империи..." (М., 1908); "Православные русские обители..." (СПб., 1909) и многие другие.

Несмотря на то что в таких изданиях, как правило, указано лишь местоположение пустыни (иногда время ее основания) и дано краткое описание находящихся в ней храмов и святынь, анализ и сопоставление этих сведений позволили весьма дополнить историю Глинской пустыни.

Следует особо выделить журнал "Курские епархиальные ведомости", на страницах которого в течение почти 50 лет его издания[51] многократно публиковались разнообразные сведения о Глинской пустыни. Использование многих из них также значительно обогатило описание истории Глинской обители.

Историография темы исследования завершается дооктябрьским периодом[52].

В конце данной работы помещена обширная библиография. Вся использованная литература, имеющая прямое или косвенное отношение к истории Глинской пустыни и духовной жизни ее подвижников, представлена в следующих разделах:

1. Литература по истории Российского государства.
2. Собрания законов, постановлений, распоряжений по православному духовному ведомству.
3. История Русской Церкви, российской иерархии. Православные монастыри Российской империи.
4. Литература о Пресвятой Богородице и подвижниках благочестия.
5. Курская губерния. Курская, Белоградская, Сумская епархии. История монастырей и церквей.
6. Литература о Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.
7. Литература о Глинских подвижниках благочестия.
8. Справочные издания: энциклопедии, справочники, словари, библиографические указатели.

Однако изучение всех этих многочисленных книг, трудов и статей показало, что к настоящему времени история Глинской пустыни, ее духовно-просветительная деятельность раскрыты весьма неполно, а главное, в существующих исследованиях крайне мало внимания уделено процветавшему в пустыни старчеству.

Все это заставляет обратиться к первоисточникам — архивным документам монастыря. Но, к сожалению, архив Глинской пустыни XVIII — начала XX века[53] был утрачен, а архив Курской Духовной Консистории, где хранились многие документы монастыря, похищен в 1918 году[54].

Церковь Чуда Михаила Архангела
в Хонех Чудова монастыря
Московского Кремля.
Казначеем Чудова монастыря
в конце XIX в. был воспитанник
Глинской пустыни
архимандрит Паисий (Рухленко),
главный духовник архиерейского дома
митрополита
Московского и Коломенского.
Фотография 1920-х гг.

Следовательно, перед автором данной работы стояла задача восстановления архива Глинской пустыни на основании документов, хранящихся в различных архивах страны.

Полный перечень собранных документов Глинской пустыни и их копии даны в приложении к данной диссертации "Архив Глинской пустыни". Здесь же приведены лишь краткие сведения о том, где и какие документы находятся.

В Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) СССР (ныне РГИА. — *Прим. изд.*) хранится около 200 документов

Свято-Пантелеимонов
Русский монастырь
на Афоне

Глинской пустыни периода XVIII — начала XX века. Особый интерес представляют фонды этого архива: "Канцелярия Св. Синода", "Канцелярия обер-прокурора Св. Синода" и "Хозяйственное управление при Св. Синоде". Здесь находятся послужные списки монашествующих Глинской пустыни, ведомости о ее настоятелях, описи церковного и ризничного имущества, отчеты о состоянии и деятельности монастыря, документы о наделении обители землями и лесом, о пожертвованиях, о постройках в монастыре, о епитимийцах. Впервые автору данной работы удалось обнаружить в этом архиве подлинные письма игумена Филарета (Данилевского), в том числе его письма к императорам Александру I и Николаю I. В этом же архиве хранятся фотографии храмов, скитов Глинской пустыни XIX — начала XX века, а также портреты ее известных подвижников. В ЦГИА СССР находится 53 отчета о состоянии Курской епархии, которые ежегодно представлялись в Св. Синод, в период второй половины XIX — начале XX века. В каждом из этих отчетов содержатся сведения о деятельности Глинской пустыни.

Наиболее древние документы Глинской пустыни (XVII — начала XVIII века) хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) СССР (ныне РГАДА. — *Примеч. изд.*). Здесь находятся самая древняя из сохранившихся описей Глинской пустыни, составленная в 1764 году, а также исключительно полные и подробные сведения Межевого архива (Экономические примечания) о Глинской пустыни в 80-х годах XVII века. Здесь же хранится самый древний геометрический план монастыря. Ряд документов этого архива XIX и начала XX века существенно дополняют сведения о насельниках Глинской пустыни.

Документы Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ) (ныне РГБ. — *Примеч. изд.*) представляют большой интерес для характеристики духовной жизни Глинской пустыни. Там хранятся письма великого Глинского старца схиархимандрита Илиодора (Голованицкого) к его духовным чадам. Они раскрывают сущность старческого окормления и содержат высокое духовное назидание. Здесь же хранятся письма других Глинских старцев: схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), о. Арсения (Митрофанова), архимандрита Макария (Глухарева), в том числе его письмо к императору Николаю I.

Материалы Отдела рукописей ГБЛ (а именно письма Глинских и Оптинских[55] старцев) позволили раскрыть духовную связь Глинской пустыни с Оптиной, показать духовное единение старцев этих обителей. На основании этих материалов написана отдельная глава этого труда. В указанном хранилище находится рукописное жизнеописание игумена Филарета второй половины XIX века. В Отделе рукописей ГБЛ содержатся документы, позволившие установить имя автора "Жизнеописания игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии" (Одесса, 1905). Там же хранятся фотографии некоторых известных Глинских подвижников XIX века.

В Государственном архиве Курской области (ГАКО) находится фонд "Курская Духовная Консистория", в котором хранится незначительная часть бывшего архива этой Консистории. В данном фонде сохранились и некоторые документы Глинской пустыни. Наиболее важные из них: опись церковного и ризничего имущества пустыни за 1802 год; послужные списки монашествующих и перечневые ведомости монастыря конца XIX — начала XX века. В этом же фонде хранятся документы пустыни 1917—1918 годов: о постригах насельников монастыря в схиму, в монашество, о рукоположениях в священный сан; о переводе в Глинскую пустынь иноков из других монастырей. В фонде "Органы управления Православной Церковью" находится еще ряд документов Глинской пустыни за 1919—1921 гг.: послужные списки монашествующих, рапорты настоятеля о пострижении в монашество, об умерших в Глинской пустыни, прошения о переводе в Глинскую пустынь и т. п. Эти документы особенно важны для исследования истории пустыни в 1917—1922 годах, поскольку сведений об этом периоде истории Глинской пустыни крайне мало.

В других фондах ГАКО содержатся документы об изъятии церковных ценностей из Глинской пустыни в 1922 году, о создании комиссии по ликвидации монастырей Курской епархии, об организации в Глинской пустыни детского городка, а также анкеты некоторых монахов Глинской пустыни, перешедших в другие монастыри после ее закрытия.

В фондах Государственного архива Сумской области (ГАСО) сохранилось несколько документов Глинской пустыни дореволюционного периода, а также послужные списки монашествующих за 1918 год. Здесь находятся и материалы комиссии Путивльского уездного исполкома по ликвидации монастырей, в том числе по ликвидации Глинской пустыни в 1922 году. В эти материалы включены акт о закрытии монастыря и подробная ликвидационная опись имущества пустыни, содержащие ценные сведения о состоянии монастыря перед его первым закрытием. В этом архиве хранятся документы конца 1920-х годов, содержащие сведения о жизни монахов Глинской пустыни после ее закрытия.

Однако основную часть материалов, хранящихся в ГАСО, составляют документы периода 1944—1961 гг. (т. е. после открытия пустыни в 1942 г.). В основном здесь находятся списки монашествующих, сведения о нетрудоспособных, о численности богомольцев, посещавших обитель, о постройках в монастыре и т. п. Отдельное дело составляют материалы о закрытии Глинской пустыни в 1961 году, в том числе акт и опись имущества (с перечнем икон и книг) монастыря при его закрытии.

Но наиболее полные сведения о жизни насельников Глинской пустыни периода 1942—1961 годов хранятся в архиве Сумского епархиального управления (АСЕУ)[56]. Здесь находятся указы Святейшего Патриарха Алексия I относительно Глинской пустыни, донесения епархиальных архиереев Святейшему Патриарху о Глинской пустыни, распоряжения архиереев, рапорты в епархиальное управление настоятелей монастыря и благочинного, подробные послужные списки насельников обители, приемо-сдаточные акты имущества монастыря и многие другие документы пустыни. Аналогичные документы хранятся в архиве уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области (АУПЦ).

Автор данной работы выражает глубокую благодарность уполномоченному Виктору Никаноровичу Анатскому и его заместителю Василию Михайловичу Медведеву за любезно предоставленную возможность ознакомиться с документами данного архива. В АУПЦ находятся ежегодно представляемые настоятелем Глинской пустыни отчеты о доходах и расходах монастыря, инвентарные описи имущества Глинской пустыни за ряд лет, договоры о передаче в пользование монастыря зданий, акты проверок паспортного режима и санитарного состояния в монастыре, анкеты всех насельников пустыни и т. п. Эти документы свидетельствуют о тех притеснениях, которые терпели насельники Глинской пустыни от представителей советской власти, и о том строгом контроле, который осуществлял за жизнью обители уполномоченный в 1950—1960-х годах.

Следует отметить также материалы Государственного архива Брянской области (ГАБО). Здесь в фонде епископа Севского и Брянского содержатся сведения о Глинской пустыни второй половины XVIII века. Документы Центрального государственного архива Октябрьской Революции (ЦГАОР) (ныне ГАРФ. — *Примеч. изд.*). использовались в работе при описании периода 1917—1922 годов.

В работе использованы также материалы личного архива автора: подлинные послужные списки насельников Глинской пустыни; собрания

писем великих Глинских старцев схиархимандритов Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцова); схимитрополита Серафима (Мажуги), а также других Глинских иноков; магнитофонная запись бесед схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым), рукопись наставлений схиархимандрита Андроника, воспоминания Глинских иноков и богомольцев, помогавших восстанавливать монастырь, фотографии Глинской пустыни, ее насельников и многие другие материалы.

Почти все перечисленные документы, хранящиеся в различных собраниях, ранее не были известны исследователям истории обители и никогда не публиковались. Их изучение позволило не только значительно дополнить описание истории Глинской пустыни, ее духовно-просветительной деятельности, но и по-новому оценить значение этой обители в истории России, показать, какое высокое место занимала Глинская пустынь в духовной жизни, и раскрыть ее огромное значение как центра духовного просвещения. Таковы основные источники и пособия, использованные при написании этой работы.

Примечания

[1] Геннади Г.Н. Список книг о русских монастырях и церквах. СПб., 1854.

[2] СПб, 1836. Ч. I—II.

[3] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... С. III.

[4] Там же; Жизнеописание игумена Филарета... С. 65.

[5] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... С. VI.

[6] Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 74.

[7] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... С. VI.

[8] Софрониева и Глинская пустыни / Н. С. [Б. м., б. г.].

[9] Архимандрит Анатолий (Ключаров) окончил Киевскую духовную академию; преподавал в Курской Духовной Семинарии Священное Писание, догматическое и нравственное богословие, исполнял должность инспектора и ректора, был первым цензором "Курских епархиальных ведомостей".

В 1879 году о. Анатолий был назначен настоятелем Рыльского Николаевского монастыря. В течение почти 20 последних лет своей жизни он "неустанно и с любовью трудился над изысканием и изучением памятников местной церковной жизни, и плодом его трудов было несколько обширных и содержательных исторических описаний церквей и монастырей Курской епархии" (Архимандрит Анатолий: (Некролог) // Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 729). Архимандрит Анатолий скончался в 1886 г.

После его кончины осталось много неопубликованных статей и необработанных материалов (Там же. С. 730). Фамилия архимандрита Анатолия указана в работе священника И. Харланова "Примечание к статье о. архимандрита Анатолия", опубликованной в "Курских епархиальных ведомостях" за 1889 г., в № 19. С. 329.

[10] Материалы по истории Курской епархии. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь / Архим. Анатолий // Приложения к Курским епархиальным ведомостям. 1886. № 5, 6, 8—17, 19—20.

[11] Из истории Рыльского Николаевского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 455.

[12] Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 730.

[13] Там же. Приложение к № 15. С. 79.

[14] М., 1891. 181 с.; IV с.

[15] Жизнеописание игумена Филарета... С. 117.

[16] Чудотворная икона... Одесса, 1907.

[17] Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. Ч. I. С. 1—54. Ч. II. С. 55—82.

[18] Глинская пустынь. Ч. I. С. 3—54. То же, 3-е изд. Курск, 1912. Ч. I. С. 5—47.. Ч. II. С. 48—69.

[19] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936.

[20] Жизнеописание игумена Филарета... С. 27.

[21] Там же. С. 106.

[22] Отец Филарет как составитель общежительных иноческих уставов и устроитель женских монастырей // Там же. С. 92—98.

[23] Там же. С. 77; Чудотворная икона... С. 10, 12, 16. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 6, 9, 11, 26, 32, 47—49.

[24] Чудотворная икона... С. 6. О записках игумена Филарета см. также в этой кн. на с. 8, 16, 17, 30 и др.

[25] Жизнеописание игумена Филарета... С. III.

[26] Там же. С. 75, 78, 86, 87, 95.

[27] Там же. С. IV.

[28] Глинская пустынь. Ч. I. С. 15, 25; То же. Курск, 1912. Ч. I. С. 21.

[29] Жизнеописание игумена Филарета... С. III.

[30] Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб., 1856.

[31] Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. 2-е изд., испр. и доп. Курск, 1892.

[32] РГБ, ф. 213, к. 74, ед. хр. 12.

[33] Жизнеописание игумена Филарета... С. IV.

[34] Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания... подвижников... Июнь. М., 1908. С. 375; Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 30.

[35] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 39.

[36] Старцы о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 598.

[37] Чудотворная икона... С. 20.

[38] Глинская пустынь. Курск, 1912. Ч. I. С. 13.

[39] Жизнеописание игумена Филарета... С. III, I, 104, 98, 45, 61, 64, 66.

[40] Танков А. Об историческом описании Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 39. С. 880.

[41] Там же. С. 879—880.

[42] Глинская пустынь. Курск, 1912. Ч. I. С. 5.

[43] Курские епархиальные ведомости. 1900 № 39. С. 879—880.

[44] Там же. С. 879—880.

[45] Там же. С. 880.

[46] Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 2. О Глинской пустыни см. с. 76–77.

[47] Курские епархиальные ведомости. 1900. № 39. С. 873.

[48] Труды Курской губернской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 2. Курск, 1911. С. 28.; Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 2.

[49] Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 156–160.

[50]Там же. 1901. № 13. С. 307.

[51] "Курские епархиальные ведомости" издавались в Курске с 1871 по 1918 год: в 1871–1887 гг. – два раза в месяц, а с 1888 г. – еженедельно.

[52] К сожалению, диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия свящ. А. Чеснокова "Глинская пустынь и пастырское служение ее иноков" (Загорск, 1990) нельзя назвать исследованием, поскольку она составлена из дословно описанных фрагментов текстов разных авторов. Например, в главе "Глинская Рождество-Богородицкая пустынь" (с. 82–143), в которой автор пытался раскрыть историю обители с XVI века и до ее закрытия в 1961 году, страницы 82–83 списаны дословно (но без кавычек) из очерка "Глинская пустынь" (Одесса, 1904. С. 6–9); далее с. 85–86 – из книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891. С. 9–10) с. 87–92 – из книги "Чудотворная икона..." (Одесса, 1907. С. 6–17) и т. д. Следующая глава "Пастырство Глинских иноков 18–19 веков" представляет собой изложение "Глинского Патерика" / Сост. о. Иоанн (Маслов). Загорск, 1970) и также состоит в основном из отрывков текста, дословно взятых из этого Патерика.

Таким образом, во всей диссертации вряд ли найдется хотя бы одна страница, целиком написанная самим А. Чесноковым. При этом автор грубо нарушает правила цитирования; он не только не заключает дословно цитируемый текст в кавычки, но во многих случаях вообще не ссылается на первоисточник. Например, А. Чесноков дословно списал, не заключая в кавычки (с. 216–218), почти весь некролог, написанный архимандритом Иоанном (Масловым) в память схиархи-мандрита Андроника (Лукаша) (ЖМП, 1974, № 8. С. 45–46), так же как и некролог (с. 233–236), посвященный памяти схиархимандрита Серафима (Романцова) (ЖМП, 1976, № 10. С. 23–30). Много и других примеров отсутствия у А. Чеснокова ссылок на первоисточники (на с. 94–95 нет ссылки на очерк "Глинская пустынь." (Одесса, 1904. С. 19–21), также нет ссылок на с. 102–105, 112, 114, 117–121, 124, 130, 133 и т. д.). А. Чесноков допускает грубые нарушения при работе с первоисточниками. В записки архимандрита Павлина (Мищенко) о старце Андронике, которые приведены в приложении к диссертации А. Чеснокова, он вставил (без ссылки) отрывок из магнитофонной записи "Бесед схиархимандрита Андроника".

Но главное, автор, списав общеизвестные сведения о Глинской пустыни, не проводит самостоятельного исследования, поэтому диссертация отличается крайней неполнотой. Так, в ней практически не освещена жизнь пустыни в XVII–XVIII веках, во второй половине XIX века и в последнем десятилетии перед ее закрытием (1912–1922).

А. Чесноков не приводит даже перечень настоятелей монастыря. В тех же сведениях, которые он излагает, допущено много неточностей и ошибок. Например, ошибочно написано, что первый храм был построен в Глинской пустыни в 1648–1669 гг. (с. 96); что великий Глинский подвижник старец Феодот скончался в 1890 г. (с. 8), а не в 1859 г., как это следует из его жизнеописания; неверно указано даже время основания Дальнего скита пустыни (с. 108) и т. д. Особенно много ошибок допущено при описании истории обители в 1942–1961 гг., хотя это описание очень краткое – всего 11 страниц (с. 132–143).

А. Чесноков ошибочно утверждает, что Глинская пустынь была открыта уже после изгнания немцев (с. 138), что от старой Глинской пустыни сохранился только архиерейский корпус (с. 133) и что в 1961 г. обитель закрывали при настоятеле Модесте (с. 140).

Неверно он указывает численность насельников монастыря (с. 142); расположение зданий в обители (с. 134), часы начала и окончания богослужения, искажает распорядок дня и уклад жизни монастыря (пишет, например, что монахи в храме стояли вместе с богомольцами (с. 135). В работе А. Чеснокова не указаны фамилии настоятелей Глинской пустыни в 1942–1961 гг. и других ее насельников, перепутаны последовательность и периоды их настоятельства (с. 139–140); неверно указаны основные даты жизни настоятеля о. Серафима (Амелина), допущены ошибки и при перечислении имен насельников обители, вставлены вымышленные имена иноков.

Причина этих ошибок в том, что автор, никогда не посещавший Глинскую пустынь, построил свой анализ не на архивных документах того периода, а на субъективных воспоминаниях лиц, которые также не жили в Глинской пустыни (кроме о. Павлина (Мищенко).

[53] Документов XVI и XVII веков не было в архиве Глинской пустыни и в дореволюционный период. Ознакомившись в начале XX века с архивами монастырей Курской губернии, А. С. Лебедев писал, что архив Глинской пустыни "не глубокой древности, дела не восходят далее 60-х годов XVIII века" (Лебедев. А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 75). По всей вероятности, более древние документы сгорели во время пожаров, бывших в пустыни.

[54] ГАКО, Ф. 325, оп. 1, д. 137.

[55] О. Амвросия (Гренкова), о. Макария (Иванова), о. Моисея и о. Антония (Путиловых).

[56] К сожалению, этот архив не систематизирован и представляет собой несколько папок с разрозненными документами.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ И ЕЕ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Днесь, благовернии людие,
осеняемии святым Богоматери образом,
во умилении глаголем:
Владычице, помози рабом Твоим
в напастех, скорбех и болезнех,
обременены бо грехми многими,
и избави ны от всякаго зла,
молящи Сына Твоего
Христа Бога нашего,
спасти души наша.

Тропарь Глинской
иконе Богородицы.
Глас 4-й

ГЛАВА I

Прежде чем раскрывать вопрос о возникновении Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, следует дать о ней некоторые общие сведения. В большинстве литературных источников XIX — начала XX века о Глинской пустыни сообщается лаконично, что эта обитель находится в 160 верстах от губернского и епархиального города Курска, в 40 верстах от Путивля и Рыльска и в 12 верстах от города Глухова Черниговской губернии (ныне Сумской области Украины. — *А. И.*). Расположена пустынь[1] на правом берегу реки Обесты, недалеко от впадения ее в реку Клевень, на красивой равнине.

Возникновение обители связано с явлением на этом месте Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. Обретение иконы относится к началу (первой половине) XVI века[2]. В тот период эта местность входила в состав Крупецкой волости и была покрыта дремучим лесом, где пчеловоды ставили на деревьях ульи (борти). Поэтому лес, в котором явилась икона, назывался "бортным ухожьем".

В это время наша страна была истерзана монголо-татарским владычеством, а также междоусобицами русских князей. Кроме того, постоянные войны, различного рода житейские невзгоды, неурожаи, повсеместные эпидемии болезней, часто возникавшие пожары побуждали многих людей к мысли о суетности мирской жизни. По этой причине они уходили в безлюдные места, глухие лесные массивы и там находили приют, успокоение в непрестанном богоугождении, в трудах. Здесь, в суровых условиях дикой природы, они, наедине с Богом, проводили большую часть времени в молитвенных подвигах, очищая свою душу и преодолевая свои греховные страсти и пороки, ради достижения вечного блаженства. Пища у них была самая простая. Они питались обычно ягодами, грибами, травой, кореньями, а также медом, который пчелы откладывали в дуплах многих деревьев[3].

Но не могли эти светочи долго оставаться под спудом. Весть о их подвигах быстро распространялась и привлекала немало почитателей, многие из которых оставались с ними на жительство[4]. Так постепенно создавались монастыри, к которым русские люди относились с особым благоговением, считая их высшим идеалом на земле: "Свет инокам ангелы, — говорили обыкновенно, — свет же мирянам иноки"[5].

С возрастанием числа общежительных монастырей уменьшалось и количество иноков-отшельников. Н. Сперанский, характеризуя виды подвижничества, пишет о том, что "стремление к уединенным подвигам овладевает благочестивыми русскими людьми с XIV в. и продолжается до XVI в., после чего оно быстро уменьшается..."[6].

Возникновение Глинской Рождество-Богородицкой пустыни относится к началу XVI столетия, по времени явления Чудотворной иконы Рождества Божией Матери в "бортном ухожье"[7].

Именно в этот период Царица Небесная явлением Своей Чудотворной иконы укрепила безмолвствовавших в тишине лесной отшельников-подвижников, а через них и весь народ, в истинах отечест-

Чудотворная икона
Рождества Пресвятой Богородицы
Пустынно-Глинская

венной православной веры, и притом промыслительно было явление Глинской иконы Богоматери, так как эта местность находилась на границе двух княжеств — Московского и Литовского, между которыми нередко возникали конфликты[8].

Явление Чудотворной иконы Богоматери — это свидетельство Ее любви к людям одной православной веры, но живших в двух княжествах; это Ее призыв к объединению народа, братской любви во Христе.

Обретение этого Чудотворного образа Богоматери происходило при следующих обстоятельствах. Однажды в дремучем лесу на одной из сосен пчеловоды днем увидели икону Рождества Пресвятой Богородицы, сияющую чудесным светом. Они в страхе Божием помолились перед ней и, возвратившись домой, рассказали жителям об этом чудесном явлении иконы, о ее необыкновенном сиянии. С тех пор многие стали притекать к новоявленной иконе и получали благодатную помощь Царицы Небесной. Из-под корня сосны, на которой была обретена икона Богоматери, истекал источник целебной воды[9]. Приведем здесь краткое описание Чудотворной иконы. Высота ее 4 $^1/_2$ вершка (20 см)[10], ширина 3 $^3/_4$ вершка (16,7 см). Она состоит из трех изображений, отделенных друг от друга особыми очертаниями: св. праведного Иоакима, св. праведной Анны (на одре в полусидячем положении) и Младенца — Пресвятой Девы на руках у жены[11].

К месту явления иконы стали во множестве стекаться не только мирские люди, но и иноки, подвизавшиеся в посте и молитве. Все они изливали благодатные слезы перед образом Богоматери. А один пустынножитель, имя которого осталось неизвестным, поселился около новоявленной иконы Божией Матери. Он построил часовню, в сооружении которой, по-видимому, принимали участие иноки близлежащей Молченской Печерской (впоследствии Софрониевой) пустыни[12], а также владельцы данной местности князья Глинские, отчего сама Чудотворная икона получила название "Пустынно-Глинская".

По окончании строительства часовни необходимо было перенести в нее святую икону, но эта святыня не сразу далась в руки людям. В "Записках игумена Филарета", содержание которых лаконично изложено в книге "Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская" сообщается, что настоятель одного из близлежащих монастырей (по всей вероятности, это была Софрониева пустынь. — *А. И.*) повелел снять новоявленную икону Богоматери с вековой сосны, на которой она явилась, и поставить ее в церкви)[13]. Повеление было исполнено, но Матери Божией неугодно было такое несвоевременное решение. И каково же было изумление настоятеля и всей присутствовавшей братии, когда на следующий день утром они увидели, что новоявленной иконы Богородицы в часовне не оказалось. В великом страхе и трепете были иноки, увидев, что эта икона снова находится на месте своего обретения. Настоятель, не уразумев чудесного промышления Божия, вторично повелел снять икону с сосны и поставить в храме. На следующее утро эта святыня снова промыслительно появилась на сосне. Братия были потрясены таким неожиданным чудодействием. Вполне стало очевидным, что в третий раз не следовало бы настоятелю противиться воле Царицы Небесной, но нужно было ее оставить на сосне до определенного времени. Но

настоятель и в третий раз не только приказал снять икону Богоматери с сосны и поставить ее в часовню, но и сосну, на которой произошло обретение иконы, повелел срубить. Трудно ответить на вопрос, чем было продиктовано такое решение. Одно совершенно ясно, что неугодно было Царице Небесной необдуманное решение настоятеля. Это проявилось в том, что когда по повелению игумена была срублена сосна, то одновременно иссяк и источник, вытекавший из-под ее корня, а настоятель был жестоко наказан за свой поступок. Он, будучи совершенно здоровым, писал игумен Филарет, в тот же день заболел и вскоре скончался[14], ибо, по слову Псалмопевца Царя Давида, "смерть грешников люта" (Пс. 33, 22).

Матерь Божия, желавшая прославить это место, не оставила Своего покровительства и не лишила людей благодатной помощи. Промыслом Божиим целебный источник снова открылся в другом месте, в двух километрах на запад, и снова, как и прежде, толпы народа устремились к нему, где от воды этого живоносного источника получали исцеление. Этот источник существует доныне и привлекает к себе множество паломников. Многочисленные факты чудес от Чудотворной иконы и источника были собраны в Глинской пустыни в "дело архива № 255" и параграфе сороковом рукописного описания Глинской пустыни 1829 года[15].

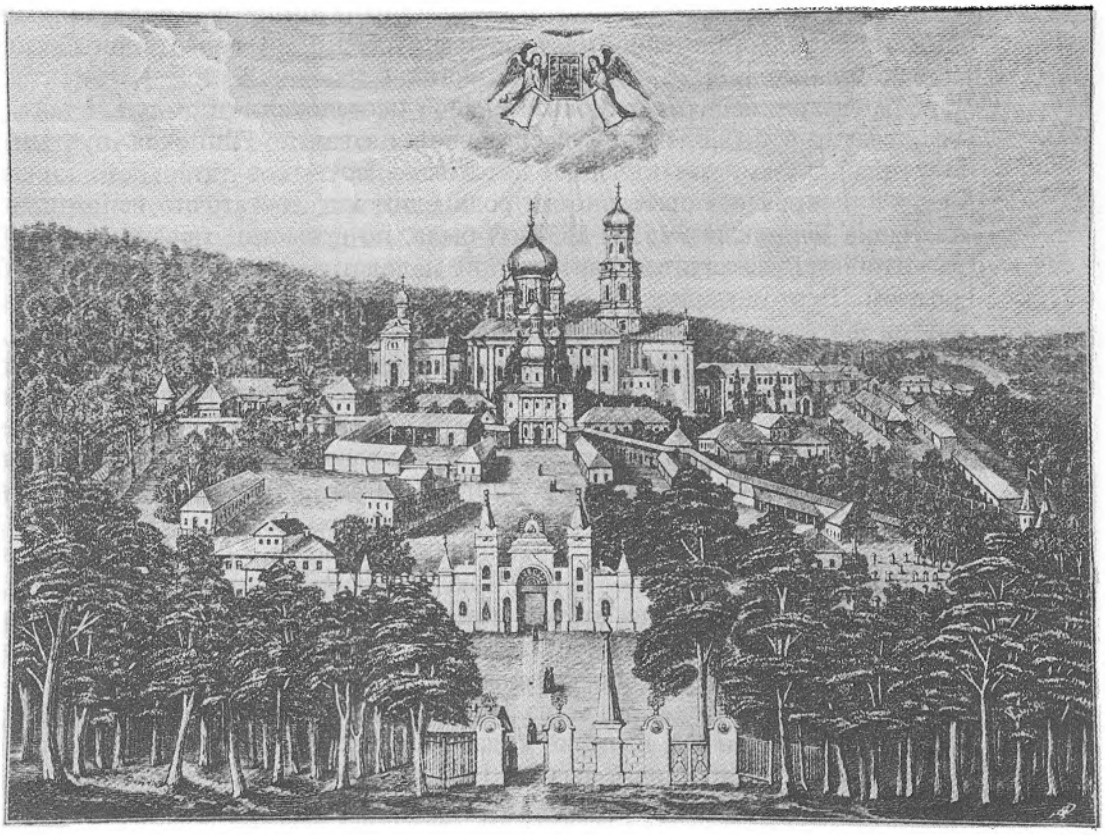
Когда о многих чудесах исцелений слух дошел до Путивльского Молченского монастыря, расположенного в сорока верстах от места явления иконы, то настоятель благословил некоторым монахам поселиться около этой святыни. Так, под осенением Чудотворного образа Богоматери собирались сюда монашествующие, положившие тем самым начало основания Глинской Рождество-Богородицкой пустыни в том же XVI столетии[16]. Иноков привлекала прежде всего великая святыня, а также месторасположение обители в уединенном лесном массиве, способствующее монашеским подвигам. В конце XVI столетия благочестивый житель Крупецкой волости Фома Милонов с товарищами своими построил здесь деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы[17].

Относительно названия пустыни "Глинская" существуют два различных мнéния. Одни исследователи считали, что горшечники добывали в этой местности глину, другие — что название монастыря происходит от фамилии князей Глинских.

Первая точка зрения впервые была высказана архимандритом Амвросием в "Истории Российской иерархии"[18], а затем, без дополнительного исследования, лишь повторена Н. Самойловым[19], автором "Очерка современного состояния обители"[20] и автором монографии "Православные русские обители"[21]. Архимандрит Анатолий (Ключаров) также присоединяется к этому мнению, считая, что название "Глинская" соответствует "местной глинистой почве"[22].

Однако трудно согласиться с тем, что в этой местности гончары добывали глину для своего ремесла. Это опровергают сохранившиеся документы Глинской пустыни. Настоятель обители игумен Филарет (Данилевский) писал в своем прошении императору Николаю I, что в Глинской пустыни "повсюду под лесом песчаник"[23]. Путивльские дворяне, обращаясь к министру духовных дел и народного просвещения

князю А. Н. Голицыну, сообщали, что "земля, на которой лес в окружности Глинской пустыни произрастает, есть пещаная"[24]. Министр государственных имуществ в отношении к обер-прокурору Св. Синода писал: "Земля (принадлежащая Глинской пустыни. — *А. И.*) большей частью песчаная"[25]. То же подтверждает и автор данной работы, бывший насельником Глинской пустыни. Разумеется, это не исключает наличия здесь в какой-то степени и глинистой почвы. В межевом документе 1784 года, хранившемся до 1922 года в архиве Глинской пустыни, упоминается лог Глинище и меловой колодезь[26]. Однако эти частности не могли послужить поводом к названию местности Глинской пустынью.

Мы вполне согласны с доводами автора книги "Глинская Рождество-Богородицкая пустынь" (М., 1891) о том, что, если бы название Глинской пустыни произошло от существительного "глина", "получились бы названия: глиняный, глинный, глинковский, глинищный, что видим в следующиу названиях: Неглинная часть Москвы, Глинковская церковь в Вологде и др., так что этим словом опровергается и ссылка на межевой документ, в котором упоминается лог Глинище"[27].

Глинская Рождество-Богородицкая обзежительная пустынь.
Гравюра X1X в.

Наиболее достоверным является предположение о том, что "название обители дано по фамилии известных князей Глинских, имевших поместья вблизи пустыни"[28], владевших, вероятно, и этой местностью.

Впервые эта точка зрения была высказана в основанном на первоисточниках, документально подтвержденном описании Глинской пустыни, представленном в Курскую Духовную Консисторию в 1854 году протоиереем М. П. Архангельским[29]. Его мнение разделяли: неизвестный автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891)[30]; И. Платонов, описывавший пребывание Глинской иконы Рождества Пресвятой Богородицы в городе Глухове в 1879 году[31]; Е. Поселянин, который называет бояр Глинских "владетелями ближайшей к монастырю местности и усердными благотворителями Глинской обители"[32].

Проведенное нами самостоятельное исследование позволяет также утверждать, что, вероятнее всего, свое название Глинская пустынь получила от фамилии князей Глинских — потомков татарского князя Мамая[33]. Говоря о влиятельности рода Глинских достаточно вспомнить, что Елена Глинская в 1533—1538 гг. была, по существу, правительницей (регентшей) Русского государства при малолетнем сыне царе Иване IV Грозном. В этот период, а также и ранее в Москву "не прекращался прилив ратных слуг из-за границы, из татарских орд, из Польши, особенно из Литвы... При Василии, отце Грозного, с князем Глинским выехала из Литвы толпа западнороссов, которые целым гнездом были им помещены в Муромском уезде и назывались "Глинского людьми" или просто "литвой". Точно так же в 1535 г., в правление Елены, выехало на службу государя московского 300 семейств "литвы" с женами и детьми..."[34].

Явившись в Россию в начале XVI века, Глинские стали владельцами многих городов и сел. Так, "Михаил Глинский, дядя Елены, был одарен для приезда двумя поместными городами: Медынью и Ярославцем Малым, ныне в Глуховском уезде, Черниговской губернии, и в 35 верстах от Глинской обители находящимся"[35].

Ценным для доказательства является и следующий исторический факт. "Когда Иоанн III, Великий князь Московский, вел войну с Литвою, то воевода его Захарьевич 6 августа 1500 года, овладев Путивлем, пленил князя Богдана Глинского с женою"[36]. Этот же исторический факт, но более подробно описан в другом источнике: "В 1500 году, при царе Иоанне III Васильевиче, воевода Яков Захарьевич овладел Путивлем, пленил князя Богдана Глинского и занял, без кровопролития, всю Литовскую Русь (от нынешних Калужской и Тульской губерний до губернии Киевской), подчинив ее русской державе..."[37]. Значит, в середине XVI века ставленником Литовского князя в Путивле был Богдан Глинский. Вполне вероятно, что ему могла принадлежать и местность, занимаемая пустынью. Тем более что неподалеку от этой местности Глинским принадлежало и село, названное их именем, — Глинское с церковью Николы Чудотворца[38].

О князьях Глинских как одном из знатных родов Литовской Руси пишет и Я. Головацкий в своей книге "Монастыри юго-западной России вообще и Креховский монастырь", опубликованной в 1885 году[39].

Характеризуя монастыри Юго-Западной России, Я. Головацкий отмечает их особый расцвет в XV веке. Именно в этот период активно обновлялись и строились новые храмы и монастыри.

"Знатные роды Литовской Руси: князья Гольшанские, Слуцкие, *Глинские* (выделено мною. — *А. И.*), Путятичи, Радиловичи, Ленковичи и другие отличались замечательным благочестием. Они учреждали и наделяли фундушами (т. е. запасными имениями. — *А. И.*) многие обители, давали им разные льготы и угодья, позволяли монахам устраивать хутора и села, освобождали их от разных повинностей и всячески помогали развитию и процветанию монашеской жизни и благочестия народа"[40]. Богатые средства были вложены князьями Глинскими в создание монастырей. Известно, например, что ими был основан в г. Пскове Глинский монастырь[41].

Некоторые из князей Глинских вступали в монашество, о чем свидетельствует вклад Ивана IV Грозного на поминовение князя Василия Глинского в Троицкий Стефанов Махрищский монастырь Александровского уезда Московской области (ныне Владимирской области. — *А. И.*). В подтверждение этого факта приведем выписку из вкладной книги монастыря: "Лета 1548-го Государь Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич прислал на поминовение по Князе Василии Михайловиче Глинском, во иноцех Прокопие, 60 рублей..."[42].

Можно предполагать, что подобные вклады на поминовение инока Прокопия Глинского были сделаны царем Иваном IV и в другие святые обители.

В том же историческом описании Троицкого Стефанова Махрищского монастыря среди описи грамот обители встречаем грамоту № 22 следующего содержания: "Данная Ивана Михайловича Глинского на деревню Исааково в 1600 году, при игумене Порфирии"[43].

Приведенная нами ранее характеристика Я. Головацкого знатных родов Литовской Руси, в том числе и князей Глинских, приводит к мысли о том, что, содействуя развитию и процветанию монашеской жизни, князья Глинские не могли не содействовать становлению пустыни Пресвятой Богородицы Глинской. Правда, активного влияния на последующее развитие Глинской пустыни они не оказали, поскольку "род Глинских в России угас в начале XVII века"[44]. Тем не менее название пустыни, по всей вероятности, произошло от рода князей Глинских, хотя о князьях Глинских "не сохранилось здесь даже предания, — пишет автор очерка о Глинской пустыни в 1904 году, — князей Глинских нет и в синодике обители в числе благодетелей"[45].

Почему же нет имен князей Глинских в синодике обители? Объясняется это тем, что Глинская пустынь получила свою самостоятельность во второй половине XVIII века; архив ее содержал документы не ранее 1764 года, а к этому времени род Глинских в России уже угас. Однако это не исключает активного влияния самих князей Глинских на пустынь в период ее возникновения и становления.

В последующие века потомки Глинских оказывали большую материальную помощь обители: в 1820 году соборный храм покрыт был железом, пожертвованным купцом П. И. Глинским[46], позднее, в 1828 году, на реке Обесте П. И. Глинским устроена для монастыря водяная

мельница о 2-х поставах[47]. Все это наглядно свидетельствует о благочестивом отношении Глинских к монастырям.

Более серьезным представляется возражение о том, что о князьях Глинских "не сохранилось здесь даже предания".

Ответ на этот вопрос следовало искать в документальной исторической литературе. С этой целью мы обратились прежде всего к капитальным историческим трудам: "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина; "Русской истории" К. Бестужева-Рюмина и другим. Эти труды, основанные на документальных источниках, проливают свет на место князей Глинских в истории Российского государства, отношение к ним народа. Приведем несколько примеров — позитивных и негативных — из жизни Глинских.

Так, о Елене Глинской К. Бестужев-Рюмин пишет: "По смерти Василия Иоанновича остался малолетний царь, и правительницею государства мать его — Елена. Малолетний царь и правителем женщина и притом чужестранка из рода, противного московским боярам и нелюбимого народом! Что же можно было ожидать?.. Трудно было положение Елены: не любили ее бояре.., не любили ее братья покойного государя, у которых она отняла надежду на престолонаследие; не угодила она и дяде своему — князю Михаилу Васильевичу Глинскому, который надеялся управлять от ее имени и обманулся в своей надежде"[48].

Другим видным деятелем своего времени был Михаил Львович Глинский (ум. в 1534 году). Это был "государственный деятель. Воспитывался при дворе германского императора Максимилиана, затем служил Альбрехту Саксонскому в Италии, принял католичество. Вернувшись в Литву к 90-м гг. XV в., оказывал большое влияние на великого князя Александра Казимировича. Глинский стремился образовать отдельное государство из русских, украинских и белорусских земель, входивших в состав Литвы, что вызвало недовольство крупных литовских феодалов"[49]. Он владел обширными землями и замками, почти половиною всего государства Литовского и приобретал многочисленных приверженцев, преимущественно из русских. Это возбудило сильную зависть в панах литовских[50].

"Михаил Васильевич Глинский (ум. в 1559 г.), государственный деятель, сын Василия Львовича, дяди Ивана IV... В 1552—55 гг. воевода на Каме и в Казани, подавлял восстание "луговых черемис" (мари), в 1556 г. участвовал в Коломенском походе против крымских татар и в Ливонском походе. В 1556—1557 гг. новгородский наместник, заключил перемирие со Швецией..."[51]

Близкое отношение князей Глинских к царскому дому позволяло им участвовать в решении важных государственных задач, принимать участие как военачальникам в войнах, междоусобицах, отстаивая интересы Российского государства. Но наряду с их достоинствами, в исторических документах много и негативного материала о князьях Глинских, заклеймивших себя своекорыстием, изменой Родине[52]. Находясь близ царского дома и пользуясь несметными богатствами, почестями, они равнодушно взирали на бедноту, непосильные тяготы, страдания народа. И народ взаимно с гневом и презрением относился к ним.

Н. М. Карамзин в своей "Истории государства Российского" пишет, что "никогда Россия не управлялась хуже, чем в годы государствования

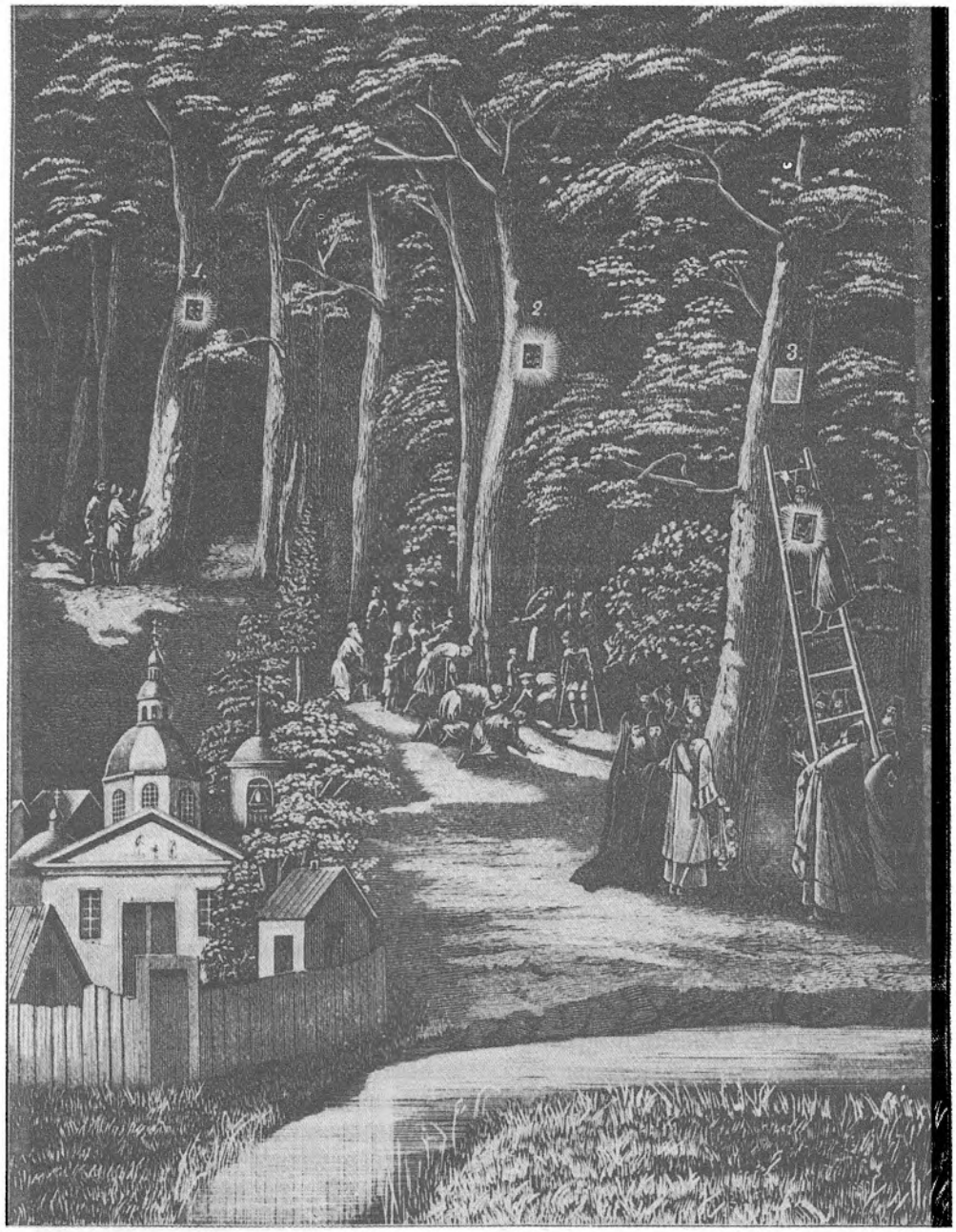
Иоанна IV. Глинские, подобно Шуйским, делали, что хотели именем юноши-государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости. Кто кланялся пред Глинскими, тот мог смело давить пятою народ, и быть их слугою значило быть господином в России...". Вот почему народ ненавидел Глинских, "Глинские заслужили общую ненависть"[53].

После приведенной характеристики рода Глинских вполне понятным становится объяснение, почему в народе не сохранилось даже предания о князьях Глинских. Имена Глинских предпочитают обойти молчанием и составители современных вспомогательных указателей к новому изданию труда Н. М. Карамзина. Для примера укажем на два издания одного и того же "Ключа к труду "История государства Российского" Н. М. Карамзина. В отдельном издании "Ключа..." (1836 года), составленного Павлом Строевым, в именном указателе названо четырнадцать имен Глинских, а в новом издании (1988 года) того же "Ключа..." сняты все имена Глинских.

Таким образом, имена князей Глинских постепенно изглаживаются из литературных источников; исчезли они и из преданий народных, как о том было сказано выше. Но они увековечили свое имя в названии пустыни Глинской.

На протяжении всех столетий, начиная с XVI века, от Чудотворной иконы происходило множество исцелений. Весть о благодатной помощи Царицы Небесной быстро распространилась по всей России. Сюда стали стекаться массы паломников. Со всех концов страны и из-за рубежа непрерывным потоком к Чудотворному образу приезжали люди различных сословий и с самыми разнообразными недугами: одержимые злым духом и слепые, пораженные параличом и болезнями конечностей, страдающие от эпидемических заболеваний и т. д. Причем к духовному врачеванию, как часто встречается у мирян, люди нередко прибегали и прибегают лишь в тех случаях, когда земные врачи уже бессильны помочь. И тогда болящие люди, по молитвам Божией Матери, Заступницы перед Своим Сыном, исцелялись, ибо Един есть Господь "исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях" (Мф. 4, 23).

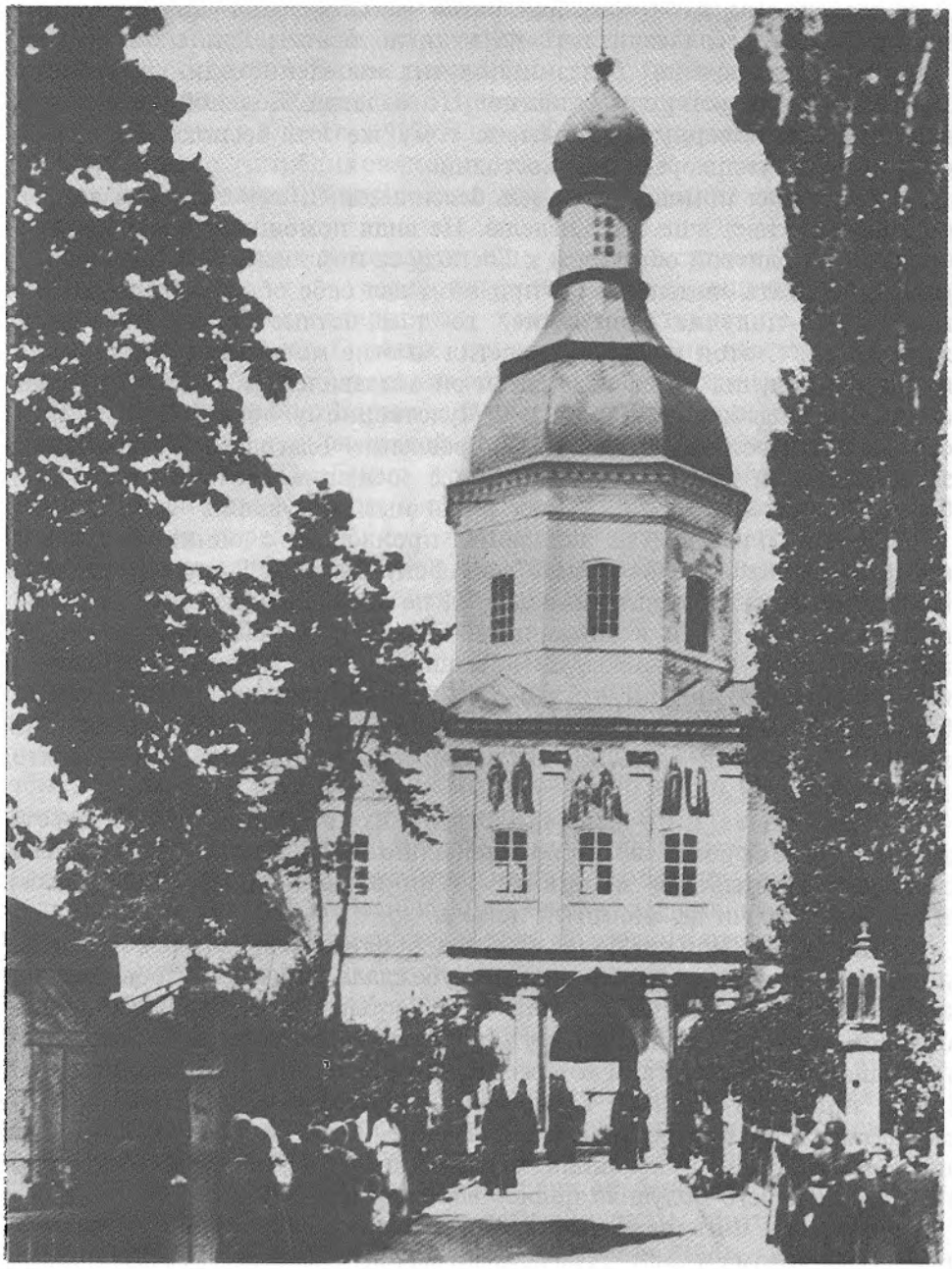
От Чудотворной иконы Божией Матери получали целительную помощь как иноки Глинской пустыни, так и паломники. Много исцелений было документально зарегистрировано в обители. Причем важно заметить, что люди нередко исцеления от своих недугов получали по мере своей веры. Так, например, в 1893 г. у рясофорного монаха Симеона Викторова (в мантии Смарагда), выполнявшего в обители послушание письмоводителя, на правой руке появился кожный нарост, который затруднял ему исполнять послушание. Различные лекарства не помогали. После молитвы перед Чудотворным образом и помазания руки маслом из лампады нарост исчез. Но больной по своему маловерию отчасти приписал исцеление лекарственным мазям, за что и был наказан тем, что на другой же день нарост возобновился. Осознав свое заблуждение, он вторично со слезами просил Царицу Небесную об исцелении и, помазав снова руку маслом с глубокой верой, получил полное исцеление[54].

Явление Глинской
Чудотворной иконы

Пояснения к рисунку.

1. Пчеловоды на сосне увидели св. икону,
озаряемую чудным светом.
2. Из-под корня сосны,
на которой явилась икона,
истек источник
целебной воды.
3. Монахи снимают

Чудотворую икону.
4. Первый храм Глинской пустыни, построенный на месте явления иконы

Глинская пустынь.
Святые врата.
РГИА, ф.835, оп.2,
д.278, л.242.
Фотография 1892 г.

Нередкими были случаи, когда больные, получив исцеление, просили настоятеля зачислить их в число братии Глинской пустыни. Например, от тяжелой болезни получил исцеление один христианин. Врачи не могли установить диагноз его болезни. Больной же в течение года не мог повернуть головы, к тому же его беспокоило сильное сердцебиение и лихорадочное состояние.

Врачебная помощь оказалась бессильной, и ему было сказано, что он едва проживет еще одну неделю. Не видя помощи от земных врачей, больной с молитвой обратился к Господу за помощью. Для этой цели он решил посетить святые места, при этом дал себе обет: если он в каком монастыре получит исцеление, то там останется на постоянное жительство. С этой целью он посетил многие монастыри и ни в одном из них не получил исцеления. Затем он отправился в Глинскую пустынь, где после молебна приложился к Чудотворному образу Богоматери и сразу же почувствовал полное выздоровление. Благодаря Матерь Божию за исцеление и выполняя данное ранее обещание, он поступил в число братии Глинской пустыни, где нес различные послушания[55].

Другое благодатное исцеление произошло с одним человеком, который решил идти из Севска на Афон, миновав Глинскую пустынь. Но по дороге он совершенно ослеп. И по этой причине он с товарищем вынужден был пойти в ближайший Глинский монастырь, где он был помазан маслом от лампады, висевшей перед явленно-чудотворной иконой Богородицы, и тотчас прозрел. В радости и глубочайшей благодарности Царице Небесной за исцеление он, по благословению игумена, посвятил свою жизнь монашескому подвигу в этой святой обители[56].

Величайшее чудо совершилось также во время настоятельства иеромонаха Софрония во второй половине XVIII века, когда исцеление получила путивльская женщина. В Глинскую пустынь она приехала тогда, когда врачи не смогли ей помочь.

На пути в монастырь ее болезнь обострилась настолько, что она потеряла дар речи и только знаками убеждала ближних, чтобы везли ее непременно в Глинскую обитель. В монастыре, видя близкую кончину больной, духовник обители напутствовал ее таинствами Елеосвящения и причащения Святых Таин и даже прочитал молитву на исход души. Но после принятия Святых Таин и по богоугодным молитвам старцев монастыря она почувствовала облегчение. К больной вернулись силы настолько, что она изъявила желание пойти приложиться к святой иконе, после чего получила полное выздоровление[57].

Игумен Филарет в своем описании Глинской пустыни", представленном в 1837 году в Курскую Духовную Консисторию, упоминает о многих исцелениях от явленно-чудотворной иконы Богородицы[58], совершенных над людьми, одержимыми злыми духами. Более обстоятельно описано исцеление еще одной женщины, которая, будучи парализованной, попросила отвезти ее в Глинскую пустынь, где, приложившись к Чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, получила исцеление[59].

И таких чудодейственных исцелений от иконы Пресвятой Богородицы было бесчисленно. Слепые становились зрячими, хромые и искалеченные делались жизнеспособными и т. д.[60].

В одной главе невозможно описать все те чудесные исцеления, которые были совершены от иконы Рождества Божией Матери Пустынно-Глинской. Более подробно они раскрыты в книге "Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская" (2-е изд. Одесса, 1907). Однако немало примеров исцелений от иконы было опубликовано в свое время и на страницах периодических изданий, например, в журнале "Курские епархиальные ведомости"[61].

О многочисленных исцелениях еще свидетельствуют "привесы" к Чудотворной иконе, т. е. серебряные и золотые дощечки, кольца, браслеты, в знак благодарности, которые оставлялись людьми, получившими исцеление. О таких "привесах" к иконе известно как из литературных источников[62], так и из архивных документов[63].

Чудотворная икона Богоматери посредством своих благодатных действий побуждала иноков святой обители к ревностным подвигам на спасительном пути. Особенно трогательно было, когда во время соборного акафистного чтения в субботние дни эта святыня спускалась для поклонения перед царскими вратами на двух тесьмах, покрытых шелковым материалом, на котором золотым шитьем написаны слова из Богородичного или Благовещенского акафиста: "Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево"[64].

Кроме того, зарегистрированы примеры помощи от Чудотворной Глинской иконы Богоматери во время эпидемий, стихийных бедствий как в самой обители, так и за ее пределами. Так, в январе 1892 года в Глинской обители произошел пожар. Много усилий прилагали иноки, чтобы потушить его, но все было напрасно. Но когда была обнесена Чудотворная икона, то огонь стал уменьшаться, а вскоре и совсем погас. Видя явное благодеяние своей скорой Помощницы, насельники святой обители сразу же после тушения пожара собрались в храм, где возблагодарили Царицу Небесную. Это чудо, совершившееся во время пожара, было документально подтверждено подписями настоятеля Исаии с братией.

Значительным событием, прославившим в XIX веке Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы, а вместе с нею и Глинскую пустынь, было избавление города Глухова Черниговской губернии в 1848 году от эпидемии холеры[65]. Причиной этого страшного наказания был тот факт, что народ отступил от православной веры, от нравственных основ жизни христианина и удалился в сторону греха, безнравственного поведения. И Господь попустил это страшное бедствие. И притом в городе был высокий уровень смертности. Люди не обретали никакой помощи и от врачебного искусства. Оставалась лишь единственная надежда — возвратиться ко Господу, перестроить свою порочную жизнь. Жители города прежде всего обратили свои взоры и сердца к Глинской пустыни, где находилась Чудотворная икона Божией Матери. Они со слезами умоляли братию, чтобы те пришли к ним с Чудотворным образом в их город. Братия, по благословению настоятеля, взяли икону Богоматери и направились в ту местность, где свирепствовало страшное бедствие. Толпы народа, встретив братию, и сами усердно участвовали в молебном пении перед Чудотворной иконой Богородицы. И здесь происходит величайшее чудо. По молитвам Божией Матери страшная

эпидемия сразу же прекратилась. С тех пор благодарные жители г. Глухова, увидев чудеса, происходящие от иконы Рождества Пресвятой Богородицы, обратились с ходатайством в Святейший Синод, чтобы им разрешили ежегодно совершать крестный ход с Чудотворной иконой из Глинской пустыни в их город. Желание их было удовлетворено. Последовало высочайшее утверждение, позволяющее совершать ежегодно крестный ход с Чудотворной иконой Богоматери из Глинской пустыни с 19 июля по 2 августа[66].

Во время другого бедствия жителям того же города Матерь Божия явила Свою милость, избавив их дома от свирепствовавшего пожара. Неизбежность гибели города от огня, казалось, была уже очевидной. Отчаявшиеся в своем спасении люди обратились снова к братии Глинской пустыни, чтобы они поспешили с Чудотворным образом Рождества Пресвятой Богородицы к ним на помощь. Их просьба была выполнена. Монашествующая братия, подняв Чудотворный образ Богоматери, с молебным пением Пресвятой Богородице обошли вокруг пожара, и внезапно произошло необыкновенное чудо. Несмотря на то что сильный ветер не утихал, огонь перестал распространяться, пламя словно потеряло свою силу. Об этом чуде избавления города Глухова от пожара, по благосердию и заступлению Царицы Небесной, сообщалось в 1901 году в июльских номерах газет "Свет", "Биржевые ведомости" и других[67].

Чудодейственная сила от иконы Рождества Пресвятой Богородицы проявлялась в многочисленных случаях во время таких стихийных бедствий, как засуха или, наоборот, многодождие. Так, весной 1894 года была сильная засуха; продолжительное время не было дождей; выгорела вся растительность, что грозило народу голодом. Видя это угрожающее бедствие, братия Глинской пустыни молитвенно обратились за помощью к Божией Матери. Они совершили крестный ход с Чудотворной иконой Царицы Небесной, и по Ее ходатайству перед Сыном Своим тотчас же, во время крестного хода, на небе появилась туча и пошел дождь. Это было явным доказательством того, что Господь услышал молитвы Глинских иноков и послал им Свою милость[68].

Кроме того, благодатная помощь, источаемая от иконы Матери Божией Пустынно-Глинской, была известна далеко за ее пределами. Так, неоднократно она избавляла Глинскую пустынь, а также и окрестные села не только от сельскохозяйственных вредителей, но и от падежа скота, о чем свидетельствуют достоверные источники[69].

Видя благодеяния, изливающиеся на православных христиан, прибегающих с верой к заступлению Царицы Небесной, через благодатную Ее икону Пустынно-Глинскую, жители села Шалыгино, по примеру глуховчан, еще в конце 1870-х гг. начали ходатайствовать перед Курским архиереем Сергием (Ляпидевским; 1861—1880) о ежегодном крестном ходе из Глинской пустыни с Чудотворной иконой в их село. И только в 1901 году последовал указ Курской Духовной Консистории за № 7730, подтверждающий, что с 1901 года устанавливается "ежегодный крестный ход 29 апреля в с. Шалыгино с Чудотворною иконою из Глинской пустыни"[70].

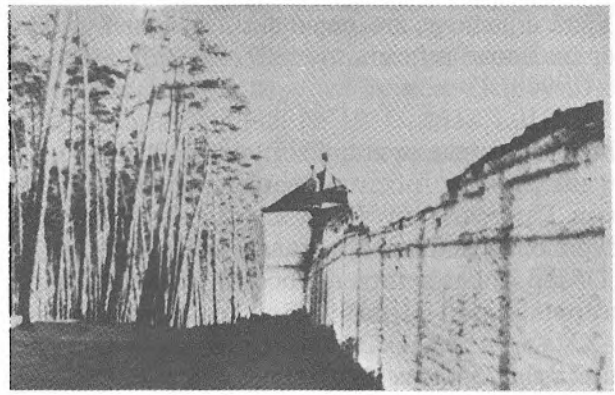
Таким образом, на протяжении нескольких веков от Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинской, а также

по молитвам братии обители на православный народ России изливалось множество благодатных даров и исцелений.

По молитвам братии перед Чудотворной иконой Богоматери прекращались стихийные бедствия, ужасные эпидемии, уносившие множество человеческих жизней.

Приведенные выше примеры свидетельствуют и о том, что Матерь Божия никогда не оставляла без помощи, утешения и врачевания всех тех, кто с верою и любовию прибегал к Ее помощи и заступлению. По Ее молитвенному ходатайству перед Сыном Своим — Спасителем мира, человек, порой уже обреченный земными врачами на смертный исход, восставал с одра болезни здоровым и невредимым.

По справедливому утверждению святителя Игнатия Брянчанинова, "иконы Божией Матери чудодействуют по всей земле, проповедуют, свидетельствуют, запечатлевают знамениями истину учения Христова"[71].

Монастырская стена.
Личный архив
автора

Примечания

[1] "Пустынь — прежде уединенный монастырь или келлия, теперь так называются иногда даже очень многолюдные монастыри, возникшие в безлюдных лесах или степях". (Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. XXVa (50). СПб., 1898. С. 810).

[2] Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон /Под ред. Е. Поселянина. "Русский паломник". 1909. Кн. III. Прилож. С. 572. Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы. /Изд. Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. М., 1904. С. 283. Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Курск, [Б. г.]. С. 32.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 45.

Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 76.

[3] Курский край в религиозно-церковном отношении с древних времен // Курские епархиальные ведомости. 1887. № 18. С. 909—911.

[4] Указ. соч. С. 909.

[5] Указ. соч. С. 910.

[6] Сперанский Н. Тесные врата. СПб., 1892. С. 49.

[7] Древние документы об основании обители не сохранились, поскольку архив Глинской пустыни сгорел в 1769 году. В архиве Св. Синода достоверных сведений об основании Глинской пустыни также не содержалось (Обзор учреждения в России православных монастырей... /Сост. Н. Григорович... СПб., 1869. С. 101). Но в документах Глинской пустыни XIX—XX вв., в первом рукописном описании монастыря 1829 г. и в последующих изданиях самой обители сказано, что пустынь возникла в XVI веке (ГАСО, ф. 454, оп. I, д. I, л. I; Там же, д. 2, л. I; ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. I; Чудотворная икона... С. 10; Глинская пустынь. Ч. I. С. 5; Жизнеописание игумена Филарета... С. 19).

К XVI веку относит основание Глинской пустыни и большинство историков (Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России. М., 1975. С. 174; Православные русские обители... СПб., 1909. С. 268; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи... М., 1908. С. 349; Златоверховников Н.И. Указ. соч. С. 76; Православные монастыри и архиерейские дома в России... М., 1889. С. 18; Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей... Киев, 1911. С. 1472; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. С. 649). При этом с наибольшим основанием возникновение обители относят к началу XVI в., по времени явления Чудотворной иконы (Православные русские обители... С. 268).

Как гласит предание, на месте явления иконы "с самого начала была построена часовня и при оной жил пустынник, в посте и молитве подвизавщийся" (Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 7). Великая святыня, привлекавшая своей благодатной помощью множество иноков и богомольцев, не могла оставаться в лесу без учрежденного при ней пустынножительства. Важно, что славившийся святостью жизни Глинский настоятель архимандрит Исаия (Гомолко) и известный краевед Н. И. Златоверховников тоже относят основание пустыни ко времени явления иконы (Русский паломник. 1906. № 10. С.

152; Златоверховников Н. И. Указ. соч. С. 76). В документах обители также сказано, что "Чудотворная икона явлением своим была началом водворения пустыни сея" (РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 74).

[8] Крупецкая волость в начале XVI века находилась на юго-западной окраине Московского государства. Путивль был пограничным с Литвой городом — центральным пунктом сторожевой линии юго-западной границы (Покровский Н. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. I. Казань, 1897. С. 17).

[9] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 9 об.; Чудотворная икона... С. 10.

[10] Вершок — русская мера длины = 4,45 см (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 215).

[11] Чудотворная икона... С. 6.

[12] Молченская Рождество-Богородицкая Печерская пустынь, по преданию, была основана еще в XIII веке в 20 верстах от Путивля иноками Киево-Печерского монастыря (Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой Софрониевой пустыни. СПб., 1846. С. 7). Молченская Печерская пустынь была ближайшим к Глинской пустыни монастырем и находилась в 25 верстах от нее. (Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 151).

[13] Достоверности ради следует подчеркнуть, что икона была перенесена не в церковь, а в часовню, потому что в то время церковь еще не существовала. Хотя в ряде литературных источников, о которых идет речь в этой главе, употребляется термин не "часовня", а "храм", "церковь".

[14] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 47.

[15] Жизнеописание игумена Филарета... С. 137.

[16] Прежде всего это были монахи из близлежащих Молченской (впоследствии Софрониевой) пустыни и Путивльского Молченского монастыря.

[17] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 7—8.

[18] Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч. III. М., 1811. С. 696.

[19] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 8.

[20] Глинская пустынь. Ч. I. С. 5.

[21] Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909. С. 268.

[22] Курские епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 40.

[23] РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 5.

[24] Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 65 об. В "Памятной книжке Курской губернии на 1860 год" (с. 10) в разделе описания почв сказано, что большую часть Курской губернии составляет чернозем, а в Путивльском уезде — песчаник.

[25] РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 16.

[26] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 9.

[27] Там же.

[28] Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 76.

[29] Глинская пустынь. Ч. I. С. 6; Танков А. Об историческом описании Курской епархии// Курские епархиальные ведомости. 1900. № 39. С. 879—880.

[30] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 8.

[31] Курские епархиальные ведомости. 1879. № 20. С. 982.

[32] Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон/ Под ред. Е. Поселянина. Приложение к журналу "Русский паломник" за 1909 год. Кн. III. С. 572.

[33] Историк К. Бестужев-Рюмин в книге "Русская история" (Т. 2. Вып. I. СПб., 1885) сообщает, что князь Михаил Васильевич Глинский, потомок татарского князя, выехал из Орды при Витовте и крестился (С. 177).

[34] Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Ч. 2. М., Мысль, 1988. С. 192.

[35] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 8—9.

[36] Там же. С. 8.

[37] Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1891. С. 31.

[38] Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний, городов и станиц Донской области по приходным окладным книгам жилых данных церквей патриаршего Казенного приказа, 1628—1746 гг. М., 1913. С. 30.

[39] Головацкий Яков Федорович (1814—1888) — исследователь, поэт, филолог, библиограф. Архив Я. Ф. Головацкого хранится в ИЛ АН УССР, ЦНБ АН УССР, Львовской НБ АН УССР. (Гульчинский В.И. Архивы деятелей библиографии // Сов. библиогр. 1989. № 4. С. 59).

[40] Монастыри юго-западной России вообще и Креховский монастырь / Я. Головацкий [СПб., 1885]. С. 7.

[41] Ключ к "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина. Ч. 2. М., 1836. С. 103.

[42] Историческое описание Махрищского монастыря. Сергиев Посад, 1906. С. 23.

[43] Указ. соч. С. 29.

[44] БСЭ. 3-е изд. Т. 6. С. 594, Родословная князей Глинских приведена в "Родословной книге с дополнительными статьями. Рукопись середины 18 века". (РГБ, ф. 178. № 734).

[45] Глинская пустынь. Ч. I. С. 6.

[46] Там же.

[47] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 9.

[48] Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1885. С. 196—197.

[49] БСЭ. 3-е изд. Т. 6. С. 594.

[50] Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. III. Т. 5—6. М., 1989. С. 214.

[51] БСЭ. Изд. 3-е. Т. 6. С. 594.

[52] Михаил Глинский в войне с польско-литовскими панами тайно предложил Сигизмунду свои услуги, "...ночью сел на коня и бежал из Российского стана..." (Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VII, гл. II. М.; Книга, 1989. Ст. 42). Но Михаила Глинского и слуг его настигли, "схватили и представили в Дорогобуже Великому князю. Глинский не мог запираться: у него вынули из кармана

Сигизмундовы письма... Государь приказал отвезти его скованного в Москву..." (Там же).

[53] Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VIII, гл. III. М., Книга, 1989. Ст. 59).

Понятно теперь, почему народ стремился отомстить Глинским за их произвол. Так, когда началось расследование причин пожара в Москве в 1547 г., то народ, собравшийся у Кремля, видел виновных в Глинских и громко кричал: "Глинские! Глинские! Мать их княгиня Анна..." (Там же. Ст. 62). Н. М. Карамзин далее продолжает: "Многие поджигали народ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, с сыном Михайлом находилась тогда во Ржевском своем поместье. Другой сын ея, Князь Юрий, стоял на Кремлевской площади в кругу Бояр: изумленный нелепым обвинением и видя ярость черни, он искал безопасности в церкви Успения, куда вломился за ним и народ. Совершилось дотоле неслыханное в Москве злодейство: мятежники в святом храме убили родного дядю Государева...", извлекли его тело из Кремля и положили на лобном месте; разграбили имение Глинских, умертвили множество их слуг и детей боярских: "Много же Детей Боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людьми. Никто не унимал беззакония: Правительства как бы не было..." (Там же. Ст. 62).

Сам царь Иоанн в грамоте к князю Андрею Курбскому пишет: "Множество народа, воскричав Иудейским обычаем, приидоша Соборныя церкви в предел Св. Великомученика Димитрия Селунского, и изымав Боярина Нашего К. Юрья Вас. Глинского, безчеловечне выволокли в Соборную церковь и убиша безвинно в церкви против Митрополича места и кровию его помост церковный окровивше". (Там же. Ст. 27, примеч. 174 к Т. VIII. Гл. III).

[54] Чудотворная икона... С. 47—48.

[55] Там же. С. 44—45.

[56] Там же. С. 48—49.

[57] Там же. С. 30—31.

[58] Там же. С. 31.

[59] Там же. С. 37—38.

[60] Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 14.

[61] Курские епархиальные ведомости. 1893. № 30. С. 673—675.

[62] Чудотворная икона... С. 6; Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 47—48.

[63] РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25—26 об; Документы из истории Глинской пустыни: Приложение № 3: Копия с копии // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 171.

[64] Чудотворная икона... С. 8.

[65] Там же. С. 21—22. Глинская пустынь. Ч. II. С. 62—63.

[66] Чудотворная икона... 22.

[67] Там же. С. 23—24.

[68] Там же. С. 26—27.

[69] Там же. С. 27.

[70] Там же. С. 28.

[71] Свт. Игнатий Брянчанинов. О Божией Матери // Московский церковный вестник. 1989. № 10 (август). С. 2.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ И ПУТИВЛЬСКИЙ МОЛЧЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (1648—1764)

ГЛАВА II

В XVII — первой половине XVIII века история Глинской пустыни была тесно связана с Путивльским Молченским Рождества Пречистой Богородицы Печерским монастырем, основанным иноками Молченской Рождество-Богородицкой Печерской (впоследствии Софрониевой) пустыни, от которой он и получил свое название.

В отчетах о состоянии Курской епархии начала XX века Путивльский Молченский монастырь назван одним из древнейших, однако точных сведений о времени его основания не сохранилось[1].

По преданию, в Путивле "на посаде в остроге"[2] с незапамятных времен (еще в XV—XVI вв.)[3] находилось подворье Молченской Печерской пустыни с собором во имя Рождества Пречистой Богородицы и храмом во имя Софии Премудрости Божией[4]. Это и был Путивльский монастырь в начале своего существования[5].

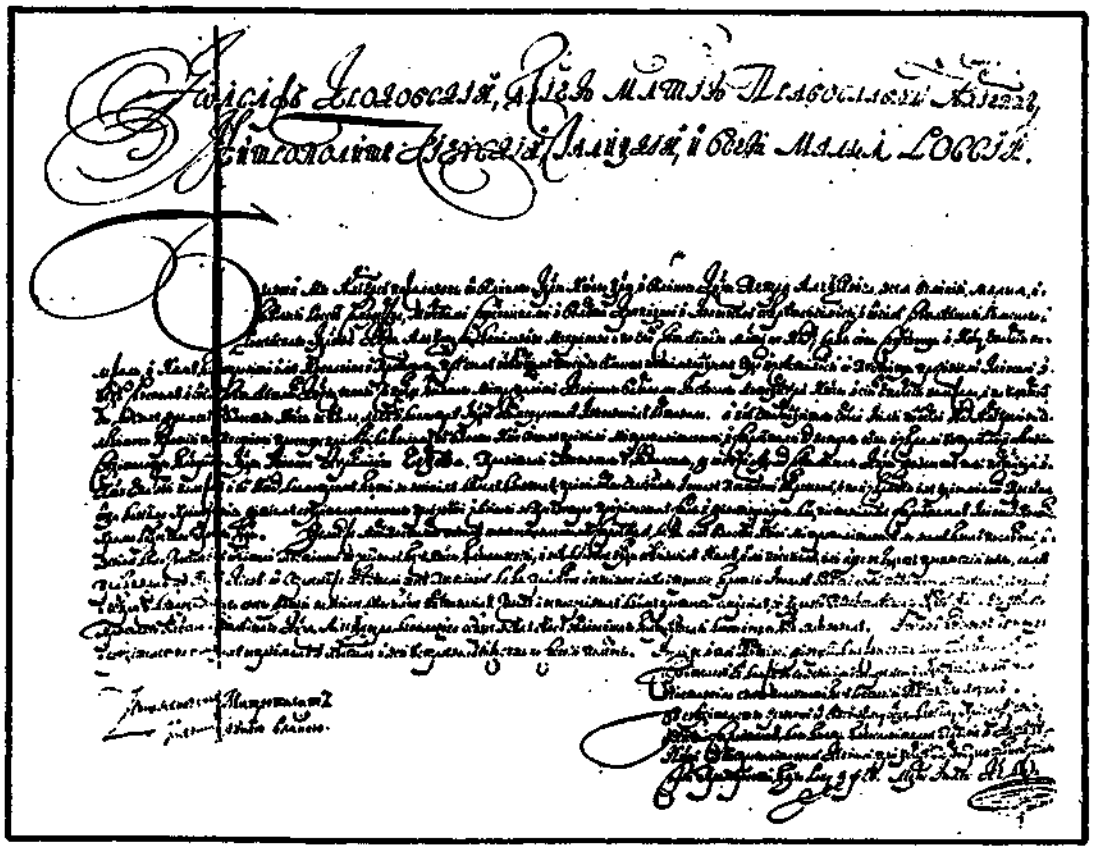
В конце XVI века, когда Молченская пустынь пострадала от набегов татар, началось активное строительство Путивльского Молченского монастыря[6]. В 1605 году, после разорения Молченской пустыни поляками, монахи этой обители оставили ее и переселились в Путивльский Молченский монастырь[7].

С историей Путивльского монастыря связан самый древний документ, в котором впервые упоминается Глинская пустынь. Архимандрит Анатолий (Ключаров) — единственный до нашего времени исследователь древних актов и грамот Глинской пустыни — считал таким документом выпись[8] 1693 года, которая была дана игумену Путивльского Молченского монастыря Гавриилу с братией по указу великих государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича[9]. Однако автору данной работы удалось обнаружить еще более древний документ.

Это "Межевая книга на земли в Крупецкой волости Севского уезда 1685 года"[10] из архива князей Барятинских, которые в XVIII веке стали владельцами Крупецкой волости[11]. "Межевая книга" содержит сведения о том, как в 1685 году по царскому указу писец Лев Кобяков и подьячий Иван Коробов межевали земли в Крупецкой волости. Казначей Путивльского Молченского монастыря иеродиакон Макарий, подтверждая право Путивльского монастыря на владение землями в этой волости, представил им выпись 156 (т. е. 1648) года, данную боярином князем Юрием Алексеевичем Долгоруким, бывшим тогда воеводой[12] и стольником[13] в Путивле. В выписи 1648 года сказано: "дано Путивльского Молченского монастыря Рождества Пречистыя Богородицы Печерския игумену Афанасью с братиею вместо их вотчины села Есмани[14] в Крупецкой волости бортной[15] ухожей[16] укольной[17] Пресвятыя

Богородицы Глинские на оброк... а оброку им велено платить с того бортного ухожья по 15 кривенок меду на год"[18].

По всей вероятности, о замене села Есмани на Глинское ухожье в Крупецкой волости[19] просили сами иноки Путивльского Молченского монастыря. Можно указать несколько причин, побудивших их к такой просьбе. Прежде всего, великая святыня — Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская влекла их к этой местности. Второй причиной был тот факт, что уже к 1633 году "крестьяне сельца Есмани разошлись по городам"[20]. Земли этой вотчины,

находящейся вдали от Путивльского монастыря, некому было обрабатывать; они не могли приносить дохода. Наконец, в те годы в самом Путивльском монастыре было внутреннее нестроение, и получение новой вотчины могло в определенной степени улучшить положение в этой обители[21].

Донесение в Св. Синод
митрополита Киевского и Галицкого
Иоасафа Кроковского
о переводе
Глинской пустыни
в Киевскую епархию. 1715 г.
РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448,
л. 3

В "Межевой книге" сказано также, что в 1685 году солдаты Крупецкой волости подали писцу и подьячему, проводившим межевание, челобитную. Они писали, что Путивльскому Молченскому монастырю дано на их солдатской земле бортное ухожье Глинское и "по тому бортному ухожью владеют того монастыря игумен с братиею всякими их (солдатскими. — *А. И.*) угодьями насильством"[22]. По прошению солдат игумену Молченского монастыря с братиею велено было овладеть бортным ухожьем Глинским, а землей, кроме этого бортного ухожья, "велено владеть Крупецкой волости всем солдатам обще"[23]. Выпись об этом дана игумену Путивльского монастыря Сергию в 1685 году[24].

В 201 (1693) году по указу великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича окончательно было отмежевано в Крупецкой волости Путивльскому монастырю от солдатской земли их "бортное ухожье Пресвятыя Богородицы Глинские"[25] и даны грамота[26] и выпись из разряда[27], подтверждавшие право монастыря на владение этим ухожьем.

Так Глинская пустынь оказалась приписанной к Путивльскому Молченскому монастырю. Для того чтобы правильно понять взаимоотношения этих двух монастырей, следует иметь в виду, что Глинская пустынь с начала XVI в. и до 1648 г. накопила немалый духовный опыт пустынножительства, богатые духовные традиции, которые она стремилась сохранять и приумножать. Всякая же официальная приписка к другому монастырю лишала самостоятельности и приводила к подчинению, исполнению правил жительства другого монастыря. Вот почему Глинская пустынь во все века отстаивала свои права на независимое существование и развитие духовной жизни.

Путивльские иноки владели угодьями Глинской пустыни с 1648 г., но более 40 лет (до 1689 г.) они не совершали в этой обители богослужений. Духовная жизнь Глинского монастыря оставалась независимой. Об этом свидетельствует грамота патриарха Иоакима 197 (1689) г. Сама грамота не сохранилась, но о том, что она была послана, сказано в "Записной печатным пошлинам и грамотам книге" 197 г. следующее: "...марта 3 дня запечатана грамота... в Путивль Борисоглебского монастыря строителю иеромонаху Макарию, по челобитью из Путивля Молченского монастыря игумена Феодосия с братиею. Велено им (игумену Феодосию с братией. — *А. И.*) в Крупецкой волости бортным ухожьем владеть по-прежнему неотъемлемо, а в церкви Рождества Богородицы Глинской служить из Молченского монастыря иеромонахам, а белому попу Петру Дмитриеву и детям его отказать"[28].

В перечисленных документах Путивльского Молченского монастыря содержатся самые древние сведения об административно-территориальной принадлежности Глинской пустыни.

В XVII веке Глинская пустынь относилась к Севскому уезду Крупецкой волости[29] (губерний тогда еще не существовало). В грамоте 1693 года сказано, что Крупецкая волость была "Дворцовой"[30], то есть относилась к системе царского дворцового хозяйства. По-видимому, она стала именоваться "Дворцовой" после 1500 года, когда великий князь Иван III Васильевич присоединил Путивль и его окрестности к Московскому государству.

Что касается епархиальной принадлежности, то в XVI веке Глинская пустынь относилась к Московской митрополичьей области[31]. В

1589 г. была учреждена Патриаршая область, но города Путивль и Севск с уездами отошли к ней по грамоте царя Михаила Феодоровича, данной патриарху Филарету лишь в 1625 году[32]. В конце XVII века в Патриаршей области было две епископии и одна архиепископия — в Севске; к ней относились Севск и Путивль со всеми уездами[33], а следовательно, и Путивльский Молченский монастырь с Глинской пустынью.

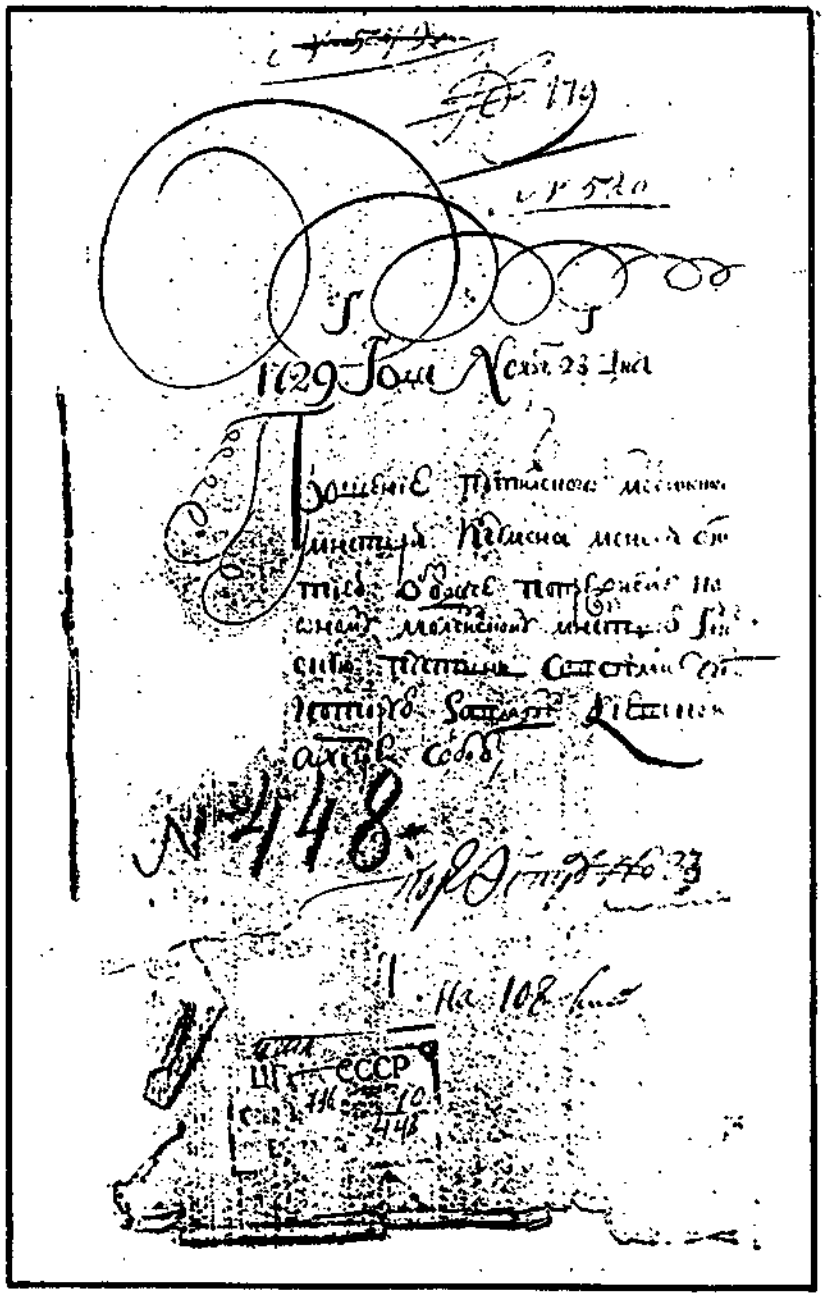
Об истории Глинской пустыни в первой половине XVIII века (точнее, до разделения монастырей по штатам в 1764 году) в литературных источниках содержится совсем мало сведений.

Н. Самойлов уделяет этому богатому событиями времени лишь одну страницу[34], автор книги "Софрониева и Глинская пустыни" — еще меньше[35]. Более подробно описывает указанный период архимандрит Анатолий (Ключаров). Но в своем исследовании он использовал лишь один документ — "Прошение Путивльского Молченского монастыря игумена Моисея с братиею об отдаче по-прежнему Молченскому монастырю Глинскую пустынь со всеми угодьями, которою завладел Киевский архиерей собою" (1729 г.). Поэтому его анализ отличается неполнотой, а иногда и неточностями. Автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891) лишь кратко повторяет (на с. 23—25) анализ архимандрита Анатолия.

Более подробные сведения об истории Глинской пустыни в XVIII веке содержатся в архивных документах того периода, которые нам удалось обнаружить в ЦГИА СССР и ЦГАДА СССР.

В начале XVIII века Глинская пустынь по-прежнему была приписана к Путивльскому Молченскому монастырю. Но затем получила относительную самостоятельность благодаря тому, что 13 декабря 1703 г. император Петр I пожаловал Крупецкую волость со всеми землями, лесами, селами и деревнями украинскому гетману И. С. Мазепе[36]. Преследуя свои политические цели (гетман стремился отделить Украину от России), Мазепа в том же 1703 г. передал Крупецкую волость, а вместе с ней и Глинскую пустынь со всеми угодьями в ведение Киевской епархии[37], хотя Глинская пустынь и не была отделена указом от Путивльского монастыря. В донесении Киевского архиепископа Варлаама Ванатовича, направленном в Св. Синод в 1730 году, сказано: "Мазепа, видя церковь пусту с давних лет стоящу... испросил у Преосвященнейшего митрополита Киевского Варлаама Ясинского благословение собраться на том пустом месте"[38] монахам, и с того времени обитель Глинская была "поручена в досмотр и правление Петропавловского Глуховского монастыря игумену Мелетию Трофимовичу[39] ближайшего ради расстоянья"[40].

Сказанное в донесении о будто бы пустой Глинской церкви, стоящей на пустом месте, совершенно неверно. Архимандрит Анатолий пишет об этом: "Тут, что ни слово, все ложь чистая"[41]. Всего 14 лет прошло с тех пор, как в 1689 году Путивльский Молченский монастырь получил подтверждение на право владения Глинской пустынью и разрешение от Святейшего Патриарха Иоакима на совершение богослужений в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В 1693 году по прошению путивльского игумена это право было еще раз подтверждено. Добиваясь с такой настойчивостью присоединения Глинской пустыни, иноки Молченского монастыря не могли оставить церковь Рождества Пресвятой

"Прошение Путивльского Молченского монастыря игумена Моисея с братиею об отдаче попрежнему Молченскому монастырю Глинскую пустынь со всеми угодьями, которою завладел Киевский архиепископ собою". 1729 г. РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л.1

Богородицы без богослужений. Но главное, не могла остаться "на пустом месте" Чудотворная икона, собравшая Глинских иноков и привлекавшая обильно изливавшейся от нее благодатной помощью множество богомольцев. Приведенные слова из донесения архиепископа Варлаама Ванатовича были использованы лишь для того, чтобы попытаться обосновать отделение Глинской пустыни от Путивльского монастыря и перевод ее в ведение Киевской епархии.

В то время, несмотря на внешние нестроения, иноки Глинской пустыни возрастали и совершенствовались в духовной жизни под покровом Чудотворного образа Матери Божией. К сожалению, неизвестны имена старцев обители XVI и XVII веков. Но автору данной работы удалось установить имена двух Глинских насельников начала XVIII века. Это монахи Иона Суздалец, принявший монашество в Глинской пустыни в день престольного праздника обители, 21 сентября (8-го по ст. стилю) 1704 года, и Моисей Москвитин, постриженный в Глинской пустыни 20 (7) марта 1705 года[42]. Свет духовного назидания и просвещения оба они понесли в другую святую обитель. В 1731 году их имена находим уже в числе монахов Троице-Сергиевой Лавры[43].

В 1708 году, после измены во время Полтавской битвы гетмана Мазепы, все его имущество было конфисковано, а Крупецкая волость[44] указом императора Петра I пожалована князю Александру Даниловичу Меншикову[45].

Во вновь полученной волости князь посещал древнюю Глинскую обитель. Благодатная помощь Чудотворной иконы, целебный источник, благоговейно совершаемые богослужения, высота духа насельников пустыни, сила их старческих советов, глубокая внешняя и внутренняя тишина, царившая в обители, оказали сильное воздействие на его душу. Он стал щедрым благотворителем монастыря и был назван Глинскими иноками первым ктитором пустыни[46].

Известный святостью жизни Глинский настоятель Филарет (Данилевский) в 1837 году в "Высочайше подносимой записке о наделении Глинской пустыни землею из казенных участков" писал: "Генералиссимус Князь Александр Данилович Меншиков, получив в... 1708 году... Крупецкую волость, снабдил сию пустынь землею (по описи 1764 года обитель имела почти 5000 гектаров земли, полученной от Меншикова в вечное владение. — *А. И.*)[47]. Пустынь, владея оною землею, дозволяла селиться на ней пришельцам из разных мест на условии, дабы сии поселенцы услуживали ей за то послушанием в направлении различных работ, от чего впоследствии времени основалась и самая деревня под названием Шутовки, — Сучкино тож, — не принадлежа, впрочем, пустыни ни по какому вотчинному праву"[48]. Таким образом, особенностью Глинской пустыни было то, что, обладая обширным землевладением, она не имела в отличие от других монастырей подданных монастырских крестьян. Кроме того, князь А. Д. Меншиков на свои средства обновил ветхие здания обители[49] и построил в ней храм Вознесения Господня.

Так, в начале XVIII века по милости Божией Матери укрепилось материальное благосостояние обители. Глинская пустынь владела многими землями, имела богатое монастырское хозяйство, в ней подвизалось множество иноков. В донесении 1730 года Киевского

архиепископа Варлаама Ванатовича в Св. Синод сказано, что Глинская пустынь, благодаря дару "князя Меншикова, стала обширнейшая, тогда Преосвященный митрополит Киевский и Галицкий Иоасаф Кроковский повелел ей не до игумена Петропавловского, но до кафедры Киевской належать"[50].

Сам митрополит Иоасаф Кроковский в своем донесении 1715 года в Св. Синод сообщает, что после кончины Киевского митрополита Варлаама Ясинского, последовавшей в 1707 году[51], и до 1715 года Глинская пустынь "под властию Киевской Митрополии не была"[52], а состояла "в досмотре Комендантов Ивановских"[53]. Вероятно, здесь имеются в виду коменданты Ивановской Протопопии[54], находившейся в то время в центре Рыльского уезда и до измены гетмана Мазепы принадлежавшей к его владениям[55].

Далее в донесении Высокопреосвященного Иоасафа Кроковского сказано, что 14 июля 1715 года иноки Глинской пустыни поднесли ему челобитную, в которой просили принять их обитель "под власть Киевского митрополита"[56] и поставить им строителя[57], которого они сами выберут. При этом братия обители представила свидетельство правителя Ивановского и Ямпольского о том, что он с ведома князя А. Д. Меншикова "желает Глинской пустыни в Киевскую епархию належати и под досмотром Киевского митрополита быти во всех делах духовных"[58].

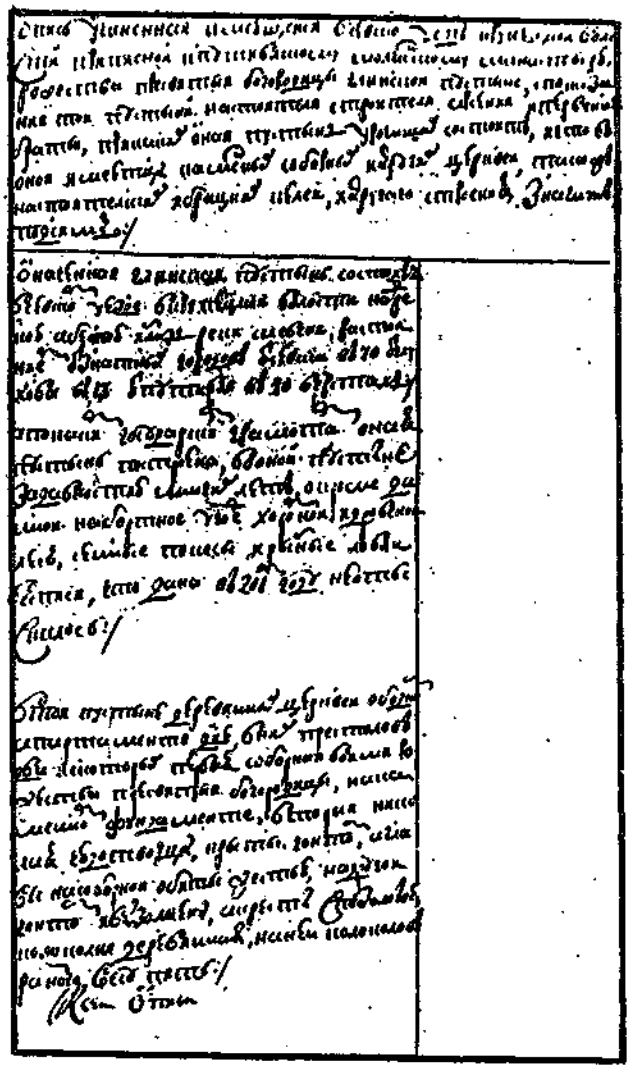
Приняв челобитную иноков Глинской пустыни, митрополит Иоасаф рукоположил во пресвитера "единомысленно ими избранного иеродиакона обители Даниила Хрисанфиевича и поставил его Строителем Глинской пустыни Храма Рождества Пресвятыя Богородицы"[59]. Для подтверждения "власти строительской" митрополит Иоасаф дал о. Даниилу "благословительное писание"[60].

С того времени Глинская пустынь опять находилась в ведении Киевской митрополии.

Донесение митрополита Иоасафа содержит ценные сведения о Глинской пустыни, однако ранее оно не было известно исследователям истории монастыря. Этот документ свидетельствует о том, что к XVIII веку в монастыре уже сложилась прочная духовная традиция, которая в XIX веке была закреплена императорским указом, — выбирать настоятеля из числа братии Глинской пустыни.

Наконец, в донесении митрополита Иоасафа названо имя настоятеля Глинской пустыни начала XVIII века. Это самое древнее из известных нам имен строителей монастыря. До сих пор первым настоятелем, имя которого было известно, считали либо иеромонаха Пахомия[61] (бывшего настоятелем в 1730 г.), либо даже о. Арсения (в 1766 г.)[62]. Достоверность сведений о строителе Даниле подтверждает игумен Путивльского Молченского монастыря Моисей, который в своем прошении в Св. Синод в 1729 году написал, что митрополит Киевский Иоасаф определил строителем Глинской пустыни иеромонаха Даниила[63]. По свидетельству Глинских насельников, "Киевские архиереи положили на них свое милосердие... ни в чем обитель не притесняли"[64], строителей назначали по выбору самих иноков Глинской пустыни, доходов же никаких ни с самой пустыни, ни с ее угодий в Киевскую епархию не поступало[65]." В декабре 1724 года архиепископ Киевский и Галицкий Варлаам освятил антиминс для храма Вознесения Господня в Глинской пустыни. На

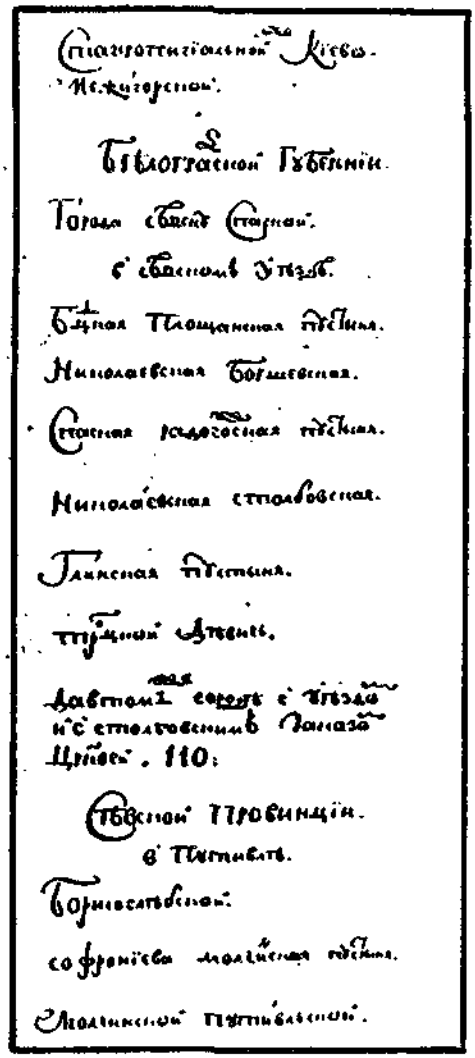
антиминсе вверху была надпись: "Божественный Антиминс, си есть, трапеза священная Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, освятися благодатию Пресвятаго и Животворящаго Духа, благословением же Святейшаго Правительствующаго Синода, рукодействуяся и благословися Православным милостию Божиею Архиепископом Киевским и Галицким Варлаамом". Внизу находилась другая надпись: "Содержащу благополучно скиптр Всероссийския Держави Благочестивейшему Государю нашему Петру Великому, Императору и Самодержцу Всероссийскому в лето от создания мира ≠ЗСДГ от Рождества Христова ме-

Опись Глинской пустыни.
1764 г. (Первый лист).
РГАДА, ф. 280, оп. 3,
д. 154,
л.2

сяца декабря ≠АѰ҃КД дня, воеже на нем священнодействовати Божественные литургии, в храме Вознесения Господня в Глинской пустыни"[66]. Никаких других сведений об этом храме не сохранилось. По всей вероятности, он был построен на пожертвования князя Александра Даниловича Меншикова. Однако через 40 лет в описи церквей Глинской пустыни 1764 года[67] этот храм уже не упоминается (возможно, он сгорел), но антиминс хранился в обители до ее первого закрытия в 1922 году.

Через три года, после освящения храма Вознесения, обитель лишилась своего высокого покровителя. 8 сентября 1727 года князь А. Д. Мен-

Ведомость о монастырях и церквах России за 1743 г. (Фрагмент). РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 105, л. 10 об.

шиков был арестован, а его громадные богатства конфискованы (Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. Т. XIX. СПб., 1896. С. 104). Крупецкая волость перешла в дворцовое ведомство, и Путивльский Молченский монастырь, видя процветание Глинской пустыни, снова попытался присоединить ее.

28 ноября 1729 года в Св. Синод поступило прошение игумена Путивльского Молченского монастыря Моисея с братией о возвращении их монастырю Глинской пустыни[68]. Стремясь присоединить эту обитель, игумен Моисей писал, что иноки Путивльского монастыря, получив в 1648 году вместо села Есмань Глинское бортное ухожье, "построили монастырь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, который называется... Глинская пустынь"[69].

Исходя из этого, архимандрит Анатолий (Ключаров), который весьма подробно излагает указанное прошение, относит основание Глинской пустыни к XVII веку. Он считает, что до водворения в 1648 году Путивльского монастыря в Глинском ухожье здесь не могло существовать ни церкви, ни пустыни[70]. Однако сам же он далее пишет: "...название "ухожье Пресвятыя Богородицы Глинские" существовало уже и прежде водворения здесь Путивльского Молченского монастыря... Местность эта была прославлена особенным явлением Пресвятой Богородицы и с тех пор стала именоваться Глинскою Пресвятой Богородицы... Не существовало ли здесь... монастыря в честь Пресвятой Богородицы?"[71] Но из-за отсутствия в названии Глинского ухожья слова "пустынь" или "монастырь" он дает на этот вопрос отрицательный ответ. Более того, анализируя выпись 1692 года[72], архимандрит Анатолий по той же причине пишет, что Глинская пустынь не существовала даже в 1692 году[73]. Но это явная ошибка.

В выписи 1692 года название "ухожье Пресвятыя Богородицы Глинские"[74] использовано наравне с названием "Глинская пустынь"[75]. Точно так же и в выписи 1693 года употреблены оба эти названия[76], что снимает возражение архимандрита Анатолия о существовании Глинской пустыни в 1648—1692 годах.

Согласиться с мнением архимандрита Анатолия значило бы признать, что Чудотворная Глинская икона почти полтора столетия со времени своего явления в начале XVI века оставалась в лесу без учрежденного при ней пустынножительства, а это невозможно в силу народного благоговения перед святыней. Но более всего опровергают мнение об основании Глинской пустыни в XVII веке Путивльским Молченским монастырем документы как Глинской обители, указанные в I главе (ни в одном из которых эта точка зрения не признается[77]), так и документы Путивльского Молченского монастыря, составленные на основании древних выписей и грамот.

Например, в описи Путивльского Молченского монастыря, составленной в 1764 году офицером Александром Рязанцевым (лицом беспристрастным), сказано, что, по данным выписи 1693 года, Глинская пустынь приписана к Путивльскому монастырю в 1648 году вместо малороссийского села Есмани, "а по какой Государевой грамоте построена Глинская пустынь, о том неизвестно"[78], следовательно, в 1648 году во время присоединения к Путивльскому монастырю пустынь уже существовала.

Таким образом, утверждение об основании Глинской пустыни в XVII веке необоснованно. Вероятно, это мнение сформировалось благодаря приведенным выше словам игумена Моисея из его прошения 1729 года. Подтверждая свое право на владение Глинской пустынью, вместе с прошением он представил в Св. Синод подлинные крепости[79] 1685, 1692 и 1693 годов и подчеркивал, что от Молченского монастыря Глинская пустынь не была отрешена, а передана в ведение Киевского митрополита без указа.

Св. Синод определил Киевскому архиерею Варлааму Ванатовичу также прислать в Синод грамоты, на основании которых Глинская пустынь находилась в ведении его епархии. В конце марта 1730 года от архиепископа Варлаама Ванатовича поступили доношение и копии с пяти различных документов.

Первая копия — с письма братии Глинской пустыни Киевскому архиепископу в ответ на его запрос о грамотах, по которым обитель находилась в Киевской епархии[80].

Вторая и третья копии — с выписей, данных Путивльскому Молченскому монастырю на владение Глинским ухожьем в 1685[81] и 1693 годах[82] соответственно.

Четвертая копия — с писания Киевского митрополита Варлаама Ясинского от 31 августа 1706 года. Митрополит писал, что 8 апреля 1706 года он получил царский указ, по которому церкви волостей, принадлежащих И. С. Мазепе (Крупецкой, Амоновской, Ивановской), переданы в ведение Киевской епархии и "поручены в досмотр" игумену Глуховского Петропавловского монастыря Мелетию Трофимовичу[83].

Пятая копия — с универсала 1706 года гетмана Мазепы, в котором он повелевал всем священникам, диаконам и причетникам принадлежащих ему волостей, в том числе и Крупецкой, быть в повиновении у Киевского митрополита[84].

Среди этих документов наибольший интерес представляет письмо иноков Глинской пустыни. В нем сказано, что все крепости и грамоты, которые были в обители и могли бы подтвердить подчиненность Глинской пустыни Киевской митрополии, в июле 1724 года самовольно взял из Глинской пустыни в свой монастырь игумен Путивльского Молченского монастыря Моисей. Он также забрал церковную утварь и привесы от Чудотворного образа Рождества Пресвятой Богородицы. Об этом ограблении старцы Глинской пустыни направили челобитную в Московскую Духовную Дискатерию (Консисторию. — *А. И.*), но их челобитная не была рассмотрена, а решение по этому вопросу не принято[85]. Возможно, такой поступок игумена Моисея был вызван указом Петра I от 5 февраля 1724 года о присоединении новопостроенных и малобратственных пустыней к большим монастырям[86]. Однако вопрос о присоединении должен был решаться Духовной Дискатерией и епархиальным епископом[87]. Игумен же Моисей поступил самовольно. И самое главное, Глинская пустынь не была тогда ни новопостроенной, ни малобратственной. Вывод о численности братии Глинской пустыни можно сделать на основании письма Глинских иноков к архиепископу Варлааму Ванатовичу. Они писали, что в 1730 году строитель Глинской пустыни иеромонах Пахомий находился в Москве "для прошения у Государыни Царицы Евдокии Феодоровны о необходимых монастырских

нуждах"[88] (сведения о результатах его поездки не сохранились). Поэтому ответ в Киевскую митрополию был составлен и подписан иноками монастыря: иеромонахом Серафимом, монахами Иаковом, Тихоном, Иелинахом, Антонием, Иоасафом, Гедеоном, Варлаамом, Леонидом, Авраамом, Моисеем, иеродиаконом Константином.

Таким образом, в 1730 г. только в числе старшей братии Глинской пустыни вместе с настоятелем было не менее 13 иноков. Кроме того, в монастыре, вероятно, были рядовые монахи, а также рясофорные монахи и послушники (бельцы). Значит, в 30-х годах XVIII века в Глинской пустыни было довольно много насельников, и ее никак нельзя было отнести к малобратственным обителям.

Ответ Глинской братии архиепископу Варлааму Ванатовичу документально подтверждает, что высокодуховная жизнь насельников пустыни привлекала многих благотворителей. Это письмо подписали ктиторы монастыря: священники сел Шалыгино, Стариково, Козино, Крупец, Локоть, деревни Воронок; кроме того, все жители села Крупец, 10 жителей села Шалыгино, 8 — села Стариков, 10 — села Козино, 9 — села Локоть и 8 — деревни Воронок[89]. Все они указывали, что Глинская пустынь состоит "в округе Севского уезда Крупецкой волости, а не Молченского монастыря дача"[90], т. е. не является владением Молченского монастыря.

Наконец, на основании этого письма можно сделать важный вывод о том, что в 1724 году Чудотворная икона находилась уже не на сосне, а в храме Глинской пустыни, и получившие чудесные исцеления оставляли на ней привесы[91], которые и забрал Путивльский игумен Моисей.

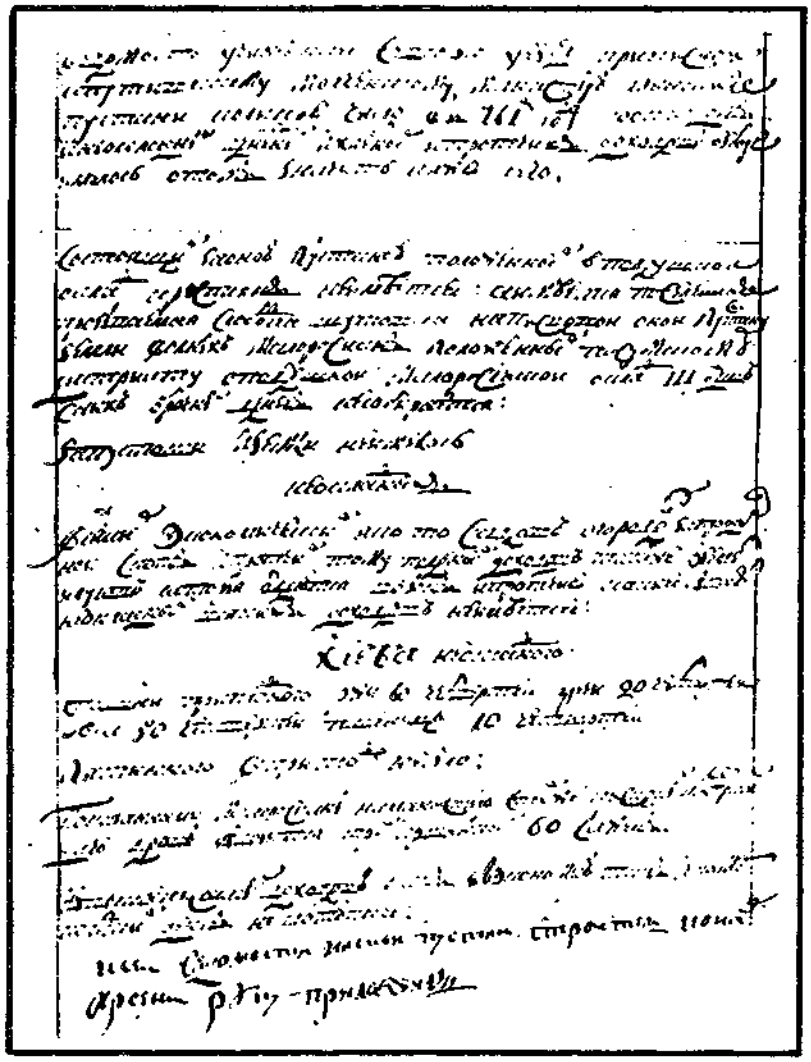
Св. Синод, рассмотрев доношение архиепископа Варлаама Ванатовича, отметил, что, кроме письма Глинских иноков, присланные архиепископом копии "ничьею рукою не скреплены"[92], то есть никем не подписаны и неизвестно, где находятся оригиналы этих копий. На запрос Св. Синода из Духовной Дискатерии поступила справка о том, что никаких крепостей и указов об отделении Глинской пустыни от Путивльского Молченского монастыря и присоединении к Киевской епархии[93], а также указа или грамоты о переводе Крупецкой волости в ведение Киевской митрополии в Духовной Дискатерии не имеется[94]. Не была найдена и челобитная братии Глинской пустыни о разорении их обители игуменом Моисеем в 1724 году[95].

По указу императрицы Анны Иоанновны и по определению Св. Синода от 11 октября 1731 года велено было Глинскую пустынь от Киевской епархии отрешить и передать в ведение Путивльского Молченского монастыря[96] в Синодальную область[97]. "Все имеющиеся в той пустыни строения и всю церковную утварь описать Рыльского Николаевского монастыря игумену Пафнутию и по тем Описным книгам... в... Путивльский монастырь игумену Моисею отдать с распискою"...[98].

Автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" писал, что после присоединения в 1731 году Глинской пустыни к Путивльскому монастырю "история пустыни сокрылась до распределения монастырей по штатам"[99], то есть до 1764 года. Архимандрит Анатолий (Ключаров) также не нашел никаких сведений о Глинской пустыни периода 1731—1764 годов[100]. Однако такие сведения

сохранились, и автору данной работы удалось их обнаружить. Они свидетельствуют о том, что официальное присоединение Глинской пустыни к Путивльскому Молченскому монастырю было лишь внешним, формальным.

Путивльский монастырь не мог подчинить столь большую по масштабам своей духовной и экономической деятельности обитель, которая, под покровом Чудотворной святыни, на протяжении двух предшествующих веков отличалась высотой духовной жизни своих насельников и особыми духовными традициями. Это подтверждают ар-

Ведомость о доходах Глинской пустыни, подписанная строителем монахом Арсением. 1764 г. РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 12

хивные документы, в которых и после 1731 года Глинская пустынь числится самостоятельной. Так, в "Реестре Синодальной области мужским и девичьим монастырям" за 1734 год[101] и "Ведомости о монастырях, бывших в ведении Московских патриархов и отошедших к Синодальной области"[102] за 1738 год наравне с другими обителями Путивльского уезда самостоятельной указана и Глинская пустынь.

В "Ведомости о монастырях и церквах России" за 1743 год Глинская пустынь числится уже в Севском уезде Ставропигальной Киево-Межигородской Белоградской губернии[103], а Путивльский Молченский монастырь отнесен к городу Путивлю.

В "Реестре монастырям 1751—1754 годов" указано, что Глинская пустынь относилась тогда одновременно к Севской и Московской епархии[104], поскольку севские епископы, в ведении которых находилась Глинская пустынь, были в то время викариями московских архипастырей[105].

Оставаясь, по существу, самостоятельной, Глинская пустынь продолжала владеть обширными угодьями. "Молченский монастырь в Путивле... Глинский монастырь в Путивльском уезде были в первой половине XVIII века крупнейшими землевладельцами"[106].

В "Истории Российской иерархии" архимандрит Амвросий (Орнатский) писал, что до 1764 года настоятелями Глинской пустыни были не иеромонахи, а архимандриты и игумены[107], что невозможно в обители, подчиненной другому монастырю.

Об экономической и духовной независимости пустыни свидетельствуют также сведения сохранившейся до наших дней описи Глинской пустыни 1764 года[108]. Это отмечает и архимандрит Анатолий (Ключаров)[109], несмотря на то что в названии описи пустынь официально значится приписанной к Путивльскому Молченскому монастырю.

Опись Глинской пустыни 1764 года относится к числу известных "офицерских описей" 1763—1764 годов. В соответствии с указом Екатерины II от 8 января 1763 г. Коллегия экономии[110] командировала офицеров для описи архиерейских монастырских церковных вотчин. Офицеры представили подробные ведомости о состоянии духовных имений, положенные впоследствии в основу секуляризации[111].

Опись Глинской пустыни составил подпоручик Ростовского пехотного полка Александр Рязанцев и "за подписями настоятеля и первейшей братии пустыни" представил ее в Счетную экспедицию Коллегии экономии 17 июля 1764 года[112].

Этот уникальный документ, содержащий подробные сведения о храмах, землях, насельниках обители, также не был ранее описан ни в одном опубликованном исследовании по истории Глинской пустыни, поэтому мы излагаем его здесь достаточно подробно.

Опись начинается с указания месторасположения пустыни, которая относилась тогда к Белоградской губернии Севской провинции Севского уезда[113]. О времени ее основания сказано, что "за давностью лет" грамот об этом "не отыскалось"[114]. Далее описаны храмы монастыря. В пустыни было тогда две деревянные церкви: соборная во имя Рождества Пресвятой Богородицы (на каменном фундаменте) и храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Крыты они были гонтом[115], главы на соборном храме были обиты жестью и позолочены, кресты на главах

храмов также позолочены. В обители возвышалась деревянная колокольня, с 5 колоколами разного веса[116].

Все остальные строения монастыря также были деревянными, крыты гонтом или дранью[117]. В 1764 г. в Глинской пустыни были настоятельский корпус (19,2 м × 8,5 м) и братский с 8 келлиями (42,7 м × 5,3 м), около настоятельского корпуса располагалась трапезная, за ней кухня, хлебная с погребом и ледником, 6 амбаров, конюшня с чуланом и сараем для конской упряжи (в пустыни было тогда 6 лошадей), 2 больших сарая[118].Уже в то время в обители была гостиница, что свидетельствовало о большом притоке паломников. Двор для приема богомольцев, огороженный плетнем, располагался за деревянной монастырской оградой. В нем — дом с двумя комнатами и сарай. За двором находился монастырский огород.

В 1764 году в Глинской пустыни было 23 насельника: строитель монах Арсений, 2 иеромонаха, 5 монахов и 15 бельцов[119]. Обитель находилась "на собственном иждивении"[120]. В описи сказано: "Как денежного, так и хлебного жалования ниоткуда не производится, а пропитание иноки имеют от подданных малороссиян, живущих на монастырской земле", и от благотворителей[121].

Глинская пустынь имела тогда дачу строительного и дровяного леса, подаренную князем А. Д. Меншиковым, длиной и шириной на 6 верст (4095,5 га. — *А. И.*)[122]. В ней была слободка Шутовка, насчитывавшая 30 дворов (111 душ) вольных малороссиян[123].

Обители также принадлежала пашня длиной 3 и шириной 2 версты (682,75 га. — *А. И.*). Таким образом, в 1764 году землевладение Глинской пустыни было весьма обширным (всего около 4800 га, не считая неудобной земли и сенных покосов. — *А. И.*). В 1761 году с пашни Глинской пустыни было собрано 60 четвертей[124] ржи, 20 четвертей гречихи, 50 четвертей овса и 10 четвертей пшеницы. В Коллегию экономии денег обитель не платила. Глинской пустыни принадлежали тогда также рыбные ловли в реках Клевени и Обесте. Мельницы обитель не имела.

Скотный двор пустыни находился в слободке Шутовке, в нем — две деревянные келлии, сенной амбар и два сарая. В 1764 году скота было немного: 8 коров и 4 подтелки. Рядом со скотным двором располагался небольшой огород (107 × 64 м).

В самой пустыни была устроена пасека на 80 ульев[125].

Опись 1764 года позволяет познакомиться и с внутренним видом храмов монастыря.

В церкви Рождества Пресвятой Богородицы и иконостас был резной, позолоченный, так же как и царские врата. Справа от царских врат располагалась икона Спасителя, на южных дверях — образ Архангела Гавриила, затем Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы в чеканной позолоченной серебряной ризе с привесами. Слева от царских врат — образ Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем, на северных дверях — образ Архистратига Михаила, затем икона Святителя Николая Чудотворца. Перед всеми образами были медные лампады. Во втором ярусе иконостаса располагались иконы двунадесятых праздников, в третьем — апостолов, а в центре — образ Спасителя (перед каждым образом была медная лампада), в четвертом —

иконы пророков. В церкви было медное паникадило, за правым клиросом стоял большой деревянный позолоченный крест[126].

Описание церкви Святителя Николая Чудотворца особенно ценно, так как во время пожара 1769 года эта церковь сгорела и никаких других сведений о ней не сохранилось. Иконостас и царские врата этого храма были резные, позолоченные. Справа от царских врат были иконы Рождества Пресвятой Богородицы, Святителя Николая и Спасителя. Слева — образ Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем, на северных дверях образ Архангела Михаила, затем икона Успения Пресвятой Богородицы. Перед всеми образами были небольшие медные лампады. Над царскими вратами располагалась резная позолоченная сень с образом Спаса Нерукотворенного. Иконостас был четырехъярусный. Во втором ярусе иконостаса — иконы двунадесятых праздников, в третьем — Спасителя и апостолов, в четвертом — пророков. Посредине церкви находилось медное паникадило. Клиросы были некрашеные. В храме имелось два нескладных аналоя, обшитых красным кумачом, и один складной, обтянутый сверху кожей. Престол в алтаре был покрыт голубой тафтой, на нем — покрытое алым бархатом Евангелие (изображения евангелистов были из серебра), напрестольный крест в серебряной оправе. За престолом в резном позолоченном киоте — образ Благовещения. На горнем месте — образ Пресвятой Богородицы. В алтаре были также деревянный жертвенник и большой запрестольный крест[127].

В каждом храме был один потир, дискос, звездица и лжица. Из церковной утвари в пустыни были еще два серебряных и два оловянных блюдца, серебряная тарелка, кадила — одно серебряное и два медных, медная чаша для водоосвящения и оловянное блюдо[128].

Ризница была достаточно богатая. В ней было 13 риз, 7 подризников, 6 стихарей, 5 епитрахилей, 6 пар поручей, 4 ораря, 6 поясов, 7 воздухов, 11 покровцев и пелена[129].

Библиотека Глинской пустыни состояла тогда лишь из 30 книг (в основном богослужебных). Здесь были: Толковое Евангелие, Псалтири, Служебники, Апостол, Минеи месячные, Октоихи, Триоди, Ирмологии, Требники и Пролог[130].

В описании трапезной сказано, что справа в ней стоял резной позолоченный киот с образом Рождества Пресвятой Богородицы, слева был образ Живоначальной Троицы (на полотне). Перед ними теплились лампады (медные) и стояли два жестяных больших подсвечника[131].

Опись 1764 г. подписана строителем Глинской пустыни монахом Арсением и духовником — иеромонахом Иоанном.

Обширное землевладение, налаженное монастырское хозяйство позволяли пустыни в то время существовать безбедно и независимо от Молченского Путивльского монастыря. О процветании духовной жизни в обители и ее богатстве свидетельствует и тот факт, что в 1764 году при распределении монастырей по штатам Глинская обитель "ярко обширнейшая" официально была отделена от Путивльского монастыря, получила полную самостоятельность и оставлена за штатом в числе состоявших на своем содержании монастырей[132], тогда как другие, менее обеспеченные монастыри Севской епархии были упразднены, например Борисоглебский монастырь, приписной к Путивльскому Молченскому[133].

Главное же, в Глинской пустыни процветала духовная жизнь, о чем свидетельствовал умножающийся год от года приток богомольцев. Паломники посещали пустынь с целью укрепить свои духовные силы, получить благословение от старцев и с их благословением начинать новую духовную жизнь. Со всех концов России их влекло в эту обитель не что иное, как Божественная благодать, преизобильно обитавшая в сердцах Глинских старцев, о чем апостол Павел говорит: "Не аз же, но благодать Божия, яже со мною" (1 Кор. 15, 10). Именно этим объясняется тот факт, что Глинская пустынь в этот период была, как и прежде, связующим звеном между Церковью и народом.

Часовня Глинской пустыни при деревне Заруцкой.
Фотография начала XX в.

Примечания

1 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2153, л. 10.

2 Острог – деревянное укрепление в пограничной полосе русских княжеств (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 957).

3 Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909. С. 272.

Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, 1893. С. 33.

4 Грамота царя Феодора Иоанновича 1593 г. марта 23 // Путивльский Молченский Печерский монастырь / Сост. П. Преображенский. Киев, 1877 С. 7.

5 Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 20.

6 РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9581.

Путивльский Молченский Печерский монастырь / Сост. П. Преображенский. Киев, 1877. С. 9.

Деменков Д. Поездка в Путивль // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. 1. СПб., 1838. С. 127.

7 Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой общежительной Софрониевой пустыни. СПб., 1846. С. 11. Златоверховников Н.И. Цит. соч. С. 68.

Во второй половине XVII века Молченская пустынь была возобновлена и стала называться Софрониевой по имени настоятеля Софрония (Батаврина), стараниями которого она получила самостоятельность и отделилась от Путивльского монастыря (Златоверховников Н.И. Цит соч. С. 75).

"Грамота Святейшего Патриарха Иоакима игумену Молченского монастыря Селиверсту с братиею о уступке ими своей монастырской земли в Путивльском уезде Молченской пустыне // РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9617).

8 Выпись – оформленный исходящий из учреждения акт. (ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 1. 1912. С. 70).

9 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 29.

10 РГАДА, ф. 1255, оп. 4, д. 23.

11 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 24.

12 Воевода – в Российском государстве – правитель, во главе полка, города (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 236); градоначальник (Даль В. Толковый словарь живого великоросского языка. Т. I. М., 1955. С. 231).

13 Стольник – дворцовый чин, должность в Русском государстве XIII—XVII вв. Первоначально прислуживал царям во время торжественных трапез.

Позднее стольники назначались на воеводские, посольские и другие должности (Советский энциклопедический словарь, М., 1980. С. 1286).

[14] Село Есмань в Новгородсеверской вотчине было пожаловано Путивльскому Молченскому монастырю царем Михаилом Федоровичем еще в 1615 г. при игумене Пафнутии (Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 562–569).

Однако в "Выписи из писцовых и дозорных книг Рождества Пречистыя Богородицы Молченского монастыря игумену Герасиму с братиею" от 5 февраля 1621 г., в которой перечислены все вотчины этого монастыря, село Есмань не упоминается (РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9583, л. 1–8).

Жалованная грамота, данная царем Михаилом Федоровичем игумену Путивльского монастыря Герасиму в 1621 г., разъясняет, что село Есмань в 1618 г. по Деулинскому миру "отошло к Литве" (Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 562–569; РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9614, л. 5).

Но в 1633 г. "Новгородок у Литовских людей был взят" (РГАДА, ф. 281, оп. 34, л. 9589), а село Есмань возвращено Путивльскому монастырю по грамоте царя Михаила Феодоровича "на бортные ухожья, пахотную землю, рыбные ловли и бобровые гоны в селе Ясмани и в Печерской волости", данной 22 октября 1633 г. игумену Варлааму с братией (РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9589, л. 3).

Переписчики того времени иногда ошибались, называя одно и тоже село Есмань или Ясмань.

Перечисленные сведения о селе Есмань приведены также в "Выписи из отказных книг игумену Молченского монастыря Селиверсту с братией на бортные ухожья, рыбные и звериные ловли в Путивльском уезде" от 28 июля 1677 года (РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9614, л. 1–13).

[15] Борть – колода для пчел, улей (Даль В. Толковый словарь живого великоросского языка. М., 1955. Т. 5. С. 118).

[16] Ухожье – угодье (Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1903, С. 1330); место для бортей; пустошь (Даль В. Указ. соч. С. 526–527).

Бортное ухожье – угодье, где ставили борти на растущих деревьях.

[17] Уколити – огородить кольями, окружить тыном (Словарь церковно-славянского языка, составленный академиком А. Х. Востоковым. Т. I. СПб., 1858. С. 250.

Полный церковно-славянский словарь / Составил священник магистр Григорий Дьяченко. М., 1900. С. 1115.

Словарь академии российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 6. СПб., 1822. С. 935.

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского, Т. 3, вып. 1. СПб., 1903. С. 1180).

Укол – надел, мера земли; укольный – к уколу относящийся (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, Т. 5. С. 483, 481).

Укольное – владение, имение, дача. (Там же. С. 483; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 178).

18 РГАДА, ф. 1255, оп. 4, д. 23, л. 1 об. — 2.

19 Что же представляла собой Крупецкая волость в период присоединения Глинской пустыни к Путивльскому монастырю? Краткие статистические сведения о ее населении содержат путивльские переписные книги 1646 года.

В Крупецкой волости было тогда всего 5 сел и 3 деревни. В самом большом селе Крупец проживало 96 человек, а во всей волости — 242 человека (Составлено автором по сведениям кн.: Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 19).

20 РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9589.

21 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 38.

22 РГАДА, ф. 1255, оп. 4, д. 23, л. 2.

23 Там же, л. 2 об.

24 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, д. 27—27 об.

25 Там же, л. 33.

26 В этой грамоте (1693 года) повторяется содержание выписи 1648 г. (РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 28—33).

27 Разрядный приказ — центральное государственное учреждение в России XVI — нач. XVIII в. Ведал южными районами государства, служилыми людьми, военным управлением, жалованьем дворян.

Именно эту выпись 1693 г. архим. Анатолий (Ключаров) считал самым древним сохранившимся документом, связанным с историей Глинской пустыни.Разряды — правительственные назначения; записи о назначениях (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1110).

28 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 54 об.

Почему же в церкви Глинской пустыни какое-то время совершал богослужения "белый поп", а не иеромонах? По-видимому, это объясняется дивным смирением Глинских старцев, ни один из которых не считал себя достойным священного сана.

В то время иногда даже настоятели монастырей не имели священного сана, как, например, не принял по смирению священства Софроний (Батаврин), известный настоятель Молченской (названной в честь его впоследствии Софрониевой) пустыни. (Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 36).

29 РГАДА, ф. 1255, оп. 4, д. 23, л. 1.

30 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 50.

31 Покровский И. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 1. Казань, 1897. Таблица 1.

32 Там же. С. 173.

33 Там же. С. 361.

34 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни. Ч. I. С. 10—11.

35 Софрониева и Глинская пустыни. С. 18.

36 РГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. IV. № 52.

37 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 79 об.

38 Там же, л. 23 об.

39 Игумен Мелетий Трофимович был преемником Св. Димитрия по управлению Глуховским Петропавловским монастырем, посвящен в 1699 г. (Списки иерархов и настоятелей... С. 524).

40 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 23 об.

41 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 13. С. 58.

42 Ведомость об иеромонахах, иеродиаконах и простых монахах, находящихся в монастырях г. Москвы и его уезде (РГИА, ф. 796, оп. 12, приложение XI, л. 1087).

43 Там же.

44 Впоследствии Крупецкая волость по указу императрицы Анны Иоанновны была пожалована действительному адмиралу, сенатору и кавалеру графу Н. Ф. Головину, от него досталось в наследство супруге генерал-лейтенанта князя Ивана Сергеевича Барятинского – княгине Екатерине Петровне Барятинской (Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 11)

45 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 9.

46 Там же.

47 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154. л. 4–5. В описи Глинской пустыни 1764 г. количество земли указано в верстах.

Пересчет в гектары сделан автором данной работы.

48 РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 4–4 об.

49 Чудотворная икона... С. 14.

50 РГИА, Ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 23 об.

51 Списки иерархов и настоятелей... С. 7; Православная Богословская энциклопедия. Т. 3. Пг., 1902. С. 147.

52 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 3.

53 Там же. Комендантами назывались помощники губернатора (Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Т. IXa, СПб., 1893. С. 840).

54 Киевская епархия делилась на округа, а последние на протопопии (Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Т. XIX. СПб., 1896. С. 470).

55 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 75.

56 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 3.

57 Строитель — настоятель, иеромонах (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. 342).

58 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 3.

59 Там же.

60 Там же.

61 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 86.

62 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 12–13.

63 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 1.

64 Там же, л. 25 об.

65 Там же, л. 23, л. 84 об.

66 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 39–40.

67 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154.

68 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448.

69 Там же, л. 1.

70 Курские епархиальные ведомости. 1886. С. 48. По-видимому, основываясь на мнении архим. Анатолия, авторы некоторых справочных

изданий также относили возникновение Глинской пустыни к XVII в. (Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи... СПб., 1890. С. 116; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899. Ч. II. С. 612), а иногда непосредственно к 1648 г. (Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон". Кн. III. С. 572).

Автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891), который в части описания древних документов обители обычно во всем вторит архим. Анатолию, в данном случае занимает двойственную позицию.

С одной стороны, вслед за Ключаровым он пишет, что до 1648 г., т. е. до середины XVII века, в Глинском ухожье не могло существовать "обители или даже церкви приходской" (с. 16), с другой – справедливо утверждает, что "Глинская пустынь... в конце XVI столетия имела уже церковь и устройство, свойственное пустынножительству" (с. 17).

Вероятно, эта двойственность объясняется как преклонением автора перед авторитетом архим. Анатолия, так и его стремлением к исторической правде.

71 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 34.

72 Выпись 1692 г. была дана стольником и воеводой Путивля князем Никитой Гагариным игумену Путивльского Молченского монастыря Гавриилу с братией в подтверждение их права на владение Глинской пустынью (РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 47 об. – 49 об.).

73 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 34.

74 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 49 об.

75 Там же, д. 47.

76 Там же, д. 28, л. 31 об.

77 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 2.

78 Там же, д. 481, л. 6 об.

79 Крепость – в дореволюционной России акт, документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 659).

80 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25–26.

81 Там же, л. 27–27 об.

82 Там же, л. 28–33.

83 Там же, л. 33 об.–34.

84 Там же, л. 34 об.

85 Там же, л. 25–25 об., 78.

86 Там же, л. 78.

87 Верховский П.В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Коллегия экономии и Канцелярия Синодального экономического правления. СПб., 1909. С. 7, 10.

88 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25 об. В книге "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891) на с. 86–87 сказано, что иеромонах Пахомий ездил в Киев разведывать, "по яким крепостям оная пустынь до Кафедры Киевской приписана". Но это лишь было ему велено в указе от архиепископа Варлаама, а поскольку

строителя Пахомия во время получения указа не было в Глинской пустыни, то отвечала за него братия во главе с иеромонахом Серафимом.

89 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25 об. – 26 об.

90 Там же. Дача – земельный участок, полученный от государства (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 178).

91 Золотые или серебряные пластинки с изображением страждущих членов тела (Чудотворная икона... С. 8).

92 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 78 об.

93 Там же.

94 Там же, л. 71, 73.

95 Там же, л. 36 об.

96 Там же, л. 95–95 об.

В книге "Глинская Рождество-Богородицкая пустынь" (М., 1891) на с. 25 ошибочно указано, что этот указ был от 11 ноября 1731 г.

В "Материалах для статистики Российской империи" (Ч. 1. СПб., 1841. С. 190) и труде Зверинского В.В. "Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи..." (СПб., 1890, С. 116) сказано, что Глинская пустынь была возвращена Путивльскому Молченскому монастырю в 1736 г., однако это утверждение опровергает сохранившийся указ.

97 С учреждением Св. Синода 25 января 1721 г. бывшая Патриаршая область, иначе епархия Московского Патриарха, как епископа, перешла в ведение Св. Синода с наименованием Синодальной области (Верховскмй П.В. Населенные недвижимые имения... С. 156).

98 РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 95–95 об.

99 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 26.

100 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 76.

101 РГИА, ф. 796, оп. 15, д. 305, л. 49.

102 Там же, оп. 19, д. 401.

103 РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 105, л. 10 об. РГИА. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Правительствующего Синода (ф. 796, оп. 24). С. 756.

104 РГИА. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Правительствующего Синода (ф. 796, оп. 35). С. 727.

105 Чудотворная икона... С. 15. Московская епархия была образована 1 сентября 1742 г. (Верховский П.В. Населенные недвижимые имения... С. 156), 18 марта 1743 г. все монастыри Синодальной области были "отданы в ведомство Московскому архиерею" (РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 105, л. 17).

106 Нефедовский Е.Г. Путивль: Историко-краеведческий очерк. Харьков, 1966. С. 29.

107 Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч. III. М., 1811. С. 696.

108 Опись, учиненная имеющейся в Севском уезде Крупецкой волости приписной к Путивльскому Молченскому монастырю Рождества Пресвятыя Богородицы Глинской пустыни // РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 2.

109 Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 77–78. Архимандрит Анатолий пишет, что в этой описи "строитель Глинской

пустыни Арсений ни одним словом не упоминает о зависимости Глинской пустыни от Путивльского Молченского монастыря".

110 Коллегия экономии была учреждена в 1726 г. для управления духовными имениями, в 1744 г. она была упразднена, а в 1762 г. возобновлена Екатериной II. Все церковные вотчины из духовного ведомства были переданы в Коллегию экономии (Иванов П. Описание государственного архива старых дел... М., 1850. С. 45–46; Верховский П. В. Населенные недвижимые имения... С. 345).

111 Иванов П. Указ. соч. С. 49.

112 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 1.

113 Там же; Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1839. Т. 1. С. 51. В 1719 г. при разделении России на 11 губерний, Севская провинция была отнесена к Киевской губернии, а с 1732 г. относилась к Белоградской (Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества и Верхней Расправы прокурором. М., 1786. С. 33).

114 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 1.

115 Гонт (пол. gont), кровельный материал – клиновидные дощечки с продольным пазом в толстой кромке (торце). При устройстве кровли узкая кромка одной дощечки вставляется в паз другой (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 326).

116 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 1.

117 Драньё (дранка) – тонкие деревянные планки (дощечки) для обивки стен или для устройства кровли. (Советский энциклопедический словарь. М., 1980, С. 415).

118 Все размеры в описи даны в саженях. Сажень = 2,1336 м (Советский энциклопедический словарь, М., 1980, С. 1170). Пересчет в метры сделан автором.

119 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 3 об. Для сравнения: по аналогичной описи на 23 марта 1764 г. в Путивльском Молченском монастыре был настоятель – игумен, а также 5 иеромонахов, 1 иеродиакон и 6 монахов, всего 54 насельника (Там же, д. 481, л. 4–4 об).

В Белогородском Николаевском монастыре в 1763 году числилось 17 монашествующих, в Курском Знаменском (вместе с приписными пустынями, в том числе Коренной) – 46. (Лебедев А. Вотчинный быт монастырей Курского Знаменского и Белогородского Николаевского (по архивным документам). Харьков, 1892, С. 29, 36).

В Обоянском Знаменском монастыре в 1762 г. было 9 монашествующих и послушники (Курские епархиальные ведомости. 1882. № 6. С. 358).

120 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 3 об.

121 Там же.

122 Верста = 1,0667 км (Советский энциклопедический словарь. М., 1980, С. 213).

123 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 4, 12.

124 Четверть – русская мера объема сыпучих тел = 209,91 л. (Советский энциклопедический словарь. М., 1980, С. 1503).

125 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 4–5.

126 Там же, л. 6–6 об.
127 Там же, л. 7–7 об.
128 Там же.
129 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 7 об – 10.
130 Там же, л. 10 об.
131 Там же, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 7 об.
132 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 63.
133 РГИА , ф. 1355, оп. 1, д. 633, л. 634.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (1764—1817)

ГЛАВА III

Во второй половине XVIII века огромное влияние на жизнь всех русских монастырей оказала проводимая Екатериной II политика секуляризации[1] монастырских земель, то есть передача их из духовного ведомства в ведение государственного светского учреждения — Коллегии экономии. По узаконению от 20 февраля и "Духовным штатам" от 26 февраля 1764 года у монастырей были отобраны их вотчины, а на содержание обителей назначены штатные оклады по трем классам. Безвотчинные монастыри либо упразднялись, либо были оставлены "на своем содержании" (за штатом). В результате секуляризации произошло огромное сокращение числа монастырей и монашествующих. По итогам 1764 года из 954 монастырей более половины (569) были упразднены, за штатом оставались 161[2]. Попытки выступлений против секуляризации отдельных представителей духовенства, например Арсения Мацеевича, были обречены на провал[3]. В 1786 году узаконение 1764 года распространилось на Малороссию, а в 1788 году — на Харьковскую, Воронежскую, Екатеринославскую губернии и Курское наместничество. (Курское наместничество было учреждено в 1779 году, и Глинская пустынь вошла в состав его Путивльского уезда[4].)

До сих пор исследователи истории Глинской пустыни считали всю вторую половину XVIII и начало XIX века временем упадка материального благосостояния обители[5], когда положение ее было плачевным[6].

Однако обнаруженные нами документы[7] с полным основанием позволяют разделить этот период еще на два: предсекуляризационный (1764—1788) — период не только достатка, но даже некоторого улучшения благосостояния обители, и послесекуляризационный (1789—1817) — период действительно резкого ухудшения материального положения Глинской пустыни и сокращения числа ее насельников. Однако упадок коснулся лишь хозяйственной, но никак не духовной жизни обители, которая никогда не ослабевала, а, напротив, непрерывно возрастала.Как для первого, так и для второго периода характерна частая смена настоятелей (сведения обо всех настоятелях Глинской пустыни сохранились, начиная с 1764 года).

Архимандрит Амвросий (Орнатский) в "Истории Российской иерархии" писал, что настоятельство в Глинской пустыни "...с 1764 года и доныне (то есть до 1811 года. — *А. И.*) продолжается строительское"[8].

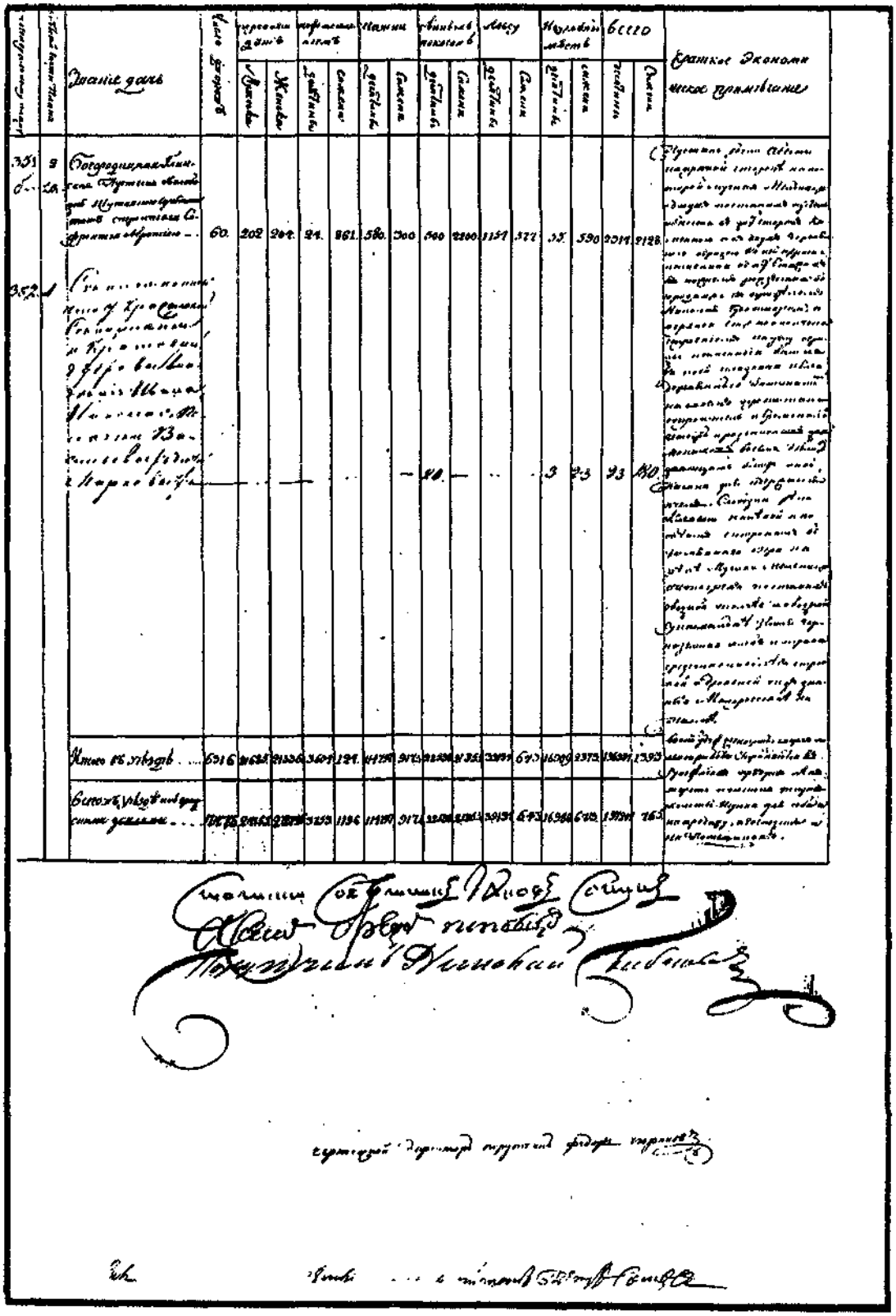
В описываемый период почти все строители Глинской пустыни не имели возможности всецело заботиться об обители, поскольку, как правило, больше находились при домах епархиальных архиереев, исполняя должности экономов и судей консисторских[9].

С 1764 по 1767 год настоятелем Глинской пустыни оставался *строитель Арсений*[10], который в 1766 году был уже иеромонахом и одновременно исполнял должность эконома Севского архиерейского дома при епископе Тихоне (Якубовском)[11].

Уделяя основное внимание духовно-нравственной жизни, иноки Глинской пустыни стремились избрать настоятеля из среды братии обители. Их выбор пал на смиренного подвижника благочестия *иеромонаха Севастиана*. Лишь ради послушания в 1767 году он принял настоятельскую должность, но все-таки не смог соединять свою духовно-созерцательную жизнь с внешним попечением о жизни монастыря и через год удалился на безмолвие в Площанскую пустынь[12].

Более продолжительное время, с 1768 по 1773 год, строителем Глинской пустыни был *иеромонах Гаий*[13]. Во время его настоятельства слух о многочисленных исцелениях от Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и цельбоносного источника дошел до Преосвященного Кирилла (Флоринского), епископа Севского и Брянского (1768—1779)[14], в ведении которого находились тогда Путивльский Молченский монастырь и Глинская пустынь. Он пожелал иметь эту святыню в своем городе Севске, для чего и послал в пустынь своих близких людей, которые бы доставили ему Чудотворную икону, что по его повелению и было сделано. Большая скорбь охватила тогда братию Глинской пустыни. Архиерей же, приняв икону, велел поставить ее в своем кафедральном соборе. Но не угодно было это новое место Матери Божией. И каково же было удивление архиерея, когда утром не оказалось в соборе Чудотворной иконы Пустынно-Глинской. Он снова послал в пустынь, чтобы привезли икону. И когда посланные вторично приехали на то место, они увидели образ Рождества Пресвятой Богородицы на той же сосне, где явился он прежде. И на сей раз икону привезли епископу. Но, вопреки человеческому разуму, Чудотворный образ снова возвратился на ту же сосну в Глинскую пустынь. Так было до трех раз. Тогда, видя чудесное действие Божией Матери, Преосвященный Кирилл не осмелился более брать икону с места явления и приказал оставить ее на прежнем месте[15]. Сам же, благоговея перед святыней, начал посещать Глинскую пустынь. Впервые он приехал в обитель в 1769 году, через четыре месяца после пожара: в пустыни полностью сгорел теплый храм во имя Святителя Николая Чудотворца, когда из обители была увезена Чудотворная икона. Вместе с храмом сгорели колокольня, 5 колоколов и весь архив обители[16]. Удалось спасти лишь церковную утварь и иконостас[17]. В обители тогда оставалась только первоначальная деревянная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, в которой и совершалось богослужение. В 1770 году была заложена каменная

Сведения о землевладениях
Глинской пустыни.
Экономические примечания
на 352 дачи Путивльского
уезда. 1784 г.
(Фрагмент).
РГАДА, ф. 1355, оп. 1,
д. 633, л. 36 об.

Названия дачь	Число дворов	пахотная дача: Мужеска пола	пахотная дача: Женска пола	сенокосная: мужеска пола	сенокосная: женска пола	лесная: мужеска пола	лесная: женска пола	нужная земля: мужеска пола	нужная земля: женска пола	Лесу: мужеска пола	Лесу: женска пола	Нужной земли: мужеска пола	Нужной земли: женска пола	Всего: мужеска пола	Всего: женска пола	Краткое Экономическое примечание
Богородицкаго Глинскаго Пустыни своей дачи Пустынь обитель стоячих с братии обретаю...	60.	202	204	94.	861.	580.	300	600	2200	1151	377	35	590	2211	3128	Пустынь сия обитель старинной старой постройки пустынь Медынскаго уезда построенная пустынником Иоанникием от убегающей отсюда на двадцать верст Черноземной отрасли от Смоленской дороги...
Сия пустынь монастырь Калужской Епархии Боровскаго уезда Ивановскаго стана от Калуги 43 от Боровска 18	—	—	—	—	—	—	—	40	—	—	—	3	93	93	140	
Итого по угодьям	6516	6638	6536	3609	1291	4178	917	21336	8358	33991	693	16099	2375	13699	1393	
Всего угодьев с нашею землею	10678	8840	8840	5253	1196	11190	917	33696	8358	39151	693	16988	670	13792	763	

Настоящей описи Глинской Пустыни сочинил

Игумен Иоанникий Гнедовской

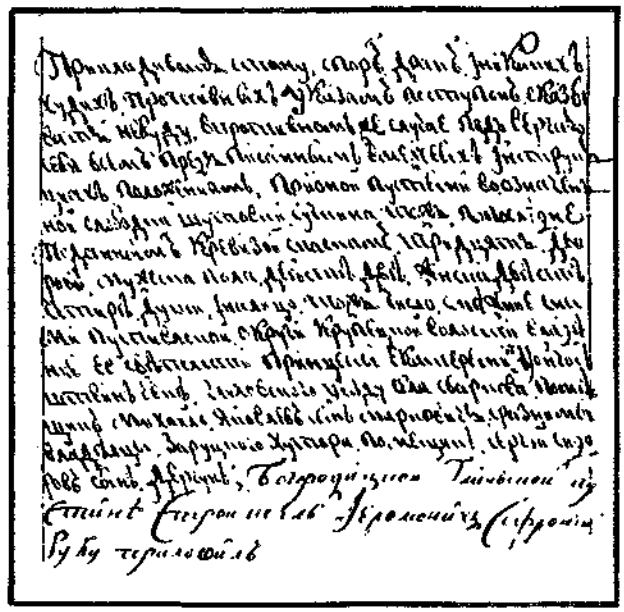
Пустынь Духовник Иеромонах Гедеон

Сургучной Пустынной печати оттиск

Ключарь ... Иеромонах Евфимий

двухэтажная церковь Рождества Пресвятой Богородицы[18]. Преосвященный Кирилл активно содействовал построению первого каменного храма на месте сгоревшего[19], а также созиданию монастыря. Он полюбил это уединенное святое жительство и часто приезжал сюда для душевного назидания[20].

Все заботы, связанные с началом строительства этого соборного храма, взял на себя строитель Гаий, который имел неусыпное попечение об успехе этого святого дела, его трудами начавшегося. Однако по Промыслу Божию ему не суждено было увидеть окончание этого строи-

тельства. В 1773 году строитель Гаий мирно скончался в Глинской пустыни[21]. До последних дней жизни он ревностно заботился о благоустройстве обители, о сооружении храма. Об этом свидетельствует и завещение о. Гаия, по которому он оставил все свое небольшое имущество на построение каменной церкви в Глинской пустыни[22].

Его преемником в 1774 году был назначен *иеромонах Софроний* (Хижняков)[23]. По указу епископа Севского и Брянского Кирилла 29 октября того же года он освящал зимний придел Святителя Николая в строящемся храме Рождества Пресвятой Богородицы[24]. До перевода в Глинскую пустынь о. Софроний с 1770 года исполнял должность настоятеля в Софониевой Молченской пустыни, братия которой любила и почитала его[25].

Полевая записка о межевании земель Глинской пустыни, подписанная строителем иеромонахом Софронием (Хижняковым). 1784 г. (Фрагмент). РГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939, л. 2 об.

В 1776 и в начале 1777 года, будучи строителем Глинской пустыни, он одновременно исполнял должность строителя Софрониевой обители[26]. Поэтому некоторые авторы считают, что о. Софроний уже с 1776 года не управлял Глинской пустынью[27]. Однако в найденном нами рапорте епископа Севского и Брянского Кирилла в Св. Синод от 21 сентября 1777 года сказано, что строитель Глинской пустыни иеромонах Софроний лишь 20 сентября 1777 года снова переведен из Глинской в Софрониеву пустынь и утвержден ее строителем[28].

После его перемещения должность настоятеля Глинской пустыни совсем короткое время исполнял *иеромонах Пантелеимон*, а затем *иеромонах Арсений*, строитель Мценского Петропавловского монастыря[29]. Из этого монастыря он в течение двух лет и управлял пустынью. Но уже в 1779 году о. Софроний (Хижняков) снова был возвращен в Глинскую обитель на должность строителя[30].

Опытный духовный наставник, о. Софроний прежде всего заботился о возрастании духовно-нравственной жизни в обители. Он никому не дозволял уклоняться в своеволие и всеми средствами поддерживал установившийся в обители порядок — ничего не делать без благословения старцев.

Отец настоятель вверял их спасительному руководству всех новопостриженных и новопоступивших. Внимательно относился он к присылаемым в обитель епитимийцам[31], поручал в повиновение опытным подвижникам и следил за их исправлением.

Исцеления от Чудотворной иконы во время его настоятельства увеличивали приток богомольцев в обитель и были записаны впоследствии игуменом Филаретом (Данилевским). Одно из таких чудес, происшедшее с путивльской помещицей, описано в I главе.

Духовная мудрость позволила о. Софронию и внешне благоустроить обитель. Особенно много сил уделял он строительству первого каменного храма в обители. Глинская пустынь год от года духовно возрастала и привлекала множество богомольцев. Видя подъем духа братии этой обители, они стремились помочь ей в строительстве храма.

В мае 1781 года двухэтажная каменная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы (с приделом Святителя Николая) была освящена[32]. Однако из документов обители следует, что строительство храма в то время еще не было завершено[33], как утверждают некоторые исследователи[34].

В составленном во время генерального размежевания земель 1784—1785 гг. "Камеральном экономическом примечании к Генеральному плану Курского наместничества Путивльского уезда" сказано, что в те годы не было закончено[35] строительство верхнего этажа каменной церкви Глинской пустыни, не была построена также и каменная колокольня соборного храма.

Второй этаж церкви и колокольня впервые упоминаются в описи церковной утвари и ризницы Глинской пустыни 1789 года, где сказано, что каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы имеет два придела: "Внизу Николая Чудотворца, а наверху Преображения Господня, при оной же церкви и колокольня каменного здания, на ней пять колоколов"[36].

В этой же описи сказано, что антиминс церкви Рождества Пресвятой Богородицы был освящен в 1786 году[37]. Возможно, в том же году окончательно закончилось строительство всего храма и колокольни.

В храме Глинской пустыни и его приделах иконостасы были деревянные, резные, позолоченные, иконы украшены серебряными ризами и венцами, половина церковных сосудов также были серебряными. Посреди храма Рождества Пресвятой Богородицы и Николаевского придела помещались паникадила. В конце XVIII и начале XIX века соборный храм с приделами и колокольня были покрыты черным сибирским железом[38]. Эти сведения полностью опровергают мнение тех авторов, которые писали, что "в конце XVIII века на втором этаже каменной церкви Глинской пустыни был храм Вознесения"[39], а храм Рождества Пресвятой Богородицы "не имел надлежащего благолепия и в течение полустолетия до 1823 года был крыт тесом"[40]. Утверждение о бедности храма основано на предположении о том, что обитель находилась в тяжелом экономическом положении уже в 70-х — 80-х гг. XVIII века.

Однако материалы, содержащие сведения о владениях и хозяйстве Глинской пустыни в период генерального размежевания земель[41], свидетельствуют о том, что до 1789 года обитель была достаточно обеспечена. Межевание земель Глинской пустыни проводил в июле 1784 года путивльский землемер прапорщик Антон Касков. Особый интерес представляют составленные им полевая записка о ходе межевания[42], экономические примечания[43] и специальный геометрический план[44] Глинской пустыни, содержащие подробные сведения об обители и ее владениях; на этих документах сохранилась подпись настоятеля Глинской пустыни иеромонаха Софрония (Хижнякова).

В 1784 г. в имении монастыря состояло:

пашенной земли 580 десятин[45] 300 саж.	(632,3 га),
сенных покосов 500 десятин 2200 саж.	(546 га),
леса строевого и дровяного 1154 десятин 577 саж.	(1258,1 га),
неудобной земли 55 десятин 590 саж.	(60,2 га),
в том числе:	
под болотом 19 десятин 1080 саж.,	
под проселочными дорогами 5 десятин 200 саж.,	
под поселением 24 десятины 861 саж.	(26,6 га)
Всего земли 2314 десятин 2128 саж.	(2523,2 га)[46].

Во владении пустыни состояла тогда земля, пожалованная как князем А. Д. Меншиковым, так и другими благотворителями[47].

Сокращение землевладения Глинской обители по сравнению с 1764 годом было вызвано, по-видимому, началом секуляризационной правительственной политики в Курском наместничестве. Уменьшились (более чем в три раза) площади, занимаемые лесом, пахотные же земли сократились незначительно.

Однако по сравнению с другими монастырями землевладение Глинской пустыни по-прежнему оставалось достаточно обширным. Например, оно было почти в три раза больше землевладения

Софрониевой пустыни, которая владела тогда лишь немногим более 800 десятин земли[48]. Путивльский Молченский монастырь по штатам 1764 года был отнесен к 3-му классу и к 1784 году был вовсе лишен всех своих вотчин[49], так же как и Коренная Рождество-Богородицкая пустынь, расположенная недалеко от Курска[50].

Во владении Глинской пустыни лес рос строевой и дровяной. Строевой лес: дубовый, березовый, кленовый, сосновый (высотой "от 7 до 10 сажен") был пригоден "для строевого и корабельного поделия"[51]. Вдоль сенных покосов — лес ореховый, ольховый, лозовый и ракитовый. В лесах водились медведи, волки, лисы, горностаи, лоси, дикие козы, белки, зайцы; из птиц больше всего было ласточек[52]. На пахотных землях сеяли, как правило, рожь, овес, гречиху[53]. Землями Глинской пустыни пользовались иноки и черкасы[54] — вольные крестьяне, жившие в принадлежавшей обители слободке Шутовке. Крестьяне занимались хлебопашеством, женщины, кроме полевой работы, пряли лен, шерсть, поскань, ткали холсты и сукно "для своего обихода и на продажу"[55]. Эти люди пользовались всем необходимым в своей духовной жизни и хозяйственной деятельности от монастыря. Об улучшении их благосостояния свидетельствует то, что по сравнению с 1764 годом число дворов в слободке удвоилось и теперь в 60 дворах числилось "душ мужских — 202, женских — 204"[56].

За 20 лет иноки усовершенствовали и хозяйство монастыря. Рядом с пустынью был устроен пруд; на нем поставили "мучную мельницу о двух поставах[57]. За помол здесь собиралось разного хлеба до ста четвертей в год[58]. Вторая мельница была устроена при слободке Шутовке. На ней было 4 постава, толчея и сукновальня. Доход от этой мельницы составлял 200 четвертей разного хлеба и 5 четвертей пшена в год, кроме того 5 рублей с сукновальни[59]. Обитель по-прежнему владела рыбными ловлями. В реке и заливах иноки и крестьяне ловили судаков, лещей, голавлей, а в озере — щук, окуней, плотву, ершей[60].

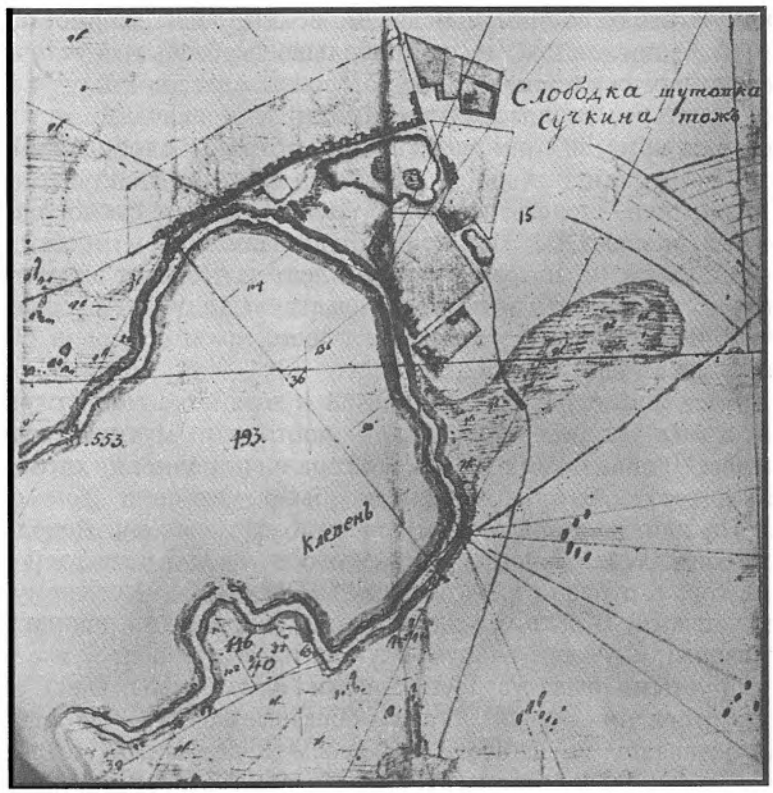
Близ пустыни была устроена пасека. Кроме меда, здесь собирали воск для изготовления свечей[61]. Таким образом, в 1764—1785 гг. Глинская пустынь, оставаясь за штатом, на своем содержании, была вполне обеспечена всем необходимым и оказывала не только духовную, но и материальную помощь жителям ближайших селений и богомольцам.

Более того, в этот период иноки во главе с настоятелем имели средства и возможность благоустроить обитель: они не только возвели первый каменный двухэтажный храм, крытый железом (а не гонтом, как ранее), но и обнесли пустынь с северной и восточной стороны каменной оградой, на углу которой была построена каменная башня, а в ней кладовая для хранения церковных денежных сборов[62]. Кроме того, построили еще 4 новых здания (если в 1764 г. в Глинской пустыни было 17 строений, то в плане 1783 года значится уже 21)[63], устроили, как уже было сказано, пруд и 2 мельницы.

Труды настоятеля о. Софрония (Хижнякова) не ограничивались заботой о внешнем благоустройстве обители, обеспечении братства одеждой и трапезой. Главное внимание старца было обращено на духовное воспитание монашествующих и нравственную их поддержку. О возрастании духовной жизни братства Глинской пустыни свидетельствует стремление других подвижников попасть в эту обитель.

По сравнению с 1764 годом число монашествующих Глинской пустыни удвоилось, а число послушников возросло до 20. В 1784—1785 годах в монастыре было уже 35 насельников[64]. (Среди них — священник Глинской пустыни Василий Ефимов, подпись которого находим в полевой записке землемера Антона Каскова. Отец Василий приводил к присяге понятых во время генерального межевания земель[65].)

Отец Софроний тщательно заботился о благочинии богослужения. Теперь, когда в обители было 5 иеромонахов и 2 иеродиакона, церков-

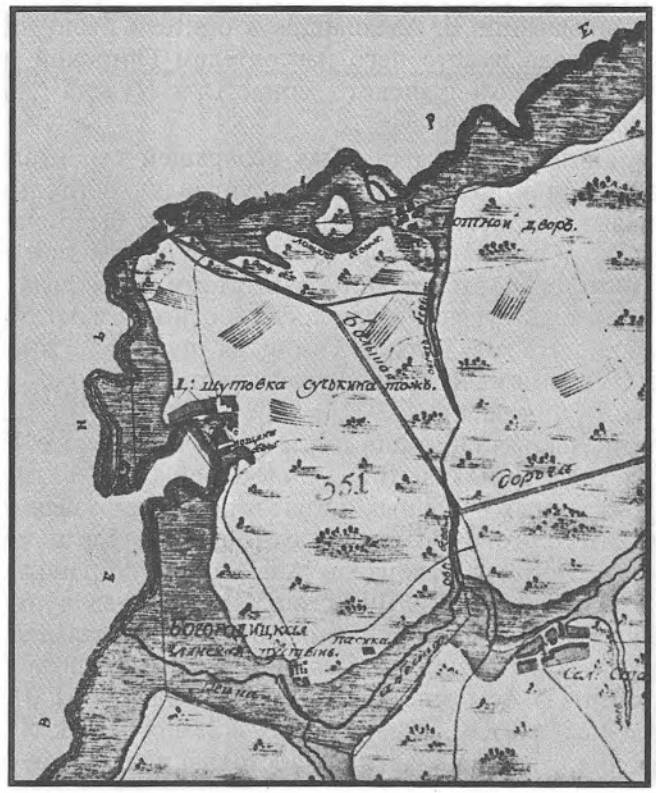
ные службы стали отличаться большей торжественностью и стройностью, что увеличивало приток богомольцев в монастырь.

Ревностно потрудившись на благо Глинской пустыни почти десять лет, иеромонах Софроний (Хижняков) мирно скончался в обители в 1786 году[66].

4 сентября 1786 года настоятелем Глинской пустыни был определен *иеромонах Вениамин* — эконом при архиерейском доме епископа Севского и Брянского Феоктиста (Мочульского)[67]. Во время его настоятельства Глинская пустынь в 1787 году была переведена из Севской епар-

Геометрический план Богородицкой Глинской пустыни. 1785 г. (Фрагмент). Слободка Шутовка. РГАДА, ф. 1354, оп. 219, Б-20"к"

хии в Белоградскую[68], при нем же обитель лишилась всех своих владений. 25 апреля 1788 года последовал указ о распространеии узаконения 1764 года, об отобрании монастырских вотчин на Курское наместничество[69]. Земли и имущество Глинской пустыни были описаны "со стороны гражданского правительства"[70], а в 1789 году у обители была "отобрана вся земля в Казенное ведомство"[71]. Теперь Глинская пустынь действительно находилась в крайне стесненном материальном положении, которое усугублялось еще более частой сменой настоятелей.

Иеромонах Вениамин оставался строителем Глинской пустыни около трех лет[72]. В 1789 году его преемником стал *иеромонах Поликарп*, но он управлял обителью только 4 месяца и был уволен от этой должности[73].

В 1790 г. Преосвященный Феоктист повелел обратиться к живущим в Старо-Харьковском Преображенском монастыре двум безместным игуменам Исаии и Гавриилу с предложением управлять кому-либо из них Глинской пустынью. *Игумен Гавриил*, находившийся на покое, изъявил на это желание и 11 февраля 1790 г. был утвержден в

Атлас Путивльского уезда Курской губернии. 1785 г. (Фрагмент). Богородицкая Глинская пустынь. РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 1964

должности настоятеля Глинской обители. Но через два с половиной года в ночь с 12 на 13 октября 1792 г. в келлию его ворвались разбойники, "опустошили ее", а сам о. Гавриил едва "успел бегством спастись от их лютости"[74], после чего он отказался от управления пустынью и удалился в Рыльский Николаевский монастырь[75].

В 1793 г. епископ Феоктист определил настоятелем Глинской пустыни строителя бывшего Волновского Троицкого монастыря иеромонаха Александра (Проворова)[76]. В течение одиннадцати лет лет (с 1793 по 1804 год) его назначали настоятелем Глинской пустыни четыре раза. Первое пребывание о. Александра в обители было недолгим. Уже 11 октября 1794 года вместо него настоятелем Глинской пустыни стал игумен Путивльского Молченского монастыря *Паисий*[77], управлявший обителью до 17 февраля 1796 года.

Затем в Глинскую пустынь был возвращен строитель иеромонах Александр (Проворов). На этот раз он управлял обителью почти три года. Материальное положение пустыни в те годы было очень тяжелым. Земли не было, обитель пользовалась только лесом при монастыре[78], монашествующих, в соответствии со штатами 1764 года, было всего лишь семь[79]. Обитель существовала тогда в основном на пожертвования благотворителей. Но не только Глинская пустынь, многие русские монастыри в то время бедствовали в результате секуляризации, большая же их часть была упразднена.

Улучшение наступило лишь после указа императора Павла I от 18 декабря 1797 года о наделении монастырей 30 десятинами земли, мельницей из казенных оброчных статей и рыбными ловлями[80].

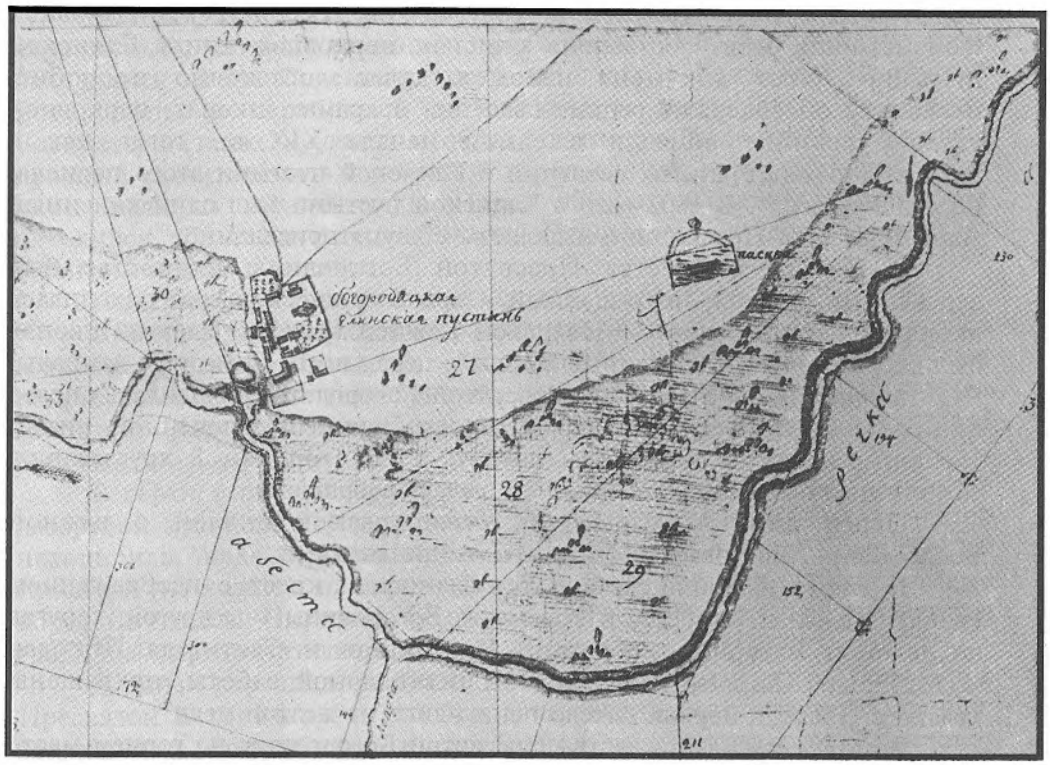
Исполнение этого указа в отношении Глинской пустыни задерживалось. Поэтому строитель Александр направил в 1798 году прошение Преосвященному Феоктисту об "определении Глинской пустыни земли, мельницы и рыбной ловли"[81]. Казенная палата выделила обители "в трех местах весьма невыгодной чресполосности"[82] 36 десятин 494 сажен земли, в том числе удобной 22 десятины 1398 сажен, а остальная под поселением и неудобная[83]. Земля эта к хлебопашеству была непригодна, так как часть ее состояла под лесом, а остальную занимало обширное болото, заросшее кустарником[84].

Император Павел I даровал Глинской пустыни в Путивльском уезде в 30 верстах от обители при селе Новая Слобода водяную мельницу с 14 десятинами земли под нею и рыбную ловлю в пруде у мельницы[85]. По указу Курского губернского правления 20 мая 1798 года Путивльский земский суд передал мельницу во владение Глинской пустыни[86].

Из 14 десятин земли, находящейся у мельницы, только полдесятины, состоящей под усадьбой, не было покрыто водой, так что даже не было места для выемки земли, необходимой для удержания гати[87], часто повреждавшейся от прогона крестьянского скота и от проезда богомольцев в Софрониеву пустынь.

Из-за отдаленности мельницы от обители потребность в дровах для отапливания келлий, в хворосте и соломе для гати удовлетворялась лишь за счет покупки всего необходимого у крестьян[88]. По императорскому указу от 18 декабря 1797 года обитель стала получать на свои нужды из казны 300 руб. милостынного подаяния в год[89].

Положение монастыря несколько улучшилось, но в ноябре 1798 года опять последовала смена настоятелей. Иеромонаха Александра перевели строителем в Обоянский Знаменский монастырь, а в Глинскую пустынь был определен *иеромонах Тихон*, которого уже в 1800 году направили в Оренбургскую епархию[90]. При о. Тихоне в Глинской пустыни не было и семи братий[91]. После него настоятелем обители стал *строитель Евпсихий*. Ни Н. Самойлов, ни П. Строев, ни другие исследователи истории Глинской пустыни ничего о нем не сообщают, однако сохранился рапорт о. Евпсихия Преосвященному Феоктисту за

1800 год. В начале XIX века в Курской епархии по императорскому указу собирались сведения о монастырях, церквах и духовенстве. Заботясь о том, чтобы эти статистические сведения были представлены в Св. Синод своевременно, Преосвященный Феоктист повелел строителю Глинской пустыни Евпсихию на пути из Глинской пустыни в Белгород заехать в Рыльский монастырь, и если ведомости о монастырях Рыльским правлением еще не будут отправлены, то остаться в монастыре до отправки ведомостей и ускорять их составление. В своем рапорте строи-

Геометрический план
Богородицкой
Глинской пустыни.
1785 г. (Фрагмент).
РГАДА, ф. 1354,
оп. 219, Б-20"к"

тель Евпсихий сообщает Преосвященному Феоктисту о выполне-нении этого поручения: "Прибыв в Рыльск, я узнал, что требуемые ведомости не только не отосланы, но и в порядок не приведены... Я же в монастыре нахожусь и когда от правления будут отправлены ведомости, то отправляюсь и я в Белгород"[92].

Отец Евпсихий был настоятелем Глинской пустыни совсем короткое время (очевидно, поэтому о нем и не упоминают другие авторы). Уже 29 мая 1800 года вместо него архиерей опять определил строителем *иеромонаха Александра* (Проворова), бывшего одновременно экономом при архиерейском доме[93]. На этот раз он управлял обителью почти четыре года. При нем в 1802 году по указу Курской Духовной Консистории была составлена описная церковная книга Глинской пустыни[94]. Этот документ изложен далее достаточно подробно, поскольку он содержит редкие сведения о храмах, иконах, церковной утвари, ризнице обители в самом начале XIX в., тогда как в литературных источниках сведений о Глинской пустыни этого периода, по существу, нет. В 1802 году в Глинской пустыни был один каменный храм Рождества Пресвятой Богородицы с двумя приделами.

В церкви Рождества Пресвятой Богородицы иконостас был деревянный, резной, позлащенный. Справа от царских врат находилась икона Спасителя, слева — Иверской Божией Матери. На этих иконах были серебряные позлащенные венцы, а перед ними — медные лампады. Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы находилась справа от иконы Спасителя, была украшена серебряной позолоченной ризой, "с одним красным камушком вверху, а по сторонам 8 хрусталиков разного цвета"[95]. Лампада перед ней была серебряная.

Перед образом Спасителя стоял резной аналой с иконой Воскресения Христова и двунадесятыми праздниками.

В храме находились большой выносной крест с изображением Распятия с одной стороны и Рождества Богородицы — с другой; хоругвь на зеленой материи с образами Богоматери и Святителя Николая Чудотворца. Клиросы и амвоны были столярной работы, покрашены краской. Посреди церкви висело паникадило из желтой меди[96].

В алтаре храма Рождества Пресвятой Богородицы на горнем месте в киоте были иконы: Спаситель на престоле с предстоящими Богоматерью и св. Иоанном Предтечей[97]; справа — образ св. Иоанна Богослова, слева — св. Геннадия, Патриарха Цареградского; вверху — Распятие.

На престоле — антиминс из желтого атласа, 1786 года, два Евангелия (одно из них — Московской печати 1758 года, оправлено серебром, "на верхней его доске — 5 финифтов: посредине Воскресение Господне, по углам — четыре евангелиста; другое — Киевской печати 1773 года, покрыто красным плисом[98], на верхней доске изображение Распятия и евангелистов из серебра)[99], гробница серебряная чеканной работы, два напрестольных креста (серебряный, позлащенный, чеканной работы и кипарисный, резной, в медной посребренной оправе)[100]. Из церковной утвари в храме были: 4 серебряных потира с дискосами, звездицами и лжицами; 2 чаши серебряные и один корец оловянный для теплоты, 4 копия стальных; 2 кадила серебряных, чеканных, 2 кадила из желтой меди; 3 оловянных подсвечника (2 — на престоле, 1 — на

жертвеннике), 2 выносных больших подсвечника (2 — на престоле, 1 — на жертвеннике), 2 выносных больших подсвечника из желтой меди; блюдо оловянное для благословения хлебов; чаша для освящения воды из красной меди[101].

До 1801 года в ризнице обители на 7 монашествующих было 23 ризы (среди них 3 парчовых, 3 бархатных, 6 подризников, 1 набедренник, 2 пояса, 7 пар поручей, 9 диаконских стихарей, 11 воздухов, 9 покровцов[102]. Достаточно богатая ризница сохранилась еще с 80-х годов XVIII века, когда у пустыни были свои земли.

В начале XIX века храм Рождества Пресвятой Богородицы, его приделы и колокольня были покрыты черным сибирским железом[103].

В приделе Святителя Николая Чудотворца иконостас был деревянный, покрыт зеленой краской. Справа от царских врат находились икона Спасителя (круглая) и образ Рождества Пресвятой Богородицы в серебряной позолоченной ризе; слева — икона Богоматери (также круглая) и образ Святителя Николая Чудотворца с прочими святителями в серебряной позолоченной ризе. Лампады у этих икон были из желтой меди. Перед образом Спасителя на аналое находился образ Святителя Николая Чудотворца, с серебряными, но ветхими, венцом и окладом.

Паникадило в Николаевском приделе было из желтой меди[104].

В алтаре этого придела находились: антиминс из желтого атласа (год не указан), Евангелие Московской печати 1711 года, три напрестольных креста (серебряный, медный и деревянный), оловянная гробница (дарохранительница), треугольный жертвенник столярной работы.

В верхней церкви Преображения Господня иконостас был покрыт лазоревой краской, перед иконами висело 6 медных лампад. В алтаре находились: над жертвенником — Распятие и икона Воскресения Христова (на холсте); на горнем месте — Распятие; с правой стороны — образ Святителя Николая Чудотворца. На престоле была деревянная гробница (дарохранительница).

В описи перечислены также некоторые иконы из храма Рождества Пресвятой Богородицы и его приделов: икона Богоматери Пустынно-Молченская Софрониева, в серебряной ризе; Рождество Христово; Преображение Господне; Крещение Господне; Вход Господень в Иерусалим; Вознесение Господне; Рождество Богородицы; Благовещение в медном окладе; Воскресение Христово; Святителя Николая Чудотворца; святого Иоанна Предтечи; преподобных Антония и Феодосия Печерских; образ Святителя Димитрия Ростовского; Распятие.

О бедности обители в те годы свидетельствует тот факт, что в трех ее храмах была лишь одна маленькая серебряная лампада перед Чудотворным образом; серебряная гробница (дарохранительница) была только в храме Рождества Пресвятой Богородицы, а в приделах — оловянная и деревянная; серебряных риз на иконах было всего четыре.

Однако строитель иеромонах Александр и старшая братия стремились, как могли, украсить иконы святой обители. В июле 1802 года они испросили у Преосвященного разрешения использовать серебро с ветхих церковных облачений и утвари для венцов на месточтимые иконы[105]. Из этого серебра были отлиты венцы для икон: Спасителя в

храме Рождества Пресвятой Богородицы (весом 1 фунт 14 золотников), Богоматери в том же храме (весом 1 фунт 21 золотник) и Святителя Николая Чудотворца в Николаевском приделе (весом 1 фунт 24 золотника).

Чудотворная икона была украшена четырьмя серебряными венчиками (весом 23 золотника), 22 жемчужинами и "четырьмя красными круглыми камушками"[106].

Кроме того, из купленного серебра была сделана серебряная позолоченная риза (весом 84 золотника) для иконы Воскресения Христова с двунадесятыми праздниками[107].

При строителе Александре пополнилась и ризница обители: в 1801 году в нее поступили: парчовая риза, набедренник, три пояса, три пары поручей и два покровца; а в 1802 году — еще три ризы, подризник, поручи и покровец[108].

За период 1764—1800 гг. обогатилась и монастырская библиотека: число книг в ней возросло почти втрое (с 30 до 81). Вновь поступили различные сборники житий святых, поучения св. Кирилла Иерусалимского, св. Иоанна Дамаскина, проповеди митрополита Платона, Акафистники, службы Святителю Николаю Чудотворцу, св. Иоанну Воину; св. праведным Захарии и Елисавете.

Об увеличении количества книг в библиотеке заботился и строитель Александр. В 1801 году в нее поступило 17 церковных книг (среди них Служебники, Акафистники, Требник, Триодь цветная, Чин священнослужения и обрядов, слова поучительные блаженного Макария, беседы св. Иоанна Златоуста о покаянии, книги св. Амвросия Медиоланского о должностях, "Алфавит духовный", беседы св. Иоанна Златоуста на 14 посланий, Молебное пение во время губительной и заразительной немощи)[109], а в 1802 году — еще 19 книг (различные слова и беседы св. Иоанна Златоуста, Служебники, Псалтири, каноны Богородице)[110]. К концу 1802 года число книг в библиотеке Глинской пустыни возросло до 117[111].

В описной церковной книге Глинской пустыни содержатся также сведения о некоторых членах старшей братии обители. Так, в 1802 году духовником пустыни был иеромонах Иаков, а казначеем — иеромонах Досифей[112].

22 февраля 1804 года о. Александр был отозван в архиерейский дом, а на его место определен строитель *иеромонах Евфимий*, бывший духовником Софрониевой пустыни[113]. Это был муж высокой добродетели, истинный подвижник. Братия Глинской пустыни благоговела перед ним и почитала его. Но по старости лет он не смог долго управлять обителью и возвратился в Софрониеву пустынь. Строителем же в Глинскую обитель, согласно прошению, уже в четвертый раз был назначен иеромонах Александр[114]. Ревностное стремление этого строителя пребывать в Глинской пустыни свидетельствует о том, что и во время бедности этой обители духовная жизнь в ней была на самом высоком уровне.

Глинский иеромонах Иассон писал, что, несмотря на частую смену настоятелей, "Глинская пустынь таила в себе крепость духовных сил; прочный духовный фундамент... глубоко коренился в ее духовных подвижниках"[115]. По свидетельству великого Глинского старца монаха

Феодота. в схиме Феодосия (Левченко; +1859), поступившего в обитель еще при строителе Вениамине, в Глинской пустыни в конце XVIII — начале XIX века были старцы святой жизни — чистые посредники даров небесной благодати[116]. Путем целожизненного подвига они стяжали духовную мудрость и опытность, силу духа, глубокое понимание закономерностей духовной жизни. Старцы наставляли новоначальных на правильный спасительный путь, учили науке о духовной жизни, обращали главное внимание иноков на нравственную чистоту сердца и трезвенность душевную.

Благодаря их молитвам и трудам, в пустыни водворялось истинное душеводительство. Отец Феодот говорил, что он имел полную возможность получить душеспасительные ответы на все вопросы, связанные с внешними тяжкими трудами и внутренними духовными подвигами[117]. Глинские старцы так устрояли дело нравственного усовершенствования своих пасомых, что, по словам о. Феодота, "таковые проводили жизнь в духовных подвигах и несомненно благоугодили Богу"[118]. О некоторых из них о. Феодот говорил прямо: "Жил свято"[119]. Впоследствии в середине XIX века на старом кладбище Глинской пустыни были обретены нетленные мощи старцев-схимников и их ученика, подвизавшихся в обители вместе с о. Феодотом в конце XVIII — начале XIX века[120].

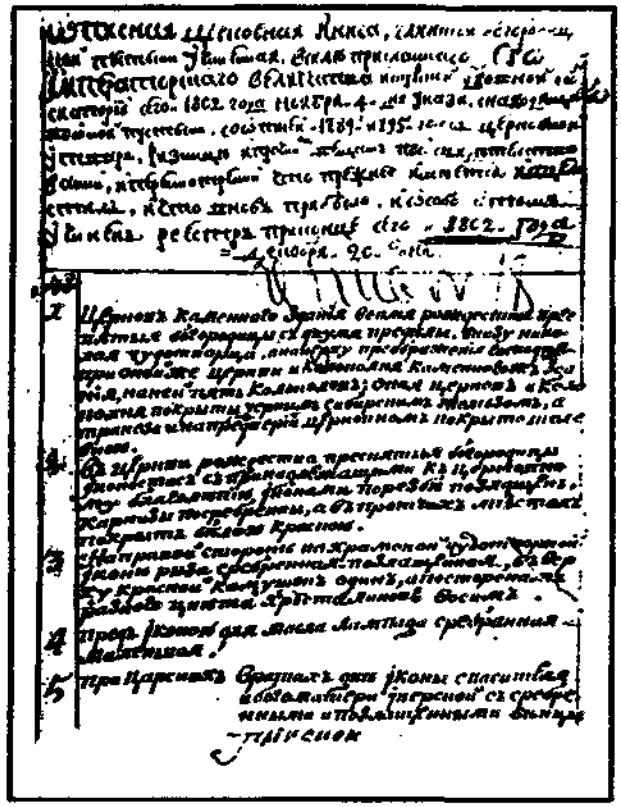
Подвиги Глинских старцев, сиявших различными добродетелями, влекли к подражанию и других. Потому понятно стремление о. Александра подвизаться в святой обители Глинской, издавна богатой духовными традициями. Но на этот раз он не успел вступить в управление обителью, так как уже 3 сентября 1804 года был переведен строителем в Обоянский Знаменский монастырь[121], а настоятелем Глинской пустыни был определен строитель того же Обоянского монастыря *иеромонах Евтихий*[122].

Преосвященный Феоктист с большим доверием относился к о. Евтихию и давал ему сложные в духовном и административном отношении поручения. Так, 12 декабря 1802 года, узнав о кончине глубокопочитаемого настоятеля Софрониевой пустыни архимандрита Феодосия (Маслова), именно о. Евтихия он послал в эту пустынь для поддержания духа скорбящей братии, написав: "Белоградского архиерейского дома эконом иеромонах Евтихий отправляется с тем, чтобы и после погребения покойного оставаться в вашей пустыни, до указа... При том он все возможное старание приложить должен о скорейшем освидетельствовании церковных, ризничных и монастырских вещей по описям"[123].

После назначения о. Евтихия строителем Глинской пустыни Преосвященный Феоктист не хотел с ним расставаться и 18 сентября 1804 года одновременно назначил его экономом в архиерейский дом и присутствующим в Курской Духовной Консистории[124]. Кроме того, 16 ноября того же года о. Евтихий был определен благочинным в Белоградский Николаевский и Хотмыжский Знаменский монастыри[125]. Все это, безусловно, не позволяло о. Евтихию полностью предаться заботам о Глинской обители, внешнее благосостояние которой все ухудшалось. В "Географическом словаре Российского государства", составленном А. Щекетовым в начале XIX века, сказано, что в

Глинской пустыни "каменного строения только 2 церкви, прочее деревянное и ветхое"[126].

Иеромонах Евтихий управлял Глинской пустынью почти четыре с половиной года, однако никаких сведений об этом периоде истории монастыря не сохранилось. Архимандрит Анатолий (Ключаров) писал: "Строитель иеромонах Евтихий известен более как строгий эконом Белоградского архиерейского дома, чем как настоятель. Он номинально числился "строителем Глинской пустыни"[127].

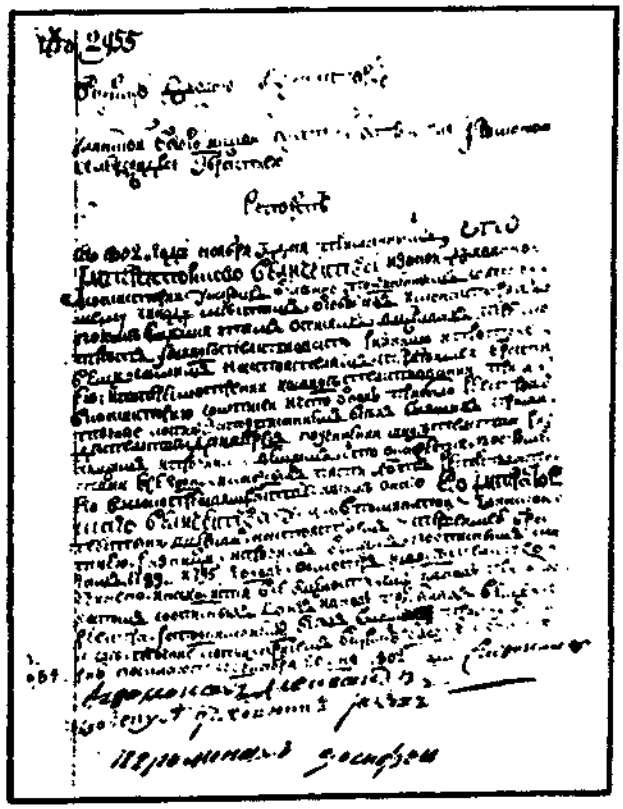
Описная церковная книга Глинской пустыни. 1802 г. (Первый лист). ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 1

Указом Св. Синода от 27 марта 1809 года иеромонах Евтихий был переведен в Екатеринославскую епархию на должность настоятеля Балаклавского Георгиевского монастыря[128].

В описываемый период в Глинскую пустынь как в духовную лечебницу по-прежнему присылались для утверждения в иноческой жизни многие епитимийцы. По свидетельству А. С. Лебедева, изучавшего в начале XX века архив Глинской пустыни (утраченный ныне), в нем

тогда хранились две большие книги об епитимийцах: за 1768—1851 гг. (720 листов) и за 1769—1830 гг. (838 листов). А. С. Лебедев подчеркивает, что благодаря строгому духовно-аскетическому укладу жизни епархиальное начальство считало Глинскую пустынь "особенно удобной" для исправления виновных и "в нее нередко посылались таковые, после того как оказывались неисправимыми в других монастырях"[129]. Приведем лишь несколько примеров.

В 1776 году епископ Севский и Брянский Кирилл послал на ис-

правление в Глинскую пустынь священника церкви Живоначальной Троицы села Жуковка о. Карпа Кириллова за нарушение богослужебных правил[130]. Поступивший в Путивльский Молченский монастырь "вдовый священник Иаков Анатовский за исхождение из монастыря в город для удовлетворения пьянственного пристрастия был определен указом Консистории от 17 января 1795 года в число братства Глинской пустыни, для удержания его от пьянства весьма удобную"[131].

Рапорт в Курскую Духовную
Консисторию строителя
Глинской пустыни
иеромонаха Александра
(Проворова). 1802 г.
ГАКО, ф. 20, оп. 2,
д. 39, л.16

Священник Смоленской церкви Рыльского уезда Петр Курдюмов послан был в Рыльский монастырь на епитимию. На донесение настоятеля этого монастыря в 1807 году о том, что он "по возможности удерживал священника Курдюмова от пьянства, но безуспешно", Преосвященный наложил резолюцию: "Священника Курдюмова отправить в Глинскую пустынь"[132], что и было исполнено.

Однако частая смена настоятелей (за 45 лет — с 1764 по 1809 г. — здесь сменилось 15 строителей) безусловно не способствовала благоустройству обители.

Старцы Глинской пустыни, подвизаясь в жизни добродетельной, желали лучшего в ней порядка. Общение с иноками соседней, Софрониевой пустыни, где о. Феодосий (Маслов) ввел Афонский общежительный устав и насадил "кротость в нравах, послушание и братолюбие"[133], способствовало тому, что Глинская братия смиренно просила архиепископа Феоктиста — для введения общежития и в их обители — утвердить в должности ее настоятеля духовника Коренной пустыни Курской епархии иеромонаха Парфения. Их прошение совпадало с желанием Преосвященного, который стремился ввести общежитие во всех монастырях своей епархии.

Еще 5 октября 1792 г. на основании его резолюции Духовная Консистория выпустила указ, предписывавший "настоятелям иметь трапезу общую с братиями, и даже для отвлекаемых от оной должностями судебными и учебными, поставить непременной обязанностью, полагая за себя в общину известное количество столовых денег, по крайней мере, во дни воскресные, тож и других великих праздников трапезовать вкупе с братиями"[134].

На основании этого указа велено было монахам приходить в трапезу в мантиях, совершать трапезное чтение "и вообще сохранять в соборном яствии и питии, как и в других случаях, благочиние"[135]. Как учат святые отцы, "пришедши в трапезу, не осматривай братния части, ниже разделяй душу твою недобрыми подзираниями, но предлежащих пред тобою прикасайся, телу давай пищу, слуху слышание чтения, душе же молитву; да телом и духом питайся, всесовершенно восхвалиши Исполняющего во благих желание твое"[136].

Затем Преосвященный Феоктист потребовал от настоятелей монастырей подробные отчеты о жизни братии. Ознакомившись по полученным сведениям с состоянием всех монастырей и пустыней, архиепископ 22 декабря 1802 года предписал, чтобы "во всех монастырях Курской епархии введено было общежитие"[137].

В Глинской пустыни осуществление этого предписания было затруднено, поскольку Глинские настоятели, как правило, находились не в своей обители, а при архиерейском доме. Поэтому в 1809 г. братия Глинской пустыни и просила утвердить в должности строителя иеромонаха Парфения, с тем чтобы тот жил в монастыре постоянно.

Их желание было удовлетворено, и 1 мая 1809 года на основании резолюции Его Преосвященства было вынесено следующее решение Курской Духовной Консистории: "Братия Глинской пустыни просили определить начальником в оной Коренного Монастыря Духовника Иеромонаха Парфения, для заведения общежития между ними; послать указ в сию пустыню с предписанием определенному начальнику в оной

Иеромонаху Парфению о заведении, по прошению братии, общежития между ними, дабы он учинил сие непременно по получении на то указа, и велеть, чтобы в сей пустыни, кроме общей молитвы, было общее одеяние, общая пища и питие, общие труды и старание о пользе святой обители, общий счет как приходов, так и расходов, общая любовь, подчиненность и послушание, общее удаление от всякого невоздержания и соблазнительного порока, общее исправление всего того, что правилам жития монашеского и монашества общежительного соответственно; особливо наблюдать все сие начальник обязан, как учрежитель общежительных правил, который если не будет исполнять оных, подвергнет себя суду и взысканию"[138].

Иеромонах Парфений (русский, из мещан) был пострижен в Саровской пустыни, в которой проходил различные послушания с 1786 по 1792 год, затем он был переведен в Коренной монастырь, где в 1793 г. рукоположен во иеродиакона и в том же году — во иеромонаха. С 1798 года в течение десяти лет он проходил в этом монастыре "со всяким усердием" должность казначея и духовника и много помог настоятелю в поддержании общежития[139].

При определении строителем в Глинскую пустынь "за достохвальные труды в Коренном монастыре" Преосвященный Феоктист 2 мая 1809 года наградил его набедренником[140].

Деятельность о. Парфения в Глинской Богородицкой пустыни в должности настоятеля началась с введения общежительных правил. Ранее в этой обители доходы распределялись следующим образом: "Третью часть получали строители, а остальные деньги делились по чинам"[141], что, разумеется, не соответствовало требованиям общежительного монастыря, где все у братии должно было быть общим. Отец Парфений, желая понудить братию к общежительным правилам, первым отказался обратить в личную собственность ту трётью часть доли, которая должна была принадлежать ему как строителю. Вслед за ним и братия одни не хотели, а другие убоялись взять свою часть.

Так было положено первое основание устройству общежития в монастыре, где все доходы и расходы стали общими и употреблялись в зависимости от нужд обители. Иноки пустыни, освободившись каждый от забот о своем материальном обеспечении, почувствовали значительное облегчение, и теперь с еще большим горением занимались духовным деланием. Настоятель уделял особое внимание поддержанию благолепия храмов.

Особо почитая Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы, настоятель Парфений с братией устроили в 1814 году для этой иконы серебряный позолоченный круг чеканной работы (весом 3 фунта 55 золотников).

В круге было шесть финифтей с иконными изображениями на пяти из них. В середину круга вставлялся медный позолоченный киот для Чудотворной иконы[142].

В 1809 году тщанием строителя иеромонаха Парфения из двух старых потиров с добавлением серебра был сделан большой величины позолоченный серебряный потир. На нем было изображение страданий Спасителя. Были изготовлены также дискос, звездица, лжица и

тарелочка, позолоченные, резной работы (весом всего 4 фунта 44 золотника)[143]. Кроме того, при о. Парфении, заботившемся о благолепии богослужений в Глинской пустыни, было сшито несколько парчовых риз[144].

Настоятель Парфений заботился о должном благочинии церковного богослужения, чтения и пения. Устраивающееся общежитие в Глинской пустыни привлекало как подвижников, искавших духовно опытных наставников, так и богомольцев. Но увеличение числа братии было невозможно из-за ограничения, установленного штатами. В то же время отсутствие достаточного количества пахотной земли и леса не позволяло благоустроить обитель.

Во время Отечественной войны 1812 года положение обители еще более ухудшилось. К сожалению, в литературных и архивных источниках содержится совсем мало сведений о жизни обители в тот период. Известно лишь, что в 1812 году Глинская пустынь пожертвовала 125 рублей на вещи для войск[145]. Но, безусловно, иноки обители вместе со всем русским народом принимали самое деятельное участие в патриотическом движении. Ведь в годы тяжелых испытаний с особой силой возгорается дух веры в сердце православного человека. Вера влечет его на жертвенный подвиг во имя Христовой заповеди: "Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя" (Ин. 15, 13).

Если в сердце христианина горит огонь истинной любви, завещанной Христом, это сердце не требует указаний, в чем проявить свою любовь: оно само и голодного накормит, и плачущего утешит. То же можно сказать и о священном чувстве любви к Родине: если в душе и сердце христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству.

Так и Глинские иноки своими трудами на оборону Родины, денежными пожертвованиями, неусыпными молитвами к Богу о скорейшем даровании победы, духовной поддержкой тем, кому война уже принесла скорби и испытания, служили своей Отчизне. Глинские пастыри непрестанно воодушевляли своих прихожан, ободряли и утверждали их в великую пору 1812 года.

После окончания войны в Глинской пустыни было всего около десяти насельников; келлии, которых оставалось мало, совсем обветшали[146]. Но несмотря на это, при о. Парфении Глинская пустынь выделяла средства на помощь Казани, опустошенной пожаром, и помогала воспитанию бедных сирот духовного звания[147].

Усердно заботясь о пользе монастыря и точном исполнении братией правил иноческого общежития, о. Парфений управлял обителью почти восемь лет. В 1817 году, когда о. Парфению было уже около 60 лет, он подал прошение об увольнении от многотрудной должности настоятеля. Исполненный духовных дарований, о. Парфений удалился на безмолвие в Коренную пустынь, где и скончался.

После о. Парфения настоятелем Глинской пустыни в том же 1817 году был назначен строитель Обоянского Знаменского монастыря *иеромонах Леонтий*, который имел мало опыта руководить братией в иноческом общежитии, поэтому пробыл в должности настоятеля только шесть недель[148].

В то время среди Глинских иноков сияли добродетелями великий подвижник и молитвенник старец Феодот (Левченко) и иеромонах Василий (Кишкин), ученик преп. старца Паисия (Величковского). Заботясь о том, чтобы добрые начинания в устроении общежития, положенные стараниями о. Парфения, не пресеклись, они единодушно со всей братией начали просить Матерь Божию, чтобы послала им "в настоятели того, кого Сама благоволит избрать... и в настоятели был указан иеромонах Филарет"[149]. Братия Глинской пустыни обратились к Преосвященному Феоктисту, прося назначить строителем их обители иеромонаха Софрониевой пустыни Филарета, широко известного своей подвижнической жизнью. Прошение их было удовлетворено. Назначение иеромонаха Филарета настоятелем Глинской пустыни явилось началом особого подъема и расцвета духовной жизни в этой святой обители.

Двор монастырской гостиницы
Фотография начала XX в.

Примечания

1 Секуляризация (от лат. saecularis – мирской, светский) – обращение государством церковной собственности в светскую (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1201).

2 Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т.XI. СПб., 1893. С. 259.

3 Иоанн (Маслов), архим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Ч. 1. Жизнеописание святителя Тихона и его литературное наследие: Магистер. дисс. Загорск, 1981. С. 39.

4 Материалы для статистики Российской империи. Т. 1. СПб., 1839. С. 76.

5 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 26; Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 10.

6 Софрониева и Глинская пустыни. С. 2.

7 РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633, 634; Там же, ф. 1354, оп. 219, Ч. 1, Б20; Там же. Ч. II. О–18; Там же. О–144; Там же. С–111; Там же. С–114. Там же, ф. 1317, оп. 1, д. 939.

8 Амвросий, архим. История Российской иерархии. М., 1811. Ч. III. С. 696.

9 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 10.

10 РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 10 об.

11 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87.

12 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 10.

13 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87.

14 Описание Курского наместничества... М., 1786. С. 77. В книге "Глинская пустынь" в ч. I на с. 11 сказано, что епископ Кирилл занимал Севскую кафедру до 1778 г., но в документах архива Канцелярии Святейшего Синода указывается, что Преосвященный Кирилл был епископом Севским и Брянским до августа 1779 г. (РГИА, ф. 796, оп. 60).

15 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 46.

16 Указ Севской Духовной Консистории строителю Глинской пустыни Гаию. Цит. по кн.: Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 26.

17 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни.... Ч. I. С. 11.

[18] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 174, л. 2 об.

[19] Там же.

[20] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 46.

[21] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни.... Ч. I. С. 11. Софрониева и Глинская пустынь. С. 2.

[22] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 12.

[23] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87. Чудотворная икона... С. 30.

[24] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87.

[25] Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 118.

[26] ГАБО, Ф. 494, оп. 1, д. 2, л. 12. РГИА, ф. 796, оп. 58, д. 384, л. 1.

[27] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87. Чудотворная икона... С. 30.

Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 118. Списки иерархов и настоятелей... С. 649.

[28] РГИА, ф. 796, оп. 58, д. 384, л. 1–2.

[29] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87. Н. Самойлов и П. Строев называют этого настоятеля "Арсакий" (Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 12. Списки иерархов и настоятелей... С. 649), однако автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" ссылается в своем труде на архив обители ("Дела о настоятелях Глинской пустыни"), поэтому мы придерживаемся в данном случае его точки зрения.

[30] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87. Списки иерархов и настоятелей... С. 649.

[31] Об епитимийцах см., например, "Ведомость о посланных в Путивльский Молченский монастырь и в Богородицкую Глинскую пустынь на указные епитимии за 1776 год" (ГАБО, ф. 494, оп. 1, д. 2, л. 12).

[32] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43.

[33] РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633; д. 634.

[34] Софрониева и Глинская пустыни. С. 2. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 27. Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 12.

[35] РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633, л. 36 об.; д. 634, л. 295 об.

[36] ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 1.

Ссылка здесь дана на "Описную церковную книгу Глинской пустыни за 1802 год". Однако в этой книге сведения приводятся сначала по описям 1789 и 1795 гг., а затем описаны вновь поступившие к 1802 г. церковная утварь, книги и облачения.

[37] Там же, л. 1 об.

[38] ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л.1.

[39] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 27. В известных нам документах храм Вознесения на втором этаже церкви Рождества Пресвятой Богородицы впервые упоминается в "Описи

церковного имущества Глинской пустыни за 1817 год" (РГАДА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 207. Жизнеописание игумена Филарета... С. 57).

40 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 27.

41 Генеральное размежевание земель проводилось в России в последней трети XVIII — начале XIX в. (в Курской губернии — с 1782 по 1797 г.) в соответствии с манифестом Екатерины II от 19 сентября 1765 г.

Целью генерального размежевания было определение и укрепление границ земельных владений. Вместе с манифестом были обнародованы генеральные правила, положенные в основу новых инструкций землемерам и межевым губернским канцеляриям. Землемеры записывали в межевые книги и наносили на планах, за кем при размежевании какие владения окажутся и сколько в них земель (Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846).

При межевании составлялись полевые журналы и записки, содержащие сведения о межах. Кроме того, на землемеров было возложено составление особых экономических примечаний: сюда заносились сведения о растительном и животном мире, качестве земель и лесов, судоходстве, промыслах, о числе душ и даже о курганах и пещерах. Эти экономические примечания, содержащие множество разнообразных данных, до сих пор почти не исследованы. Они хранятся в Межевом архиве РГАДА и представляют собой важный источник сведений по истории хозяйства России второй половины XVIII века.

42 РГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939.

43 Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 295—297.

44 Там же, ф. 1354, оп. 219. Ч. 1. Б. 20.

45 Десятина — основная дометрическая русская мера площади. Десятина казенная = 1,08 га (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 383.).

46 РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633, л. 36 об; ф. 1354, оп. 219. Ч. 1. Б 20. Пересчет площади в гектары сделан автором.

47 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 74 об.

48 Рассчитано автором по материалам Межевого архива (РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 3, 4, 11 об., 20 об., 21, 22 об., 24). Следует отметить, что благодаря ходатайству настоятеля Софрониевой пустыни о. Феодосия (Маслова) этой обители в конце XVIII в. были выделены пустующие земли в Херсонском (Кизикирменском) уезде, где устроили монастырское подворье. Однако после кончины о. Феодосия подворье отделилось от Софрониевой пустыни и было преобразовано в самостоятельную пустынь. (Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 43—50).

49 РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633, л. 1. Там же, д. 634, л. 2, 32 об.

50 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. Курск. 1885. С. 47—48.

51 РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 296 об.

52 Там же.

53 Там же.

54 Черкасы — казаки-малороссы.

55 РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 297.

[56] Там же, л. 295.

[57] Постав — машина для обработки зерен с помощью жерновов (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1057).

[58] РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 295.

[59] Там же, л. 296.

[60] Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 296.

[61] Там же, л. 295 об.

[62] Там же.

[63] Там же, ф. 1354, оп. 219. Ч. 1. Б 20.

[64] В то же время в Путивльском Молченском монастыре число иноков резко сократилось. Теперь здесь было лишь 12 монашествующих и 8 послушников (РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л.2, 32 об.). В Софрониевой пустыни было тогда 39 монашествующих, число послушников не указано (Там же, л. 180).

[65] РГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939, л. 1 об.

[66] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 87. П. Строев (Списки иерархов и настоятелей... С. 649) и Н. Самойлов (Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 12) пишут, что кончина о. Софрония (Хижнякова) последовала в 1781 г., но в "Камеральном экономическом примечании..." за 1784—1785 гг. именно о. Софроний указан настоятелем Глинской пустыни (РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633, л. 36 об.).

[67] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 88.

[68] РГАДА, ф. 1629, оп. 1, д. 127, л. 3.

[69] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. XIXa. СПб., 1886. с. 706.

[70] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 63 об.

[71] Там же, л. 60 об. Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 4.

[72] Во время его настоятельства в 1788 г. был отлит колокол весом 71 пуд на соборную колокольню. Этот колокол оставался самым большим в обители и в середине XIX в. (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об).

[73] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 88.

[74] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 15—16.

[75] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 88.

[76] Послужной список иеромонаха Александра приведен в "Ведомости о монастырях по епархиям за 1807 год": Иеромонах Александр — русский, родился в 1747 г. "духовного звания, учился российской грамоте. Пострижен в монашество в Путивльском Молченском Печерском монастыре 13 ноября 1782 г.; 1782 г. дек. 24 посвящен во иеродиакона; 1783 г. авг. 3 — во иеромонаха Преосвященным Дамаскином, епископом Севским; 1787 г. февр. 22 — определен в Хотмыжский Богородицкий Знаменский монастырь строителем, 1789 г. сент. 5 — в бывший Волновский Троицкий монастырь, 1793 г. — в Глинскую Богородицкую пустынь; 1798 г. ноября 22 — в Обоянский Знаменский монастырь строителем и в Обоянское

духовное правление присутствующим, из ... Обоянского монастыря 1799 г. ноября 25 определен в Белоградский Архиерейский дом Экономом, и в Консисторию присутствующим. 1800 г. мая 29 — в Глинскую Богородицкую пустынь строителем.

1804 г. февр. 22 паки в Архиерейский дом Экономом же, а 3 сент. 1804 г. в Обоянский Знаменский монастырь строителем и присутствующим в тамошней духовной Консистории, дел до него не касалось, к послушению способен" (РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 158).

Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Архим. Анатолий (Ключаров). Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11, С. 558—559, 561).

77 Краткий послужной список игумена Паисия также приведен в "Ведомости о монастырях по епархиям за 1807 год: "Путивльского Молченского Печерского монастыря Архимандрит Паисий сербской нации, из купцов, обучался российской грамоте, говорит по-гречески, по-итальянски и по-турецки, а сам никого ничему не учил. Пострижен в монашество в 1754 г. в Крушедоле.

По пострижении в монашество 1754 г. февр. 2-го дня посвящен во иеродиакона Преосвященным епископом Парфением в Карловце, с 1758 г. был при Сербском Патриархе Василии в должности протодиаконской, и и 1763 г. авг. 15 им же посвящен во иеромонаха и находился крестовым по 1770 г., а с того года взят в Российский фрегат, где был до 1775 г., во исправлении иеромонашеской должности, а по окончании войны сент. 12 дня определен Св. Правительствующим Синодом Преосвященным Кириллом, епископом бывшим Севским, произведен в Брянский Петропавловский монастырь во игумена, 1778 г. определен был Севской Консистории присутствующим, и в тамошнем Архиерейском доме Экономом; 1784 г., марта 30 дня по резолюции Преосвященного Феоктиста, епископа бывшего Севского, определен игуменом в Путивльский Молченский Печерский монастырь по произведении же в оный Строителя иеромонаха Андрея во игумена; 1794 г., 11 октября определен он *по его желанию* в Глинскую Богородицкую пустынь на строительское место; 1796 г., февр. 17 по указу Св. Синода определен и паки в оный Путивльский монастырь настоятелем, а 1799 г., июня 10 по указу Св. Синода произведен Преосвященным Феоктистом, Архиепископом Курским и Белоградским и ордена Св. Анны Кавалером, в оный же Путивльский монастырь во Архимандрита с оставлением на прежнем игуменском окладе; 1804 г., окт. 27 в Софрониеву и Глинскую пустынь определен Благочинным и присутствующим в Путивльском духовном правлении" (РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 153).

78 РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 197, л. 22.

79 Там же, л.21 об; ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 63.

80 Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 4.

81 Там же, ф. 1341, оп. 1, д. 197, л. 22.

82 Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л.60 об; ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 6 об.

83 Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 62; ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 204.

84 Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 24 об.

85 Там же, ф. 383, оп. 30. д. 573, л. 36 об., 25. Мельница имела 2 постава, 5 сукновальных гнезд и 2 просяные ступы. (Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 5—5 об; Там же, ф. 1341, оп. 1, д. 197, л. 22).

86 Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 5.

87 Гать — настил из бревен для проезда, перехода через топкое место.

88 РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 24 об-25. Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 24—24 об.

89 Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 20. Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 25 об.

90 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 16—17.

91 Там же. С. 16.

92 Танков А. Несколько данных из прошлого Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 159—160.

93 РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 158.

94 ГАКО, ф. 20, оп. 2, л.39.

95 Там же, л. 1.

96 Там же, л. 1 об.

97 Там же.

98 Плис — хлопчатобумажная ткань с ворсом ("бумажный" бархат).

99 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 2.

100 Там же.

101 Там же, л. 2—2 об.

102 Там же, л. 3—9. Тафта — плотная хлопчатобумажная или шелковая ткань с мелкими поперечными рубчиками или узорами на матовом фоне. Штоф — декоративная гладкокрашеная ткань со сложным крупным тканым рисунком.

103 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 1.

104 Там же, л. 11.

105 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 14 об.

106 Там же, л. 14 об. 15.

107 Там же, л. 15.

108 Там же, л. 13—14.

109 Там же, л. 13.

110 Там же, л. 13 об. — 14.

111 Там же, л. 12 об. — 13 об.

112 Там же, л. 15.

113 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 88.

114 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни.... Ч. I. С. 17.

115 Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск, 1894. С. 4.

116 Там же, С. 4—5.

117 Там же, С. 5.

118 Там же. С.5.

119 Там же.

120 Там же.

121 РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 158.

122 В "Ведомости о монастырях Курской епархии за 1807 год" сказано, что строитель Глинской Богородицкой пустыни иеромонах Евтихий — русский, из священников, учился российской грамоте, 46-ти лет, к послушанию способен.

"До пострижения в монашество продолжал священническое служение с 1787 по 1794 г. при Преображенской пехотного полка церкви, а с 1794 по 1798 год в Курской епархии при Корочанском Рождество-Богородицком соборе.

В монашество пострижен в 1798 г., августа 14 дня в домовой Белоградской архиерейской церкви Строителем иеромонахом Андреем. По пострижении же в монашество по резолюции Его Преосвященства Феоктиста, Архиепископа Курского и Белоградского и ордена Св. Анны 1-го класса Кавалера, определен был 1799 г., октября 3-го в Белоградский Николаевский монастырь казначеем, 1802 г., апреля 10-го в дом Его Преосвященства Экономом и присутствующим в Курскую Консисторию; 1804-го года, февраля 3-го произведен Строителем в Обоянский Богородицкий Знаменский монастырь и послан был в Глинскую Богородицкую пустынь, сентября 3-го дня определен настоящим в ту пустынь строителем..." (РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 160).

123 Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 51.

124 РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 160.

125 Там же.

126 Щекетов А. Географический словарь Российского государства. Ч.II. М., 1804. С. 45.

127 Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Архим. Анатолий (Ключаров) // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 561.

128 РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 576, л. 27.

129 Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 80.

130 ГАБО, ф. 494, оп. 1, д. 2, л. 12.

131 Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков. 1902. С. 80—81.

132 Там же. С. 81.

133 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 19.

134 Там же. Ч. I. С. 20.

135 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 28—29.

136 Добротолюбие, Ч. II. С. 42.

137 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 20—21.

138 Там же. С. 22—23. РГИА, ф. 796, оп. 91, д. 1016, л. 23 об.

139 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни.... Ч. I. С. 24; Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. М., 1898. С. 92, 103—104.

140 Глинская .Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 89.

141 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 25.

142 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 10 об.

143 Там же, л. 68.

144 Жизнеописание игумена Филарета... С. 24.

145 Танков А.А. Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812—1814 гг. (К 100-летию празднования великий событий борьбы против нашествия на Россию Наполеона I) // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 28. С. 718. Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 28.

146 Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. Одесса, 1904. С. 54.

147 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 28.

148 Жизнеописание игумена Филарета... С. 20.

149 Там же.

ИГУМЕН ФИЛАРЕТ — СТРОИТЕЛЬ И ВОЗОБНОВИТЕЛЬ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ (1817—1841)

ГЛАВА IV

Среди выдающихся подвижников XIX века видное место занимает Глинский игумен Филарет (Данилевский). Он был настоятелем пустыни в течение почти четверти века (с 11 мая 1817 года по день своей кончины — 31 марта 1841 года). Воспитанник таких знаменитых обителей, как Киево-Печерская Лавра и Софрониева пустынь, он духовно возрастал под руководством настоятеля Дальних Киево-Печерских пещер старца о. Трифиллия[1] и настоятеля Софрониевой пустыни старца о. Феодосия (Маслова). Последний был другом и сотаинником знаменитого подвижника-схиархимандрита, преподобного Паисия Величковского[2].

Промысл Божий вел Своего избранника по пути иноческой жизни, а позднее и к должности игумена Глинской пустыни, для которой он, как никто из предшествовавших настоятелей, очень много сделал в отношении ее внешнего благоустройства и внутреннего благолепия. Отец Филарет по праву именуется духовным возродителем и возобновителем этой обители, поскольку им введено множество духовных и внешних преобразований.

В многочисленных жизнеописаниях игумена Филарета[3] авторы характеризуют его в трех основных аспектах: 1) как настоятеля, возобновителя Глинской пустыни; 2) как духовного возродителя обители, духовно-опытного старца — наставника братии; 3) как поборника и распространителя святоотеческого учения, деятельность которого была известна далеко за пределами Глинской пустыни, почти по всей России. Именно в этом плане, а также в связи с раскрытием жизни Глинской обители и будет описана его духовная жизнь и благополезная деятельность[4].

Игумен Филарет (в миру Фома Данилевский) родился в Польской Украине в 1777 году в благочестивой христианской семье. По происхождению он "был малоросс из черноморских воинов..."[5].

Большое влияние на его воспитание оказала мать — благочестивая Феодосия, от которой он получил и первые уроки христианской добродетели и основы нравственной жизни. С детских лет Фома отличался незаурядным природным умом, кротостью, трудолюбием, любознательностью, любовью к посещению храма Божия. Первоначальное образование восьмилетний отрок получил от благочестивой и богобоязненной старицы, вдовы протоиерея, имя которой осталось неизвестным. Свои знания Фома сразу же начал применять, помогая причетникам Церкви в чтении и пении. Вскоре он изучил церковный устав. В юношеском возрасте Промыслом Божиим он посетил с одним протоиереем Киево-Печерскую Лавру. Настоятель

Дальних пещер старец иеромонах Трифиллий предложил Фоме остаться у него келейником и канонархом, что и определило впоследствии весь его духовный жизненный путь. Святость места, близость к почивающим в пещерах нетленным мощам угодников Божиих, благоговейное богослужение — все это возгревало молитвенное состояние юного послушника, укрепляло его веру.

Старец Трифиллий вел Фому путем самоотвержения, формируя в нем такие качества, как безропотное послушание, нестяжательность, терпение, смирение и скромность. Прозорливый старец предсказал, что "он станет монахом и будет начальником над монахами"[6].

Три года провел Фома под руководством старца Трифиллия, исполняя послушание канонарха и келейника. Затем ему пришлось отбывать воинскую повинность в качестве причетника войсковой церкви в Черноморском казачьем войске в Екатеринодаре.

По возвращении в Киево-Печерскую Лавру он с радостью был принят отцами Лавры в число клирошан Великой церкви. Здесь Фома особенно сблизился с иеромонахом Антонием (Смирнитским), впоследствии архиепископом Воронежским, и руководствовался его наставлениями. Общения с о. Антонием он не прерывал до самой своей кончины. Отец Антоний советовал Фоме удалиться в какой-либо пустынный монастырь с целью беспрепятственного богоугождения.

Промыслительно вскоре в Лавру приехали иноки Софрониевой пустыни. Их рассказы о пустынном уединении обители, о строгих уставе, порядках монастыря, о духовной опытности настоятеля старца Феодосия, о богатой творениями святых отцов библиотеке зажгли сердце юноши. В ту же ночь в сонном видении Фоме явился архимандрит Феодосий и приглашал присоединиться к их братству. Внимательный к воле Божией, послушник Фома увидел в этом знамение благословения Божия. Однако он не мог еще решиться перейти в Софрониеву пустынь. Тогда Господь вторично открыл ему Свою волю.

Вскоре Фома услышал в церкви проповедь на текст: "Скажи ми, Господи, путь, воньже пойду" (Пс. 142, 8). Глубоко запали в душу Фомы эти слова. Он непрестанно повторял их в своем сердце. И вскоре Господь услышал моление верного Своего раба. В душе Фомы созрело окончательное решение идти в Софрониеву пустынь, утвердилось желание посвятить себя служению Богу под руководством мудрого архимандрита Феодосия[7].

Фома поступил в Софрониеву пустынь в 1802 году. Архимандрит Феодосий увидел в нем избранника Божия и, "прозревая будущее, сказал: "Сей брат упокоит душу мою; душа моя благоволит о нем"[8].

Фома, прекрасно знавший церковный устав, сразу же был назначен управлять клиросными. В этом же году он был пострижен в мантию с именем Филарет, что в переводе с греческого означает "любитель добродетели".

Архимандрит Феодосий сам руководил духовной жизнью новопостриженного о. Филарета. В духовном общении о. Феодосий обучал инока борьбе с искушениями, худыми помыслами, учил Иисусовой молитве, раскрывал глубину святоотеческих писаний, а с целью более действенного назидания порой открывал ему свое душевное состояние[9].

Игумен Филарет (Данилевский)
(1777—1841),
настоятель и возобновитель
Глинской пустыни

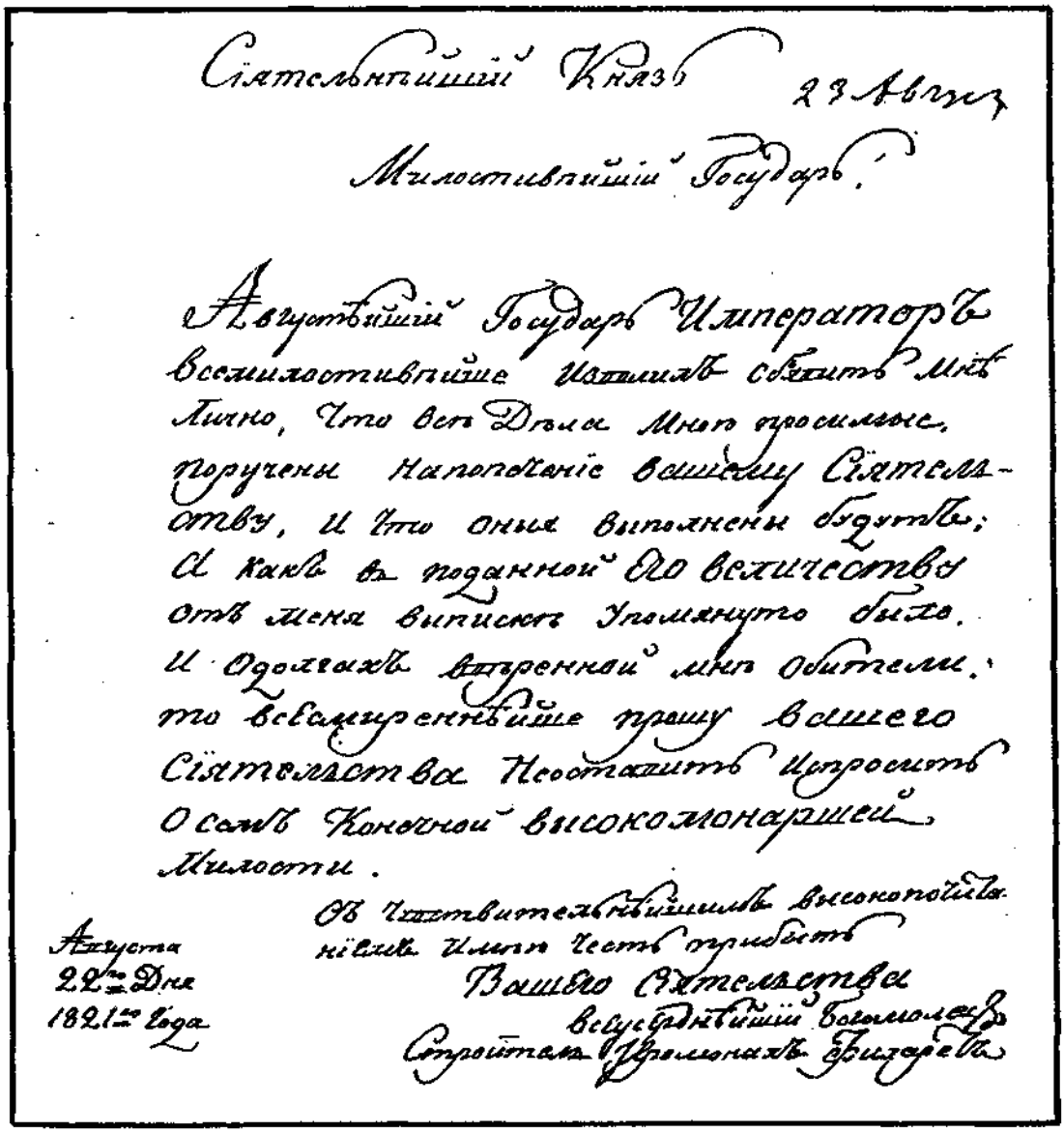
Перед кончиной, последовавшей 9 декабря 1802 года, о. Феодосий представил любимого духовного сына к посвящению в иеродиакона и поручил его руководству одного строгого старца.

8 февраля 1803 года о. Филарет был рукоположен Высокопреосвященным Феоктистом (Мочульским), архиепископом Курским и Белоградским, в иеродиакона и назначен на должность уставщика Софрониевой пустыни[10]. Немало пришлось выдержать ему скорбей, отстаивая неприкосновенность устава, введенного покойным настоятелем, против тех, кто стремился заменить чин богослужения более легким. "Когда что коснется до правил Церкви, — говорил о. Филарет, — то должно всячески противустать, если нужда заставит, даже до пролития крови. Господь, видя нашу ревность, невидимо сотворит нас победителями неправды, а иначе за небрежение последует казнь Божия, по глаголу: "проклят всяк творяй дело Божие с небрежением" (Иерем. 48, 10)"[11].

За ревностное служение в должности уставщика и беспрекословное послушание новый строитель Софрониевой обители Исихий представил его в 1806 году к рукоположению в иеромонаха и дал ему новое, более сложное послушание — благочинного монастыря[12]. В этой должности, терпя скорби от братии, он учился познавать немощи человеческие, а вместе с тем и самого себя. Строгий, но всегда благоразумный иеромонах Филарет вскоре снискал любовь братии, но это его не обольщало. Он усугубил свои подвиги бдения, поста и молитвы, переселился в безмолвный уголок — уединенную келлию в саду, где диавол воздвиг на него сильные видимые брани: стрелы похотливых помыслов, уныние, различные страхования, а порой враг принимал на себя виды всевозможных гадов. Но с помощью благодати Божией о. Филарет-отшельник всегда выходил победителем из этой жестокой брани. Он говорил сам себе: "Убогий Филарет! Если приблизился ты к страданию, то будь готов и на крест"[13]. За безмерные страдания Господь увенчал Своего верного раба многими духовными дарованиями: через молитвенное богообещание он приобрел духовное рассуждение, великую опытность. И несмотря на свой сравнительно молодой возраст перед другими старцами (ему было в то время 35—40 лет), о. Филарет был уже вполне зрелым духовным старцем, ибо старость честна исчисляется не числом лет, а сединою мудрости и житием нескверным (Прем. 4, 8 и 9)[14]. К нему обращались за советами и старшие по годам великие подвижники.

Одновременно с духовными подвигами он занимался в своей келлии перепиской нотных и других книг, а нередко его можно было видеть работающим и в садах обители.

За добродетельную жизнь в 1815 году, при избрании нового настоятеля Софрониевой пустыни вместо больного строителя Иоасафа, о. Филарету было предложено это место. Но смиренный подвижник отклонил предложение, как справедливо подчеркивает автор его жизнеописания, "быть может, не без внушения свыше, ибо вскоре предстояло ему идти в Глинскую пустынь, нуждающуюся в его духовной опытности"[15]. К этому времени о. Филарет славился добродетелями не только в Софрониевой обители, но и за ее пределами. Хорошо известен был он своей высокой духовной жизнью и в Глинской пустыни.

Сіятельнѣйшій Князь 29 Август

Милостивѣйшій Государь.

Августѣйшій Государь Императоръ Всемилостивѣйше Пожаловать соизволилъ Мнѣ Лично, Что всѣ Дѣла Мною просимыя, поручены Напоследокъ вашему Сіятельству, и Что оныя выполнены будутъ; А какъ въ поданной Его Величеству отъ Меня выпискѣ Упомянуто было. И Одолжахъ вотренной мнѣ обители. то всепокорнѣйше прошу вашего Сіятельства Неоставить Испросить О семъ Конечной высокомонаршей Милости.

Августа 22го Дня 1821го Года

Объ Чтительнѣйшемъ высокопойлѣ-нїи вамъ Имѣю Честь пребыть

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій Богомолецъ Строитель Игуменъ Филаретъ

В своем прошении архиерею о назначении о. Филарета настоятелем их пустыни Глинские иноки писали, что "иеромонах Филарет по всем обращениям к начальствованию способен и достоин" и что "по отличным его дарованиям к управлению монастырем желают видеть его настоятелем пустыни и благодеющие оной особы..."[16].

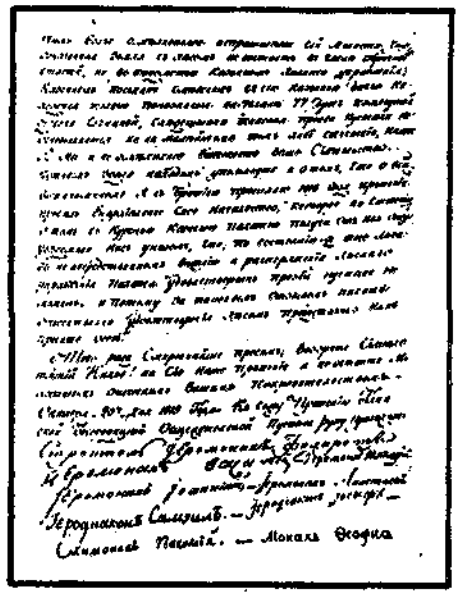
Важно отметить, что избрание иеромонаха Филарета настоятелем

Письмо игумена Филарета (Данилевского) князю А. Н. Голицыну от 22 августа 1821 г. РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 33

Глинской пустыни совершилось по предведению самой Владычицы Богородицы, Которая по молитвам братии Глинской пустыни указала им Своего избранника. Духовная опытность о. Филарета была известна и епархиальному начальству.

11 мая 1817 года указом Курской Духовной Консистории он был назначен настоятелем Глинской пустыни "как муж духовный, способный к поддержанию заведенного общежития и посему начальства достойный"[17].

Со скорбью провожали братия Софрониевой пустыни своего лю-

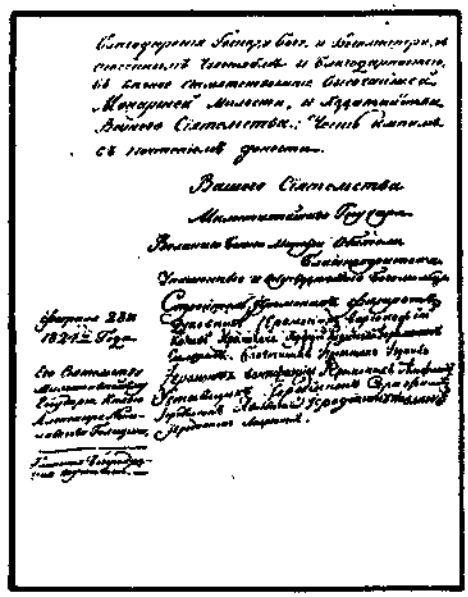

бимого сподвижника. Настоятель о. Варлаам благословил о. Филарета Иверской иконой Божией Матери, копией с Чудотворного образа своей пустыни, особое благоговение к которой о. Филарет сохранил впоследствии на всю жизнь. Со скорбью оставлял и он Софрониеву пустынь, с которой был связан 15-летний путь его иноческой жизни (с 1802 по 1817 год).

6 июня 1817 года иеромонах Филарет смиренно принял настоятельство в Глинской пустыни[18]. Прежде всего его поразила ветхость и запущенность строений пустыни. Здесь было лишь несколько почерневших от времени деревянных келлий, беспорядочно расположенных на поляне среди векового соснового леса. Церковь — единственное каменное здание в монастыре — была очень простой архитектуры о двух главах, крыта тесом и требовала немедленного ре-

Прошение иноков Глинской пустыни князю А. Н. Голицыну от 20 октября 1819 г. (Фрагмент). РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2

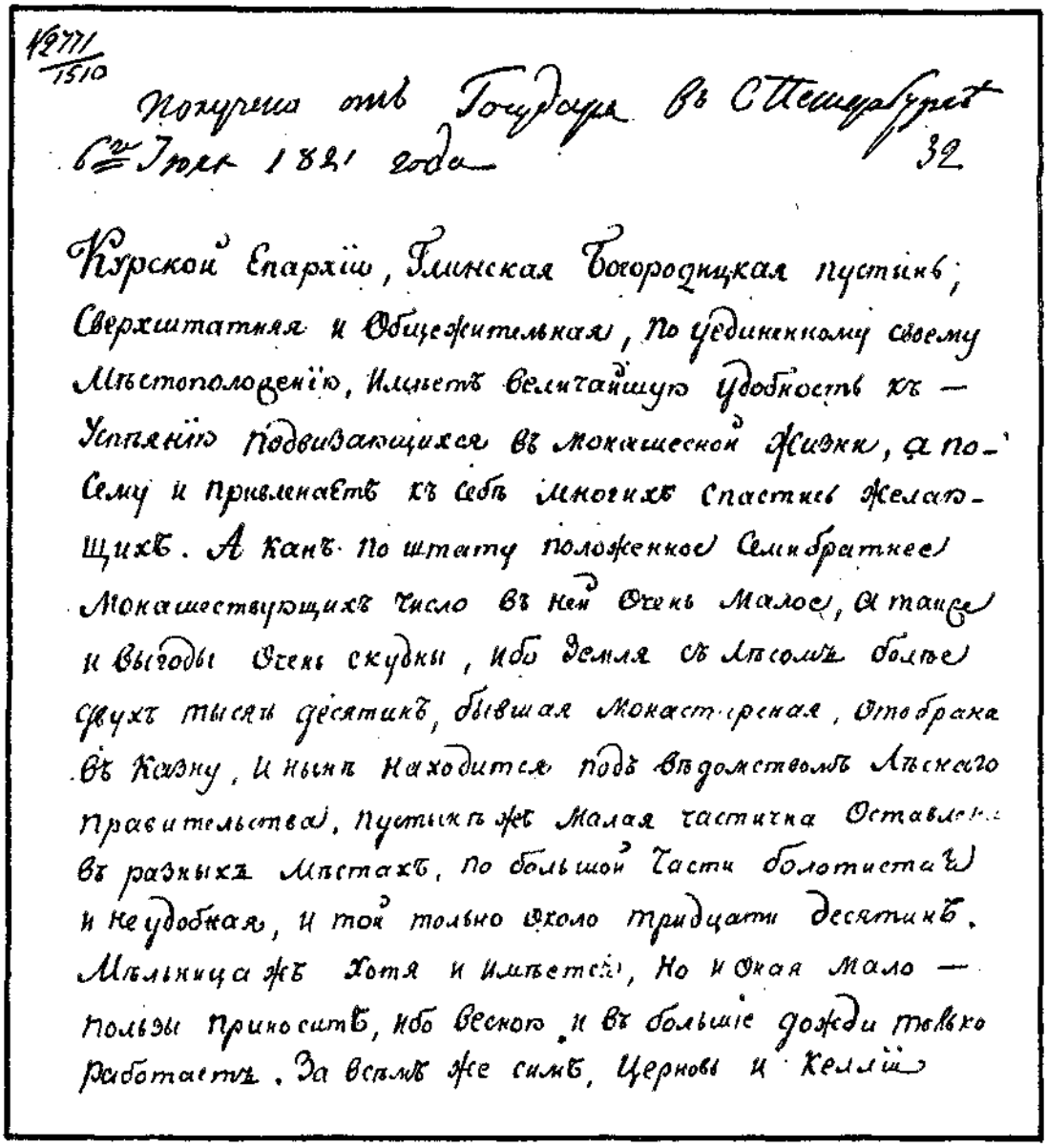
монта. В нижней ее части располагались два смежных храма: летний соборный — Рождества Пресвятой Богородицы и зимний — Святителя Николая, весьма низкий, устроенный на том месте, где должен быть притвор летнего храма, отчего и последний был стеснен[19]. Вверху церковного здания был третий весьма небольшой храм Вознесения Господня. В нем из-за маленьких окон не было достаточного естественного света и даже днем всегда царил полумрак[20]. Церковная утварь была также ветхой, убогой. В зимнем храме иконостас от сырости обветшал, а внизу сгнил, пол также сгнил и провалился[21]. Подобная за-

пущенность царила и вокруг храма. Ветхая низкая каменная ограда, окружавшая обитель, местами совершенно развалилась. Эта нищенская обстановка свидетельствовала о том, что средств у обители было недостаточно (монастырских денег о. Филарет принял всего 370 руб. 50 коп. ассигнациями, т.е. 111 руб. 15 коп. серебром[22]), и что мало внимания оказывали настоятели ее благоустройству, поскольку до игумена Филарета они здесь, как правило, постоянно не проживали, находясь большую часть времени при архиерейских домах.

Иноки пустыни не имели часто самого необходимого: жилья, нужной одежды, пищи. Отец Филарет с несомненной верой говорил братии: "Матерь Божия нас собрала, Она и попечется о нас. Нам должно учиться терпению". Однажды в течение трех дней в пустыни не было хлеба. На трапезе подавалась лишь вареная свекла. Два дня братия вели-

Прошение иноков Глинской пустыни князю А. Н. Голицыну от 28 февраля 1824 г. (Фрагмент). РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 84 об.

12771/1510

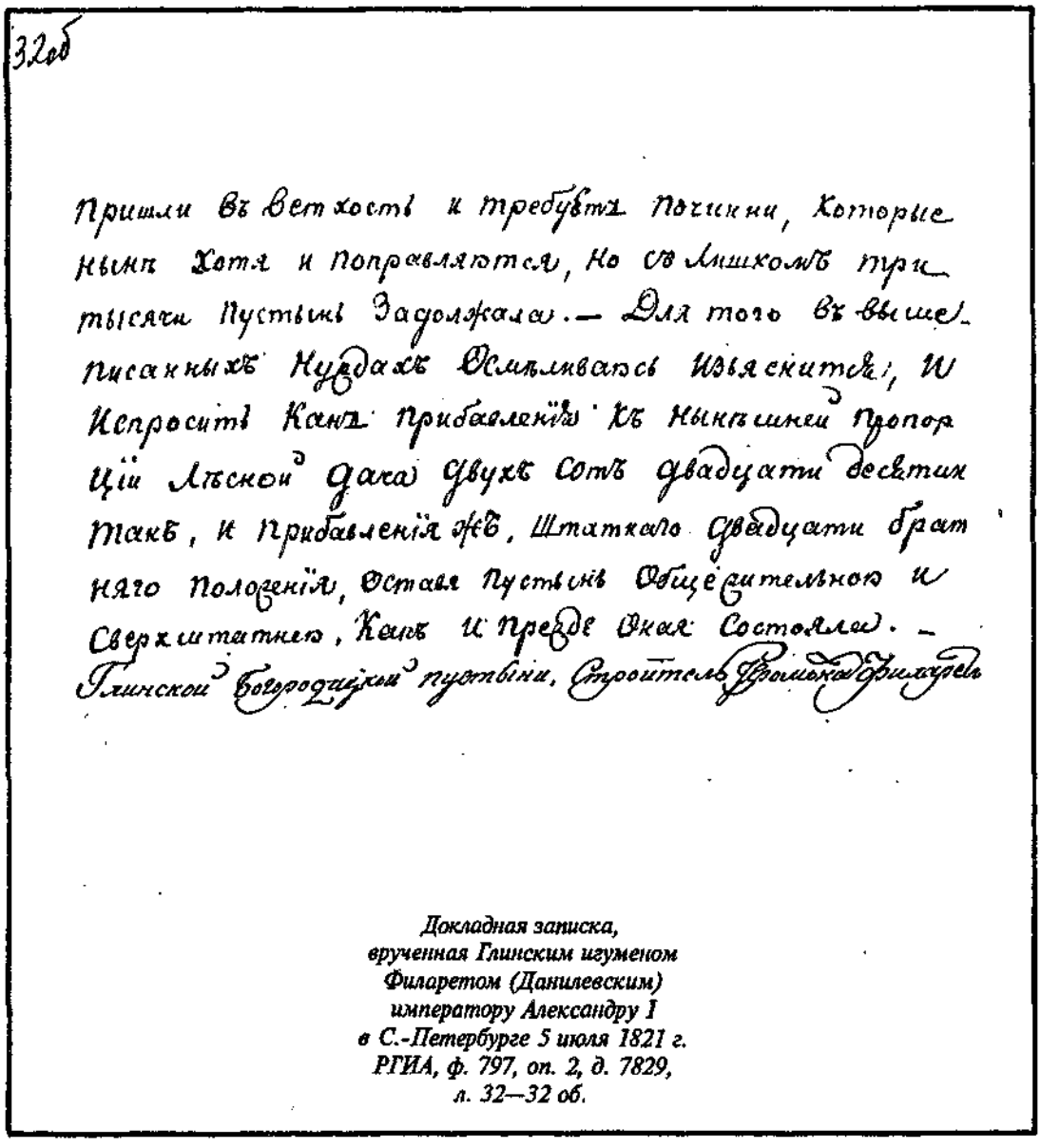
Получена отъ Государя въ С.Петербургѣ
6го Іюля 1821 года 32

Курской Епархіи, Глинская Богородицкая пустынь;
Сверхштатная и Общежительная, По уединенному своему
Мѣстоположенію, Имѣетъ величайшую удобность къ —
Успѣянію Подвизающихся въ Монашеской Жизни, а по-
Сему и привлекаетъ къ себѣ многихъ Спастись желаю-
щихъ. А какъ По штату положенное Семибратное
Монашествующихъ число въ ней Очень Малое, а такъ
и Выгоды Очень скудны, ибо земля съ Лѣсомъ болѣе
двухъ тысячъ десятинъ, бывшая Монастырская, Отобрана
въ Казну, и нынѣ Находится подъ Вѣдомствомъ Лѣснаго
Правительства, пустынь же Малая частичка Оставлена
въ разныхъ Мѣстахъ, По большой части болотистая
и Неудобная, и той только около тридцати десятинъ.
Мельница же хотя и Имѣется, Но и Оная Мало —
пользы приноситъ, ибо весною и въ большіе дожди только
работаетъ. За всѣмъ же симъ, Церковь и Келлій

кодушно переносили это испытание Божие, а на третий некоторые малодушные пришли к о. Филарету за благословением, чтобы оставить обитель. В ответ старец слезно уговаривал братию потерпеть еще некоторое время и убеждал, что Матерь Божия, на Которую он твердо уповает, не оставит их и вскоре подаст им Свою помощь. Братия вразумились увещанием настоятеля и разошлись по келлиям. И действительно, на следующую же ночь "пришел большой обоз, в 28 или 30 возов муки, пожертвованной неизвестным помещиком"[23].

Укрепляемый помощью свыше, о. Филарет за годы своего настоятельства в полном смысле преобразил Глинскую пустынь и внешне, и духовно.

Прежде всего о. Филарет направил свою деятельность на созидание

32об

Пришли въ ветхость и требуютъ починки, которые нынѣ хотя и поправляются, но съ лишкомъ три тысячи Пустынь задолжала. — Для того въ вышеписанныхъ нуждахъ осмѣливаюсь изыскитель, и испросить Канъ прибавленія къ нынѣшней пропорціи Лѣсной дачи двухъ сотъ двадцати десятинъ такъ, и прибавленія же, штатнаго двадцати братняго положенія, оставя пустынь общежительною и сверхштатнею, какъ и прежде оная состояла. — Глинской Богородицкой пустыни, строитель Игуменъ Филаретъ

Докладная записка,
врученная Глинским игуменом
Филаретом (Данилевским)
императору Александру I
в С.-Петербурге 5 июля 1821 г.
РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829,
л. 32—32 об.

и украшение живых храмов Божиих в сердцах вверенной ему братии. Для этого ему были дарованы от Бога особые средства: сила духа, обилие благодати и пастырская ревность.

Заботясь о высоте нравственно-подвижнической жизни братии и одновременно решая другую, не менее важную, задачу, связанную с улучшением чина богослужения, о. Филарет постепенно начал вводить в Глинской пустыни строгий общежительный устав по чиноположению Святой Афонской Горы.

Вспомним о том, что представляет собой Святой Афон для православной России, да и не только России. В своем поучении на эту тему Высокопреосвященный Никанор (Бровкович), архиепископ Херсонский и Одесский, еще в 1887 году говорил: "Афон есть высшее

выражение христианского идеала... Афон есть обращение всех лучших задач жизни в наивысшую задачу непрестанной молитвы, непрестанного славословия Богу в высшей евангельской чистоте души и тела, сердца и помыслов, пожеланий и стремлений. Оттого весь Афон есть единый благолепнейший храм Единого Превысочайшего Бога. Афон от края до края Святой Горы есть непрестанная молитва, не прекращающееся славословие Богу, немолчное денноночное Богу благодарение. Оттого на Афоне более чем полусуточные, от заката до восхода солнечного, всенощные; оттого там непрерывные переходы от литургии к литургии, от малой к великой вечерне, от повечерия к вечернему правилу, от молитвы на сон грядущим к полунощнице и утрене утру глубоку. Оттого там неусыпаемое, несмолкающее чтение и пение Псалтири, акафистов, молебствий и всяческих молитвословий.

Святой Афон есть теплица, есть питомник, есть рассадник подвижничества всякого рода даже до сего дня... да и всякий Афонец есть подвижник, подвижник вольною неволею. Всякий там не имеет своей воли, а подчинен воле старца, подчинен общему духу и уставу монашеского самоотречения. Всякий выстаивает большую часть суток на молитве и богослужении, а остальную часть проводит в трудах послушания. Всякий Афонец вкушает только то, что положено по уставу, и в таком количестве, в каком яства подаются в общих трапезах... Кроме того, общий Афонский дух поощряет не пресыщение, а, напротив, истощение тела скудостью питания. Всякий Афонец изнуряет и рановременно умерщвляет тело трудами всякого рода, частовременными бдениями, одним почти непрерывающимся стоянием... Афон сохранил в чистейшей неприкосновенности, в духе и бу́кве, уставы и отшельничества, и пустынножительства, и общежительства, и особых родов подвижничества... Афон передал свои уставы и заветы, свой чин и дух святым обителям и нашего христолюбивого Отечества... Дух и чин, правила и уставы Афона проникли все церковное чинопоследование всех церквей Святой Православной Руси, как нерушимый завет святых отцов, как совершеннейший идеал..."[24]

Глинский устав[25], составленный о. Филаретом по образцу Афонского, состоит из трех отделов, включающих 36 глав. В первом отделе определен чин богослужения, поминовений, порядок в трапезе; во втором — обязанности братии на послушаниях, в келлиях; в третьем — обязанности настоятеля и старшей должностной братии: духовника, благочинного, ризничего, уставщика, казначея и других.

Устав Глинской пустыни отличается от других не только строгостью и точностью исполнения церковных правил, но и некоторыми обрядами, совершаемыми при богослужениях, такими, как ношение диаконами по церкви гробниц (дарохранительниц), каждение кациями (кадильницами, имеющими вместо цепей ручки. — *А. И.*) предстоящих однажды, а "каждый лик поющих братий двукратно; ежемесячное (в первую неделю нового месяца. — *А. И.*) освящение воды и ежегодное в Страстной четверг совершение общего Елеосвящения, после чего все предстоящие помазуются священным елеем"[26].

Объясняя сущность этих обрядов, автор "Исторического описания Глинской/Богородицкой пустыни..." Н. Самойлов пишет: "...гробницы, в которых Божественные Таины на Святом престоле хранятся, изобра-

жают гроб Спасителя... когда диаконы выходят из алтаря и являются с гробницами на раменах (плечах. — *А. И.*) и с кадильницами в руках, тогда умы верующих обращаются к воспоминанию радостного о Христовом Воскрешении благовестия, которое мироносицы приняли от Ангелов, явившихся в ризах блистающих и глаголавших им: "Иисуса Распятаго ищете? Несть зде, но воста, придите, видите место, идеже лежа Господь".

Кации введены в употребление ради воспоминания о явлении в некоем общежитии Ангела, который, обходя иноков с ковчежцем священного елея во время бдения, удостоивал своего благословения келлии даже тех братий, которые, занимаясь из послушания монастырскими работами, или по причине своей тяжелой немощи не могли присутствовать при соборном пении, а через это показывал, что, хотя сии братия и отсутствуют телом, но духом соединяются со всею церковью молящихся и участвуют в благах соборной молитвы.

Двукратное каждение ликов установлено в память видения Божией Матери, даровавшей поющим братиям златницы, а другим предстоящим цаты, в новоустроенной преподобным Афанасием Афонской церкви, в показание сугубого Божия благоволения к тем, кто своим спокойствием жертвует долгу послушания и братоподобия и общему всей церкви утешению и назиданию"[27].

Богослужение Глинской пустыни, включающее особенности древних афонских обычаев, было всегда продолжительным, благоговейным, величественным и торжественным, что производило на молящихся глубокое и неизгладимое впечатление. В "Рукописном описании Глинской пустыни 1829 года" о богослужениях обители сказано: "Общая цель их уставного чина есть возбуждение и введение умов и сердец в истину и любовь Божию"[28].

Глинский чин богослужений отличался особым древним церковным распевом. Благочестивый о. Филарет не допускал в своей обители партесного пения[29]. В уставе он указал: "Певцы... да поют умиленно и согласно... со страхом Божиим, дабы предстоящих сердца умилить и привести к прославлению имени Божия и упользовать души, жаждущие спасения"[30].

В соответствии с уставом повседневное утреннее богослужение начиналось в Глинской пустыни в полночь. После утренних молитв и полунощницы совершалась утреня, которая в простые дни продолжалась три часа. После кафизм и по 6-й песни читались святоотеческие поучения и Пролог. По окончании утрени бывала лития за усопших.

В будни в 6 часов совершался повседневный акафист Богородице (по субботам в 5 часов утра — соборный акафист Богородице). После акафиста каждый день в 8 часов начиналась Божественная литургия.

Вечерня начиналась в 16 часов как в простые, так и в праздничные дни. По окончании вечерни в притворе была лития за усопших; по отпусте совершали 12 поклонов с молитвой: "Упокой, Господи, души усопших раб Твоих" и расходились по келлиям.

В 18 часов совершалось повечерие с канонами: Иисусу Сладчайшему, Богоматери и Ангелу Хранителю, по окончании повечерия в храме читались молитвы на сон грядущим и помяник повседневный. После молитвы исповедания чредной иеродиакон выносил из алтаря

Святой Крест. Настоятель или чредной иеромонах, взяв Крест, целовал его, и все предстоящие кланялись и благоговейно целовали Честной Крест; певцы же пели в это время стихиры Кресту: "Иже Крестом ограждаеми..." Затем, сотворив три малых поклона, все с молитвой уходили в свои келлии.

Воскресное и праздничное бдение начиналось в полночь и продолжалось в Господские и Богородичные праздники (кроме чтения кондаков и икосов акафиста) пять часов, а в прочие праздники — четыре часа.

В воскресенье, в 5 часов утра совершался соборный акафист Иисусу Сладчайшему. В 8 часов начиналась праздничная литургия.

По окончании литургии иноки во главе с настоятелем шли попарно в трапезу. Впереди несли икону праздника и Святую Панагию (Богородичную просфору). Во время трапезы чтец читал жития святых. Остальные же братия соблюдали полную тишину. По окончании обеда старший трапезный подносил корзинку к настоятелю. Тот опускал остатки хлеба, корзинка передавалась через весь стол, и каждый опускал в нее остатки. Потом все вставали, читалась молитва, возвышалась просфора, певцы пели "Блажим Тя вси роди", и просфора подносилась служащим иеродиаконом братиям. Все отщипывали частицу и вкушали ее. Пономарь, идущий за иеродиаконом, кадил братий. Затем прикладывались к иконе, брали благословение у настоятеля и прежним порядком возвращались в храм. Там певцы пели тропарь и кондак празднику, и братия расходились по келлиям. Такой чин соблюдался и в простые дни, кроме звона и ношения иконы с пением.

Отец Филарет ввел и закрепил в уставе строгий порядок поминовений о здравии и о упокоении. Кроме обычных поминовений на проскомидии, ежедневно поминались живые и усопшие по особому синодику. Такое же поминовение о здравии было установлено на ежедневных акафистах. Но особенно много поминовений совершалось об усопших: в простые дни на литиях после утрени и вечерни (по пятницам на братских панихидах), на которых, кроме братий обители, поминались благотворители и все христиане[31]. Отец Филарет установил также в Глинской пустыни непрерывное чтение Псалтири (в особом помещении старцы по очереди день и ночь читали Псалтирь с поминовением усопших). Наконец, во время литургии (до "Достойно") священноиноки в алтаре читали "Большой синодик", в который были вписаны усопшие императоры, члены императорского дома, духовные особы с их родами и благодетели[32].

В соответствии со вторым отделом устава в обители ни у кого не было никакой собственности, братия сама исполняла все черные труды, женщинам вход везде, кроме храма, был воспрещен[33], с родственниками можно было видеться только в гостинице, и то по благословению настоятеля, в келлиях не разрешалось никого принимать[34].

Архиепископ Воронежский и Задонский Антоний (1773—1846), с которым игумен Филарет не прерывал общения до самой своей кончины

Преосвященный Антоний Архиепископ Воронежский и Задонский

Дело духовного воспитания иноков и приезжавших в обитель мирян богомудрый настоятель упрочил тем, что ввел в своей обители древний порядок иноческой жизни, учредил правильный порядок духовного руководства. Отец Филарет привел обитель в цветущее состояние через утверждение в ней старчества. Глинская пустынь стала одной из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено уставом. Сущность такого окормления, как это отражает устав Глинской пустыни, состояла в том, что все поступавшие в обитель с первого дня "поручались искусному старцу в повиновение"[35]. Ежедневно они приходили к старцу, очищали совесть подробным исповеданием всех своих помыслов, желаний и поступков, во всем должны были "советоваться со старцем... ни в чем не составлять своего разума"[36], то есть полностью отказаться от своей воли, беспрекословно выполнять все указания старца. Отсечение своей воли — это важное условие нравственного совершенствования братии — было положено в основу монастырского устава, в котором сказано: "...всякое дело творити с благословением и по совести, ибо всякое дело противу совести и не с благословением творимое, часть Иудина есть, якоже и церковный устав объясняет и мнози от Святых в общем житии повелевают..."[37]

В деле старческого руководства о. Филарет особенно большое внимание придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу, поскольку такое откровение является главным методом или способом искоренения страстей. Отец Филарет опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов очень трудно устроять свою духовную жизнь. Иноки же, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способны помогать ближним в их душевных смущениях.

Старцы назначали своим ученикам и келейное правило, состоящее из молитв, поклонов (земных и поясных), чтения Евангелия, Апостола, Псалтири. Например, известный Глинский подвижник, ученик о. Филарета, иеросхимонах Макарий (Шаров) имел следующее правило: две главы Евангелия, главу апостольских Посланий, три кафизмы Псалтири и несколько сот земных поклонов"[38]. Впоследствии такое же правило совершал Глинский иеросхимонах Илиодор (Захаров)[39]. Он клал 150 земных поклонов с молитвою Иисусовою и столько же поклонов с молитвою Богородице. "Кроме того, 33 земных поклона в память тридцатитрехлетней земной жизни Спасителя и молитву св. Ефрема Сирина "Господи и Владыко" с земными поклонами. Последние из поклонов он не делал только в неделю Святой Пасхи. По словам отца Илиодора (Захарова), это правило было назначаемо отцом Филаретом для ревностных подвижников-старцев"[40].

Кроме о. Филарета, новоначальные иноки обращались и к другим Глинским старцам высокой духовной жизни, сиявшим своими богоугодными подвигами и добродетелями.

Так, богат был духовными дарами, по милостии Божией, *отец Феодот* (в миру Феодосий Левченко)[41], скончавшийся 16 июля 1850 года почти столетним старцем. На его могиле и по смерти многие паломники получали исцеления. Монах Феодот отличался глубокой верой в Бога, чистотой сердца, великим смирением, трудолюбием, безропотным перенесением скорбей, обид и даже побоев от невежественных мирских

людей, младенческой простотой, незлобием и искренней горячей любовью к ближним. Иеромонах Иассон, автор первого издания книги, посвященной этому дивному подвижнику, писал о нем: "Судя по высоким добродетелям и богатым благодатным дарованиям, старец Феодот был одним из тех ревнителей веры и благочестия, которые, отрешившись от суетного мира, взяли крест Господа на свои духовные рамена и неуклонно шли вослед своего Спасителя, не останавливаясь на пути, пока не взошли на высоту бесстрастия. Все земное для старца Феодота как бы не существовало; к миру и благам его он оставался совершенно равнодушным и искал только благодатного общения и единения с Богом, к Которому стремился всем своим существом"[42].

Другим подвижником, имя которого широко известно, был *старец Василий* (в миру Владимир Тимофеевич Кишкин). Он родился в 1745 году в Фатежском уезде Курской губернии. В 1780 г. жил на Афоне с двумя учениками[43]. Как духовно опытный старец, он отличался целомудрием, смирением, терпением в скорбях. Был настоятелем Белобережской пустыни; оказал помощь многим монастырям в духовном их устроении. "Отец Василий оставался в каждом монастыре столько времени, сколько нужно было для водворения там строгого устава, т.е. монастырского порядка"[44]. Такой порядок стремился он насадить и в Глинской пустыни. По его молитвам, а также и братии Матерь Божия даровала Глинской пустыни настоятеля Филарета.

С радостью встретил старец Василий о. Филарета и всячески содействовал ему "в деле духовного руководства и введения строгого Афонского устава..."[45].

В течение десяти лет (с 1816 по 1826 г.) он сделал много полезного для духовного возрастания Глинской пустыни, а в отсутствие о. Филарета "поддерживал в обители внутренний порядок", содействуя духовному возрастанию своих учеников. Затем он перешел в Площанскую пустынь, где и скончался в 1831 г.[46].

Отец Филарет ввел в Глинской пустыни, кроме уже бывших должностей — духовника и казначея, новые должности: ризничего, благочинного, уставщика, екклесиарха, эконома, больничного, гостинника и др. Обязанности этих лиц были определены о. Филаретом в третьем разделе устава.

Во главе монастыря стоял настоятель. В деле управления обителью ему помогали соборные старцы (старшая братия): братский духовник, казначей, благочинный и ризничий. Впоследствии, с увеличением числа братий, каждый из них имел помощников. Такой порядок управления обителью, закрепленный уставом, и после игумена Филарета всегда поддерживался в Глинской пустыни.

На основании архивных документов и литературных источников нам впервые удалось установить имена многих соборных старцев периода настоятельства о. Филарета.

Первым упоминаемым в источниках братским духовником при о. Филарете был *иеромонах Аввакум*. Известно, что перед праздником Рождества Христова в 1817 году "по особой нужной монастырской надобности о. Филарет уволил в Глуховский уезд братского духовника иеромонаха Аввакума, который за непогодою в пути не мог вовремя явиться"[47].

Уставъ Общаго Житія

Для Богородицкой Глинской Пустыни.

Составленный

По Чиноположенію Святыя Аѳонскія Горы, и по примѣру имѣющимъ Высочайшимъ повелѣніемъ Утвержденнаго устава Софроніевой Пустыни.

9 Маія Дня 1821 Года

Многія разныхъ Святыхъ Отецъ и Боженосныхъ мужей, Духомъ святымъ движимыхъ, о Духовномъ Монашескомъ житіи, и Церковномъ Чинополоэюеніи, не точію рукописныя, но и тисненію преданныя наставленія и Уставы обрѣтаются: По чему всякъ желающій спасенія, и стяжанія своея души въ духовномъ житіествѣ, да надлежитъ оными прочитывати: Здѣ же кратко описуется Чинополоэюеніе Церковное, и Общее житіе въ Богородицкой Глинской пустыни, по примѣру Устава Софроніева пустыни, по Чинополоэюенію Святыя Аѳонскія Горы расположенное, съ примѣненіемъ къ возможности нынѣшняго рода въ продолженіи служенія, по согласію Настоятеля и братіи.

Устав Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, представленный игуменом Филаретом в 1821 г. в Св. Синод. (Первые листы). РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 9—10

Статья первая.
О Чинополоэюеніи Церковномъ.
Глава первая.
О Церковныхъ бдѣніяхъ въ Господскіе и Богородичные Праздники.

Въ храмовый Праздникъ Рождества пресвятыя Богородицы, и Приснодѣвы Маріи: Въ началѣ десятаго часа полудни, приходитъ Парѳеклисіархъ въ Мантіи и клобукѣ къ

Далее сведения сохранились лишь о *иеросхимонахе Пахомии* (Сковородка), духовнике Глинской пустыни в самом начале 20-х годов XIX века. Этот подвижник в миру был кавалергардским поручиком. В 1800 г. он поступил в Софрониеву пустынь, в 1802 г. был пострижен в мантию. С 1803 г. он подвизался на Св. Афонской Горе, где в 1805 г. принял постриг в схиму. В 1808 г. о. Пахомий вернулся в Россию, поступил в Белобережскую пустынь, но впоследствии перешел в Домницкий, а затем в Петропавловский монастырь. С 1819 г. подвизался в Глинской пустыни, в которой принял священный сан. Отец Филарет поручал старцу Пахомию, как строгому подвижнику, окормление новопостриженных иноков. Так, в 1820 г. его руководству был вверен после пострижения в рясофор о. Иоиль, впоследствии известный схиархимандрит Илиодор (Голованицкий); но, как сказано в жизнеописании о. Илиодора, он недолго был под рукводством своего любимого старца. Иеросхимонах Пахомий вскоре окончил свое земное поприще, мирно почив о Господе[48]. По-видимому, кончина его последовала до 1822 года, поскольку на документах обители начала 1822 года подписи о. Пахомия уже нет.

Вероятно, после него духовником Глинской пустыни стал *иеромонах Варсонофий*. Его подпись на документах обители встречается в течение периода с 5 января 1822 года по 28 февраля 1824 года[49]. Это был муж высокой добродетели. В жизнеописании старца Илиодора сказано, что он имел большое влияние на настоятеля Филарета[50].

В 1824 году духовником и казначеем Глинской пустыни был назначен ученик о. Филарета *иеромонах Порфирий* (Мамчич). Он поступил в Глинскую пустынь в 1819 году, в тот же год пострижен в монашество, через месяц посвящен во иеродиакона, а на следующий день — во иеромонаха[51]. По отзывам современников, этот духовник был "достопочтенный и всеми знающими его уважаемый старец"[52].

В 1826 году духовником Глинской пустыни стал *иеросхимонах Пантелеимон*, до этого 18 лет подвизавшийся на Афоне. Он "отличался ревностью к подвигам и назидательностью для братии"[53]. В 1828 году о. Пантелеимон основал Ближний скит Глинской пустыни. Скончался он в 1831 г.

В середине 1830-х годов братским духовником был *иеромонах Антоний*[54].

В конце настоятельства о. Филарета в 1840—1841 гг. духовником обители опять стал иеромонах Порфирий (Мамчич)[55].

В самом начале настоятельства о. Филарета *казначеем* Глинской пустыни был *иеромонах Паисий*. Он происходил из купеческой семьи г. Кролевца Черниговской губернии. Постриг в монашество принял в Глинской пустыни в 1814 году. В том же году, 12 марта был рукоположен во иеродиакона, а 14 марта — во иеромонаха. Проходил в Глинской пустыни послушание казначея. Он недолго подвизался под руководством аввы Филарета, но перенял многое из его старческой мудрости. В конце 1817 года о. Паисий как духовно опытный подвижник был назначен настоятелем Обоянского Знаменского монастыря и в

Старец Феодот (Левченко)
(+1859 г.)

начале 1818 года принял там настоятельство[56]. Как истинный ученик о. Филарета, он самоотверженно трудился на благо обители. Отец Паисий возобновил Предтеченскую церковь, построил двухэтажный каменный корпус; училищную бурсу, обнес монастырь каменной оградой, но главное, впервые ввел в Обоянском монастыре общежитие по примеру Глинской пустыни[57]. "За особенное старание о пользе и благоустройстве обители" в 1818 году он был посвящен в сан игумена. После тринадцатилетнего управления Обоянским монастырем 22 июля 1831 года о. Паисий был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Коренной пустыни. В эту обитель он также принес мудрые наставления, заветы о. Филарета и все свои силы отдавал делу благоустройства монастыря. Отец Леонид (Кавелин) писал: "Архимандрит Паисий... был одним из наиболее потрудившихся в пользу Коренной пустыни ее настоятелей. Каменные крытые сходы, ведущие от соборного храма к нижней церкви Живоносного источника навсегда останутся незабвенным памятником усердия о. Паисия к благоукрашению сей обители"[58]. В 1835 г. он был сопричислен к ордену Св. Анны 2-й степени. Архимандрит Анатолий (Ключаров), характеризуя нравственный облик о. Паисия, писал, что это был духовный старец "неукоризненной жизни и бескорыстного служения"[59].

После многих трудов, подъятых для церкви Христовой, архимандрит Паисий скончался в Коренной пустыни 2 мая 1841 года[60].

В начале 1820-х годов казначеем Глинской пустыни был иеромонах Анастасий[61]. Затем, с 1824 и до конца 1830-х годов, — упомянутый выше иеромонах Порфирий (Мамчич)[62].

Благочинным обители с 1824 года был иеромонах Амфилохий (Скубырин)[63], впоследствии известный Глинский старец *иеросхимонах Анатолий благоговейный* (см. его жизнеописание в V главе).

В 1837—1841 гг. благочинным Глинской пустыни был *иеромонах Феодосий*, впоследствии известный духовник Святогорской пустыни. Он был посвящен во иеродиакона уже на следующий год по пострижении, а еще через год — во иеромонаха[64]. "Отец Феодосий был монахом в полном смысле этого слова, подвижник и муж духовно опытный, под руководством игумена Филарета, стязавший редкий дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой"[65].

Ризничим Глинской пустыни в 1820-х годах был *иеромонах Самуил*, один из близких учеников старца Филарета[66]. О нем известно, что он был опытным делателем Иисусовой молитвы и находился в духовно-дружеском общении с будущим Оптинским старцем Макарием (Ивановым)[67].

В 1837 году ризничим был *иеромонах Епифаний*[68]. Сведений о нем не сохранилось.

Много и других правил монашеского общежития, назидательных рекомендаций, содействующих духовному, нравственному совершенствованию братии, содержится в уставе Глинской пустыни. В строгом соблюдении устава о. Филарет видел успех духовной жизни обители, "все благо доброго порядка, в котором видимо хранится сокровище душеспасительных дел". Вот почему он наставлял, чтобы

братия обители "устав, как святое предание, сохраняли свято по заповеди Христа Спасителя: слушаяй вас Мене слушает"[69].

В подтверждение сказанного важно привести воспоминания современников о. Филарета. Так, старец Илиодор (Голованицкий) слышал, как игумен Филарет говорил: "Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими преемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковым буду судиться на суде Божием"[70].

Для того чтобы устав прочно вошел в обиход иноческой жизни, игумен Филарет решил представить его в Святейший Синод на утверждение. В июне 1821 года он послал написанный им устав (на 37 страницах) в Курскую Духовную Консисторию. Преосвященный Евгений (Казанцев), епископ Курский и Белоградский, рассмотрел и одобрил устав Глинской пустыни.

9 августа 1821 года он писал, представляя устав в Святейший Синод: "По рассмотрении означенного строителем иеромонахом Филаретом написанного устава оказалось, что оный по содержанию сходен с уставом Софрониевой пустыни... впрочем, устав Глинской пустыни ближе к уставу церковному"[71].

Храм в честь Иверской иконы
Божией Матери над Святыми вратами
Глинской пустыни. Храм и врата
построены игуменом Филаретом
в 1826—1831 гг.
Фотография начала XX в

Одновременно путивльские и глуховские жители разных сословий (дворяне, купцы, духовные лица) обратились с письмами к министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну с просьбой об утверждении устава, составленного Глинским настоятелем о. Филаретом по чину Святой Афонской Горы[72].

Устав Глинской пустыни был утвержден Святейшим Синодом 24 августа 1821 года[73].

Впоследствии о. Филарет сам тщательно переписал Глинский устав так называемым уставным письмом и переплел в кожу[74].

Глинская обитель имела духовное общение с Афоном не только в исполнении чиноположения устава "по образцу Афонского", но и благодаря паломничеству на Афон некоторых иноков пустыни.

Так, в 1833—1834 годах ученик о. Филарета Глинский послушник Алексей Митрофанов (в монашестве Арсений) посетил Иерусалим, Синай и Святую Афонскую Гору[75]. В 1836 году получил разрешение от Св. Синода на поездку для поклонения Гробу Господню и другим святым местам монах Глинской пустыни Пафнутий[76]. По всей вероятности, он посетил также и Святой Афон.

Одновременно с подъемом внутренней, духовно-подвижнической жизни братии о. Филарет много сил отдал и внешнему благоустройству обители. Он принял Глинскую пустынь в плачевном состоянии, но с твердым упованием на Божию помощь ревностно принялся ее восстанавливать. На средства благотворителей, знавших его еще по Софрониевой пустыни, о. Филарет сразу же по вступлении в должность настоятеля произвел самые необходимые исправления ветхих келлий.

Столярная мастерская

Заметные перемены во внутреннем и внешнем благоустройстве обители произошли уже через месяц управления обителью о. Филаретом. Это отметил при посещении Глинской пустыни Преосвященный Феоктист. Он с радостью сказал: "Слава Богу чудодеющему! Ныне возрадовася душа моя: вижу Лазаря из мертвых воскресша"[77], и 1 июля 1817 г. в Курске наградил о. Филарета набедренником "за многополезное и высокоразумное управление"[78] святой обителью. В 1818 году о. Филарет был награжден наперсным крестом в память 1812 года[79].

В 1818 году в пустыни был построен каменный флигель для просфорни[80].

Кроме молитвенного подвига и уставных особенностей богослужения, Глинская пустынь вносила свой вклад в духовное просвещение народа посредством строительства храмов. В свою очередь строительство храмов являлось наглядным свидетельством глубокой веры православных людей в Пастыреначальника Иисуса Христа. Храмы — живые айсберги, куда устремляется народ, истерзанный грехами и многообразными треволнениями. В них верующие находят отраду и успокоение своих мятущихся душ. Храмы служили делу духовного просвещения людей, укрепления в них веры Христовой.

До прибытия в Глинскую пустынь о. Филарета храмы ее не отличались особым величием, что стало характерно для более позднего времени. На средства благотворителя помещика Д. С. Бровцына о. Филарет привел в благолепие теплый храм Святителя и Чудотворца Николая. В нем были заменены полы, окна, двери, сделан резной позлащенный иконостас и расписаны стены. Для этого храма также были куплены новые иконы и лампады[81]. 15 августа 1819 года теплый храм обители был освящен[82] новым (после кончины в 1818 году архиепископа Феоктиста) правящим архиереем — Преосвященным Евгением (Казанцевым)[83]. После освящения храма он сказал назидательное поучение для братии Глинской пустыни и всех паломников[84], смысл которого сводится к тому, чтобы православные христиане заботились как о внешнем благолепии храмов, так и о созидании внутреннего духовного храма: "Кто со Христом не распинает страстей своих, кто не жертвует за истину жизнью со Христом и Его мучениками, — тот не составляет собою храма Христова, тот не есть христианин, хотя и носит сие священное имя..."[85].

По всей справедливости Преосвященный Евгений связывал начавшееся процветание Глинской пустыни не столько с внешним, сколько с духовным возрождением обители. Он увидел братию монастыря в полном духовном единении, стремлении к подвижническому житию и поэтому в своем поучительном слове отметил, что процветание Христовых обителей всегда происходило и происходит не столько от внешнего благолепия, сколько от внутреннего благочестия братий, которые добрым подвигом подвизаются воплотить в своих душах идеал Христова учения.

Предвидя будущую славу Глинской пустыни и ее насельников, епископ Евгений в своем слове призвал братию возрастать в духовной жизни и возносить жертвы духовные, благоприятные Богу (I Петр. 2, 5). "Тогда, — сказал Преосвященный Евгений, — вам воспоет Исаия духом:

"Радуйся, пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цветет, яко крин, и процветет и возвеселится, и слава Ливанова дадеся ей и честь Кармилова, и узрят людие Мои славу Господню и высоту Божию" (Ис. 35, 1, 2)[86].

Проявляя заботу о благоустройстве обители, игумен Филарет в том же 1819 году выстроил одноэтажный деревянный братский корпус на шестнадцать келлий[87]. К сожалению, по скудости материальных средств он не мог поставить здание на каменный фундамент и покрыть его железом. Это осуществилось только в 1903 году.

В 1820 году был сделан капитальный ремонт соборного храма, с северной и южной сторон которого о. Филарет выстроил два больших притвора со сводами[88]. Освящение собора также совершил Преосвященный Евгений, очень любивший Глинскую пустынь и называвший ее "...из всех отдаленнейшую местом, но ближайшую к моему сердцу"[89]. Освятив соборный храм 6 сентября того же года, архипастырь обратился к настоятелю и братии обители с речью, проникнутой горячей любовью и заботой о благоустройстве пустыни. Он сказал: "Другие обители довольно обеспечены способами к ссодержанию... а вы еще уподобляетесь Илии, в пустыне от ангела питаемаго. Ибо какое имя приличнее тем христианам, которые благотворят вам, как имя ангелов, посылаемых в пустыню от Господа?.."[90].

Святитель Филарет
(Дроздов)
(1782—1867),
митрополит
Московский
и Коломенский

Далее архипастырь вновь и вновь призывает братию вместе с обновлением храма преображаться духом, обновляться сердцем, не давать греховным мыслям парения, телу — излишней сытости и покоя, бояться праздности — матери уныния и злых помыслов, питательницы сна и плотских похотей[91]. Он убеждает братию жить в союзе и единодушии, не возноситься умом, чтобы враг не погубил поодиночке, а повиноваться в простоте сердца, так как "повиновение безусловное есть характер Иисуса Христа"[92]. Особенно он подчеркивает в своем слове необходимость монахам иметь повиновение настоятелю. Для примера он указывает на жизнь тех мирских семей, в которых царит взаимная любовь, благополучие не потому, что глава семьи "высокого ума", а потому, что все члены семьи в простоте сердца, единодушно повинуются отцу семейства.

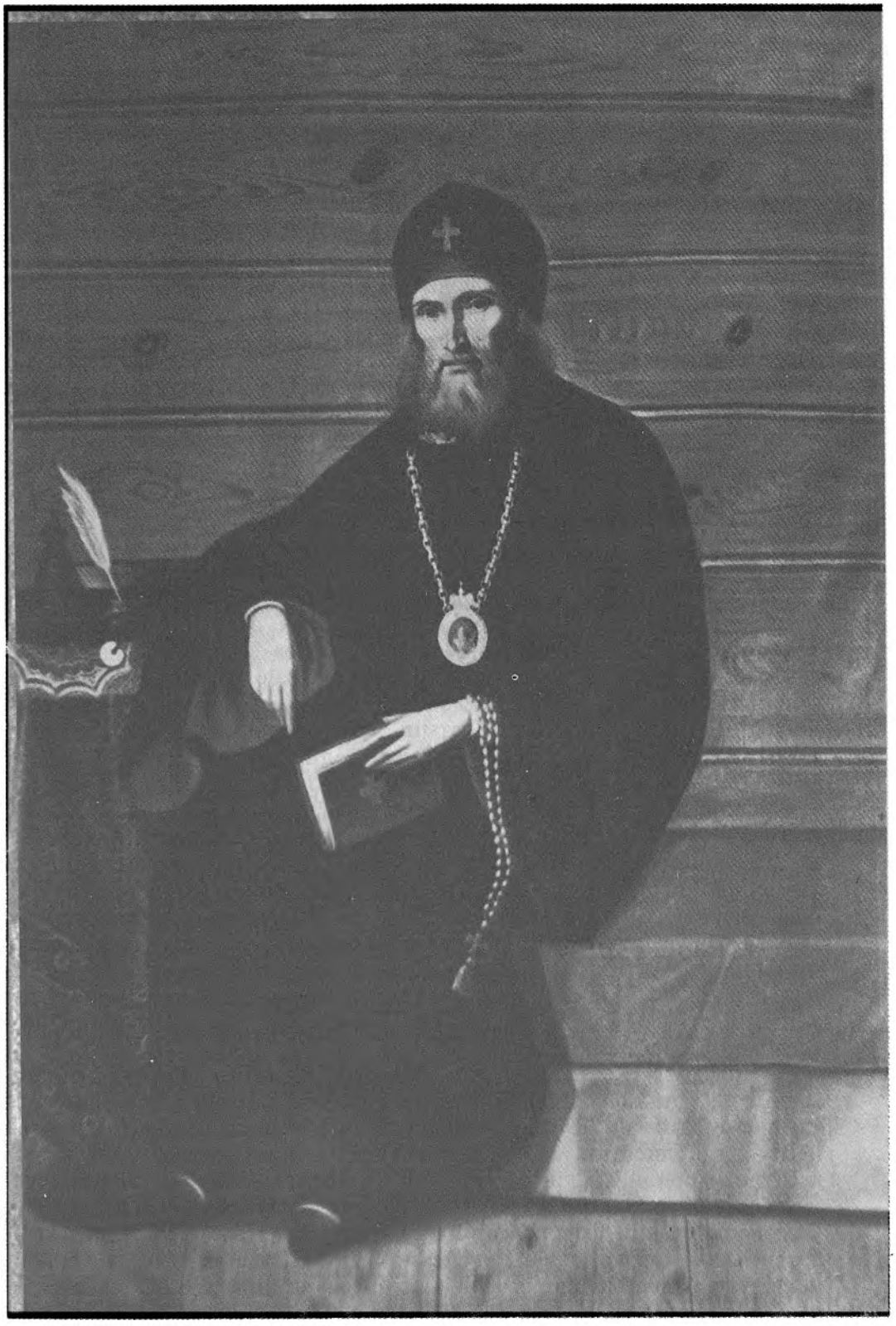
В том же 1820 году с благословения архипастыря Евгения (Казанцева) гостиница была перенесена с южной стороны на северную, и там был построен дом с обширным двором. "Святые ворота прежде были более на запад, отец Филарет устроил их как раз против храма"[93].

Однако этим не ограничивается внешняя преобразовательная деятельность о. Филарета в Глинской пустыни. В 1821 году вместо ветхих домиков, стоявших на южной стороне храма, о. Филарет на средства, пожертвованные усердным благотворителем Глинской пустыни харьковским помещиком К. Д. Хрущовым[94], построил большой одноэтажный каменный корпус на мезонине для трапезы, кухни и пекарни с двенадцатью келлиями и погребами под корпусом[95].

Таким образом, строитель Филарет занимается не только ремонтом построек, но и принимает ряд конструктивных решений: определяет новую планировку, строит новые здания в обители. Но так как в ходе работ возникали трудности со строительным материалом, то для облегчения возведения каменных зданий о. Филарет построил вблизи обители кирпичный завод[96]. Описанием названных выше построек жанчивается первый этап строительных работ, проведенных о. Филаретом в Глинской пустыни. Недостаток финансовых средств и строительных материалов приостановил активную деятельность о. Филарета по возобновлению Глинской пустыни.

Подчеркивая ту огромную роль, которую сыграл игумен Филарет в восстановлении Глинской обители уже за первые три года своего настоятельства, Преосвященный Евгений (Казанцев) писал в 1820 году обер-прокурору Св. Синода: "Глинская пустынь стоит наряду с лучшими Курской епархии монастырями, а по уединенному своему месту и по стечению в оную богомольцев и желающих в ней водвориться первая по Софрониевой"[97].

В январе 1821 года министр духовных дел и народного просвещения, тайный советник и кавалер князь Александр Николаевич Голицын писал Глинскому настоятелю: "Преподобный Отец, Строитель иеромонах Филарет, Милостивый Государь мой! Курской губернии Путивльские дворяне и Глуховские разного сословия жители

прислали ко мне прошение, в коих объясняют, что Глинская Богородицкая пустынь по случаю всегдашнего отсутствия прежних ее настоятелей доведена была до совершеннаго упадка, но попечением Вашим приведена ныне в устройство, и что в сей пустыни введен по уставу Афонской горы, согласно учрежденному с Софрониевой пустынью, общежительный порядок..."[98]

Для продолжения строительных работ, а также для отопления зданий обители был необходим лес. Глинская же пустынь, окруженная со всех сторон лесом, не имела права использовать его для своих нужд, поскольку он составлял казенную собственность. 14 ноября 1818 г. отец Филарет обратился к епархиальному начальству с просьбой о выделении для обители необходимой части леса[99].

Со своей стороны Курская Духовная Консистория по указанию Преосвященного Евгения обратилась в Курскую казенную палату с требованием рассмотреть и удовлетворить прошение Глинской пустыни о наделении ее землей. Однако 12 июля 1819 года казенная палата сообщила, что близ Глинской пустыни нет казенных оброчных земель, которыми распоряжается Палата, а находятся казенные леса непосредственного ведения и распоряжения лесного управления[100], поэтому Палата просьбу Глинской братии удовлетворить не может. Тогда по благословению епархиального начальства о. Филарет обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну[101]. В прошении от 20 октября 1819 года о. Филарет писал, что после отобрания в 1789 году монастырских владений в казенное ведомство у Глинской пустыни осталось менее 30 десятин удобной к земледелию земли (а всего вместе с неудобной 36 десятин 494 сажени). "Пашни вовсе нет, покос неудобный, болотистый, лесу строевого и дровяного недостаточно... Пустынь сия, лишенная самых нужных потребностей, и по самому даже уединенному и удаленному местоположению своему от щедрой руки дателей, не только к улучшению или пристойному содержанию, но даже и к поддержанию всего в ветхость от течения времени приходящего каменного церковного и деревянного монастырского строения, решилась прибегнуть со смиренным прошением к Вам, Сиятельнейший Князь, яко попечителю и благотворителю духовного сословия, да милостивым ходатайством Вашим у Всеавгустейшего Монарха испросите... о даровании нашей пустыни означенную в представляемом при сем плане землю с лесом"[102]. Далее Глинские иноки указывали, что испрашиваемая земля не затрагивает чьих-либо интересов, "иначе мы бы не осмелились беспокоить Ваше Сиятельство..."[103].

Князь А. Н. Голицын потребовал от Курского Преосвященного точных сведений о состоянии обители. Епископ Евгений подтвердил, что имение пустыни в 1789 году отошло в казну и обитель до сих пор еще не получила полностью определенных высочайшим указом 1797 г. 30 десятин удобной земли. Монастырь не имеет средств не только для "содержания братий, но и ...для поддержания самих храмов Господних"[104]. О ветхости зданий Глинской пустыни архиерей писал: "На колокольне... деревянная крыша обветшала и во многих местах бывает течь к немалому повреждению сводов каменного здания, крыша на ограде пустыни, которая только с трех сторон каменная, за давностью и

ветхостью обваливается и требует перекрытия, три флигеля братских из 20 покоев во всех частях ветхи... гостиница и конюшенный двор по ветхости требуют перестройки, на что потребно леса строевого довольное количество"[105]. Епархиальное начальство присоединило к ходатайству Глинской братии свое прошение о наделении пустыни землей.

Князь А. Н. Голицын обратился к министру финансов, однако последний медлил и не находил возможности удовлетворить прошение Глинской братии. Тогда в 1821 году о. Филарет, по благословению Преосвященного Евгения, поехал в Петербург для личного ходатайства о нуждах обители. В Петербурге он был принят митрополитом С.-Петербургским Михаилом (Десницким) и Московским *архиепископом Филаретом* (Дроздовым), которые "имели усердное попечение о его деле"[106]. Архиепископ Филарет еще весной 1820 года, будучи архиепископом Тверским, письменно обратился к князю А. Н. Голицыну, прося его удовлетворить ходатайство братии Глинской пустыни: "Оная пустынь бедна, обветшала и требует поправки"[107]. Он высоко оценивал труды старца Филарета и писал: "...ныне новый строитель во многом уже успел, и... обитель сия процветать стала благодатию, что не так обычно"[108].

Брат Дмитрия Севастиановича Бровцына, усердного благотворителя Глинской пустыни, Петр Бровцын, со своей стороны, просил директора Департамента духовных дел действительного статского советника и кавалера Александра Ивановича Тургенева оказать покровительство настоятелю Филарету[109].

Однако князь А. Н. Голицын сказал о. Филарету, что без разрешения императора его просьба не может быть исполнена.

Александр I, имевший аскетическую духовную настроенность, пожелал лично говорить с Глинским настоятелем, и 5 июля 1821 года о. Филарет представился императору Александру I в его тайном кабинете. "При входе Смиренного старца благословенный властитель России встал, по своему замечательному смирению принял благословение от вошедшего и, облобызав десницу его, милостиво расспрашивал о происхождении его, о зданиях Глинской пустыни, качестве ее земли, о числе братий, способах их содержания и об уставе обители"[110]. Следует отметить, что вопросы императора и ответы Глинского настоятеля впервые приводятся лишь в 3-м издании жизнеописания о. Филарета[111].

В числе вопросов, которые были заданы императором игумену Филарету, были следующие: "Каким образом поставили вас настоятелем монастыря?", "Были вы в монастыре Валаамском?", "Правила пустыни вашей согласны ли с валаамскими?" и другие.

На с. 148—149 —
геометрический план земли с постоялым двором при деревне Заруцкой, пожертвованной в 1821 г. Глинской пустыни помещиком Д. С. Бровцыным. РГИА, ф. 796, оп. 101, д. 1220, л. 3 об.—4

Геометрической планъ Курской губерніи Путивльскаго уѣзда части
и сельца Шутовки, Сухиново тожъ, владѣнія Помѣщика Маіора
мъ имъ постоянымъ дворомъ и Мельницею, всего десять
ъ сажней, - которое количество земли съ дворомъ предоставлено
уѣзднія Путивльской Глинской Богородицкой пустыни Братіи, коя
емъ въ шести верстахъ; - сочиненъ Судженскимъ Уѣзднымъ Землемеромъ

У подлиннаго подписано тако:
сему плану Путивльской помѣщикъ Маіоръ Дмитрій Свистьяно
въ Бровцынъ, что дѣйствительно десять десятинъ и сто девяност
рытныхъ сажень сѣнокосной земли съ постоянымъ дворомъ къ
гопріобрѣтенная мною имѣнія Глинской Богородицкой пустын
тіи въ вѣчное владѣніе предоставилъ по урочищамъ, какъ въ планѣ
чить, - въ томъ и подписуюсь.

исаніе смежныхъ земель.

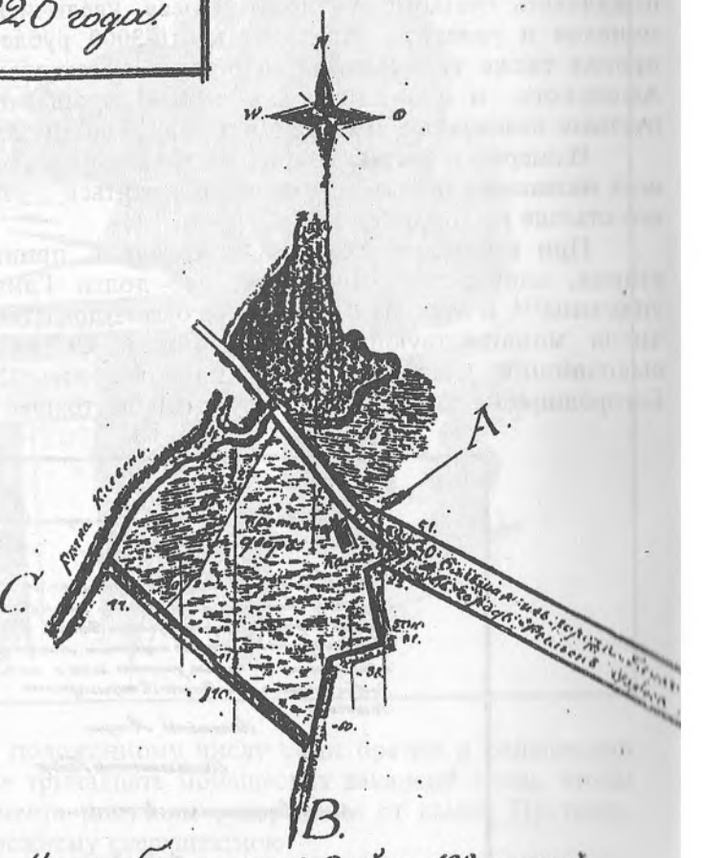
А. до В. земля сельца Шутовки Эко-
номическихъ Крестьянъ.

В. до С. оставшійся покосъ владѣнія
Помѣщика Маіора Дмитрія
Бровцына.

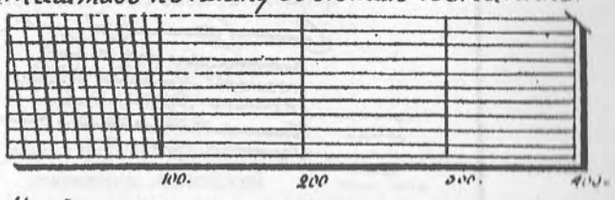
С. до А. Граница Черниговской гу-
берніи Глуховскаго Повѣта.

Копія

сѣнокосной земли, выдѣленной изъ
Дмитрія Бровцына, съ посемен-
десятинъ и сто девяносто квадрат
ныхъ Господина Бровцына къ вѣчному
находится отъ села мѣста рязско
Котельниковымъ 1820 года.

Маштабъ на планѣ въ дюймѣ 100. саженъ.

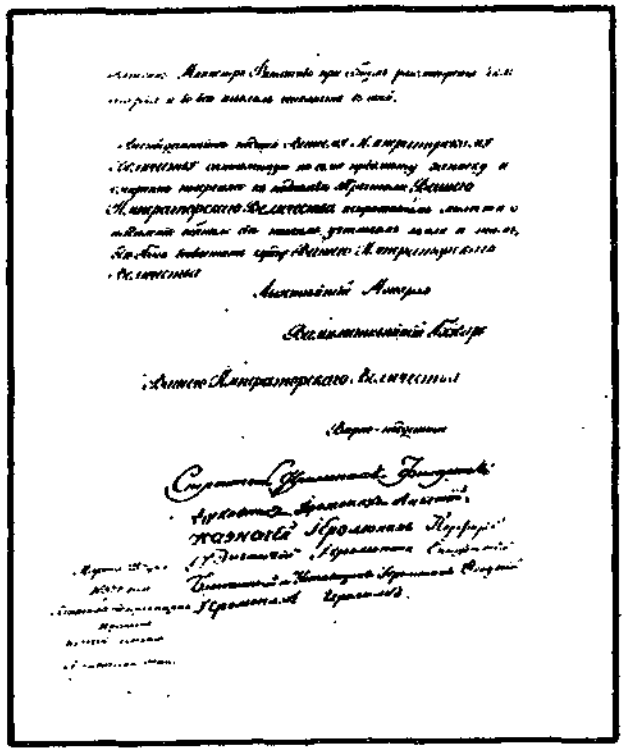
У подлиннаго подписано тако:
Въ натурѣ наблюдалъ и планъ сочинялъ Судженск

Прошение иноков Глинской пустыни
императору Николаю I
о наделении обители землей
от 25 марта 1837 г.
РГИА, ф. 796, оп. 118,
д. 1202,
л. 2 об.

Монарх Александр Павлович благоговел перед духовными старцами, лично знал жизнь ряда обителей, а поэтому очень внимательно отнесся к нуждам Глинской пустыни. Отец Филарет передал императору краткую докладную записку, в которой просил пожаловать пустыни 300 десятин леса, увеличить штат братии до 20 монахов и уплатить долги пустыни (3000 рублей)[112]. Отец Филарет просил также утвердить устав обители, составленный им по образцу Афонского, и ходатайствовал о том, чтобы настоятеля Глинской пустыни назначал не архиерей, а избирала братия из своей среды[113].

Император уверил старца Филарета в непременном исполнении всех названных просьб и пожелал встретиться с отцом настоятелем при его отъезде из Петербурга.

При вторичной встрече Александр I, приняв благословение от старца, сообщил о. Филарету, что долги Глинской пустыни уже уплачены[114] и просьба о лесе также будет удовлетворена. Об увеличении числа монашествующих в Святейший Синод был дан именной высочайший указ: "Снисходя на прошение Строителя Глинской Богородицкой общежительной пустыни, состоящей в Курской епархии,

ПОВЕЛЕВАЮ: к положенному числу семи братий в означенной Пустыни прибавить еще тринадцать монашеских вакансий с тем, чтобы поступающие на сии места получали содержание от самой Пустыни, которую оставить по-прежнему сверхштатною.

В Царском Селе 13 августа 1821 года Александр"[115]

Архимандрит Макарий
(Глухарев)
(1792—1847),
ученик игумена Филарета,
основатель Алтайской
духовной миссии.
РГБ, ф. 178,
№ 3003.3

Вопросы об утверждении Глинского устава, составленного по образцу Афонского, и об избрании настоятеля из среды братии было поручено рассмотреть Святейшему Синоду. 24 августа 1821 года Святейший Синод утвердил устав Глинской пустыни и благословил избрание настоятелей из числа братии той же пустыни, о чем Преосвященному Курскому 26 августа был послан указ № 3474[116].

Однако решение дела о лесе затягивалось[117] из-за противодействия министра финансов графа Д. Гурьева. Он более двух лет (с ноября 1820 по ноябрь 1822 г.) откладывал рассмотрение документов по делу Глинской пустыни, а затем ответил князю А. Н. Голицыну, что считает возможным выделить обители лишь около 4 десятин земли, не достающие к определенной указом 1797 года 30-десятинной порции удобной земли[118]. Князь А. Н. Голицын вновь обратился к министру финансов, объясняя всю необходимость для пустыни просимой земли. Он привел также отзыв Курского епископа Владимира (Ужинского), который писал, что просимой землей никто не пользуется, а благодаря трудам иноков она станет плодородной. "Строитель Филарет просит для пустыни до 300 десятин земли, в том числе немалое количество (более одной трети. — *А. И.*) неудобной (топкое болото), в предположении, что труды пустынников сию бесплодную и ни для кого ни мало ныне неполезную землю обратят в плодовитую и полезную"[119]. Однако министр финансов по-прежнему отвечал, что невозможно выделить пустыни более 3 десятин 952 сажен земли[120]. Наконец, весной 1823 года он был уволен, и вскоре вопрос о лесе окончательно решился.

Новый министр финансов генерал-лейтенант Е. Ф. Канкрин[121] уже 2 июня 1823 года докладывал Комитету министров, что "министерство финансов не усматривает особого затруднения к представлению Глинской пустыни просимого участка"[122]. Однако он находил возможность дать обители только 100 десятин[123], но император не изменил своему слову и повелел отвести 300 десятин; об этом было объявлено на заседании Комитета министров 11 сентября 1823 года[124]. Князь А. Н. Голицын писал Курскому Преосвященному в октябре того же года: "Государь Император по сношению моему с г. министром финансов высочайше повелеть соизволил предоставить во владение Глинской Богородицкой пустыни просимый оною участок земли"[125].

Братия Глинской пустыни в знак благодарности устроили в обители 4 ноября 1823 года праздник с целодневным звоном. Торжество было столь велико, что даже службы в тот день совершались пасхальные, а по окончании литургии был благодарственный молебен с многолетием государю и всему Царствующему дому. Такое "торжество бысть многим во удивление" — так писал игумен Филарет в своих записках 1823 года[126]. В воспоминание этого радостного события настоятель Филарет, по согласованию с братией, установил ежегодный праздник в Неделю Православия, а в субботу перед нею — акафист Богородице "красного пения", что и вошло впоследствии в традицию этой обители[127].

Благодеяние Царского дома по отношению к Глинской пустыни проявилось и со стороны императрицы Елизаветы Алексеевны, которая по пути в Таганрог 25 сентября 1825 года проезжала мимо принадлежавшей Глинской пустыни старой часовни, устроенной у д.

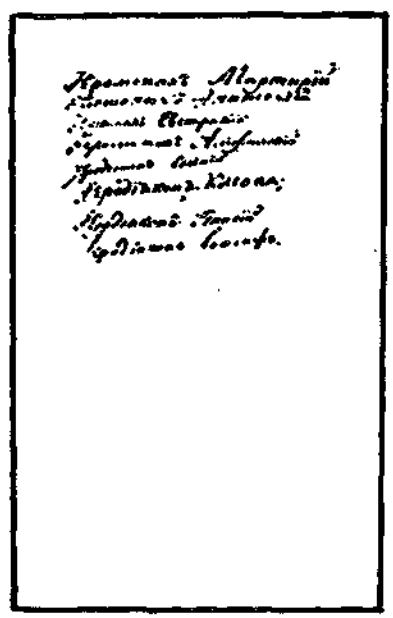
Подписи Глинских иноков на прошении императору Николаю I о наделении обители землей от 25 марта 1837 г. РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 3

Заруцкой, недалеко от г. Глухова[128]. Глинские братия во главе с о. Филаретом вышли навстречу императрице в священнических облачениях и мантиях, с крестом и святой водой, с зажженными свечами и кадилами. Императрица была глубоко тронута торжественной встречей, которую оказали ей братия обители. Она с благоговением приняла окропление святой водой, благословение отца Филарета: просфору, копию явленной Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и несколько книг духовного содержания. В знак благодарности она выслала настоятелю Глинской пустыни 500 рублей на украшение названной часовни[129].

В течение 1821—1825 гг. о. Филарет совершил четыре поездки в Петербург, во время которых он прославился как поборник Православия, выступая против еретических лжеучений, защищая святоотеческое учение о высших степенях богообщения и умно-сердечной молитве Иисусовой[130].

В первой четверти XIX века в Россию из Западной Европы проник еретический мистицизм, который распространился в придворных кругах и среди дворянства. Сущность этого еретического заблуждения станет вполне очевидной, если подробнее раскрыть его отступление от святоотеческого православного учения.

В духовном восхождении, по мысли святых отцов, человек проходит предварительные степени скорбного духовного очищения, которое заключается в истинном покаянии, самоуничижении, труде, умерщвлении страстей; затем в деятельном исполнении заповедей Гос-

Господних. При этом "все подвиги и успехи приписывает не себе, а помощи Божией. Истинно трудящимся на пути спасения приходит особенная благодать и сама ведет их в область таинственных духовных созерцаний. По немощи нашего естества, высшей меры духовного восхождения удостаиваются не многие из избранников Божиих"[131].

Еретические же мистики почти не признавали степени очищения от страстей. Они считали достаточным упование на бесконечную любовь Божию и стремились сразу перейти на высшие степени Божественного созерцания, считая себя уже возрожденными, обновленными и даже причастниками Божественного естества[132].

Игумен же Филарет своей духовной жизнью, прекрасным знанием Священного Писания и святоотеческих творений опроверг лжеучение еретических мистиков. Опираясь на учение святых отцов, чья жизнь была всецелым подвигом во имя стяжания в душе Царствия Божия, во имя спасения своей души и всех последователей их учения, о. Филарет сумел на конкретных примерах из святоотеческих творений убедить противников.

Обратимся, например, к учению о путях спасения души, о ступенях богоугодной жизни таких святых отцов, как св. Феодор Едесский, преп. Иоанн Лествичник, св. Тихон Задонский, преп. Нил Сорский и др.

Так, *св. Феодор Едесский* учит, что прежде всего человеку необходимо умалить, а затем и победить страсти, далее — стяжать добродетели и трезвенно блюсти плоды их[133]. *Преп. Иоанн Лествичник* также указывает на необходимость для падшей души многих трудов, поста и слез покаяния. Он говорит, что все подвиги человека притворны и суетны, если он не приобретет болезнующего сердца[134]. По мысли Лествичника, нас не обвинят в том, что мы не сотворили чудес или не достигли видения, но мы дадим Господу ответ за то, что не плакали о своих грехах[135]. Далее он предостерегает: "Не стремись к видению не во время видения. Пусть лучше само оно, привлеченное красотою твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединится с тобою чистейшим браком на веки веков"[136].

Великий русский святой — *Святитель Тихон Задонский* видел путь ко спасению не в догматических размышлениях или в использовании каких-либо внешних приемов созерцания, не в обрядности или необычных подвигах аскетизма, но в богомыслии, молитве, любви, милосердии, в Евангелии. Этим путем он благоуспешно шел сам и других вел за собой[137]. По мысли Святителя Тихона, в центре всего духовного делания должно быть искреннее покаяние, главной целью которого является то, "чтобы человек от грехов и от суеты мира сего отвратился, и к Богу всем сердцем обратился, внутрь бы изменился, и иным бы, как прежде был, соделался... и ни о чем бы так не тщался, как только Богу угодити и тако спастися"[138]. Из этих слов Святителя становится понятным, что только внутреннее обновление сможет удержать христианина на соответствующей ступени богоугодной жизни и позволит получить благодать Святого Духа[139].

Глинский
чудотворный образ
Нерукотворенного
Спаса

ГАЗМАСКА

Преп. Нил Сорский пишет: "Если не смиришь себя, то благодать Божия оставит тебя и ты падешь в таких случаях в грехи, в каких только был искушаем от помысла. Стоять же твердо в добродетелях зависит не от тебя, но от благодати Божией, носящей тебя как младенца на руках и предохраняющей от всех нападений противника. Необходимо же нам быть осмотрительными, чтобы не укреплялись по нашей воле в нас лукавые помыслы"[140].

Еретический же мистицизм многих привлекал тем, что он не обязывал к строгим правилам христианской жизни и проступки внешней нравственности считал ничтожными перед правдой Божией. Таким образом, он давал человеку полную свободу и тем самым открывал путь к греховной жизни. На известной стадии воображения человеку казалось, что он ощущает свою близость "к духовному миру и испытывает радости и восторги, похожие на благодатные явления, подаваемые от Бога истинным рабам Его"[141].

Далеко не многие понимали это самообольщение. В частности, Н. Сперанский, например, доказывал, что "не следует допускать внутреннее чувство распространяться на тело в виде трясений, восторгов (экстаза) и видений, как вещей низшего порядка"[142]. Другие же, в числе которых были А. Ф. Лабзин, Е. Ф. Татаринова, наоборот, поощряли своих последователей к телесным ощущениям и даже учили "видеть в них наитие Святаго Духа. Желая привести себя в восторженное состояние, некоторые начали прибегать к сильным телодвижениям: скаканию и верчению. Таким образом мистицизм переходил в простонародное хлыстовское сектантство"[143].

Мистики широко распространяли еретические книги и журналы. Ведущим органом еретического мистицизма в России был журнал "Сионский вестник", издаваемый А. Ф. Лабзиным. Книги выходили большим тиражом и рассылались по всем учебным заведениям, епархиям и губерниям министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным. Так мистические воззрения распространялись официально и не встречали достаточного внешнего сопротивления. Всякие попытки выступлений против еретического мистицизма сразу же подавлялись.

В 1818 г. Станевич в своей книге "Беседы на гробе младенца о бессмертии души" выступил против лжеумствования мистиков. Однако никто не смог защитить его: в 24 часа он был выслан из столицы, а на книгу наложен запрет[144]. В 1820 г. законоучитель 2-го кадетского корпуса иеромонах Фотий (Спасский) в одной из своих проповедей также выступил против мистиков в защиту Православия и в том же году был удален из Петербурга[145].

В то время, когда ученые богословы не смогли противостоять воззрениям еретического мистицизма, это удалось сделать с помощью благодати Божией не ученому, но весьма опытному в духовной жизни и знании святоотеческих писаний Глинскому настоятелю иеромонаху Филарету. Игумен Филарет, очевидно, и ранее слышал о заблуждениях мистиков. Прибыв же в Петербург и встретившись здесь с этим еретическим учением, он воспылал ревностью по Бозе и Церкви. Однако прежде чем начать борьбу с другими, важно было указать на заблуждения самого министра духовных дел.

Отец Филарет нашел поддержку в лице мудрого архиепископа Филарета (Дроздова), вместе с которым он вел неоднократные беседы с протестантствующим министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным о святоотеческом учении о внутреннем делании, о трезвении и молитве, об истинном благодатном богообщении. Эти беседы проводились под предлогом узнать степень духовной опытности о. Филарета для обстоятельной характеристики его перед монархом.

В записках 1823 года о. Филарет пишет, что до встречи с императором его часто приглашали для беседы с Преосвященным Филаретом и князем Голицыным "о сведении духовного делания по дням и по часам (т. е. о порядке постепенного научения и преспеяния духовного) и по испытании представлялся Государю дважды..."[146].

Старец Филарет с пламенною ревностью излагал учение о степенях духовного восхождения, о спасении ближних, и слова мудрого, строгого пустынножителя доходили до сердца, согревали теплотою, вселяли твердую уверенность в истинах православного христианского учения. Архиепископ Филарет и князь Голицын "находили немалое утешение в духовном общении" с подвижником (§ 29 рукописного писания Глинской пустыни 1829 г.)[147].

Между тем об отце Филарете прошла добрая слава в высших столичных кругах. В период пребывания в Петербурге о. Филарета приглашали во многие знатные дома для духовной беседы. Наряду с душеполезными наставлениями ему приходилось участвовать и в состязаниях с неправомыслящими, из которых он всегда с Божьей помощью выходил победителем[148]. На нем исполнялись слова Священного Писания: "Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все, противящиеся вам" (Лк. 21, 15).

В своих духовных беседах о. Филарет "сеял Слово Божие и на песке, и на камне, и на доброй земле"[149]. О тех же слушателях, которым Слово Божие приносило мало пользы или совсем не приносило плода, игумен Филарет пишет: "Как теперь все люди умные, ученые, да нетолченые, то и перетолкуют, – как понимают, и другим будет в соблазн. Теперь полезнее много знать, кого Бог одарил познанием разума духовнаго, а мало говорить, тем более писать. Если антихристы века сего над Богодухновенными писаниями святых отцев смеются, то тем более посмеются над живущими еще в сем мире с миром о Господе"[150]. Эти слова, сказанные богомудрым старцем Филаретом более 150 лет тому назад, актуально звучат и сегодня.

В 1821 году о. Филарет неожиданно получил из Петербурга печатную книгу не православного содержания, а еретического мистицизма[151].

По словам одного престарелого иеромонаха Амвросия, жившего в Глинской пустыни четыре года при о. Филарете, настоятель "зачеркнул все неправильности и отослал книгу обратно. Его потребовали в Петербург"[152] в 1822 году.

Здесь он снова дважды был представлен государю императору Александру I, "с которым долго беседовал и подавал ему глаголы с силою многою против странных учений"[153].

Во время и этой, второй поездки в Петербург о. Филарету пришлось вступить в открытую дискуссию с еретичествующими мистиками, а "на уверения мистиков о благодатном ощущении *сердечной* молитвы в правой стороне груди о. Филарет возразил: "Там сердца нет, сердце на левой стороне"[154], о чем рассказывал братиям сподвижник отца Филарета по Софрониевой пустыни иеродиакон Серапион, отличавшийся высокой духовной жизнью и перешедший в Глинскую пустынь в 1849 году[155].

В ходе дискуссии об истинной и ложной умной молитве у о. Филарета потребовали доказательств правильности взглядов на вопрос об умной молитве. Тогда "старец, обладая необыкновенною памятью, указывал не только названия книг святых отцов, так или иначе об этом говорящих, но даже главы или страницы книг"[156]. Значение этой дискуссии было очень велико, так как от нее зависело, наступит ли конец заблуждениям интеллигенции или нет.

Господь благословил о. Филарету одержать победу и в столь важной дискуссии. Во время ее еретики, чтобы проверить о. Филарета, приносили названные им книги и убеждались в истинности слов Глинского настоятеля. Они удивлялись его памяти, глубокому духовному разуму, точному знанию и должны были признать себя побежденными. По всей вероятности, Лабзин также участвовал в этих прениях. В предании Глинских иноков сказано, что он был побежден о. Филаретом. Сам отец Филарет в записках 1833 года написал: "Лабзин, побежденный, погиб, и ладия его поглощена, а адовы врата Церкви Божией не одолеют" (Дело архива обители № 255)"[157].

Итогом этой дискуссии явился тот факт, что в 1822 году вышло "правительственное запрещение открывать тайные общества и масонские ложи"[158]. Лабзин А. Ф. в том же, 1822 году был выслан из Петербурга в Симбирскую губернию[159], а князь А. Н. Голицын через два года уволен от управления министерством[160]. Так сбылись на о. Филарете библейские слова Премудрого: "Подвизайся за истину до смерти, и Господь Бог поборет за тебя (Сир. 4, 32).

Весной 1823 года о. Филарет опять ездил в С.-Петербург[161]. В 1825 году он вновь был вызван в столицу. В то время в одном кружке С.-Петербургского высшего белого духовенства, к которому примыкала и часть высшего светского общества, возникла крупная полемика против монашества. Император Николай I, вступивший на престол в 1825 году и всегда благосклонно относившийся к святым обителям и монашеству, повелел решить этот спорный вопрос немедленно. Для участия в дискуссии был приглашен и о. Филарет, который к этому времени был уже широко известен как Петербургскому духовенству, так и интеллигенции.

Участвуя в названных дискуссиях, проходивших в присутствии императора, о. Филарет выступил как ревностный защитник монашества. Не имея никакого светского образования, он обнаружил такие обширные духовные познания, такой Богом дарованный ум, которые позволили ему успешно отстоять православное святоотеческое учение, победить неверие, ложные религиозные воззрения и пользоваться огромным вниманием, уважением со стороны духовенства, интеллигенции и даже царственных особ[162].

Об успехе о. Филарета в дискуссиях, состоявшихся в Петербурге, стало известно в разных концах России; поэтому его стали приглашать для разрешения сложных вопросов духовной жизни. Так, о. Филарета дважды приглашали в Киев, куда он ездил для участия в духовных беседах по вопросу о монашестве[163].

Широкая известность о. Филарета, высокодуховная жизнь Глинских иноков, возраставших под его руководством, привлекали к обители все новых благотворителей. Старец Филарет писал императору Николаю I, что "по мере духовного возрастания сего вертограда Иисусова (братии Глинской пустыни. — *А. И.*) увеличивалось и число усердствующих богомольцев"[164].

Во время настоятельства о. Филарета Глинской пустыни были пожертвованы значительные денежные средства. Так, наместник С.-Петербургской Александро-Невской Лавры архимандрит Товия передал в 1821 году лично о. Филарету щедрую милостыню[165], а впоследствии пожертвовал еще 1300 руб.[166]. Глуховский помещик ротмистр В. О. Туманский пожертвовал более 2500 руб.[167], майорша Е. И. Деменкова около 2000 руб.[168], московский мещанин Александр Шадский — около 500 руб.[169]. К 1834 году на счетах Глинской пустыни в различных банках находилось 8415 руб., пожертвованных разными лицами[170]. Ежегодно пустынь получала с этого капитала проценты — 372 руб., т. е. больше, чем пособие (300 руб.), выдаваемое от казны. Помощь благотворителей позволила богомудрому настоятелю продолжить благоустройство монастыря.

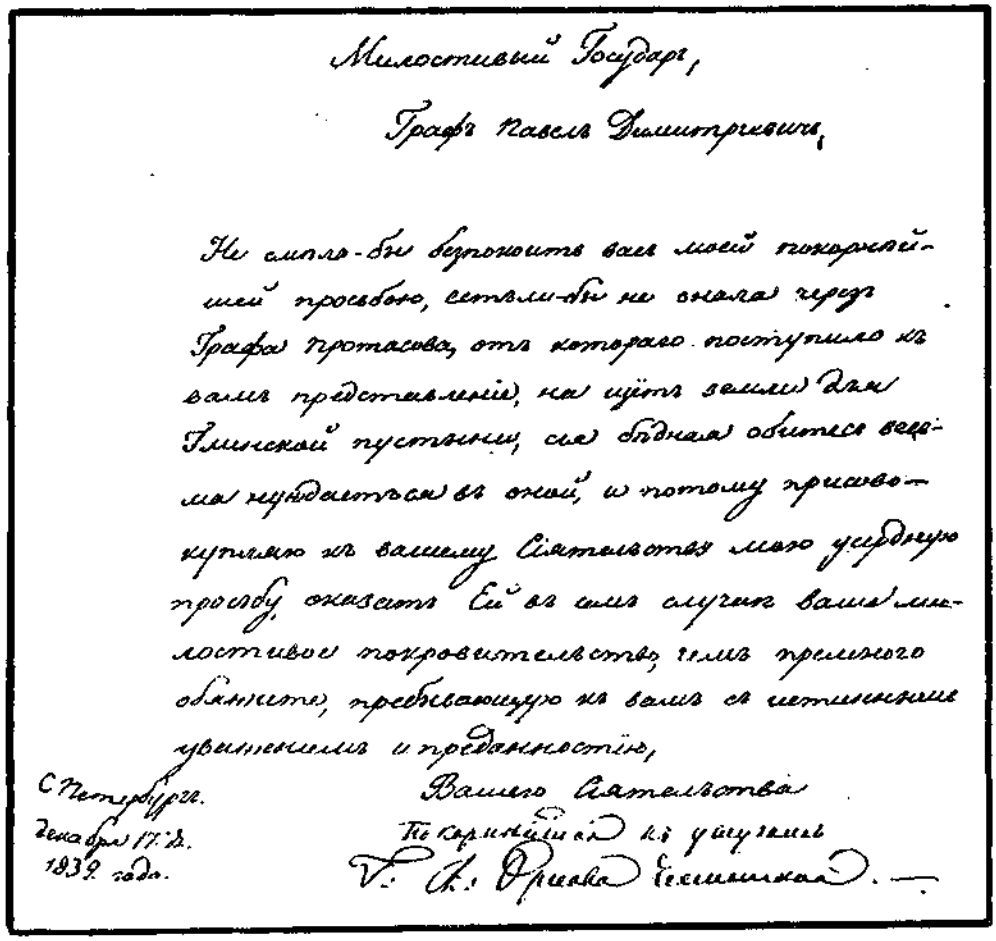
Но, как он сам отмечал, особенно благоустройству обители способствовал дар императора Александра I — полученные пустынью 300 десятин леса. "Неизъяснимая монаршая милость сия одушевила деятельность братства пустыни и попечением настоятеля оной в самое непродолжительное время из полуразвалившихся хижин возникли прочные здания, изящная церковь, и все без исключения преобразилось или получило новое бытие"[171], — писал о. Филарет императору Николаю I в 1837 году.

Второй этап строительных работ начался в 1823 году. Сначала о. Филарет построил три корпуса: для настоятеля и письмоводителя с канцелярией; для ризничего, портного, пономарей и звонарей; большой корпус для священнослужителей; затем — братскую больницу и каменную столярную мастерскую с келлиями. Но все возраставшее братство пустыни и сложное монастырское хозяйство требовали сооружения новых зданий. За годы настоятельства о. Филарета, кроме упомянутых, им было построено также 19 деревянных жилых домов, экономия, конюшня, скотный двор[172], квасоварня, две крупорушки, сукновальня, ледники, навесы и амбары[173]. Отец настоятель насадил при обители два обширных фруктовых сада[174], построил гостиный двор — с двумя домами, кухней, двумя избами, летними номерами для приезжающих, амбарами и сараями[175].

В 1823—1829 годах заново была построена каменная ограда монастыря. По указанию о. Филарета иноки проводили осушение прилегающих болот, вырыли пруд с проточной водой[176].

Во время настоятельства о. Филарета строительство велось и за пределами обители. Так, в 1821 году помещик майор Дмитрий

Севастианович Бровцын пожертвовал Глинской пустыни в вечное владение в пяти верстах от обители 10 десятин 190 сажен земли с постоялым двором и часовней (каплицей) при деревне Заруцкой (на большой дороге из г. Рыльска в г. Глухов)[177]. Земля эта была болотистой, но о. Филарет осушил ее и сделал плодородной. Здесь он устроил большой монастырский огород, фруктовый сад со школой фруктовых деревьев, пасеку и хороший сенокос. Спустя несколько лет это подворье приносило доход до 800 руб. в год[178].

Милостивый Государь,
Графъ Павелъ Дмитриевичъ,

Не смѣла-бы безпокоить васъ моей покорнѣйшей просьбою, естьли-бы не знала предъ Графомъ протасова, отъ котораго поступило на ваше представленіе, на щётъ земли для Глинской пустыни, что бѣдная обитель весьма нуждается въ оной, и потому приношу покорнѣйшую къ вашему Сіятельству мою усердную просьбу оказать Ей въ семъ случаѣ вашего милостиваго покровительства, тѣмъ вѣчнаго обязанности, пребывающую къ вамъ съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію,

Вашего Сіятельства
Покорнѣйшая къ услугамъ
Г. А. Орлова Чесменская.

С Петербурга.
Декабря 17 д.
1839 года.

Письмо графини А. А. Орловой-Чесменской, почитавшей игумена Филарета, к министру государственных имуществ П. Д. Киселеву с просьбой удовлетворить прошение Глинских иноков о наделении пустыни землей от 17 декабря 1839 г. РГИА, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 89

На средства, пожертвованные в 1825 году императрицей Елизаветой Алексеевной, на Заруцком подворье о. Филаретом была возобновлена и украшена живописными иконами стоящая при дороге часовня[179]; рядом с часовней была устроена удобная гостиница (странноприимница) для богомольцев.

В 1835 году помещик Д. С. Бровцын подписал также акт "о бесспорном владении пустынью соседственным с ним лесом и землею"[180].

В 1827 году глуховский мещанин Моисей Заводовский[181] пожертвовал Глинской пустыни участок земли (1 десятина 336 кв. сажен) на одном из лучших мест г. Глухова, рядом с торговой площадью[182]. На подаренной М. Заводовским земле о. Филарет построил дом и флигель с постоялым двором, 5 лавок (с подвальными каменными погребами), которые сдавались в аренду купечеству и приносили доход от 800 до 1000 руб. в год[183]. Здесь же было устроено монастырское подворье[184]. Штаб-лекарь В. Волошинов, питавший глубокое уважение к о. Филарету, построил на том же участке гостиницу для богомольцев[185].

Если до о. Филарета Глинской пустыни принадлежала лишь одна мельница у села Новая Слобода[186], то во время его настоятельства было выстроено еще четыре. Так, в рапорте Курскому епископу Илиодору от 6 сентября 1833 года о. Филарет писал, что Глинская пустынь владеет пятью мельницами: тремя ветряными и двумя водяными[187]. Водяную мельницу о двух поставах устроил на реке Обесте и в 1828 году подарил Глинской пустыни почитатель о. Филарета, усердный благотворитель обители московский купец П. И. Глинский[188]. Остальные мельницы, по всей вероятности, были построены о. Филаретом.

Большую заботу проявил настоятель Филарет о создании скита на месте явления Глинской Чудотворной иконы Божией Матери, в четверти версты от обители. При о. Филарете на этом месте на средства благотворителя обители А. С. Анненкова вместо старой была построена новая деревянная часовня с келлией[189]. Сюда в 1828 году переселяется, по благословению отца Филарета, на безмолвие братский духовник *иеросхимонах Пантелеимон*[190], который всегда тяготел к духовным подвигам в безмолвии. Но на следующий же год к нему перешли из монастыря еще несколько человек, жаждущих подобного подвига. В скиту поставили еще три дома и обнесли его забором. Так был основан первый скит Глинской обители, называемый Ближним[191]. (Дальний скит – Спасо-Илиодоровский – был основан значительно позже, в 1893 году.)

Но особенно большое внимание о. Филарет уделял строительству и украшению храмов обители. В 1826 году, всецело возложив надежду на помощь Матери Божией, о. Филарет приступил к строительству Иверской каменной церкви над святыми вратами "в благодарную память о чудесах Божией Матери с 1817 года"[192], т. е. со времени вступления его в должность настоятеля. В 1831 году церковь во имя Иверской иконы Божией Матери была окончена и в октябре освящена настоятелем пустыни. Над царскими вратами в этом храме о. Филарет поместил в резном позолоченном киоте копию Чудотворной Иверской иконы Божией Матери, данную ему в благословение от Софрониевой пустыни в 1817 году[193]. Серебряная позолоченная риза (весом 1 фунт 60 золотников) на эту икону была пожертвована глуховским помещиком Василием Осиповичем Туманским[194].

Иконостас храма резной, из красного дерева, позлащенный, был пожертвован московским почетным гражданином Иваном Прокопьевичем Лобковым, глубоко почитавшим о. Филарета. Он прислал также для новой церкви все облачения, служебные сосуды, утварь и годовой круг богослужебных книг[195].

При о. Филарете главы соборного храма Рождества Пресвятой Богородицы были украшены золотыми звездами, кресты позолочены[196].

До о. Филарета на соборной колокольне было мало колоколов. В 1836 году белоградский купец Филипп Сторожев пожертвовал Глинской

пустыни большой колокол (42 пуда 3 фунта). Еще один колокол (30 пудов 12 фунтов) был отлит в 1838 году по указанию о. Филарета[197]. В 1832 году в соборе над престолом была сделана резная позлащенная сень, а в 1836 году – новый иконостас.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы в серебряной позолоченной ризе и серебряном круге (устроенном строителем Парфе-

Игумения Уфимского
Благовещенского монастыря
Филарета
(1807—1890),
ученица Глинского
игумена Филарета

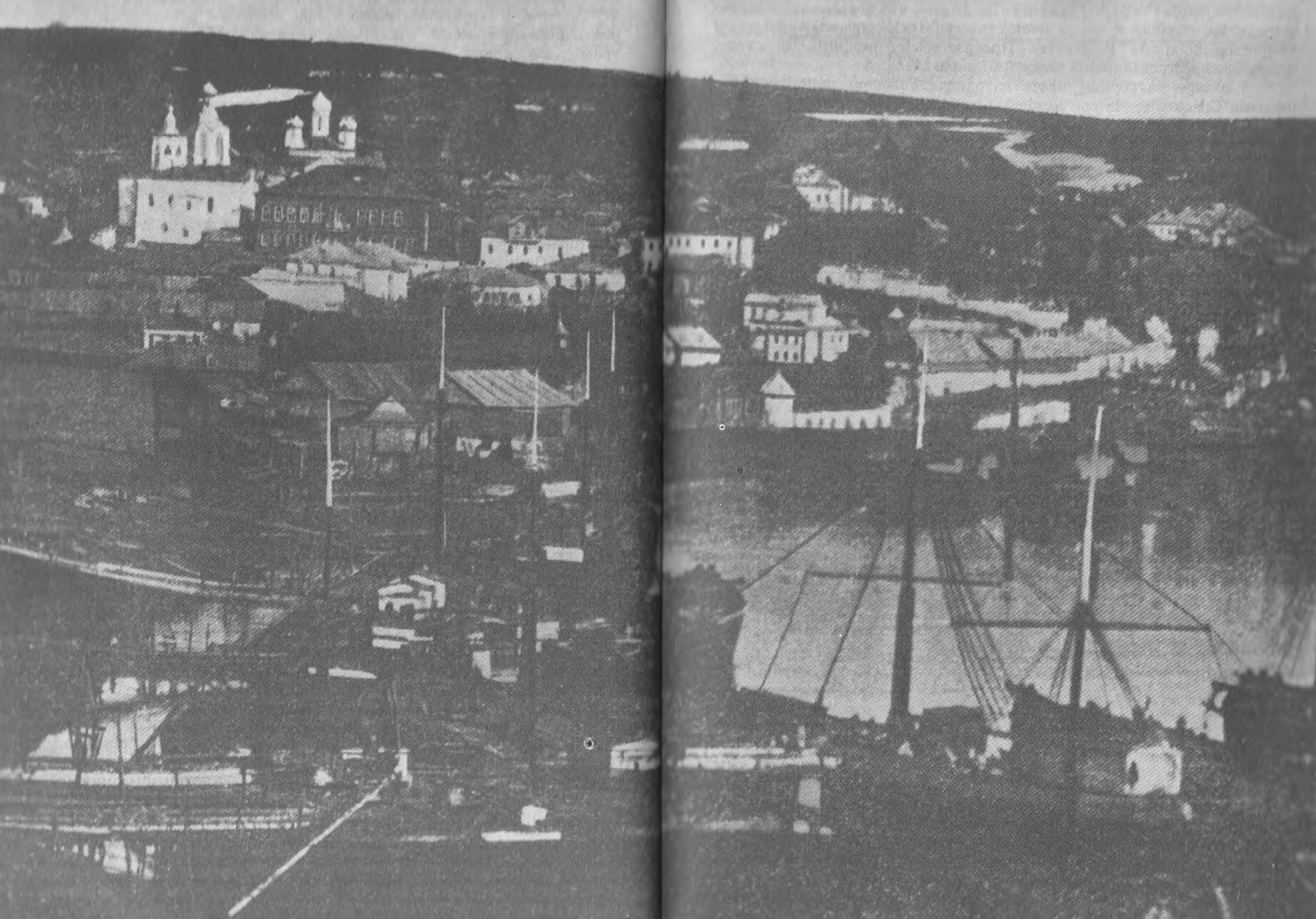
нием) находилась в нижнем ярусе иконостаса. Отец Филарет поставил эту святыню в серебряном киоте в виде облаков с исходящими лучами над царскими вратами, откуда она была видна всем, находящимся в храме. Во время молебнов икона спускалась на шнурах для прикладывания к ней[198]. В 1827 году Чудотворный образ был украшен золотой короной (высотой около 7 см) с аметистами и топазами, пожертвованной коллежским асессором Василием Волошиным. Посредине короны наверху был маленький хрустальный крест[199].

При о. Филарете в Глинскую пустынь был принесен другой Чудотворный образ – Нерукотворенного Спаса, в чем проявилось великое благоволение Божие к подвижническим трудам настоятеля и Глинских старцев. В монастырской описи сказано, что этот образ списан с "оригинальной иконы, писанной Евангелистом Лукою"[200]. А в рукописном описании Глинской пустыни 1829 года так написано об этой иконе: "Один из братий здешних, иеродиакон Авксентий (в миру Афиноген Андреев[201]. – *А. И.*) имел деда, весьма благоговейного инока, который, упражняясь в искусстве живописи, в XVIII веке, написал в посте и молитве икону Нерукотворенного Спаса"[202]. Впоследствии, в 1818 году по просьбе матери иеродиакона Авксентия замечательный образ был перенесен из г. Мурома в Глинскую пустынь в благословение ее сыну[203].

От образа Нерукотворенного Спаса как в Муроме, так и в Глинской пустыни неоднократно происходили благодатные знамения и исцеления[204]. Об этой иконе о. Филарет писал: "История знамений и чудес, во все времена совершавшихся в Церкви Христовой, показывает, что рабы и угодники Божии, пред лицем Божиим писавшие иконы святых, переводя на убрус или на доску Священные черты, в чистых душах их рождавшиеся, молитвою, пламенною ревностию к прославлению имени Божия и любовию к душам человеческим, призывали на дело рук своих благословение Божие, и помазав писанные *ими иконы помазанием от Святого,* которое имели в духе своем и слезами благоприятными в веществе, отверзали хляби небесные, чудодейственную благодать Божию источавшие им вскоре, а для будущности далекой, в своих произведениях они (благочестивые иконописцы) оставляли сокровенные ключи силы Божией, которую потомки долженствовали открыть верою и молитвою, соответствующею молитвам предшественников, уже ликующих в Небесном Царствии"[205].

Отец Филарет поместил Чудотворный образ Нерукотворенного Спаса в большом резном киоте за правым клиросом в храме Рождества Пресвятой Богородицы. В том же 1818 году на средства, пожертвованные графом Сергеем Павловичем Потемкиным, он украсил эту икону серебряной ризой[206] с позлащенным венцом и драгоценными камнями[207]. На ризе в особом кресте находится частица Животворящего Древа Креста Господня.

На с. 164–165 –
Уфимский Благовещенский монастырь, основанный по благословению Глинского игумена Филарета

Отец Филарет установил совершать по воскресеньям перед Нерукотворенным образом акафист Спасителю, что впоследствии вошло в традицию обители и всегда неопустительно исполнялось[208]. За левым клиросом в храме Рождества Пресвятой Богородицы, в киоте, помещалась Иверская икона Божией Матери.

В алтаре на горнем месте находился большой резной киот с иконами Спасителя, Матери Божией и св. Иоанна Предтечи.

В северном притворе собора в резном позлащенном киоте помещался Казанский образ Божией Матери в серебряной позлащенной ризе.

В южном притворе в таком же киоте находились шесть разных икон в серебряных ризах, пожертвованных титулярным советником Максимом Ливенцовым[209]. Таким образом, при о. Филарете в обители умножилось число святых икон.

Но не только иконами обогатил Глинскую пустынь о. Филарет. Многие усердные его почитатели дарили этому великому старцу частицы св. мощей и другие святыни. В 1833 году о. Филарет устроил ковчег из кипарисового дерева и вложил туда часть ризы Господней, две части св. Животворящего Креста Господня, часть ризы Богородицы и 67 частиц мощей святых угодников[210]. Кроме того, о. Филарет вложил частицы мощей святых угодников Божиих в две кипарисовые доски, по 15 частиц в каждую[211]. Кипарисовые доски он украсил серебряными ризами с изображением святых, мощи которых там хранились[212]. Эти святыни на специальных аналоях были поставлены в соборе.

В течение десяти лет (с 1821 по 1831 год) о. Филарет обновил всю ризницу Глинской пустыни, благодаря пожертвованиям знавших его высокопоставленных лиц, таких, как князь А. Н. Голицын, граф С. П. Потемкин, графиня А. А. Орлова-Чесменская, княгиня Е. С. Кудашева, сенатор Кушелев, генеральши Хвостова и Денисова и др.

Сопоставление описи ризницы 1802 г. (более поздние описания ризницы дофиларетовского периода не сохранились) с описью, приведенной Н. Самойловым в 1836 году, показывает, насколько обогатилась глинская ризница при о. Филарете.

Сведения из описей ризницы Глинской пустыни см. с. 167

Ко времени вступления в 1817 году о. Филарета в должность Глинского настоятеля ризница по сравнению с 1802 годом еще более обветшала и была в плачевном состоянии[216] (дарохранительница – деревянная, завеса у царских врат сшита из трех платков, одежды на престоле ветхие, пелена ситцевая с холщовой подкладкой и т. п.)[217]. Поэтому становится очевидным, как много церковной утвари и облачений было пожертвовано Глинской пустыни при о. Филарете.

Из пожертвованных напрестольных крестов следует отметить следующие: сребропозлащенный крест с резьбой и чеканью, пожертвованный князем А. Н. Голицыным[218], который выносился на праздник Воздвижения Креста Господня[219]; серебряный крест (весом 5 фунтов) с шестью финифтями, пожертвованный в 1821 году титулярным советником Максимом Ливенцовым[220] и сребропозлащенный с шестью финифтями крест (весом 1 фунт 20 золотников), подаренный в 1831 году московским купцом Иваном Лобковым[221].

Церковная утварь и облачения	1802 г.[213]	1836 г.[214]
Кресты напрестольные	5 (из них 2 серебряных)	12 (из них 8 серебряных)
Евангелия напрестольные	3	9
Потиры	4 серебряных	5 серебряных позлащенных
Дарохранительницы	3 (1 серебряная, 1 оловянная, 1 деревянная)	4 серебряных
Ризы	27	76
Стихари диаконские	9	41
Кадила	4 (2 серебряных и 2 медных)	"Серебряных отличных кадильниц и паникадил равно и бронзовых лучшей отделки, а акже и *подсвечников..воздухов*, покрывальных на престолы, и *прочей утвари*, наилуч-шей отделки и высокой ены, преизобильно имеется от усердия благотворительных особ"[215]
Подсвечники	5 (3 оловянных, 2 медных)	
Воздухи	11 пелен	

Среди всех напрестольных Евангелий в "Историческом описании Глинской Богородицкой пустыни..." особо выделены три. Одно из них – Московской печати, в сребропозлащенной оправе с финифтью (весом 6 фунтов), было устроено попечением о. Филарета на средства ревностного благотворителя обители А. С. Анненкова[222]. Второе – также в сребропозлащенной оправе (весом 16 фунтов), Московской печати 1821 года – пожертвовано в 1825 году графом С. П. Потемкиным[223]. И третье – Московской печати 1829 года, с золотым обрезом в сребропозлащенной оправе (весом 16 фунтов), с финифтью по малиновому бархату – пожертвовано в 1830 году купцом И. Лобковым[224].

Из дарохранительниц, пожертвованных о. Филарету, следует отметить две сребропозлащенные гробницы чеканной работы (весом 4 фунта 75 золотников каждая), которые выносились диаконами при каждении в дни великих праздников. Они были пожертвованы в 1823 году графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской[225].

В числе риз было 13 особенно дорогих, с бархатными оплечьями, унизанными жемчугом. Лучшая из них, пожертвованная в 1825 году княгиней Е. С. Кудашевой, была вышита по темно-зеленому бархату золотыми и серебряными цветами. На оплечье из красного бархата помещалось шитое золотом изображение Спасителя на престоле с предстоящими Матерью Божией и св. Иоанном Предтечей[226].

В 1832 году о. Филарет впервые отвел для ризницы определенное место (в верхнем храме Вознесения) и устроил для ее размещения 4 отдельных шкафа[227].

Духовные и внешние преобразования, осуществленные в период настоятельства игумена Филарета, положили начало систематической и плодотворной благотворительной деятельности Глинской пустыни, которая развивалась во все последующие периоды, вплоть до закрытия обители. Благотворительная деятельность была столь непреложным законом для монастыря, что о ней было записано в уставе Глинской пустыни[228]. В соответствии с этим уставом все приезжавшие в обитель на богомолье получали бесплатно питание, временное жилье, а также пользовались бесплатным медицинским обслуживанием. Курский епископ Илиодор докладывал в 1834 году в Св. Синод, что "богомольцы и посетители... всегда имеют открытое монастырское продовольствие для себя и для лошадей"[229]. Расчет необходимого обители хлеба всегда производился с учетом бесплатного довольствия богомольцев[230].

Игумен Филарет, возобновитель Глинской пустыни, неоднократно убеждался в покровительстве Матери Божией над Глинской пустынью и всю благотворительную деятельность обители приписывал не братии обители, а благодатной помощи Царицы Небесной. В своих поучениях он призывал прибегать к Ее всемощному заступлению: "Могут ли пестуны так пещись о детях, как печется о них мать? Могут ли понимать болезненные вопли младенцев, когда и сами младенцы не знают, чего хотят? Только сердце матери разумеет вопли своего детища". Так и насельники Глинской обители утешали всех скорбящих и страждущих. Старцы подражают Благотворительнице благой Матери Благаго Бога, Которая "то в том, то в ином месте и времени; то чрез сию (Глинскую), то чрез иную икону Свою, дарует чадам млеко на все полезной благодати"[231].

В обители всегда сохранялся порядок гостеприимства, определенный о. Филаретом в 23-й главе монастырского устава "О гостеприимстве", по которому назначенный гостинник обязан был устроить прибывших богомольцев, определить им порядок питания, пребывания в обители. В этой же главе было сказано: "Аще кто из богомольцев с братиею и трапезы вкусить восхощет, да веден будет по обычаю в трапезу; женск же пол да не входит, им же в гостинице трапеза да поставляется"[232]. Запрещалось гостиннику брать деньги с приезжих за пребывание в обители и трапезу.

Нуждающиеся обеспечивались также бесплатной медицинской помощью. Эта добродетель считалась неотложной обязанностью в отношении к каждому человеку. И братия обители всегда уделяли большое внимание вопросам организации больницы, аптеки, их благоустройству, лечению больных. Выше уже было сказано, что о. Филарет построил в Глинской пустыни больницу[233].

Таким образом, преобразовательная деятельность возобновителя Глинской пустыни была многогранной и всеохватывающей. О ее результатах в "Кратком историческом описании Глинской пустыни", составленном о. Филаретом и представленном в Курскую Духовную Консисторию в 1837 году, сказано: "За последние десять лет обитель так изменилась, что во внешнем ее виде, кроме соборной церкви и

колокольни, никаких следов даже недавнего прошедшего времени не остается"[234].

Однако основное внимание Глинский возобновитель обращал на духовное воспитание иноков и их монашеский образ жизни. Все виды внешнего благоустройства лишь способствовали этой цели. В упомянутом описании Глинской пустыни 1837 года о. Филарет писал: "Хотя и видны некоторые успехи наружного благоустройства, но внутреннее духовное здание, зиждемое благодатию Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы Пресвятой Богородицы, паче и паче занимает умы и сердца братства Глинской пустыни, а все это вкупе принадлежит не нам, но имени Твоему, Господи" (Дело архива № 255)"[235].

Уделяя особое внимание вопросам духовно-нравственной жизни братий, о. Филарет наставлял их в молитве Иисусовой, различных добродетелях, например строгом воздержании, уединении и молчании, избежании вражды, скорейшем примирении, усердном послушании и в целом исполнении заповедей Божиих.

Предъявляя строгие требования к самому себе, о. Филарет не пропускал и малейшей ошибки братии обители. К провинившимся, в зависимости от тяжести их вины, настоятель применял и убеждения, и легкие замечания, а когда требовали обстоятельства, то и самую высшую степень епитимий без всякого лицеприятия. Причем справедливые вразумления богобоязненного старца Филарета всегда были растворены силой благодатных слов. Его духовная мудрость и прозорливость, сочетавшиеся с исключительной кротостью, любовью к ближнему благотворно влияли на братию.

В деле начальствования о. Филарет, несомненно, обладал даром Божиим, искусно объединяя миром и любовью иногда совершенно несовместимых, на первый взгляд, людей различных званий, сословий, характеров, уровней образования, воспитания. Так, статистические сведения из послужных списков обители за 1829 год раскрывают картину социального состава насельников монастыря. Из 50 человек, числившихся по спискам, в обители было:

– мещан – 14;
– казаков – 9;
– офицеров, чиновников и дворян – 7;
– духовного звания – 6;
– купцов – 4;
– крестьян – 4;
– отставных солдат – 4;
– шляхтичей – 1;
– однодворцев (категория государственных крестьян. – *А. И.*) – 1. (Дело архива о послужных списках)[236].

Игумен Филарет умел так искусно налагать послушания, что люди даже благородного сословия, изнеженные воспитанием, нередко ревностнее трудились, чем те, кто давно привык к телесным трудам. Опытно познав благотворность физического труда, помня слова апостола Павла: "страдающий плотию перестает грешить" (1 Петр. 4, 1), о. Филарет возбуждал к труду своим личным примером и братию. Старец говорил: "Пот, проливаемый монахом на послушании, при усердном труде и

внимании к своему сердцу, имеет в очах Божиих такое же спасительное значение для трудящегося, какое имеет кровь, пролитая и проливаемая мучениками"[237]. Для новоначальных он считал труд первым условием и говорил: "Труждающийся да яст от хлеба общежития"[238].

В то же время игумен Филарет советовал братии держаться царского пути, т. е. середины в подвигах, предостерегая их тем самым от самообольщения, например неумеренным постом. Однако в обители и в гостинице для богомольцев старец Филарет всегда строго соблюдал правила общих постнических установлений[239].

Большое внимание уделял о. Филарет новоначальным инокам, воспитывая их своим личным примером в духе кротости, смирения, терпения. Он принимал новых братий с большой любовью, искренно, просто, свято и поддерживал их первые шаги в иноческой жизни молитвой, добрым словом и делом. Так, увидев однажды, как в первый день пребывания в обители послушника из купеческого звания сильно покусали на пасеке пчелы, о. Филарет, зайдя на пасеку, похвалил его терпение и кротко заметил: "Добре, добре, сыну, доброе начало полагаеши послушания и терпения иноческого! Смотри, помни: теперь пчелы тебя кусают, а потом бесы станут кусать; как теперь терпишь, так и тогда терпи, ибо только *претерпевый до конца, той спасен будет*"[240]. Отец Филарет сказал старцу-пасечнику, чтобы не обижал новичка послушника, благословил обоих и тихо удалился. Затем он прислал послушнику проволочную маску, предохраняющую от укусов. Духовно слабых иноков он особенно укреплял добрым словом, своевременным советом, мудрым наставлением. Приведем одно из них: "Страшливый да не исходит на брань, — говорил о. Филарет, — ибо воины царя земного, ратуя против врагов, за стыд себе вменяют не только бегство с поля битвы, но даже и раны, получаемые ими не лицом к лицу. Так и воины Христовы, приемля и терпя раны от супостата лицом к лицу, чрез искушения, наносимые им, этим доказывают свое мужество"[241].

Как пастырь овец Христовых, о. Филарет непрестанно охранял души вверенных ему людей от происков врагов внешних и внутренних. Как предводитель на брани Христовой, он вооружал каждого воина оружием Слова Божия и молитвы, научал, как он должен действовать против врага и, наконец, постоянно напоминал об уготованной подвизающимся награде и тем самым поддерживал во всех воинах мужество. Столь кропотливый труд настоятеля как с сонмом братии, так и с каждым иноком в отдельности принес впоследствии свои плоды.

Вот как оценивали современники качества иноков Глинской пустыни: "Честность и бескорыстие между ними общие и весьма обыкновенные достоинства. Одни в обитель вступили нищими, другие все свое вложили в общину, дабы Христовою нищетою обогатиться. Несмотря на то что не учились в народных школах, некоторые посредством простого внимания чтению и пению в церкви, очищением ума и сердца молитвою и деланием заповедей Господних, достигают правого разумения словес Господа Иисуса Христа и опытного ведения путей Божиих в обращении и спасении душ человеческих, утешают и назидают друг друга беседами поучительными; любят очищать совесть свою исповеданием перед отцами духовными; все дела общежития разделяют между собою"[242].

Строгость соблюдения Глинскими иноками благочиния в церкви и келлиях, устава обители, составленного о. Филаретом, была такова, что неисполнявшие их удалялись из монастыря, о чем записано в главе 25 устава: "Аще кто из братии вознерадит, лености ради, приходити к началу церковного пения или подает какой-либо соблазн, а паче мирским, или уставу противитися будет, такового настоятель по первому и второму увещанию наедине, при соборе увещевает, приводя ему Святых Отец писания и устав обители по установлению Святых Отец, увещевая его любовию. И аще таковый не смирится и не послушает наказания, изгоняется из обители"[243]

Таким образом, под руководством духовно мудрого старца Филарета воспиталось новое поколение опытных подвижников, многие из которых стяжали глубокое смирение, кротость, милосердие и даже получили от Бога духовные дары прозрения, исцеления, назидания ближних.

Жизнеописания многих учеников о. Филарета вошли в многотомное издание "Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков". Приведем здесь имена лишь некоторых из них: схиархимандрит Илиодор (Голованицкий; +1879 г.); архимандриты: Паисий (Сипченко; 1869 г.); Аполлинарий (1864 г.); иеросхимонахи: Анатолий (Скубырин; +1860 г.), Серафим (Пацула; +1856 г.), Макарий (Шаров; +1864 г.), Иоанн (Крюков, впоследствии затворник Святогорский, изгонявший бесов; +1867 г.), иеромонахи: Феодосий (+1850 г.), Евграф (Барташин; +1848 г.); келейник о. Филарета схимонах Евфимий (Любимченко; +1866 г.); монахи: Мартирий (Кириченко; +1865 г.), Никандр, сподвижник о. Евграфа; послушник Василий Милонов кающийся (+1859 г.) и многие другие.

Их духовно-подвижническая жизнь сияла подобно маякам, направляющим корабли – человеческие души к тихому пристанищу Царствия Небесного.

Так, ученик о. Филарета – иеросхимонах Антоний, подвизавшийся в безмолвии в скиту Глинской пустыни, имел дар молитвы "и дар слез, обильно истекавших во всякое время"[244]. Преосвященный Илиодор (Чистяков), епископ Курский и Белоградский, посетив скит, застал о. Антония в мантии и епитрахили, вычитывавшего у себя вечерню; при этом старец был весь в слезах. В его тесной, убогой келлии находились только иконы, стол и скамейка. Архипастырь был поражен. Он увидел, что эта келлия – место молитвы и плача[245].

В историю Глинской пустыни этот ученик о. Филарета вошел как иеросхимонах Антоний безмолвник[246], "простосердечный и кроткий старец-подвижник, проходивший высокий подвиг в уединении келейном... блюдя свое безмолвие"[247]. В Ближнем скиту он подвизался в 1831–1833 годах, за год до смерти принял схиму и блаженно скончался в 1842 году, состоя в священном сане более полустолетия. Отец Филарет всегда отзывался об о. Антонии с самой лучшей стороны, говоря о нем как о подвижнике, который служит примером для всей братии[248].

Знаменательно, что двенадцать учеников о. Филарета были назначены настоятелями в другие святые обители[249] подобно тому, как Господь наш Иисус Христос при жизни на земле послал двенадцать Своих учеников проповедовать и исцелять больных: "Созвав же

обанадесяте, даде им силу и власть на вся бесы, и недуги целити. И посла их проповедати Царствие Божие и исцелити болящия" (Лк. 9, 1–2).

В числе этих настоятелей был и знаменитый миссионер *архимандрит Макарий* (Глухарев), с полным основанием названный Апостолом Алтая. Он также воспитался у ног выдающегося духовного вождя – старца Филарета – и впоследствии всегда помнил "руководство незабвенного аввы Филарета, мужа, известного святостию жизни и способного учеников своих благонадежно вести в Царствие Небесное по узкому пути смирения, терпения и послушания"[250]. До поступления в Глинскую пустынь о. Макарий был ученым архимандритом, инспектором Екатеринославской (ныне г. Днепропетровск) Духовной семинарии, затем ректором Костромской семинарии, прекрасно знал несколько иностранных языков. Но изучение наук не смогло восполнить его стремления к уединенной богоугодной жизни под руководством наставника. Не удовлетворяла его душевного порыва и шумная Киево-Печерская Лавра, куда он поселился на покой в 1825 году и пробыл в ней непродолжительное время, усердно занимаясь переводами святоотеческих творений. Узнав же о благочестивом настоятеле о. Филарете, он испросил разрешение Святейшего Синода переселиться в Глинскую пустынь и прибыл в эту обитель в конце декабря того же 1825 года[251]. Позднее он писал: "Я хотел среди Глинских братий знакомиться с искушениями, свойственными монашескому общежитию"[252]. Жизнь в Глинской пустыни всецело удовлетворяла его аскетическим стремлениям, и впоследствии он восторженно писал об этой обители: "Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном мире, в которую, дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества"[253]. Изнуряя свое тело постом и всяческим воздержанием, он глубже изучал тайники своей души, гнездящиеся в сердце неумерщвленные страсти и исповедовал их о. Филарету[254].

Христово послушание о. Маркарий называл "врачебным кровопусканием, в котором душа очищается от черных, нечистых и гнилых кровей своеволия и глупости"[255]. Постепенно приобретая Христово смирение, он стремился шествовать узким и тернистым путем, ведущим в обители Отца Небесного.

По словам известного исследователя жизни о. Макария Дмитрия Дмитриевича Филимонова, "Глинская пустынь была для о. Макария последней пристанью, где он наконец нашел все, что искал, чтобы приготовиться к высокому и трудному подвигу миссионера"[256], на который благословил его о. Филарет.

Отец Макарий желал, по слову апостола Павла, духом пламенеть, Господу работать, скорби терпеть, в молитве пребывать, радоваться с радующимися, плакать с плачущими, "не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся" (Рим. 12, 16).

5 июня 1829 года с разрешения Святейшего Синода он выехал из Глинской пустыни, под влиянием которой у него уже окончательно сложился аскетически-созерцательный характер, наложивший отпечаток на его жизнь и его произведения. "Особенно ясно отобразился в нем богобоязненный, смиренномудрый, нестяжательный и деятельно-духовный "незабвенный авва" Филарет"[257].

Отец Макарий основал Алтайскую миссию и пробыл в ней четырнадцать лет (с 1830 по 1844 г.) с полным самопожертвованием, в величайших подвигах апостольского служения[258]. По образцу Глинской пустыни о. Макарий устроил обитель для братства вновь учрежденной им Алтайской миссии, в которую он вложил все то духовное, что приобрел в Глинском монастыре. Он сам обратил ко Христу около 700 человек, а благодаря деятельности созданной им миссии в конце XIX века из 35 тысяч алтайцев было уже 20 тысяч христиан[259].

О неразрывной духовной связи о. Макария с Глинской пустынью свидетельствуют его слова: "Всегда сохраняю утешительную память моего пребывания в его (о. Филарета. — *А. И.*) обители, опытных наставлений его и отеческих благотворений и собираюсь писать к нему"[260]. Миссионерская деятельность, потребовавшая от о. Макария огромных духовных и физических сил, подорвала и без того его слабое здоровье. Он вынужден был в 1844 году оставить Алтайскую миссию, получив назначение на должность настоятеля Болховского Троицкого монастыря, где через три года блаженно скончался. Последние слова его были: "Свет Христов просвещает всех!"[261].

Слава о мудром руководстве о. Филарета распространилась по всей стране. Архимандрит Пимен (Мясников), настоятель Николо-Угрешского монастыря, в своих "Воспоминаниях" называл о. Филарета одним из самых искусных и лучших настоятелей, которого "уважали не только (простые) монашествующие, но и самые иерархи"[262]. Отеческое попечение о. Филарета о духовной, хозяйственной, благотворительной, просветительной деятельности обители, его духовная опытность быстро умножали Глинское братство. Именно в Глинскую пустынь под опытное руководство о. Филарета направляли стремившихся начать иноческую жизнь многие духовные старцы, например духовники Киево-Печерской Лавры[263], настоятели других Киевских монастырей[264] и даже сами Киевские митрополиты[265].

Отец Филарет был знаком не только с такими великими подвижниками, как Высокопреосвященный Филарет (Дроздов), Антоний (Смирницкий), архиепископ Воронежский; его знал по духу и питал к нему большую любовь о Христе преподобный Серафим Саровский, который нередко направлял к о. Филарету просивших благословения на поступление в монастырь, "указывая на обитель его как на великую школу иноческой жизни"[266].

В Глинскую пустынь к старцу Филарету переходили многие опытные подвижники из других монастырей, в том числе не только из близ расположенных (Софрониевой пустыни[267], Глуховского Петропавловского монастыря[268], Курской Коренной пустыни[269]), но и из отдаленных (Киево-Печерской Лавры[270], Соловецкого монастыря[271], Валаама[272]). Восемнадцать лет подвизавшийся на Афоне старец Пантелеимон впоследствии также перешел в Глинскую пустынь[273]. Таким образом, численность Глинского братства возросла при о. Филарете более чем вчетверо.

При вступлении его в должность настоятеля в Глинской пустыни было лишь около 25 насельников[274] (причем по штату было положено только 7 монашествующих). Уже в 1819 году число монашествующих было не менее 9 (подписи 5 иеромонахов, 2 иеродиаконов и 2 монахов

находим на прошении Глинской братии о наделении пустыни лесом)[275]. В 1821 году по ходатайству о. Филарета штат обители был увеличен до 20 братий, а в 1823 году в Глинской пустыни было уже более 40 насельников[276], в том числе 7 иеромонахов, 4 иеродиакона, 4 монаха, 5 указных послушников (т. е. приписанных к обители по указу Консистории), остальные — временные послушники (находящиеся в пустыни на предварительном, временном испытании)[277]. К концу 1820-х годов численность Глинского братства достигла 50 человек[278], а к середине 1830-х годов возросла еще вдвое[279]. В 1837 году старец Филарет писал императору Николаю I: "[Глинское] братство... получив твердое духовное основание введением примерного устава Св. Афонской Горы... умножилось во славу Божию от семи братского состава до 100 человек"[280]. К концу настоятельства о. Филарета в 1839—1840 годах в обители значительно увеличилось число священнослужителей: кроме игумена здесь было еще 10 иеромонахов и 6 иеродиаконов[281]. По сравнению с 1823 годом общее число монашествующих (священноиноков и монахов) почти удвоилось и составило 25 человек, число указных послушников возросло почти в 5 раз (23 человека), временных послушников — в 2,5 раза (около 50 человек)[282].

Быстрое увеличение братства побудило о. Филарета еще в сентябре 1833 года обратиться к епархиальному начальству с ходатайством об увеличении штата монашествующих Глинской пустыни до 30 человек. Преосвященный Илиодор, епископ Курский и Белоградский, в свою очередь, писал в Св. Синод, прося об увеличении штата Глинской пустыни: "Ныне, с увеличением год от года числа прибывающей братии, а следовательно, с увеличением нужд по священнодействиям и другим послушаниям, с оными сопряженными, сказывается чувствительный недостаток в штатном числе монашествующих [Глинской пустыни]"[283]. Однако прошение об увеличении штата Глинской пустыни при жизни о. Филарета[284] не было удовлетворено Св. Синодом. Указ об увеличении штата последовал лишь при его преемнике игумене Евстратии.

Отец Филарет неустанно заботился об улучшении благосостояния обители, что было особенно важно при быстром росте братии. После того как в июле 1835 года по повелению императора Николая I вышел указ Св. Синода о наделении нуждающихся православных иноческих обителей земельными участками[285], о. Филарет обратился с прошением в различные инстанции о наделении Глинской пустыни 160 десятинами земли, поскольку пустынь, владея лесными угодьями, не имела удобной для хлебопашества земли[286]. Получив отказ, Глинский настоятель с братией в 1837 году решились обратиться с прошением к самому императору.

"Августейший Монарх Всемилостивейший Государь!

Высочайшим Вашего Императорского Величества повелением, объявленным Святейшему Синоду в 4-й день июня истекшего 1835-го года, Всемилостивейше повелено: чтобы нуждающимся в содержании православным иноческим обителям дарованы были вящие средства к существованию наделением их из казенных дач такими участками земли, которые могли бы удобнее служить к устройству земледельческого хозяйства, примерно от 100 до 150-ти десятин и более.

Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатров) (1779—1857)

Глинская Богородицкая общежительная пустынь на основании сего утруждала Епархиальное свое начальство о наделении ей земли в двух участках; при селе Новой слободе и деревне Шутовке в числе 160 десятин, облегченной от переселения казенных крестьян из той и другого в Саратовскую губернию.

Преосвященнейший Епископ Курский Илиодор благоволил из просимого количества назначить только 80 десятин при деревне Шутовке и 10 при селе Новой слободе, а Его Сиятельство Господин Министр Финансов при общем рассмотрении дел сего рода и вовсе изволил отказать в оной.

Всеподданнейше поднося Вашему Императорскому Величеству составленную по сему предмету записку и смиренно повергаясь к подножию Престола Вашего Императорского Величества, испрашиваем милости о наделении обители сей таким участком земли и там, где Бог возвестит сердцу Вашего Императорского Величества.

Августейший Монарх
Всемилостивейший Государь
Ваше Императорского Величества
Верноподданные
Строитель Иеромонах Филарет
Духовник Иеромонах Антоний
Казначей Иеромонах Порфирий
Ризничий Иеромонах Епифаний
Благочинный и Уставщик Иеромонах Феодосий
Иеромонах Герасим ..."

Марта 25 дня
1837-го года
Глинская Богородицкая
Пустынь
Курской губернии
Путивльского уезда

(Далее — восемь подписей иеромонахов и иеродиаконов. — *А. И.*)[287].

В записке о положении пустыни, прилагаемой к прошению, о. Филарет писал: "Если бы особенным Божиим Промыслом Благочестивейший Император Александр Благословенный не обратил на нее Высочайше милостивого благоволения, то едва ли бы слышимы были на месте сем ныне воспеваемые с толиким благолепием хвалы Богу Вышнему, и приносились смиренные мольбы о Благоденствии Вашего Императорского Величества; но когда по благому Его Промыслу сие малое достояние пустыни умножилось наделением ей лесной дачи в 300 десятин, то справедливо, что вышла она из величайшего затруднения относительно построек, отапливания и содержания небольшого числа скота и лошадей; существенный же недостаток в собственном жизненном продовольствии за неимением хлебопашества оставался тот же, а сие не было заводимо потому, что на всем пространстве владеемой пустынью земли, не находится и одной десятины, удобной для возделывания, о чем и самый план местности пустыни ясно свидетельствует"[288].

Далее о. Филарет писал, что пустынь содержится в основном "постоянным жертвованием благочестивых христиан"[289]. Действительно, в 1830-х годах более половины годового дохода пустыни составляли пожертвования[290]. Около 20% доходов обитель получала от своих подворий и примерно столько же от продажи свечей, просфор; незначительную долю в доходах составляли проценты с капиталов и пособие, получаемое от казны[291].

В заключение старец Филарет обращается к императору Николаю I: "Трудно ли отеческому сердцу Вашего Императорского Величества, оказав благостыню убогим инокам, не оставить в печали, утешить и добрых поселян! Трудно ли Благочестивейшему Царю, Владыке полушария земного, подобиться Царю Царствующих, Вседержителю Вселенныя! рекшему: "Будите убо милосерди, якоже и Отец Ваш милосерд есть".

В царствование блаженной памяти Императора Александра Благословенного, при ходатайстве о дарованной им пустыне лесной даче, представлялись такие же невозможности и неудобства, какие являются и при сем обстоятельстве, но Всемилостивейший Монарх внимал только к единой милостыне. Августейший Венценосец! Рцы Слово — и отдвигнутся горы!

Вашему Императорскому Величеству, Отцу Богом благословенного Отечества, вверяем чрез сие наши нужды и себя самих, с верноподданническою любовью и униженнейшим смирением, убогих о Господе иноков.

Строитель Иеромонах Филарет
Духовник Иеромонах Антоний
Казначей Иеромонах Порфирий
Ризничий Иеромонах Епифаний
Благочинный и Уставщик Иеромонах Феодосий
Иеромонах Герасим
Иеромонах Мартирий..."

(Далее — семь подписей иеромонахов и иеродиаконов. — *А. И.*)[292].

Как писал позже игумен Филарет, император Николай I "внял сему смиренному прошению Глинских иноков, почему и поступило оно к рассмотрению в Департамент Государственных Имуществ"[293].

Настоятель Филарет, преисполненный усердной заботой о благосостоянии своей обители, братии монастыря, не переставал обращаться в различные инстанции по поводу приобретения земли. Он неоднократно писал Преосвященному Илиодору (Чистякову), епископу Курскому[294], министру государственных имуществ генерал-адъютанту Павлу Димитриевичу Киселеву[295], одновременно он обращался в Курскую казенную палату, к Суджанскому уездному землемеру, титулярному советнику Василию Ивановичу Котельникову[296].

Письма Глинского настоятеля Филарета говорят о многом: они свидетельствуют о его неутомимой энергии, всецелой отдаче своих жизненных сил и способностей на благо своей обители, непрерывной заботе в течение четверти века о ее благосостоянии. Вместе с тем письма настоятеля Филарета раскрывают его высокие душевные качества, глубокое смирение, всецелое упование на Господа, Матерь Божию, любовь к ближнему, а также дарованные ему Богом неординарные способности организатора, духовного наставника.

В феврале 1838 года князь А. Н. Голицын, занимавший теперь уже пост председателя Государственного совета, писал о. Филарету, что он лично просил П. Д. Киселева о наделении пустыни землей[297]. "Князь Голицын, принимая участие в сем деле (о наделении землей Глинской пустыни. — *А. И.*), покорнейше просит Его Высокопревосходительство

Павла Дмитриевича дать оному ход, в обеспечение пустыни", — сказано в документах министерства государственных имуществ[298]. Об удовлетворении ходатайства Глинских иноков просила графа П. Д. Киселева и приезжавшая в Глинскую пустынь к о. Филарету за духовным советом и наставлением графиня А. А. Орлова-Чесменская. Сохранилось ее письмо об этом к министру государственных имуществ[299].

Однако в мае 1839 года министр государственных имуществ П. Д. Киселев отказал Глинской пустыни в просьбе о земле[300], поскольку, по его мнению, "пустынь находится в безбедном положении"[301]. Получив указ об этом из Св. Синода, Курский Преосвященный направил в ноябре 1839 года в Св. Синод доклад, где писал следующее:

"1. Из отчетов Глинской пустыни... видно, что для содержания ее насельников и на ремонт зданий требуется ежегодно не менее 13 тысяч рублей;

2. Надежные источники не приносят таких доходов;

3. Подаяние от частных лиц не всегда может быть в таком количестве. Следовательно, при недостаточном пожертвовании благотворителей пустынь должна или входить в долги, или терпеть во многом необходимом недостаток"[302].

Поэтому Преосвященный просил исходатайствовать для Глинской пустыни дополнительное пособие, выдаваемое из казны в размере 700 рублей[303]. Однако и на это прошение 30 декабря 1839 года последовал отказ Св. Синода[304].

Но труды о. Филарета не пропали даром. Позднее уже при его преемниках Александр II пожертвовал Глинской пустыни столь необходимые 100 десятин земли[305].

Многогранная духовно-творческая деятельность о. Филарета служила на пользу как Глинской пустыни, так и в целом монашествующим. Старец Филарет духовно окормлял не только братию Глинской пустыни, но и монашествующих многих других обителей. Для некоторых из них он составил уставы, которые явились основанием внутреннего и внешнего благоустройства и процветания этих монастырей. Так, в 1821 году, находясь в С.-Петербурге, о. Филарет, по указанию архиепископа Филарета (Дроздова), в ответ на прошение игумении Екатеринбургского Новотихвинского монастыря составил по чину Св. Афонской Горы устав для Екатеринбургской обители, утвержденный Св. Синодом в 1822 году[306].

В 1821 году игумения Борисовской пустыни Курской епархии обратилась к Курскому Преосвященному с прошением о том, чтобы Глинский настоятель составил устав и для их обители. Она называла о. Филарета старцем "от Бога одаренным духовным разумом и могущим подать им к устроению душ правила монастырского и церковного распоряжения"[307]. По указанию Преосвященного Евгения о. Филарет поехал в Борисовскую пустынь и ввел в ней "чиноположение и устав пустынных обителей", который, как сказано в описании Борисовской пустыни," послужил основным камнем благосостояния обители"[308]. Отец Филарет до самой кончины был духовным руководителем многих сестер Борисовской пустыни. По всей вероятности, под духовным водительством старца Филарета находились монахини и Хорошевской пустыни. Они, так же как и борисовские инокини, пожертвовали при о.

Филарете в Глинскую пустынь много риз, шитых по бархату золотом[309], и воздухов с покровцами[310]. За советом и наставлениями к о Филарету часто обращались инокини Севского девичьего монастыря во главе с настоятельницей игуменией Паисией[311]. Своими пожертвованиями они также обогатили ризницу Глинской пустыни[312].

Отец Филарет руководил духовной жизнью и весьма отдаленных от Глинской пустыни монастырей. Так, в 1826 году по его благословению была устроена женская община в селе Бетьках Мензелинского уезда Уфимской губернии. Затем эта община была переведена в Уфу и преобразована в штатный общежительный монастырь с наименованием Благовещенский. Настоятельница этого монастыря игумения Филарета, преданная ученица старца, писала, что "монастырь возник и устроен о. Филарета назиданием и духовным руководством"[313]. Отец Филарет не только составил для Уфимского монастыря устав, но и разработал подробный план монастыря[314]. До последних дней своей жизни он управлял всей духовной и материальной деятельностью этой обители[315].

Важно отметить, что самое живое участие при учреждении Мензелинской женской общины, а также в деле преобразования ее в штатный монастырь и перевода в Уфу принимал Высокопреосвященный Филарет (Амфитеатров), впоследствии митрополит Киевский, который знал и почитал мудрого Глинского настоятеля. К Высокопреосвященному Филарету в С.-Петербург приезжали близкие духовные чада Глинского настоятеля сестры — Стефанида (впоследствии игумения Уфимского Благовещенского монастыря Филарета) и Евдокия (впоследствии казначея того же монастыря Иоанникия). Высокопреосвященный Филарет руководил ими в столице и лично рекомендовал их членам Св. Синода. Впоследствии в Уфимском Благовещенском монастыре хранился большой портрет Киевского митрополита Филарета, подаренный им игумении Филарете[316].

Под духовным руководством великого Глинского старца возникло еще шесть обителей: Одигитриевская Богородицкая в Челябинске; Казанская в г. Троицке Оренбургской губернии; Успенская в Оренбурге; Тихвино-Богородицкая в Бузулуке Самарской губернии; Пророко-Ильинская в Мензелинске; Троицкая в г. Бирске Уфимской губернии. Во всех этих обителях был введен устав о. Филарета, а настоятельницы взяты из Уфимского Благовещенского монастыря. Все они были верными ученицами старца игумена Филарета[317].

Глинский устав, составленный игуменом Филаретом, "послужил краеугольным камнем прочного устройства и процветания"[318] многих мужских монастырей. Среди них — Святогорская Успенская пустынь в Харьковской губернии[319], Тульский Богородицкий Щеглов монастырь, Белгородский монастырь в Курской губернии[320], Бузулукский — в Самарской губернии[321], Чуркинская Николаевская пустынь в Астраханской губернии[322] и др. Таким образом, Глинский устав получил широкое распространение по всей России и был заимствован полностью или частично, по крайней мере, 14 монастырям[323].

Это явилось ярким выражением благотворной просветительной деятельности Глинской пустыни, в которой духовно главенствовал игумен Филарет. Он внес огромный вклад в эту деятельность обители как автор книг и нот духовного содержания.

Высокая подвижническая жизнь, ревностная попечительность о спасении братии побудили о. Филарета составить "Поучение к новопостриженному монаху". Это поучение представляет собой сокровищницу духовных советов не только для иноков, но и для всякого православного христианина.

"Поучение" отличается логической последовательностью, стройностью. Общее представление о его содержании дают подзаголовки, например: "О необходимости помощи Божией. — О противлении врагу спасения. — Об обетах. — О символическом значении иноческого одеяния. — Обряд пострига надобно понимать духовно. — Об отсечении своей воли. — Необходимость иметь старца — руководителя. — Враг спасения ненавидит советы со старцем. — Падения и погибель души происходит от самоволия. — Не пренебрегай малым. — О совести и страхе Божием. — В чем состоит испытание Божие и искушение вражеское. — О пребывании с Богом. — О непрестанной молитве Иисусовой и трезвении ума. — О смиренномудрии. — Что должно исполнять монаху. — О хранении заповедей".

"Поучение" содержит многочисленные ссылки на Священное Писание, творения святых отцов: аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Марка Подвижника, Петра Дамаскина, Нила Сорского, Григория Синаита и др.

Матвей Петрович Штер, в доме которого в С.-Петербурге весной 1823 года жил о. Филарет, 15 сентября 1823 года писал обер-прокурору Св. Синода князю П. С. Мещерскому, что о. Филарет оставил у него рукопись "Поучения".

"Рукопись сия, — сказано в письме, — имеет поправки, сделанные рукою Преосвященного Филарета, Архиепископа Московского и Коломенского"[324]. М. П. Штер просил князя П. С. Мещерского предложить рукопись на рассмотрение Св. Синода с целью напечатания. Если же средств на это не окажется, почитатель о. Филарета — Матвей Петрович просил издержки, связанные с публикацией, отнести на его счет[325]. По рассмотрении "Поучения" Св. Синод приказал: "С означенной рукописи напечатать в здешней Синодальной типографии 1200 экземпляров за казенный счет"[326].

В апреле 1824 года рукопись была напечатана, а в июне того же года последовал указ императора: "Поучение к новопостриженному монаху" разослать во все Епархии, применяясь количеству монастырей для раздачи в оные, по усмотрению Преосвященных Епархиальных Архиереев, от двух до трех экземпляров для руководства в управлении Монастырями и братиею, а также и для чтения оными, с тем, чтобы следующие за них деньги... по пятидесяти копеек за экземпляр, доставлены были в Святейший Синод"[327].

В июне того же 1824 года указ о рассылке по монастырям "Поучения" был выполнен. Из "Реестра" разосланного в епархии по числу монастырей "Поучения к новопостриженному монаху" видно, что книга была отправлена во все 37 епархий, кроме того, в Лавры: Киево-Печерскую, Свято-Троицкую Сергиеву, Александро-Невскую; в ставропигиальные монастыри: Новоспасский, Воскресенский, Симонов, Донской, Соловецкий, Заиконоспасский, Ростовский Яковлевский. Всего была разослана одна тысяча экземпляров "Поучения", на общую сумму

500 рублей. Кроме того, сто экземпляров оставлено в Московской Синодальной типографской конторе[328]. Таким образом, труды Глинского игумена Филарета были разосланы во все концы нашей страны, что свидетельствует о влиянии Глинской пустыни на духовную жизнь всей многонациональной России.

В самой Глинской пустыни "Поучение" о. Филарета читалось в трапезе — в день пострижения кого-либо из братий, а в остальные дня — по келлиям[329].

Глубокая назидательность "Поучения к новопостриженному монаху" и непреходящая актуальность содержащихся в нем наставлений побудили Глинскую пустынь переиздать это поучение на русском языке. Оно было опубликовано в 1897 году вместе с еще одним поучением о. Филарета "Новоначальному перед постригом" под общим названием "До и после пострига. Поучения монахам Глинского игумена Филарета"[330]. Эта книга пользовалась большой популярностью, и впоследствии Глинская пустынь переиздавала ее еще дважды.

Редакция журнала "Русский инок", находя поучения игумена Филарета очень полезными для каждого инока, также издала в 1910 году книгу "До и после пострига" и рассылала по монастырям в виде премии[331]. Кроме того, "Поучения" о. Филарета были напечатаны в "Богословском библиографическом листке" (1898. № 4).

Перу игумена Филарета принадлежат также: "Наставление о должности духовника, служащего инокиням"[332], которое прилагалось к уставам женских монастырей, "Краткое изъяснение о явлении Пустынно-Глинской Чудотворной иконы", "Краткое описание Глинской пустыни"[333], "Записки 1823 и 1828 годов"[334]. Сохранились также общие и монашеские наставления богомудрого Глинского старца, записанные его учениками.

Общие духовные наставления адресованы всем христианам и касаются вопросов порабощения плоти духу, хранения чистой совести и чистого сердца, стяжания христианской любви, борьбы со страстями, духовного трезвения. "Мы, христиане, имеем долг идти вслед Спасителя. Взирая на страдания и смерть Его, должны всегда понуждать худшее покорить лучшему и плоть поработить духу, чтобы сделать себя по образу и по подобию Божию. Образ — в душе человеческой, подобие же — в добродетелях"[335].

В наставлениях монашествующим о. Филарет особое внимание обращает на стяжание смирения, на всецелое покорение себя воле Божией. "Кто совершенно покорит себя воле Божией (через послушание старцам и старшим), тот свою волю во всем оставит, тому и не бывает скорби, ибо врагу места там нет. Своевольным же и непокорным враг никогда не дает покою и будет всегда наводить смущение. Что сделается не так, как хочется, все Богу неугодным вмени (т. е. свое хотение и желание) и мирен будешь, и враг не будет тревожить... Понуждай себя считать меньшим и худшим всех в добродетелях и недостаточным в познании духовного делания"[336].

Имея от Бога дар непрестанной молитвы Иисусовой, о. Филарет наставлял и братию в этом подвиге. "В умномысленном делании и молитве наиболее состоит истинный подвиг монашества; в нем бывает истинное познание духовных вещей и Бога"[337]. Молитва Иисусова, по

мысли о. Филарета, научает монаха искать сердцем Бога, побуждая к послушанию, терпению, кротости, смирению. Она способна возрождать монаха (человека) духовно и вселяет мир и любовь к Богу и людям.

Кроме поучений, о. Филарет писал и нотные книги. Им написаны пять Ирмологиев и некоторые другие церковные песнопения нотами квадратной формы (нотная литургия и несколько "Херувимских"). "Как знаток пения, о. Филарет сам перелагал священные песнопения (с крюков на ноты квадратной формы), комбинируя церковные мотивы и особенно хорошо известный ему древний Киево-Печерский распев... Таким образом, весь круг богослужебного пения Глинской пустыни отличался древней церковной мелодией"[338].

Отец Филарет, будучи настоятелем, автором нотных произведений и одновременно регентом, заботился главным образом, о том, чтобы церковные песнопения были проникнуты истинно молитвенным духом и приближали к Богу души и сердца молящихся. Впоследствии Обиход, введенный о. Филаретом, в Софрониевой, а затем в Глинской пустыни, распространился его учениками во многие монастыри (в Святогорскую Успенскую пустынь Харьковской губернии, Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской губернии, Тульский Щеглов монастырь, Бузулукский монастырь Самарской губернии и др.).

Отец Филарет любил и физический труд: разводил фруктовые сады, работал в огороде, на пасеке, осушал болотистые места на хуторе близ деревни Заруцкой, который был подарен Глинской пустыни соседним помещиком Д. С. Бровцыным. При этом старец часто говорил: "Томлю томящаго", т. е. порабощал плоть свою духу. Работал о. Филарет до изнурения, до слабости, так что не мог часто взять руками орудия труда и "шел к своей келлии, едва передвигая ноги"[339]. После напряженного трудового дня о. Филарет затворялся в своей келлии, обстановка которой отличалась строгой простотой. Здесь он совершал монашеское правило, изливал свои молитвы ко Господу. Неисчислимы его келейные подвиги молитвы, поста, разного рода воздержания, о чем говорил живший у о. Филарета десять лет келейник Константин Юнков[340]. Однажды накануне празднования Иверской иконе Богородицы в своей келлии о. Филарет удостоился видеть Пресвятую Богородицу[341].

Во всех перечисленных подвижнических трудах о. Филарета вдохновляло сознание своего пастырского долга. Его пастырская душепопечительность не имела границ. Всего себя, все силы ума и сердца отдавал о. Филарет служению Богу и ближним. Самосовершенствование не было теперь его личной целью, а только одним из средств достижения более широкой и возвышенной цели — спасения паствы. Выше было сказано об окормлении старцем Глинской братии и монашествующих других обителей. Но двери келлии о. Филарета были открыты и для мирян. Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний — все знали смиренного, прозорливого Глинского старца. К нему тянулись тысячи верующих душ. "Пришельцы из дальних и ближних мест с раннего утра толпились у келлии подвижника". С утра до вечера он только и жил заботой о ближних. Он никогда никому не отказывал в совете и помощи. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами и своей сострадательной любовью!

Он жил жизнью других, радовался их радостями и печалился их печалями. Его беседы согревали охладевшие сердца, просвещали разум, открывали душевные очи, призывали людей к раскаянию, к душевному миру и духовному возрождению. Они покоряли сердца людей, вселяя в них благодатный мир и тишину. После бесед с богомудрым старцем даже раскольники присоединялись к Православной Церкви[342].

Сама внешность подвижника производила глубокое впечатление на обращавшихся к нему. "Черты лица отца Филарета дышали девственной красотою, душевным миром и радушием"[343].

Помимо приема богомольцев, о. Филарет писал ежегодно до 750 писем, содержащих в большинстве случаев советы, наставления духовным чадам, в числе которых было "много высокопоставленных особ из Петербурга и других городов нашего обширного отечества"[344]. Отец Филарет часто до полуночи просиживал за письменным столом, а с первым ударом колокола (в 12 $^1/_2$ часа ночи) спешил на утреню в храм. Таким образом, его любовь ко Христу и ближним полностью обнаружилась в его деятельности, т. е. он сам шел по пути спасения и был путеводной звездой для других. Своими наставлениями старец оказывал огромное нравственное влияние на тех, кто соприкасался с ним. Иноки и священники ревностно брались за исполнение своих обетов и обязанностей, раскольники обращались в лоно Православной Церкви, люди порочные в корне изменяли свое поведение, а дети на всю жизнь запоминали наставления любвеобильного о. Филарета[345].

Следует добавить, что о. Филарет много потрудился над исправлением епитимийцев. Благодаря расцвету духовной жизни в Глинской пустыни, их особенно много стали присылать в обитель "для усовершенствования благочестивым примером добрых иноков"[346].

Исследуя историю Глинской пустыни XVIII—XIX веков, автор третьего издания "Жизнеописания игумена Филарета..." уже в начале XX века писал, что ни при одном настоятеле в Глинскую пустынь не присылали так много епитимийцев, как при о. Филарете[347]. Особенно часто сюда направляли тех, которые "оказывались неисправимыми в других монастырях"[348]. Например, в 1818 году по указу Курской Духовной Консистории в Глинскую пустынь на епитимию был прислан вдовый диакон Николай Кузнецов, который за пристрастие к пьянству перед этим проходил епитимию в Белгородском Николаевском монастыре, но, по отзыву настоятеля этой обители, "остался неисправным"[349].

Епитимийцев в Глинскую пустынь присылала не только Курская Духовная Консистория, но очень часто и Св. Синод. Так, в 1831 году бывший обер-священник армий и флотов Павел Моджугинский, посланный на епитимию в Валаамский монастырь, ходатайствовал о пострижении его в монашество и о переводе в монастырь одной из южных епархий. В ответ на это прошение император Николай I предписал Св. Синоду "назначить для пребывания его монастырь, известный строгостью жизни монашествующих и порядком своего управления"[350]. Св. Синод назначил для него Глинскую пустынь. Отец Павел Моджугинский, по указу Св. Синода от 4 мая 1831 года, был переведен в Глинскую пустынь[351] и 20 июля 1831 года пострижен в монашество с именем Петр[352].

Он подвизался в пустыни в сане иеромонаха до самой кончины[353].

Глинская пустынь приобрела настолько широкую известность высотой своей духовной жизни и силой религиозно-нравственного воздействия на народ, что сюда присылали на епитимию лиц не только духовного, но и светского звания. Например, в 1827 году по указу Св. Синода в пустынь был прислан на епитимию Алексей Козлов, бывший мастер, судившийся в С.-Петербургской Палате уголовного суда[354].

Многие из епитимийцев под влиянием убеждений о. Филарета и примера высокой духовно-нравственной жизни братий исправлялись, в корне изменяли свою жизнь и обращались к покаянию. Отец Филарет сам ходатайствовал перед начальством об облечении им епитимии, снятии запрета в священнослужении и т. п.[355].

Старец Филарет был преисполнен дарами Божией благодати. Дар проникновения в тайники человеческих душ позволял старцу безошибочно видеть нравственное состояние обращавшихся к нему. Дар его духовного рассуждения проявлялся в том, что он сразу определял духовное состояние человека и давал ему правильный совет. Очень часто по дару прозрения, которого он сподобился за свою богоугодную жизнь, о. Филарет предвидел и предсказывал будущее. Так, однажды проездом из Киева заехали к старцу Филарету в Глинскую пустынь мать с дочерью Елизаветой. Получив в беседе с настоятелем много мудрых духовных советов и наставлений, они собрались было уже уходить, как вдруг о. Филарет неожиданно слегка ударил своим игуменским посохом дочь Елизавету и сказал: "Привыкай к этому, — когда сама будешь его носить, то будешь знать, как им пользоваться"[356]. Пророческие слова настоятеля сбылись. Елизавета впоследствии стала игуменией Верхо-Харьковского монастыря Емилией.

Дар прозорливости способствовал о. Филарету и в осуществлении внешней преобразовательной деятельности в Глинской пустыни.

Можно было бы привести много других примеров прозрения о. Филарета. Так, он сподобился видеть душу почившего преподобного Серафима Саровского, возносимую Ангелами со славою на небо, о чем он сам рассказывал многим. "Ночью 2-го января 1833 года после утрени, стоя на крыльце своей келлии, о. Филарет увидел сияние на небе и чью-то душу, Ангелами с пением возносимую на небо. Долго смотрел он на это чудное видение, подозвал к себе некоторых братий, тут случившихся, указал им на необыкновенный свет и, подумав, сказал: "Вот как отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим". Видеть сияние сподобились только отчасти двое из братий. После узнали, что точно в ту самую ночь скончался отец Серафим"[357].

Велика была сила молитв старца Филарета, и многочисленные случаи исцелений свидетельствуют об этом. Однажды один крестьянин с сильной головной болью приехал на монастырскую мельницу. В то время там был о. Филарет; он взял больного за голову двумя пальцами, и болезнь тотчас же прошла[358].

Современники называли о. Филарета "старцем святой жизни"[359]. "Олицетворяя в себе тип древнего иночества и настоятельства по образу великих светил иночества: Пахомия, Евфимия, Саввы и других восточных и отечественных наших преподобных, игумен Филарет с великою мудростью духовною и прозорливостию соединял особую кротость и любовь ко всем ближним. Эта любовь выражалась в нем

преимущественно в желании и стремлении всех спасти и привести в духовное о Христе совершенство... Это был и настоятель, и вместе любвеобильный отец для всей своей братии, которою руководил он не столько строгостию, сколько любовью и собственным примером святого иноческого жития"[360]. Отец Филарет воздвиг Глинскую пустынь "на степень благоустроеннейшего в духовном отношении монастыря"[361].

Труды о. Филарета не могли остаться незамеченными. "За отлично усердную службу"[362] 20 января 1829 года он был награжден золотым на-

персным крестом из кабинета императора Николая I[363] (весом 15 золотников)[364].

Поздравляя Глинского настоятеля с наградой, обер-прокурор Св. Синода князь П. С. Мещерский, вероятно, лично знавший о. Филарета, писал: "Я имел счастье представлять на Высочайшее усмотрение о заслугах и значительном приобретении, сделанном Вашим Преподобием

Настоятель Глинской пустыни игумен Филарет (Данилевский)

в пользу Глинской Богородицкой пустыни, управлению Вашему вверенной. Его Императорское Величество, во внимание к усердию и заслугам Вашим, Всемилостивейше соизволил пожаловать Вам из кабинета золотой наперсный крест на таковой же цепи... Мне приятно принести Вам усерднейшее поздравление с сим знаком внимания к заслугам Вашим со стороны начальства и милости... Государя. С истинным почтением имею честь быть Вашего Преподобия покорнейший слуга князь Петр Мещерский"[365].

"За примерное поведение и попечительность в благоустройстве обители" 1 марта 1835 года о. Филарету был вручен игуменский посох[366].

14 марта 1839 года "за прохождение настоятельского служения с 1817 года, при поведении весьма честном, с отличным усердием и особенно пользою для обители" о. Филарет был возведен епископом Илиодором в сан игумена[367].

Однако не к земным почестям были направлены устремления о. Филарета. Сознание своего труда ради Бога и Царицы Небесной было самым большим его утешением.

До самой кончины он ревностно исполнял свои настоятельские обязанности: ежедневно отдавал распоряжения по делам обители, принимал братию, благословлял богомольцев и т. п. Однако все более и более возвышаясь духовно, о. Филарет с каждым днем слабел телесно. В 1838 году за два дня до праздника Рождества Христова от полного изнеможения сил он потерял сознание, братия с трудом привели его в чувство. После этого телесные силы о. Филарета стали угасать видимо для всех. Последнюю Божественную литургию он совершил в Неделю Православия Великим постом 1841 года.

Перед переходом в иную жизнь игумен Филарет благословил братию и со смирением "просил у всех прощения и молитв о себе... В молчании и уединении встречал [он] приближающуюся кончину"[368]. Господь благословил ему в духовной радости провести первый день Пасхи. В час пополуночи под понедельник он причастился Святых Таин, а в 6 часов 30 минут утра старец Филарет мирно скончался. Это было 31 марта 1841 года[369]. Знаменательно, что в этот же день совершалось празднование Иверской иконе Божией Матери[370], которую о. Филарет получил в благословение при переходе на настоятельство в Глинскую пустынь. Благоговение перед этой иконой он пронес через всю последующую жизнь и в честь этой иконы устроил храм над святыми вратами в Глинском монастыре. Игумен Филарет по дару прозрения еще за два года предсказал свою кончину и указал своего преемника[371].

Отпевание игумена Филарета 3 апреля[372] совершили архимандрит Рыльский Иоасаф, благочинный монастырей, и настоятель Петропавловского монастыря Черниговской губернии архимандрит Иоанникий (впоследствии Глинский старец схиархимандрит Илиодор, постриженик о. Филарета), собор священноиноков и священников. "Иеромонахи и послушники; старцы и юноши равно оплакивали своего великого старца — отца, который, как святой, лежал в гробу, издавая благоухание от труженического мертвого своего тела"[373]. Один из послушников спросил о. Арсения (Митрофанова): "не положено ли было в гроб каких благоуханий земных". Отец Арсений, который "присутствовал при облачении и положении во гроб свято почившего

старца, удостоверил его, что никаких благоуханий не было там положено, а что это благоухание есть возмездие от Бога потов и трудов его преподобных"[374].

В самой смерти блаженного старца Филарета, когда все собравшиеся священнослужители в праздничных ризах возносили к Богу победные над смертью пасхальные песнопения, казалось, был залог вечного блаженства почившего в Царствии Небесном.

Похоронен был настоятель Филарет "согласно его завещанию у прага храма, да поминают все входящие в храм Господень" (слова, сказанные старцем при приготовлении себе смертного покоя)"[375]. Последним его предсмертным завещанием было: "Имейте, братие, мир и любовь между собою, а я, если обрету у Господа дерзновение, то верую, яко обитель наша не оскудеет. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцом своим, аще аз и недостойный, и обрящете благодать от Бога"[376].

И поистине игумен Филарет не оставил духовных чад своим предстательством перед Богом. Он являлся неоднократно схиархимандриту Илиодору и другим своим ученикам или почитателям, предсказывая им день кончины, подавая необходимые советы, спасительные наставления.

В свою очередь, ученики, а также многочисленный сонм последователей игумена Филарета до сих пор, где бы они ни жили, бережно хранят его наставления — уроки об очищении сердца, руководствуются ими в своей духовной борьбе. Один из близких учеников отца Филарета — послушник Евстафий, впоследствии схимонах Евфимий (Любимченко), будучи в преклонном возрасте, передавал молодым братиям наставления, слышанные им от настоятеля Филарета, при этом он часто повторял: "Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками"[377].

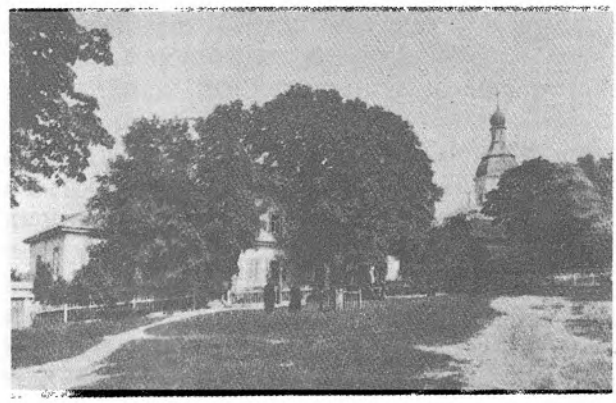
Господь, несомненно, сподобил Своего праведника — Глинского настоятеля игумена Филарета небесной славы, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. "Некоторые старцы, достойные духа созерцаний, неоднократно видали покойного отца Филарета Глинского поющим на клиросе с братией; однажды ученик его схиархимандрит Илиодор, горя любовью к братиям Глинской обители, кои с ним полагали начало, вместе живут или умерли, молился Господу, да откроет ему о числе спасшихся и спасающихся. Господь, вняв молитве Своего угодника, утешил его видением.

Старец Илиодор, стоя в храме, видел, что не только храм, но и алтарь уставлен большими и малыми светильниками: иные из них горели, другие предназначались к горению. Но этого мало, при видении спасшихся отцу Илиодору естественно желалось знать участь своего достойного учителя батюшки игумена Филарета. И Господу угодно было не оставить его в недоумении.

Во сне отец Илиодор видит себя в монастырском соборе, который наполнился крылатыми монахами, блиставшими небесным светом. Между ними, как солнце среди звезд, стоял отец игумен Филарет. Лицо его было так светло, что от блистания небесной славы невозможно было смотреть на него"[378].

Удостоившись этого видения и с благодарностью вспоминая своего учителя, отец Илиодор иногда говаривал: "Я верую, что батюшка отец Филарет почивает нетленным"[379], ибо по слову Св. Писания: "Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними" (Апок. 14, 13); "Блажен, его же избрал еси и приял, вселится во дворех Твоих" (Пс. 64, 5).

Прозорливость слов старца схиархимандрита Илиодора подтвердилась следующим достоверным фактом. В 1847 году, когда копали рвы для фундамента в целях расширения соборного храма, приш-

лось вскрыть склеп, где был погребен отец Филарет. Монах Израиль, "видя гроб совершенно целым, решился приподнять крышку его и увидел одежды также целыми, а тело аввы нетленным и благоухающим"[380].

Во все последующие периоды существования Глинской обители в ней всегда с великим благоговением хранили память о незабвенном авве. И лучшим подтверждением этому служило строгое соблюдение монастырского устава и всех заветов старца, причем "соблюдение не ограничивающееся одной внешней стороной, но проникнутое самим духом пустынного общежительного иночества, об утверждении которого в обители так заботился старец Филарет"[381].

По свидетельству иноков обители, и в XX веке из уст Глинских старцев часто слышались выражения: "Старец Филарет говорил", "Батюшка Филарет установил" и т. п.[382].

В день тезоименитства преподобного аввы, 1 декабря (ст. стиль), в Глинском монастыре и в Дальнем Спасо-Илиодоровском скиту всегда совершалось заупокойное всенощное бдение, а после литургии — панихида.

В этот день произносилось специальное поучение, посвященное богоугодной жизни старца Филарета — смиренномудрого и богобоязненного подвижника[383].

Своими молитвами, трудолюбием, духовными книгами, нотными произведениями, "уставами" игумен Филарет оставил последующим поколениям много памятников. Но лучшим из них стала возрожденная и возобновленная им Глинская пустынь.

Отец Филарет еще за два года до кончины на слова иноков: "После вас, батюшка, обитель наша совсем разорится" ответил: "Не разорится, а созиждется, увеличится и процветет"[384]. И предсказание его исполнилось.

Имея от Бога высокие духовные дарования, игумен Филарет сумел так искусно направить жизнь обители, что о ее патриотической, просветительной, благотворительной деятельности впоследствии знала вся страна. Иноки обители, как проводники в жизнь известных нравственных требований, служили и духовным, и временным материальным нуждам своего народа.

О расцвете Глинской пустыни в послефиларетовский период рассказано в последующих главах данной работы.

Настоятельский корпус, построенный в 1823 г. игуменом Филаретом, где он жил и блаженно скончался.
Фотография начала XX в.

Примечания

[1] Софрониева и Глинская пустыни. [Б. м. , б. г. изд.] С. 5.

[2] Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 3.

[3] Обзор основных изданий жизнеописания игумена Филарета см. во введении.

[4] В настоящей работе ссылки даны преимущественно на 3-е изд. "Жизнеописания игумента Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии", поскольку оно значительно дополнено архивными материалами и в целом заново переработано. [См. список сокращений. — *Примеч. изд.*].

[5] РГИА, ф. 796, оп. 105, д. 1339, л. 267.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 38. С. 3.

[6] Жизнеописание игумена Филарета... С. 5.

[7] Старец архимандрит Феодосий (в миру Феодор Маслов) родился в купеческой семье в г. Глухове Черниговской губернии. Начало иноческого пути он полагал в Мерлополянском Молдавском монастыре под руководством мудрого старца схимонаха Василия, учеником и постриженником которого был преп. Паисий Величковский.

После смерти старца Василия о. Феодосий управлял Мерлополянским монастырем, был сотаинником и другом великого старца Паисия Величковского в продолжение всей жизни последнего. В 1772 году братия Тисманского монастыря из уважения к духовной опытности о. Феодосия избрали его своим настоятелем. Во время русско-турецкой войны он активно помогал русским войскам, за что подвергся преследованиям со стороны турок.

Отец Феодосий вынужден был обратиться к русскому правительству с просьбой переселиться с Тисманской братией в Софрониеву пустынь, которая ему была хорошо известна. По ходатайству князя Г. А. Потемкина в 1779 году его просьба была удовлетворена. В Софрониевой пустыни о. Феодосий ввел строгий Афонский общежительный устав и вел своих учеников ко спасению путем, указанным святыми отцами. Оптинские старцы называли о. Феодосия "верным преемником паисиева старчества". (РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 7. Жизнеописания... подвижников... Ноябрь. М., 1910. С. 410.

Жизнеописание игумена Филарета... // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 39. С. 9—10).

[8] Жизнеописание игумена Филарета... С. 10.

[9] Там же. С. 10—11.

[10] РГИА, ф. 796, оп. 105, д. 1339, л. 267.

[11] Жизнеописание игумена Филарета... С. 13.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 17.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 19.

[16] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 6–6 об.

[17] Жизнеописание игумена Филарета... С. 21.

[18] Там же. С. 22—24.

[19] РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д.. (Дело о постройках в Глинской пустыни).

[20] Жизнеописание игумена Филарета... С. 23—24.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 28—29.

[24] Что такое Святой Афон для православной России? (Поучение Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского...). Одесса, 1887. С. 7—11.

[25] "Устав общаго жития для Богородицкой Глинской пустыни, составленный по чиноположению Святыя Афонския Горы, и по примеру имянным

Высочайшим повелением утвержденного устава Софрониевой пустыни" (РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 9).

Устав Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии Путивльского уезда. [Без м.]. 1910.

См. устав Глинской пустыни в приложении к данной работе: "Архив Глинской пустыни".

[26] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 56.

[27] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. II. С. 20—22.

[28] Жизнеописание игумена Филарета... С. 104.

[29] Там же. С. 103.

[30] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 38.

[31] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936.

[32] В синодик записывались не только жертвующие деньги или вещи, но и те, кто оказал обители помощь своим влиянием или советом. В этот синодик вписывались имена о здравии и о упокоении (Глинская пустынь. Ч. II. С. 65).

[33] Устав общего жития для Богородицкой Глинской пустыни... // РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936. л. 30 об.

[34] Там же, л. 31 об.

[35] Там же, л. 33. Старцем называется монах-наставник не обязательно преклонных лет, но преуспевший в духовной жизни и способный руководить духовной жизнью других.

[36] Там же, л. 32.

[37] Устав или чиноположение относительно церковного богослужения и правил общежития монашествующих Глинской

Рождество-Богородицкой пустыни // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 132. РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 29.

[38] Жизнеописание игумена Филарета... С. 39, сноска 2-я.

[39] Жизнеописание о. Илиодора (Захарова) приведено: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. II. 2-я ред.

[40] Жизнеописание игумена Филарета... С. 39.

[41] Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот /Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909.

Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск, 1894. Глинский старец о. Феодот: (Память 16 июля) // Жизнеописания... подвижников... Июль. М., 1908. С. 201—220.

Подвижники Глинской пустыни // Там же. Апрель. М., 1908. С. 9—12.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 1—8. № 40. С. 9—16. № 41. С. 17—24; 1894. № 4. С. 25—32. № 5. С. 33—40. № 6. С. 41—43.

[42] Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск. 1894. С. 3—4.

Подробное жизнеописание старца Феодота см.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. I.

[43] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1862. С. 29.

[44] Жизнеописание игумена Филарета... С. 40.

[45] Там же. С. 39—40.

[46] Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения в Белобережской обители. 2-е изд. Брянской Белобережской пустыни. Одесса, 1904. С. 66.

Подробное жизнеописание старца Василия см.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. I.

[47] Жизнеописание игумена Филарета... С. 60.

[48] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 30.

[49] РГИА, ф. 797, д. 7829, л. 42 об., 83 об.

[50] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 39.

[51] Жизнеописание игумена Филарета... С. 29.

[52] Жизнеописание игумена Филарета... СПб., 1856. С. 77.

[53] Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 365.

[54] РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

[55] Монах Досифей Глинский // Жизнеописания... подвижников... Ноябрь. М., 1910. С. 82.

Жизнеописание игумена Филарета... С. 142.

[56] Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Архим. Анатолий (Ключаров) // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 563.

[57] Там же. С. 564.

[58] Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. СПб., 1865.

То же. М., 1898. С. 164.

[59] Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 564.

[60] Там же. С. 565.

[61] Жизнеописание игумена Филарета... С. 120—121.

[62] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83 об; ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об.

[63] Жизнеописание игумена Филарета... С. 29.

[64] Там же.

[65] Иеромонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 2. Июль-декабрь М., 1912. С. 319.

[66] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83 об.

[67] Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 598.

[68] РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2, об. 8.

[69] Сведение об обители 1839. Дело архива № 255 и § 1 рукописного описания Глинской пустыни 1829 г. Цит по кн: Жизнеописание игумена Филарета... С. 106.

[70] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 188.

[71] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 5 об.

[72] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7889, л. 1—4.

[73] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 41.

[74] Жизнеописание игумена Филарета... С. 99, сноска 2-я.

[75] Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 113, 157. Подробное жизнеописание о. Арсения см.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. I. 2-я ред.

[76] РГИА, ф. 796, оп. 117, д. 1597.

Монах Пафнутий (в миру Петр Дурнев), мещанин г. Курска, родился в 1788 году.

В 1810 г. он поступил в Валаамский монастырь, с 1822 года подвизался в Казанском архиерейском доме, где в 1823 г. был пострижен в монашество, затем в Свияжской Макарьевской пустыни, в Александро-Невской Лавре, в Курской Коренной пустыни.

В 1834 г. перешел в Глинскую пустынь. По отзыву о. Филарета, "монах Пафнутий поведения хорошего, к церкви усерден, к настоятелю почтителен" (Там же, л. 1—1 об.).

[77] Жизнеописание игумена Филарета... С. 54.

[78] РГИА, ф. 796, оп. 105, д. 1339, л. 276. Там же, оп. 114, д. 1231, л. 13.

В свидетельстве к этой награде отмечались ревность о. Филарета к славословию Божию, "его деятельное попечение о устроении благосостояния, порядка, тишины и спокойствия между братиями вверенной ему обители и его мудрое руководство, возбуждающее к подвиголюбию..."

(Жизнеописание игумена Филарета... С. 55).

[79] РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 501, л. 46.

[80] Жизнеописание игумена Филарета... С. 62.

[81] Там же. С. 55. Жизнеописание игумена Филарета... СПб., 1856. С. 23.

[82] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 36.

[83] РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 516, л. 29.

В архиве Глинской пустыни хранился документ "О назначениях и переменах епископов. 1768—1832" (на 104 листах).

См.: Архив Глинской пустыни // Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 75. То же // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1902. Т. 13. С. 171.

[84] Полный текст поучения приводится в кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 55—57.

[85] Жизнеописание игумена Филарета... С. 56.

[86] Там же. С. 57.

[87] Там же. С. 57.

[88] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 41. Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 32.

[89] Жизнеописание игумена Филарета... С. 58.

[90] РГБ, ф. ОПТ—154/22, л. 113—116.

Жизнеописание игумена Филарета... С. 58.

[91] Жизнеописание игумена Филарета... С. 59.

РГБ, ф. ОПТ—154/22, л. 113—116.

[92] Жизнеописание игумена Филарета... С. 60.

[93] Там же. С. 62.

[94] Там же. С. 132.

[95] Там же. С. 61—62.

[96] Там же. С. 62.

[97] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 15—15 об.

[98] Там же, л. 7.

[99] Там же, л. 13 об.—14.

[100] Там же, л. 14.

[101] Там же, л. 3 об.

[102] Там же, л. 1 об.

[103] Там же, л. 2.

[104] Там же, л. 14.

[105] Там же, л. 12 об.

[106] Жизнеописание игумена Филарета... С. 71.

[107] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 9.

[108] Там же.

[109] Петр Бровцын писал: "Милостивый государь! Александр Иванович! Брат мой Дмитрий Севастианович, живущий в Путивльском уезде, усердствуя в устроении соседственной ему обители, Глинской Богородицкой пустыни, просит моего содействия.

Я посему смею просить Ваше Превосходительство в надежде Вашего ко мне расположения, настоятелю Филарету, воспринявшему ходатайство по делам означенной пустыни, оказать Ваше покровительство. Не сомневаюсь, что Ваше Превосходительство

простите великодушно, что Вас так беспокою, но о богоугодном деле однакож... 24 февраля 1821 г." (РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 21).

110 Жизнеописание игумена Филарета... С. 71—72.

111 Там же. С. 72—74.

112 Эту записку 6 июля 1821 года император передал кн. А. Н. Голицыну. Ныне она хранится в РГИА (ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 32—32 об.)

113 Отец Филарет писал: "Для лучшего содержания и управления заведенного чиноположения Афонской Горы нужно, чтобы и настоятели в Глинской пустыни выбираемы и определяемы были из своего братства" (РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 5 об.).

114 Высочайшее Его Императорского Величества повеление от 9 сентября 1821 г. (РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 37).

115 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 30; там же, 796, оп. 102, д. 936, л. 1.

116 РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 41.

117 В июле 1821 года отец Филарет писал князю А. Н. Голицыну, что "из Сучкинского леса... испрашиваемого в отвод к Глинской пустыни, намереваются просить порубки разного звания люди". Он просил запретить вырубку до окончательного решения по делу о лесе, "дабы впоследствии пустынь не потерпела ущерба, ибо и без того в помянутом лесу немногое количество дерев годных к построению осталось" (РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 24).

Князь А. Н. Голицын обратился к министру финансов, и тот послал предписание Курскому обер-форштмейстеру о запрещении вырубок в Сучкинском лесу (Там же, л. 29 об.).

118 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 50 об.

119 Там же, л. 65.

120 Там же, л. 70—72.

121 Канкрин Егор Францевич (1774—1845), граф, росс. государственный деятель. В 1823—1844 гг. — министр финансов. В 1839—1843 гг. провел финансовую реформу, ввел в качестве основы денежного обращения серебряный рубль, установил обязательный курс ассигнаций. Добился бездефицитности государственных бюджетов. (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 544).

122 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 80.

123 Там же, ф. 379, оп. 4, д. 1058, л. 34 об.

124 Там же, ф. 560, оп. 1, д. 382.

125 Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 81.

126 Жизнеописание игумена Филарета... С. 76—77.

127 Там же. С. 77.

128 Значение даров Царствующего Дома церквам и монастырям Курского края // Курские епархиальные ведомости. 1913. № 8—9. С. 183—187. № 10. С. 216—221.

Жизнеописание игумена Филарета... С. 77—78.

129 Жизнеописание игумена Филарета... С. 78.

130 До и после пострига: Поучения монахам Глинского игумена Филарета... 3-е изд. Курск, 1911. С. III.

131 Жизнеописание игумена Филарета... С. 80.

132 Там же. С. 82.

133 Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 81.

134 Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы Лествица... 6-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901 С. 86.

135 Там же. С. 87.

136 Там же. С. 84—85.

137 Иоанн (Маслов), архимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Магистер. дисс. Т. II. Загорск, 1981. С. 366.

138 Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Изд. 6-е. М., 1899. Т. 5. С. 161.

139 Св. Феодор Студит также писал: "Благодать Божия без сокрушения, очищения сердечного и молитвы не дается" (Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 81).

Св. Григорий Синаит утверждает, что "всякий подвиг телесный и душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: "Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е" (Мф. 11, 12)

(Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 81).

140 Жизнь и труды Нила Сорского. М., 1889. С. 48. Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 81.

141 Жизнеописание игумена Филарета... С. 82—83.

142 Там же, С. 83.

143 Там же. С. 83. Лабзин А.Ф. – мистик, находился под влиянием известного масона И. Е. Шварца.

Татаринова Е.Ф. вошла в тесное общение с хлыстами и скопцами. (Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. XVII. С. 176–177. Там же. СПб. 1901. Т. XXXIIa. С. 666–667).

144 Русские подвижники XIX века / Е. Поселянин. Ч. 1. СПб., 1900. С. 30–31.

145 Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. СПб., [без г. изд]. С. 2260.

146 Жизнеописание игумена Филарета... С. 85–86.

147 Там же. С. 86.

148 Там же. С. 86–88.

149 Там же. С. 88.

150 Там же.

151 Там же. Согласно контекста, книга была выслана о. Филарету, очевидно по указанию императора Александра I.

152 Жизнеописание игумена Филарета... С. 88.

153 Там же. С. 89.

154 Там же.

155 Там же.

156 Там же.

157 Там же. С. 89–90.

158 Там же. С. 90.

159 Скончался в Симбирске в 1825 г. (Дубровин Н. Наши мистики и сектанты // Русская старина, 1894. Цит. по кн.: Жизнеописание

игумена Филарета... С. 90). Татаринова Е.Ф. Устраивала свои собрания до 1822 г. Позднее была сослана под строгий надзор в Кашинский Сретенский монастырь. (Энциклопедический словарь. Т. XXXIIа. СПб., 1901. С. 667).

160 Министерство духовных дел и народного просвещения указом от 15 мая 1824 года было упразднено (Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб (без г. изд.). Т. 1. С. 1570.

161 На копии со Свитка постановлений Московского Собора 1666–1668 гг. старец Филарет написал: "Сей Свиток освященного Собора написан в С.-Петербурге 1823 г. марта месяца в дому Его Превосходительства Матфея Петровича Штера С. (строителем) И. (иеромонахом) Филаретом".

На Библии, хранившейся в библиотеке Глинской пустыни, была надпись о. Филарета о том, что эта книга подарена ему Московским архиепископом Филаретом в Петербурге 18 апреля 1823 г. (Жизнеописание игумена Филарета... С. 76.).

162 .Жизнеописание игумена Филарета... С. 91.

Евгений, архимандрит Николаевской Чуркинской пустыни. Астрахань, 1888. С. 19–21.

163 Жизнеописание игумена Филарета... С. 91.

164 РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 6 об.

165 Жизнеописание игумена Филарета... С. 75.

166 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 210.

167 Там же, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 3 об.

168 Там же.

169 Александр Шадский впоследствии поступил в Глинскую пустынь, где принял постриг с именем Анатолий. Скончался в Глинской пустыни в сане иеромонаха.

Он же пожертвовал обители икону Христа Спасителя в серебряной ризе (весом 1 фунт) и икону св. Митрофана, епископа Воронежского, в серебряной позолоченной ризе (весом 50 золотников) (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 165).

170 РГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 2 об.

171 Там же, оп. 118, д. 1202, л. 4 об.

172 В 1839 г. на скотном дворе Глинской пустыни было уже 30 голов рогатого скота, а в конюшне – 10 лошадей (РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 22).

173 Глинская пустынь. Ч. I. С. 20.

174 Историческое описание Глинской Рождество-Богородицкой пустыни... Ч. II. С. 5.

175 Жизнеописание игумена Филарета... С. 63.

176 Там же. С. 64.

177 РГИА, ф. 796, оп. 101, д. 1220, л. 4; ф. 796, оп. 102, д. 127, л. 1–2 об; ф. 797, оп. 2, д. 7885, л. 1–7; ф. 1263, оп. 1, д. 252.

178 Там же, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 2 об.

179 Жизнеописание игумена Филарета... С. 78.

[180] Архив Глинской пустыни // Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 77.

[181] Мещанин Моисей Заводовский, поступив в Глинскую пустынь в 1822 году, пожертвовал обители принадлежащие ему в Глухове дворовые места.

Однако в то время для закрепления за монастырями недвижимых имений следовало испросить разрешение императора (РГИА, ф. 796, оп. 101, д. 1220, л. 2).

По прошению послушника Глинской пустыни Моисея Заводовского, принадлежащая ему в г. Глухове земля была Высочайше утверждена за обителью 5 марта 1827 года (Там же, оп. 107., д. 325, л. 7, 9). Послушник Моисей 13 августа 1826 года был пострижен в монашество с именем Мартирий.

Скончался о. Мартирий в Глинской пустыни в сане иеромонаха в 1838 г. (РГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325, л. 3. Жизнеописание игумена Филарета... С. 63).

[182] РГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325, л. 1–9.

[183] РГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 2 об. Жизнеописание игумена Филарета... С. 63. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь... С. 81.

[184] РГИА, ф. 834. оп. 3, д. 2727, л. 204 об.

[185] Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. II. С. 26–27.

[186] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936.

[187] Там же, оп. 115, д. 473, л. 2, 4.

[188] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь... С. 9.

[189] Жизнеописание игумена Филарета... С. 65–66.

[190] Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник: (Память 26 февраля 1831 г.) // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 365–366.

[191] "Скит – пустынная, уединенная обитель, где живут монахи, препровождая время в молитве, богомыслии, рукоделии и прочих делах милости духовной и телесной.

Устав скитского жития по сравнению с общемонастырским, отличается большею строгостью. По большей части скиты как бы выделяются из монастырей и находятся вблизи от последних. Но есть много и существующих самостоятельно". (Полный православный богословский экциклопедический словарь. Т. 2. СПб., [без г. изд.]. С. 2074.

Ближний скит при Глинской пустыни // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне [СПб., 1909]. С. 270.

[192] Так писал о. Филарет в 1831 г. в рапорте в Курскую Духовную Консисторию (Жизнеописание игумена Филарета... С. 65).

На самом храме со стороны обители была надпись: "Церковь сия сооружена во всегдашнее воспоминание чудес Божией Матери и во

обновление и утверждение обители сей с 1817 г." (Глинская пустынь. Ч. I. С. 10).

193 Глубоко почитая эту святыню, о. Филарет переписал "уставным" почерком "Службу Божией Матери по случаю празднования Иверской иконе со сказанием о самой иконе" (Жизнеописание игумена Филарета... С. 100).

194 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 25 об.

195 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 43.

196 Отец Филарет собирался полностью перестроить собор и собрал для этой цели 30 тысяч руб., однако исполнил это желание уже его преемник – игумен Евстратий.

197 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.

198 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 35.

199 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 10.

200 Жизнеописание игумена Филарета... С. 138. Сноска 2.

201 Глинская пустынь. Ч. I. С. 15.

202 Жизнеописание игумена Филарета... С. 138.

203 Там же. С. 139.

204 Глинская пустынь. Ч. I. С. 15. Жизнеописание игумена Филарета. С. 139. Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 32.

В конце XIX века Чудотворный образ Нерукотворенного Спаса явился на воздухе Глинскому подвижнику схимонаху Луке (Швец).

От образа был голос, поучающий старца произносить Иисусову молитву медленно, внимательно (Жизнеописание... подвижников... Май. М., 1908. С. 8).

205 Дело Глинского архива № 255. (Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 139–140).

206 Весом 5 фунтов 74 золотника (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 25).

207 Там же.

208 Паломники, посещавшие Глинскую пустынь уже в начале XX века, отмечали, что по окончании акафиста Спасителю, настоятель помазывал молящихся маслом из лампады пред Чудотворным образом Нерукотворенного Спаса (Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 153).

209 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 30–33.

210 В ковчеге хранились мощи: св. пророков Иоанна Крестителя и Даниила; св. праведной Анны – Матери Пресвятой Богородицы; всех евангелистов (кроме Иоанна); св. Лазаря Четверодневного, апостолов: Андрея Первозванного, Тимофея и Тита; святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Милостивого, Игнатия Богоносца, Ионы и Филиппа Московских, Льва, еп. Катанского, Андрея еп., Ефрема еп., Симеона еп., Макария Киевского; св. Кира бесср.; св. царя Константина, св. кн. Александра Невского, св. кн. Владимира; Алексия человека Божия; сщмчч: Елевферия, Агафона, Фоки; св.

Авраамия; прпп. Спиридона, Пимена Великого, Ефрема Сирина, Михаила Малеина, Савватия Соловецкого, Иоанна Лествичника, Григория Декаполита, Стефана Нового, Сергия чудотворца, Иоанна Дамаскина, Михаила Синайского; прпп. Печерских: Иоанна Многострадального, Тита священника, Пимена многоболезненного, Онисифора, Матфея прозорливого, Никиты Затворника, Спиридона Просфорника, Прохора Лободника, Иоанна, Нестора, Еразма, Луки, Саввы, Сергия; прп. Евфросинии Полоцкой; святителей Гурия и Варсонофия Казанских; преп. Саввы; св. вмц. Варвары, прмч. Феодора; вмч.: Георгия, Пантелеимона, Димитрия Солунского; вмц. Евфимии; мц. Наталии (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 53–54). В 1877 г. при настоятеле Иннокентии (Степанове) святыни из кипарисового ковчега были переложены в новый серебряный позолоченный ковчег (Жизнеописание игумена Филарета... С. 140).

211 В одной доске находились частицы мощей святых: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; вмч.: Иакова Персидского, Артемия Великого, Феодора Тирона, Георгия Победоносца, Пантелеимона; свмч. Харлампия и Василия Амасийского; вмц.: Варвары, Параскевы; равноапостольных Константина и Елены, бесср. Космы.

В другой доске хранились частицы мощей святителей Спиридона Тримифунтского, Михаила, первого митрополита Киевского, Михаила, еп. Синадского; вмч.: Феодора Стратилата и Прокопия; свмч.: Фоки, Макария, Кукши; мч. Варлаама; прмч. Никона; вмц. Евфимии всехвальной; прп. Меркурия и Тита Печерских, Ефрема Сирина; равноапостольного князя Владимира (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 23–23 об.).

212 РГИА ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 23 об.

213 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 2–14.

214 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 47–50.

215 Там же. С. 49—50.

216 Жизнеописание игумена Филарета... С. 136.

217 Там же. С. 24.

218 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 64 об.

219 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 47.

220 Там же.

221 Там же. С. 48. РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 64 об.

222 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 48.

223 РГИА, ф. 834, оп. 3. д. 2727, л. 59 об.

224 Там же, л. 60.

225 Там же, л. 72об – 73.

226 Там же, л. 113.

227 Жизнеописание игумена Филарета... С. 136.

[228] Устав, или Чиноположение относительно церковного Богослужения и правил общежития монашествующих Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.

Гл. 23. О гостеприимстве. // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 134–136).

[229] РГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 3.

[230] Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 21 об.

[231] Чудотворная икона... С. 19–20.

[232] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 31 об.

[233] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 72.

[234] Жизнеописание игумена Филарета... С. 67.

[235] Там же. С. 68.

[236] Там же. С. 31.

[237] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 26.

[238] Жизнеописание игумена Филарета... С. 113.

[239] Там же. С. 110–111.

[240] Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 27.

[241] Жизнеописание игумена Филарета... С. 44.

[242] § 35 рукописного описания Глинской пустыни 1829 г. (Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 45).

[243] РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 32 об.

[244] Жизнеописание игумена Филарета... С. 121.

[245] Там же. С. 122.

[246] Глинская пустынь. Ч. I. С. 47.

[247] Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 30.

[248] Жизнеописание игумена Филарета... С. 121–122.

Прот. Сергий Четвериков пишет, что о. Антоний был помощником братского духовника Глинской пустыни (Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. С. 279).

[249] *Архимандрит Паисий* – настоятель Обоянского Знаменского монастыря, а затем Коренной пустыни (Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 564);

иеромонах Анастасий – настоятель Рыхловского Николаевского монастыря (Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 57–58);

игумен Евстратий – настоятель Хотмыжского Знаменского монастыря (РГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1638, л. 459);

архимандриты Арсений (Митрофанов) и *Герман* (Клица) – настоятели Святогорской Успенской пустыни Харьковской епархии (Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 157–163. Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 25—29.);

схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) – настоятель Рыхловского Николаевского, а затем Петропавловского монастыря Черниговской епархии (Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 79);

архимандрит Аполлинарий – настоятель Преображенского Бузулукского монастыря Самарской губернии (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 93);

архимандрит Антоний – наместник Виленского Свято-Духовского монастыря (Виленский Свято-Духов монастырь. Вильна, 1888. С. 339);

архимандрит Макарий (Глухарев) – основатель Алтайской духовной миссии, настоятель Болховского Троицкого монастыря Орловской губерни (Церковные ведомости. 1905. № 25. С. 1035–1039);

архимандрит Паисий – настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии (Высокогорская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии. Астрахань, 1903. С. 23);

архимандрит Вениамин – настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 43).

Возможно, учеником игумена Филарета был также воспитанник Глинской пустыни, впоследствии настоятель Николаевской Чуркинской пустыни *архимандрит Самуил* (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С.93).

250 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 6.

251 РГИА, ф. 796, оп. 110, д. 417.

252 РГБ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 25 об.

253 Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской духовной миссии. Ч. II. М., 1860. С. 153.

254 Поступив в Глинскую пустынь, о. Макарий написал старцу Филарету подробную исповедь своей жизни, начиная с десятилетнего возраста (РГБ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 25 об.).

255 РГБ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 25 об.

256 Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской Духовной миссии. Ч. II. М., 1860. С. 134.

257 Жизнеописание игумена Филарета... С. 53.

258 Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской духовной миссии. Ч. II. М., 1860. С. 153.

259 Жизнеописание игумена Филарета... С. 53.

260 РГБ, ф. 178. ед. хр. 3003.1, л. 26.

261 Жизнеописание игумена Филарета... С. 54.

262 Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР, кн. 3, отд. 2. Москва, 1876. С. 62.

Правящие архиереи Курской епархии в послужных списках о. Филарета писали, что он "к послушаниям очень способен" (РГИА, ф. 796, оп. 113, д. 1923; оп. 114, д. 1231; оп. 116, д. 1084).

Путивльские помещики в письме к кн. А. Н. Голицыну называли Глинского настоятеля "неутомимым примерным ревнителем" (Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 68.)

263 Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893. С. 11.

264 Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 19.

[265] Глинский послушник Василий Милонов, кающийся // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. 1912. С. 147.

[266] Жизнеописание игумена Филарета... — С. 114. Житие Серафима, Саровского чудотворца / Сост. Денисовым. М., 1904. С. 115—116. Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1904. С. 4.

[267] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 24—25.

[268] Там же. С. 30.

[269] РГИА, ф. 796, оп. 117, д. 1597, л. 1—1 об.

[270] Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии // Жизнеописания... подвижников... Май. М., 1908. С. 138.

[271] Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 157.

[272] РГИА, ф. 796, оп. 108, д. 1279, л. 86—87.

[273] Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник // Жизнеописание... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 365.

[274] Жизнеописание игумена Филарета... С. 23.

[275] РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2.

[276] Там же, л. 64 об.

[277] Там же, ф. 796, оп. 105, д. 1339, л. 272.

[278] Жизнеописание игумена Филарета... С. 31.

[279] РГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 3.

[280] Там же, оп. 118, д. 1202, л. 6 об.

[281] Там же, л. 25 об; там же, оп. 445, д. 286, л. 78.

[282] Там же, оп. 118, д. 1202, л. 6 об.; оп. 445, д. 286, л. 78. Подробные сведения о количестве насельников Глинской пустыни при о. Филарете см. в "Архиве Глинской пустыни".

[283] РГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473, л. 1 об.

[284] Там же, л. 5.

[285] Там же, оп. 118, д. 1202, л. 9 об.

[286] Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 36—36 об.

[287] Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2—2 об.

[288] Там же, л. 6.

[289] Там же, л. 6 об.

[290] Там же, оп. 115, д. 473, л. 3.

[291] Там же.

[292] Там же, оп. 118, д. 1202, л. 8.

[293] Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 33.

[294] Там же, л. 36—36 об., 37.

[295] Там же, л. 32—35 об.

[296] Там же, л. 62—62 об.

[297] Там же, л. 34.

[298] Там же, л. 16.

[299] Там же, л. 89.

300 Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 16—17.

301 Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 74.

302 Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 26—26 об. В 1836 году, например, доход Глинской пустыни составил 14206 руб., расход — 14193 руб.; но в 1837 г. доход составил 11117 руб., расход — 11105 руб.; а в 1838 г. — доход был лишь 9140 руб., расход 9144 руб. (РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 25—25 об.).

303 РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 27.

304 Там же, л. 28 об.

305 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 84.

306 Жизнеописание игумена Филарета... С. 93.

307 Там же, С. 93.

308 Историческое описание Борисовской пустыни. М., 1872. С. 78.

309 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 50. РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 116 об., 119.

310 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 93—93 об.

311 Жизнеописание... подвижников... Сентябрь. М., 1908. С. 582.

312 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 92 об., 174.

313 Жизнеописание игумена Филарета... С. 96.

314 А. Фатеев пишет, что о. Филарет "как опытный строитель иноческих обителей" был командирован Московским архиепископом Филаретом в Уфу для устройства Благовещенского монастыря (Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 96).

Название обители также было выбрано по указанию о. Филарета. Он благословил назвать обитель в честь того Богородичного праздника, который будет первым после получения официального разрешения об открытии обители.

Указ был получен незадолго до Благовещения, поэтому и монастырь назван Благовещенским (Игумения Филарета Уфимская // Жизнеописания... подвижников... Август. М., 1909. С.553).

315 Несмотря на отдаленность Уфимской обители, о. Филарет духом пребывал в ней. Так, во время эпидемии в Уфе в 1833 г. монахиня Уфимского монастыря Евгения видела о. Филарета, окропляющего стены их обители святой водой.

Старец сказал: "Не бойтесь, Господь сохранит обитель вашу от губительной язвы".

И действительно, после этого события игумения Филарета написала в Глинскую пустынь, что все больные выздоровели и более никто не заболел. (Глинская пустынь. Ч. 1. Курск, 1912. С. 21).

316 Жизнеописания... подвижников ... Декабрь. М., 1910. С. 717—718.

317 Глинская пустынь. Ч. I. С. 21. Жизнеописание игумена Филарета... С. 96—97.

318 Там же. С. 106.

319 Кн. Н. Н. Голицын. Монастыри Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1856. № 41. С. 271.

[320] До и после пострига: Поучения монахам Глинского игумена Филарета. 3-е изд. Курск, 1911. С. IV.

[321] Обзор учреждения в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству (1764—1869) / Сост. Н. Григорович... СПб., 1869. С. 99.

[322] Жизнеописание игумена Филарета... С. 106.

[323] Кроме того, после назначения в 1832 году иеромонаха Иоанникия (Голованицкого) — ученика о. Филарета — настоятелем Рыхловского Николаевского монастыря и в этой обители также были введены уставные порядки Глинской пустыни.

"Относительно чиноположения в богослужении, пения, чтения, всего остального Иоанникий руководствовался известными ему правилами старца Филарета... Строго запретил он женщинам вход в келлии братии..." (Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 80).

[324] РГИА, ф. 796, оп. 104, д. 1000, л. 4.

[325] Там же, л. 4 об.

[326] Там же, л. 5.

[327] Там же, л. 49.

[328] Там же, л. 54—55.

[329] Жизнеописание игумена Филарета... С. 98.

[330] Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 21.

[331] До и после пострига: Поучения монахам Глинского игумена Филарета // Приложение к журналу "Русский инок". Типография Почаево-Успенской Лавры. Почаев, 1910. С. II.

[332] РГБ, ф. 214. ОПТ-292, л. 81 об.—89. Жизнеописание игумена Филарета... С. 155—160.

[333] Там же. С. 99.

[334] Чудотворная икона... С. 6, 10, 12, 13, 16. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 6, 9, 11, 26, 32, 47—49.

[335] Общие наставления отца Филарета // Жизнеописание игумена Филарета... С. 41.

[336] Монашеские наставления отца Филарета // Там же. С. 43.

[337] Жизнеописание игумена Филарета... С. 44.

[338] Там же. С. 102—103.

[339] Там же. С. 112.

[340] Там же. С. 109.

[341] Там же. С. 107. Чудотворная икона... С. 18—19.

[342] Жизнеописание игумена Филарета... С. 130—131.

[343] Там же. С. 109.

[344] Там же. С. 108.

Подробнее об эпистолярном наследии игумена Филарета см. в статье архим. Иоанна (Маслова) "Глинский настоятель игумен Филарет и его эпистолярное наследие. К 150-летию со дня блаженной кончины" // Глинский патерик. Т. I.

[345] Об особенной любви о. Филарета к детям рассказано в первом издании "Жизнеописания игумена Филарета" (СПб., 1856, с. 63).

[346] Жизнеописание игумена Филарета... С. 123.

347 Там же. С. 124.

348 Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков. 1902. С. 79—80.

349 Там же. С. 80.

350 РГИА, ф. 796, оп. 108, д. 1279, л. 90 об.

351 Там же.

352 Курские епархиальные ведомости. 1883. № 13. С. 754.

353 РГИА, ф. 796, оп. 108, д. 1279, л. 90 об. Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 109.

354 Там же, ф. 796, оп. 120, д. 1725 а, л. 125.

355 Жизнеописание игумена Филарета... С. 124.

356 Верхо-Харьковская игумения Емилия: (Память 29 мая) // Жизнеописания... подвижников... Май. М., 1908. С. 299.

357 Жизнеописание игумена Филарета... С. 116—117.

Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца / Сост. автор "Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря" архимандрит Серафим (Чичагов). 2-е изд. Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб. 1903. С. 92.

Игумен Марк, профессор Московской Духовной Академии. Отечник проповедника: / Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков / Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 244. № 343.

Архим. Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. Загорск, Московская Духовная Академия, 1970. С. 91.[Рукопись].

358 Жизнеописание игумена Филарета... С. 133.

359 Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / Сост. В. В. Зверинский. Т.1. СПб., 1890. С. 84. Афонский листок Пантелеимоновского монастыря. 1891. № 191.

360 Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 25.

361 Там же. С. 31.

362 РГИА, ф. 796, оп. 122, д. 875, л. 1 об.

363 Там же, оп. 445, д. 501, л. 46.

364 Там же, оп. 122, д. 875, л. 1.

365 Рукописное жизнеописание игумена Филарета 1841 г. С. 14. Цит. по кн.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 127.

366 РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 501, л. 46.

367 Там же, оп. 120, д. 333, л. 1.

368 Жизнеописание игумена Филарета... С. 142-143.

369 РГИА, ф. 796, оп. 122, д. 875, л. 1.

370 Жизнеописание игумена Филарета... С. 144.

371 Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 18.

372 РГИА, ф. 796, оп. 122, д. 875, л. 1.

373 Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 31-32.

374 Там же.

375 Жизнеописание игумена Филарета... С. 146. Здесь был приготовлен склеп, находящийся при южном входе в соборную церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

376 Там же. С. 146.

377 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий. Издание Глинской пустыни. Курск, 1910. С. 3.

378 Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни: (Память 31 марта) // Жизнеописания... подвижников... Март М., 1907. С. 355—402.

Архимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. Загорск, Московская Духовная Академия, 1970. С. 100. [Рукопись].

Игумен Марк, профессор Московской Духовной Академии. Отечник проповедника: (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 610—611, № 876.

379 Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 75—76.

380 Глинская пустынь. Ч. I. С. 25. Евгений, архимандрит Николаевской Чуркинской пустыни. Астрахань, 1888. С. 19-21.

381 Софрониева и Глинская пустыни. С. 19.

382 Жизнеописание игумена Филарета... 153-154.

383 Поучение в день поминовения игумена Филарета в Глинской пустыни // Жизнеописание игумена Филарета... С. 161—164.

384 Жизнеописание игумена Филарета... С. 141.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА: ЕЕ СТАРЦЫ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ (1841—1861)

ГЛАВА V

После кончины игумена Филарета братия Глинской пустыни представила на усмотрение правящего архипастыря двух кандидатов на должность настоятеля: духовника Порфирия и благочинного Феодосия. Однако Преосвященный Илиодор "нашел достойнейшим по заслугам"[1] настоятеля Хотмыжского Знаменского монастыря, также ученика игумена Филарета — о. Евстратия. 15 апреля 1841 года архипастырь назначил его настоятелем Глинской пустыни[2] "как способнейшего для занятия таковой должности"[3]. При этом о. Евстратию был "вручен игуменский посох за отлично усердное прохождение настоятельской должности по Хотмыжскому монастырю"[4]. Назначение о. Евстратия на должность настоятеля Глинской пустыни совершилось по предсказанию игумена Филарета, который незадолго до своей кончины на вопрос духовника Порфирия (Мамчича), "кого он назначает своим преемником", ответил: "Тебя бы, но рясы мои для тебя длинны, а Евстратию годятся"[5].

О жизни игумена Евстратия в литературных источниках содержатся лишь лаконичные отрывочные сведения, но их существенно дополняют архивные документы обители, которые и позволили автору данной работы впервые составить жизнеописание этого Глинского настоятеля.

Игумен Евстратий родился в 1788 году в семье казанских купцов[6].

Его мирское имя ни в литературных источниках, ни в архивных документах не указано. Однако известно, что во время настоятельства о. Евстратия, так же как и при игумене Филарета, усердными благотворителями обители были казанские купцы Яковлевы[7]. Один из них, купец 2-й гильдии Ефим Яковлев, пожертвовал Глинской пустыни Казанскую икону Божией Матери в серебряной позолоченной ризе; парчовую ризу с бархатным оплечьем, шитую золотом и серебром, стихарь и парчу[8]. По всей вероятности, это и был будущий игумен Евстратий, поскольку в "Историческом описании Глинской Богородицкой пустыни..." Н. Самойлов пишет, что "серебряная позолоченная риза на образ Казанской Божией Матери устроена усердием иеродиакона Глинской пустыни Евстратия"[9]. На основании послужного списка игумена Евстратия можно заключить, что во время составления "Исторического описания..." он действительно был иеродиаконом обители[10]. Сведения о времени его поступления в Глинскую пустынь не сохранились. В послужных списках указано лишь, что в монашество он был пострижен в Глинской пустыни 14 февраля 1825 года[11] игуменом Филаретом[12], во иеродиакона рукоположен 18 декабря 1832 года, во иеромонаха — 25 февраля 1836 года[13].

По свидетельству Преосвященного Илиодора, епископа Курского и Белоградского, о. Евстратий проходил в обители "разные послушания...

и Настоятелем Игуменом Филаретом был употребляем по делам сей пустыни с пользой"[14]. Например, о. Филарет доверял ему принимать гостей духовного сана. Настоятель Угрешского монастыря архимандрит Пимен, посетивший Глинскую пустынь в 1833 году, в своих воспоминаниях пишет: "В Глинской пустыни нас весьма радушно принял иеродиакон Евстратий, впоследствии времени Настоятель Глинский"[15].

В 1837 году о. Евстратий состоял уже в числе старшей братии монастыря, о чем свидетельствует его подпись (наряду с подписями настоятеля, духовника и благочинного) под прошением братии Глинской пустыни к императору Николаю I о наделении обители 160 десятинами земли[16].

Отец Евстратий был в числе тех первых воспитанников игумена Филарета, благодаря деятельности которых дух истинного подвижничества и старческое руководство, учрежденные в Глинской пустыни, стали распространяться по всей России. 14 августа 1837 года о. Евстратий был определен настоятелем Хотмыжского Знаменского монастыря[17]. За ревностное попечение об устройстве обители уже 25 июля 1838 года он был награжден набедренником[18]. Его деятельность не ограничивалась заботой о внешнем и внутреннем благоустройстве монастыря. 19 октября 1839 года по указу Курской Духовной Консистории, собиравшей сведения о монастырях (для дополнения "Истории Российской иерархии" после ее первого издания), строитель Евстратий представил в Консисторию описание Хотмыжского Знаменского монастыря[19].

После перевода в Глинскую пустынь о. Евстратий ревностно продолжал дело ее благоустройства, в котором так много преуспел его богомудрый наставник — игумен Филарет.

Высота духовной жизни иноков Глинской пустыни, возрожденной игуменом Филаретом, старческое окормление, утвержденное уставом обители, привлекали все большее число подвижников. В начале 1843 года в Глинской пустыни было уже 98 насельников[20]. Соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы в праздничные и воскресные дни, когда многие богомольцы приходили в обитель, не вмещал всех желающих, и само священнодействие в нем было затруднено. В январе 1843 года о. Евстратий направил прошение о дозволении построить в Глинской пустыни трехпрестольную теплую церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, во имя Святителя Николая и св. великомученицы Варвары. Средствами на постройку храма обитель располагала как за счет собственного капитала (30 тыс. рублей в казенных кредитных завещаниях), так и за счет пожертвований многих благотворителей (на строительство храма было пожертвовано 6 тыс. руб. ассигнациями и различные материалы). Так, белоградский 1-й гильдии купец Михаил Мазурин пожертвовал железо для связей и на покрытие храма. Один из рыльских купцов был намерен доставить нужное количество стекла, "харьковский помещик Константин Хрущов, независимо от обещанного денежного пособия, пожертвовал две богатые наместные иконы: Успения Пресвятой Богородицы и св. великомученицы Варвары в сребровызлащенных ризах; курский

помещик Александр Анненков изъявил желание украсить иконостас главного престола...; московские купцы известных торговых домов также изъявили ревностное желание о вспомоществовании и содействии сему делу"[21].

Строевой лес пустынь получала из своих лесных угодий, а кирпич для фундамента был заготовлен на заводах обители[22].

24 июня 1843 года представленный проект церкви Глинской пустыни был утвержден императором Николаем I, и 21 июля 1843 года Св. Синод разрешил постройку[23]. В том же 1843 году в Глинской пустыни был заложен теплый каменный храм[24]. Строительство его продолжалось почти пять лет. 15 января 1848 года Преосвященный Илиодор писал в Св. Синод: "По донесению настоятеля Глинской пустыни постройка теплой церкви совершенно окончена и к освящению готова. Поручено было архитектору Курской казенной палаты Грознову и благочинному священнику Михайле Толмачеву эту церковь освидетельствовать. Ныне представлен ими акт освидетельствования ее, в котором они удостоверяют, что фундамент укреплен до 5 аршин[25], все строение произведено прочно и соответствует плану"[26]. Снаружи и внутри каменный храм был оштукатурен, покрыт листовым железом, покрашенным голубой краской, глава обита белой жестью, крест был деревянный, вызолоченный. По разрешению епархиального начальства средний, главный престол во имя Успения Пресвятой Богородицы о. Евстратий освятил в 1848 году[27]. Престол правого придела во имя Святителя Николая Чудотворца освящен архиепископом Курским Илиодором в 1850 г., престол левого придела во имя св. великомученицы Варвары освящен архимандритом Обоянского Знаменского монастыря Тихоном также в 1850 году[28].

Труды о. Евстратия по благоустройству обители не ограничились строительством Успенского храма. В 1848 году по его прошению Курская губернская строительная комиссия разрешила постройку каменной часовни на месте явления Чудотворной иконы Пустынно-Глинской[29]. В том же году часовня была заложена, а в 1850 году окончательно построена. Средства на строительство часовни пожертвовал курский помещик, отставной гвардии поручик Александр Семенович Анненков[30]. В 1851 году в ответ на прошение отца настоятеля было получено разрешение на перестройку каменной трапезной обители[31]. Отец Евстратий не только расширил трапезную, но и надстроил второй этаж[32].

Благодаря ходатайству настоятеля Глинской пустыни, в 1846 году епархиальное начальство разрешило перестроить соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы[33], который, как писал о. Евстратий, был "устроен наподобие пещеры с весьма низкими сводами" и недостаточно вместителен[34]. План перестройки собора был утвержден Курской губернской строительной комиссией лишь 27 февраля 1852 года[35].

Перестраивая соборный храм, о. Евстратий устроил при нем особую кладовую для хранения церковной утвари и ризницу[36]. Но окончательно закончен и освящен собор был уже при настоятеле о. Иннокентии (Степанове) в 1864 году[37].

По прошению о. Евстратия в 1853 году было получено также разрешение на перестройку колокольни соборного храма[38]. Впоследствии

она была перестроена в ломбардо-византийском стиле[39] на средства благодетеля обители харьковского помещика К. Д. Хрущова[40]. При о. Евстратии на колокольне были устроены часы с недельным, четвертным и минутным боем, пожертвованные обители еще в 1846 году[41].

Наряду с храмами, отец Евстратий построил в обители и другие необходимые здания: архиерейский двухэтажный корпус (нижний этаж каменный, верхний деревянный), крытый железом (в верхнем этаже находились покои для архиерея, а в нижнем — две келлии для монахов[42]); каменный одноэтажный корпус, где помещалась просфорня и

6 келлий, каменный корпус для столярной мастерской[43], маслобойню, 2 больших корпуса на гостинице, верхнюю часть монастырской ограды, въездные дальние ворота[44], а также перестроил деревянный иеромонашеский корпус на 16 келлий[45].

В период настоятельства о. Евстратия обитель ежегодно получала от своего хозяйства и пожертвований богомольцев до 10 тысяч руб. серебром, не считая большого количества хлеба[46]. "Из остатков этих доходов (несмотря на большие расходы, связанные со строительством храмов и зданий в Глинской пустыни. — *А. И.*) образовался значительный капитал", который хранился в Московском Опекунском Совете и к концу 1853 года составлял почти 38 тыс. руб. серебром[47].

Но строительные и хозяйственные работы в обители шли лишь параллельно главному — возвышению духовной жизни Глинского братства. Об особой высоте духовной жизни Глинских иноков

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы.
Фотография начала XX в.

свидетельствовал увеличивающийся год от года поток богомольцев и их отзывы. Так, летом 1842 года Глинскую пустынь посетила графиня Татьяна Борисовна Потемкина. Она гостила и прожила в обители несколько дней. Татьяна Борисовна "тщательно вникла во все чиноположения Глинской обители, которая произвела на нее самое благоприятное впечатление.

Прощаясь с о. Евстратием и его братией, она сказала: "Я была бы счастлива, если бы все, что здесь вижу, было в Святых Горах (где Татьяна Борисовна хотела восстановить Успенскую пустынь. — *А. И.*)!"[48]. Впоследствии Т. Б. Потемкина устроила Свято-горскую обитель по примеру Глинской и по уставу игумена Филарета[49].

Труды строителя Евстратия на благо обители были по достоинству оценены епархиальным начальством. Еще в 1844 году Преосвященный Илиодор доносил в Св. Синод, что "Глинская Богородицкая общежительная пустынь отличается благоустройством своим внутренним и внешним, благочестивою жизнью иночествующих, чем обращает на себя особое внимание епархиального начальства и имеет доброе влияние на окрестные селения... такому благосостоянию обители сей много способствует добродетельная жизнь строителя иеромонаха Евстратия"[50].

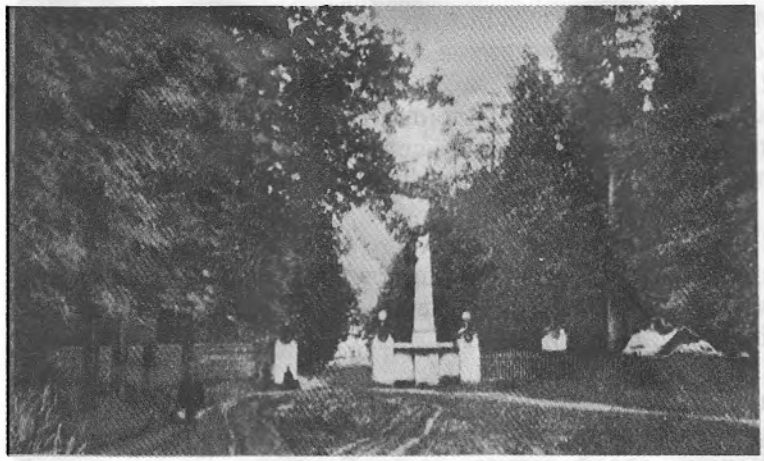
За неусыпное попечение об устройстве обители 17 декабря 1844 года о. Евстратий был возведен в сан игумена[51]. В 1848 году он был награжден наперсным крестом, а в 1850 году — палицей[52].

Во время настоятельства игумена Евстратия в Глинской пустыни произошли значительные события. Одним из них было обретение мощей ее святых насельников.

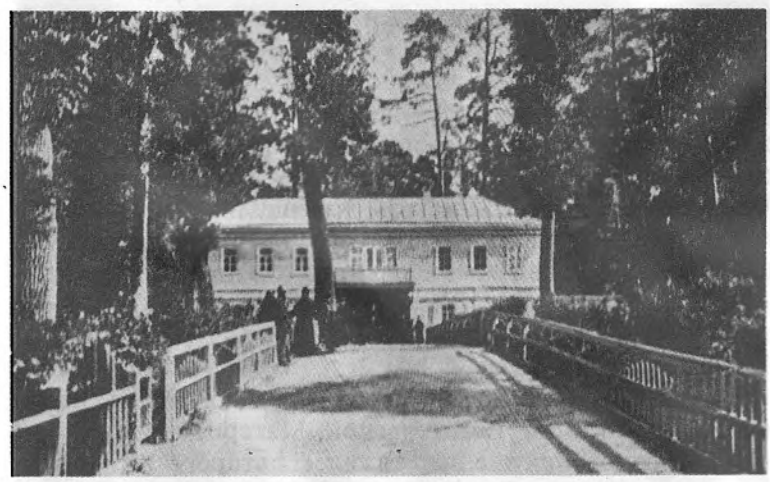
В 1847 году, как было сказано в IV главе, пришлось вскрыть склеп, где был погребен игумен Филарет, и монах Израиль нашел тело аввы нетленным и благоухающим[53]. Затем, когда строилась теплая Успенская церковь, для устройства духовой печи потребовалась большая выемка земли. Место это оказалось древним кладбищем. Выкапывая землю, отрыли несколько гробов прежних монашествующих, которые были перенесены на новое кладбище с подобающим священным обрядом. В трех гробах тела оказались "совершенно нетленные, лежащие благолепно, на двух из них имелись схимы, а одно одето было в обыкновенную одежду послушника"[54]. Старец Феодот (Левченко) узнал своих прежних сподвижников и сказал, что они действительно были святой жизни, особенно же он признал послушника, свидетельствуя о нем, что он жил свято[55].

В 1848 году произошло чудо, подробно описанное в I главе, еще более прославившее Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы и Глинскую пустынь: в ответ на просьбу жителей Глухова, где множество людей умирало от холеры, братия по благословению игумена Евстратия, принесли Чудотворный образ в город, и сразу же страшная эпидемия прекратилась[56].

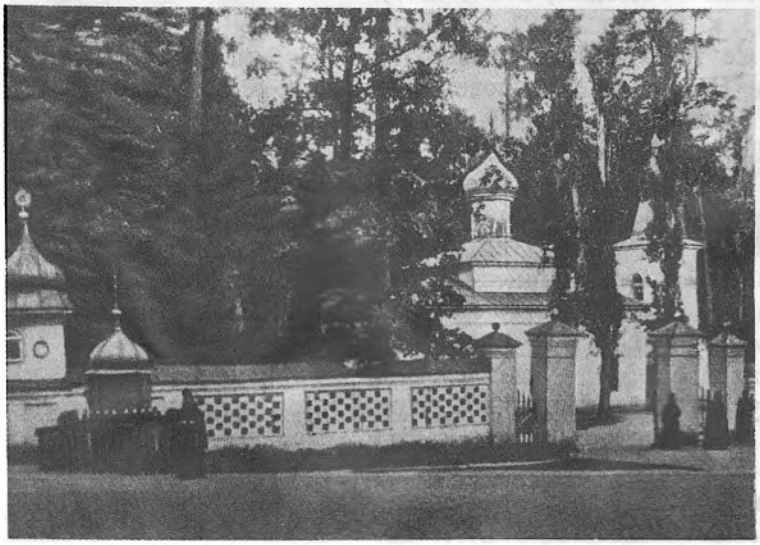
При о. Евстратии в Глинской пустыни подвизались выдающиеся старцы, пользовавшиеся таким уважением, что впоследствии сведения об их жизни были включены в многотомное издание "Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков". Хотя в духовном назидания братии и прочих лиц главными действующими лицами были старцы, но нельзя отрицать заслуг и участия в этом деле о. Евстратия,

Въезд в Глинскую пустынь с северной стороны

Дорога в Ближний скит через архиерейский корпус

Ближний скит Глинской пустыни на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. Храм во имя Святых Богоотец Иоакима и Анны

Фотографии начала XX в.

потому что он содействовал этому и выбирал себе помощников в деле управления обителью из числа этих подвижников. Так, благочинным обители при о. Евстратии был известный святостью жизни далеко за пределами Глинской пустыни иеросхимонах Макарий (Шаров)[57], братским духовником — иеросхимонах Серафим Любомудрый (Пацула)[58], казначеем (до 1844 года) — любимый ученик игумена Филарета иеромонах Арсений (Митрофанов)[59], уставщиком — сначала иеромонах Феодосий[60], под руководством игумена Филарета стяжавший дар непрестанной умносердечной молитвы Иисусовой, затем — известный подвижник — иеромонах Аполлинарий[61]. Письмоводителем пустыни о. Евстратий назначил послушника Григория Клищу и, отличая его, скоро облек в рясофор. Впоследствии Григорий (в монашестве Герман) стал архимандритом, известным подвижнической жизнью, настоятелем Святогорской обители[62]. Келейником о. Евстратия был послушник Димитрий Колченков, впоследствии известный Глинский подвижник монах Досифей[63]. Подробные жизнеописания всех этих подвижников содержатся в Глинском Патерике[64]. Здесь приведем лишь краткие сведения о некоторых из них.

Иеросхимонах Макарий (в миру Матвей Терентьевич Шаров; 1801—1864) был одним из тех духовных светильников, которыми никогда не оскудевала Глинская пустынь[65]. Он принял постриг в монашество от самого игумена Филарета в 1833 году. От него же получил первые духовные уроки, мудрые наставления и с тех пор непрерывно возрастал в добродетелях послушания, смирения, чистоты сердечной, воздержания, благоговения, безгневия, потому что, по слову Соломонову, "ревность мужа от подруга своего" (Еккл. 4, 4.). Подвиги благочестия при болезненном состоянии и полном самоумерщвлении, по благодати Божией, помогли ему взойти на степень бесстрастия и развить в себе пламенную любовь к ближним. Одна монахиня в своих воспоминаниях о старце писала: "Отец Макарий был очень изнурен, без слез нельзя смотреть на него... Колени у него были потерты (от поклонов) "до крайности". Конечно, не легко досталось подвижнику это самораспятие, много требовалось с его стороны борьбы и самопонуждения до болезненности, но только таким усиленным умерщвлением своего тела и непрестанною молитвою он мог уподобиться Ангелам и получить от Бога благодатные дары прозрения, целения и власть над нечистыми духами"[66], так как сей род, по слову Спасителя, изгоняется только молитвою и постом. Находясь в тяжелом болезненном состоянии, о. Макарий и лежа не выпускал из рук Псалтири, а ночью вставал на молитву и, поддерживаемый двумя костылями, читал Св. Евангелие, молитвословия столь продолжительное время, что нельзя было не удивляться; но сила Божия в немощи совершается. Кроме церковных служб, он ежедневно клал несколько сот земных поклонов, вычитывал не менее двух глав Евангелия, главы апостольских Посланий и трех кафизм[67].

Уже зачисленный за штат по состоянию здоровья, он был назначен в 1844 году на трудную должность благочинного монастыря и самоотверженно исполнял свое новое послушание. Главной целью его служения братии и светским людям было обновление внутреннего человека. О нем можно сказать то же, что было некогда сказано об авве Макарии Египетском: "Он всех покрывал любовью".

Во дни благочиния о. Макария в обители царила примерная тишина. "Полагаясь на бдительность благочинного, настоятель был спокоен, ибо знал, что он ради святого послушания готов пожертвовать своим собственным спокойствием для общего блага, знал, что и братия, по уважению к о. Макарию, будет сохранять требуемое благочиние"[68].

Отношения о. Евстратия и старца Макария характеризует следующий случай. После увольнения по прошению от благочиния о. Макарий стремился к уединению, а в 1851 году почти совершенно затворился. Тогда многочисленные почитатели его лишившись назидания, обратились к настоятелю, чтобы он приказал о. Макарию принимать приходящих. Но о. Евстратий не желал этого без согласия старца Макария. Прошло несколько лет. Подвижнику явился Ангел с повелением принимать народ. Отец Макарий рассказал об этом настоятелю и получил от него благословение на принятие приходящих[69].

В послужном списке о. Макария игумен Евстратий сделал пометку: "Примером жизни своей и словом опытного назидания благотворно действует на других"[70].

Наставляя на стезю спасения других, о. Макарий умел охранять свои чувства таким образом, что беседы, например, с мирскими людьми не влияли на него. "С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного люда, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолюдина, и хитросплетенную фразу мудрецов мира сего — ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия; все было им покорено глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания"[71]. Из его келлии печальные выходили обрадованными, скорбящие — утешенными, самонадеянные — смиренными, закоренелые грешники — возбужденными к покаянию, восставшими от греховного оцепенения[72].

Добрым подвигом подвизался на ниве пастырского служения *иеросхимонах Серафим* (в миру Стефан Пацула)[73], поступивший в Глинскую пустынь в 1818 году при игумене Филарете и бывший его преданным учеником[74].

Промыслу Божию угодно было испытать его как в стенах обители, так и за ее пределами. В 1840 году он был командирован в качестве священника на фронт, где шла война с кавказскими горцами. Здесь, во время боевых действий, смерть не один раз смотрела ему в лицо, но Господь сохранил его жизнь для новых испытаний. В течение семи лет он болел лихорадкой, после которой остались у него глазная и цинготная болезни. Сам "едва живой... он должен был отпевать убитых и умерших от болезни воинов. Кое-как дойдет на место погребения, а обратно его вели под руки солдаты"[75]. В письме к нему один из протоиереев назвал его "преподобным страдальцем и тружеником, подвизающимся подвигом добрым"[76].

В 1849 году о. Серафим возвратился в Глинскую пустынь, где исполнял многотрудные обязанности братского духовника, самые строгие требования предъявляя прежде всего к самому себе. Братия любили его и нередко отмечали, что он "богослужения совершал прекрасно"[77]. Любомудрым его называли за неутомимую жажду к изучению духовной

литературы. Он прочитал все библиотечные книги как Глинской пустыни, так и соседних обителей — Софрониевой пустыни и Петропавловского монастыря[78].

Заветным желанием о. Серафима было окончить дни земной жизни так же, как игумен Филарет. И Господь внял его мольбам. Перед смертью он был напутствован Святыми Таинами, пострижен в схиму и скончался, как и о. Филарет, в понедельник Пасхальной седмицы. Это было 16 апреля 1856 года[79].

Духовное любомудрие о. Серафима, несомненно, было угодно Богу, ибо, по слову Священного Писания, "мудрые наследуют славу" (Притч. 3, 35).

Иеросхимонах
Макарий Глинской
Рождество-Богородицкой
пустыни.
РГИА, ф. 835, оп. 4,
д. 59,
л. 15

Архиепископ Курский и Белоградский Илиодор докладывал в Св. Синод, что, благодаря высоте духовной жизни иноков Глинской пустыни, установленному в ней "порядку по духу древнего пустынножительства"[80], монашествующие этой обители "почти ежегодно избираются начальством на служение в другие монастыри, а всего более для управления обителями"[81]. Так, в 1844 году настоятелем возобновляемой Святогорской Успенской общежительной пустыни Харьковской епархии был назначен Глинский иеромонах Арсений (Митрофанов)[82]. Вместе с ним в Святогорье были переведены еще 12 глинских насельников, в том числе иеромонах Феодосий, ставший известным духовником Святогорской обители.

В 1853 году настоятелем учрежденного Преображенского монастыря г. Бузулука Самарской губернии был назначен уставщик Глинской пустыни иеромонах Аполлинарий (впоследствии архимандрит)[83]. Кроме него, епархиальное начальство направило на служение в этот монастырь еще двух иноков Глинской пустыни[84].

В 1854 году иеромонах Глинской пустыни Паисий (Сипченко), ученик игумена Филарета, был переведен в Астраханскую епархию и определен настоятелем Чуркинской Николаевской пустыни[85].

Но несмотря на перевод многих братий в другие обители, Глинская пустынь не оскудевала духовными старцами-подвижниками. Кроме того, во время настоятельства о. Евстратия в обитель поступили духовно опытные старцы, известные святостью жизни. Так, в сентябре 1845 года в Глинскую пустынь на покой по прошению был переведен настоятель Петропавловского монастыря архимандрит Иоанникий[86], впоследствии схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). После перемещения братий Глинской пустыни в Святогорскую Успенскую пустынь о. Евстратий стал приглашать к себе из других монастырей иноков, известных ему своим подвижничеством. В числе их он обратился и к иеродиакону Путивльского монастыря Серапиону (в миру Симеону Белопольскому), сподвижнику игумена Филарета по Софрониевой пустыни. Необыкновенно кроткий и тихий, о. Серапион постоянным трезвением ума и молитвой заграждал вход в сердце нечистым желаниям и после многих подвигов получил от Бога дар бесстрастия.

В 1849 году о. Серапион перешел в Глинскую пустынь в число заштатных старцев. Игумен Евстратий хотел рукоположить его во иеромонаха и назначить духовником, но о. Серапион, ссылаясь на свою старость (ему было тогда 69 лет), отклонил предложения настоятеля и в уединении усердно служил Господу. За свою девственную чистоту о. Серапион сподобился видеть Ангела Хранителя. "Однажды во время молитвы подвижнику предстал крылатый юноша и, сказав: "Ты молишь Бога показать твоего Ангела Хранителя, — вот я", стал невидим..."[87] Высокодуховная жизнь старца не укрылась от Глинских иноков. Многие обращались к нему за советом. Отец Серапион всегда восхвалял чистоту души и тела, возбуждая и в слушателях ревность хранить ее на деле.

По блаженной кончине о. Серапиона (25 июня 1859 года[88]) Господь явно прославил Своего угодника: почивший старец-молитвенник три часа перебирал в руках четки, тело его не разлагалось и не издавало запаха. Об этом свидетельствовали не только сподвижники о. Серапиона, но и преподобный старец Амвросий Оптинский[89].

Назначение многих духовно опытных Глинских иноков на начальствующие должности в другие монастыри России с целью учреждения в них духа истинного подвижничества побудило игумена Евстратия в конце 1853 года обратиться в Курскую Духовную Консисторию с прошением об увеличении штата монашествующих Глинской пустыни до 31 (как и в Софрониевой), а также об учреждении в Глинской пустыни больницы на 15 человек.

Архиепископ Курский и Белоградский Илиодор в своем представлении в Св. Синод от 31 декабря 1853 года писал, что Глинская пустынь "пользуется особенным уважением жителей Курской губернии... по строгости издавна заведенного в пустыни порядка в обитель принимаются люди только твердые в обете и нравственности; посему и избрание на служение в другие монастыри, не требуя предварительного согласия настоятеля, всегда падает на иноков Глинской пустыни; оттого в ней... ощущается недостаток в способных священнослужителях. А потому Консистория находит полезным сравнять Глинскую пустынь числом монашествующих с Софрониевой общежительной пустынью... и учредить в Глинской пустыни больницу для больных и престарелых монашествующих"[90].

Архиепископ Илиодор отметил также, что благоустроенная Глинская пустынь имеет "верные средства к своему содержанию... келлий для 11 прибавочных монашествующих весьма достаточно, содержание их будет безнуждное; здание же для помещения 15 больничных имеется"[91].

Благодаря ходатайству о. Евстратия 25 августа 1854 года Св. Синод на основании высочайше утвержденного императором Николаем I определения Св. Синода издал указ об увеличении числа монашествующих Глинской пустыни на 11 человек и об учреждении в этой обители больницы на 15 человек для больных и престарелых иноков[92].

При о. Евстратии, так же как и при игумене Филарете, некоторые иноки Глинской пустыни совершали паломничество в Иерусалим для поклонения Гробу Господню. Так, в сентябре 1849 года архимандрит Иоанникий (Голованицкий) подал прошение об увольнении его в Иерусалим, поскольку, "во время постигшей его продолжительной болезни он дал обет поклониться Гробу Господню"[93]. Вместе с ним подал прошение о поклонении св. местам и Глинский монах Израиль (Новоскольцев)[94]. После получения из Св. Синода разрешения в феврале 1850 года паломничество было совершено.

В 1852 году разрешение на путешествие в Иерусалим ко Гробу Господню и на Афон испросил также послушник Глинской пустыни Николай Тарабан, который в тяжелой болезни дал Богу обет поклониться этим святыням[95].

В период Крымской войны (1853—1856) под руководством игумена Евстратия Глинские иноки принимали самое живое и деятельное участие в религиозно-патриотической деятельности духовенства Курской епархии. Так, например, при формировании дружины Курского ополчения в Путивльском уезде они наставляли ратников в законе Божием, укрепляли их в вере и благочестии, раскрывали значение предстоящего подвига в свете Христова учения.

Настоятель Святогорской пустыни
архимандрит Арсений
(Митрофанов) (1804—1859),
воспитанник Глинской
пустыни, ученик
игумена Филарета.
РГБ, ф. 213, к. 111,
ед. хр.11

Сохранились некоторые сведения о пребывании в Путивле сформированной в Путивльском уезде дружины ополчения. 11 мая 1854 года жители Путивля при торжественном звоне колоколов собрались на соборной площади. Здесь была выстроена вся дружина, а перед ней на двух аналоях находились иконы Пресвятой Богородицы, предназначенные Глинской и Софрониевой пустынями для благословения воинов. Глинский игумен Евстратий, казначей Софрониевой пустыни со священником дружины и двумя иеродиаконами отслужили молебен с акафистом Матери Божией в залог небесного благословения передали святые иконы ратникам. Затем все прикладывались к иконам и были окроплены святой водой. В пользу воинов ополчения Глинская и Софрониевая пустыни пожертвовали 150 руб.[96]

Во время настоятельства игумена Евстратия в 1854 году по указу Курской Духовной Консистории была составлена "Главная опись церковного и ризничего имущества Глинской пустыни". Этот документ содержит уникальные сведения о храмах обители в середине XIX века[97]. Начинается он с описания церкви Успения Пресвятой Богородицы. В этом трехпрестольном храме все иконостасы были деревянные, резные, позолоченные, пятиярусные.

В среднем иконостасе над царскими вратами помещалась Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы в серебряном позолоченном круге чеканной работы, устроенном еще строителем Парфением в 1814 году. На Чудотворной иконе была серебряная позлащенная риза, украшенная хрусталем и 140 жемчужинами. Справа от царских врат находилась икона Спасителя, затем южные двери с изображением Архангела Гавриила и храмовая икона Успения Пресвятой Богородицы в серебряной позлащенной ризе, пожертвованная в 1853 году харьковским помещиком Константином Хрущовым. Вокруг этой иконы было изображено взятие Божией Матери на небо. Икона была шириной 6,5, а длиной 8,5 вершка (29 × 38 см). Слева от царских врат находились икона Божией Матери с Предвечным Младенцем, северные двери с изображением Архистратига Михаила и икона Рождества Пресвятой Богородицы. Во втором ярусе среднего иконостаса были 8 икон двунадесятых праздников. В третьем — 4 иконы с изображениями апостолов и 4 с разными священными изображениями. В четвертом — в центре Тайная Вечеря, а по сторонам — 4 иконы с изображениями святых пророков.

В пятом ярусе — посредине образ Спасителя, сидящего в славе, а по обе стороны на двух иконах — изображения страданий Господних. Иконостас заканчивался деревянным крестом с изображением Распятия Господня[98].

За клиросами в этом храме были устроены два деревянных киота, покрытых белой краской. В киоте за правым клиросом помещалась икона Успения Божией Матери на кипарисной доске, в серебряной позолоченной ризе.

Около киота находилась настоятельская кафедра с игуменским посохом, при кафедре — икона Божией Матери "Знамение". Во втором киоте, за левым клиросом была икона св. великомученицы Варвары в серебряной позолоченной ризе (весом 1 фунт 33 золотника), пожертвованная Путивльской помещицей Варварой Львовой.

В трапезной (притворе) этой церкви также находились два полукруглых деревянных киота. В правом из них была Чудотворная икона Нерукотворенного Спаса в серебряной ризе; в левом — Иверская икона Божией Матери — список с Чудотворной иконы Софрониевой пустыни, принесенный из этой пустыни о. Филаретом в 1817 году[99].

В правом приделе во имя Святителя Николая царские врата были деревянные, резной работы, под позолотой. "Над царскими вратами помещалось в кругообразном сиянии изображение Духа Святого"[100]. Справа от царских врат были икона Спасителя и южные двери с изображением первосвященника Аарона, слева — икона Божией Матери с Предвечным Младенцем, северные двери с изображением первосвященника Мелхиседека и храмовая икона Святителя Николая Чудотворца с серебряным позлащенным венцом.

Во втором ярусе иконостаса правого придела в центре была икона Святой Троицы, по сторонам — две иконы с изображением двунадесятых праздников. В третьем — в центре изображение Христа Спасителя, сидящего в славе с предстоящими: Божией Матерью и св. Иоанном Крестителем, а по сторонам — две иконы с изображением апостолов. В четвертом — в центре изображение Бога Отца с Архангелами и Ангелами, а по сторонам — св. первосвященников Мелхиседека и Аарона. В пятом ярусе — одна икона Положения Христа Спасителя во гроб.

Вверху иконостаса — "Всевидящее Око", резное изображение под позолотой, с позлащенными лучами вокруг[101]. В правом приделе у южной стены находилась большая икона Святой Троицы[102]. В левом приделе над царскими вратами было изображение Духа Святого резной деревянной работы, под позолотой.

Справа от царских врат находились: местная икона Спасителя, южные двери с изображением св. архидиакона Лаврентия, храмовая икона св. великомученицы Варвары с серебряным позолоченным венцом и короной (весом 72 золотника). Слева от царских врат — местная икона Божией Матери с Предвечным Младенцем, северные двери с изображением св. первомученика архидиакона Стефана.

Во втором ярусе — две иконы с изображением двунадесятых праздников и одна икона Святой Троицы со св. патриархом Авраамом. В третьем — икона Божией Матери, окруженной Ангелами, и две иконы святых апостолов. В четвертом — Тайная Вечеря, а по сторонам — иконы святых пророков Илии и Даниила. В пятом — икона Положения во гроб Христа Спасителя. Вверху иконостаса — "Всевидящее Око" резной работы, под позолотой[103].

В левом приделе, на северной стене помещалась в деревянной раме под стеклом св. Плащаница на малиновом бархате с живописным изображением Христа Спасителя, обвитого погребальными пеленами (151 × 102 см). Эта Плащаница была пожертвована в 1844 году графом Дмитрием Николаевичем Шереметевым. Над Плащаницей находилась икона Снятия со Креста Христа Спасителя[104]. Посреди Успенской церкви находилось большое медное паникадило, в приделах паникадила были меньше. Серебряных лампад в разных местах храма при иконах было восемь. Церковь в честь Иверской иконы Божией Матери была снаружи и внутри оштукатурена, покрыта листовым железом,

покрашенным зеленой краской, кресты на ней были железные, позлащенные.

Иконостас в этой церкви был четырехъярусный, столярной работы. Царские врата — деревянные, без просветов, покрашены голубой краской, с позлащенной резьбой. Над царскими вратами располагалась храмовая Иверская икона Божией Матери, вставленная в деревянный резной позлащенный круг.

Справа от царских врат помещались икона Спасителя, южные двери с изображением Архангела Гавриила, икона Святителя Николая. Слева от царских врат — икона Божией Матери с Предвечным Младенцем; северные двери с изображением Архистратига Михаила; икона преп. Сергия Радонежского Чудотворца.

Во втором ярусе было 6 икон двунадесятых праздников, в третьем — Тайная Вечеря и 6 икон с изображениями 12 апостолов; в четвертом — посредине образ Господа Вседержителя, а по сторонам — 6 икон святых пророков.

Вверху иконостаса был деревянный крест с изображением Распятия Господня, а по сторонам — иконы Божией Матери и св. Иоанна Богослова[105]. В церкви было небольшое (на 14 подсвечников) медное паникадило.

В описи 1864 года не приводилось описание соборной церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы, поскольку этот храм тогда перестраивался и "для внесения принадлежностей сей церкви" были оставлены чистые листы[106].

Вторая часть описи содержит описание ризницы Глинской пустыни в 1854 году. Тогда в обители было 5 Евангелий (одно из них древнее — 1758 года, Московской печати), 7 напрестольных крестов (из них 5 серебряных). Среди них — крест из масличного дерева, в сребропозлащенной оправе весом 90 золотников. На его обороте, у подножия были врезаны два небольших камня: один — от Гроба Господня, другой — от Святой горы Голгофы, вверху на кресте также были врезаны два небольших крестика от Святых мест[107]. Крест этот был пожертвован в 1852 году иеромонахом Софрониевой пустыни Августином, который в 1841 году получил его от блюстителя Гроба Господня и Наместника Патриаршего Иерусалимского престола архиепископа Мелетия в благословение[108].

В обители было также 5 потиров с принадлежностями к ним, 5 серебряных и сребропозлащенных дарохранительниц[109], 4 серебряных кадила, 1 серебряный, с позолотой наперсный архимандричий крест с изображением на финифти Распятия Господня (весом 40 золотников), пожертвованный архимандритом Иоанникием (Голованицким), впоследствии схиархимандритом Илиодором, находившимся в пустыни на покое[110].

В ризнице было 26 риз (из них 18 парчовых, 4 бархатных, 2 полубархатных и 2 атласных), 18 подризников, 6 набедренников, 11 поясов, 17 пар поручей, 17 ковров, 8 стихарей.

Большую ценность в ризнице представляли 19 икон, о которых сказано во второй части описи. Здесь были 3 иконы Христа Спасителя: одна — в серебряной позолоченной ризе (весом 1 фунт 53 золотника) — пожертвована генеральшей А. П. Хвостовой, другая — в серебряной ризе

(весом 1 фунт) — пожертвована новгородским губернатором Н. Денфендером[111]. Третья — также в серебряной ризе (весом 1 фунт); 8 икон Божией Матери в сребропозлащенных ризах: две иконы Знамения, две Тихвинских и две Владимирских иконы, а также одна Иверская и одна Казанская. Кроме того, 3 иконы Святителя Николая, образы: Святителей Димитрия Ростовского и Митрофана Воронежского, св. великомученицы Варвары, преп. Ксенофонта и Марии и чад их Аркадия и Иоанна (все иконы в серебряных или сребропозлащенных ризах).

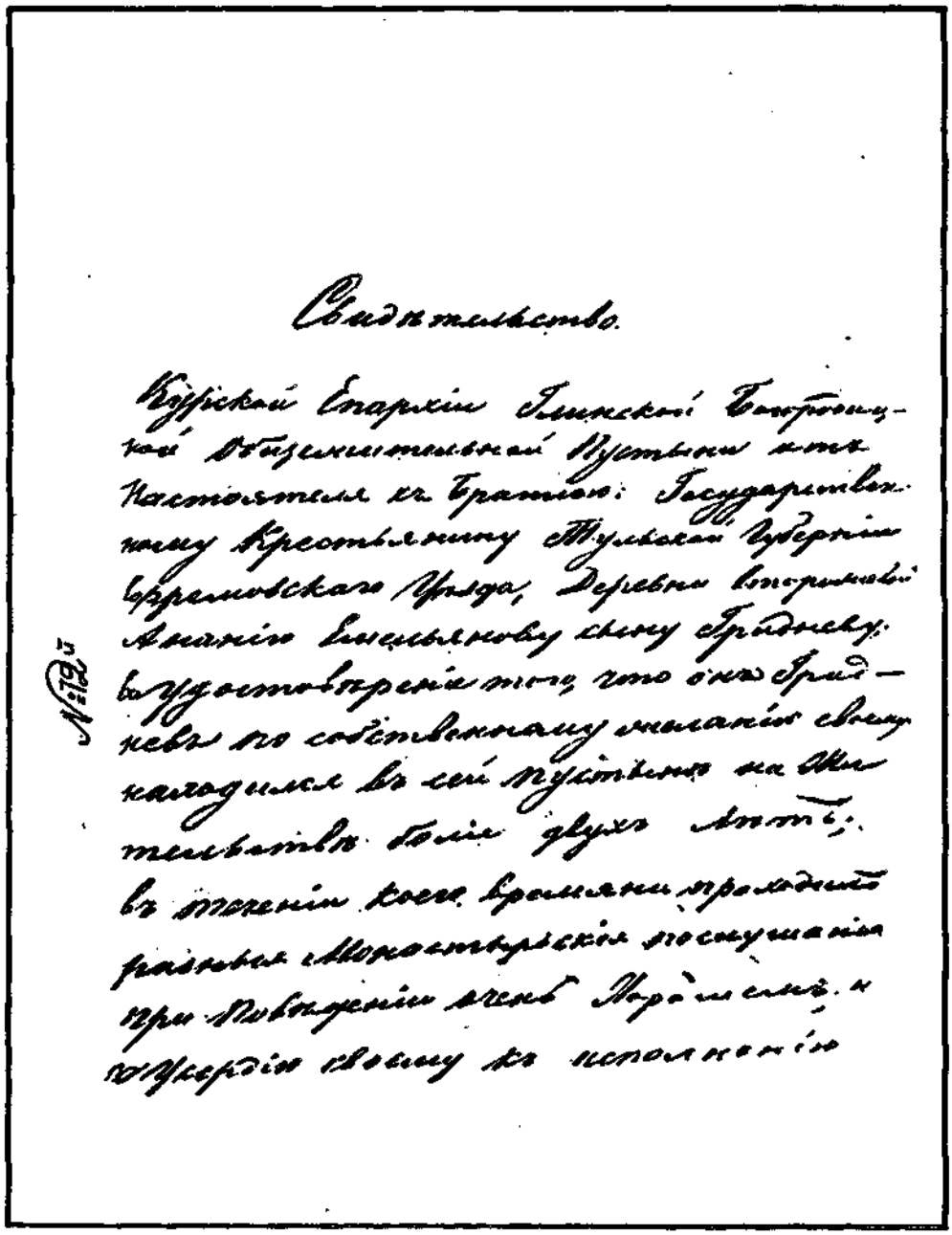
Путивльская помещица Анна Наумова пожертвовала образ Воздвижения Честного Креста Господня в серебряном, с позолотой, окладе. В середине этого образа был золотой крест с частицей Животворящего Древа, украшенный драгоценными камнями. Образ находился в киоте, в соборном храме, на левой стороне[112].

В библиотеке пустыни было тогда 145 книг. Среди них — 7 печатных книг Священного Писания (Библии, Евангелия, Апостолы, Псалтири), 59 богослужебных книг (Устав Церковный, Октоихи, Триоди, Минеи, Трифологии, Требники, Служебники, Акафистники, Последования, Ирмологии), 36 книг — творения святых отцов (Новая Скрижаль, Евангелие с толкованием на четырех Евангелистов блаж. Феофилакта (М., 1819), Добротолюбие, 8 книг творений Св. Иоанна Златоуста, творения: св. Василия Великого, преп. Иоанна Дамаскина, св. Кирилла Иерусалимского, св. Амвросия Медиоланского, св. Димитрия Ростовского, преподобных: Макария Египетского, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Нила Сорского, сборники разных поучений святых отцов, Сокращенные правила монашеского жития); 34 книги разного духовного содержания (Четьи-Минеи, Прологи, Патерики, Лавсаик, Луг Духовный, творения св. Тихона Задонского, Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, Житие св. Митрофана Воронежского, Катехизис, "Православно-догматическое богословие" еп. Макария, ректора С.-Петербургской Духовной Академии, сочинения Преосвященного Илиодора, архиепископа Курского и Белоградского); книги по истории Русской Церкви ("Русская летопись", "История Российской иерархии", "История христианства в России", Устав Духовных Консисторий, Устав Глинской пустыни)[113].

В последнем разделе описи приводится описание денежных билетов сохранной казны. По данным описи, за 12 лет настоятельства о. Евстратия (1841—1853) Глинской пустыни только в банковских билетах было пожертвовано более 13 тыс. руб.[114].

Среди жертвователей были люди самых разных сословий и положений. Например, генерал-майорша Н. И. Аракчеева, дворянки А. С. Чурикова и А. Алферова, помещицы А. Волжина, К. Полищук, А. Викторова, статский советник Г. Т. Мизко, чиновница М. Лофицкая, купцы В. Мурин, Н. Иконников, почетные граждане Д. Лепешкин и Р. Воробьев, дворовый человек И. Пантелимонов; лица духовного звания: архимандрит Досифей, архимандрит Иларион, игумения Августа, игумен Амфилохий, наместник Черниговского Успенского монастыря Иннокентий и многие другие.

Самый большой дар обители (5 тыс. руб.) пожертвовала в 1849 г. графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская[115].

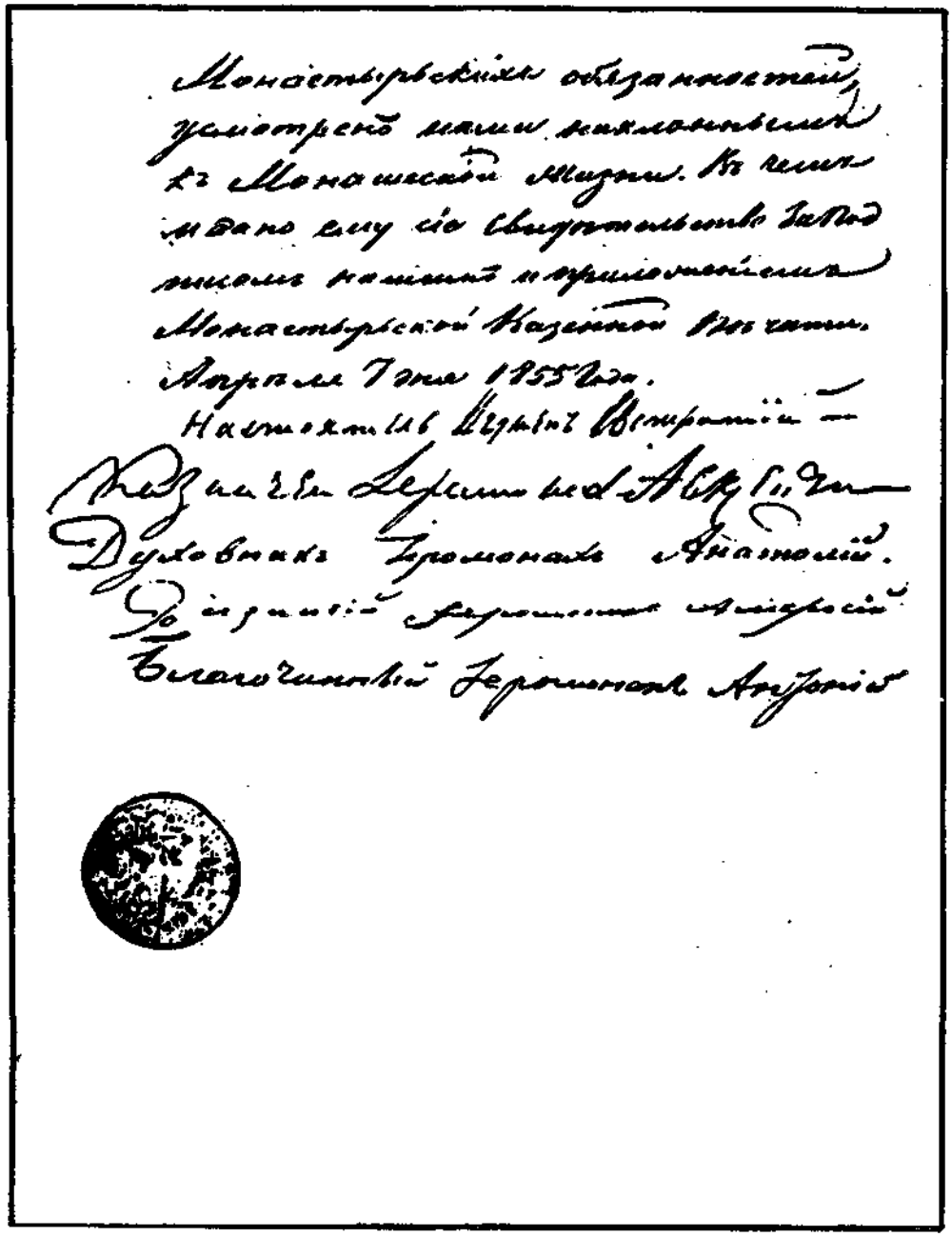

Свидетельство.

Курской Епархии Глинской Спасо-Преображенской общежительной пустыни настоятель и братия: Государственному крестьянину Тульской губернии Веневского уезда, деревни Вторыновой Аникию Емельянову сыну Гридневу. В удостоверение того, что онъ Гриднев по собственному желанию своему находился в сей пустыни на послушании более двух лет, в течении всего времяни проходил разныя монастырскія послушанія при повседневной церкви Херувимской, и при отпуске своем к исполнению

Таким образом, в описи 1854 года дана подробная характеристика церковных и других ценностей Глинской пустыни при игумене Евстратии. Опись показывает, что настоятель проявил особую внимательность и благоразумную распорядительность в попечении о благолепии церковном.

Свидетельство о прохождении послушаний в Глинской пустыни, подписанное настоятелем игуменом Евстратием и

В существующих литературных источниках, как правило, не приводится оценка деятельности о. Евстратия, поскольку исследователи, вполне естественно, основное внимание уделяют изучению подвижнической жизни его великого предшественника — игумена Филарета. Однако яркой характеристикой деятельности и духовных качеств о.

старшей братией обители.
7 апреля 1855 г.
РГБ, ф. 213, к. 109,
ед. хр. 30, л. 3—3 об.

Евстратия может служить внутреннее и внешнее благоустройство Глинской пустыни, которой он управлял более 14 лет. Особое уважение, с которым относился народ и епархиальное начальство к Глинской обители, было заслугой не только подвижников пустыни, но и неустанных самоотверженных трудов ее настоятеля[116].

Великий Глинский старец архимандрит Иоанникий (Голованицкий), характеризуя свойства души о. Евстратия, говорил: "Этот игумен был сам по себе прост и незлоблив"[117]. Он внимательно следил за духовным состоянием новоначальных монахов и послушников. Учил их непрестанно возделывать ниву своего собственного сердца молитвой, постом, чтением Слова Божия и творений святых отцов. По свидетельству старца иеросхимонаха Макария (Шарова), "игумен Евстратий всегда справлялся у послушников: творят ли они Иисусову молитву, особенно когда ничем не заняты, идут дорогой и т. п."[118]. Чтобы искоренить все страсти из своего сердца и вместо них насадить добрые навыки, христианину необходимо сосредоточить все свои силы в подвиге духовной борьбы и непрестанно прибегать к Божественной благодатной помощи.

Только тогда христианин будет способен к исполнению воли Божией и теснейшему единению со своим Творцом. Об этом и напоминал инокам о. Евстратий.

Он всегда стремился помочь братии в духовной брани, как внутренней, так и внешней. Узнав, например, об угнетенном состоянии одного инока, которого сильно смущали помыслы об оставлении монастыря, игумен Евстратий "увещевал его молитвой и терпением укрощать воздвигнутую против него брань духа злобы и оставаться в монастыре... Игумен с братией возносили горячие молитвы к Господу, чтоб Господь облегчил брань страждущего. И инок стал преодолевать искушения, спокойствие и мир водворились в его сердце, он бесповоротно решил остаться в обители"[119].

Другим выражением душепопечения о. Евстратия может служить, например, следующий случай. Однажды от лампады загорелись книги в келлии молодого послушника, а затем и стены самой келлии. Узнав об этом, о. Евстратий как был в мантии в церкви, так и поспешил на пожар и с помощью братий успел залить водой огонь, пока он не охватил еще всей келлии. Послушнику совестно было, что по его вине такая беда случилась в обители, и он три дня не выходил из келлии от стыда. На третий день игумен Евстратий, не видя его в церкви, позвал к себе и, как мог, обласкал и утешил; дал ему от себя несколько молитвенных книг вместо сгоревших и, что особенно ценно, благословил деревянным крестом (бывшим келейным игумена Филарета). Этим послушник был так утешен, что, приняв крест с благоговением и духовной радостью, вернулся в свою келлию и до самой смерти никогда с ним не разлучался. Дар о. Евстратия был не случаен, впоследствии этому иноку также пришлось нести тяжесть настоятельского креста[120].

До последних дней жизни игумен Евстратий "неусыпно заботился о благоустройстве святой обители"[121]. Перед кончиной, по совету архимандрита Иоанникия, он простился с каждым из братий[122] и мирно почил о Господе[123].

Точная дата кончины о. Евстратия ни в литературных, ни в архивных источниках не упоминается. На сохранившихся документах последний раз подпись игумена Евстратия встречается 7 апреля 1855 года[124], а новый настоятель был назначен в Глинскую пустынь 19 октября 1855 года.

По избранию братий обители новым настоятелем Глинской пустыни стал *иеромонах Авксентий*. О его жизни сохранилось совсем мало сведений. Однако автору данной работы удалось найти документы обители, в которых сказано, что при игумене Евстратии в 1854—1855 гг. казначеем Глинской пустыни был иеромонах Авксентий[125].

Он оставался казначеем до 27 августа 1855 года (когда его сменил иеромонах Амвросий (Распопов)[126], а затем о. Авксентий, по всей вероятности, был назначен исполнять должность настоятеля Глинской пустыни.

19 октября того же года он был утвержден в этой должности указом Св. Синода[127]. Вполне возможно, что о. Авксентий был возведен в сан игумена при вступлении в должность настоятеля. Упоминание о *игумене* Авксентии в сохранившихся документах обители впервые встречается в 1856 году. Так, в послужном списке монаха Глинской пустыни Севастиана (Апанасенко) сказано, что он был пострижен в монашество игуменом Авксентием 29 апреля 1856 года[128].

Отец Авксентий за время своего настоятельства проявил ревностное попечение о внешнем и внутреннем благоустройстве обители. Из архивных документов узнаем, что при игумене Авксентии продолжалась перестройка собора Рождества Пресвятой Богородицы, начатая игуменом Евстратием.

В соборе проводились работы по внутренней отделке храма: настилали полы, сооружали иконостасы, делали двери и рамы[129]. Игумен Авксентий построил в Глинской пустыни двухэтажный деревянный корпус, крытый железом, на 8 келлий[130], при нем был перекрыт железом настоятельский корпус; на экономическом дворе устроен новый флигель с кладовой[131], в скитской церкви в 1856 году устроены печи[132].

Несмотря на расходы, связанные со строительством, игумен Авксентий так организовал благотворительную деятельность обители и оказывал столь щедрую помощь нуждающимся, что в отчете о состоянии Курской епархии за 1856 год сказано: "Христианский долг призрения бедных среди всех обителей Курской епархии особенно исполняется в Глинской пустыни"[133].

О высоте духовной жизни иноков Глинской пустыни при о. Авксентии свидетельствует, например, отзыв известного подвижника благочестия иеросхимонаха Стефана Вятского (в миру Симеона Петровича Куртеева), который посетил Глинскую пустынь в числе богомольцев-странников, неоднократно беседовал с Глинскими старцами и "много благодатных назидательных слов услышал от них в утешение души своей... [Старцы] советовали ему терпеть ради Господа все нужды и скорби и не покидать узкий и тесный путь, коим единственно можно достигнуть Царства Небесного"[134]. Впоследствии о. Стефан всегда с великим благоговением отзывался о Глинской пустыни и говорил, что "там есть много светильников (т. е. благодатных иноков-старцев), но под спудом"[135].

В период настоятельства игумена Авксентия в обители было еще много иноков, лично знавших старца-игумена Филарета. Поэтому понятна та особая духовная радость, с которой иноки обители встретили изданное в 1856 году ученицей старца Филарета игуменией Уфимского Благовещенского монастыря Филаретой "Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни", составленное учениками старца после его кончины еще в 1841 году[136].

При игумене Авксентии граждане г. Глухова подали прошение об учреждении крестного хода из Глинской пустыни в их город. Они писали: "Жители г. Глухова, Черниговской губернии, как от дворян, купечества и мещанства, так и всех сословий, возымели благое желание по случаю постигшей г. Глухов холеры в 1848 году и, получив небесное избавление, для отвращения гнева Божия, почли за долг ходатайствовать, чтобы дозволено было в течение года несколько раз совершать крестное шествие из Глинской пустыни... в г. Глухов на протяжении 12 верст с поднятием Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы"[137]. 31 декабря 1856 года император Александр II утвердил совершение ежегодного крестного хода с Чудотворной иконой на время с 19 по 26 июля[138].

Игумен Авксентий был настоятелем Глинской пустыни менее двух лет. В январе 1857 года он еще совершал постриги в монашество[139], но уже 13 февраля 1857 года Глинский старец архимандрит Иоанникий (Голованицкий) писал о нем своим духовным детям: "Игумен наш на смертном одре лежит, едва ли до поста доживет, болезнь его чахоточная"[140]. В конце февраля 1857 года игумен Авксентий скончался[141]. Он был погребен в усыпальнице под Успенским храмом Глинской пустыни[142].

После кончины игумена Авксентия настоятелем Глинской пустыни 5 марта 1857 года был определен иеромонах Иоасаф[143].

При нем 19 июля 1857 года был совершен первый крестный ход с Чудотворным образом Рождества Пресвятой Богородицы из Глинской пустыни в г. Глухов при огромном стечении и ликовании народа. Вот как описывал это событие настоятель иеромонах Иоасаф в своем рапорте архиепископу Курскому и Белоградскому от 31 июля 1857 г.: "Накануне крестного шествия, т. е. 18 июля, по прибытии в пустынь благочинного монастырей, благочинного Глуховских городских церквей, Путивльского предводителя дворянства, земского исправника, градских голов и других почетных лиц, при многочисленном стечении народа соборно отправлено было всенощное бдение, а на другой день 19 июля также соборно совершена Божественная литургия. Крестное шествие началось в 12 часов дня в следующем порядке: когда собрались все в храме, о. архимандритом, по благословении молебного пения, принята была св. икона и в предшествии моем, настоятеля пустыни, о. протоиерея, священномонашествующих и всего духовенства в облачениях, несена была им на главе до святых врат обители, где была передана г. Путивльскому предводителю дворянства, а после его другим почетным лицам; и в таком порядке сопровождаема была до дальних врат пустыни, где о. архимандрит, осенив св. иконою крестообразно обитель, возвратился собором обратно в пустынь. Затем сопровождение св. иконы до деревни Заруцкой, отстоящей от пустыни в 5-ти верстах, на

границе Черниговской губернии, поручено было казначею пустыни иеромонаху Амвросию, также соборно в предшествии трех иеромонахов.

В дер. Заруцкой святая икона встречена была духовенством гор. Глухова в облачениях и также в соборном шествии сопровождаема была до города.

Во вратах города крестный ход вновь встречен полным собором градского духовенства, Глуховским предводителем дворянства, градским головою, городничим и другим чиновниками, дворянством и жителями, и сопровождаема была до центра города, где среди площади, на устро-

енном заблаговременно амвоне, в облачениях находились: о. архимандрит, настоятель Глинской пустыни с монашествующими и некоторые из духовенства. После приближения крестного хода к сему месту о. протоиерей, приняв св. икону, передал ее о. архимандриту; в это время иеродиаконом произнесена была сугубая ектения, с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему дому, причем город осенен святою иконою крестообразно. Затем при звоне колоколов во всех градских церквах, в полном сопровождении всех участвовавших, крестное шествие совершилось до соборной Свято-Троицкой церкви этого города. По принесении в оный святая икона поставлена в киот на приготовленном месте. После небольшого отдыха, по общей просьбе жителей города, святая икона также крестным ходом и соборне несома была на ярмарочную площадь этого города, где в нарочито устроенной и убранной палатке совершенно было всенощное бдение о. архимандритом, по окончании же святая икона принесена была в со-

Монах Мартирий
(Кириченко)
(1800—1865)

борный храм. На другой день, 20 июля, также в соборном храме города совершена была Божественная литургия соборне, и после оной по общей просьбе жителей св. икона всем собором, с крестным шествием, сопровождаема была вторично на ярмарочную площадь, где отправлялось молебствие с водоосвящением.

По совершении соборных богослужений этого дня, в течение последующих пяти дней, по просьбе жителей, отправляемы были по домам молебствия и всенощное бдение, а вечером каждого дня святая икона приносима была в соборную церковь, где она все время пребывала под охранением монашествующих.

При совершении богослужений в г. Глухове со стороны монашествующих, находившихся при образе, употреблялись усердные старания и удовлетворению христианского желания жителей и во всем соблюдаемо было благоприличие и порядок. По истечении определенных дней, т. е. 26 июля, совершилось обратное крестное шествие из г. Глухова в Глинскую пустынь в таком же порядке и с тем же церемониальным благочинием, как и в оный.

Во всех шествиях стечение народа было многочисленное, повсюду было выражаемо чувство христианской радости, веры и теплого усердия ко святыне, и все исполнения сего священного обряда, помощию Божиею и Пречистыя Его Матери, были совершаемы в мирном и благоустроенном порядке"[144].

Однако срок пребывания Чудотворной иконы в городе оказался недостаточным для удовлетворения благочестивых чувств жителей. 20 февраля 1859 года в Св. Синод от граждан города Глухова поступило прошение о продлении срока пребывания иконы в городе до 2 августа, с тем чтобы была возможность отслужить молебны пред Чудотворным образом в домах желающих. Это благочестивое ходатайство было высочайше утверждено императором Александром II 25 июля 1859 года[145].

По возвращении Чудотворной иконы в обитель, 3 августа после литургии совершался крестный ход к месту ее явления, в Ближний скит, где при стечении народа, сопровождавшего образ из г. Глухова, совершался молебен с акафистом. Только после этого богомольцы Глухова оставляли обитель[146].

При о. Иоасафе на средства щедрого благотворителя обители харьковского помещика Константина Дмитриевича Хрущова[147] каменная часовня Ближнего скита пристройкой алтаря была обращена в теплый храм, освященный 26 октября 1860 года во имя св. Богоотец Иоакима и Анны. При этом храме была устроена и колокольня с шестью колоколами[148]. После сооружения храма во имя св. Богоотец в честь престольного праздника скитской церкви ежегодно 9 сентября до литургии стал совершаться крестный ход с Чудотворной иконой в Ближний скит. Образ оставался там до окончания богослужения[149]. Кроме того, в теплое время года по просьбе богомольцев совершались частные крестные ходы, иногда по нескольку раз в день. В преднесении фонаря с горящей свечой и выносного креста Чудотворную икону с молебным пением несли в Ближний скит. При этом бывал трезвон не только скитский, но и во все колокола соборной колокольни. Принеся святыню в скитский храм, читали здесь акафист Богородице, затем также

с молебным пением возвращались в обитель. В монастырском храме все прикладывались ко святыне и помазывались маслом из лампады Чудотворного образа[150]. Случаев исцелений при таких частных крестных ходах было множество[151].

Кроме устроения храма в скиту, о. Иоасаф построил в Глинской пустыни новый корпус для посетителей и помещения для хранения продовольственных припасов[152].

Благочинный монастырей Курской епархии, настоятель Путивльского монастыря архимандрит Сосфен писал, что о. Иоасаф, как и другие настоятели вверенных его надзору монастырей, "по образу и опытности в иноческой жизни, с пользой для пасомой им братии проходит свое служение"[153].

Однако, по свидетельству преемника о. Иоасафа, игумена Ювеналия (Половцева), материальное положение обители ухудшилось. Отец Ювеналий при вступлении в должность настоятеля Глинской пустыни принял наличную сумму лишь 10 руб. 82 коп., а долг у обители был 7736 руб.[154]. По всей вероятности, это было следствием щедрой благотворительности обители. Ведь Преосвященный Сергий (Ляпидевский) и его предшественник — архиепископ Курский и Белоградский Илиодор (Чистяков) в 1859—1861 гг. сообщали в Св. Синод, что благотворительностью бедным среди монастырей Курской епархии особенно отличаются Глинская и Софрониева пустыни[155].

В то же время о. Иоасаф ревновал о благоукрашении святынь вверенной ему обители. Автор очерка "Глинская пустынь" (Одесса, 1904) с полным основанием утверждает, что во все времена "к чести Глинских настоятелей и благодетелей надобно отнести то, что они ради любви к Богу и Царице Небесной, при видимой бедности обители, благоукращали храмы и тем придавали должное великолепие дому Царя Славы"[156]. В 1861 году на средства Константина Дмитриевича Хрущова была сделана золотая чеканная риза на Чудотворный образ, украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями. Внизу, на финифтяной вставке была надпись "Рождество Пресвятыя Богородицы". Риза весила 1 фунт 31 золотник[157].

Но наиболее яркой характеристикой деятельности о. Иоасафа можно считать отзывы правящих архиереев о Глинской пустыни. В 1861 году в отчете о состоянии Курской епархии Преосвященный Сергий (Ляпидевский) докладывал в Св. Синод: "Из мужских обителей — лучшая Глинская, где и чин богослужения благолепнее, и более находится старцев, разумеющих силу и сладость жизни духовной"[158].

Многие подвижники стремились в эту святую обитель. Так, например, в 1858 году в Глинскую пустынь на покой перешел архимандрит Тихон, бывший настоятель Обоянского Знаменского, а затем Рыльского Николаевского монастыря. Отец Тихон до самой кончины подвизался в Глинской пустыни[159].

За неусыпное попечение об устройстве обители о. Иоасаф был возведен в сан игумена. На основании архивных данных можно утверждать, что о. Иоасаф стал игуменом в 1861 году. В справке Курской Духовной Консистории, поступившей в Канцелярию Св. Синода 13 ноября 1861 года, сказано, что в 1860 году Глинская Рождество-Богородицкая пустынь была еще под управлением иеромонаха[160]. Но уже

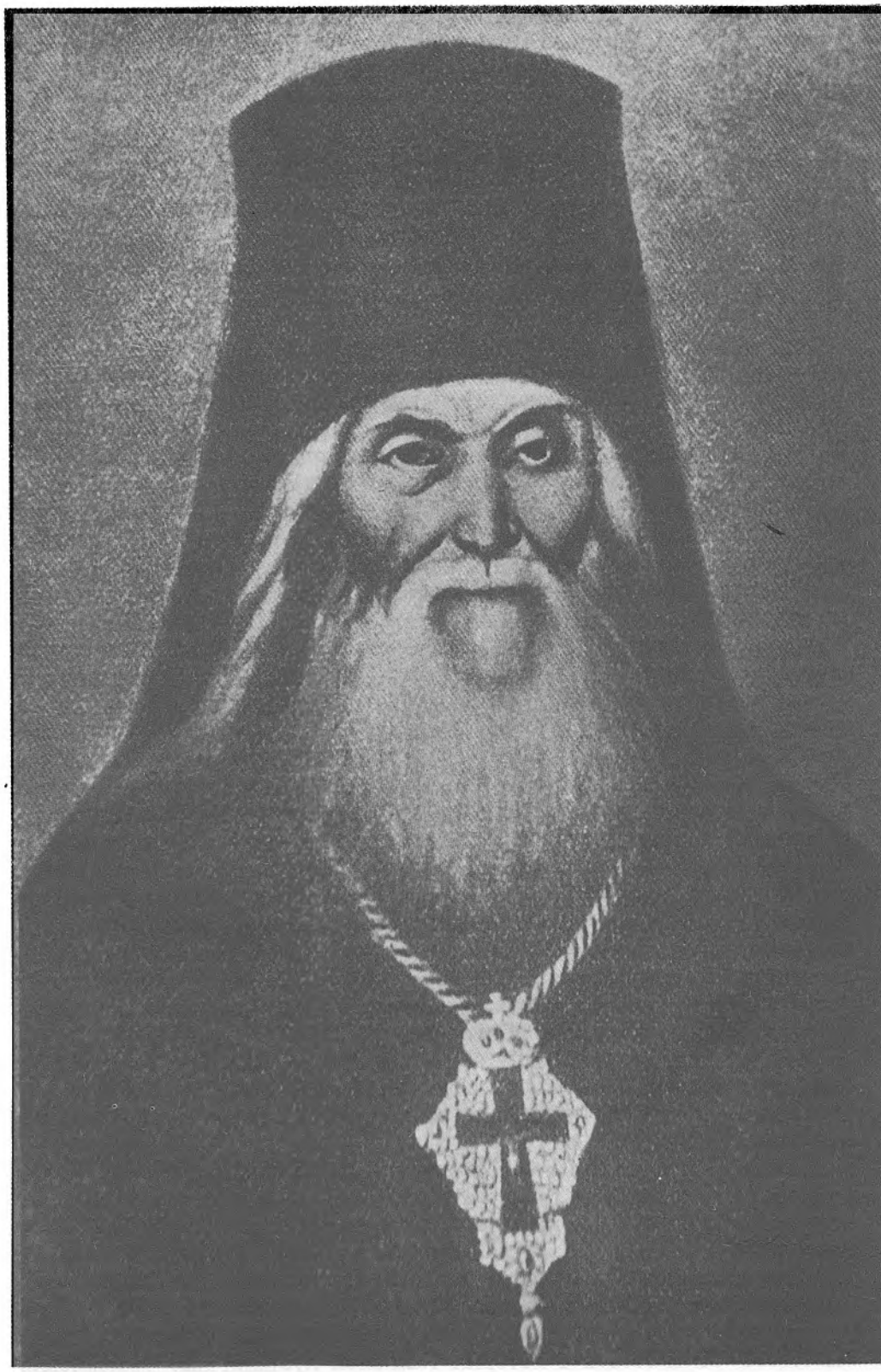
10 октября 1861 года Преосвященный Сергий (Ляпидевский) докладывал в Св. Синод: "Настоятель Глинской Рождество-Богородицкой пустыни игумен Иоасаф вошел ко мне с прошением об увольнении его от занимаемой им должности, по болезни, и о дозволении пребывать ему в сей обители, на покое"[161].Прошение игумена Иоасафа было удовлетворено. По определению Св. Синода от 24 октября 1861 года он был уволен от должности настоятеля[162] и оставлен в Глинской пустыни на покое.

Скончался игумен Иоасаф в 1862 году[163].

В период настоятельства о. Иоасафа в Глинской пустыни подвизались известные святостью жизни старцы: архимандрит Иоанникий (Голованицкий), монах Мартирий (Кириченко), схимонах Евфимий (Левченко) и многие другие. Эти выдающиеся личности под руководством и покровом настоятеля питали духовной пищей не только насельников Глинской пустыни, но и всех тех, кто обращался к ним.

Монах Мартирий (в миру Матфей Кириченко; 1800—1865) отличался подвигами исключительного воздержания, самоотвержения, непрерывного псалмопения, молитвы и послушания. Первые духовные наставления он получил от блаженного старца Феодота, под руководством которого проходил послушание в братской поварне, а в монашество был пострижен настоятелем Филаретом в 1840 году. Для него были характерны крайняя нестяжательность, бдительное охранение своих чувств, постоянное погружение внутрь себя, богомыслие, непрерывный контроль за своими помыслами. При всем этом он подвизался в строжайшем воздержании от пищи, пития. День или два неядения было нормой его жизни, а однажды, подражая древним святым подвижникам, он усугубил свой пост до такой степени, что "пятнадцать дней провел без употребления пищи, причем совершал изустное чтение Псалтири и прочее молитвенное правило. Впоследствии говорил своим близким по духу, что более этой меры уже поститься невозможно"[164]. Свои подвиги он тщательно скрывал от людей, но не мог скрыть от врага рода человеческого, который был озлоблен на него до такой степени, что однажды в ночное время старец Мартирий, стоя на молитве, услышал шум, треск и колебание своей башни (в которой жил), стены дрожали и готовы были разрушиться. Слышны были крики, угрозы разрушить его жилище и задавить старца обломками. Сей последней, вероятно, не первый раз видя нападения бесовского полчища, стоял на молитве непоколебимо. "Бесы, рассвирепевши и Божиим попущением приблизившись к старцу, начали наносить ему удары; удары эти были настолько сильны, что от них образовались на теле кровавые подтеки в виде синих полос. А особенно пострадала его правая рука, на ней были следы биения палкой. От таковых побоев старец не мог свободно владеть рукой и после довольное время носил перевязанную руку на полотенце на шее"[165]. Об этом подвижник рассказал своему духовнику иеромонаху Порфирию и при этом в простоте души заметил: "Зачем лукавый враг на меня нападает? Я его ничем не трогаю!"[166], не

Схиархимандрит Илиодор
(Голованицкий)
(1795—1879)

видя того, что своими подвигами он не давал диаволу покоя. На нем сбылись слова, сказанные Нилом Синайским: "Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевание их: ибо как дикие звери нападут они на тебя и все твое изъязвят тело"[167].

Старец Мартирий прошел свой жизненный путь жестокой стезей крайнего воздержания, самоозлобления и многоразличных лишений. Это была жизнь подлинно аскетическая, распятие плоти со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24), через которые он сподобился достигнуть бесстрастия. И наконец, Господь даровал ему победу над плотию, миром, диаволом и принял в Свои вечные обители на второй день Святой Пасхи, 5 апреля 1865 года[168].

В годы настоятельства о. Иоасафа в Глинской пустыни окончили свое земное поприще старцы: монах Феодот, в схиме Феодосий (Девченко; +1859 г.), духовник иеросхимонах Анатолий (Скубырин; +1860 г., монах Анания — лекарь (+1860 г.), а также послушник Василий Милонов, бывший в миру подполковником артиллерии (+1859 г.), жизнь которого замечательна как пример обращения человека неверующего в глубоко верующего и кающегося[169].

Старец *иеросхимонах Анатолий* (Скубырин) был в числе первых учеников о. Филарета в Глинской пустыни. Обладая многими иноческими добродетелями, он "отличался богатством духовного ведения аскетический жизни и глубоким рассуждением"[170]. Его мирское имя — Андрей Скубырин. Он служил камердинером у князя Голицына. Посещая с князем западные страны, он в совершенстве овладел французским и немецким языками. Андрей прекрасно знал современную западную литературу, но это чтение не удовлетворяло его душевных потребностей. Тогда он стал углубленно читать книги Священного Писания, Псалтирь. За таким занятием однажды застал его князь Голицын и удивленно воскликнул: "Вот странно! Мой Андрей читает Псалтирь!" Однажды в Париже Скубырину представилась заманчивая карьера: жениться на дочери одного русского капиталиста, которая была единственной наследницей богатств своего отца. Однако Андрей, "чувствуя призвание к иноческой жизни, желая работать Богу в девственной чистоте, отверг таковое предложение. Князь Голицын, видя своего любимого камердинера, стремящегося к богоугодной жизни, отпустил его на свободу, после чего тот в 1818 году поступил в Глинскую пустынь, имея от рождения 36 лет"[171].

При постриге в мантию (уже на третий год по поступлении) наречено было ему имя Амфилохий. Еще через год он был рукоположен во иеродиакона, а 1824 году — во иеромонаха и назначен благочинным монастыря[172].

В 1839 году строгий и благоговейный подвижник был назначен помощником духовника, а через пять лет о. Амфилохий как духовно опытный старец стал преимущественно исповедовать богомольцев. Отец Амфилохий имел дар прозрения, многие стремились к нему на исповедь. В числе духовных чад о. Амфилохия был и великий Глинский старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий).

В 1858 году о. Амфилохий был пострижен в схиму с именем Анатолий. Он известен в истории Глинской пустыни как "Амфилохий

постник"[173] или "Анатолий благоговейный"[174]. Скончался подвижник 30 ноября 1860 года на 78 году от рождения.

При игумене Иоасафе принял схиму маститый Глинский старец *архимандрит Иоанникий, в схиме Илиодор* (в миру Иоанн Голованицкий, 1795—1879)[175].

Поучительны его многострадальная жизнь и подвиги. Достойный ученик игумена Филарета, он подвизался в Глинской пустыни в течение сорока пяти лет, вначале как послушник, монах, а впоследствии как духовно опытный старец, имевший свою школу учеников, ставших под его руководством также видными подвижниками. Это были схимонах Лаврентий, архимандрит Иннокентий (настоятель Глинской пустыни), схимонах Архип и многие другие.

Но маститым старцем схиархимандрит Илиодор стал, лишь пройдя горнило испытаний, какие проходят избранные последователи Христовы. Еще в юности, участвуя в Отечественной войне 1812 года, он много претерпел, познал суетность и недолговечность земной жизни. После окончания войны Иоанн поступил в Киево-Печерскую Лавру, но Промысл Божий привел его в Софрониеву, а затем в Глинскую пустынь. Здесь под мудрым руководством самого игумена Филарета он обучался внутреннему деланию, преуспевал в духовной жизни. 9 марта 1824 года он был пострижен в монашество самим настоятелем Филаретом с именем Иоанникий, а 12 ноября того же года рукоположен во иеродиакона. После принятия монашеского пострига его постигло особенно много искушений, которые попущены были свыше для полного очищения боголюбивой души подвижника.

Враг пытался устрашить его различными привидениями, подвергал нападению разбойников, воздвиг на него клевету, за что Иоанникий был изгнан из обители, а когда, по просьбе братии, его приняли обратно, он должен был нести тяжелую епитимию. Затем Иоанникий был перемещен в Рыхловский Николаевский монастырь, где много безвинно пострадал от настоятеля, который даже написал на него донос в Св. Синод, в результате чего Иоанникий был сослан в Домницкий монастырь, где томился около трех лет.

Но всеми этими злостраданиями и искушениями Промысл Божий вел подвижника к высшему духовному совершенству. Пребывая в непрерывной умно-сердечной молитве, искреннем покаянии и самоукорении, он очищал свое сердце от всех страстей.

В 1831 году Иоанникий был рукоположен во иеромонаха и назначен настоятелем сначала в Рыхловский Николаевский, а затем в Петропавловский монастырь Черниговской епархии с возведением в сан архимандрита, где своими неустанными трудами на благо обителей и любвеобильной простотой стяжал искреннее уважение и любовь братии[176].

Но стремясь к жизни созерцательной, уединенной, архимандрит Иоанникий удалился на покой в Глинскую пустынь, где, как было ему открыто, ждал его особенно узкий путь.

Братия Глинской пустыни не только любили его, но и почитали как духовно опытного наставника. Старец Иоанникий, живя в общежитии между братиями, из любви к ним принял на себя подвиг миротворца.

Начальными уроками смирения и миролюбия он был обязан, как сам говорил, "старцу Филарету". В течение всей своей жизни он понуждал себя к этой добродетели и приобрел в ней навык. Как только видел ссорящихся или враждующих, тотчас спешил восстановить между ними мир и успокаивался только тогда, когда они приходили к примирению.

Отец Иоанникий ощущал на себе особое покровительство Святителя Николая, получив от него в своей жизни не только многократную помощь, но и особую милость. Во время путешествия в Палестину Святитель Николай чудесно привел его поклониться месту своего погребения. Когда же старец, исполненный сугубой радости, полагал земной поклон у гроба Святителя, то "лампада, висевшая на высоте, недосягаемой рукой человека, вылилась на него сама собой и опять встала в свое обычное положение"[177].

В Иерусалиме Блаженнейший Патриарх Кирилл обратил на старца особое внимание и долго с ним беседовал. Подвижники Св. Афонской Горы обращались к нему за советами, просили остаться на Афоне, чтобы вверить себя его руководству[178]. Но о. Иоанникий возвратился в Глинскую пустынь, где продолжал свой подвиг служения Богу и людям.

Здесь, ревностно стремясь к высшим духовным подвигам, 24 декабря 1858 года он принял святую схиму с именем Илиодор[179].

Старец Илиодор, имея давнее стремление к уединенным сосредоточенным молитвенным подвигам, испросил разрешение у настоятеля построить в гуще леса уединенную келлию. Настоятель дал на это благое дело разрешение, но монастырских средств на строительство не было. Сам же старец не имел денег на сооружение даже убогой хижины. Тогда старец Илиодор сказал: "Верую, что Господь не оставит меня, буду молиться, чтобы Он послал мне средства на это дело"[180]. Молитва его была услышана. Вскоре нашлись благодетели, которые помогли построить желанную для старца келлию, строительство которой было закончено летом 1863 года[181].

Старец Илиодор, как и все ученики о. Филарета, был строгим блюстителем сердечной чистоты, внимательным хранителем своей совести, стяжателем смирения — "этой добродетели, неприступной для врага"[182].

Переселившись в пустынную келлию, старец Илиодор принял еще более суровый по отношению к самому себе образ жизни, усилил духовные подвиги. Кроме общего правила, заключавшегося в чтении девятого часа и вечерни, повечерия, канона Божией Матери и молитв на сон грядущим, он еще исполнял и другое — личное правило, состоявшее во всенощном бдении, исполнении пятисотницы с земными поклонами, чтении Евангелия и апостольских Посланий и т. д.[183]. Так в молитве и посте подвизался он в своей пустынной келлии более одиннадцати лет[184].

На месте его подвигов впоследствии был основан Дальний (Спасо-Илиодоровский) скит[185]. Занимаясь Иисусовой молитвой, бдительно охраняя свои чувства и мысли, о. Илиодор за свою святую жизнь сподобился Божиих откровений. Во время совершения святой литургии он видел Божию Матерь. Ему была открыта загробная благая участь игумена Филарета; он провидел будущие места своих собратьев, предостерегал новоначальных иноков от проступков, примирял

враждующих, утешал скорбящих, по своему смирению тщательно скрывая дар прозорливости.

Душевная простота о. Илиодора уподоблялась состоянию незлобивого младенца. С сердечным вниманием выслушивал он каждого, если беседа была душеполезная, а когда собеседник переходил к осуждению ближних, то старец кротко замечал: "Писано есть: "Яко не возглаголют уста моя дел человеческих..." (Пс. 16, 4). Память смертная всегда была присуща подвижнику, и часто он говорил себе: "Бедный Илиодор! Скоро предстоит тебе предстать на суд Божий"[186]. Отец Илиодор духовно проникал в тайники человеческих душ. Например, если келейник готовил пищу, будучи в немирном устроении, то старец на мог вкушать ее[187].

Авторитет о. Илиодора был очень велик: за наставлениями и советом обращались к нему не только братия и богомольцы, но и многие архиереи[188]. До последних дней жизни схиархимандрит Илиодор всех поучал пребывать постоянно в молитве и духовном созерцании. Блаженная кончина его последовала 28 июня 1879 года.

Старец был погребен с левой стороны от входа в Успенскую церковь. Впоследствии здесь была устроена усыпальница, где часто служили панихиду об упокоении души о. Илиодора, верующие же получали здесь духовную помощь в своих нуждах[189]. Произведения, посвященные жизнеописанию старца схиархимандрита Илиодора, изобилуют душеполезными наставлениями и принесут читателю огромную пользу. Назидательна жизнь старца Илиодора, но не менее назидательно и письменное наследие, оставленное им. До сих пор об эпистолярном наследии старца ничего не было известно. Впервые письма о. Илиодора были обнаружены автором данной работы в архиве Оптиной пустыни, находящемся в отделе рукописей ГБЛ. Здесь хранятся письма схиархимандрита Илиодора к инокиням Троицкого Севского девичьего монастыря.

К сожалению, до сих пор эти письма, содержащие много мудрых советов и наставлений, не были опубликованы. Они помещены в приложении к данной работе "Архив Глинской пустыни". Каждый христианин, изучая эпистолярное наследие старца Илиодора, может глубоко узнать жизнь и деятельность этого подвижника и почерпнуть многое в назидание своей души.

Изучение подвижнической жизни и эпистолярного наследия Глинского старца схиархимандрита Илиодора раскрывает все величие его духовного образа — дивные качества его богопросвещенной души. Покинув мир, в молитвах и подвигах он воспитал себя в духе веры Христовой и жил исключительно самоотверженной любовью ко Христу Спасителю и ближним. Постоянным подвигом молитвы и неослабного внимания к себе, при помощи благодати Божией он достиг глубокого понимания души человеческой и стал опытным врачевателем духовных недугов, мудрым любвеобильным наставником.

Характерным для духовного руководства старца, как это показывают его письма, было то, что истины веры он не просто раскрывал обращавшимся к нему, но и убеждал воплощать эти духовные истины в жизнь. Он умел помочь человеку проникать в дух учения Христова и осуществлять высокие идеи христианства на деле.

Письма о. Илиодора ясно показывают, что Глинский пастырь умел воздействовать на людей не только примером своей высоконравственной жизни, но и даром слова. Его письменные наставления отличаются теми же достоинствами, что и устные беседы: назидательностью, своеобразной выразительностью и силой. Слог этих писем особенный. Читая их, как будто слышишь саму его беседу.

Письма старца Илиодора показывают, с какой любовью и самоотвержением он относился к своим духовным чадам, какое горячее соучастие проявлял ко всем событиям их жизни: сострадал в скорбях и болезнях, сорадовался в минуты утешений. Он как-то особенно глубоко умел проникнуть в душевное состояние человека, сразу вступить с ним в самое тесное внутреннее духовное общение, при котором все жизненные нужды высказывались с полной искренностью и откровенностью. Отличаясь строгостью к себе, о. Илиодор был снисходителен к немощам человеческим. Он охотно прощал недостатки своим духовным чадам, когда видел их искреннее раскаяние и начатки исправления. Эту черту милосердия доброго пастыря можно видеть во многих его письмах. Старец не только не отвергал согрешающих, но, наоборот, старался поддержать, исправить их и привести ко Христу.

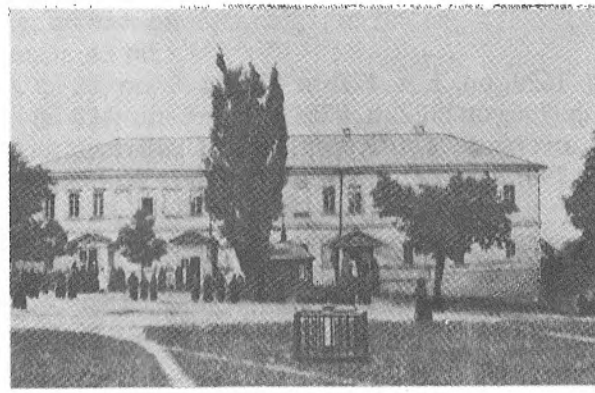
Содержание писем о. Илиодора крайне разнообразно, но все они содержат ответ на один и тот же главный вопрос — вопрос о спасении.

Письма раскрывают всестороннюю пастырскую попечительность старца Илиодора, который умел вовремя помочь бедствующей душе и дать ей правильное направление по пути ко спасению. Поэтому ответы о. Илиодора были истинным руководством в нравственной жизни для получавших их и, несомненно, имели важное значение в деле их духовного возрастания. В тяжелые минуты они являлись духовным утешением и отрадой для скорбных душ. Советы о. Илиодора заключают в себе драгоценные уроки христианской жизни. Они помогают человеку понять и стремиться осуществить в себе самом тот светлый образ христианина, олицетворением которого был Глинский старец.

Все письма дышат удивительной простотой. К ним вполне приложим отзыв епископа Феофана Затворника о письмах Оптинского старца Макария: "Глубокий веет от них дух смирения и навевает его на всякого читающего"[190]. Они представляют собой сокровищницу духовных советов. В них нашли яркое отражение всё богатство духа, вся сила милосердия и любви, вся проницательность богопросвещенного разума старца Илиодора. Большая часть сохранившихся писем старца предназначена для монашествующих, но каждый человек, возжаждавший духовной жизни и вступивший на путь спасения, найдет в них обильный благодатный источник для своего духовного назидания, утешения и руководства в затруднительных и недоуменных случаях. Хотя письма были написаны почти полтора века назад, но и по сей день советы старца Илиодора действительны для тех, кто нуждается в указаниях относительно христианской жизни, кто трудится над восстановлением в себе образа Божия и очищением своего сердца от страстей. Это благодатное действие писем объясняется тем, что они основаны на евангельском и святоотеческом учении, собственном богатом духовном опыте, чуткости и проницательности смиренного и любящего старца.

Эпистолярное наследие схиархимандрита Илиодора — этого носителя преданий старчества — раскрывает перед читателем законы внутренней духовной жизни человека, указывает ему высшую цель — Царство Небесное и пути достижения его.

Здесь приведены лишь общие сведения об эпистолярном наследии о. Илиодора. Само же учение старца (по его письмам) изложено в сопоставлениях с учением Оптинских старцев в следующей, VI главе.

Братская трапезная Глинской пустыни.
Фотография начала XX в

Примечания

1 РГИА, ф. 1629, оп. 1, д. 127, л. 42.
2 Там же, ф. 796, оп. 122, д. 875, л. 1.
3 Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 18.
4 РГИА, ф. 796, оп. 122, д. 875, л. 1—1 об.; ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89.
5 Жизнеописание игумена Филарета... С. 142.
6 РГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89.
Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 68.
7 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 146 об.
8 Там же, л. 113—173 об., 147, 147 об.
9 Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни... Ч. I. С. 33.
10 РГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89.
11 Там же, оп. 130, д. 1638, л. 469.
12 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 91.
13 РГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89; ф. 796, оп. 131, д. 2009, л. 600.
14 Там же, оп. 122, д. 825, л. 1.
15 Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 62.
16 РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об.
17 Там же, оп. 130, д. 1638, л. 459.
18 Там же.
19 РГИА, ф. 1629, оп. 1, д. 127, л. 42.
20 Там же, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д, л. 1.
Там же, оп. 445, д. 286, л. 78.
В 1843 г. в Глинскую пустынь перешли иеромонахи упраздненного Белоградского Николаевского монастыря Савватий и Филарет (Курские епархиальные ведомости. 1883. № 15. С. 834).
21 РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д, л. 1.
22 Там же.
23 Там же.
24 РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 2.
25 Аршин — дометрическая мера длины = 71,12 см (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 83).
26 РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д.
27 Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 2—2 об.
28 Там же, л. 3, 4.

[29] Там же, л. 206—206 об.
[30] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 85, 44.
[31] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 206 об.
[32] Жизнеописание игумена Филарета... С. 62.
[33] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 41.
[34] РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д, л. 1.
[35] Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 206 об., 43.
[36] Там же, л. 43 об.
[37] ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 174, л. 4.
[38] РГИА, ф. 834, оп. 3л, д. 2727, л. 206 об.
[39] Глинская пустынь. Ч. I. С. 11.
[40] Жизнеописание игумена Филарета... С. 132.
[41] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.
[42] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 76.
[43] Там же. С. 76—77.
[44] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 113.
[45] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.
[46] Там же, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 1 об.
[47] Там же, л. 1 об.
[48] Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 40—41.
[49] Там же.

Глинский устав был введен в Святогорской пустыни по повелению императора Николая I (Глинская пустынь. Ч. II. Курск. 1912. С. 49). О сохранении в Глинской пустыни установлений игумена Филарета свидетельствует, например, следующий случай. В 1846 г. Преосвященный Илиодор получил указ из Св. Синода "собрать вернейшие сведения о древних напевах в монастырях". Этот указ был вызван распоряжением императора Николая I "нигде в православных церквах не вводить духовно-музыкальных сочинений без предварительного их одобрения директором придворной певческой капеллы. Введенные же с давних времен духовные напевы оставить без изменения и всем им составить список". На это предписание о. Евстратий дал ответ: "Существующий у нас напев перенесен из Молченской Софрониевой пустыни настоятелем о. Филаретом...

Посему наша пустынь имела сношение с Софрониевой и получила ответ, что она препроводила от себя в Духовную Консисторию две нотные рукописные книги: Ирмологий и Догматик. Если они... будут признаны правильными, то могут быть приняты и в нашей обители. Прислать же от себя нотные рукописи за неимением двойных экземпляров, дабы не приостановилась церковная служба, Глинская пустынь не может" (Танков А. Из истории церковного пения // Курские епархиальные ведомости. 1901. № 13. С. 307).

[50] РГИА, ф. 796, оп. 125, д. 1762, л. 1.
[51] Там же, оп. 131, д. 2009, л. 600.
[52] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 91.
[53] Глинская пустынь. Ч. I. С. 25.

[54] Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 5.

[55] Там же.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 10.

[56] Чудотворная икона... С. 21—22.

[57] Жизнеописания... подвижников... Февраль. М., 1906. С. 262—287.

[58] Там же. Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 588.

[59] Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 157—163.

[60] Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 2. Июль-декабрь. М., 1912. С. 319—321.

[61] Там же. С. 266.

[62] Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 33.

[63] Монах Досифей Глинский // Жизнеописания... подвижников... Ноябрь. М., 1910. С. 82.

[64] Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. I—III. 2-я ред.

[65] Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Курск, 1893. Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни: (Память 21 февраля) // Жизнеописания... подвижников... Февраль. М., 1906. С. 262—287. Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 6. С. 1—8; № 8. С. 9—19; № 9. С. 17—24; № 11. С. 25—32; № 12. С. 33—40; № 16. С. 41—45.

[66] Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 10.

[67] Там же. С. 11.

[68] Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни // Жизнеописание... подвижников... Февраль. М., 1906. С. 266.

[69] Иеросхимонах Макарий Прозорливый // Русский инок. 1912. № 7. С. 43. Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 22—23.

[70] Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 20.

[71] Там же. С. 24.

[72] Там же.

Известный Глинский старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий), характеризуя о. Макария, так писал его духовным дочерям: "Крепитесь сестры. Подвижник Христов ваш [о. Макарий. — *А. И.*] своими молитвами будет в том помогать и верьте, что его молитвы пред Богом сильны" (РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 111 об).

[73] Глинский иеросхимонах Серафим Любомудрый: (Память 16 апреля) // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 588.

[74] Жизнеописание игумена Филарета... С. 88.

[75] Глинский иеросхимонах Серафим Любомудрый. С. 589.

[76] Там же. С. 588.

[77] Там же. С. 589.

[78] Там же.

[79] Там же.

[80] РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 2.

[81] Там же.

[82] Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 43.

[83] Архимандрит Аполлинарий // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 2. Июль-Декабрь. М., 1912. С. 266.

[84] РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 2.

Св. Синод 22 декабря 1852 года определил учредить близ г. Бузулука мужскую обитель и "установить в ней порядок, наиболее приближающийся к духу древнего пустынножительства по примеру существующих издавна общежительных пустыней Софрониевой и Глинской". (Обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764—1869) / Составил Н. Григорович, член и делопроизводитель Комиссии, Высочайше утвержденной при Св. Синоде для разбора дел, хранящихся в его архиве. СПб., 1869. С. 99).

[85] Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Чуркинской пустыни // Жизнеописания... подвижников... Июль. М., 1908. С. 387.

[86] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 107.

[87] Глинский подвижник иеродиакон Серапион // Жизнеописания... подвижников... Июнь. М., 1908. С. 328.

[88] Глинская пустынь. Ч. I. С. 47.

[89] Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. 1. М., 1900. С. 120.

Подробное жизнеописание иеродиакона Серапиона помещено: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. I. 2-я ред.

[90] РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 3 об.—4.

[91] Там же, л 2 об. Игумен Евстратий считал необходимым построить в Глинской пустыни каменный флигель для помещения больных и престарелых иноков. По его ходатайству в июне 1849 года было дано разрешение на постройку каменного больничного флигеля по Высочайше утвержденному проекту (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.). Однако обитель не имела тогда средств для осуществления этого строительства. После учреждения в Глинской пустыни больницы, с 1854 года по 1875 год, она помещалась в одноэтажном деревянном здании. (Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5—6).

[92] РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 8.

[93] Там же, оп. 130, д. 1158, л. 1.

[94] Там же, д. 1157, л. 1.

[95] Там же, оп. 133, д. 1700, л. 1—3.

[96] Курские епархиальные ведомости. 1892. № 34. С. 534.

[97] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 2—214 об.

[98] Там же, л. 9—11 об.

[99] Там же, л. 25—25 об.

[100] Там же, л. 11 об.—12 об.

[101] Там же.

[102] Там же, л. 19 об.

[103] Там же, л. 12 об.—13 об.

[104] Там же, л. 20.

[105] Там же, л. 35—36.

[106] Там же, л. 43.

[107] Там же, л. 63 об.

[108] Там же, л. 65.

[109] Самая большая серебряная дарохранительница (весом 7 фунтов 12 золотников) с двумя киотцами и 3 финифтями была пожертвована елецким гражданином Феодором Даниловым, поступившим в число братства Глинской пустыни в 1853 году (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 72).

[110] РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 68—80.

[111] Там же, л. 163, 165 об.

[112] Там же, л. 164 об. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 50.

[113] РГИА, ф. 834, оп. 3, д.2727, л.181—201 об.

[114] Там же. л.211 об.—214.

[115] Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 210.

[116] После вступления о. Евстратия в должность настоятеля Глинской пустыни некоторые из братии были им не совсем довольны. Они считали, что новый игумен слишком большее внимание уделяет внешнему благоустройству обители. (Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 32). Но неустанные труды о. Евстратия на благо обители, забота об устройстве как материальной, так и духовной жизни ее насельников, привлечение в монастырь старцев-подвижников ярко свидетельствуют о его искренней, горячей любви к обители и неусыпной заботе о ее внутреннем и внешнем процветании.

[117] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 113.

[118] Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 478.

[119] Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 49.

[120] Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 35—36.

[121] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 91.

[122] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 122—123.

[123] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 91.

[124] РГБ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 30, л. 3.

Из воспоминаний настоятеля Угрешского монастыря архимандрита Пимена известно, что незадолго до своей кончины игумен Евстратий ездил на родину и по дороге дважды заезжал в Угрешский монастырь (Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. М., 1876. Кн. 3. Отд. 2. С. 62).

[125] РГИА, ф. 834, оп. 3, л. 2727 (Главная опись церковного и ризничего имущества Глинской пустыни, подписанная по листам казначеем иеромонахом Авксентием). РГБ, ф. 203, к. 109. ед. хр.30, л. 3. Возможно, о. Авксентий подвизался в Глинской пустыни еще при игумене Филарете. В документах обители подпись иеродиакона Авксентия, подобную подписи казначея иеромонаха Авксентия, находим на прошении братии Глинской пустыни о возвращении во владение пустыни лесной дачи за 1824 г. (РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83).

[126] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 5.

[127] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 91.

[128] ГАКО, ф.20, оп. 3л, д. 109, л. 12 об.

[129] РГИА, ф.796, оп. 442, д. 3, л. 8.

[130] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 77.

[131] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 3, л. 8.

[132] Там же. В Ближнем скиту при о. Авксентии была лишь часовня, освящена же она была после устроения в ней престола в 1860 году, однако в епархиальном отчете за 1856 год часовня названа церковью.

[133] Там же, л. 9.

[134] Старец иеросхимонах Стефан Вятский // Жизнеописания... подвижников... Август. М., 1909. С. 271.

[135] Там же. С. 272.

[136] Жизнеописание игумена Филарета... С. III. Курские епархиальные ведомости. 1892. № 38. С. 2.

[137] Глинская Рожество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 58—59.

[138] Там же.

[139] ГАКО, ф. 20, оп 3л, д. 89, л. 43 об.

[140] РГБ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 93, л. 26 об.

[141] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 91.

[142] Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 27.

[143] О жизни о. Иоасафа, так же как и о его предшественнике, известно немного. По-видимому, он поступил в Глинскую пустынь еще при игумене Филарете. На прошении братии Глинской пустыни 1837 года о наделении обители землей стоит подпись иеродиакона Иоасафа. (РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об). Возможно, именно он и стал впоследствии настоятелем обители.

[144] Рапорт настоятеля Глинской пустыни с братиею архиепископу Курскому и Белгородскому, 1857 г. июля 31 дня // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 60—62.

[145] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 64—65.

[146] Там же, с. 67.

[147] Глинский старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) писал о благодетеле Глинской пустыни К. Д. Хрущове: "Это человек добрый и благодетельствует многим" (РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 102 об.).

[148] ГАКО, ф.20, оп. 2, д. 408, л. 4. Глинская Рожество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 44.

[149] Ближний мужской скит... // Православные монастыри Российской империи (мужские и женские). М., 1908. С. 352. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь в Путивльском уезде // Православные русские обители... СПб., 1909. С. 269.

[150] Чудотворная икона... Одесса, 1904. С. 34. Глинская пустынь. Ч. I. С. 38.

[151] Там же.

[152] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 30, л. 8 об.

[153] Там же, д. 7; д. 57, л. 8 об.

[154] РГБ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41, л. 28.

[155] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 30, л. 10; д. 57, л. 8

[156] Глинская пустынь. Ч. I. С. 38.

[157] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 47—48. Глинская пустынь. Ч. I. С. 13.

[158] РГИА, д. 796, оп. 442, д. 57, л. 6.

В Глинскую обитель, где сияли иноческими добродетелями старцы, присылались для исправления епитимийцы и лица, нуждавшиеся в нравственном назидании и увещании.

Так, в 1860—1861 годах в Глинской пустыни находились "для вразумления два рядовых Кавказской армии, присланные по указу Св. Синода от 30 марта 1860 года" (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 57, л. 8 об.).

[159] Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Архим. Анатолий // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 570.

[160] РГИА, ф.796, оп. 142, д. 1826, л. 21—21 об.

[161] Там же, д. 1804, л. 1.

[162] Там же, л. 2. Указ Преосвященному Курскому был послан 11 ноября 1861 года (Там же, л. 3 об.).

[163] Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906 С. 5.

[164] Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 10.

[165] Там же. С. 22—23.

[166] Там же. С. 23.

[167] Добротолюбие в русском переводе, дополненное. Т.2. Изд. 3-е М., 1913. С. 218.

[168] Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 32.

[169] См. подробные жизнеописания этих подвижников: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. 2-я ред.

[170] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 124.

[171] Там же.

[172] Жизнеописание игумена Филарета... С. 29.

[173] Глинская пустынь. Ч. I. С. 47.

[174] Глинский иеросхимонах Анатолий, благоговейный // Жизнеописания... подвижников... Ноябрь. М., 1910. С. 740—742.

[175] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... М., 1887. С. 234.

[176] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 85.

[177] Там же. С. 46.

[178] Там же. С. 46—47.

[179] Там же. С. 124—125.

[180] Там же. С. 136.

[181] Там же. С. 142.

[182] Там же. С. 154.

[183] Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания... подвижников... Июнь. М., 1908. С. 405.

[184] Больного старца перевезли в монастырь осенью 1874 года. (Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 225—226).

Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания... подвижников... Июнь. М., 1908. С. 407.

185 Спасо-Илиодоровский скит...

186 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 156—157.

187 Там же. С. 227.

188 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 202—203.

189 Там же. С. 235—236.

190 Феофан Затворник, еп. Собрание писем. Вып. IV. М., 1899. С. 211.

ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ С ОПТИНОЙ

ГЛАВА VI

В XIX и начале XX века Оптина и Глинская пустыни были наиболее известными на Руси центрами старческого окормления. Восприняв старческие заветы преп. Паисия Величковского от его верных преемников, Глинские и Оптинские старцы строго хранили и исполняли эти заветы, что и явилось основой их духовного единения[1].

Именно эти две обители были особо выделены Поместным Собором Русской Православной Церкви (6—8 июня) 1988 года при канонизации преп. Паисия Величковского. В определении Собора сказано, что русская школа старчества, возрожденная преп. Паисием, "на протяжении всего XIX века и позднее приносила свои благодатные плоды на ниве спасения чад церковных в Глинской, Оптиной и в других монастырях и пустынях Русской Церкви"[2]. В житии преп. Паисия подчеркивается, что известные пустыни — Глинская, Оптина и Софрониева — были продолжательницами духовного наследия старца Паисия и "определяли духовное возрождение русского народа в XIX веке"[3].

Однако до сих пор в трудах, посвященных Глинской и Оптиной пустыням, не было показано, в чем конкретно проявлялась духовная связь этих обителей. Протоиерей Сергий Четвериков и И. М. Концевич пишут лишь, что старческое делание, возрожденное преп. Паисием Величковским и его учениками, разделилось в России на три главных течения: северное, центральное и южное. Оптина относилась к центральному, а Глинская пустынь — к южному течению[4]. Но этого далеко не достаточно для раскрытия духовной связи этих обителей.

Прежде всего единение Глинских и Оптинских старцев раскрывается при сопоставлении их учений. Учение Глинских пастырей нашло глубокое отражение в эпистолярном наследии верного последователя и ученика игумена Филарета — схиархимандрита Илиодора (Голованицкого), который, в свою очередь, был руководителем многих Глинских старцев. Его наставления не только по смыслу, но иногда почти дословно совпадают с наставлениями великих Оптинских старцев: преподобного Амвросия (Гренкова), иеросхимонаха Макария (Иванова), схиархимандрита Моисея (Путилова) и схиигумена Антония (Путилова). (Для целостного восприятия основных разделов учения о. Илиодора аналогичные наставления Оптинских старцев далее приведены в сносках.)

Эпистолярное наследие старца Илиодора содержит в себе наставления по многим вопросам духовной жизни. Однако оно не представляет собой стройной системы, поскольку в своих поучениях

старец отвечал лишь на те вопросы, которые задавали ему лица, обращавшиеся за духовным советом. При этом он непременно старался направить внимание человека к устроению своего спасения и духовной жизни. В письмах о. Илиодора каждое слово направлено к одной цели — к спасению душ тех, кто обращался к нему.

УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ ПО ПИСЬМАМ СТАРЦА ИЛИОДОРА

Старец Илиодор, так же как и Оптинские старцы, считал главной целью бытия человека на земле спасение души. Все его наставления убедительно свидетельствуют об искренней преданности старца делу спасения человеческих душ. Поэтому христианин найдет в них ответы на многие вопросы, возникающие у него на пути к вечности. Именно спасения как самого необходимого желал старец всем. Его письма почти всегда начинаются призывом: "Спасайся!" или: "Спасайся о Господе!", а заканчиваются словами: "Желаю тебе душевного спасения", "Будь внимательна к своему спасению", "Желаю тебе спастись и быть победительницей над страстями". Ведь спасение души есть не что иное, как очищение ее от страстей, насаждение в ней добрых христианских чувствований, подготовление ее к тому, чтобы она сделалась храмом Духа Божия.

Указывая высшую цель стремлений человека, о. Илиодор призывал всех "шествовать неуклонно к цели Царствия Божия"[5].

Однако человек свободен, а поэтому он по собственному произволению может стать либо на сторону добра, либо на сторону зла. На слова своей духовной дочери "Труден путь нашего спасения, потому что имеем совершенную свободу исполнять то, что нам хочется", старец Илиодор отвечает: "А чем бы мы были тогда, когда не имели бы в своих делах никакой свободы? Не в том состоит труд, что мы пользуемся свободой, а в том, что нам не хочется приняться за дело свободы, т. е. нет у нас... самоосуждения и истинного смирения"[6].

Указывая на необходимость усилий со стороны человека в деле спасения, о. Илиодор основное внимание обращал на действие Божественной благодати. Так, в письме к духовной дочери он пишет: "Ты нудишься ко спасению... нужницы и получают оное... Молись же, чадо, Богу, чтоб Божественная Его благодать благопоспешила тебе окончить жизнь так, как начинаешь оную усердно"[7].

Спасение человека совершено Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом. В своих пасхальных поздравлениях о. Илиодор раскрывал смысл пришествия в мир Спасителя, Его страданий и воскресения и советовал в дни Светлой седмицы "заняться размышлением о великом подвиге Господа нашего Иисуса Христа, принесшего Себя в жертву Отцу Небесному за спасение наше"[8].

Главным в спасении человека о. Илиодор считает для всех и во всех обстоятельствах деятельное исполнение заповедей Божиих. Так, новоначальной монахине старец пишет, что, желая успеха в деле ее спасения, он молит Господа, да даст ей разум к исполнению Его святых заповедей[9].

Другой духовной дочери, спрашивавшей старца: "Как и чем любить Господа?", о. Илиодор писал: "Отвечаю Его Божественными словами. Он

сказал: "Любяй Мя заповеди Моя исполняет". Быть может, спросите: какие? Те самые, которые нам твердит едва ли не всякий день Святое Его Евангелие... "болен бых и посетисте Мене, в темнице бых, и приидосте ко Мне, и прочее и прочее"[10].

Из жизненного опыта схиархимандрит Илиодор знал, что многие, ищущие спасения, желали бы обрести его, но только безболезненным путем. Зная склонность людей всегда предпочитать легкое тяжелому, старец раскрывает в своих письмах ложное представление о безболезненном пути ко спасению: "Везде и во всяком деле есть труд, особенно трудно в делах нашего спасения"[11]. Для достижения вечного

успокоения, по мысли о. Илиодора, требуется усилие, чтобы шествовать по узкому и тернистому пути, поэтому в своих письмах он часто призывает духовных чад: "Трудитесь!"[12]

Старец Илиодор, так же как и Оптинские наставники, считал, что каждому христианину, который желает достигнуть нравственного совершенства, нужно пройти через многие искушения как внутренней борьбы, так и извне приходящих досаждений, обид, всевозможных неприятностей, одержать победу над борющими страстями. Он писал: "Жизнь наша полна неустройств. В ней много есть несообразностей, которые отвлекают нас от путей спасительных, а поэтому и быть не может, чтоб не случались с нами неприятности, служащие сильным орудием к очищению нашему от грехов"[13].

Спасение должно совершаться непременно деятельно, в среде людей, где человек, находясь в постоянном столкновении с обстоятельствами и разнообразными характерами людей, должен познавать не чужие, а свои недостатки, немощи и страсти, и через это познание смиряться. Относительно монашествующих о. Илиодор также

считает, что жизнь в монастыре с другими содействует воспитанию в себе духа внутреннего монашества, так как, будучи в соприкосновении с людьми, человек имеет больше случаев познавать свои немощи, чем живя в уединении, а познавая их, он смиряется перед людьми и Богом.

Отец Илиодор неоднократно подчеркивает, что жизнь в общежительном монастыре совместно с другими во многом содействует спасению. Так, одной монахине он пишет: "Со всеми сестрами живи общительно, дабы, убегая людей, не делаться тебе самонравною"[14].

Как на образец ревности, молитвенного подвига и безропотного перенесения искушений на пути к Царствию Небесному о. Илиодор указывает на святых: "Взгляни на жизнь святых и увидишь, что они несли свой крест, да притом такой крест, который мы не в силах понести"[15].

Известно, что кто каким путем идет ко спасению, таким же путем он руководит и других. Духовная жизнь старца Илиодора проходила по пути совершенного послушания богомудрым старцам, смирения и терпения всех находящих испытаний и скорбей. На этот путь он и направлял всех обращавшихся к нему.

Чтобы христианин, стремящийся ко спасению, мог встать и безбедно шествовать по правильному пути духовной жизни, ему необходимо вручить себя руководству опытного наставника. Многие святые отцы и подвижники говорили о важности духовного руководства в жизни инока и мирянина. Оптинские старцы также всегда и в письмах, и в беседах убеждали в необходимости покорять свою волю руководству более опытного в духовной жизни наставника[16]. Основное внимание обращал на это Глинский отец Илиодор. Вопрос о спасении он неизменно связывал с духовным руководством. Нет почти ни одного письма Глинского старца, где он не напоминал бы, что в деле достижения чистоты сердечной и безбедного шествия к Богу крайне необходим духовный вождь. Отец Илиодор убеждал, что "водительство... крайне необходимо"[17]. Оно требует со стороны руководителя мудрого, любвеобильного попечения о вверившейся ему душе и "неослабного смотрения за учеником", а со стороны последнего — "детской преданности старцу и совершенного ему откровения; без чего никакой не принесут пользы все самочинные подвиги"[18].

Особенно большое значение духовное руководство приобрело в среде монашествующих. Здесь оно выдвигается на первый план и в своей высшей мере называется старчеством.

Показывая, насколько важно старчество в деле спасения, Глинский старец писал одной инокине: "Знаю, что ты уже пользуешься наставлениями доброй своей м. Игумении и утешаюсь духом, что первоначальное здание своего спасения полагаешь на прочном основании, и надеюсь, что успеешь в своем подвиге, если будешь принимать все ее распоряжения с детской простотой и без всякого мудрования покоришься ее путеводительству во всем"[19].

В деле старческого руководства особое значение о. Илиодор придавал откровению помыслов ученика своему старцу. Откровением он называл исповедь у старцев, "когда мы чувствуем в себе прилив страстей и ищем от старцев опытных, а не каких-нибудь врачевания"[20]. При этом ученик должен раскрывать пред старцем всю свою душу, все помыслы,

желания и поступки, испрашивать его советов и благословения. "Передавать же помыслы свои старице ты должна не иначе как со всею откровенностью и монашескою простотою, излагая оные пред нею так, как они есть, а не по-прежнему, как ты делала, чтобы об одних помыслах ей говорить, а о других умалчивать; а нужно объявлять ей все, что ни представит враг уму. После чего и ожидай от нее решения, с терпением"[21].

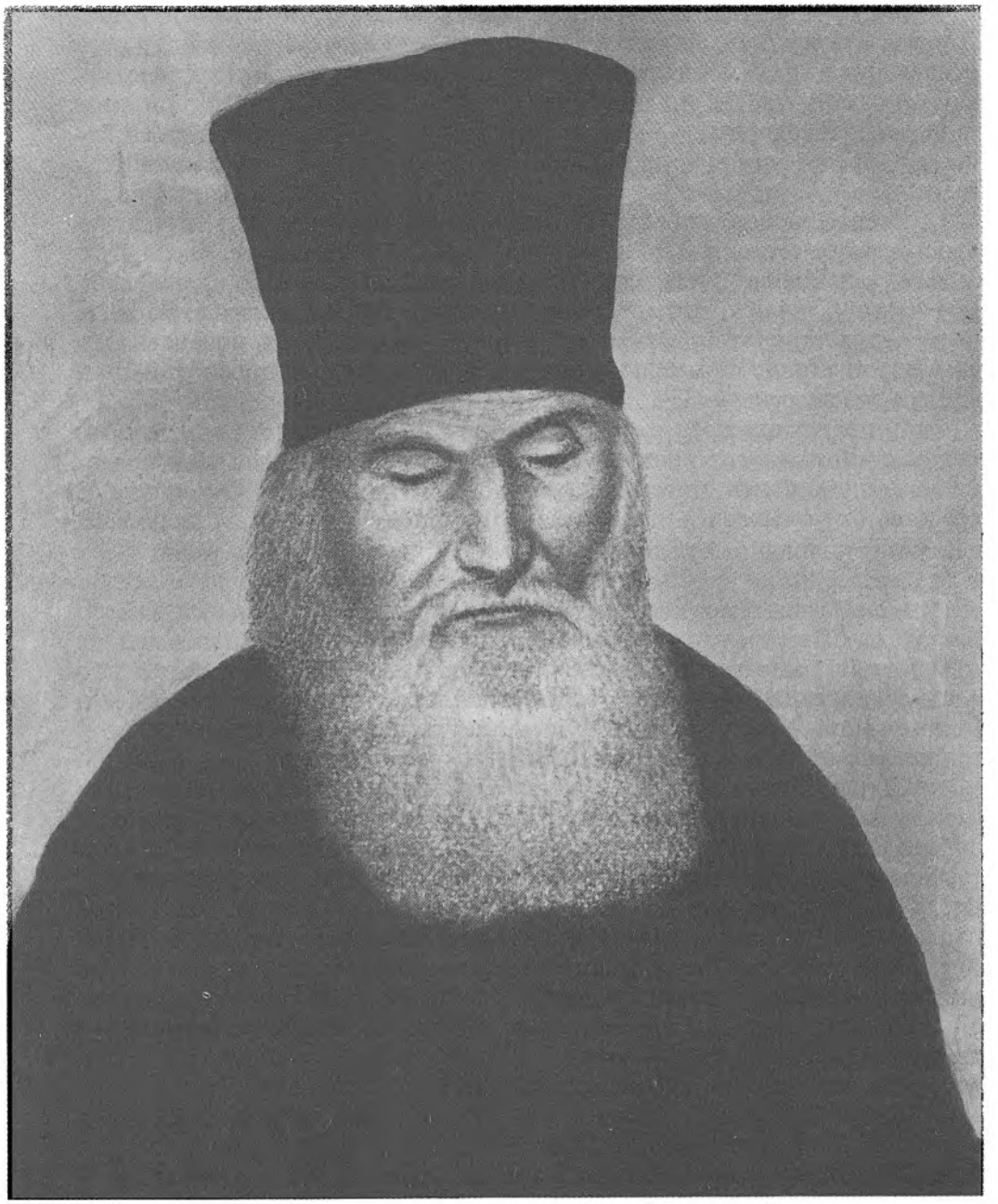
Отец Илиодор опытно знал, что без частого откровения помыслов очень трудно устроять свою духовную жизнь. Он увещевал: "Чадо! Будь внимательна к спасению своему и не выпускай из виду и самомалейшего, ибо часто случается, что ничтожное обстоятельство производит в душе великое расстройство. Открывай старице своей все свои действия и самые тончайшие помыслы, спрашивая ее о всем и проси у нее на каждую мысль решения"[22].

Исповедание пред старцем всех своих согрешений, помыслов и недоумений приносит иноку великую душевную пользу. Ни один подвиг не может умертвить страсти, как откровение их старцу. "Самое верное средство от помыслов — открывайся ему (старцу. — *А. И.*), и ты в своих действиях никогда не будешь раскаиваться"[23], — писал одной монахине о. Илиодор.

Показывая всю силу откровения помыслов Глинский старец наставлял: "Не скрывай ничего от старицы, что будет тебе приходить на мысль, ибо только этим можно отогнать от себя врага"[24]. "Для тебя весьма полезно, что ты открываешь свои помыслы старице и принимаешь от нее советы с верою. Этим ты отвергаешь советы врага и гонишь его от себя прочь"[25].

Старец Илиодор неоднократно подчеркивал, что откровение помыслов приносит спокойствие духа. Так, отвечая на слова духовной дочери о трудности монашеской жизни, он писал: "Это правда, что она трудна; но она бывает такой потому, что у нас нет должного внимания к ней. Но для более внимательных и в особенности для тех, кои живут под откровением, монашеская жизнь не только не трудна, но и легка. Авва Дорофей, проживши долгое время под старцем и не видев у себя никаких скорбей, спросил однажды старца, не ошибочно ли проходит он свою жизнь, чувствуя в оной одно только спокойствие духа? На это старец ему отвечал, что те всегда бывают спокойны, которые живут под откровением, т. е. живут не по своей воле"[26].

В другом письме, сожалея о тех, кто живет без окормления, старец замечает: "Всегда бывает так, что, если кто из нас скрывает в себе тайные свои действия, действия ума и сердца и не руководствуется советами других, тот не имеет в душе тех отрадных ощущений, коими при свете старческого откровения мог бы пользоваться. Если и сестра твоя... чувствует в себе душевный вред, но не хочет себя понудить открыть старцу тайных своих помыслов, то ни от чего больше и не скучает она, как только от того, что скрывает в себе заразу, ее беспокоившую. В таком случае ее следует убедить, чтобы она сознала пред старцем свое сомнение и рассказала ему все подробно, что ее тревожит; тогда только она может быть спокойною духом и не унывать"[27]. По мысли о. Илиодора, к духовному руководителю необходимо относиться с верой и все его указания выполнять как

Схиархимандрит
Илиодор
(Голованицкий).
РГИА, ф. 835, оп. 4,
д. 59,
л. 6

откровение всеблагой воли Божией. Он писал: "Выслушав же ее (старицы. — *А. И.*) определение, приими оное без всякого противоречия и с несомненною верою, как бы от Самого Бога, и делай без рассуждения все, что она тебе скажет. Такое твое к старице отношение будет и тебе самой душеполезно и Богу приятно; ей же ты не одолжишь столько ничем другим, как своим повиновением и покорностью. Итак, приими последний мой совет и поступай так, как я сказал. Уверяю тебя, что, исполняя это краткое наставление, из собственного опыта взятое, ты не будешь никогда раскаиваться в том, что оставила мир и приняла на рамена свои крест свой из любви к Тому, Которого любовь к нам грешным превышает всякое понятие"[28]. "Будь доверчива к распоряжениям старицы, будь всегда ей покорна, если хочешь без труда спастись, не пренебрегай никогда ее советами, но с верою и усердием принимай все ее слова"[29].

Большим искушением в иноческой жизни считал о. Илиодор недоверие к своему наставнику и показал, что такое недоверие может зародиться от неправильного отношения самого инока. Так, одной монахине он писал: "Ты говоришь, что хоть у тебя и есть старица, но не чувствуешь к ней расположения духа, ни искренней любви. От чего это с тобою происходит? Не от того ли, что ты держишься своей воли и скрываешь вредные помыслы, влагаемые от врага"[30].

Приводя известное изречение "Спасение есть во мнозе совете" (Притч. 11, 14), старец Илиодор объяснял: "Но это значит не то, чтоб можно было советоваться со всеми, а с одним лицом и обо всем"[31]. Отец Илиодор предостерегал: "Не слушайся ты тех, которые живут по своей воле, а слушайся одной своей старицы"[32].

До тех пор пока человек не найдет себе духовного руководителя, по мысли о. Илиодора, он должен согласовывать свою жизнь с евангельскими заповедями, в них искать ответ на свои духовные запросы, на них опираться при разрешении своих недоумений, внимать себе и не слишком ретиво браться за одни внешние подвиги[33].

О СМИРЕНИИ И ПОСЛУШАНИИ

Отец Илиодор, так же как и Оптинские старцы, учит, что в деле нравственного совершенствования главное внимание необходимо сосредоточивать на воспитании у себя смирения.

Смирение должно лежать в основании внутренних отношений человека к Богу, определять их существо и характер. Только осознав свою всецелую зависимость от Создателя, почувствовав недостоинство и греховность своей души, удаленность от первозданной чистоты и богоподобия, человек может приступать к Богу и обращаться к Нему за помощью, ибо без смирения невозможно приближение к Богу. Всякий грешник, обращающийся от беззаконной жизни, должен приходить к Небесному Отцу со смиренным сердцем и сокрушенной душой. Только такая настроенность привлекает благоволение и милость Божию, помогает человеку положить начало новой богоугодной жизни, стать на путь духовного обновления и спасения. Сознание собственного недостоинства должно быть присуще человеку во время всей его земной

жизни. Следовательно, смирение является своего рода фундаментом, на котором созидается вся духовная жизнь последователя Христова.

На основании личного опыта и учения святых отцов о. Илиодор убеждал, что христианское совершенство состоит в глубине смирения.

Смирение — основное религиозное чувство, без которого нельзя познать истины, ибо смирение — это способность видеть истину. Смирение открывает нам глаза, и мы можем видеть даже и малые наши погрешности. Как через самолюбие и гордость мы отпадаем от Бога и тьмою помрачаемся, так и смирением приближаемся к Богу и просвещаемся. Своей духовной дочери старец писал: "У тебя нет самого главного — смиренномудрия"[34].

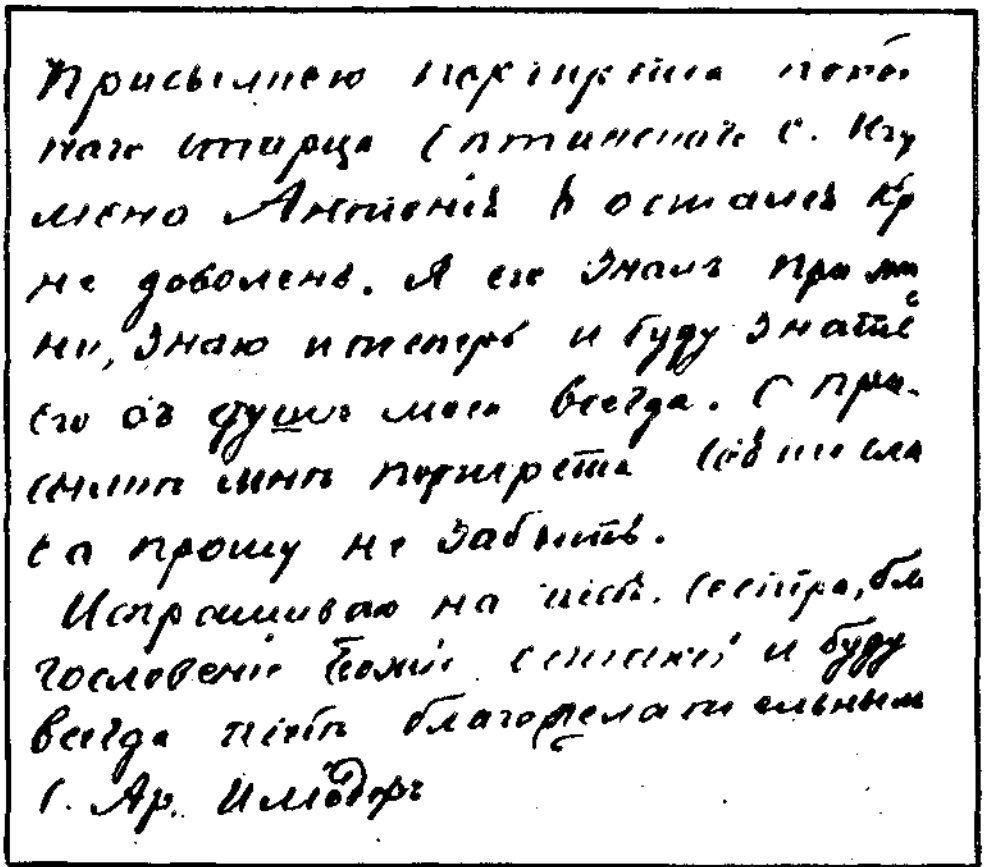
Смирение — начало всех добродетелей, и без него не может быть достигнута никакая добродетель. Поэтому старец Илиодор указывал своей духовной дочери, что "если она хочет быть монахинею, то пусть твердою ногою станет на пути истинного смирения, без которого все усилия к внимательной жизни останутся тщетными"[35]. Смирение и отвержение своей воли старец Илиодор называл основанием монашеской жизни[36]. Для приобретения смирения необходимо сознание своих недостатков и самоукорение[37]. По учению Оптинских[38] и Глинских старцев, ничто так не содействует смирению, как послушание и самоотвержение. На вопрос: "Что значит самоотвержение?" о. Илиодор отвечал: "Не иметь ни в чем своей воли и не привязывать ума своего к тому, к чему безрассудно увлекаются страстные наши желания"[39].

Опытно познав, что смирение является самым действенным оружием в борьбе с духами злобы, старец Илиодор всем обращавшимся к нему советовал для достижения смирения отречься от своей воли и своего разума. Часто он говорил: "Отцы святые советуют для охранения себя от самомнения проходящему путь подвижничества... покорять свою волю другому искусному, чтобы на себя не надеяться, а на молитвы другого и, смиряя себя, иметь сильное оружие против гордого врага... Одно то, что ты не будешь на себя надеяться, а на молитвы другого, будет защитою от врага, так как в этом есть смирение"[40]. Отец Илиодор считал отсечение своей воли и покорение ее духовному руководителю "путем удобнейшим, чем пути другие"[41], "который прямо ведет к блаженной жизни"[42], и всех призывал "идти сим путем и не останавливаться"[43].

Отсечение своей воли особенно необходимо монашествующим. Поэтому схиархимандрит Илиодор так много заботился об искоренении своеволия и самолюбия в своих духовных чадах. Он писал, что всякий монах, если хочет быть истинным монахом, должен отсекать свою волю и иметь смиренномудрие. "Это для всякого так необходимо, что не имея у себя того и другого, никто не может сказать о себе — я монах"[44]. Новоначальной, поступившей в обитель, о. Илиодор объяснял: "Теперь предстоит тебе новый подвиг —учиться так жить, чтобы взявши на рамена свои спасительный крест монашеского терпения, нести оный мужественно и следовать за Христом... Подвиг же, о котором сказано выше, заключается в отсечении своей воли и покорении оной другому. Последнее для нас столь же важно, как и первое, ибо отвергая свою волю, мы с тем вместе отвергаем и пагубные советы врага, а покоряя

оную другому, мы покоряемся Самому Богу"[45]. Старец учит: "Отсечение своей воли есть первая обязанность находящихся в заведовании у старцев"[46]. Он убеждает, что "новоначальный ничем так не совершенствуется в духовной жизни, как покорностью и отсечением своей воли"[47].

Монахине, спрашивавшей "Что есть своя воля?", о. Илиодор отвечал: "Исполнение временных желаний, не соответствующих воле Божией, и увлечение сердца к тем предметам, в коих грешит душа"[48], и добавлял: "Живя по своей воле, не успеешь ни в чем"[49].

Желающих направлять свою волю по внушению собственных мыслей о. Илиодор предостерегал от опасности: "Чадо! будь осторожна в своей жизни и не доверяй своему рассуждению, оно бесполезно"[50]. В другом письме он писал: "Не составляешь ли своего мудрования. Этого ты берегись, иначе потеряешь навсегда и время, и подвиги, и надежду, и награду за труды"[51].

Автограф старца
схиархимандрита Илиодора
(Голованицкого). 1873 г.
РГБ, ф. 213, к. 103,
ед. хр. 93,
л. 15 об.

По учению старцев всякий подвиг должен совершаться с рассуждением, соразмерно со своими как духовными, так и телесными силами, и с благословением отца духовного. Но кто живет по своему разуму и произволу, такой человек, хотя бы нес большие подвиги, однако не может преуспеть в духовной жизни, потому что все сделанное по своей воле не всегда бывает угодно Богу по причине тщеславия и превозношения[52]. Отец Илиодор неоднократно писал об этом своим чадам, предостерегал их, казалось бы, и добрые дела начинать без благословения. "Из письма твоего видно, что у тебя есть великое желание размышлять о смерти, об участи грешных и о страшном суде Божием. По-видимому, желание у тебя и благое, но дело опасное, если ты будешь углубляться мыслию в эти страшные явления по самочинию. Поэтому и советую тебе не вдаваться ни в какие размышления без благословения старицы, чтоб... не отчаяться. Равно и о способе молитвы ты должна спрашивать и учиться у нее же, ибо и молитва поставляется в грех, если она не будет соответствовать духу смиренномудрия"[53]. Умудренный старческим опытом, о. Илиодор объяснял, что правильный образ мыслей рождается при искреннем смирении.

На основании учения св. отцов о. Илиодор, так же как и Оптинские старцы, считает, что послушание должно лежать в основе всех добродетелей, к усвоению которых стремятся все ищущие спасения, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку по его сотворении.

Он писал одной монахине: "Я радуюсь, что ты теперь живешь с м. М. и покоряешься ей как своей старице, ибо для тебя это более всего полезно"[54]. Об этой же духовной дочери он отзывался так: "Предавшись... в полное распоряжение своей старицы и ни в чем не выходя из ее повиновения, она взяла на себя теперь только спасительный крест терпения и коснулась подвига монастырской жизни с тем смиренномудрием, без которого никто не должен и не может надеяться на получение награды и в сей, и в будущей жизни от Подвигоположника Иисуса"[55]. По мысли старца Илиодора, "монашеская жизнь не того требует, чтоб рассуждать и мудрствовать, но слушаться и повиноваться"[56]. С отеческой любовью старец Илиодор призывает всех к великой добродетели послушания и сожалеет о тех, которые живут по своей воле, не повинуясь своим наставникам. Новоначальной инокине он писал: "Ты так недальновидна, что не замечаешь, а м. Игумения поступает с тобой благоразумно...

Она назначила тебе посетить больную... чтоб ты приучила себя к самоотвержению, а ты не пошла. В другое время она поручила написать два письма для того, чтоб ознакомить тебя с послушанием, польза которого очевидна; а ты что сделала? Пошла самочинно в церковь. Неужели тебе кажется, что такая молитва приятна Богу; уверяю тебя, что весь подвиг твоей молитвы не стоит ни одного слова, которое б ты с благословения духовной своей матери писала. Быть может, ты считаешь, что такие поручения ее в деле твоего спасения маловажны? Напрасно... В нашей монашеской жизни нет ничего маловажного, потому что все, что мы не делаем с благословения, имеет свое значение и служит указателем в жизнь вечную"[57].

На вопрос: "Что может ускорить ход к приобретению душевного спасения: труды ли, пост, молитва или уединение?" старец Илиодор отвечал: "Телесные труды для тебя необходимы всегда, в особенности когда заметишь, что тело твое начнет восставать на дух и над оным брать поверхность. Пост считать должно в том же смысле; но он не для всех одинаково нужен, ибо старые и больные не могут содержать онаго. А для тебя пост не только не полезен, но и опасен, потому что ты живешь по своей воле, а не по распоряжению своей старицы, а равно опасна и сама молитва, совершаемая тобою самочинно, хоть и необходимо нужна. Всего лучше для тебя, если ты будешь иметь беспрекословное послушание м. Игумении и станешь пред всеми смиряться. Только этот подвиг для тебя не опасен, ибо первое полезно для тела, а последнее для тела и души. О безмолвии же и не думай. Оно выше твоих сил"[58]. "Полезнее смиряться и терпеть, чем поститься и быть затворницей"[59].

Отец Илиодор учит, что душевное спокойствие достигается только послушанием и смирением[60]. Он пишет своей духовной дочери: "Покорись старице, и ты увидишь, как легко нести крест, взятый тобою из любви к Сладчайшему Иисусу"[61].

Если человек не имеет послушания и смирения, то он не должен оправдывать себя тем, что не может приобрести эти добродетели из-за определенной обстановки и окружающих его людей. Так, послушнице, которую возмущали мысли о переходе в другой монастырь, о. Илиодор писал: "Поверь мне, сестра, что куда бы ты ни пошла, везде нужно самоотвержение; так не лучше ли привыкать к оному здесь, чем в другом месте"[62]. Без духовной борьбы над самим собой христианин не может прийти в смиренное устроение духа.

Труд христианина в этой борьбе должен иметь неразрывную связь с его общим религиозно-нравственным развитием, направленным на достижение христианского совершенства, поэтому, по мысли о. Илиодора, посвятивший жизнь свою служению Богу, помимо приобретения добродетелей смирения и послушания, должен научать себя страху Божию и покаянию.

О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Старец Илиодор, как опытный врач, с осторожностью подходил к каждой душе и прежде всего старался напомнить о вечном назначении человека — достижении Царствия Небесного[63].

Он советовал помышлять о Страшном суде Божием, о том, каков будет приговор о нас Праведного Судии. Страх Божий, по мысли о. Илиодора, может удерживать душу от многих греховных поползновений. Проникнув в сердце человеческое, страх Божий пробуждает его от сна греховного, наставляет на путь нравственного совершенствования, вселяет в него стремление жить по заповедям Господним, дабы избежать вечных мук и приобрести спасение. Исходя из этого, монахине, спрашивавшей, как помочь сестре, уклонившейся от спасительного пути, о. Илиодор отвечает: "Напоминай... ей о Страшном суде Божием, о воздаянии праведным и наказании за грехи тех, кои не хранят заповедей Божиих и не слушают Слова Божия, указывающего истинный путь"[64].

Общий путь усвоения человеком дара страха Божия и развития его в спасительную добродетель должен состоять в том, чтобы человек постоянно осознавал свою греховность перед Богом и стремился бы к исполнению Его святой воли. Причем на низшей ступени развития добродетель страха Божия основывается на осознании неотвратимости праведного суда Божия, на чувстве страха, боязни будущих вечных страданий за грехи. Далее рабский страх человека перед Богом и его праведным Судом постепенно преобразуется в возвышенное чувство благоговения пред Ним, в чувство искреннего и сердечного беспрекословного влечения к Богу. В такой душе уже не боязнь наказаний заставляет человека уклоняться от греха, но желание быть в единении с Богом. Так человек переходит на высшую ступень добродетели страха Божия — сыновнего страха. Но и на этой ступени христианин не должен останавливаться. Сыновний страх Божий по мере духовного преуспеяния должен перерасти в любовь к Богу и ближнему, ибо только "страх Господень дар от Господа, и на стезях любления поставляет" (Сир. 1, 13). Таким образом, духовное совершенствование человека и утверждение его в добродетели страха Божия составляют единый и неразрывный процесс. Каждый христианин может тогда только удержаться на высоте нравственного совершенства, когда он будет постоянно иметь в себе страх Божий, без которого теряет свою духовность, отходит от своего Творца, становится плотяным. Так, старец Илиодор, объясняя одной инокине причину ее охлаждения к монашеской жизни, пишет, что она "не согрела духа своего в любовь Божию и не стяжала смертной памяти, о которой сказано: "Помни последняя твоя и во веки не согрешишь"[65].

Благотворно и спасительно действие памяти смертной на душу человека. Она укрощает гнев, отгоняет нечистые помыслы, удерживает язык от сквернословия, клеветы и осуждения. Эта добродетель отводит от суеты мира сего и подвигает к усердной молитве, слезам и покаянию, обращает душевные очи к будущей жизни.

Когда старца Илиодора спрашивали: "Чем очищать душу от вредных помыслов?" он отвечал: "Чем же больше, если не памятью о смерти"[66].

Христианин — это воин, сражающийся, по апостолу Павлу, с "духами злобы поднебесной", поэтому он должен постоянно возгревать в себе страх пред Богом, бодрствовать над самим собой и хранить свои чувства от всего того, что наносит вред его бессмертной душе и лишает ее вечного общения с Богом. Схиархимандрит Илиодор многократно призывает своих духовных чад быть внимательными к своим душам[67]. Так, духовной дочери, страшившейся искушений вражеских, он пишет: "Не бойся! Будь только внимательна к своему спасению, и ты не будешь оставлена Отцом Небесным, у Которого много благ для всех"[68], другой он желает: "Дай Бог, чтоб она была внимательною"[69]. Именно память смерти понуждает христианина быть внимательным к делу своего спасения и достойно готовиться к встрече с Праведным Судьей, от Которого зависит вечная участь человека. Память смерти неизменно возбуждает в душе христианина мысли о праведном мздовоздаянии на Страшном суде. Для избежания страшных мук в вечности о. Илиодор советовал всем очищать свое сердце покаянием.

Настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей (Путилов) (1783—1862), посещавший Глинскую пустынь

О ПОКАЯНИИ

Схиархимандрит Илиодор, в основу своей жизни положивший покаяние, поучал своих пасомых стремиться к этой основной добродетели. Покаяние и старание исполнить заповеди Божии — вот верный и вернейший путь к милосердному Господу для каждого. Пока христианин жив, он постоянно должен пользоваться врачевством покаяния и никогда не отчаиваться в грехопадениях. Через покаяние христианин возрастает духовно и удостаивается великих милостей Божиих. В одном из своих писем, раскрывая значение покаяния, о. Илиодор пишет: "Глубокое раскаяние в прошедшем приносит великую пользу"[70].

Своим духовным детям о. Илиодор стремился привить жажду покаяния, посредством которого душа восстанавливает общение с Богом. Господь наш Иисус Христос Своими страданиями искупил грехи всего мира. Он воплотился и сходил на землю именно для того, чтобы открыть людям путь ко спасению через покаяние. Поэтому с покаяния и смирения должен начинать тот, кто хочет возобновить союз с Богом.

В одном из своих писем старец Илиодор писал: "Принесем во славу Пресвятого Имени Христа Спасителя нашего, воскресшего ныне из мертвых и нас совоскрешившего с Собою в жизнь вечную, свои сердца, *омытые слезами покаяния*, как дар нашего к Нему сердечного благоволения за эту великую жертву, которую Он принес за нас Небесному Отцу Своему... ибо такие чувствования души нашей будут Ему приятнее всякого кадила и семидала[71], приносимого Ему в жертву; но без чистого сердца и *сокрушения духа*"[72].

Неотъемлемой частью покаяния старец считал искреннюю и чистосердечную исповедь. Он писал, что "кающийся приносит исповедь Богу пред духовником и получает от него через молитвы разрешение"[73]. Исповедь "имеет ту силу, что противник души нашей терпит поражение"[74].

По мысли о. Илиодора, христианин должен постоянно всю свою жизнь каяться в своих грехах, каяться — в смысле сокрушаться. "Что же касается общих повседневных недостатков, — писал о. Илиодор, — то оные врачуются (покаянием) на месте, не отлагая на долгое время"[75], ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека. Без покаяния не может человек черпать силы из благодатного источника, поддерживающего в христианине духовную жизнь. Когда человек помрачится умом и начинает проводить свою жизнь в лености и беспечности, тогда попущением Божиим, но промыслительно он подвергается скорбям как внутренним, так и внешним, которые напоминают ему о покаянии и о необходимости ревновать о своем спасении.

О ТЕРПЕНИИ В СКОРБЯХ

Скорби и искушения неизбежны в жизни каждого человека. Нужда, болезни, смерть близких, неудачи по службе, незаслуженные обиды, бедствия и различные житейские невзгоды делают жизнь человека на земле преисполненной скорбей, плача и лишений. Тем

более неизбежны скорби в жизни христианина. В Священном Писании содержатся ясные указания о необходимости скорбей для ищущих спасения. В прощальной беседе Христос сказал Своим ученикам: "В мире скорбни будете" (Ин. 16, 33) и в "Деяниях святых апостолов" сказано: "Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие" (Деян. 14, 22). Все искушения и скорби в жизни христианина не бывают случайными, но происходят по воле или попущению Божию. Они попускаются для нашей духовной пользы, чтобы сохранить душу для жизни вечной. Скорби есть действенное средство к очищению сердца христианина от грехов. Они ослабляют действие страстей, напоминают о непостоянстве земного благополучия, возводят ум человека к небесным обителям и подвигают нас на молитву. Оживотворяя и возвышая душу, скорби укрепляют нас в добродетелях. В горниле скорбей в душе человека рождается та добродетель, которую трудно приобрести в жизни спокойной, чуждой страданий. Скорбь рождает терпение. В свете евангельского учения поучали своих духовных чад Оптинские и Глинские старцы. Так, схиархимандрит Илиодор пишет одной монахине: "Скорби допускаются Самим Богом или для того, чтоб испытать твое терпение, верна ли ты своему призванию, или же для того, чтоб очистить тебя от грехов. Скорби доставляют душе нашей много добра, если станем переносить оныя с великодушием и принимать все скорбное, как дар, ниспосылаемый от Господа с благодарностью.

Они нам полезны и для того еще, чтоб мы не возносились мнимыми своими подвигами, которые по своей ничтожности не заслуживают и внимания, а между тем, нам так и хочется сказать что-нибудь о себе и, вознесшись, не пали бы падением лютым; от сего да сохранит нас Господь. Не унывай, сестра, если тебя скорби преследуют... ибо через оные ты сделаешься опытнее в своей жизни"[76].

Все скорби, посещающие христианина, есть не что иное, как крестоношение, о чем старец Илиодор пишет: "Крест означает огорчения, досады, напасти, укорения и другие скорби, находящие извне, которые следует каждому из нас переносить с благодушием и от всей души благодарить Всеблагого Бога, что Он посылает нам оное по Своему благоусмотрению и чрез то по неизреченной к нам Своей любви делает нас участниками Своих страданий"[77].

Старец Илиодор наставляет своих духовных чад видеть в скорбях Промысл Божий и побуждает их переносить с терпением всякие встречающиеся скорби.

Все скорбные обстоятельства, по учению Глинских и Оптинских старцев, устраиваются нашему спасению: "Все то, что ни посылает тебе Господь, — объясняет о. Илиодор духовной дочери, живущей в миру, — служит на пользу твою. Предайся во всем воле Его Святой и мужественно переноси огорчения, находящие извне... Нужно же чем-нибудь загладить свои греховности пред Богом, Который ищет твоего спасения. Это доказывается тем, что тебе ниспослан от Него Крест. Неси оный без ропота, и ты сама увидишь, до какой степени он легок. Крест для всякого из нас неизбежен.

Сам Господь сказал св. Петру: "Возьми Крест свой и последуй Ми". И если это было сказано одному из первых Апостолов, то кольми паче сказанное приличествует нам"[78].

О болезнях о. Илиодор пишет так: "Мужественное перенесение болезни и преданность себя воле Божией более очищает душу от грехов, чем скудные наши подвиги"[79]. Находящимся в болезнях Глинский старец советовал не скорбеть об этом, но пребывать в благодушии, поясняя, что хотя болезнь и причиняет страдания, но без нее нельзя стяжать спасения. Побуждая к безропотному перенесению болезни, старец говорит: "Терпи, благодари Бога и не ропщи на Него за то, что Ему угодно было послать тебе болезнь, и спасешься"[80]. Монахине, страдавшей тяжелой болезнью, о. Илиодор пишет: "Желаю тебе... благодати к мужественному несению Креста, посланного тебе от Бога на спасение души твоей"[81].

Старец стремился объяснить, что за свою греховную жизнь мы достойны и большего наказания, но милосердный Господь подвергает нас только некоторому испытанию, ожидая от нас обращения и покаяния. Он писал: "На долю нашу, в продолжении дня, приходится только небольшая частица из благих дел и то не совсем чистая, а все почти одни грехи, для очищения коих много нужно и трудов, а у нас весьма мало заботы, чтоб омыть покаянием, как должно, оные; а если и каемся, то уж как каемся? Такое плачевное состояние трогает Отца Небесного, Который, чтобы спасти нас, посылает нам, по всеблагой Своей воле, в наказание, как очистительные средства, разные бедствия, из коих болезни едва ли не самые легчайшие испытания Его. Оными-то Благоутробный Отец наш, по своей благости, и посещает нас, дабы очистить нас от грехов и соделать нас участниками небесных Своих благ... [Человек. — *А. И.*], уверенный же в том, что он наказывается за грехи, радуется, что Господу угодно было посетить его и благодарит Господа за то, что Он дает ему время и средства покаяться"[82].

Схиархимандриту Илиодору часто приходилось слышать жалобы, что очень трудно без ропота нести крест скорбей. Таких старец утешал, говоря, что за терпеливое перенесение скорбей обещана награда в будущем. Так, он пишет: "Я знаю, что для тебя этот Крест тяжек, но что бывает без трудов?.. Зато и награда от Бога за этот труд велика"[83].

Для возбуждения в ищущих спасения добродетели терпения о. Илиодор указывает: "Мы удивляемся мужественному терпению св. мучеников, страдавших из любви ко Христу; но сами оного не имеем. Отчего же это происходит? Не оттого ли, что мы к несению креста своего еще не привыкли? Возьмем же оный на рамена свои с усердием и верою и будем нести оный с терпением, тогда только победа наша довершится над врагом"[84].

Старец Илиодор учит, что во время скорбей ни в чем не должно искать утешения, кроме Бога. Ведь Слово Божие призывает всех христиан быть мудрыми и терпеливыми в скорбях. Мудрость состоит в том, чтобы в самых скорбных обстоятельствах всегда сохранять веру во всеблагий Промысл Божий, который распространяется на всех людей и

Оптинский старец игумен
Антоний (Путилов)
(1795—1865),
посещавший
Глинского игумена
Филарета

не попустит никому искуситься более, чем тот может понести. Отец Илиодор убеждает: "Ты знаешь, сестра, что без воли Божией ничего с нами не бывает, и что Промысл Всевышнего о спасении нашем всегда бывает для нас благодетельным; если не знаешь, то знай это, должно тебе и покоряться во всем воле Его Святой. Но отчего так, что мы и знаем, а при одной мысли — утратить из виду какую-либо вещь, приходим в скорбное положение? Оттого, что мы и верим в Промысл о себе Божий, но не так верим, как должно. Сестра, положись на волю Божию твердо, и ты никогда не станешь страшиться никакой перемены"[85].

Схиархимандрит Илиодор, умудренный старческим опытом и житием подвижническим, писал о том, что во всех трудных обстоятельствах человек всегда должен, отложив свои мудрования и предположения, все свое упование возложить на всеблагий Промысл Божий. Он наставляет: "Упование на Святой Его Промысл принесет тебе немалую пользу и доставит возможность разрушить совет врага, представляемый во вред твоей душе. Этим ты порадуешь меня и сделаешь угодное Богу"[86].

Всецело предавший себя Господу терпеливо переносит все, случающееся с ним как посылаемое спасительным Промыслом Божиим. Истинному христианину во всех случаях жизни необходимо предавать себя воле Божией; во время же болезни эта преданность особенно нужна. "Чадо! — пишет старец Илиодор, — предай себя вполне всеблагой воле милосердного Бога и веруй, что Он тебя не оставит"[87]. В другом письме Глинский подвижник поучает: "Молись так, чтоб все желания твои и чувства согласовывались с волей Божией; и во всяком случае старайся, чтоб была в тебе воля Божия"[88].

Другим источником утешения, дающим терпение в скорбях, по учению Глинских и Оптинских старцев, служит молитва.

О МОЛИТВЕ

Труден и тернист путь человека на земле. На этом тернистом пути лучшей отрадой является молитва. Соединяя человека с горним миром, она убеждает его в непреложной отческой любви к нему Небесного Отца, а также услаждает сердце верой в попечительный Промысл Божий. В молитве христианин раскрывает всю свою душу перед Богом: благодарит Его за все, что Он дает ему, прославляет Его благословенное имя и воздыхает к Нему, прося Его помощи в своих нуждах и печалях. "Ничего нет отраднее для души, — пишет старец Илиодор, — обуреваемой страстями, как изливать благодарные свои чувства перед Творцом всяческих... И та душа только чувствует в себе оную [отраду], которая из пламенной любви Богу, усердно молится Ему"[89]. Молитва имеет великую силу. Она, как свет, просвещает все духовные силы молящегося: ум озаряет истиной благоведения, сердце наполняет святыми желаниями и стремлениями, волю утверждает на пути истинного богоугождения.

Подвиг земной жизни, подвиг духовной борьбы со страстями, с самим собой, учит старец Илиодор, невозможно проходить без молитвы. Он пишет, что молитва "для души необходима"[90]. Она является сильным

оружием в борьбе христианина с духами злобы. Молитва, произносимая со смирением сердца, дает человеку распознать все искушения, наносимые диаволом, и помогает молящемуся одержать победу над этими искушениями. В одном из писем о. Илиодор объясняет, что молитва "приводит ум в состояние противиться страстям и отгоняет от нее [души] врагов"[91]. По мысли о. Илиодора, христианин всегда и везде должен быть готов отразить молитвой всякий вражий прилог. Он наставляет: "Прогони врага... усердной молитвой"[92].

Поскольку молитва — это сильнейшее оружие против невидимого врага, то никакая другая добродетель так не тревожит его, как молитва к Богу. Невидимый враг, заметив усердную молитву человека, всякими способами старается отвлечь его от молитвы. Так, одной монахине старец Илиодор объясняет: "Оставлять без нужды молитву и предаваться бездействию для того только, чтоб хранить в себе душевный мир, есть хитрость лукавого, которому хочется, чтоб без молитвенного правила ты впала в уныние и через то утратила бы надежду на спасение. Я не думаю, чтоб без молитвенного подвига можно было достигнуть мира, ибо мир есть дар Божий и дается тому, кто его у Бога просит"[93]. Кто в молитве прибегает к всесильной помощи Божией, тот всегда сможет выйти победителем в борьбе с гордыми и лукавыми врагами. Поэтому старец Илиодор призывает "молиться о помощи на брань со врагом и о спасении души своей Тому, без Которого мы не можем творить ничесоже"[94].

О силе Иисусовой молитвы старец писал новопостриженной монахине: "Облекшись в ризу крепости духа и в броню всеоружия Христова на победу врага, ты вместе с тем получила от Бога и силу — противиться ему всегдашним призыванием имени Иисуса в сердце своем"[95].Схиархимандрит Илиодор учит, что молитва должна быть постоянно на устах и в уме христианина. "Совершать правило молитвенное необходимо должно во всякое время, ибо сказано "беспрестанно молитеся"[96].

Всякий истинный христианин не только в земной жизни не разлучается с Богом, но и не прекратит этого общения с Ним в бесконечных веках. И нет большего утешения для христианина, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. Однако, по мысли о. Илиодора, молитва, как и всякий подвиг, должна совершаться по благословению духовного отца. "Келейное правило, назначенное от духовника, или старца, считается выше, чем налагаемое по своей воле, ибо первое ограждено благословением и молитвою того, кто оное определяет, а последнее ничем"[97]. Желая оградить своих духовных чад от всевозможных помыслов и искушений, о. Илиодор советует приобрести смирение, которое может оградить душу от всех ухищрений диавольских. Он указывает: "Молитва поставится в грех, если она не будет соответствовать духу смиренномудрия"[98].

Велико значение молитвы в деле христианского совершенствования. На какой бы ступени своего духовного развития ни находился христианин, молитва всегда должна быть верным спутником на его жизненном пути. Она способствует одухотворению жизни христианина, просвещению его ума, очищению сердца, поддерживает и укрепляет силы души в подвиге доброделания.

В письмах о. Илиодора относительно прохождения молитвенного подвига имеются ценные указания, согласные с учением отцов церкви, предупреждающие всякого вступившего на путь внимательной молитвы о кознях врага рода человеческого, который будет стремиться не допускать человека к приобретению внимательной молитвы.

О ПРЕЛЕСТИ

Схиархимандрит Илиодор по своему пастырскому долгу, зная хитрость диавола, который часто "преобразуется в Ангела светла" для того, чтобы прельстить подвизающихся на пути ко спасению, предостерегает своих духовных чад быть осторожными и не обольщать свое сердце мнимой святостью. Он внушал всем не доверяться всякого рода видениям. "Пока не очищено сердце от страстей, не следует доверять никаким слезам и мечтаниям, или видениям. Это предостережение действительно. Не выпускайте его из виду, ибо оно основано на показаниях св. отцов и может служить для вас в случае недоразумений благонадежнейшим средством к истреблению в душе самомнения, тщеславия и гордости"[99].

Очень часто враг прельщает человека через видения во сне. Поэтому Глинский старец всем, кто обращается к нему с вопросами о сновидениях, советовал не иметь веры к ним. Он писал своей духовной дочери: "Ты веришь безотчетно снам и рассказываешь их другим, как будто особенное свыше откровение. Но и это тоже вражеский обман и вытекает из одного и того же источника, из какого и помыслы; разница только в том, что помыслы бывают у нас от увлечения ума и рассеянности, а сон — от впечатления и мечты. Во всяком же случае, то и другое не что иное есть, как только хитрость, которую враг употребляет для того, дабы привести послушника своего в гордость и высокоумие"[100]. По учению Оптинских и Глинских старцев, чтобы не впасть в прелесть, нужно постоянно советоваться с духовным руководителем, открывая все свои помыслы и действия[101]. Отец Илиодор напоминал, что, по учению св. отцов, "живущие без окормления падают, как лист"[102]. О причинах уклонения в прелесть он писал одной монахине: "Думаю, что тебе обманутой от врага быть нетрудно. Это я замечаю из того, что ни с кем не советуешься, живешь по своей воле — самочинно, никому не открываешь своих помыслов и веришь безотчетно оным..."[103]

Вот как о. Илиодор отвечал на вопросы той же монахини. "Ты спрашиваешь меня в своем письме, "как можно приметить в себе вражескую прелесть?" — Замечать, если мы, проходя внимательную жизнь, ставим в оной ближнего ниже себя, а себя выше и хвалимся пред другими без нужды своими подвигами, приписывая оные себе, а не помощи Того, без Которого не можешь творити ничесоже, то это явная прелесть. "В чем заключаются действия прелести?" — В самочинии и гордости. "Что я должна делать, чтоб истребить в себе самый малейший ее признак?" — Смиряться, как мрак при виде света от прикосновения солнечных лучей уничтожается в летние часы, так во всякое время прелесть вражеская исчезает от присутствия глубокого смирения, которое, впрочем, приобретается лишь поднятием на себя спасительного ига — креста Господня и несения онаго"[104].

Оптинский старец иеросхимонах Макарий (Иванов) (1788—1860), собеседник Глинских старцев

Препятствием к прохождению молитвенного подвига, кроме высокоумия, могут быть другие грехи и страсти человека. Поэтому человеку необходим великий труд по очищению себя от страстей.

О СТРАСТЯХ

Пройдя тяжелый путь иноческой жизни, о. Илиодор с помощью Божией победил в себе ветхого человека, распял его "со страстьми и похотьми", и только после этого он, как чистый источник воды живой, мог напоять всякого человека, боримого страстями, но жаждущего спасения. Страсти — это болезнь души. Они отчуждают человека от Бога, сообщают ложное направление всей его жизнедеятельности, лишают его природной способности к Богообщению. Только борьба со страстями и полное искоренение их в сердце помогут христианину встать на спасительный путь, ведущий в Царствие Небесное.

Старец Илиодор, так же как и Оптинские старцы, учил, что своими собственными силами, без помощи Божией, сколько бы человек ни подвизался против страстей, однако он бессилен преодолеть свои греховные наклонности. Вот почему все усилия христианина должны быть направлены к тому, чтобы с помощью Божией стяжать в своем сердце огнь Божественной благодати, попаляющей и пожигающей всю греховную скверну.

На вопрос одного монаха: "Батюшка! меня страсти беспокоят, а я немощен, не могу противостоять им, что мне делать?" старец Илиодор отвечал: "Чадо, сами собою мы ничего не можем сделать, нам нужна помощь Божия. Древние св. подвижники говорят: страсти те же скорби, а о скорбях Господь сказал через пророка Давида: "Призови Мя в день скорби твоея и изму тя и прославиши Мя" (Пс. 49, 15), видишь, чадо, нужно нам призывать Господа в помощь, а без Него мы не можем ничего сделать. Спаситель нам сказал: "Без Мене не можете творити ничесоже" (Иоан. 15, 5). А что Господь не оставляет тех, которые взывают к Нему о помощи, то об этом свидетельствует тот же пророк, говоря: "Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его в истине" (Пс. 144, 18)... Что страсти нас борют, от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны быть всегда готовы. Нужно только усиленно противиться их требованиям. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая сильнее в нас действует страсть против оной следует и вооружиться всею крепостию"[105]. Своей духовной дочери старец писал: "Учись, как побеждать страсти"[106].

В своих наставлениях старец Илиодор пишет лишь о тех страстях, о которых спрашивали его в письмах лица, обращавшиеся к нему за духовным советом. Поэтому в эпистолярном наследии о. Илиодора нет полного разбора каждой страсти в отдельности.

Приведем здесь изречения старца лишь о некоторых страстях. О гордости он пишет одной монахине: "Страшно, что ты доселе придерживаешься прежней своей привычки — спорить... Состояние твоей души... незавидно, ибо кто любит спорить, тот управляется гордостью, а гордость монашествующему вовсе не прилична"[107]. Ограждая своих духовных чад от этой зловредной страсти — гордости,

старец Илиодор советует им всячески хранить свое сердце в смирении и самоукорении. Ту же монахиню старец наставляет: "Положим, что сестра тебе ни в чем не уступает; что за беда? Уступи ты ей, — замолчи, — и будет у вас мир. Неужели же ты не знаешь доселе, в чем состоит смиренномудрие?"[108].

Не менее опасной страстью, препятствующей человеку в достижении им спасения, является гнев. Эта страсть прежде всего рождается в сердце от безмерного самолюбия. Самолюбивый человек желает видеть самого себя постоянно в славе и чести. И если ему препятствуют в этом, то он раздражается и с гневом извергает свою злобу. Гнев является пагубной страстью, которая открывает в душу вход врагу. Опасность гнева заключается в том, что он расстраивает духовные силы человека и вносит в его истерзанную душу полное опустошение.

Человек становится неспособным вести борьбу со страстями, а это значит, что он полностью работает греху, который ведет его в ров погибели. Этот грех лучше всего исторгается из сердца человека не чем иным, как противоположными ему добродетелями — кротостью и любовью. Поэтому старец Илиодор пишет одной монахине: "Ты жалуешься на поступок м. Рафаилы, причинившей тебе и сестре твоей... какую-то обиду, и скорбишь на нее до того, что вышла из пределов монашеского смиренномудрия. А забыла, раба Божия, что гневные порывы, вытекающие из раздражения, делают неспособным человека ни к каким духовным делам. Скажу ясней, что ты нетерпением своим доставила душе своей немалый вред потому, что ты ее осудила в высшей степени. Читая твое сердитое письмо, я не мог не пожалеть о тебе и подумал, неужели ты так решительна, что осмелишься беспокоить своими жалобами Архипастыря, где ж твое прежнее смирение, о котором ты писала... Нет, сестра, не жалуйся ты никому за свое оскорбление, а перенеси оное великодушно и старайся помириться с Рафаилою, испросив у нее прощения себе по долгу монашескому, ибо не в жалобе состоит спокойствие души, а в мире, согласии и любви"[109].

Желающие достигнуть спасения, по учению Глинских и Оптинских старцев, не должны обращать внимания на недостатки своих ближних и осуждать их, ибо осуждение является одной из пагубных страстей. Для избежания осуждения схиархимандрит Илиодор советует: "смотреть на свои только недостатки, а не на других"[110]. Более того, он пишет, что долг христианина "судить себя, а не других"[111]. Следовательно, в борьбе со страстями прежде всего необходимо научиться осуждать самих себя и ни в коем случае других.

Рассматривая страсть уныния, ее пагубное действие в деле спасения, о. Илиодор советует христианам не побеждаться ею, но искоренять ее в самом начале. Он пишет: "Уныние вначале не приносит вреда тому, кто при помощи Божией умеет оное от себя отгонять... Но если дать ему у себя в сердце место и допустить вкорениться, то тогда оно весьма опасно, так как оно вкоренившись превращается в тоску, а тоска рождает отчаяние. И потому в начале появления оного нужно его уничтожить трудами и, по своей монашеской обязанности, разными занятиями"[112].

Наставляя своих чад ко спасению, старец советует в унынии обращаться к Богу с полной надеждой и упованием на Его

всемогущество, так как Он силен низложить все козни, воздвигаемые врагом рода человеческого против тех, кто хочет вести жизнь богоугодную.

Действенными средствами, избавляющими человека от страсти уныния, служат молитва и труд. Отец Илиодор приводит следующий пример: "Св. Антоний Великий, почувствовав в себе однажды... страсть уныния, стал пред образом Спасителя и молился так: "Господи, Ты знаешь, что я хочу Тебе работать всею душою, но нахожу в себе что-то такое, что препятствует мне исполнить мое душевное желание". После чего ему послышался голос: "Антоний, выйди". Старец тот час из келлии вышел и видит, что юноша стоял на коленях, лицом на восток, и молился, после краткой своей молитвы садился и плел кошницу, потом молился опять и опять принимался за рукоделие. И наконец, после такого своего занятия встал и сказал: "Антоний, так поступай и спасешься". Это был Ангел. Так этот святой всегда отгонял уныние показанным ему от Ангела образом. Не так ли и мы должны врачевать себя во время этой страсти? В самом деле, какое место найдет у нас для себя уныние, когда и тело и душа заняты трудами? Так поступать советую и тебе, сестра, во время уныния, о котором ты говоришь, и будь уверена, что Господь устроит пути твои во спасение"[113]. Другой духовной дочери старец говорил: "Вы хорошо делаете, что занимаетесь рукоделием и молитвою, ибо уныние там бежит прочь, где тело и душа заняты делом"[114].

Основываясь на личном опыте борьбы со страстями, Глинский подвижник приводит мысль о том, что каждый человек должен следить за своим внутренним состоянием и не увлекаться греховными помыслами, но отсекать их сразу же при первом появлении и не давать господствовать им в своем сердце, потому что если только они вкоренятся, то будет очень трудно освободиться от них. Одной духовной дочери старец писал: "Молодые люди, предавшись необузданно ветрености и бесстрашию, думают, что в старости могут исправиться. Тщетная надежда. Они, бедные, не знают, что привычка есть вторая природа, которую искоренить трудно. Не лучше ли во всякое время противиться врагу душ наших, влагающему в нас страсти. Этим мы только и можем восторжествовать победу над страстями"[115].

Если кто бывает одолеваем страстями, то это знак, что предварила гордость, а поэтому надобно более смиряться.

Идея спасения как самое дорогое упование человека должна стоять у христианина на первом месте. Ради этой заветной цели ищущий спасения должен стремиться не только к отсечению страстей, но и к полному их искоренению. Очистившись от страстей, душа сподобляется соединиться с Богом. Но совершенное избавление от страстей есть великое дарование Божие.

О ЧТЕНИИ СЛОВА БОЖИЯ И ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ

На пути ко спасению христианину крайне необходимо тщательное изучение Священного Писания, которое своей благодатной силой способно утвердить в его душе основы духовной жизни.

По мысли о. Илиодора, в Слове Божием отображены все истины, которые не только составляют предмет веры христианина, но в нем указаны и те нравственные нормы, исполняя которые он безошибочно сможет шествовать по спасительному пути, ведущему в Царствие Небесное.Старец учил: "Чадо, если ты желаешь, чтобы твои действия были не погрешительны, постарайся, чтобы они всегда были основаны... на Евангельских истинах, на учении святых апостолов и на изречении святых отцов-подвижников. В этой св. сокровищнице ты найдешь основание на все, что для тебя будет нужно, на всякий случай, на всю жизнь"[116].

Подобно тому, как тело человека постоянно укрепляется пищей, чтобы не ослабеть и не прийти в состояние изнеможения, так и душа нуждается в систематическом подкреплении духовной пищей Слова Божия. Вот почему Глинские и Оптинские старцы называли Слово Божие пищей, поддерживающей жизнь души. "Чтение духовных книг весьма полезно. Оно утоляет душевный голод, происходящий от недостатка Слова Божия, и бывает причиною истинного покаяния — питая душу, как питает нашу плоть насущный хлеб"[117], — писал о. Илиодор.

Глинский пастырь призывает не только поучаться в Слове Божием, но и устроять свою жизнь согласно его требованиям[118]. Однако при этом о. Илиодор советует не полагаться на свой ум и не толковать по-своему Священное Писание, но придерживаться церковного разума. "Священное Писание старайся изучать тщательно и понимать правильно, чтобы не толковать его в пользу своих прихотей и от горделивого мнения показывать себя сведущим для применения к другим"[119]. Истолкование и понимание Священного Писания должно быть согласно с мнением и учением святых отцов[120]. Иначе можно уклониться от правильного понимания его и тем самым погубить свою душу. Святые отцы, достигнув личной святости и руководимые Духом Святым и разумом Церкви, оставили истинное толкование Слова Божия. Они опытно познали человеческую природу с ее немощами и страстями, научились побеждать духов злобы, глубоко постигли путь спасения и этот свой богатый опыт духовно благодатной жизни оставили в своих писаниях. Приступая к чтению святоотеческих творений, следует стремиться прежде всего к духовной пользе, стараться познавать, в чем состоит грех и в чем добродетель, чтоб научиться одного избегать, а в другом совершенствоваться.

Обуреваемым страстями старец Илиодор непременно советовал читать святоотеческие творения. Он писал: "Книги отеческие преимущественнее потому, что раскрывают в нас затаенные страсти и научают, как побеждать их. Из них можно... почерпать правила духовной жизни"[121]. В другом письме он указывает: "Отеческими называются те (книги. — *А. И.*), которые и как для познания себя, так и для раскрытия в себе сокровенных страстей и врачевания оных"[122].

Глинский старец постоянно призывает читать такие из отеческих книг, как творения преподобных Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Лествичника[123], "аввы Варсонофия, аввы Исаии и Марка Подвижника, в писании коих виден дух подвижнической жизни и неуклонный путь к вечному блаженству"[124].

Отец Илиодор предостерегает от чтения книг умозрительных, призывая более читать книги деятельные. Он писал: "То чтение преимущественно должно быть, в котором представлено одно только то, как познавать себя. Смирение есть высокая добродетель, и кто достиг до степени оной, тот стал познавать себя"[125].

Отец Илиодор советует также быть крайне осторожным при чтении "Добротолюбия", поскольку эта книга написана не для тех, кто начинает духовную жизнь, а для людей духовных. По мысли старца Илиодора, "духовным может называться человек тогда только, когда все плотские желания угаснут в нем или станут покоряться духу"[126].

"Подражать тому, как в оном ("Добротолюбии". — *А. И.*) сказано, без руководства и указания было бы крайне самочинно"[127].

Принимая во внимание эти препятствия, которые могут возникнуть при чтении, старец Илиодор многократно призывает прежде всего стремиться к смирению, а не искать высоких дарований и, главное, советоваться по этому вопросу с людьми опытными в духовной жизни[128]. Он говорил: "При всем сказанном нужно руководствоваться строгим рассуждением, без которого иногда в наши, по-видимому, добрые предприятия, по хитрости врага, вкрадываются тонкие погрешности. Отцы святые говорят: "Рассуждение выше всех добродетелей; следовательно, должно стремиться к приобретению этой добродетели. Приобретается же она не иначе, как постоянным обращением с человеком, имеющим этот дар"[129]. Даже при богатстве рассуждения старец советует покорить свою волю другому, чтобы надеяться не на себя, а на молитвы другого и, смиряясь, иметь сильное оружие против гордого врага[130]. Благотворно действие чтения Слова Божия и духовной литературы на душу человека, идущего по пути к вечной жизни. Однако это духовное упражнение само собой не может спасти человека, но только указывает на Христа, чтобы от Него искать исцеления и спасения.

Чтение Слова Божия и другие добродетели делают христианина опытным в духовной жизни, способным преодолевать все встречающиеся на его пути препятствия и достойным общения с Богом в Царствии Небесном.

* * *

Учение старца Илиодора не ограничивается положениями, перечисленными в данной работе. Здесь было выделено лишь то, на что Глинский старец более всего обращал внимание в своих письмах.

Сопоставление наставлений Оптинских старцев и эпистолярного наследия о. Илиодора, в котором отражено учение Глинских подвижников, показывает, что Глинские и Оптинские старцы духовно едины.

Связь Глинской пустыни с Оптиной проявлялась и в том, что их старцы вступали в духовно-молитвенное общение, посещали друг друга и вели переписку.

Еще в 1816 году Глинскую пустынь посетили о. Моисей (Путилов), впоследствии настоятель Оптиной пустыни, и его брат Александр, впоследствии игумен Антоний — начальник Оптинского скита. В своих

рассказах о. Моисей подчеркивал, что они "видели известного старца, игумена Филарета, настоятеля Глинской пустыни"[131].

Следует отметить, что как старец Филарет, так и о. Моисей свободное от послушаний и молитв время посвящали переписыванию книг св. отцов. Например, в одном и том же 1813 году о. Филарет в Софрониевой, а о. Моисей в Белобережской пустыни переписали уставом одну и ту же книгу — "Лествицу" преп. Иоанна Лествичника с переводов старца Паисия Величковского[132].

В 1819 году с целью духовного назидания в Глинскую пустынь к игумену Филарету приходил будущий Оптинский старец о. Макарий (Иванов). Здесь он имел длительные беседы с учеником о. Филарета иеродиаконом Самуилом — делателем умной молитвы, впоследствии ризничим Глинской пустыни[133]. Собеседники три дня провели за чтением книги св. Исаака Сирина, размышляя о внутреннем делании[134]. Пребывание в Глинской пустыни оставило глубокий след в душе о. Макария. Впоследствии, издавая книгу о старце Паисии Величковском, он старался более подробно узнать обстоятельства жизни игумена Филарета[135] и с благоговением написал о нем как об одном из последователей Молдавского старца[136].

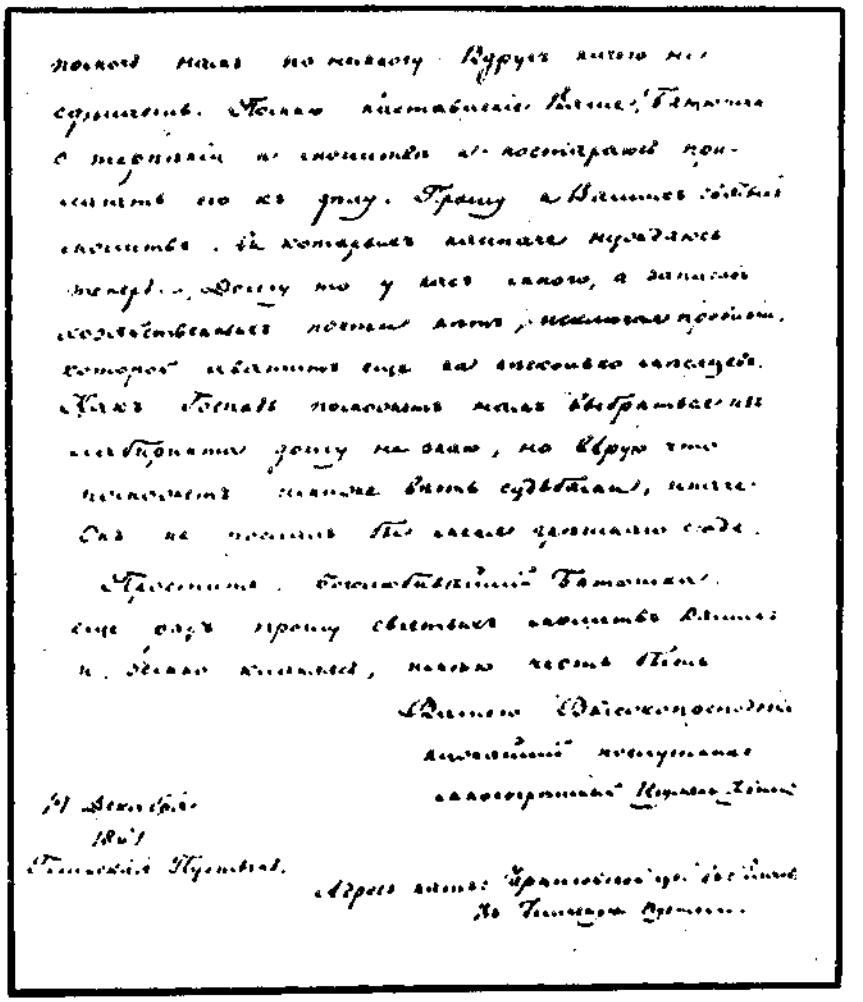
В Оптиной глубоко почитали игумена Филарета. В предисловии к письмам иеросхимонаха Макария (Иванова), издаваемым Оптиной пустынью после его кончины, игумен Филарет Глинский назван "новейшим подвижником благочестия, блаженным Старцем", который, как и старец Паисий Величковский, давал письменные ответы вопрошавшим[137].

Ученики игумена Филарета хранили духовное общение со старцами Оптиной пустыни. Ближайший ученик о. Филарета о. Арсений (Митрофанов) — возобновитель Святогорской обители — после кончины аввы Филарета посещал Оптину пустынь и вел переписку с ее старцами. В 1846 году он писал настоятелю о. Моисею (Путилову): "В бытность мою в Вашей святой обители, Вы столько меня облагодетельствовали Вашею Отеческою любовью и старческими советами, что по гроб мой останется незабвенным... Прошу Вас засвидетельствовать мое усердное высокопочитание старцу отцу Макарию скитскому Вашему начальнику, его любовь в памяти моей незабвенна"[138].

Один из любимых послушников игумена Филарета о. Герман (Клица), ставший после архимандрита Арсения (Митрофанова) настоятелем Святогорской пустыни, также был духовно связан с Оптинскими старцами. По его благословению после кончины схиархимандрита Моисея (Путилова) в Святогорской обители в честь и память подвижника-настоятеля Оптиной совершили поминовение о нем с особой торжественностью[139]. Впоследствии архимандрит Герман вел переписку с настоятелем Оптиной пустыни о. Исаакием (Антимоновым)[140].

Духовное единение старцев Глинской и Оптиной пустыней проявилось и в том, что у них было множество общих духовных чад, поскольку старцы этих обителей шли одним и тем же путем внутреннего духовного подвига. Например, в течение многих лет Оптинские старцы Макарий (Иванов)[141], Антоний (Путилов)[142] и Амвросий (Гренков)[143]

окормляли инокинь Троицкого Севского монастыря. Отец Макарий (Иванов) был назначен духовником этого монастыря еще в 1827 году[144]. Однако, глубоко почитая Оптинских наставников, севские инокини в то же время искали духовного назидания и у Глинских старцев. Так, в работе уже упоминалось о том, что игумения Севского монастыря Паисия с ближайшими сестрами обращалась за советами и наставлениями к "высокочтимому ими игумену Глинской пустыни Филарету"[145].

Письмо Глинского настоятеля
игумена Ювеналия (Половцева)
настоятелю Оптиной пустыни
о. Моисею (Путилову)
от 19 декабря 1861 г.
РГБ, ф. 213, к. 95,
ед. хр. 41,
л. 28 об

Другая игумения Севского монастыря — Клеопатра (Головачева) была духовной дочерью Глинского старца Амфилохия (Скубырина), в схиме Анатолия. Отец Анатолий, когда еще она была в миру, сказал: "Тебе надо идти в монастырь, благословляю быть монахиней и игуменией в том же монастыре"[146]. Слова его в точности исполнились, и в должности игумении м. Клеопатра ничего не предпринимала без совета своего старца. Отец Анатолий был духовником и других сестер Севского монастыря. Старец Илиодор (Голованицкий) писал одной из насельниц этой обители: "Передайте сестре Софии, что ее духовник о. Амфилохий принял торжественно на себя схиму с именем Анатолий. Он посылает ей свое благословение"[147]. Другой инокине он сообщал: "Старец Анатолий поручил мне сказать, что по части духовнической он давно уже разрешил тебя"[148].

В письмах о. Илиодора содержится много указаний на то, что не только старец Анатолий, но и другие Глинские подвижники: о. Макарий (Шаров)[149], о. Евфимий (Любимченко)[150], о. Феодот, в схиме Феодосий (Левченко)[151], о. Паисий (Сипченко), впоследствии настоятель Чуркинской пустыни[152], духовно окормляли инокинь Севского монастыря.

Преподобный старец Амвросий (Гренков) духовно окормлял монахинь Борисовской пустыни Курской губернии, где был введен устав Глинского игумена Филарета и подвизалось много его учениц. Борисовские инокини находились также под водительством Глинского иеросхимонаха Макария (Шарова), они часто бывали у него и вели с ним переписку[153]. Но наиболее тесно был связан с Оптинскими подвижниками и лично знал их сам схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). В начале 1834 года он посетил Оптину пустынь, где в то время подвизался старец иеромонах Леонид. "О душеполезных беседах с Оптинскими старцами о. Илиодор рассказывал уже в глубокой старости"[154]. Своим духовным чадам — насельницам Севского девичьего монастыря он писал об Оптинских старцах: "Я очень благодарен тебе, что передала мне известие о добрейшем о. архимандрите Моисее Оптинском, искренняя любовь которого, оказанная мне некогда, заставляет меня всегда его помнить"[155]. "Присылкою портрета покойного старца Оптинского о. игумена Антония (Путилова. — *А. И.*) я остался крайне доволен. Я его знал при жизни, знаю и теперь буду знать его в душе моей всегда"[156].

"Желание Ваше посетить Оптину пустынь и воспользоваться наставлением о. Макария я одобряю... Я лично знаю его. Было время, что я, еще будучи послушником в Глинской пустыни, хаживал к нему и к бывшему его св. старцу Афанасию в Площанскую пустынь для назидания души и черты лица его помню, как будто вижу его только теперь... Так явно остался (он. — *А. И.*) в душе моей однажды и навсегда"[157].

Послушнице Севского монастыря Варваре Тимковской о. Илиодор писал: "Ты никогда не будешь раскаиваться в том, что избрала в старцы себе Оптинского Макария, который при содействии благодати Божией пользует многих... Ты поручила себя опытному и святому старцу, из назиданий которого ты можешь почерпнуть душевную пользу, как из обильного источника чистую воду. Будь же покорна ему во всем и

старайся принимать слова его с доверчивостью дитяти"[158]. В письме к ее сестре, монахине того же монастыря Серафиме (Тимковской), о. Илиодор называет о. Макария великим старцем[159].

Однако, пользуясь наставлениями о. Макария (Иванова), сестры Тимковские[160] по-прежнему обращались и к о. Илиодору. Сохранившиеся письма о. Макария Оптинского к Тимковским за 1856—1860 гг.[161] и о. Илиодора к ним же за 1857—1873 гг.[162] ярко свидетельствуют о том, что Севские инокини подвизались под духовным водительством обоих старцев, что было возможно только благодаря духовному единению этих подвижников и их глубочайшему смирению.

После кончины старца Макария о. Илиодор писал Варваре Тимковской: "Поблагодари сестру за присылку описания последних дней отца Макария, о Господе скончавшегося, которого... и жизнь и смерть были одинаково для всех назидательны"[163].

Но особенно тесно духовно был связан о. Илиодор с преп. Амвросием Оптинским. Известно, что преп. Амвросий почитал высоту и строгость духовной жизни Глинской пустыни, напоминал в своих наставлениях о подвигах Глинских старцев[164] и направлял туда своих учеников[165].

Так, за несколько дней до своей кончины о. Амвросий велел поступить в Глинскую пустынь бывшему послушнику Оптиной, который ушел на Афон, но не смог там ужиться и опять просил благословения старца на поступление в какую-либо обитель[166].

У старца Амвросия и о. Илиодора также было много общих духовных чад, например сестры Тимковские, которые после кончины о. Макария обращались в Оптиной к о. Амвросию. Они искренно и преданно почитали Оптинского и Глинского старцев. Благодаря усердию Тимковских сохранились адресованные им письма как о. Амвросия[167], так и о. Илиодора[168].

С самого начала старческого служения о. Амвросия, когда он еще мало был известен как духовный руководитель, о. Илиодор провидел в нем великого старца. В то время Глинский подвижник писал Варваре Тимковской: "Не делай ничего без благословения своего старца о. Амвросия"[169].

Дивным смирением проникнуты все ответы о. Илиодора к их общим духовным чадам. Будучи маститым старцем, он стяжал непрестанную умно-сердечную молитву Иисусову, сподобился видеть Божию Матерь, имел столь высокий дар духовного рассуждения, что Афонские иноки умоляли его остаться на Афоне и руководить ими. И этот подвижник духа отвечал монахине Севской обители, просящей у него наставления: "Имея у себя старцем святого мужа (о. Амвросия. — *А. И.*) и делателя умной молитвы, ты... просишь меня, чтоб я указал тебе путь к оной. Что же будет с тобой тогда, когда станешь спрашивать об одном и том же то у одного, то у другого? Не послужит ли тебе это во вред? Уж если хочешь учиться умному деланию, то держись одного старца своего о. Амвросия, открывайся ему во всем, всегда слушай его и делай все, как он тебе скажет, — и ты, его святыми молитвами, получишь от Господа дар молитвы. Прости, сестра, и не скорби за такой мой к тебе ответ. Поверь мне, что я пишу здесь только то, что признаю для тебя полезным"[170].

Получив ответ о. Илиодора, севская инокиня направила его к о. Амвросию. По опыту зная силу молитв и советов о. Илиодора, она просила у о. Амвросия дозволения по-прежнему обращаться к этому Глинскому старцу. Отец Амвросий отвечал: "Писать к о. Илиодору я никогда тебе не запрещал, вполне будучи уверен, что он посоветует тебе всегда полезное, как опытный духовный муж"[171]. В письме к этой же монахине о. Амвросий подчеркивал, что он и старец Илиодор дают одинаковые ответы. "Отец Илиодор подтвердил тебе мое мнение, что лучше невеликое правило иметь, да постоянно исправлять, нежели много с перерывами совершенного оставления"[172].

Отец Амвросий многим духовным детям советовал и благословлял побывать в Глинской пустыни[173]. С ними он посылал о. Илиодору книги св. отцов, в том числе и книгу преп. Федора Студита[174]. Отец Илиодор писал: "Присланную... посылку книг от многоуважаемого старца о. Амвросия я принял от него с особенной благодарностью как дар его святого благословения"[175], "дорожа его усердием и любовью"[176].

Старцы вели переписку, причем однажды о. Амвросий поручил Варваре Тимковской "с земным поклонением испросить (ему. — *А. И.*) от архимандрита Илиодора прощения и извинения, что до сих пор не благодарил и не ответил на последнее его (о. Илиодора. — *А. И.*) письмо... много раз собирался писать письмо о. Архимандриту и даже два раза начинал письмо, но не мог окончить, потому что желал писать о. Архимандриту без поспешности на досуге"[177], а его все время отвлекали.

Но исключительность отношения о. Амвросия к старцу Илиодору и их духовное единение особенно раскрываются в совете Оптинского старца монахине Севского монастыря Серафиме: "К о. Илиодору в Глинскую пустынь можешь писать и можешь принимать его мнения и советы, остальных же, коих мнения все врознь... принимать нельзя"[178].

Сам тот факт, что единственные дошедшие до наших дней письма схиархимандрита Илиодора были собраны и тщательно хранились в библиотеке скита Оптиной пустыни, свидетельствует о благоговейном почитании в этой обители памяти великого Глинского подвижника[179].

Духовное единство Глинской и Оптиной пустыней проявилось и в том, что у них были общие благотворители. Например, глуховский помещик Михаил Федорович Улазовский был лично знаком "с Глинскими и Оптинскими известными благочестием старцами... глубоко уважал их, слушался добрых советов"[180] и оказывал материальную помощь как одной, так и другой обители.

Наконец, эти монастыри связывало то, что в 1861 году настоятелем Глинской пустыни был назначен Оптинский иеромонах Ювеналий (Половцев), постриженник и послушник настоятеля архимандрита Моисея (Путилова), составивший впоследствии его жизнеописание[181].

На с. — 283
преподобный Амвросий Оптинский (Гренков) (1812—1891). Старец Амвросий вел переписку с о. Илиодором (Голованицким), направлял в Глинскую пустынь своих учеников, напоминал в наставлениях о подвигах Глинских старцев

Отец Ювеналий (в миру Иван Андреевич Половцев) родился в 1824 году в семье дворян Псковской губернии[182].

Имея прекрасные способности, он в 1845 году окончил артиллерийское училище первым по выпуску. Но, по склонности к монашеству, в 1847 году оставил военную службу в чине подпоручика и поступил в Оптину пустынь, где подвизался в скиту св. Иоанна Предтечи. Под руководством старца Макария (Иванова) вместе с о. Амвросием (Гренковым) и о. Леонидом (Кавелиным) он трудился над приготовлением к печати славянских переводов старца Паисия Величковского[183].

В монашество с именем Ювеналий был пострижен 29 апреля 1855 года, 8 ноября 1856 года рукоположен во иеродиакона, 11 июля 1857 года — во иеромонаха. 22 октября 1857 года о. Ювеналий был назначен членом Русской духовной миссии в Иерусалиме; 21 мая 1859 года награжден набедренником. Указом Св. Синода от 14 апреля 1861 года по прошению из-за болезни он был уволен от занимаемой должности и возвратился в Петербург, где 31 мая того же года был награжден золотым наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым[184].

Епископ Курский и Белоградский Сергий (Ляпидевский), зная образ жизни иеромонаха Ювеналия, в октябре 1861 года просил Св. Синод о назначении его настоятелем Глинской пустыни. Он писал: "Посетив Глинскую обитель, я нахожу, что для нее потребен настоятель, способный руководствовать в подвигах и искусстве жизни духовной многочисленное братство... а вместе, по удобству, давать добрые наставления и посетителям ее, ищущим бесед на пользу души.

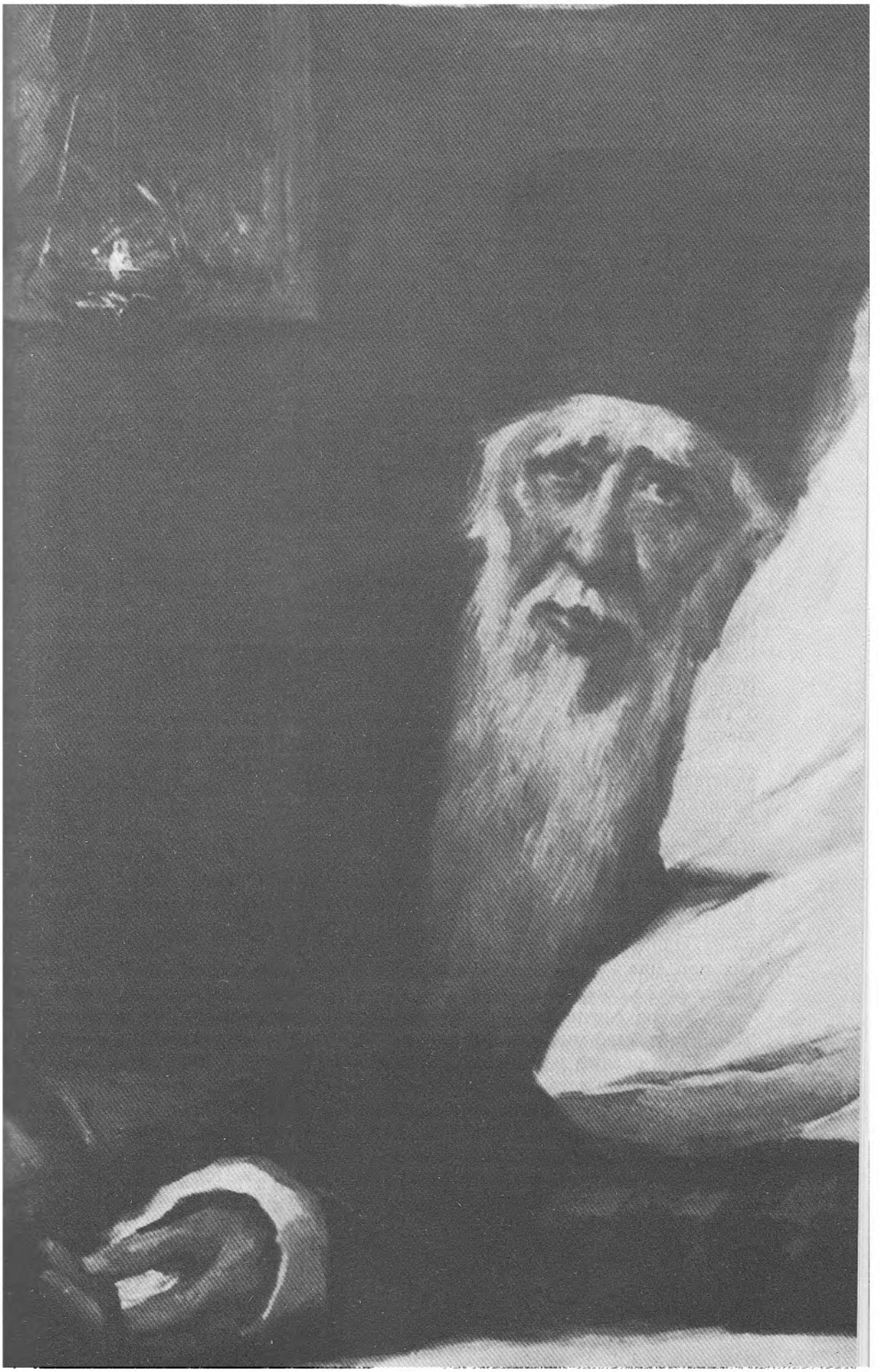
К сему почитаю благонадежным возвратившегося из Иерусалимской Миссии иеромонаха Ювеналия, который проходил искус иноческой жизни вските Оптиной пустыни, под руководством известного по своим подвижническим трудам и дару назидания старца иеросхимонаха Макария"[185].

Вот как сам о. Ювеналий пишет в письме к настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Моисею (Путилову) о своем назначении в Глинскую пустынь: "По выезде из Оптиной пустыни поехал я в Курск, куда прибыл 20 октября... В самый день Введения во храм Пресвятой Богородицы получен был указ Св. Синода о назначении меня недостойного игуменом в Глинскую пустынь, 22 ноября был я посвящен в его звание Преосвященным Сергием, а 28-го прибыл в обитель паче же в малый град Обительный, расположением своим много напоминающий скит Оптиной пустыни, только в больших размерах"[186]. Имея единство внутренней духовной жизни, обители и внешне были похожи. "Братии у нас довольно, — писал о. Ювеналий, — 163 человека, и много из них весьма способных, все, по милости Божией, в подвиге духовном; есть очень преуспевшие...

Внешние обстоятельства обители нехороши ... Долгу-то у нас много, а запасов хозяйственных почти нет, исключая провизии, которой хватит на несколько месяцев... Как Господь поможет нам выбраться из лабиринта долгу, не знаю, но верую, что поможет.

Многогрешный игумен Ювеналий[187]

Глинская пустынь *19 декабря 1861*

Новый настоятель был тепло встречен иноками Глинской пустыни. Он сам писал в Оптину: "Глинские братия весьма полюбили меня недостойного"[188].

Будучи настоятелем Глинской обители, о. Ювеналий пользовался советами архимандрита Моисея (Путилова). Так, после назначения на должность настоятеля Глинской пустыни о. Ювеналий спросил о. Моисея, как надо обращаться с братией. "Тотчас о. архимандрит на это ничего не ответил, а на другой день при беседе о различных предметах сказал: "А насчет того, что вы вчера спрашивали, как обращаться с братией, — опыт указал мне такое правило: если кому нужно сделать выговор или замечание, то надобно прежде в сердце помолиться за него Богу. Думаешь иногда, что брат тот не примет замечания, а если помолишься за него сперва, то, смотришь, сверх ожидания он и замечание выслушает спокойно и исправление бывает"[189].

О деятельности нового настоятеля Глинской пустыни Преосвященный Сергий докладывал в Св. Синод: "Игумен Ювеналий приобрел весьма доброе к себе отношение, как человек духовно-просвещенный, в слове назидательный и как ревнитель иноческих добродетелей"[190].

В феврале 1862 года по делам Курского епархиального управления и хозяйственным делам обители игумен Ювеналий был направлен епископом Сергием (Ляпидевским) в Петербург. Его деятельность в Петербурге подробно освещена в письмах, которые он направлял Преосвященному Сергию[191].

Игумен Ювеналий был принят митрополитом С.-Петербургским Исидором (Никольским), который в беседе с ним прекрасно отзывался о Глинской пустыни и сказал, что эта обитель "славится духовной жизнью"[192].

Отец Ювеналий был знаком в Петербурге со многими влиятельными лицами. Стремясь улучшить материальное благосостояние Глинской пустыни, он рассчитывал собрать здесь пожертвования в пользу монастыря, о чем свидетельствуют выдержки из его писем: "Надежды мои на пожертвования в пользу Глинской пустыни далеко не осуществляются. Теперь все страдают безденежьем. Знакомые, на которых я рассчитывал, тоже больны этою неприятною болезнью. Делать нечего. Да будет воля Господня!.. (*С.-Петербург, 28 февраля 1862 г.*)"[193] Или: "Надежды мои на приобретение чего-нибудь для обители до сих пор еще вовсе не осуществились. Что-то Господь даст далее? (*3 марта 1862 г., С.-Петербург*)"[194].

"Вчера случилось мне обедать... у Гр. Александра Николаевича Толстого и было много разговоров о Глинской пустыни и проч.

Граф обещал нам дать немного земли или леса и приглашал меня приехать к нему летом для подробной беседы об этом деле. По милости Божией, многие заинтересованы, по-видимому, бедственным положением нашей обители, можно надеяться, что мало-помалу, с годами, хозяйство наше придет в порядок (*7 марта 1862 г., С.-Петербург*)"[195].

Особенно много сил посвятил о. Ювеналий в Петербурге делу о мельнице Глинской пустыни. По всей вероятности (в письмах об этом не сказано определенно), речь идет о мельнице на реке Власовице. К тому времени речка Власовица прекратила свое течение[196], мельничные

строения находились в полуразрушенном состоянии[197], и глинская мельница никак не могла уже служить своей цели, круглый год оставаясь в бездействии[198]. Поэтому о. Ювеналий и ходатайствовал о перемене мельницы.

17 февраля 1862 г. он писал из С.-Петербурга: "Дело о нашей мельнице еще в Синоде, но на днях будет кончено и перейдет в Министерство, в котором очень трудно, но возможно кончить его в пользу нашей обители. Дай-то, Господи!"[199] А в письме от 7 марта 1862 г.: "Дело о нашей мельнице поступило из Канцелярии Зеленого[200] во 2-й департамент Министерства, т. е. немного двинулось вперед и, как обещают, будет кончено в нашу пользу..."[201] В последнем письме из С.-Петербурга 18 марта 1862 г. игумен Ювеналий сообщал епископу Сергию, что "Вел. Кн. Мария Николаевна посылала своего секретаря к Генгросу (товарищу Зеленого, от которого вполне зависит наше дело) сказать, что она очень интересуется делом о перемене мельницы Глинской пустыни и желает, чтобы оно было окончено в пользу обители. Генгрос обещал ускорить его по возможности. Князь Суворов[202], бывший начальник и друг — покровитель Генгроса, тоже обещал просить его об успешном окончании дела. Зеленый обещал его кончить в нашу пользу... и обещал это Вел. Кн. Марии Николаевне и Кн. В. Андр. Долгорукову. Итак, по-человечески говоря, все сделано. Не знаем — что речет о нас Господь"[203]. Однако о. Ювеналий не имел возможности дождаться окончания дела в Петербурге. В апреле 1862 года он вернулся в Глинскую пустынь, а 8 мая 1862 года указом Св. Синода был назначен настоятелем Коренной Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии для утверждения в этой обители истинно монашеской жизни[204]. Дело о мельнице Глинской пустыни окончательно было разрешено уже при его преемнике игумене Иннокентии.

Несмотря на свое недолгое пребывание в Глинской пустыни, о. Ювеналий полюбил ее иноков и в своих письмах давал самую высокую оценку их духовной жизни[205]. После перевода в Коренную пустынь он усиленно звал к себе Глинских монахов. И как сам отмечал, в трудный период подъема духовной жизни в Коренной "перемогался с помощью Глинских братий"[206].

Впоследствии, став благочинным монастырей Курской епархии, о. Ювеналий в своих докладах Преосвещенному всегда высоко оценивал жизнь Глинского братства и с уважением отзывался о своем преемнике — настоятеле Глинской пустыни игумене Иннокентии (Степанове)[207]. О нем же он неоднократно писал настоятелю Оптиной пустыни о. Исаакию (Антимонову)[208]. В письмах о. Ювеналия встречается также упоминание о переписке настоятелей о. Иннокентия и о. Исаакия[209]. Будучи уже архипастырем, о. Ювеналий неоднократно посещал Глинскую пустынь и беседовал с ее великими старцами[210].

Преемник о. Иннокентия — настоятель Глинской пустыни игумен Исаия (Гомолко) также вел переписку с Оптинским настоятелем о. Исаакием, в частности, по вопросам устроения Спасо-Илиодоровского скита в Глинской пустыни[211] (подробнее см. об этом в VIII главе). Отец Исаия организовал в Глинской пустыни в конце XIX века издание духовных книг, что также объединяло Глинскую пустынь с Оптиной.

В заключение этой главы следует сказать, что в XIX — начале XX в. именно Глинская и Оптина пустыни в России были носительницами истинно старческих традиций. После Октябрьской революции эти обители почти в одно и то же время были закрыты[212]. Однако Глинская пустынь спустя 20 лет снова возродилась. В середине XX в., благодаря процветавшему в ней старчеству, Глинская пустынь славилась по всей стране, привлекала множество паломников и, как Оптина в XIX, была могучим центром духовного просвещения и возрождения старчества.

Вид Глинской пустыни с северной стороны.
Фотография начала XX в.

Примечания

[1] Архиепископ Волынский Антоний писал: "Наши многолюднейшие и лучшие по житию обители: ...Глинская пустынь, Софрониева, Оптина вызваны к духовной жизни учениками Паисия" (Памяти архиепископа Ювеналия (Половцева) // Прибавления к церковным ведомостям. 1904. № 18—19. С. 654.

Начало духовному руководству в Оптиной пустыни положил иеросхимонах Лев (Наголкин), который был учеником ученика преп. Паисия Величковского — схимонаха Феодора (Четвериков Сергий, прот. Описание жизни блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. 1912. С. 59).

Глинский игумен Филарет был учеником друга и собеседника старца Паисия — архимандрита Феодосия (Маслова).

[2] Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. ТроицеСергиева Лавра, 1988. С. 165.

[3] Там же. С. 102.

[4] Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Изд. 2-е. Париж. 1988. С. 254.

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время / Ред. Е. Ю. Концевич и Г. Д. Подмошенский. Джорданвилль, 1970. С. 49—52.

[5] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 48.

Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Т. 5. М., 1862. С. 192. Далее — "Письма о. Макария".

[6] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 25 об.

Преп. Амвросий Оптинский пишет: "Насильно никого не приведешь ко спасению... Воли человека и сам Господь не понуждает, хотя многими способами и вразумляет" (Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Вып. I. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908. П. 150. С. 132. Далее — "Письма о. Амвросия к монашествующим").

Оптинский старец иеросхимонах Макарий писал: "Всякому человеку дан разум, свободная воля и ко испытанию их закон" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 333).

"[Бог] сотворил человека самовластным и хочет, чтобы он сам избирал правый путь и к Нему стремился. Он же готов ему вспомоществовать и укреплять в этом, но не нудит нехотящего избирать правый путь" (Письма о. Макария. Т. I. С. 196).

[7] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 103 об., 106.

Оптинский старец Амвросий указывал на то, что действия благодати и воли человека находятся в тесном взаимодействии: "Дело нашего спасения зависит и от нашего произволения, и от Божией помощи... С нашей стороны вся сила и важность сего дела состоит в благоволении, т. е. в благом изволении благоугождать Господу: тогда сам Господь будет действовать и помогать нам в деле спасения нашего по сказанному: "Без мене не можете творити ничесоже". (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 3. С. 3).

[8] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 99.

Преп. Амвросий также писал: "Творец видимого и невидимого мира на земле явился странником... и за грехи рода человеческого принес Себя в жертву Богу и Отцу вольными страданиями и крестной смертью" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 22. С. 30).

[9] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 4.

Оптинский иеросхимонах Макарий писал: "Для всех ищущих спасения Господь показал путь — исполнение Его заповедей, во святом Евангелии нам переданных" (Письма о. Макария. Т. I—I. С. 9). "Главная цель наша должна быть — исполнение заповедей Божиих, которыми очищается сердце наше от страстей и исполняется плодов духовных" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 148).

[10] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 53.

"Любовь Божия состоит в исполнении заповедей" (Письма о. Макария. Т. 1—2. С. 130); "Любовь к Богу не в одной молитве состоит, но в исполнении Его святых заповедей" (Письма о. Макария. Т. 3. С. 471). "Она (любовь) не в том состоит, чтобы наслаждаться утешениями, а в делании заповедей Божиих "любяй Мя, заповеди Моя соблюдает" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 22).

[11] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.

Преп. Амвросий Оптинский писал: "По человеческому мнению, путь спасения, казалось бы, должен быть гладкий, тихий и мирный, а по евангельскому слову, путь этот прискорбный, тесный и узкий" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 18. С. 30). Оптинский о. Антоний (Путилов) указывает: "Много нужно употребить усилий, трудов, издержек и перенесения разных неприятностей для устройства себе временного покоя! А сколько нужно пролить поту, употребить трудов и терпеть лишений, болезней, печалей и воздыханий для приобретения себе вечного покоя на небеси. А мы думаем, лежачи на боку, т. е. мягкой постели и после роскошной жизни да и в Царство Небесное" (Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря. Изд. Оптиной пустыни. М., 1869. С. 7. Далее — "Письма о. Антония").

[12] РГБ, ф. 213, ед. хр. 93, л. 53.

"До дверей Царствия Небесного без труда и неудобств добраться невозможно" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 175. С. 151).

[13] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.

Преп. Амвросий указывал: "Христиане не вдруг достигают совершенства, а пока достигнут оного, беспокоимы бывают тою или иною немощью или страстью" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 176. С. 152). "Жизнь человеческая исполнена скорбей... Скорби

попускаются за нерадивую жизнь... недостаток дел наших восполняет Господь невольными скорбями или болезнями и очищает грехи наши" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 171; Т. 4. С. 414, 399).

14 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 6.

"Пребывание с другими нужно нам не для того, чтобы со всеми советоваться и им подражать, а чтобы в сообщении с ними познавать свои немощи и смиряться перед ближними" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 381. С. 101). "Тяжким кажется сожитие с другими для неукрощенного самолюбия, но весьма полезно для обнаружения наших немощей; а то уединенному кажется, что он живет хорошо и исправно, и через то удобно впадает в самомнение и обольщение" (Там же. В. I. П. 329. С. 71).

15 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.

Старец Амвросий Оптинский указывает: "И о прежних святых пишется, что они не просто вошли в вечный покой, но, по сказанному в псалмах, "проидохом сквозе огнь и воду и извел ны еси в покой". Видно, иначе нельзя достигнуть оного покоя, как не потерпеть да подождать, да потрудиться о себе и о других, так как без любви к ближнему невозможно спастись" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 190. С. 165).

16 "Как из Египта исшедшие имели себе путеводителем Моисея, а из Содома избегшие имели себе наставником Ангела, нужно иметь некоего Моисея, ходатая... к Богу и наставника. Если же кто, надеясь на свой разум, думает не иметь нужды в руководителе, такой вскоре заблудит от пути правого" (Письма о. Антония. С. 229).

"... не бывшу просвещенну благодатию Христовою не можно разобрать себя самого и управить безбедственно" (Письма о. Моисея (Путилова) к его брату Александру // Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 223).

17 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 3.

18 Там же.

"Самочинное подвижничество и опасно и душевредно". (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 66. С. 69).

19 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л.20 об.

20 Там же, л.31 об.

Оптинский старец о. Антоний писал, что без исповеди, чистосердечного откровения помыслов не может быть успеха в духовной жизни "не можем мы быть ни смиренномудрыми, ни мирными, ни в других добродетелях благоуспешными" (Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам. Рукопись // РГБ, ф. 214, ОПТ-397, л. 56 об.).

21 РГБ, к. 103, ед. хр. 93, л. 3.

22 Там же, л. 21 об.

23 Там же, л. 87 об.

Оптинские старцы также считали самым надежным средством в борьбе с помыслами открытие их духовному руководителю. Игумен Антоний наставлял: "От беспокойства помыслов более всего можно освободиться раскрытием их перед своим духовником" (Письма о. Антония.С. 233). Иеросхимонах Макарий считал, что откровение

помыслов является основанием внутреннего благоустройства и порядка в обители (Жизнеописания... подвижников... Сентябрь.М., 1909.С. 119).

24 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 28.

Оптинский старец Антоний (Путилов) писал новопостриженной монахине: "Если хочешь ... избегнуть сетей вражиих, то ничего не скрывай и не утаивай от духовной матери своей" (Письма о. Антония. С. 246—247).

25 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 85.

Старец Макарий писал: "Когда будешь следовать совету других, по Боге пекущихся о тебе, тогда не посмеет враг предлагать тебе свое рассуждение" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 233).

26 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 12.

27 Там же, л. 92.

28 Там же, л. 4. Оптинский игумен Антоний писал: "Необходимо в лице настоятельницы своей видеть лицо Божие, и иметь к ней преданность и доверенность... Один Бог действует во всех духовниках и старицах и какова наша вера к ним, таковы и ответы услышим от них" (Письма о. Антония, С. 263).

29 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 45.

Именно "в вере или доверии скрывается непостижимое Таинство, так что человек самый простой и необразованный больше премудрого может не только вразумить, но и успокоить душу вопрошающего с доверием, а кто без доверия захотел бы искать разрешения в недоумении своем, тот хотя бы вопросил и прозорливого мужа или пророка, ничего или очень мало услышит удовлетворительного" (Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам. Рукопись. РГБ, ф. 214, ОПТ-397, л. 7 об.).

30 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 27 об.

Оптинский старец Антоний писал о недоверии к руководителю: "Если случится Вам искушение против Евангельской Матери своей, то я скажу, что это самое тяжкое искушение, тяжелее которого не может быть ничего. Но в этом вина — Ваше нетерпение и неискусство в обращении" (Письма о. Антония, С. 246—247).

31 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 123 об.

Точно такое же толкование дает на это изречение и Оптинский старец Макарий. "Не со многими советоваться, а с кем должно и обо всем" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 39—40).

32 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 77 об.

33 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 153—154. Письма о. Амвросия к монашествующим В. I. П. 63. С. 67.

34 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 5.

Преп. Амвросий Оптинский писал: "По свидетельству Св. Писания нет выше дарования, чем дарование смирения" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 285. С. 21).

Оптинский старец Макарий учил: "Смирение более всех подвигов и добродетелей нужно для спасения". (Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву. Изд. 2-е. Шамордино, 1913. С. 3. Далее "Предостережение"). "Что соль для всякой вещи, то смирение для всякой добродетели необходимо" (Письма о. Антония. С. 247).

[35] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 88.

"Старайся деланием заповедей благоугождать Ему (Господу. — *А. И.*), но чтобы все они были растворены смирением, а без смирения не могут воспользовать" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 70).

[36] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 33 об.

Старец Амвросий Оптинский писал: "Добродетели (не могут быть) без смирения... потому что смирение подает крепость ко всякой добродетели" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 14. С. 18). Также и старец Макарий пишет, что всякая добродетель, чем смиреннее, тем тверже и основательнее (Письма о. Макария. Т. 2. С. 21).

[37] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 23 об. Старец Амвросий также говорил, что смирение рождается сознанием своих недостатков и самоукорением (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 54. С. 62). "Самоукорение — это означает во всяком неприятном, скорбном случае и обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других" (Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908. Ч. I. П. 5. С. 67. Далее — "Письма о. Амвросия к мирским").

[38] "Отсечение своей воли и несоставление своего разума есть первое средство к стяжанию смирения" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 8).

[39] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 120 об.

[40] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 154—155.

Оптинский игумен Антоний писал: "Если искренно желаете вы иметь свободу от страстей и от всех недугов душевных и хульных помышлений и научиться смирению, то должно совершенно волю свою, а с ней и всю непокоряющуюся гордыню поплевать и потоптать собственными ногами, через что обновится яко орля юность твоя и из человека своевольного и грешного сделаетесь Ангелом Божиим" (Письма о. Антония. С. 65).

[41] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 20. Оптинский старец Макарий писал: "Избери себе этот надежный путь, имей отсечение своего разума и воли" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 26).

[42] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 21. Оптинский игумен Антоний на вопрос: "В чем состоит путь спасения?" — отвечает словами Спасителя: "Иже хощет по Мне итти, да отвержется себе!" Это означает... отречься от своей воли и от своего разума" (Письма о. Антония. С. 249).

[43] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 20.

[44] Там же, л. 19 об.

Преп. Амвросий Оптинский, объясняя требования, предъявляемые к истинному монаху, призывал: "Если ... не хотим жить по своей воле и разуму, то не должны уклоняться от стези и учения свв. отцов, которые велят нам смиряться, покоряться, отсекать свою волю" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 118. С. 101—102).

[45] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 20.

"Воля Божия исполняется в отсечении своей воли" (Письма о. Антония. С. 245).

[46] РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 3.

"В монастыре первый долг — отвержение себя, своей воли и разума (Письма о. Макария. Т. 2. С. 181).

47 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 84.

"Отвержение своей воли и разума составляет крест или скорбь, служащие нам на спасение" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 181).

48 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 120 об.

49 Там же, л. 101 об.

Оптинский старец Макарий тем, кто жил по своей воле, говорил, что наша воля есть медная стена между Богом и нами. (Письма о. Макария. Т. 3. С. 496).

Игумен Антоний Оптинский утверждал, что своевольник никогда не находит покоя в своих действиях, потому что "своя воля человека не столько учит, сколько мучит" (Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам. РГБ, ф. 214. ОПТ-397, л. 110).

50 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 28.

Оптинский игумен Антоний писал: "Самосмышлению своему не верьте ни в чем" (Письма о. Антония. С. 233).

51 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 45.

Преподобный Амвросий Оптинский учил: "По мысленным внушениям, и то с рассуждением и великим рассмотрением, живут одни только совершенные. А новоначальные и немощные и страстные должны жить под правилом и руководством" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 126. С. 110).

52 "Без благословения и одобрения духовной матери своей ничего не начинайте, не только рукоделия какого и внешнего упражнения, но самой молитвы, то есть келейного правила, количества поклонов, чтения книг, воздержания, поста, бдения, трудов и проч... И если они не будут рассмотрены, одобрены и благословлены святою матерью Вашею, то и Богу не будут приятны" (Письма о. Антония. С. 233).

В письме к новопостриженному монаху о. Антоний Оптинский писал: "Обетов и канонов на себя не накладывайте никаких без одобрения отца духовного, с советом которого один поклон принесет Вам более пользы, нежели тысячу поклонов своевольных, чему верьте без сомнения" (Письма о. Антония. С. 239).

53 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 86.

Призывая к послушанию, преп. Амвросий Оптинский восстает против самочиния и своеволия, указывая на вредные последствия всякого начинания без благословения даже в спасительных целях: "Напиши мне искренно тайное твое подвижничество, на которое ты не приняла благословение; а самочинное подвижничество и опасно и душевредно. Если добро это, то зачем оно тайно от духовного отца?... подсады вражии повсюду, разумеется под видом добра и пользы душевной..." (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 66. С. 69).

Основываясь на словах св. Василия Великого, о. Антоний Оптинский учит, что кто и в добром деле усиливается исполнить свое желание, то такое дело не богоугодно: "Полезнее было бы следовать воле Божией, а не своей". Тем более, что не все благие желания приходят от Бога (Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам. РГБ, ф. 214. ОПТ-397, л. 224, 21).

54 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 16.

Преп. Амвросий пишет: "В евангельском учении проповедуется, что послушание есть главная добродетель христианская... Послушание паче

жертвы, послушание паче поста и молитвы. Всем назначено послушание: и младшим, и старшим" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 183. С. 153). "Послушание, по слову Лествичника, такая добродетель, без которой никто из заплетенных страстями не узрит Господа" (Письма о. Амвросия к мирским. Ч. I. П. 16. С. 28).

55 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 78.

"Послушание есть такая добродетель, без которой никто из заплетенных страстями не может войти в Царствие Небесное" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 233).

56 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 23.

Оптинский старец Макарий писал, что послушание должно лежать в основе духовной жизни каждого монаха. "Сам Спаситель наш Господь Иисус Христос говорил о Себе: "снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца" (Ин. 6, 38). И хотя Он был премудрый и пресовершенный, не имел нужды в учении, не требовал руководства, но при всем том жил в послушании у Иосифа и Матери Своей: "и бе повинуяся има" (Лк. 2, 51). Спаситель наш оставил нам сей пример, которому мы должны следовать. И сказал ученикам Своим и их последователям: "Слушаяй вас Мене слушает: и отметаяйся вас, Мене отметается: отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя" (Лк. 10, 16). (Письма о. Макария. Т. 2. С. 26).

57 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 22 об.

Отец Амвросий Оптинский считает преслушание великим грехом, "который и мученичеством не заглаждается" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 214. С. 183). "Послушание исполняя, считай, что оно тебе поручено от Господа через человека, и от усердия исполнения его зависит твое спасение" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 291. С. 45).

"За своеволие неизбежно последует искушение" (Письма о. Антония. С. 253).

58 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 23 об.

Старец Амвросий писал: "Телесные добродетели (пост и бдения) — только орудия добродетелей... Нужно больше заботиться о душевных добродетелях, касательно же употребления пищи и других телесных подвигов у вас должно стоять, впереди всего, благое рассуждение со смирением" (Письма о. Амвросия к мирским. Ч. I. П. 127. С. 145). "Корень всему злу — самость и упрямство... нужно всячески постараться вырвать этот злой корень смирением и послушанием..." (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 84. С. 79).

"Все свое за святое послушание должно оставлять без смущения, ибо святое послушание выше всего правила и больше есть поста и молитвы" (Письма о. Антония. С. 264).

59 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 49.

Оптинский старец Макарий наставлял: "Наши подвиги: уединение, пост, молитва, поклоны... и проч. нужны для отыскания плодов смирения, без которых эти подвиги ничтожны" (Выписки из писем старца иеромонаха Макария (Иванова) к монахиням Троицкого Севского монастыря. РГБ, ф. 214. ОПТ-392, л. 160. Далее — "Выписки").

60 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 102.

Старец Амвросий также говорит: "При смирении всякая вещь бывает на своем месте; ни к кому нет ревности и зависти, ни к здоровым, ни к предпочтенным, ни к обласканным; всем свое, а нам наше при смирении будет полезно и богоугодно, и даже приятно, если вполне восчувствуем собственное сознание пред Богом и пред людьми" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 128. С. 114).

Оптинский о. Антоний писал: "Бог, видя смирение, возвратит спокойствие души твоей и возвеселит сердце твое радостью о спасении" (Письма о. Антония. С. 262). "В смирении наш душевный покой, наши радости и наше спасение" (Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам. РГБ, ф. 214. ОПТ-397, л. 160). "Смиренный человек ... во всякое время пребывает в тишине и покое". (Письма о. Антония. С. 247).

61 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 9.

Оптинский о. Антоний писал: "Кротость и смирение сердца такие добродетели, без которых не только Царства Небесного наследовать, но ни счастливым быть на земле, ни душевного спокойствия ощутить в себе невозможно". (Письма о. Антония. С. 14).

62 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 66.

Преп. Амвросий Оптинский поучал: "Оставь обманчивую мысль, что ты в отдаленном месте будешь смиряться и будешь переносить всякое попрание и уничижение, а лучше смирись в настоящее время... где мы живем, и считай себя мысленно под ногами всех, то есть считай себя достойной всякого попрания и уничижения и досаждения" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 240. С. 6). Оптинский игумен Антоний писал: "Вы пишете, что в другом месте лучше будет Вам, но это лишь внушение противника, усиливающегося вытащить Вас от истинной пользы ко мнимой. Куда бы мы с Вами ни подумали уклониться или переселиться, туда же и внутренний свой хаос перетащим, — ибо как смиренным душам везде земной рай, так несмиренным везде будет мука и каторга не легче смерти. Не определяйте себе тишины вне обители своей, но ищите ее в духе смирения Христова внутри обители и в своем сердце" (Письма о. Антония. С. 288).

63 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 48.

64 Там же, л. 98.

Преп. Амвросий Оптинский, указывая на слова: "Со страхом жития вашего время жительствуйте" (I Петр I, 17), писал: "Слова сии показывают, что главное средство к тому, чтобы жить благочестиво и свято, состоит в страхе Божием и страхе будущего суда и вечных мук. Только при содействии этого страха, с помощью Божию и бывает соблюдение заповедей..." (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 36. С. 50). "Во всякое время да держимся страха Божия, и страх Божий сохранит нас от всякого зла, тайного и явного" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 52. С. 62).

65 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 9 об.

Оптинский старец Амвросий писал: "Ежели и святым всем в слове Божием предписывается иметь страх Божий, по сказанному: "Бойтеся Господа вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его" (Пс. 33, 10), кольми паче нам грешным и неправедным необходимо иметь страх

Божий, и страх смерти, и Страшного суда Божия, и вечных мук во аде, растворяя страх сей надеждою наследовать Царствие Небесное... Страх Божий и памятование четырех последних удерживают от грехопадений по сказанному: "Помни последняя твоя и во веки не согрешиши" (Сир. 7, 39)" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 36. С. 50).

Преп. Амвросий наставлял, что при отсутствии страха Божия "человек помрачается и начинает устами празднословить, судить,.. злословить и уничижать ближних, и сердцем поучаться в помыслах нечистых" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 39. С. 54).

66 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 53.

67 Там же, л. 122 об., 128 об. Там же, к. 55, ед. хр. 13, л. 23.

Преп. Амвросий писал о бодрствовании над собой: "Береги совесть свою и очи; имей страх Божий, чаще помышляй о смерти и о Страшном суде, и о том, что если теперь не управишь себя в богоугодной доброй жизни, то после уже и совсем ослабеешь к добру" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 277. С. 35).

68 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 43.

69 Там же, л. 128 об.

70 Там же, л. 93.

Преп. Амвросий писал: "Если грешный с верою и упованием в покаянии будет прибегать к Господу, то получит помилование и прощение согрешений" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 30. С. 40).

71 Чистая мука или пшеница.

72 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 51 об.

Старец Амвросий писал: "Сын Божий сходил с небес для спасения грешников и многого от нас не требует, а только искреннего покаяния" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 15. С. 19); "Богу приятнее грешник кающийся, чем человек не согрешивший, но превозносящийся" (Письма о. Амвросия монашествующим. В. II. П. 284. С. 40).

73 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 31 об.

74 Там же.

Преп. Амвросий советовал искренно исповедовать свои грехи духовному отцу и не стыдиться ничего утаивать (Письма о. Амвросия монашествующим. В. II. П. 278. С. 37).

75 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 93.

"Покаяние не совершается (не оканчивается) до гроба" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 294. С. 92).

76 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 69—69 об. Оптинский старец Амвросий убеждает: "Скорби — это дар Божий, и все, что делается промыслительно от Господа, то делается к пользе нашей душевной" (Письма иеросхимонаха Амвросия // "Душеполезное чтение". М., 1909. Ч. II. С. 221). В другом письме о. Амвросий поучает: "Всякий христианин чем-либо да испытывается — один бедностью, другой болезнью, третий разными недоумениями. И этим испытывается твердость веры и надежды, любви Божией, то есть к чему человек... более прилепляется, горе ли стремится, или еще пригвожден к земному; чтобы человек-христианин через подобные испытания сам видел, в каком он находится положении... и невольно смирялся" (Письма о.

Амвросия к мирским. Ч. I. П. 30. С. 40). Оптинский игумен Антоний учил: "Так как сказано, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие, то Господь Бог... человеколюбно и посылает на нас различные огорчения, чтоб через них нас спасти" (Письма о. Антония. С. 386).

77 РГБ, к. 103, ед. хр. 93, л. 20.

Старец Макарий указывал: "Что такое крест как не скорби, которые и Христос терпел и оставил нам образ, да последуем стопам Его" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 356).

78 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59—59 об. Старец Амвросий убеждает: "Господь все попускает к пользе нашей душевной" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 186. С. 162). "Креста нигде не избежишь" (Там же. П. 222. С. 189). Оптинский игумен Антоний в одном из своих писем напоминал: "Так устроено Господом Богом, пекущемся о душевном спасении нашем, чтобы всякий человек в жизни своей имел крест, который и должен он с покорностию нести..." (Письма о. Антония. С. 344).

79 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59—69 об. Старец Макарий писал: "Терпение невольных болезней превышает делание подвижническое" (Письма о. Макария. Т. 3. С. 262).

80 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 109.

"Больще всего в болезненном положении остерегайся ропотливого расположения духа" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 133. С. 118).

81 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 46.

82 Там же, л. 75 об.—76.

"Если христианин согрешил, то по праведному суду Божию, для избежания вечного наказания, должен при покаянии понести какое-нибудь наказание временное, но малое в сравнении с грехом, или болезнь, или беду какую, или бесчестие. Остальное же восполняет милость Божия" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 394. С. 111).

83 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59 об.

"Трудно переносить тяжкие и болезненные страдания и томления и другие скорби, но отрадный и утешительный сему последний конец" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 171. С. 148). Схиархимандрит Оптинский Моисей писал: ".Не должно бояться тесноты и скорби ради заповедей Христовых, понеже кратковременна скорбь, но вечные потом... покой, радость и слава" (Письма о. Моисея (Путилова) к его брату Александру Ивановичу // Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 228).

84 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 60.

Иеросхимонах Макарий Оптинский увещевал: "Крест есть истинный дар Божий, который должно принять и нести с терпением, преданностью, упованием на Бога, чтобы быть причисленным к спутникам Христовым" (Выписка из писем старца иеромонаха Макария (Иванова) к монахиням Троицкого Севского монастыря // РГБ, ф. 214. ОПТ-392, л. 215 об.).

85 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 18.

Преп. Амвросий Оптинский пояснял: "Христианин при нанесении ему скорбных ударов со стороны должен блюсти главу свою духовную, т. е. веру и в Господа, и в Его евангельское учение, которое возвещает всем хотящим спастися тесный и прискорбный путь. Но теснота эта и прискорбие скоропреходящи, а воздаяние за них в будущей жизни нескончаемо... Все это непрестанно должно обносить в уме, и в сердце, и в памяти, чтобы быть в состоянии мудрую борьбу со страстями и неприятелями совне растворять незлобием голубиным" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 43. С. 59).

86 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 117.

Старец Амвросий писал: "Брате, терпи и жди, и надейся на лучшее только от Промысла Божия, а не от своих кое-каких предположений..." (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 125. С. 110).

87 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 116 об.—117.

"Преданность воле Божией, — пишет старец Амвросий Оптинский, — всегда потребна и полезна для нас, но в болезни она еще более необходима. Тогда только мы можем быть спокойны и можем удерживать веру и упование на милосердие Божие, спасающее грешников, кающихся и вместе смиряющихся подобно мытарю, который не прогневался и на фарисея, уничижившего его" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 327. С. 70).

88 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 87.

Старец Антоний Оптинский писал: "Чтобы от воли Божией не уклониться в собственную волю, для этого нужно молиться Богу, чтобы открыл нам волю Свою святую..." (Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам. РГБ, ф. 214. ОПТ-397, л. 21).

89 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 53. Иеросхимонах Макарий Оптинский пишет: "Для нас первое утешение — чинное славословие Божие" (Письма о. Макария. Т. 4. С. 297). Игумен Антоний Оптинский писал: "Когда будете чаще пребывать в молитве и печаль свою во всем возлагать на Господа Бога и уповать на Его всесильную помощь, тогда Он и успокоит Вашу душу" (Письма о. Антония. С. 199—200).

90 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 37 об.

Оптинский старец Амвросий писал: "Во всех делах требуется человеку помощь Божия, а потому всегда и во всем просить помощи Божией, т. е. необходима усердная молитва" (Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. I. М., 1900. С. 105).

91 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 37 об.

По мысли игумена Антония Оптинского, для христианина "нет иного средства ограждению себя, кроме одной молитвы ко Господу" (Письма о. Антония. С. 23).

92 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 67.

Иеросхимонах Макарий Оптинский писал, что молитва является действенным оружием в борьбе с невидимым врагом (Письма о. Макария. Т. 2. С. 18).

93 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 33 об.

Старец Амвросий Оптинский указывает: "Враг наш душевный не восстает так против какой бы то ни было добродетели, как против

молитвы..." (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 288. С. 44).

94 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 53.

95 Там же, л. 48.

Ф. П. Ч—н. Тяжелая утрата (Оптинский старец Амвросий). М., 1892. С. 62.

96 РГБ, ф. 213, к. 103. Ед. Хр, л. 120 об.

Оптинский старец Амвросий писал: "Молитва Иисусова прилична, когда человек идет, или сидит, или лежит, пьет, ест, беседует или занимается каким рукоделием, то может при всем этом произносить молитву Иисусову со смирением, тот не должен оставлять оной" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 88. С. 83).

97 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 37 об.

Игумен Антоний Оптинский наставлял: "Без благословения и одобрения духовной матери своей... не начинайте... молитвы" (Письма о. Антония. С. 233).

98 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 87.

Преп. Амвросий Оптинский объясняет: "Ежели всякая добродетель без смирения не может состояться, то кольми паче молитва прежде всего требует смирения, так как молящиеся имеют дело с гордыми бесами, которые, будучи сами бедны и ничего не имея, обещают другим богатство, показывая чужие ассигнации... Так же знай, что молитва требует безгневия" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 259. С. 26).

99 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 36.

Опытный Оптинский руководитель иеросхимонах Макарий также более всего предостерегает от мечтаний и чувственных видений. Своей духовной дочери, писавшей, что она ощущает явление Ангела Хранителя и присутствие святых Божиих, к которым сердечно обращается, он отвечал: "Бойтесь доверять таким явлениям: св. ап. Павел говорит, что сатана преобразуется в Ангела светла... для прельщения неопытных в духовной жизни. Так и св. отцы, описавшие нам признаки духовных явлений, строго запрещают новоначальным доверять таким явлениям... от подобных мнимых видений человек впадает в прелесть бесовскую" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 730—731), "... в настоящем нашем положении отнюдь не должно доверять кажущейся духовной радости, потому что истинная радость духовная, по слову Апостола, есть плод духовный и принадлежит к великой мере духовной. Прежде ее должно стяжать мир от браней и помыслов, мир от страстей и совершенное примирение с Богом" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 729).

"Во время (молитвы)", — писал старец Амвросий, — "никакого постороннего помысла не принимать и не верить тому, что видится или слышится, т. е. изменению иконы или какому-либо голосу. А если снам или чему-либо подобному верить, то можно ума лишиться" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 424. С. 136).

100 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 6.

Оптинский старец Макарий писал одной монахине: "Пренебреги снами, ибо если будешь толковать их в хорошую сторону, то прельстишься и впадешь в гордость, а в худую — будешь смущаться и отчаиваться... Хотя бы и благодатный был сон, но все не погрешишь,

если не поверишь ему и вменишь себя благодатных снов недостойной" (Выписки, л. 566—566 об.).

По учению иеросхимонаха Макария, нельзя доверять снам даже в том случае, если они буквально сбываются, так как и здесь может быть действие вражие (Письма о. Макария. Т. I. С. 234).

101 "Как древле изначала злохитрый змий, диавол, умел обмануть и обольстить первого человека Адама и лишить его райского наслаждения, так и ныне тот же змий диавол уловляет в сеть свою тех, которые срывают и утаивают свои помыслы и стыдятся их исповедовать" (Письма о. Антония. С. 233). Преподобный Амвросий Оптинский писал своей духовной дочери: "В своеволии есть явный признак, что враг путает тебя прелестью, хитро утаивая это от тебя самой" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 104. С. 93). Оптинский старец Макарий считал, что человек приходит в прелесть от подвигов, совершаемых самовольно, без совета с опытным духовным наставником. "Самочинный не может избежать самомнения, которому обычно сопутствует прелесть" (Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву. Шамордино, 1913. С. 7.).

102 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 77 об.

Старец Макарий Оптинский писал: "Прельстились те, которые сами на себя понадеялись и не находили нужды в духовном враче" (Письма о. Макария. Т. I. С. 39—40).

103 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 6.

Старец Амвросий Оптинский писал одной монахине, жившей по своей воле и впавшей в диавольское обольщение: "Ты как видно, от неопытности и самочиния, по причине самомнения и скрытности характера, подверглась прелести вражией. Поэтому молись Господу об избавлении: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя, прельщенную!" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 137. С. 121). Оптинский старец Макарий писал: "...главная причина прелести во всяком случае есть гордость и самочиние". Цит. по: Игумен Иоанн (Маслов). Леции по пастырскому богословию. Троице-Сергиева Лавра, 1969—1970. С. 454).

104 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 8.

По словам о. Макария Оптинского, смиренный не может подвергнуться прелести, потому что "смирение, всегда стоя на низком месте, никогда не падает" (Письма о. Макария. Т. I. С. 237). "При гордости и самочинии искание высоких дарований — путь к прелести..." (Письма о. Макария. Т. 5. С. 664).

105 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 159—160.

Старец Амвросий учит: "Человек крайне немощен и бессилен в духовной борьбе без помощи Божией. В борьбе этой, говорит Марк Подвижник, мы имеем одного помощника, таинственного, в нас сокровенного со времени крещения, — Христа. Он будет споборствовать нам в сей борьбе, если будем не только призывать Его на помощь, но исполнять, по силе своей, Его животворные заповеди" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 23. С. 3—4). "Человек не вдруг стяжевает бесстрастие. А где страсти, там и скорби..."

(Четвериков Сергий, прот. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1912. С. 225.

На вопрос: "Что значит "Повергни немощь свою пред Богом?", старец Амвросий отвечал: "...Когда нападут помыслы и не в силах бороться, тогда сказать: "Господи, Ты видишь немощь мою, я не в силах бороться, помоги мне!" Там же. С. 217.

Старец Макарий Оптинский учил: "Надобно ... познавать, какие более господствуют над нами страсти, на те более вооружаться с помощью Божией" (Письма о. Макария, Т. 4. С. 724).

106 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 89 об.

107 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 103 об.

Старец Амвросий Оптинский писал: "Горделивый, если имеет в кружке какое-либо значение, часто возвышает голос, кричит, спорит, возражает, настаивает на своем мнении" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. I. П. 157. С. 138).

108 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 103 об.

По мысли о. Амвросия, "гордость же одна заменяет все пороки, как и одно смирение спасает человека" (Письма о. Амвросия к мирским. Ч. I. П. 43. С. 53).

109 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 49.

Иеросхимонах Макарий Оптинский учил: "При возмущении сердца надо хранить уста и укорять себя за возмущение, а не ближнего, и, познавши свою немощь, нисходить в глубину смирения... Когда смиришься, положишь начало к удержанию себя от порывов гнева" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 150). "Если тебя никто не будет трогать и ты не будешь иметь случаев нудить себя к терпению и противлению своей ярости, гневу, раздражительности, злопомнению, то трудно тебе исправиться и победить эти страсти" (Выписки, л. 456 об.). "Раздражительность нужно гасить кротостью, смирением и любовью" (Там же, л. 457).

110 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 33. "Пагубнее всего осуждение и порицание ближних наших, происходящее от слепого самомнения и нерассудного возношения... Внимай себе, и своей душе, и своему спасению, и тут найдешь столько дела, что не будет возможности заниматься чужими делами" (Письма о. Амвросия к монашествующим. В. II. П. 298. С. 52). "Если заглянешь в свое сердце, то увидишь настоящий толкучий рынок; сколько пребывает в нем различных помыслов и наиболее пустых. Потому гораздо полезнее зреть Вам свои согрешения, а не других" (Письма о. Антония. С. 256).

111 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 98.

"Если бы нам с тобой научиться видеть только свои недостатки, тогда бы и сами мы меньше терпели от нападения вражьего, ибо неложны слова Господа: "Не судите, да не судимы будете" (Мф. 7, 1)" (Письма о. Макария. Т. 1—2. С. 140).

112 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 69 об.—70. "Всеми силами противься сему лютому диаволу (унынию) молитвой смиренной, удалением от празднословия, чтением божественных книг, терпением во искушениях и побежит от тебя" (Письма о. Антония. С. 294).

113 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 70.

Такой же совет в борьбе с унынием давал своим чадам и преп. Амвросий: "Уныние значит та же лень, только хуже... Скука унынию внука, а лености дочь. Чтобы прогнать ее прочь, в деле потрудись, в

молитве не ленись, тогда и скука пройдет, и усердие придет" (Четвериков Сергий, прот. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. С. 232).

114 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 37 об.

Старец Макарий Оптинский советует каждой страсти противопоставлять добродетель: "Против уныния — терпение, псалмопение и молитву..." (Письма о. Макария. Т. 2. С. 38, 231).

115 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 112 об.

Преп. Амвросий Оптинский наставлял: "Умудряйся направляться к внутреннему христианству, и старайся отражать все противные помышления молитвенным призыванием... помощи Божией" (Письма о. Амвросия к мирским. Ч. I. П. 60. С. 69).

116 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 154.

Оптинский старец Макарий призывал: "Читайте Евангелие, там найдете путь, истину и живот" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 248).

117 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 126 об.

Старец Макарий Оптинский учил: "Чтение духовных книг просвещает наш разум и показывает путь ко спасению, питает душу так, как физическая пища питает тело" (Письма о. Макария. Т. 2. С. 343). "Верой ищите укрепления в Слове Божием, оно есть пища души и целительный бальзам душевных наших язв" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 161).

118 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 154.

119 Там же.

Оптинский старец Макарий писал: "Умнейшие светские люди не могут без руководства Церкви разуметь Писания" (Выписки . Л. 492).

120 Иеросхимонах Макарий Оптинский учил: "Те люди, которые установляли в Церкви порядок и определяли смысл Священного Писания, были богодухновенные пастыри и учители церковные, в них Сам Дух Святой действовал в этом деле" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 107).

121 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 36. "Читай словеса отеческие... Они научают нас... как должны обучаться борению против страстей, побеждать их и искоренять" (Письма о. Макария. Т. 1—2. С. 169).

122 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 31. Оптинский старец Макарий писал: "Учение св. отцов есть врачебница, указывающая средства для всякого рода духовных браней" (Выписки. Л. 494).

123 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93. л. 31.

Старец Макарий Оптинский советует игумении одного монастыря давать читать сестрам книги "святых Ефрема, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, прологи и жития святых отцов, и смотреть от них плода — познания своей немощи и смирения, а не того, что "все знаю", и в случае беседы оспаривать других" (Письма о. Макария. Т. 1—2. С. 22).

124 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 3 об.

О том значении, какое придавал Оптинский старец Амвросий творениям именно этих св. отцов, можно судить по его словам: "В них... ясно и практически изложено, как должен всякий христианин евангельское учение приспособлять к образу своей жизни, чтобы получить милость Божию, и наследовать вечное блаженство" (Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 152).

125 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 36. Оптинский о. Макарий призывал: "Занимайтесь чтением отеческих книг, но более деятельных, ибо... умозрительные могут принести более вреда, нежели пользы. Из этих, т.е. деятельных, вы познавать будете свою немощь и смирять свое сердце" (Письма о. Макария, Т. 5. С. 28).

126 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 79.

Оптинский старец о. Макарий в своих наставлениях приводил слова преп. Паисия Величковского, который выражает радость по поводу издаваемых книг "Добротолюбия", но и сожалеет, что многие, приобретая эти книги и не по искусству, принявшись за духовное делание, то есть за молитву, могут пострадать. "Книга "Добротолюбие", — пишет он, — вся хороша, но ум юн не может принять твердой пищи, требует еще млеком деятельности питаться. И Господь говорил Своим ученикам: "Много имам глаголати вам, но не можете носити ныне" (Письма о. Макария. Т. 4. С. 683).

127 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 25.

"Книга "Добротолюбие" весьма полезная и душеспасительная, она учит и деятельным добродетелям и умозрительным, но если, оставя первые, возьмешься за последние, то не только не получишь пользы, но можешь еще и повредиться" (Письма о. Макария. Т. 1—2. С. 114).

128 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 36.

129 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 154.

Оптинский старец Макарий также учит при чтении Священного Писания советоваться с людьми опытными в духовной жизни: "Писание есть лес, в котором без искусного путеводителя можно заблудиться и быть в опасности. Многие пострадали от своей самонадеянности" (Письма о. Макария. Т. 5. С. 143).

130 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора. С. 155.

131 Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 35, 217.

Жизнеописания... подвижников... Август. М., 1909. С. 167.

132 Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 46. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 68; "Лествица", переписанная о. Филаретом хранилась в библиотеке Глинской пустыни (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 191). Жизнеописание игумена Филарета... С. 100—101.

133 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83 об.

134 Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 105, 598.

135 Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 141.

136 Житие и писание Молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847 С. XVII. Экземпляр книги о. Макария "Житие и писание Молдавского старца Паисия Величковского", изданной Оптиной пустынью в 1847 г., находился в библиотеке Глинской пустыни. (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 196 об.).

137 РГБ, ф. 214. ОПТ—384, л. 25.

138 РГБ, ф. 213, к. 90, ед. хр. 16, л. 2—3.

139 Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. С. 193.

140 РГБ, ф. 213, к. 67, ед. хр. 55.

141 Там же, к. 77, ед. хр. 25; к. 80, ед. хр. 13.
142 Там же, к. 103, ед. хр. 93.
143 Там же, к. 55, ед. хр. 13, 14; к. 54, ед. хр. 5, 6, 7; там же, к. 50, ед. хр. 1.
144 Жизнеописания... подвижников... Июль. М., 1908. С. 576; там же. Сентябрь. М., 1908. С. 107.
145 Там же. С. 582.
146 Там же. Ноябрь. М., 1910. С. 742.
147 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 60.
148 Там же, л. 84.
149 Там же, л. 306, 61, 111 об., 127.
150 Там же, л. 306.
151 Там же, л. 127.
152 Там же, л. 88—88 об.
153 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 47.
154 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 85.
155 РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 101 об.
156 Там же, л. 15 об.
157 Там же, л. 34.
158 Там же, л. 101.
159 Там же, л. 8 об.
160 Глуховская помещица генеральша Тимковская была усердной благотворительницей Глинской пустыни (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 174). Возможно, она была ближайшей родственницей сестер Серафимы и Варвары Тимковских.
161 РГБ, ф. 213, к. 77, ед. хр. 25.
162 Там же, к. 103, ед. хр. 93.
163 Там же, л. 87 об.
164 Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. I. М., 1900. С. 120.
165 РГБ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 5, л. 7 об., 206 об.
166 Казанская Амвросиевская женская пустынь и ее основатель Оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Изд. пустыни. 1908. С. 105—106.
167 РГБ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 5; 6; 7; к, 50, ед. хр. 1.
168 Там же, к. 103, ед. хр. 93.
169 Там же, л. 66.
170 Там же, к. 55, ед. хр. 13, л. 42.
171 Там же, л. 44 об.
172 Там же, л. 45.
173 Там же, к. 54, ед. хр. 5, л. 7 об.; там же, л. 206 об.
174 Там же, л. 126—126 об; к. 54, ед. хр. 6, л. 3.
175 Там же, к. 103, ед. хр. 93, л. 71.
176 Там же, л. 15
177 Там же, к. 54, ед. хр. 5, л. 112 об.
178 Там же, д. 213, к. 55, ед. хр. 13, л. 3.
179 На собрании писем Глинского схиархимандрита Илиодора, хранящемся ныне в РГБ, поставлен штамп библиотеки скита Оптиной пустыни с шифром: отд. I, № 213.

180 Михаил Федорович Улазовский // Жизнеописания... подвижников... Июль. М., 1908. С. 438—439.

181 Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 10.

182 Послужной список настоятеля Курской Коренной Рождество-Богородицкой пустыни игумена Ювеналия. (РГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 3).

183 Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 51.

184 РГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 3.

185 Там же, д. 1804, л. 1.

186 РГБ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41, л. 27 об. 28 об.

187 Там же, л. 27 об.

188 Там же.

189 Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 117—118.

190 РГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 1—1 об.

191 Там же, оп. 205, д. 639.

192 Там же, л. 14.

193 Там же, л. 7.

194 Там же, л. 9 об.

195 Там же, л. 11—11 об.

196 Там же, ф. 385, оп. 18, д. 207, л. 3 об.

197 Там же, л. 13.

198 Там же.

199 Там же. Л. 3 об.

200 Зеленой А.А. — министр государственных имуществ, генерал-адъютант.

201 РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 10 об.

202 По всей вероятности, князь А. А. Суворов — внук генералиссимуса, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1861 г. — С.-Петербургский военный генерал-губернатор.

203 РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 15 об.

204 Там же, оп 143, д. 1145, л. 4.

15 августа 1862 г. о. Ювеналий был возведен в сан архимандрита. В Коренной пустыни о. Ювеналий не только закончил начатые его предшественником постройки, но, главное, "...обновил обитель в смысле духовном через поддержание общежительных порядков" (Историческое описание Коренной РождествоБогородицкой пустыни. Курск, 1885. С. 119). 21 декабря 1867 г. он был назначен наместником Александро-Невской Лавры. 21 мая 1884 г. — наместником Киево-Печерской Лавры. 25 октября 1892 г. о. Ювеналий был назначен епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии, откуда 3 сентября 1893 г. переведен на Курскую кафедру, 7 мая 1898 г. он был определен архиепископом Литовским и Виленским. Скончался в 1904 г. (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II., С. 2391). Подробное жизнеописание архиепископа Ювеналия с указанием его трудов приведено в: Иоанн (Маслов), архим. Глинский Патерик. Т. I.

205 РГБ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41, л. 28.

206 Там же, к. 73, ед. хр. 16, л. 22.

207 РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 16 об.

208 РГБ, ф. 213, к. 73, ед. хр. 16, л. 7.

209 Там же, л. 1—45.

210 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 45.

211 РГБ, ф. 213, к. 68, ед. хр. 45, л. 1—2.

212 Глинская пустынь была закрыта в 1922 г., а Оптина пустынь в 1923 г. (Рукописное собрание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. Том I. Вып. 2 (1917—1947). М., 1986. С. 276).

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ В ПЕРИОД НАСТОЯТЕЛЬСТВА АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (1862—1888)

ГЛАВА VII

Более четверти века Глинское братство возглавлял *о. Иннокентий (Степанов)*. В мае 1862 года он был избран братией на должность настоятеля монастыря[1], а 2 августа 1862 года по указу Св. Синода утвержден в этой должности и посвящен во игумена Преосвященным Сергием, епископом Курским и Белоградским[2]. Этот подвижник духа был широко известен своей святостью далеко за пределами Глинской пустыни. Со всех концов России приезжали в обитель его многочисленные почитатели. Однако до сих пор был издан лишь краткий очерк жизни о. Иннокентия[3]. В данной работе впервые приводится подробное жизнеописание этого великого Глинского настоятеля, составленное на основе архивных документов и литературных источников.

Отец Иннокентий (в миру Иаков Фирсович Степанов) родился в 1824 году в семье потомственных дворян Старооскольского уезда[4]. Окончив уездное училище в возрасте 22 лет, он поступил в Глинскую пустынь[5].

Ревностью о своем спасении, прекрасными способностями, кротостью и смирением Иаков обратил на себя внимание настоятеля о. Евстратия. Вскоре он был назначен письмоводителем и библиотекарем монастыря. Послушание в библиотеке явилось для Иакова как бы школой систематического изучения аскетической литературы. Иаков внимательно изучал творения святых отцов, исполняя правило, данное ему старцами: не читать книг поспешно и соблюдать постепенность, начиная с творений более простых, затем переходить к более углубленным. Иаков обладал прекрасной памятью. Стоило ему один раз прочесть что-либо внимательно, и спустя десятки лет он мог цитировать большие отрывки текстов[6]. Впоследствии это было весьма полезно и назидательно для приходивших к нему за советом.

В должности письмоводителя, а затем и поверенного монастыря он "был правой рукой трех настоятелей Глинской пустыни: Евстратия, Авксентия и Иоасафа и прекрасно ознакомился с многотрудными и разнообразными обязанностями аввы большого общежительного монастыря[7].

Его наставниками были такие маститые старцы и духовные светочи, как иеросхимонах Макарий (Шаров) и схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). Схиархимандрит Илиодор окормлял Иакова с первых дней его поступления в обитель. Однако в 1854 году о. Илиодор (тогда еще архимандрит Иоанникий) хотел совершенно уйти в затвор для сокровенных подвигов и советовал своему ученику при постриге взять в старцы о. Макария (Шарова). Отец Макарий хорошо знал и ценил

Архимандрит Иннокентий (Степанов) (1824—1888), настоятель Глинской пустыни

Иакова. Однажды в храме он сказал одному из послушников: "Учись, брат, монашеской жизни у Иакова"[8]. 7 августа 1854 года игуменом Евстратием Иаков был пострижен в мантию и наречен Иннокентием[9]. В своих записках он писал, что старец Макарий, ставший его восприемником, велел ему заступаться за братию перед настоятелем, "правило соразмерять по времени и при недосуге сокращать, избегать праздных разговоров, рассеянности и хранить зрение"[10].

Старец Макарий высоко ценил рассудительность своего ученика. По благословению старца о. Иннокентий помогал ему вести обширную переписку с лицами, просившими духовных советов и назиданий. После кончины игумена Филарета (Данилевского) многие ученики и ученицы почившего аввы перешли под духовное водительство о. Макария, так что иногда о. Макарию присылалось сразу до 70 писем, и он на все отвечал[11]. Оказывая старцу значительную помощь в переписке, о. Иннокентий воспринял многое из его старческой мудрости. Многие письма, приходившие на имя о. Макария, о. Иннокентий тоже читал. Ответы писались или под диктовку о. Макария, или непосредственно самим о. Иннокентием. Все это способствовало тому, что он основательным образом познавал человеческую душу с ее тайными изгибами, с ее немощами и силами, учился любить страждущего человека до самопожертвования.

Имея беспрекословное послушание, строго исполняя монашеские обеты, подвизаясь в терпении и смирении под духовным окормлением старцев, он скоро преуспел в святой жизни.

10 июня 1855 года о. Иннокентий был рукоположен во иеродиакона, а 23 сентября 1856 года — во иеромонаха. За усердное служение обители 30 сентября 1861 года он был награжден набедренником[12].

Так постепенно о. Иннокентий Промыслом Божиим через постоянное духовное руководство старца Макария, внимательное изучение святоотеческих творений, но более всего через постоянный личный подвиг молитвы и непрерывного внимания к себе готовился к многотрудному подвигу настоятельства и старчества.

Старец Макарий предсказал будущее своего ученика. В конце 1861 года он сказал одной своей посетительнице об о. Иннокентии: "Этот будет игуменом. Хотя он и молод, но будет мудрым старцем, вы его полюбите, на нем благодать Божия почивает". Через полгода слова о. Макария исполнились. Отец Иннокентий был избран братией настоятелем Глинской пустыни.

По мнению Глинского игумена Иассона, составившего жизнеописание старца Макария (Шарова), о. Иннокентий "прославился более своего старца, унаследовал его добродетели и получил от Господа все дары, коими обладал отец Макарий"[13]. В должности настоятеля главное внимание игумен Иннокентий обращал на внутреннее устроение обители. Сам будучи муж духовный, он ревностно заботился не столько о том, чтобы братия упражнялась в монашеских подвигах, сколько о водворении в сердце благодатных даров Святого Духа. Ежедневное чистосердечное исповедание помыслов, полное отсечение своей воли, безусловное послушание, смирение и кротость — вот чему учил он иноков.

Глубокое чувство ответственности за братию перед Богом побуждало его ревностно подвизаться на ниве Христовой. Так, например, он пишет: "Настоятель отвечает за всех... мне надо хотя умом побывать в келлии каждого, помолиться за него, оградить его крестом, иначе враг распудит Христово стадо"[14]. Его молитва ограждала многих не только от болезней телесных, но и козней диавольских. Это был поистине пастырь, полагающий свою душу за своих пасомых.

За высоту своей духовной жизни и неустанные труды на благо ближних о. Иннокентий получил от Бога дар непрестанной молитвы, прозрения будущего и в тайники человеческих душ, дар исцеления. От его духовного взора не могло скрыться ни одно падение кого-либо из братий или их нерадение. Он призывал инока к себе, молился о нем, напоминал цель, ради которой оставляет человек мирскую жизнь, говорил о высоте монашеских обетов и этим самым возбуждал в провинившемся усердие к подвигам. Так, заботясь о спасении каждого, он поддерживал в иноках Глинской пустыни непрестанно горение духа, любовь ко Господу и стремление к высшему совершенству.

Среди многогранных трудов на пользу обители милосердный настоятель находил время и для приема богомольцев. К нему шли за духовным советом, просили благословения и молитв, получали материальную помощь. Отец Иннокентий воистину, по апостолу Павлу, с плачущими плакал, а с радующимися радовался.

С приездом его в какой-либо уездный город "к дому, где он останавливался, съезжались экипажи, собирались многочисленные толпы народа, болящих, скорбящих, нуждающихся. Тут каждый получал требуемое: бедные — помощь, скорбящие — утешение, болящие — совет, а иногда и исцеление"[15]. Об исцелениях по молитвам отца Иннокентия свидетельствуют многочисленные рассказы братии и богомольцев, горячо его любивших. Глинский иеродиакон Иоанникий даже говорил: "При о. Иннокентии мы мало болели. Как только увидит, сейчас же узнает болезнь. "Э, брат, — обыкновенно говорил о. Иннокентий, — на, помажь, или выпей, и пройдет". Даст или маслица, или травки. Болезнь действительно проходила... Головные боли о. Иннокентий исцелял прикосновением или сжатием руками головы"[16].

"Имя Иннокентия передавалось из уст в уста"[17]. Так велика была его популярность. Монах Г., живший много лет под его руководством, говорил: "Отец Иннокентий свои подвиги скрывал. Это был великий старец, выше всех других, хотя его считали за обыкновенного..."[18].

Благодаря его молитвам и трудам Глинская пустынь славилась высотой духовной жизни. Преосвященный Сергий (Ляпидевский) писал в Св. Синод: "Лучшей обителью в епархии продолжает быть Глинская: ее старцы служат украшением... монашества и умножают неприметно для своего смирения число своих почитателей"[19].

Среди Глинских подвижников того периода сияли духовными добродетелями старцы: схиархимандрит Илиодор, ризничий иеромонах Гурий, схимонахи: Лаврентий, Артемий, Архип, Евфимий, монахи: Досифей благоговейный, Игнатий трудолюбивый, Александр нестяжатель, послушник Прохор юродивый и другие. Своими богоугодными молитвами они помогали в становлении духовной жизни всем просившим их помощи и молитвенного предстательства.

Подробные жизнеописания этих старцев помещены в "Глинском Патерике"[20], здесь же приведем краткие сведения лишь о некоторых из них.

Великими подвигами прославился *схимонах Евфимий*[21] (в миру Евстафий Любимченко; 1795—1866). Первые духовные наставления о смирении, послушании, борьбе со страстями он получил от богомудрого игумена Филарета и пронес их через всю свою жизнь, а впоследствии передавал эти уроки иноческой жизни новоначальной братии, подчеркивая: "Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и

Автограф игумена Иннокентия (Степанова) на составленной им описи мельницы и земель Глинской пустыни, отходящих в казенное ведомство. 30 августа 1866 г. РГИА, ф. 385, оп. 18, д. 207, л. 207, л. 6 об.

передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками"[22].

Старец Евфимий прожил в Глинской пустыни безвыходно сорок восемь лет. По своему глубокому смирению он отказался от принятия священного сана, хотя "некоторым другим братиям, слабейшим духом, не советовал без причины уклоняться от предлагаемого священства"[23]. В течение тридцати лет подвижник исполнял пономарское послушание, входя всегда в храм первым и выходя из него последним. Для отдыха и принятия пищи у него почти не оставалось времени. Такая подвижническая жизнь вошла в его привычку, стала его жизненной потребностью. Он с ревностной ненасытимостью жил и дышал постоянно атмосферой церковных песнопений, молитвенных воззваний, сделавшихся стихией его души. В этом отношении старец Евфимий "приближался к бесплотным Ангелам, непрестанно, ненасытно славословящим своего Господа"[24]. Он прекрасно знал церковный устав, особенности местного чиноположения, установленного для Глинской пустыни, и к нему обращались братия за разрешением вопросов; "это был живой типикон Глинской пустыни"[25]. Когда по причине болезни он не мог сам идти в церковь, а любовь к Господу неудержимо влекла его в храм Божий, то он просил братию водить его на богослужение.

Проводимая монахом Евфимием строгая постническая жизнь, постоянная готовность к исполнению обязанностей пономаря вполне удовлетворяла потребностям его ревностного духа. Подвиги старца остались скрытыми от нас, за исключением тех примеров, которые

По сей описи отмеченное имущество Глинской Богородицкой Пустыни Настоятель игумен Иннокентий в наличности и расписался.

приводил он сам в назидание своим духовным братиям. Так, однажды в молодости, желая отразить раскаленные стрелы лукавого, он связал себя по нагому телу узловатою бечевкою и покрепче скрутил палкой, не давая себе пищи и покоя. В таком положении он с крепким сердечным воплем обращался к Господу, молясь об избавлении от усиленной диавольской брани. Господь услышал его молитву и послал ему в сердце мир и покой, после чего Евфимий решился снять бечевку, но она так глубоко поразила тело, что по всему протяжению ее оказалась сплошная рана. Кровь лилась по всему телу, а подвижник, смотря на это и терпя болезнь, говорил: "А что, Евфимий, хорошо? Может быть, еще чего захочешь? Тогда еще не то тебе будет"[26]. Подобных самоистязаний подвижник перенес, очевидно, немало, но они остались известными только одному Господу.

Душа подвижника была исполнена такой непередаваемой любовью к Господу, таким Божественным страхом, что всю жизнь из его глаз текли слезы. На вопрос, боится ли он смерти, старец ответил: "Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному, и бояться! Нет, брат, я, по благости Божией, не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к Которому всю мою жизнь стремилась душа моя и увижу Его: вот слезы и текут"[27]. Подвижник Евфимий не мог скрыть тех чувств, которые наполняли его душу, он плакал от изобильных чувств любви к Богу и страха Божия, страха ангельского. "Чувствовать любовь ко Господу и страх, и паки, страх и любовь. Такое состояние, — сказал затворник Вышенский епископ Феофан, — есть состояние Ангелов на небесах"[28]. Именно такого ангельского состояния и достиг Глинский подвижник схимонах Евфимий.

Ризничий Глинской пустыни *иеромонах Гурий*, отличаясь глубоким смирением пред Богом и ближними, имел исключительное детское незлобие и доброту сердца. Его ученик Глинский иеросхимонах Илиодор (Захаров) говорил об о. Гурии: "Это был ангел. Что ему ни скажи, что ни сделай, он все улыбается, все у него "Слава Богу"; благодушия его никто не мог нарушить".

Ему, например, говорят: "Отец Гурий, о. настоятель благословил тебе надеть свитку и идти на экономию работать", и он безропотно, ничтоже сумняшеся, сейчас же шел на экономию. При виде его и у злобного проходила злоба"[29]. За свое послушание и смирение о. Гурий имел особенное дерзновение в молитвах. По молитвам его Господь исполнял прошения прибегающих к Нему. Случись на полях саранча или жучок, на огородах червь, болезнь скота или что-либо другое, всегда просили служить молебен о. Гурия. Сам настоятель отец Иннокентий в таких случаях говорил: "Пошлю Гурия, и все пройдет"[30].

При о. Иннокентии в Глинской пустыни подвизались также ученики схиархимандрита Илиодора (Голованицкого). Среди них наиболее известны имена *схимонаха Лаврентия* и *схимонаха Артемия*[31].

Так, отец Лаврентий назван "дивным по жизни", в устах "всегда имел молитву или псалом; в храме стоял, как свеча"[32]. По преданию, к нему однажды прилетели Ангелы в виде прекрасных голубей и известили о том, что через год прилетят за ним, что и исполнилось, когда о. Лаврентий блаженно скончался в 1881 году[33].

Второй ученик старца Илиодора — любитель безмолвия, о. Артемий два года после смерти своего учителя "подвизался в его лесной келлии"[34]. Главным его занятием была Иисусова молитва, которую он творил до последней минуты своей жизни[35].

Нравственная высота Глинских иноков, как и прежде, побуждала епархиальное начальство переводить их в другие монастыри для становления там истинно духовной жизни. Так, в 1864 году семь человек братии были вызваны из Глинской пустыни и переведены во вновь открываемый монастырь близ г. Мирополья[36]. В 1870 году во вновь открытый (в 1868 г.) Тульский Богородичный Щеглов монастырь также были переведены Глинские иноки[37]. Как уже упоминалось, в Щегловом монастыре был введен устав Глинской пустыни.

Старческое окормление, подвижническая жизнь настоятеля и братии Глинской пустыни влекли в обитель все новых подвижников. Если в конце 1861 года в Глинской пустыни было 163 насельника[38], в 1880 году — 178[39], то в 1885 — уже 224[40]. Глинская пустынь была известна в самых отдаленных концах России и пользовалась огромным авторитетом. В обитель поступали жители не только Курской и близлежащей Черниговской губерний, но и Воронежской, Тверской, Полтавской, Ярославской, Тамбовской, Тульской, Вятской, Орловской, Смоленской, Калужской, Екатеринославской, Самарской и других[41].

К 1880-м годам существенно изменился социальный состав Глинской братии. Если в 1829 году почти половину насельников составляли мещане и казаки[42], а крестьян было меньше одной десятой части, то в 1885 году крестьяне составляли более половины братии (114 человек); при этом резко сократилась доля насельников из мещан, казаков и духовного звания[43]. (В "Архиве Глинской пустыни" приведены сведения о распределении священнослужителей, монахов и послушников Глинской пустыни в 1885 году — по званиям и сословиям.). В 1885 году более половины насельников монастыря были моложе 40 лет, причем около трети братии — моложе 30 лет. Однако все священнослужители обители были старше 40 лет (более $^2/_3$ из них — старше 50 лет), а все монашествующие — старше 30 лет; среди послушников были люди самого разного возраста. (Более подробные данные приведены в "Архиве Глинской пустыни"). Все в монастыре трудились на послушаниях.

Казначеем Глинской пустыни при о. Иннокентии был почтенный старец *иеромонах Амвросий* (в миру Александр Распопов), старожил обители, поступивший в Глинскую пустынь еще при игумене Филарете в 1837 году. За усердное служение обители он имел награды: бронзовый наперсный крест в память 1853—1856 годов и золотой наперсный крест, от Св. Синода выдаваемый[44].

О *братском духовнике* старце *иеромонахе Аполлонии* (в миру Александре Купчинском) о. Иннокентий писал, что он "качеств очень хороших"[45].

Должность благочинного исполнял *иеромонах Иерофей* (в миру Иоанн Григоров)[46], *ризничим* был сначала *иеромонах Гурий*, а затем его ученик *иеромонах Иероним* (в миру Никита Захаров), подвизавшийся в Глинской пустыни 45 лет, впоследствии известный святостью жизни иеросхимонах Илиодор[47], в силу молитв которого верил сам о. Иннокентий.

В 1885 году в обители, кроме настоятеля-игумена, было 16 иеромонахов и 12 иеродиаконов. Остальная братия трудилась на послушаниях, перечисленных в таблице 1.

Таблица 1. Послушания насельников Глинской пустыни в 1885 году* (Составлено автором по послужным спискам братии за 1885 год // ГАКО,. ф. 20, оп. 3 л, д. 89).

Послушания:	Трудились на послушаниях:			
	монахи	указные послушники	послушники, на предварительном испытании	Всего
чтение Псалтири по усопшим	4	-	-	4
при хлебопекарне и сушке хлеба	10	5	5	20
при бондарне	3	-	1	4
при портной	1	2	2	5
при клиросе	6	5	13	24
при сапожной мастерской	1	-	3	4
при экономии	5	1	4	10
при Сеймских мельницах	-	11	6	17
на мельнице при монастыре	1	2	-	3
при дальней мельнице	1	-	-	1
пономарь при церкви	4	-	-	4
при свечной продаже	1	-	-	1
плотник	1	-	-	1
при трапезе	3	-	-	3
ключник	1	-	-	1
при дегтярном заводе	1	-	-	1
вратарь	2	-	-	2
при столярне	1	-	-	1
при крупорушке	1	1	1	3
при маслобойне	1	-	1	2
при просфорне	1	1	2	4
при садоводстве	1	1	-	2
при гостинице	2	1	16	19
келейник настоятеля	1	-	-	1
келейник казначея	1	-	-	1
смотритель подворья г. Глухова	1	-	-	1
при пасеке	-	4	2	6
при книжной монастырской лавке	-	1	-	1
при кухне	-	4	7	11
при Заруцкой часовне	-	1	-	1
звонарь	-	1	1	2
при письмоводстве	-	2	-	2
при больнице	-	2	1	3
при живописной	-	1	-	1
при скотном дворе	-	1	-	1
общежительные послушания	5	10	10	25
Всего:	60[48]	57	75	192

Больше всего насельников трудилось на клиросном послушании, в хлебопекарне и в гостинице обители.

В числе Глинского братства находились епитимийцы, которых епархиальное начальство, как и прежде, посылало в Глинскую пустынь, считая эту обитель более других способствующей исправлению провинившихся.

Так, в 1868 году за нетрезвую жизнь в Глинскую пустынь для исправления был определен вдовый диакон Петр Десницкий с запрещением священнодействия. Здесь под руководством старцев он стал вести жизнь трезвенную и примерную. Уже в 1870 году, вследствие одобрения его поведения настоятелем с братией, о. Петру было разрешено священнодействие. Примеры строгой подвижнической жизни Глинских иноков побудили и его стремиться к духовному совершенству. В 1882 году по прошению он был пострижен в монашество с именем Полиевкт. Аттестуя о. Полиевкта в 1885 году, о. Иннокентий писал, что он "качеств добропорядочных, к послушаниям способен и усерден"[49].

Так Глинские старцы, просвещенные духом Христовой мудрости, умели пробуждать в грешнике недовольство своим состоянием и изменяли человеческие сердца не отвлеченными поучениями, а Божественной благодатью[50].

Строго следя за внутренней жизнью братии, немало заботился о. Иннокентий и о внешнем устроении обители.

При нем в 1864 году была полностью завершена перестройка соборного храма, которую начал еще игумен Евстратий в 1852 году[51].

Собор расширили за счет пристройки двух приделов. В нем были сохранены соразмерно высоте храма 3 престола: средний — в честь Рождества Пресвятой Богородицы; южный — во имя Святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского и северный — во имя св. митрополита Алексия и мученицы царицы Александры.

Храм покрыли простым железом, а пять его глав — белым. Иконостас в храме был резной, с позолоченными украшениями (стоимостью 10 тыс. рублей), сооружен на средства благотворителя обители харьковского помещика Константина Дмитриевича Хрущова. Клиросы также были резные с позлащенными киотами. Внутри храм был хорошо освещен и расписан священными изображениями, в нем также устроили хоры. Пол как в алтаре, так и в храме был деревянный[52].

Каменная колокольня при храме осталась почти без изменений. В конце настоятельства о. Иннокентия на ней было 12 колоколов. Самый большой из них весом 705 пудов (стоимостью около 16 тыс. рублей) в 1887 году пожертвовал задонский купец М. Ш., пожелавший остаться неизвестным[53]. Меньший, полиелейный колокол (стоимостью около 5 тыс. рублей) весил 233 пуда 8 фунтов[54].

Престолы соборного храма Рождества Пресвятой Богородицы после устроения иконостаса были освящены 2, 3, и 4 сентября 1864 года[55]. Во время освящения храма Рождества Пресвятой Богородицы Матерь Божия явила Свою особую милость к обители Глинской. Об этом подробно рассказывает Глинский инок — игумен Иассон в "Сказании о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора...". "Вначале средний престол освятил сам Преосвященный Сергий (Ляпидевский. — *А. И.*), епископ Курский (впоследствии митрополит Московский). На следующий день в правом

приделе престол освящал архимандрит Ювеналий [Половцев. — *А. И.*], бывший тогда благочинным монастырей. Посему ранняя литургия в тот день служилась на среднем, вновь освященном престоле. Старец Илиодор [Голованицкий. — *А. И.*] молился на ранней литургии... Придя из церкви, старец, по обычаю благоговейно поклонился пред святыми иноками, снял мантию и сел на свое место... Прозрачная белизна на его лице покрывалась чудным румянцем, а взор был поразительно благоговейный. Видно было, что душа его была преисполнена неземным утешением... После краткого молчания старец вздохнул от полноты чувств, затем сказал: "Какое великое благоволение Божией Матери к нам грешным!.. Сегодня на Божественной литургии один старец видел дивное видение[56]. Когда клиросные певцы вышли среди церкви петь "Тебе поем, Тебе благословим...", в это время с правого клироса показалась идущая по солее Величественная благолепная Жена, чудной, несказанной красоты. Одежда на Ней была такая дивная, что невозможно объяснить, поверх одежды мантия, застегнутая на груди; а на голове Ее митра, блестящая чудным отражением; на верху митры видна была маленькая возвышенность "вот этакая!". При этих словах старец показал пальцами меру возвышенности не более как в $^3/_4$ вершка. — "на верху возвыщенности был маленький крестик. Она была окружена светом славы... Она шла с правого клироса по солее и, дойдя на середину пред Царские врата, обратилась лицом к востоку и стала невидима. Это... была Сама Царица Небесная. Она, милостивая явила Свое присутствие во вновь освященном храме святого Имени Ея, во свидетельство Своего благоволения к нам грешным"[57].

За попечение и труды по возобновлению соборного храма в Глинской пустыни 3 октября 1864 года игумену Иннокентию была объявлена признательность Епархиального начальства со внесением в его послужной список[58].

Заботясь об улучшении благосостояния обители, о. Иннокентий сумел разрешить вопрос о мельнице Глинской пустыни. Мельница на реке Власовище (при селе Новая Слобода), подаренная обители еще в 1797 году императором Павлом I, не приносила обители никакого дохода. В конце 50-х — начале 60-х годов XIX века речка Власовица прекратила свое течение и, по мнению Курской палаты Государственных имуществ, мельница не могла более существовать[59]. Земли при мельнице было всего 16 десятин 523 сажени, но из нее только 1400 саженей удобной, остальная — глинистая[60]. Благодаря ходатайству игумена Иннокентия, по решению Государственного совета Департамента государственной экономии, утвержденному императором Александром II, 9 мая 1866 года мельница Глинской пустыни на реке Власовище с прилегающей к ней землей отошла в казенное ведомство (была "обращена в Государственные имущества")[61], а Глинской пустыни с 1 января 1866 года отпускалось за эту мельницу из казны ежегодное пособие в 300 рублей[62]. Однако полученное от казны пособие не могло компенсировать отсутствие мельницы, которая была необходима пустыни. Поэтому, когда в конце 1860-х годов было объявлено о продаже Сеймских казенных мельниц в Путивльском уезде, игумен Иннокентий подал прошение о разрешении Глинской пустыни приобрести эти мельницы.

(В соответствии с существовавшим тогда законодательством монастыри и церкви не могли приобретать недвижимые имения без разрешения императора[63]). Игумен Иннокентий, обосновывая свое прошение, писал: "В покупке сих мельниц настоит крайняя нужда для обеспечения хлебом как монастыря, так и бедных, приходящих в пустынь в большом числе"[64].

В связи с покупкой Сеймских мельниц настоятелю отцу Иннокентию пришлось перенести много скорбей и хлопот. Но он все упования возлагал на Царицу Небесную. Дело осложнялось тем, что принадлежащие обители капиталы были обращены в четырехпроцентные непрерывно-доходные билеты, и о. Иннокентий просил принять эти билеты в казну в уплату за Сеймские мельницы.

Во всеподданнейшем докладе Канцелярии министерства финансов было сказано: "По правилам о 4% непрерывно-доходных билетах, билеты сии размену на наличные деньги не подлежат и в казенные платежи принимаемы быть не могут, и посему вышеизъясненная просьба игумена Глинской Богородицкой пустыни не могла бы быть удовлетворена. Но, принимая во внимание удостоверение игумена Иннокентия о необходимости в приобретении Сеймских казенных мельниц для обеспечения продовольствием означенной пустыни, Министерство финансов, согласно с заключением министра Государственных имуществ[65] и исправляющего должность обер-прокурора Св. Синода, долгом считает всеподданнейше испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества разрешения, в виде особой Монаршей милости, дозволить принять от Глинской пустыни в счет следующей за сии мельницы уплаты принадлежащие пустыни 4% непрерывно-доходные билеты"[66].

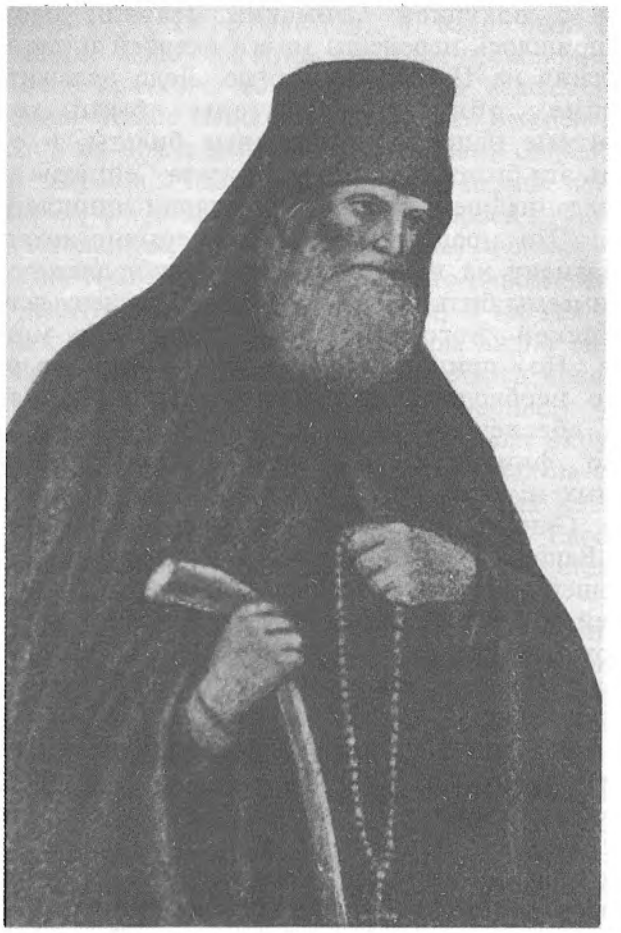
24 октября 1869 года, в день празднования иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость", император Александр II разрешил принять от Глинской Богородицкой пустыни четырехпроцентные непрерывно-доходные билеты в уплату за Сеймские казенные мельницы[67].

Игумен Иннокентий в благодарственную память об этом явном благоволении Божией Матери к обители Глинской благословил ежегодно 23 октября вечером совершать бдение, а на другой день после литургии — соборный акафист Пресвятой Богородице[68].

Высочайшее разрешение на вступление Глинской пустыни во владение Сеймскими мельницами последовало 20 декабря 1869 года[69]. Однако, по свидетельству преемника о. Иннокентия — Глинского настоятеля игумена Исаии, Сеймские мельницы были окончательно закреплены за Глинской пустынью (по крепости, утвержденной нотариусом Сумского окружного суда) лишь 28 сентября 1870 года с уплатой за них 30 тыс. рублей четырехпроцентными непрерывно-доходными билетами[70].

Приобретенные обителью мельницы были ветхими, нуждались в неотложном ремонте и перестройке, что потребовало больших затрат. Отец Иннокентий устроил при мельницах монастырское подворье, завел хозяйство, приобрел необходимую распашную и луговую землю[71]. Сами мельницы были вновь перестроены, увеличены и улучшены. К 1877 году на них было уже 14 поставов, 2 турбины и 19 водяных колес[72]. На возобновление мельниц было израсходовано более 28 тысяч рублей;

кроме того, ежегодное содержание мельниц обходилось в 4,5—5 тысяч рублей[73]. Здесь ежегодно перемалывалась рожь (от 50 до 70 тысяч пудов), отделывалось до 3000 пудов пшена и до 8000 пудов круп. При мельницах была также устроена сукновальня, где переваливалось до 10 тысяч аршин сукна в течение года[74].

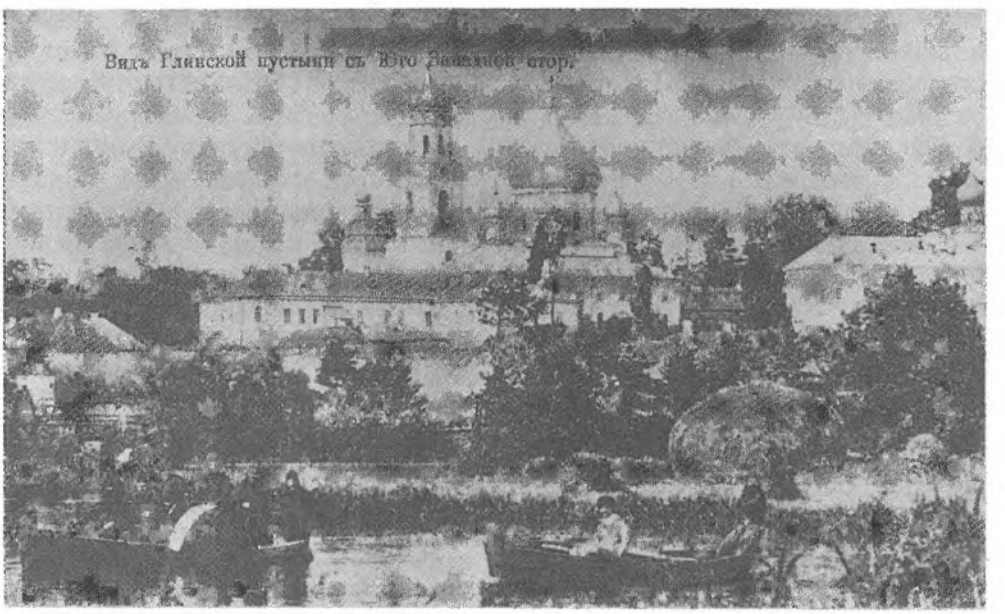

От помола и продажи хлеба и с сукновальни обитель получала в год около 11 тысяч рублей[75]. Но этот доход большей частью расходовался на содержание, ремонт и расширение мельниц, а также на взносы в казну и платежи земских окладов. Хотя деньги в монастырь и не поступали[76], с Сеймских мельниц обитель получала каждый месяц 300—400 пудов хлеба[77].

Мельницами заведовал назначенный настоятелем инок, послушание здесь также проходили 19 послушников, которые обучались мельничному и сукновальному делу[78].

Схимонах Евфимий
(Любимченко)
(1795—1866)

На подворье Сеймских мельниц останавливались многочисленные богомольцы, приезжавшие в Глинскую пустынь издалека, так как по железной дороге (до проведения подъездного пути к обители) они могли доехать лишь до станции Путивль. Все они стремились получить благословение, услышать наставление мудрого Глинского настоятеля, который часто приезжал на Сеймские мельницы. Паломники приобщались к жизни обители уже на ее подворье. Более всего они общались здесь с гостинником и его помощниками — братьями гостиного двора, которые, будучи истинными иноками Глинской пус-

тыни, при исполнении всех своих многотрудных и хлопотных обязанностей являли пример христианской любви, кротости и терпения.

Среди них особенно отличался благочестивой жизнью воспитанник о. Иннокентия — *монах Евгений* (в миру Евмений Бобров). Отец Евгений родился в 1861 году в семье крестьян Мглинского уезда Черниговской губернии; в Глинскую пустынь поступил в 1884 году[79]. В обители он был назначен на послушание при гостинице, а затем переведен на подворье при Сеймских мельницах помощником гостинника[80]. Сначала о. Евгений не мог справиться со всеми своими многотрудными обязанностями, но он все открывал о. Иннокентию и по молитвам Глинского настоятеля свое тяжелое послушание нес благодушно.

Тогда враг спасения начал смущать молодого подвижника различными помыслами. В душе его происходила острая внутренняя борьба, и о. Евгений просил перевести его в монастырь. Ответ Глинского настоятеля на эту просьбу о. Евгения раскрывает высоту духовной жизни о. Иннокентия, его близость Горнему миру. Он сказал:

Вид Глинской пустыни
с юго-западной стороны.
Дореволюционная
открытка

"Я тебя не сам назначил, на это была воля Божия и Царицы Небесной; не могу преступить Их Святой воли; покоряйся и ты. Старайся нести послушание без рассуждения и получишь награду..."[81]. Отец Иннокентий умел мудро наставлять всех, кто к нему обращался, на правильный спасительный путь жизни и направлять их волю в сторону добра. Под духовным водительством такого старца о. Евгений беспрекословно нес свое послушание, возрастал в духовно-аскетической жизни, стяжал терпение и кротость.

Вскоре он был назначен на послушание гостинника, которое всю свою жизнь и исполнял с любовью.

Обязанностей у о. Евгения было много. Он был гостинником, поваром для приезжих, садовником, старшим на скотном дворе и огороде, в поле, ему также подчинялись и кучера. Отец Евгений всегда ожидал гостей, к приезду их у него всегда все было готово. Он, как только мог, стремился услужить и помочь приезжим. При таких разнообразных и многосложных трудах спал он не более 3—4 часов в сутки, однако келейное монашеское правило всегда исполнял. Любвеобильным и кротким было его отношение к подчиненным, вину которых он всегда брал на себя. Когда кто-либо провинится, о. Евгений без гнева, с сожалением говорил: "Ишь ты какой! Разве можно так делать?"[82] За это послушники искренно любили его и боялись оскорбить. Христианская любовь к ближнему, снисходительность к немощам других и безграничное терпение о. Евгения привлекали благословение Божие и приносили успех во всех делах.

Кротостью и смирением отца гостинника устранялось всякое несогласие между людьми. Так, однажды скот крестьян соседней слободки зашел в монастырский огород; послушники, увидев это, загнали животных во двор. Через час к о. Евгению со страшной бранью пришел уполномоченный от общества Иван М. и хотел ударить его. Отец Евгений поклонился и со смирением сказал: "Прости, брат, я виноват", — и велел отпустить животных. Такая кротость о. Евгения перерождала человека, и в данном случае М., пораженный поступком инока, пал на колени и со слезами просил прощения. Получив не только прощение, но и духовное наставление, М. до самой смерти о. Евгения приходил к молодому монаху за советом[83]. И не только он, а многие, знавшие о. Евгения, пользовались его добрыми советами и помощью. Больным он также раздавал простые лекарственные средства. Но особенно были благодарны Глинскому иноку родители малолетних мальчиков, живших в соседних слободках. В летнее время дети под руководством о. Евгения обрабатывали сад и огород подворья, а зимой приходили к нему за книгами, которые о. Евгений им дарил, разъясняя духовный смысл написанного. Отец Евгений приучал мальчиков с детства очищать душу от грешных изъянов и успешно исправлял непокорных и шаловливых. И по прошествии многих лет все они с благодарностью вспоминали молодого монаха.

Отец Евгений отличался серьезной сосредоточенностью, так как под руководством о. Иннокентия упражнялся в непрестанной молитве и трезвении ума. Отец Иннокентий и после своей кончины являлся во сне о. Евгению и также наставлял его. Однажды в трудных обстоятельствах о. Евгений тяжко скорбел, всю ночь слезно молился и лишь под утро

уснул. Во сне он увидел покойного о. Иннокентия, который советовал ему терпеливо переносить скорби, покориться воле Божией, ниспосылающей все к нашему спасению. "Трудно, батюшка, — сказал о. Евгений, — не могу перенести, помогите". Отец Иннокентий тяжело вздохнул и громко сказал: "Что с вами буду делать?"[84] При этих словах о. Евгений проснулся. Утром все его трудные обстоятельства совершенно были устранены, скорбь прошла, и он радостно вернулся к своему послушанию.

15 августа 1892 года в Глинской пустыни он был пострижен в мантию. В 1893 году о. Евгений тяжело заболел и вскоре скончался. На могильном кресте подвижника была надпись: "Под сим крестом погребен монах Евгений, в миру Евмений Бобров, скончавшийся смертию праведника 12 мая 1894 года на 33 году от роду. Он с полным усердием и любовью к ближним послужил обители 10 лет"[85].

Таких учеников воспитывал о. Иннокентий, наставляя их с ревностью исполнять возложенное внешнее послушание, неослабно пребывать и во внутреннем подвиге. Кроме устроения Сеймских мельниц при о. Иннокентии в Глинской пустыни были построены деревянный одноэтажный, крытый соломой корпус для пасечников на 10 келлий; на гостином дворе — двухэтажный каменный корпус с мезонином на 29 келлий (на средства помещицы А. И. Мовчан)[86].

За неусыпное попечение о благе обители игумен Иннокентий 10 мая 1869 года был высочайше награжден золотым наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым, а 29 апреля 1873 года — палицей[87].

При игумене Иннокентии возросла благотворительная деятельность Глинской пустыни.

В отчетах о состоянии Курской епархии за 1862—1887 годы епархиальные архиереи отмечали, что хотя "странным и бедным оказывают вспомоществование все монастыри, но в сем отношении преимущество имеет пустынь Глинская"[88]. Здесь была устроена особая для этой цели гостиница[89]. В деревне Заруцкой и на подворье при Сеймских мельницах пустынь содержала странноприимные дома, где останавливались для ночлега богомольцы, которые не могли без отдыха дойти до обители[90]. Сюда прибывали странствующие подвижники, паломники из дальних краев нашей страны и из-за рубежа. В странноприимницах жили также бедные жители ближайших селений, в основном не способные к труду по старости и болезни.

Глинские иноки безотказно оказывали помощь всем обращавшимся к ним. При о. Иннокентии в странноприимницах обители ежегодно призревалось 15—20 тысяч человек обоего пола[91]. (Из них только нищих, обращавшихся в обитель за пособием, было от 1,5 до 4 тыс. человек)[92]. Все они жили в обители и получали пищу безвозмездно[93], кроме того, "беднейшие из них снабжались от обители одеждой, бельем, обувью и деньгами для дальнейшего пути"[94]. Больных помещали в больницу или выдавали им лекарства. На содержание странноприимниц ежегодно расходовалось 3—5 тыс. рублей, не считая стоимости выдаваемого хлеба и лекарств[95]. Глинские иноки щедро раздавали хлеб, поэтому в 1885 году Курский епископ Михаил (Лузин) в отношении к обер-прокурору Св. Синода писал, что Глинская пустынь имеет "особую нужду в хлебе по множеству приходящих богомольцев и бедных"[96].

Благотворительность была присуща каждому из числа братии монастыря, начиная от настоятеля и кончая послушником. Исполняя слова Спасителя, сказавшего: "Блаженнее давать, нежели принимать" (Деян. 20, 35), и увещание св. апостола Петра: "Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры..." (1 Петр. 3, 8), иноки стремились оказать посильную помощь каждому нуждающемуся делом, словом, духовным наставлением. Так, Глинского настоятеля архимандрита Иннокентия народ называл не иначе как "благоутробным, чадолюбивым, сострадательным, милосердным". И действительно, "милостыню батюшка выдавал, не считая, явно и тайно; никто не уходил без помощи. Однажды после обеда у о. Иннокентия была одна игумения. В это время батюшка, как и всегда, раздавал бедным свою помощь. Кроме того, келейник приходил несколько раз и тоже просил денег для раздачи. Отец Иннокентий давал серебро, не считая. Видя такую щедрость, игумения говорит: "Я думаю, что вы раздали рублей пятнадцать". — "Более, — отвечает ей о. Иннокентий, — роздано восемнадцать рублей". — "Можно ли так?" — "На них, матушка, нам Сам Бог посылает. В этом я убежден и опытом, и словом Божиим". В это время подают пришедшую почту. Там было два извещения на 700 рублей. Отец Иннокентий, показывая их матушке, говорит: "Вот вам доказательство". Иногда нуждающимся о. Иннокентий отдавал свой подрясник, сапоги или рубашку. По тому же состраданию к ближним он помогал больным, преимущественно исцелял помазанием маслом из лампады от Глинской Чудотворной иконы... У больных ногами о. Иннокентий своими руками разматывал онучи (пришедшие были обуты в лапти), ноги натирал мазью, снова помогал обуться и говорил: "Теперь иди с Богом". Такая любовь, такое внимание батюшки к страждущим беднякам кого не тронет?! Все были ему благодарны и уходили с молитвою на устах. Но, исцеляя других, сам о. Иннокентий при слабом телосложении почти всегда был болен, что переносил благодушно, с благодарностью Господу, в болезнях тела видел здравие души"[97].

Страждущим всегда оказывалась в Глинской пустыни квалифицированная медицинская помощь, по заповеди любви: "Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов" (1 Петр. 4, 8). В начале 70-х годов XIX века в больницу Глинской пустыни обращалось до 70 человек в год. Здесь лечились не только братия обители, но и проходящие богомольцы и странники. Например, в 1873 году обратились за помощью 63 человека: 37 братий, 26 богомольцев и странников[98]. Необходимые лекарства, различные медицинские процедуры, питание и уход они получали здесь бесплатно. Однако больница помещалась в одноэтажном деревянном здании и была рассчитана на одновременное лечение лишь 10 человек[99].

Еще при игумене Евстратии было получено разрешение на постройку двухэтажного каменного здания для помещения как больных, так и престарелых монашествующих. Но пустынь не имела тогда средств на эту постройку[100]. В 1873 году о. Иннокентий предложил благотворителю обители киевскому купцу Кондратию Космичу Ховалкину, глубоко почитавшему Глинского настоятеля, построить в обители каменную больницу. К. К. Ховалкин изъявил свое полное

согласие, и в апреле 1874 года на его средства началось строительство больничного корпуса в Глинской пустыни[101]. В течение лета того же года корпус был "возведен в черне в два этажа и покрыт листовым железом под надзором практиковавшего в тех местах академика архитектуры Гроса, на что издержано полученных от благотворителя Ховалкина 9555 руб. 90 коп. серебром"[102]. На внутреннюю отделку здания и штукатурку К. К. Ховалкин выдал тогда же 4544 руб.[103].

В 1877 году строительство больницы на 25 мест было полностью закончено. Но, по замечанию посещавшего эту больницу автора книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь", "по обширности здания, количеству белья, посуды, медикаментов, хирургических инструментов" она могла бы вместить значительно больше больных, "а по красоте внутренней и внешней отделки, по высоте палат и богатому запасу всего необходимого такой больницей мог бы гордиться не только какой-либо уездный городок, но и иной губернский"[104]. Строительство больницы обошлось в 16 600 руб., из которых 15 600 руб. пожертвовал купец К. К. Ховалкин, а остальные добавлены из средств пустыни[105].

Здание больницы, светлое и просторное, было расположено среди фруктового сада, "воздух здесь всегда чистый и влажный, летом же свежий с бальзамичным запахом растений, особенно же смолисто-соснового леса... вокруг тишина и безмятежие нарушается лишь пением разнородных птиц да звоном церковным"[106].

Заведовал больницей назначаемый из числа братии инок — фельдшер, который оказывал помощь больным под руководством врача, приглашаемого пустынью из Путивля или Глухова.

Больные распределялись в соответствии с заболеваниями по палатам, среди которых были и одноместные. Все палаты располагались на первом этаже. Здесь же были приемная и другие специальные отделения больницы; на втором этаже находились аптека, келлии фельдшера-инока и послушников, ухаживавших за больными. Аптека Глинской пустыни по обстановке и содержавшимся в ней лекарствам "нисколько не была похожа на аптечку при обители, а скорее на благоустроенную земскую или частную"[107]. Над ней располагалась сушильня для лекарственных трав, растущих в изобилии в монастырском лесу. Эти травы Глинские иноки собирали и сушили по указанию врача и фельдшера.

Больница обеспечивала нуждающихся как стационарным, так и амбулаторным лечением. Росла популярность больницы, а вместе с тем с каждым годом увеличивалось и число обращавшихся за медицинской помощью. Если в 1876 году в больницу Глинской пустыни обратились 53 человека (в том числе 35 иноков и 18 богомольцев)[108], то в 1887 году число обращавшихся возросло более чем в три раза и составило 161 человек, (105 иноков и 56 богомольцев)[109]. Заболевшие женщины лечились в странноприимнице Глинской пустыни, их было ежегодно до 150, уход за ними поручался женщинам из числа тех же страннищ[110]. Кроме того, в больницу Глинской пустыни обращалось много жителей близлежащих, а иногда и дальних селений за получением медицинских советов и лекарств. Все они получали просимое, а в сложных случаях им предоставлялась возможность обратиться к врачу, регулярно

посещавшему больницу Глинской пустыни. Оказание бесплатной медицинской помощи народу было делом христианского милосердия Глинской братии. Обитель тратила ежегодно на содержание больницы 1500 рублей, не считая стоимости питания больных и послушников, за ними ухаживавших[111].

Отец Иннокентий был истинным патриотом своей Родины. Его сострадательное сердце откликалось на бедствия в любом уголке страны. В годы русско-турецкой войны (1877—1878) он живо интересовался всеми событиями на фронте и горячо принимал к сердцу победы и поражения

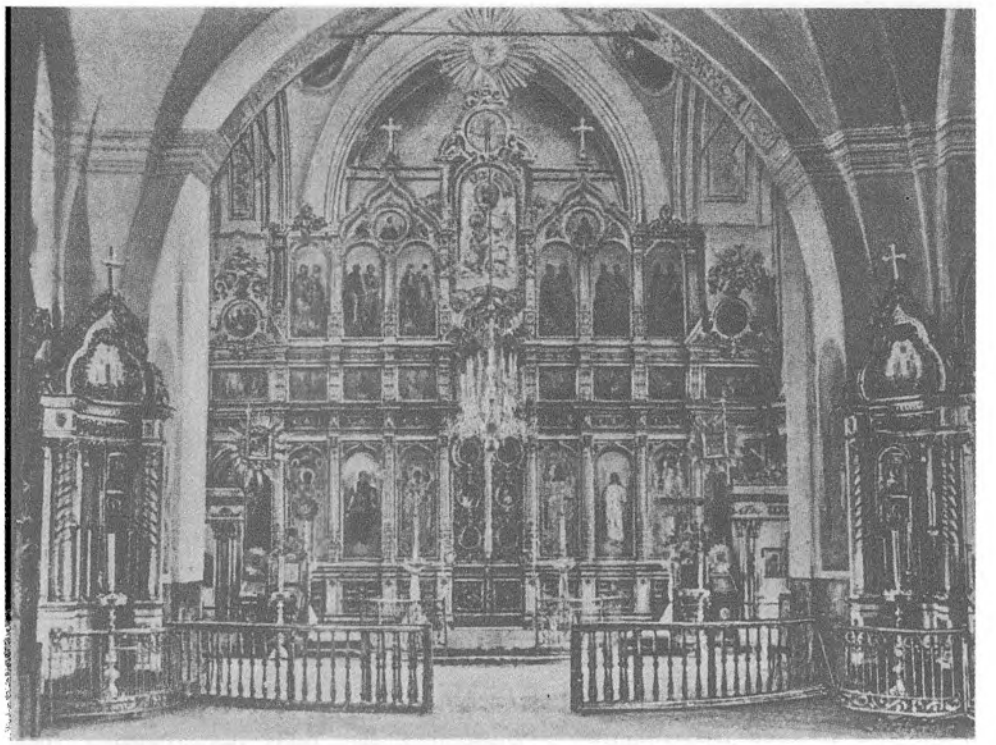
русских войск. В это время о. Иннокентий устроил в монастырской больнице лазарет для больных и раненых воинов. "Все монастыри Курской епархии приняли деятельное участие... в облегчении разнообразных нужд, порождаемых войной"[112], и в 7 мужских монастырях были приготовлены удобные помещения для раненых. Но Курское отделение Красного Креста выбрало лазарет Глинской пустыни. 21 августа 1877 года в этот лазарет поступили больные и раненые воины (всего 21 человек)[113].

Лечение в Глинской больнице проводилось под непосредственным наблюдением приглашенного пустынью из Глухова врача при учебных заведениях надворного советника Н. Г. Хоменко. За больными и ране-

Соборный храм Рождества
Пресвятой Богородицы.
РГИА, ф. 235, оп. 2, д. 278, л. 244.
Фотография 1892 г.

ными ухаживали смотритель больницы фельдшер-монах Дамиан[114], его помощник монах Моисей и четыре послушника, бывших до поступления в монастырь на военной службе. Больные содержались за счет обители. На содержание лазарета было израсходовано 2000 руб.[115]

К концу 1877 года из поступивших воинов 19 человек совершенно выздоровели и перешли в ведение путивльского уездного начальства, а два тяжело раненых оставались в больнице. 1 июля 1879 года в лазарет Глинской пустыни поступили еще 25 воинов, в основном из гвардейских и гренадерских полков, бывших за Дунаем в действующей армии. Эти

больные также "были размещены в монастырской больнице с полным удобством и покоем"[116]. Из них один содержался на средства вдовы капитана Людмилы Юденковой, а остальные — на средства Глинской пустыни[117]. Лазарет Глинской пустыни в 1877 и в 1878 году посещал уполномоченный Главного управления Общества Красного Креста тайный советник В. А. Кочетов. Он "остался весьма доволен как помещением больницы, так и всем принадлежащим к содержанию больных и соблюдаемыми в больнице чистотою и порядком"[118]. Настоятель пустыни игумен Иннокентий и братия удостоились получить Высочайшую благодарность Ея Величества"[119] покровительницы Общества Красного Креста императрицы Марии Александровны. 25 ян-

Средний иконостас соборного храма Рождества Пресвятой Богородицы.
Фотография начала XX в.

варя 1880 года игумен Иннокентий, врач Н. Г. Хоменко и смотритель больницы о. Дамиан получили знаки "Красного Креста"[120]. Все раненые, по милости Божией, совершенно поправились и 29 ноября 1878 года лазарет был закрыт. По словам смотрителя больницы о. Дамиана (Кострова), выздоровевшие воины, уезжая из монастыря, "со слезами благодарности на глазах молились Всевышней и, получив благословение, напутствие и иконочки от настоятеля, благодарили отца игумена и братию за братский и сердечный уход за ними"[121]. До ближайших пунктов железной дороги или воинских участков их отвозили на монастырских лошадях.

Благотворительная деятельность осуществлялась иноками Глинской пустыни не только в стенах обители, но и далеко за ее пределами. При совершении доброделания они помышляли о себе лишь как о раздаятелях Божиих даров, по слову св. Григория Богослова: "Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя; ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поелику все от Бога" (Творения св. Григория Богослова в рус. пер. Ч. 2. С. 25).

Щедро выделяла средства Глинская пустынь на нужды народного образования. Ежегодно с 1869 года обитель вносила на содержание духовных учебных заведений Курской епархии по 300 рублей серебром[122].

В 1872 году пустынь выделяет 300 руб. Рыльскому училищу[123]. В 1882 году на вновь организованную домовую церковь во имя преподобного Феодосия Печерского при Курской Духовной семинарии обитель выделяет 50 руб. и разного рода церковные принадлежности: "3 ризы священнических, парчовых; 3 стихаря таких же; 3 подризника шелковых, трое поручей, 3 ораря, 3 пояса, четверо воздухов, из них одни шитые по бархату золотом и серебром, и одно покрывало шерстяное"[124].

Посильную материальную помощь Глинская пустынь оказала городу Казани, опустошенному пожаром во время русско-турецкой войны[125].

Многогранная благотворительная деятельность братии Глинской пустыни, проникнутая высокой духовностью и аскетизмом, — это непрерывный подвиг во имя угождения Господу и христианского служения ближним: "Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь" (Пс. 40, 2). И этот подвиг Глинские иноки всегда достойно совершали под покровом Чудотворного образа Божией Матери, приобретая средства на дела милосердия от своих неустанных трудов и приношений благотворителей, о которых обитель всегда усердно молилась Господу.

За счет пожертвований значительно возросло землевладение Глинской пустыни. Император Александр II пожаловал обители 100 десятин леса[126].

Обитель крайне дорожила дарованным ей лесом, никогда не уничтожала его бесцельно. На отопление церкви, келлий и всех зданий монастыря ежегодно покупали до 300 саж. дров. Из своего леса пустынь пользовалась лишь валежником; иногда даже строевой лес обителью покупался[127].

В 1885 году по духовному завещанию павлоградской купчихи 1-й гильдии Анисии Степановны Локашенковой в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии было подарено Глинской пустыни 830 десятин пахотной и степной земли[128]. По благословению настоятеля Глинские иноки начали здесь культивированное возделывание почвы и несколько десятин засадили деревьями[129].

Постоянная благодетельница обители вдова штабс-ротмистра Евдокия Ивановна Мовчан в 1874 году пожертвовала Глинской пустыни 15 десятин 2245 сажен земли в Путивльском уезде близ Сеймских мель-

ниц, стоимостью 2000 руб. серебром. Синодальным указом эта земля была закреплена за Глинской пустынью в сентябре 1875 года[130].

Кроме земель, обитель получала и денежные пожертвования. Например, курский купец Александр Прокофьевич Морозов завещал Глинской пустыни 300 руб. серебром, которые обитель получила в 1865 году[131]. Боголюбивые благодетели обители украшали Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы и храмы монастыря. В 1868 году льговский помещик граф Лев Изъединов пожертвовал серебряный киот 84 пробы весом 20,5 фунта для Чудотворной иконы. На серебряных отливах этого киота были изображены: вверху Господь Саваоф, по обеим сторонам — два Ангела, а внизу вырезан тропарь Рождеству Пресвятой Богородицы. Внутри киот был выложен малиновым бархатом[132].

В Бозе почивший настоятель
Глинской пустыни архимандрит
Иннокентий (Степанов). 1888 г.
РГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59,
л. 8

Кроме того, глуховские купцы Петр Емельянович Лютый и Макар Васильевич Зайковский пожертвовали для Чудотворного образа особый серебряный киот художественной работы весом 14 фунтов 72 золотника и бронзовый киот большой величины. В него вставлялась с малым киотом Чудотворная икона во время крестного хода в г. Глухов. Эти же купцы пожертвовали 2 больших медных позолоченных фонаря изящной работы, в которых при всех крестных ходах горели зажженные свечи[133].

В 1885 году помещица Евдокия Ивановна Мовчан также пожертвовала к Чудотворной иконе серебряный киот художественной работы весом 2 фунта 36 золотников[134]. Эта усердная благотворительница обители в 1879 году пожертвовала также сребропозлащенный потир, превосходящий другие по весу (12 фунтов 44 золотника) и красоте отделки[135].

В 1886 году усердием разных благотворителей Глинской пустыни была пожертвована шитая золотом и серебром по малиновому бархату плащаница, "великолепие которой могло привлечь внимание каждого, даже самого строгого ценителя искусства. На ней был изображен Спаситель с руками, сложенными на груди, в пеленах, окруженный предстоящими[136]. Плащаница помещалась в резной и позлащенной гробнице. Стоимость ее превышала 3 тысячи рублей[137].

Украшая ризницу обители, рыльский почетный гражданин Петр Васильевич Филимонов в 1887 годупожертвовал 5 серебряных лампад. Самая большая из них была с 5 стаканчиками весом 4 фунта 66 золотников[138].

Игумения Спасского монастыря Парфения в 1877 году пожертвовала две металлические церковные хоругви с сребропозлащенными иконами[139].

Все это показывает, что при о. Иннокентии число благотворителей обители возросло. Многие из них ежегодно помогали обители деньгами, хлебом, другими продуктами и материалами, но не открывали своих имен, желая остаться неизвестными.

Отец Иннокентий как внутренне, так и внешне благоустроил жизнь обители. За усердную службу 27 марта 1882 года он был высочайше представлен к ордену Св. Анны III степени[140], а 31 мая 1887 года по указу Св. Синода награжден саном архимандрита[141]. Это был первый Глинский настоятель, удостоенный такого сана, среди всех известных нам настоятелей обители XVIII— XIX веков.

Однако приближался конец его земного поприща. В 1888 году, после выноса в Глухов Глинской Чудотворной иконы, 21 июля о. Иннокентий заболел предсмертной болезнью.

Господь укреплял его в страданиях. Так, за месяц до кончины к о. Иннокентию зашла одна благодетельница. Позднее она рассказала, что "увидела вокруг головы батюшки золотой венец и лицо его было, как у Ангела..."[142].

Близкая кончина настоятеля была предсказана великим Глинским старцем схимонахом Архиппом (Шестаковым). Однажды в августе 1888 года о. Архипп лежал и плакал в соборном храме, между главным и левым алтарями. На вопрос, почему он плачет, старец ответил: "Скоро все будете плакать"[143]. И действительно, через месяц 17 сентября 1888 года любимый всеми настоятель о. Иннокентий, напутствованный

таинствами Елеосвящения, Исповеди и Причащения, на 64 году жизни блаженно скончался, а 20 сентября был погребен[144]. Примечательно, что о. Иннокентий был погребен на том самом месте, где плакал отец Архипп. В погребении участвовали Путивльский архимандрит Иоасаф, множество иноков, приехавших священников, мирян.

Священник А. Силин, присутствовавший на погребении, писал, что при отпевании никто не мог сдержать слез: плакал первоприсутствовавший архимандрит Иоасаф, плакал весь многочисленный сонм священнослужителей. Так был дорог на земле этот святой человек для всех людей[145].

При расширении Успенского храма под ним была устроена усыпальница, куда по разрешению епархиального начальства был перенесен гроб архимандрита Иннокентия. При устройстве усыпальницы в 1891 году пришлось гроб о. Иннокентия вынимать, крышка гроба сдвинулась. Находившийся рядом "послушник Василий увидел тело почившего о. Иннокентия нетленным. Покойный батюшка многим являлся во сне, утешал скорбящих, исцелял болящих и давал наставления"[146].

Сапожная мастерская Глинской пустыни.
Фотография начала XX в.

Примечания

1 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 41.
2 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 1 об.—3.
3 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906.
4 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 1 об.
5 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 40.
6 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 4.
7 Там же. С. 4—5.
8 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 40.
9 РГИА, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 1 об.—3.
10 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 41.
11 Там же.
12 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 1 об.—3.
13 Краткое описание жизни... иеросхимонаха Макария. С. 41.
14 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 11.
15 Там же. С. 9.
16 Там же. С. 14.
17 Там же. С. 9.
18 Там же. С. 6.
19 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 10.
20 Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. II. 2-я ред.
21 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий. / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.
22 Глинский подвижник схимонах Евфимий: (Память 7 февраля) // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 205—220.
23 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий. Курск, 1910. С. 9.
24 Там же. С. 11—12.
25 Там же. С. 20.
26 Там же. С. 11—12.
27 Там же. С. 20.
28 Там же. С. 24.
29 Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор. // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26. С. 498—499.
30 Там же.
31 Глинская пустынь. Ч. I. С. 45—46.
32 Там же. С. 45.

[33] В Глинской пустыни существовал такой порядок: о кончине кого-либо из братий сразу же сообщали настоятелю, а он приказывал три раза ударить в большой колокол. "Братия, услышав этот звук, кто бы чем ни был занят, оставляют дело и, став пред иконой, полагают 12 поклонов об упокоении души новопреставленного" (Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 234—235).

[34] Глинская пустынь. Ч. I. С. 46.

[35] Там же.

[36] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 178, л. 4 об.—5. По прошению Суджанского 3-й гильдии купца Космы и сына его Федора Купреевых здесь был восстановлен Николаевский Белогорский монастырь. Купреевы пожертвовали на этот монастырь 67,5 десятины земли, дома свои в г. Судже, лавки и разные заведения, оцененные в 35 тысяч рублей серебром. (Там же; Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. Курск, 1892, отд. II. С. 42).

[37] В Щеглов монастырь перевели: иеромонахов Илариона и Дометиана, иеродиакона Азарию, монаха Дорофея и семь послушников: Якова Кудряшова, Андрея Чалого, Арефу Чекамаза, Евдокима Колупаева, Михаила Старицкого, Никиту Покотаева и Феодора Сотникова (Тульские епархиальные ведомости. 1870. № 9. С. 171). Иеромонах Иларион, ученик монаха Мартирия (Кириченко) стал в Тульском монастыре братским духовником (Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собр. игумен Иассон. Курск, 1910. С. 10).

[38] РГБ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41, л. 28.

[39] РГИА, ф. 797, оп. 50, отд. II, ст. 3, д. 243, л. 166.

[40] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 69.

[41] Там же.

[42] Жизнеописание игумена Филарета... С. 31.

[43] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89.

[44] Там же, л. 4 об.—5.

Сведения, переданные иеромонахом Амвросием об игумене Филарете и других старцах, использованы в "Жизнеописании игумена Филарета... С. 88.

[45] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 6 об.—7.

[46] Там же, л. 5 об.—6.

[47] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 5 об.—6.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26.

[48] Один из монашествующих по старости и болезни послушания не проходил.

[49] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 17 об.—19.

[50] В 1870 году в Глинскую пустынь на исправление был послан, в соответствии с указом Святейшего Правительствующего Синода от 23 января 1870 г. № 1669, отставной рядовой Наум Кампель за совращение в иудейство (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 376, л. 6).

[51] ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 3 об.

[52] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 41—42.

[53] На колоколе вверху была надпись: "Благовестите земле радость велию, хвалите, небеса, Божию славу", а внизу: "1887 года января 8 дня. Отлит сей колокол в Глинскую пустынь ко храму Богородицы, усердием Михаила, Анастасии, Гликерии, Иоанна, Ольги, Екатерины и Татианы, при настоятеле игумене Иннокентии, лит в Москве". На колоколе были вычеканены изображения святых, имена которых носили жертвователи. (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 42).

[54] На этом колоколе была надпись: "1867 года отлит сей колокол Курской губернии Путивльского уезда в Глинскую Богородицкую пустынь, при игумене Иннокентии, иждивением Рыльских потомственных почетных граждан Николая Ивановича и Александры Антоновны Аристарховых" (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 42).

[55] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 37.

[56] По смирению старец Илиодор рассказывал о таких видениях как бы о слышанных им от кого-либо другого.

[57] Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 189—190.

[58] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 2.

[59] РГИА, ф. 385, оп. 18, д. 207, л. 3 об.

[60] Там же, л. 4 об., 13.

[61] Там же, л. 2, 12.

[62] Ведомость о суммах, ассигнованных из казны на содержание Глинского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1876. № 5. С. 215; 1877. № 5. С. 229; 1878. № 4. С. 163; 1879. № 6. С. 262; 1880. № 5. С. 257; 1881. № 7. С. 314; 1882. № 4. С. 178; 1883. № 4. С. 196; 1884. № 4. С. 178; 1889. № 10. С. 178; 1891. № 8. С. 158; 1892. № 9. С. 176.

[63] РГИА, ф. 796, оп. 150, д. 1479, л. 1 об.—2.

[64] РГИА, ф. 583, оп. 4, д. 277, л. 192.

[65] Министр государственных имуществ — генерал-адъютант А. А. Зеленой писал, что "принадлежащие пустыни капиталы были обращены в 4% непрерывно-доходные билеты по непосредственному распоряжению правительства", поэтому он считал справедливым принять эти билеты в казну по нарицательной цене (РГИА, ф. 796, оп. 150, д. 1479, л. 1 об.).

[66] РГИА, ф. 583, оп. 4, д. 277, л. 192 об.—193 об.

[67] Там же, л. 192.

[68] Глинская пустынь. Ч. II. С. 67.

[69] РГИА, ф. 796, оп. 150, д. 1479, л. 6.

[70] Там же, оп. 182, д. 4269, л. 13 об.

[71] Часть земли (около 50 десятин) досталась пустыни от казны вместе с покупкой мельницы, а часть была пожертвована мелкими участками от разных благотворителей (ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 5. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 82).

[72] РГИА, ф. 796, оп. 157, д. 1657, л. 8 об. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 82.

ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 5.

[73] РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 14.

[74] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 82.

[75] РГИА, ф. 796, оп. 157, д. 1657, л. 6.

[76] Там же, л. 6-6 об.

[77] Там же, л. 6 об.

78 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 82—83.

В 1872—1874 годах, по благословению о. Иннокентия, заведующим мельницами был послушник Гавриил Петрупкин (впоследствии иеромонах Геннадий — наместник Гиржавского монастыря); затем монах Ириней (в миру Иоанн Викторов). (РГИА, ф. 796, оп. 157, д. 1657; ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 7 об.—8).

79 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 44 об.—45; д. 89, л. 64 об.

80 Там же.

81 Жизнеописание... подвижников. Май. М., 1908. С. 79.

82 Там же. С. 81.

83 Там же. С. 84.

84 Там же. С. 81.

85 Там же. С. 86.

86 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 77.

87 Курские епархиальные ведомости. 1873. № 11. С. 483. ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 1 об.—3.

88 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 11; д. 143, л. 5; д. 178, л. 5 об; д. 276, л. 5; д. 327, л. 5 об.; д. 376, л. 6; д. 426, л. 6 об.; д. 476, л. 7 об.; д. 530, л. 10; д. 581, л. 14; д. 635, л. 11 об.; д. 686, л. 7 об.; д. 881, л. 14; д. 935, л. 14 об.; д. 962, л. 12 об.—13; д. 1030, л. 13; д. 1030, л. 13; д. 1082, л. 10 об.; д. 1135, л. 9 об.

89 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 178, л. 5 об.

90 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 70.

92 Там же. С. 71.

92 Там же. С. 70.

93 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 581, л. 14.

94 Там же.

95 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 71.

96 РГИА, ф. 796, оп. 170, д. 1372, л. 6.

97 Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни: (Память 17 сентября) // Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 213—215.

98 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 530, л. 9 об.

99 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5. РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 581, л. 12; д. 178, л. 5 об.; д. 276, л. 4 об.

100 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 581, л. 12 об.

101 Там же. Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5.

102 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 581, л. 12 об.

103 Там же.

104 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 72.

В отчетах о состоянии Курской епархии с 1861 по 1874 год Преосвященный Сергий лучшей по благоустройству называл больницу Софрониевой пустыни; в отчетах после 1874 года лучшей названа уже больница Глинской пустыни (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 100, 143, 178, 276, 327, 376, 426, 476, 530, 581, 635, 686, 738, 790, 836).

105 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 738, л. 8 об.

106 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 72.

107 Там же. С. 72.

108 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 685, л. 6. Сведения о находившихся на излечении в больнице Глинской пустыни см. в "Архиве Глинской пустыни".

109 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1186, л. 12—12 об.

110 Дело о призрении больных в Глинской пустыни за 1882 год // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 72—73.

111 Там же. С. 73.

112 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 738, л. 11.

113 Глинская пустынь. Ч. II. С. 79.

114 Отец Дамиан (в миру Даниил Костров) родился в 1840 году в семье мещан г. Тима Курской губернии. В Глинскую пустынь поступил в 1863 году. 6 января 1874 года игуменом Иннокентием пострижен в монашество. 14 сентября 1878 года рукоположен во иеродиакона, 25 января 1880 года за особенное участие в уходе за ранеными и больными воинами при монастырской больнице награжден от Главного управления знаком "Красного Креста". В августе 1882 года он был определен помощником благочинного Глинской пустыни, 27 ноября 1882 года рукоположен во иеромонаха. Затем проходил очередное служение, будучи помощником благочинного и смотрителем больницы. Отец Иннокентий писал, что он "качеств весьма хороших, к послушаниям способен" (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 10 об.).

115 Глинская пустынь. Ч. II. С. 80.

116 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 790, л. 6 об.

117 Там же.

118 Там же, л. 7.

119 Там же, д. 738, л. 9—9 об.

120 Глинская пустынь. Ч. II. С. 80.ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 3. 89, л.

121 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 74.

122 РГИА, ф. 796, оп. 157, д. 1657, л. 7—7 об.

123 Курские епархиальные ведомости. 1872. № 16. С. 978.

124 Там же. 1882. № 19. С. 933—934.

125 Златоверховников Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 76.

126 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 38, 84. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. СПб., 1861. С. 21.

127 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 80.

128 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 5 об.

РГИА, ф. 796, оп. 170, д. 1372, л. 1.

Земля была закреплена за пустынью по Высочайшему повелению 25 января 1886 года (РГИА, ф. 796, оп. 170, д. 1372, л. 5 об.).

129 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 83.

130 РГИА, ф. 796, оп. 155, д. 173.

131 Там же, д. 1951.

132 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 47.

133 Там же. С. 48, 65, 96.

134 Там же. С. 48.

135 Там же. С. 54.

136 Там же. С. 51.

137 Там же.

138 Там же. С. 95.

139 Там же. С. 96.

140 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 3 Курские епархиальные ведомости. 1882. № 10. С. 478.

141 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 92.

142 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 15.

143 Глинский подвижник схимонах Архипп: (Память 27 сентября) //Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 351.

144 РГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 1.

145 Некролог: [Отец архим. Иннокентий, настоятель Глинской пустыни] /Свящ. А. Силин //Курские епархиальные ведомости. 1888. № 40. С. 654—655. Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 16.

146 Глинская пустынь. Ч. I. С. 33—34.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА. НАСТОЯТЕЛЬ СХИАРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ (1888—1912)

ГЛАВА VIII

После архимандрита Иннокентия настоятелем Глинской пустыни стал иеромонах Исаия, впоследствии схиархимандрит Иоанникий[1] (в миру Иоанн Гомолко). Он родился в 1842 г. в семье обер-офицера[2]. С детства воспитанный в страхе Божием, Иоанн отличался сосредоточенностью и самоуглублением. После окончания Гомельского уездного училища в 1865 году он поступил в Глинскую пустынь. Отсекая во всем свою волю, предав себя в полное послушание многоопытным старцам, молодой подвижник проходил сначала общие послушания. Очищая свое сердце, он ежедневно исповедовал все свои помыслы и поступки, учился смирению, изучал творения святых отцов.

Отличительными чертами его духовной жизни были внутренняя собранность, внимание к каждому своему помыслу, хранение ума, без которого истинное подвижничество невозможно.

Нелегко человеческой душе, поврежденной грехом, приобрести внимание и трезвение. Много потрудился молодой подвижник для стяжания этой добродетели. Действуя по учению святых отцов, вечером он испытывал себя: "Как провел день? С чем прийду на суд? Что сегодня приобрел я для вечной жизни?", а утром проверял: "Как прошла ночь?" И так каждый день, бдительно наблюдая за собой, отсекал все чуждое духу Христову, не принимал вражеских помыслов, искоренял душевредные страсти покаянием и противодействием им.

Опасение рассеяться, потерять контроль над своими мыслями, а также постоянно совершаемая молитва удерживали его язык. Кроме молчания, трезвение требовало сдерживания и всех остальных чувств, воздержания в пище и питии, что ревностно соблюдал Иоанн. Но при этом воздержание его было разумным. В трапезу он приходил вместе со всеми, но ел весьма мало, стараясь это скрывать. Также не предавался он и совершенному молчанию, хотя говорил редко и лишь тогда, когда в этом действительно была необходимость. И так во всем ничем стремился не выделяться среди братии, скрывал свои добродетели, опасаясь тщеславия.

Опытно познав, что ум его сосредоточивается на богомыслии и память смертная помогает ему думать о последнем дне, подвижник еще ревностнее проявлял заботу о своем спасении. Смирение ставил он во главу угла, отыскивая всевозможные способы для смирения своего сердца, во всем обвиняя самого себя, старался терпеливо переносить укоризны от других, крайне остерегался осуждения.

Многими трудами, с болезнью сердечной и при помощи Божией стяжал подвижник собранность помыслов и непрестанную память о Боге. Каким бы делом он ни занимался, ум его пребывал в богомыслии,

которое, по учению святых отцов, является основанием внутреннего совершенства[3]. Даже лицо его носило отпечаток постоянной самособранности.

Внутреннее преуспеяние привело и к внешнему. В 1874 году Иоанн был пострижен в монашество игуменом Иннокентием с именем Исаия; в 1880 г. рукоположен во иеродиакона, в 1884 г. — во иеромонаха[4]. Видя его духовную опытность, настоятель назначил отца Исаию письмоводителем и поверенным по делам монастыря. В должности письмоводителя о. Исаия должен был отвечать не только на официальные бумаги относительно дел Глинской пустыни, но и на многочисленные письма богомольцев, обращавшихся за советом, духовным наставлением, просивших помощи и поддержки в своем горе. Ответы его, наполненные благодатью Святого Духа, всегда были душеспасительны.

Как поверенный по делам монастыря, о. Исаия стал "правой рукой" настоятеля и не только хорошо ознакомился со всем монастырским хозяйством, многотрудными обязанностями аввы обители, но и находился под непосредственным духовным руководством архимандрита Иннокентия.

После кончины архимандрита Иннокентия Богу угодно было вверить о. Исаии управление обителью с 1888 г. по 1912 г. Большинством голосов в октябре 1888 года он был избран на должность настоятеля обители[5] и в ноябре того же года возведен в сан игумена[6].

О. Исаия много потрудился для благоустройства и процветания обители как внутреннего, так и внешнего ее облагораживания. Под его руководством в 1889 г. была перестроена теплая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы[7]. При стечении богомольцев в зимнее время этот храм не вмещал всех паломников, прибывших в Глинскую пустынь из самых отдаленных концов России. Поэтому по благословению епархиального начальства Успенская церковь была расширена более чем втрое[8]. Особенностью Успенского храма являлось то, что здесь у его западной стены устроили широкие хоры, для отделения от мирян братий, желающих уединенно и ничем не развлекаясь молиться[9].

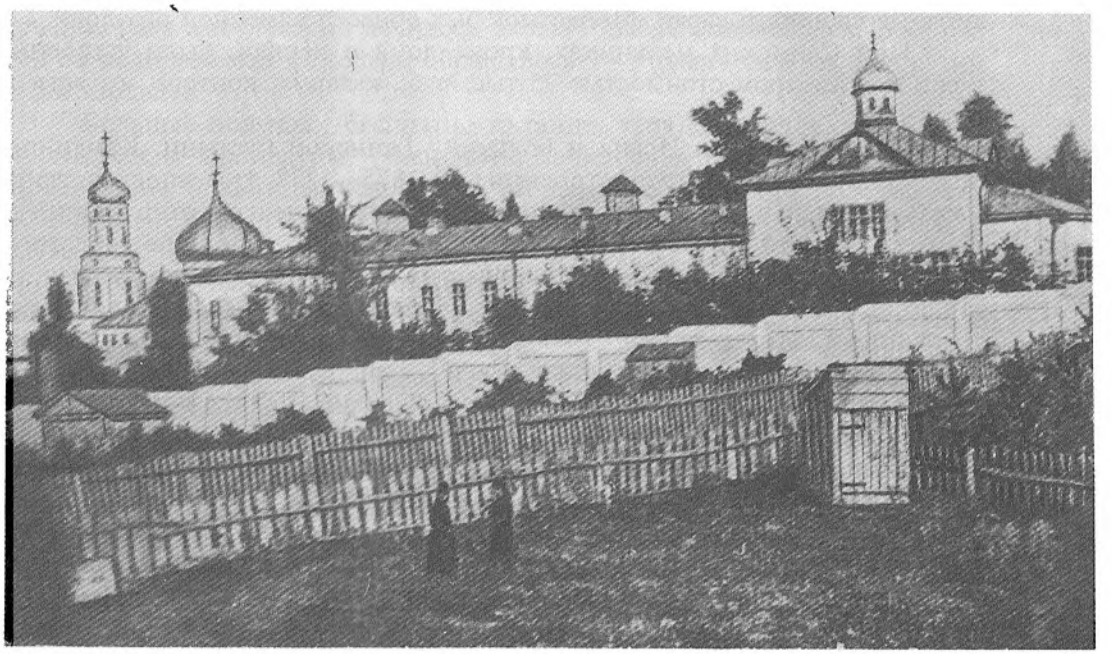
Внутри и снаружи храм был расписан священными изображениями. На западном фронтоне Успенской церкви находилась икона Вознесения Господня, которая была видна издалека[10].

В начале XX века паломники отмечали, что особенностью Глинской пустыни являлось множество священных изображений не только внутри храмов, но и на наружных стенах их. Эти изображения "служили для народа яркой проповедью, своего рода назидательной книгой"[11].

В 1889 году на средства московского купца Алексея Ильича Лагодина была обновлена церковь Св. Богоотец Иоакима и Анны[12]. Двухъярусный[1] резной позолоченный иконостас этого храма, работы художника Шокарева, был устроен по образу XVII века. Все иконы, написанные на цинковых досках, находились под стеклом. Четыре художественных киота поставили в храме, а пятый — в алтаре за престолом. Пол в алтаре и в храме был паркетный[13]. По замечанию автора очерка о Глинской пустыни, "внутренний вид скитской церкви привлекал внимание всякого любителя благолепия храмов Божиих"[14].

В 1892 году на месте подвигов старца схиархимандрита Илиодора (Голованицкого) в трех верстах от пустыни в монастырском лесу была устроена однопрестольная деревянная теплая церковь. 11 мая 1892 года по благословению архипастыря храм был освящен отцом настоятелем в честь Нерукотворенного образа Христа Спасителя, Чудотворная икона которого особенно почиталась в Глинской пустыни[15].

Церковь построили на средства усердных почитательниц старца Илиодора — инокинь Севского монастыря схимонахини Рафаилы (Трубицыной) и ее духовной ученицы графини Анны Александровны Гейден, впоследствии монахини Пантелеимоны[16].

Стараниями о. Исаии были устроены также четыре домовые церкви:

— во имя Архистратига Михаила в 1893 г. в деревянном доме Сеймских монастырских мельниц (теплая, однопрестольная)[17];

— во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня при больнице в 1896 году (теплая, однопрестольная)[18];

— во имя Св. Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в 1899 году в Спасо-Илиодоровском скиту (теплая, однопрестольная)[19];

— во имя Вознесения Господня в 1907 году в деревянном доме при хуторе Негровском (теплая, однопрестольная), освящена 29 мая 1908 года[20].

Больница с храмом в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.
Фотография начала XX в.

Отец Исаия выстроил также каменный корпус для братии и два деревянных корпуса для приема богомольцев[21]. В 1889 году на средства благотворителя обители Макара Васильевича Зайковского был окончательно отделан второй этаж братской трапезной, где устроили 20 отдельных келлий[22]. В 1903 году большой деревянный корпус на 16 келлий, построенный еще при игумене Филарете, был поставлен на каменный фундамент и покрыт железом[23].

К концу настоятельства о. Исаии в 1911 году в Глинской пустыни было 15 корпусов для братии (4 каменных и 11 деревянных); 8 для приема богомольцев (2 каменных и 6 деревянных)[24]; 34 корпуса, занимаемых разными монастырскими службами[25]; 4 деревянных дома, амбар, конюшня и сараи. Монастырь был обнесен каменной оградой[26].

При Сеймских мельницах, кроме дома и церкви, были устроены турбина с амбаром стоимостью 25 тыс. руб., казарма, контора, амбары и сараи[27].

Благоустроил о. Исаия и больницу Глинской пустыни. Каменное помещение больницы, построенное в 1875—1877 гг., впоследствии "оказалось сырым и не вполне удобным в гигиеническом отношении"[28]. При о. Исаии в 1896 году выстроили новое большое здание монастырской больницы, восточная часть которого была одноэтажная, а западная — трехэтажная (нижние этажи каменные). В верхнем деревянном этаже помещались палаты для больных[29]. Эта новая больница Глинской пустыни стала лучшей в епархии[30].

В отчетах о состоянии Курской епархии подчеркивалось, что здание больницы Глинской пустыни "устроено по коридорной системе, со всеми необходимыми приспособлениями для вентиляции, дезинфекции и отопления... в особой комнате находилась аптека с запасом медикаментов, хирургических инструментов, имелась также сушильня трав, ванна... Уход за больными осуществлялся под руководством фельдшера из монашествующих... Для лечения опасно больных... приглашался врач из г. Глухова..."[31] Больница была рассчитана на 30 кроватей. Игумен Исаия, заботясь о слабых и престарелых иноках, не способных обходиться без посторонней помощи, помещал таких в свободных палатах больницы. В 1899—1911 годах в больнице содержалось 15—16 престарелых монахов, требующих постороннего ухода, который поручался нескольким послушникам[32].

Для тяжелобольных и престарелых иноков при больнице была устроена на средства благотворителей просторная и высокая домовая церковь во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

На освящение этого храма 22 августа 1897 года прибыл епископ Курский и Белоградский Ювеналий (Половцев), бывший Глинский настоятель.

Владыка одобрил создание при больнице храма, который позволил болящим из числа братии и паломников иметь духовное утешение. Вместе с тем он призвал всех присутствовавших обратить внимание на самих себя, не находимся ли и мы в числе больных, если не телом, то душою. "Если строго и беспристрастно рассмотреть своего внутреннего человека, — продолжал епископ, — то несомненно обнаружим свои душевные раны и болезни, недостатки, которые необходимо врачевать

искренним, постоянным покаянием перед Богом, соблюдением заповедей Его, благоговейным чтением Священного Писания и воплощением его в жизнь"[33].

Иконостас для этой церкви был пожертвован дворянкой Е. Г. Богданенковой. Среди икон особенно почитался Балыкинский образ Божией Матери[34]. При о. Исаии число обращавшихся за помощью в больницу Глинской пустыни резко возросло.

Ежегодно стационарное лечение в больнице проходили от 120 до 240 человек[35], причем иногда стационарных больных было больше из числа богомольцев, чем из числа братии. Например, в 1902 году в стационаре лечились 50 иноков и 120 странников и богомольцев[36]. В течение года амбулаторно лечилось около 7 тысяч богомольцев. Всего за год за медицинской помощью обращалось 7—9 тысяч человек из братий и богомольцев[37].

Больные получали бесплатно питание, уход, лекарства, различные медицинские процедуры. (Женщины лечились в странноприимнице.) Содержание больницы обходилось монастырю ежегодно более чем в 2000 руб. (не считая отопления, освещения, пищи, одежды для больных и служащих)[38].

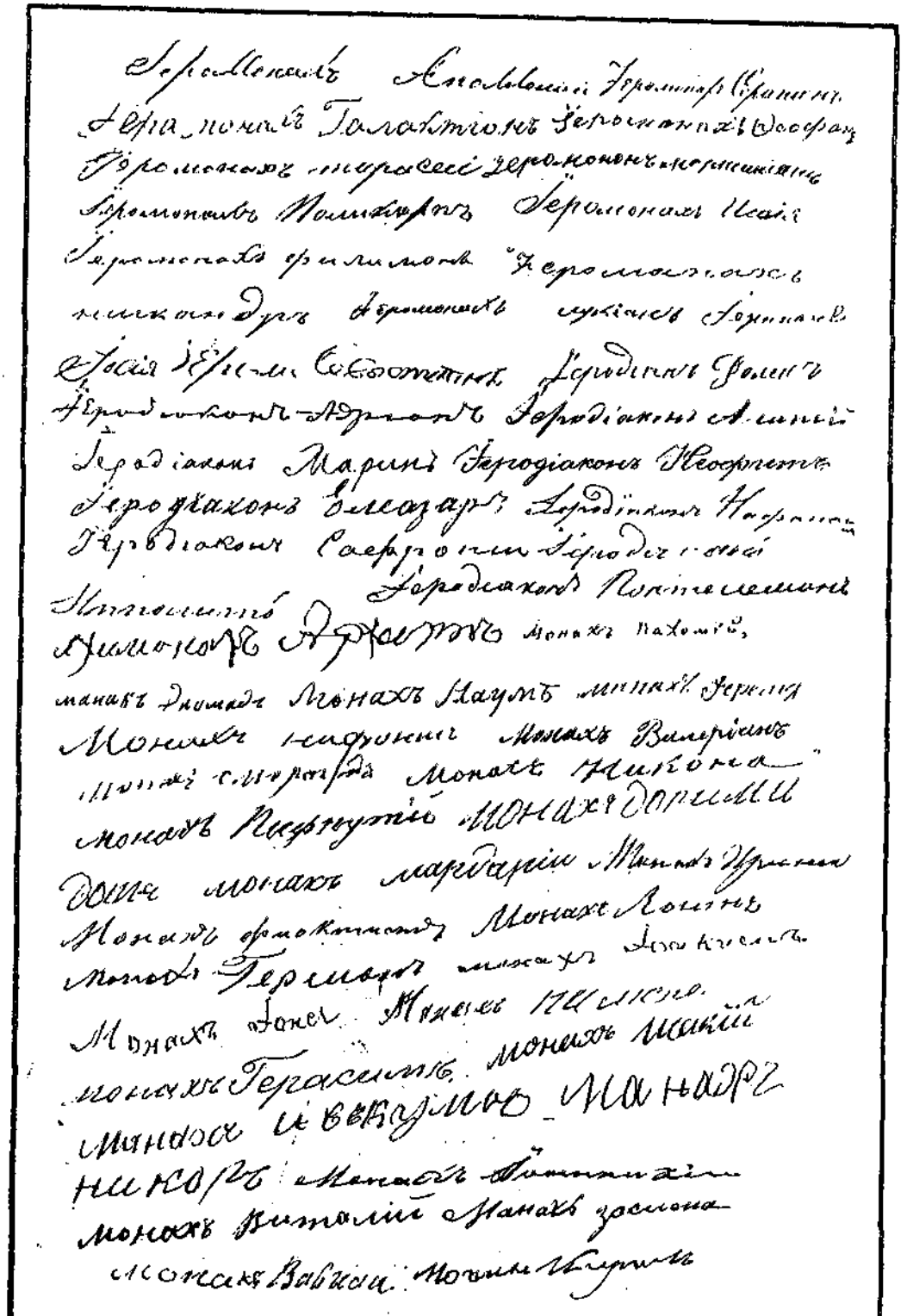
Игумен Исаия, кроме обычных, уже бывших в ней монастырских должностей, ввел в Глинской пустыни много новых послушаний. Здесь были организованы мастерские живописцев, позолотчиков, ковершиков, ложечников, резчиков по дереву, переплетчиков, токарей, корзинщиков и другие (см. "Архив Глинской пустыни").

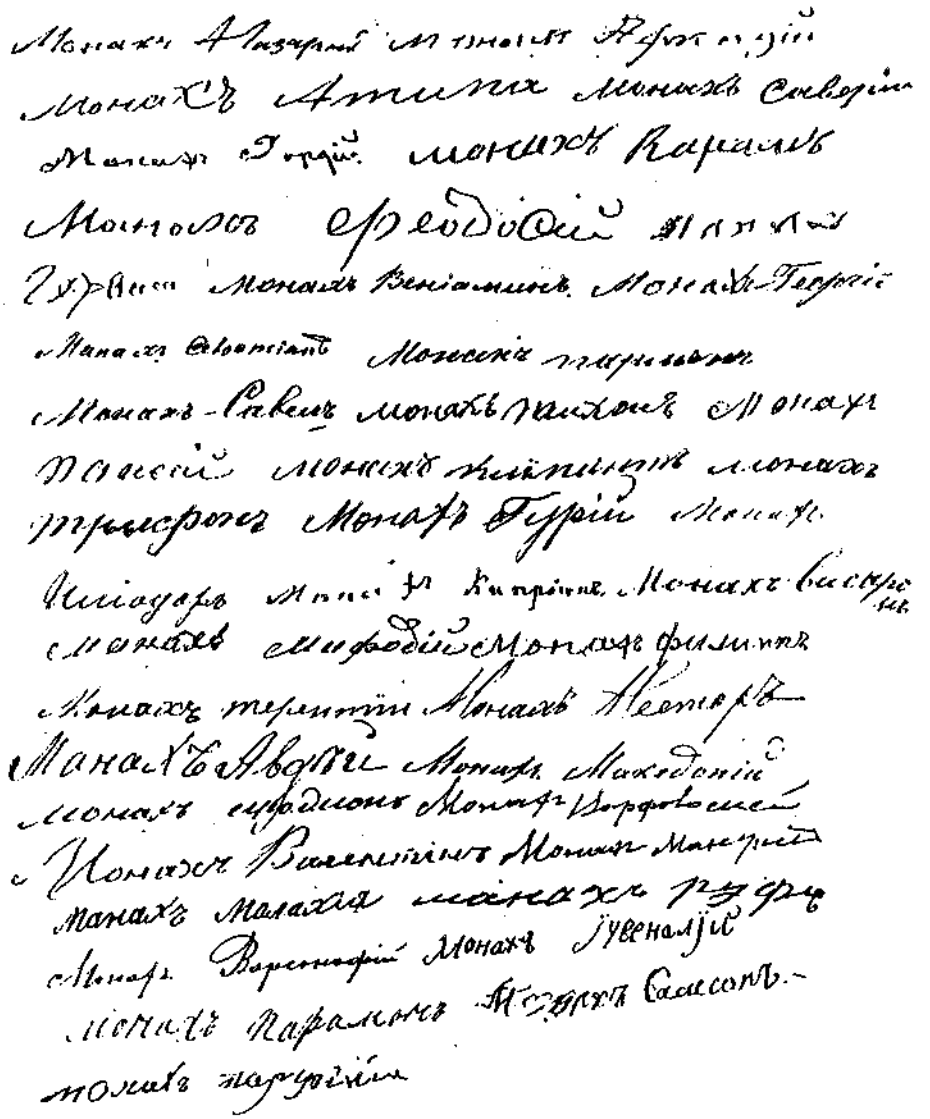
Хозяйство монастыря было поставлено на самом высоком уровне. В известном географическом описании России под редакцией В. П. Семенова было сказано, что в Глинской пустыни образцовые мастерские... образцовые пасеки, огород... процветало садоводство и цветоводство. В монастырских прудах производилось правильное рыбоводство"[39]. При обители, вне монастырской ограды, работали дегтярный и кирпичный заводы, маслобойня, крупорушка[40].

Эти послушания, с одной стороны, давали средства на содержание обители, а с другой — предоставляли возможность послушникам закалить себя в труде, научиться терпению[41]. Насколько серьезно настоятель относился ко всем послушаниям, можно заключить из того, что при устройстве, например, живописной мастерской он письменно обратился к известному тогда художнику и реставратору Д. М. Струкову с просьбой дать практические советы по обучению живописцев, при этом сам четко и подробно описал процесс обучения, применявшийся в Глинской пустыни[42]. (Вообще в письмах о. Исаии по делам обители отразилась природная острота его ума, высокая образованность, интеллигентность.) Позднее иконы, написанные в иконописных мастерских Глинской пустыни, украшали храмы монастыря[43].

От самого же настоятеля требовалось много знаний, труда, умения и духовного опыта в деле руководства всем этим множеством ремесел.

Мудрый настоятель значительно увеличил капитал обители. Только в банковых билетах с 1892 по 1910 год он возрос на 43 тыс. руб.[44]; возросли и средства, поступающие на содержание обители, — с 25,5 тыс. руб. серебром в 1892 году[45] до 46,6 тыс. руб. в 1910 году[46]. Эти средства ежегодно поступали за счет процентов с капитала, пожертвова-

Подписи Глинских иноков
на акте об избрании настоятелем
пустыни игумена
Исаии (Гомолко).
2 октября 1888 г.
РГИА, ф. 796, оп. 169,
д. 185, л. 5 об.—6

ний благотворителей, арендной платы за земли и другие угодья, кружечного и кошелькового сбора, от продажи свечей, просфор и от других монастырских учреждений[47]. С 1894 года содержания от казны обитель не получала[48].

Из уважения к строго подвижнической жизни настоятеля Глинской пустыни и ее иноков резко возросло число благотворителей монастыря. За годы настоятельства о. Исаии обители было пожертвовано разными лицами более 220 десятин пахотной и сенокосной земли, 257 десятин леса, 23 десятины полевой и более 23 десятин луговой земли[49].

В архивных документах сохранились сведения о некоторых благотворителях Глинской пустыни, в числе которых были представители самых разных сословий: дворяне, мещане, казаки, крестьяне.

Дворянин Георгий Иванович Рыбальский-Бутевич и майор Владимир Герасимович Хоменко пожертвовали Глинской пустыни 23 $^1/_2$ десятины луговой земли в Глуховском уезде Черниговской губернии[50]. Крестьянин Рыльского уезда села Боброво Антон Космич Аношин в 1891 году специально для Глинской пустыни выкупил за 1000 рублей распашную землю в Путивльском уезде (8 $^3/_4$ десятины), которую до этого пустынь арендовала, и подарил эту землю обители в вечное пользование[51].

В 1905 году поступили пожертвования от казаков: Гавриила Петровича Цыгикала — 7 десятин 832 сажени земли с находящимися на ней постройками в селе Сучкино-Шутовка[52] и Варфоломея Ильича Горкавого — имение в селе Семеновка Глуховского уезда Черниговской губернии — 4 десятины 502 сажени[53].

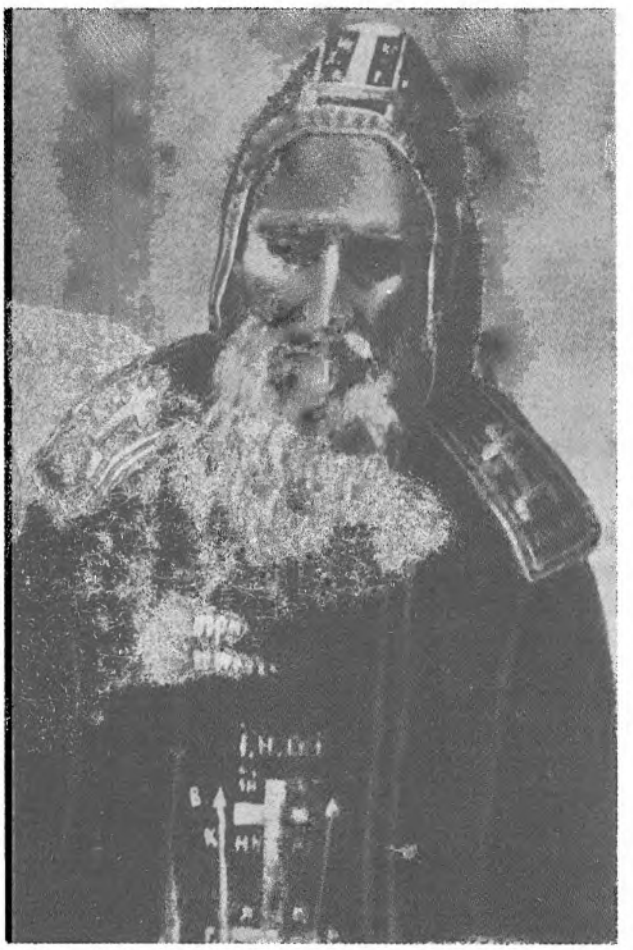
Но особенно много земли жертвовали обители по духовным завещаниям. Так, вдова штабс-ротмистра Евдокия Ивановна Мовчан завещала Глинской пустыни свое имение в Путивльском уезде в деревне Шулешовой (почти 302 десятины удобной и неудобной земли) на вечное поминовение завещательницы и ее родных. В 1900 году это имение было закреплено за обителью[54]. В том же году Глинская пустынь, по духовному завещанию статского советника Семена Степановича Иванова-Камаева, получила в Путивльском уезде в окрестности села Духановка 45 десятин 1680 сажен разного качества земли с лесом[55]. В 1903 году, по духовному завещанию путивльской мещанки девицы Евдокии Сахаровой, в собственность Глинской пустыни перешло усадебное место с домом и постройками в г. Путивле (размером 52 × 19 сажен)[56].

Вдова губернского секретаря дворянка Мария Моисеевна Франциссин на поминовение своей души завещала обители имение в Путивльском уезде близ села Казацкое — 32 десятины 588 сажен разного качества земли с постройками. Во владение этой землей Глинская пустынь вступила в 1904 году[57]. Благотворитель обители Глуховский помещик М. Ф. Улазовский завещал обители 125 десятин леса. В 1910 году мещанин Прокопий Никитовский подарил Глинской пустыни усадебное место с домом в г. Глухове[59].

Так при о. Исаии монастырское землевладение Глинской пустыни стало самым большим в Курской епархии и составило в 1911 году 1946 $^3/_4$ десятины земли разного качества[60] (причем пахотной земли было 930 десятин[61], леса 501 десятина[62]).

В отчете о состоянии Курской епархии за 1912 год сказано, что "наибольший доход от пахотной земли, садов и огородов наличными деньгами получен Глинской пустынью (около 11 тыс. рублей), как владеющей наибольшим количеством земли... в других же монастырях доход не превышает 3—4 тыс. рублей на каждый монастырь"[63].

При о. Исаии Глинская пустынь владела также четырьмя водяными мельницами. Кроме Сеймских мельниц, обители принадлежали мельница о шести поставах на реке Любке в трех верстах от г. Путивля и две мельницы (каждая о двух поставах) вблизи пустыни на реке Обесте, по-

строенные на средства обители[64]. Последние три мельницы перемалывали половину годовой нормы хлеба, требующейся на содержание братии и приходящих богомольцев[65].

С ростом благосостояния Глинской пустыни возросла и ее благотворительность. В конце XIX века Глинская пустынь ежегодно принимала, как правило, до 45 тысяч богомольцев[66], а в начале XX —

Схимонах Архипп
(Шестаков)
(1825—1896)

свыше 60 тысяч[67]. Они размещались в монастырской странноприимнице (на содержание которой обитель выделяла около 6000 руб.[68]), бесплатно пользовались жильем, монастырской трапезой, лекарствами, одеждой, обувью, а иногда получали и денежную помощь[69]. В случае нужды жители окрестных деревень пользовались безвозмездно от пустыни хлебом, деньгами, а в случае бедствия (пожара, голода, падежа скота) всегда получали от пустыни пособие. Например, в 1892 г. местные жители "пользовались топливом из поломанных... деревьев в монастырском лесу, пустынь также давала лес на постройку жилищ"[70].

В период неурожая в 1891—1892 гг. Глинская пустынь щедро оказывала помощь крестьянам и хлебом и деньгами[71]. Так, в 1891 г. в помощь пострадавшим от неурожая Глинская пустынь выделила 300 пудов ржаной муки. Мука была распределена между нуждающимися жителями разных сел Тимковского уезда, на которых не распространялась ни правительственная ссуда, ни земская помощь[72]. В 1892 году обитель выделяет ряд денежных пожертвований в помощь пострадавшим от неурожая, в общей сумме 331 руб. 94 коп.[73] Значительная жертва в виде денег и хлеба была отправлена монастырем в местное управление Общества Красного Креста в г. Курск, а также одному из приволжских общежительных монастырей. (Архив Глинской пустыни, дела за 1891 и 1892 гг.[74])

К особому виду благотворительности обители можно отнести создание в 1890 г. при Глинской пустыни Дома трудолюбия для обучения в нем разным ремеслам и грамоте крестьянских детей-сирот. Вначале этот Дом был рассчитан на 15—20 мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет[75], однако популярность его среди народа быстро росла и число обучаемых увеличивалось. Через десять лет здесь обучалось уже 125 мальчиков[76], а в начале XX века — 187[77] (см. "Архив Глинской пустыни"). Мальчики по их желанию распределялись по мастерским и в течение пяти лет обучались ремеслам: иконописному, портняжному, сапожному, столярному и токарному. К концу XIX века круг ремесел был значительно расширен.

Теперь мальчики могли обучаться и переплетному, каретному, корзиночному, кузнечному, шорному, слесарному, позолотному, резному мастерству, выделке из дерева ложек и палок, выделке ковров, шитью риз, а также садоводству, пчеловодству, огородничеству, рыбоводству. Больше всего мальчиков обучалось в живописной мастерской (от 20 до 27 человек ежегодно)[78].

Для обучения детей в каждую мастерскую назначался лучший специалист из монашествующих.

Цель создания Дома трудолюбия, по замыслу настоятеля, состояла в том, чтобы приютить сирот, дать им образование и возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь, если они не останутся в обители.

Особое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию учащихся. В Доме трудолюбия им преподавались уроки Закона Божия, чтения, чистописания и церковного пения. В воскресные и праздничные дни мальчики неопустительно ходили в церковь. Кроме учителей, назначался монах, который жил вместе с мальчиками в Доме трудолюбия и, стремясь воспитать их в духе истинного православия, следил за поведением учеников[79].

Монастырь выделял большие средства на содержание детей. В 1890 году только на оборудование одного из зданий обители для Дома трудолюбия и приобретение различных инструментов было затрачено 1000 рублей, не считая средств, расходуемых на полное обеспечение мальчиков[80]. В начале XX века сумма ежегодных расходов возросла до 4500 рублей, без учета отопления, освещения, одежды и питания[81]. Половина этой суммы восполнялась выручкой от продажи изделий учеников[82].

По окончании обучения каждому мальчику выдавалось свидетельство за подписью настоятеля и старшей братии о том, какому ремеслу он обучался и каких достиг успехов[83]. Большинство учеников Дома трудолюбия по достижении совершеннолетия оставалось в числе братства обители[84].

В 1890 году братия обители откликнулась на призыв Преосвященного Иустина (Охотина), епископа Курского, выделить однопроцентный взнос с монастырских доходов на народное образование, поддержку и развитие церковноприходских школ и представить в Курскую Духовную Консисторию[85]. И хотя Глинская обитель освобождалась от этого взноса на том основании, что она организовала в стенах своего монастыря Дом трудолюбия[86], однако иноки не пожелали остаться в стороне от благого призыва архипастыря и представили на нужды народного образования 150 рублей[87].

Значительные суммы денег в общей сложности были пожертвованы Глинской пустынью и на другие благотворительные цели. Так, в 1891 году Глинская пустынь пожертвовала много церковных вещей и облачений для храмов военно-врачебных заведений. (Архив Глинской пустыни, дело за 1891 год[88].) По информации журнала "Курские епархиальные ведомости" обитель в 1890-е годы ежегодно выделяла определенную сумму денег не только в пользу Иерусалимской церкви Гроба Господня, но и в пользу православных Святой Земли и русских паломников в Палестине.

В 1911 году братия Глинской обители пожертвовали на сооружение раки святителя Иоасафа Белгородского 75 руб. 60 коп.

Эпизодические пожертвования были оказываемы обителью в пользу Константинопольской Патриархии, а также на устройство церкви в Туркестанском крае (1894 г.). Кроме того, были выделены денежные пособия на содержание Православного миссионерского общества и др.

Благотворительная деятельность Глинской пустыни распространялась и на зарубежные страны. В 1893 году обитель оказала посильную помощь пострадавшим от землетрясения на острове Занте и посылала жертву в пользу жителей Греческого королевства, пострадавших от землетрясения; в 1897—1900 гг. пожертвовала денежные средства в пользу нуждающихся славян и т. д. Все это выливалось в большую денежную сумму. Только на содержание местных духовных учебных заведений ежегодно расходовалось до 950 руб.[89] Кроме того,

На с. 348—349 —
живописная мастерская Глинской пустыни. Фотография начала XX в.

обитель отпускала лес для школ в селах Пагарыч и Гудово, пожертвовала в церковь-школу слободки Шутовки иконостас, иконы, церковную утварь[90].

Такая щедрость оборачивалась обители не в убыток, а в умножение ее богатств. И это потому, что Промысл Божий, видя благотворительность монастыря, умножал в нем все необходимое для этой цели[91].

Но не только благотворительностью славилась Глинская пустынь. Велика была ее роль в духовно-просветительной деятельности. В конце XIX века просветительная деятельность особенно была необходима для ограждения народа от различного рода вредных лжеучений, укрепления православной веры, христианского благочестия.

Заботясь о духовном просвещении народа и понимая, какое огромное значение имеет изучение творений святых отцов в духовной жизни христианина, игумен Исаия обратился к Курскому епископу Иустину (Охотину) с прошением разрешить Глинской пустыни издавать листки и книги религиозно-нравственного содержания[92]. Преосвященный поручил председателю Епархиального братства, ректору семинарии разработать правила для издания подобных листков, рассмотреть их в совете братства и представить на утверждение архипастыря[93].

На основании этих правил с 1891 года Глинская пустынь стала издавать духовно-нравственную литературу[94]. Это начинание было поддержано и благотворителями обители. Так, в 1892 году дворянкой Белгородского уезда Юлией Викторовной Суджанской была пожертвована обители тысяча рублей на издание религиозно-нравственной литературы[95]. К середине 1893 года обитель уже издала 35 "Глинских листков" и 22 книги[96]. Они бесплатно раздавались в благословение богомольцам.

Об издательской деятельности игумена Исаии современники писали: "Настоятель Глинской пустыни о. Исаия выделяется из многих игуменов монастырей. Для него дороги все приходящие помолиться в пустынь (а их в год перебывает у него до 50 тысяч). Он заботится о всех православных христианах, ради которых и занялся издательской деятельностью"[97].

Литература, издаваемая Глинской пустынью при о. Исаии, имела огромное значение в деле спасения человека.

О большом нравственном воздействии "Глинских листков" свидетельствует следующий пример. Однажды к Глинскому старцу Архиппу (Шестакову) пришла девушка, оставившая должность учительницы и желавшая всецело посвятить свою жизнь богоугождению. Отец Архипп, имевший дар прозрения, не выслушав вопроса, сказал ей: "Дома лучше, себя учи, а потом в монастырь" и при этом дал ей один из "Глинских листков", прочитав который девушка в восторге воскликнула: "Хорошо, что я пошла к старцу: этот листок открыл всю мою душу"[98].

Большой популярностью среди народа пользовались издания серии "Глинские Богородицкие книжки", содержание которых было построено на материале творений святых отцов, проповеднических трудов учителей Святой Православной Церкви, житий великих подвижников Божиих. Среди них: "Солнце" — из творений свт. Тихона Задонского; "Покайтеся", "Приготовьтесь ко сретению Жениха" — из творений св.

Ефрема Сирина; "Поучительные примеры из жития св. Нифонта", "Как спасся блаженный Досифей" — из книги аввы Дорофея; ряд назидательных книг благочестивым людям: о дарах Божественной благодати, об исповеди и причащении Святых Христовых Таин, о необходимости хранения очей и много других[99].

"Глинские Богородицкие книжки" были неотъемлемой частью книжных фондов школьных библиотек[100]. Дети охотно читали и перечитывали их. Информация о выходе в свет очередных изданий

"Глинских Богородицких книжек" публиковалась на страницах журнала "Курские епархиальные ведомости"[101] и других периодических изданий.

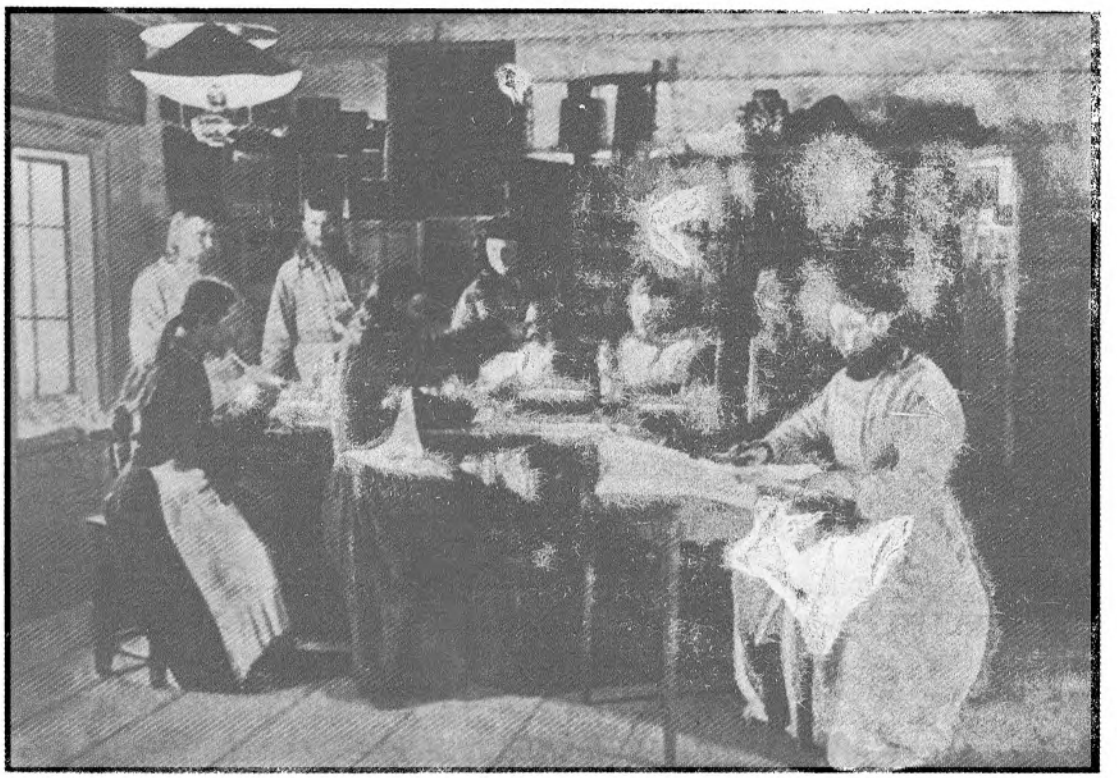
Одновременно Глинская пустынь приступила к выпуску изданий о самой обители.

В 1891 году было издано подробное историческое описание монастыря — "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь"[102]. Эта книга получила высокую оценку на страницах печати[103]. В 1899 году вышла книга о вновь устроенном в Глинской пустыни Спасо-Илиодоровском ските и его замечательных старцах[104]. В 1901 году был выпущен очерк современного состояния Глинской пустыни[105]. Он пользовался большой популярностью и переиздавался с некоторыми дополнениями в 1904 и 1912 годах[106].

Святитель Феофан (Говоров),
Затворник Вешенский
(1815—1894).
Вел переписку с настоятелем
Глинской пустыни о. Исаией
(Гомолко); по его указаниям
устраивалась жизнь
в Спасо-Илиодоровском
скиту

В 1901 году обитель издала книгу об истории явления Чудотворной Глинской иконы и чудесах, от нее происшедших. Эта книга также была очень популярна среди богомольцев, она переиздавалась в 1907 году[107].

Обитель поставила своей задачей издание жизнеописаний замечательных подвижников Глинской пустыни. И уже в 1892—1894 гг. ею были изданы три книги: об игумене Филарете (Даниловском), иеросхимонахе Макарии (Шарове) и старце Феодоре (Левченко)[108]. В журнале "Богословский библиографический листок" за 1894 год (в Приложении к журналу "Руководство для сельских пастырей") появилась

рецензия, в которой высокую оценку получили все три жизнеописания Глинских подвижников. Особенно выделено среди этих книг второе издание жизнеописания старца игумена Филарета, "которое... — как отмечено в рецензии, — и по содержанию интересно, и по изложению прекрасно; тон и слог речи древнеотеческий. Жизнеописание старца Макария в высшей степени назидательно: наставления этого старца отличаются замечательною меткостью и духовной проницательностью. Сказание о старце Феодоте, отличавшемся глубоким смирением, терпением и послушанием, заслуживает полного внимания любителей духовной жизни и может быть прочитано с великою душевною пользою"[109].

Иконостасная мастерская.
Фотография
начала
XX в.

Особенно много книг о Глинских подвижниках издала обитель в начале XX века. В 1901 году вышло второе издание книги о старце Макарии (Шарове)[110]; в 1902 году было опубликовано жизнеописание старца Архиппа (Шестакова)[111]; в 1905 году — третье, значительно дополненное и переработанное, издание книги о возобновителе Глинской пустыни игумене Филарете[112]; в 1906 году — очерк жизни настоятеля архимандрита Иннокентия (Степанова)[113]; в 1907 году — жизнеописание старца схимонаха Луки (Швеца)[114]; в 1909 году — очерк жизни монаха Петра (Лешенко)[115] и значительно дополненное жизнеописание старца Феодота (Левченко)[116]; наконец, в 1910 году вышли книги о Глинских подвижниках: монахе Мартирии (Кириченко)[117] и схимонахе Евфимии (Любимченко)[118].

Огромный вклад в составление жизнеописаний Глинских старцев внесли сами Глинские иноки. Наиболее известен среди них *игумен Иассон*[119].

Отец Иассон поступил в Глинскую пустынь в 1863 году[120]. Шестнадцать лет он прожил под руководством высокодуховного старца схиархимандрита Илиодора (Голованицкого). "Имея к нему полное доверие и любовь, — пишет игумен Иассон, — я старался напечатлеть в своей памяти все его деяния и все то, что мне довелось не раз слышать от него. Опасаясь, что с течением времени многое может изгладиться из моей памяти, я еще при жизни старца, не мудрствуя лукаво, начал записывать для себя то, что мне казалось в каком-нибудь отношении замечательным. Таким образом у меня составилось довольно материала, не подлежащего для меня никакому сомнению"[121]. Так появилась книга о жизни и духовных подвигах старца Илиодора. Она вышла в 1887 году, через восемь лет после блаженной кончины старца[122]. Второе издание этой книги (дополненное и переработанное) было опубликовано в 1906 году, когда о. Иассон стал уже наместником Курского Знаменского монастыря[123].

Большой материал был собран игуменом Иассоном о великом старце монахе Феодоте от его учеников и почитателей, от братий, многие из которых лично знали отца Феодота, что и послужило основанием для написания о нем книги, вышедшей в 1894 году[124]. В том же году опубликовано составленное о. Иассоном жизнеописание Глинского монаха Досифея (Колченкова)[125]. Перу о. Иассона принадлежат также названные выше книги о старцах монахе Мартирии и схимонахе Евфимии.

Автору данной работы удалось установить также имя составителя последнего, наиболее полного жизнеописания игумена Филарета[126]. Им был инок Глинской пустыни Михаил (Кузьмин). В 1905 году, обращаясь к настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Ксенофонту, отец Михаил писал:

"Ваше Высокопреподобие, Всечестнейший и Боголюбивейший Батюшка, Отец Архимандрит! Благословите!

В жизни Молдавского старца Паисия Величковского, издания Оптиной пустыни, Глинской игумен Филарет несправедливо показан учеником иеромонаха Василия Кишкина, что подтверждает посылаемое бандеролью "Жизнеописание Глинского возобновителя..." (с. 10). При

следующем издании книги о старце Паисии благоволите приказать сделать соответствующее исправление.

С почтением и благожеланием, просящий св. молитв Вашего Высокопреподобия, автор посылаемой книги инок Глинской пустыни

Михаил Кузьмин. *14 июля 1905 г.*"[127]

Михаил Кузьмин родился в 1852 году. Окончив юнкерское училище, он успешно проходил службу, но в 1887 году вышел в отставку в чине капитана и на 38 году жизни поступил в Глинскую пустынь. Игумен Исаия назначил его на послушание "при письмоводстве"[128], а затем, видя усердие и ревность к жизни иноческой, перевел в библиотеку Спасо-Илиодоровского скита[129]. Здесь Михаил занимался изучением документов архива Глинской пустыни, связанных с жизнью ее выдающихся подвижников.

Это позволило ему значительно дополнить жизнеописание игумена Филарета сведениями из дел архива Глинской пустыни, первого рукописного описания Глинской пустыни 1829 года, из других печатных и рукописных источников, а также устными рассказами Глинских старцев. Кроме подробного жизнеописания отца Филарета, эта книга содержит ценные сведения о многих подвижниках Глинской пустыни.

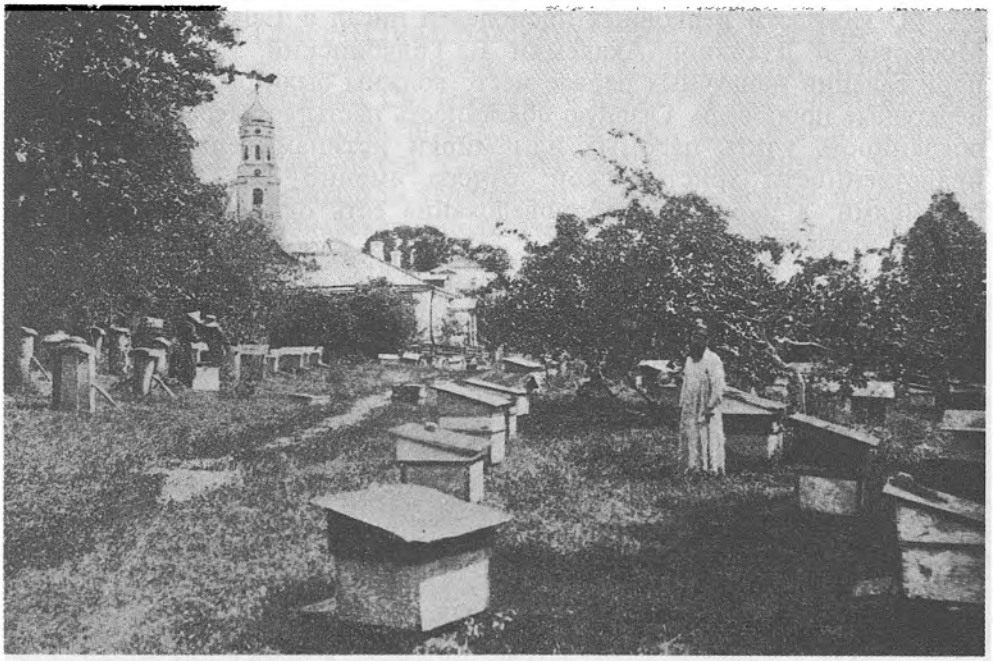
Ив. Ювачев, посетивший Глинскую пустынь в начале XX века, писал об о. Михаиле: "Этот офицер-монах занимался составлением небольших назидательных статей, которые Глинская пустынь издает в виде маленьких брошюр"[130].

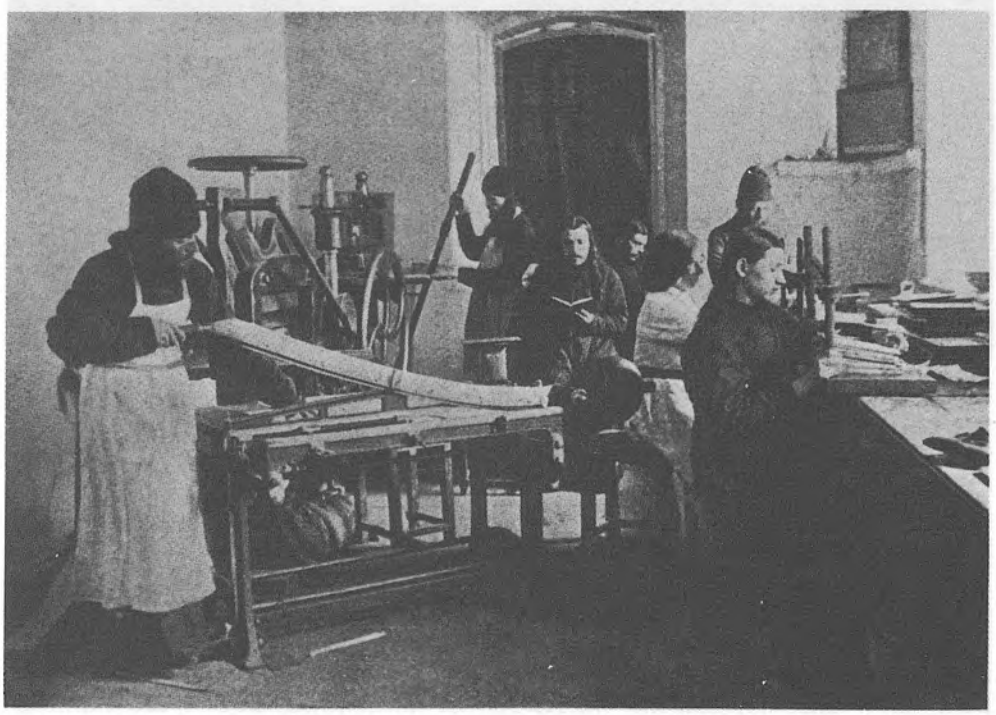
Будучи свидетелем многих чудес, происходивших от Пустынно-Глинской иконы Рождества Пресвятой Богородицы, о. Михаил записывал многие из них. Его записи были использованы при составлении очерка о явлении иконы и описания чудес, от нее происшедших[131]. Отец Михаил в 1906 году был рукоположен во диакона, затем — во иерея[132]. В 1908 году пострижен в монашество с именем Мартиниан. Через год по прошению, из-за болезни, он был пострижен в схиму с именем Максим[133]. Точная дата его кончины неизвестна. Последний раз иеромонах Максим упоминается в послужных списках братии за 1911 год[134].

С целью духовного просвещения Глинская пустынь одновременно публиковала жизнеописания подвижников благочестия своей обители на страницах журнала "Курские епархиальные ведомости"[135].

В этот же период в обители были составлены "Глинские записки", содержащие десятки жизнеописаний Глинских подвижников, прославившихся своей жизнью еще до периода настоятельства о. Исаии. Среди них — жизнеописания схимонаха Артемия, любимого ученика старца схиархимандрита Илиодора; послушника Прохора юродивого, с юных лет желавшего сораспяться Христу, ученика старца Феодота; духовно мудрого монаха Игнатия трудолюбивого, с кротостью и смирением проходившего общие послушания, а затем личного письмоводителя игумена Иннокентия, и многих других. Впоследствии жизнеописания из "Глинских записок" были включены в многотомное издание "Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков"[136].

Немалое внимание уделяла Глинская пустынь изданию церковных проповедей.

Монастырская пасека
и переплетная мастерская
Глинской пустыни.
Фотографии начала
XX в.

О важности церковных проповедей писал в 1904 году профессор Московской Духовной Академии Е. Голубинский: "Из письменных произведений ненаучных первое место должны были бы занимать у нас церковные проповеди. Главную обязанность пастырей Церкви составляет обязанность учить пасомых или мирян истинам веры и правилам нравственности христианской, отчего именно они и называются пастырями; а церковное проповедование есть одно из обязательных средств этого учения".[137].

В своих печатных проповедях Глинская пустынь ставила задачи просвещения народа, разъяснения основ христианской морали и в целом религиозно-нравственного воспитания. В широко известном издании "Россия. Полное географическое описание нашего отечества" о Глинской обители сказано: "Монастырь занимается книгоиздательством для народа"[138].

Глинская пустынь стала инициатором миссионерской деятельности в Курской епархии. В 1908 году в целях укрепления устоев православной духовно-нравственной жизни в стенах этой обители открывается миссионерский кружок во имя св. апостола Иоанна Богослова[139]. Идея создания кружка, как писал настоятель схиархимандрит Иоанникий, была соборне обсуждена со старцами обители. Из числа 60 братий, изъявивших желание участвовать в работе этого кружка, были избраны

Братская мойка белья
в Глинской пустыни.
Фотография начала
XX в.

Большое нравственное значение имели крестные ходы с Глинской Чудотворной иконой Богородицы. В 1891 году в с. Шалыгино была построена каменная часовня с тем, чтобы ежегодно принимать Глинскую икону Богородицы для молебствования в часовне и на полях в память чудесной помощи Ее жителям этого села. После многочисленных ходатайств шалыгинских крестьян последовало разрешение императора Николая II об установлении ежегодного крестного хода 29 апреля с Чудотворной иконой Богородицы из Глинской пустыни в их село[143].

Невозможно исчислить ту повседневную кропотливую просветительную деятельность, которую осуществляли иноки Глинской пустыни среди паломников — взрослых и детей. Взрослые стремились попасть в Глинскую пустынь, известную в стране своим старчеством, чтобы здесь почерпнуть духовную силу, получить благословение, совет великих старцев-подвижников. Учащиеся земских, церковноприходских школ собирались в паломнические группы.

Так, в 1911 году пустынь приняла группу учащихся Селинской церковно-приходской школы (свыше 80 человек), о чем писал священник Николай Оболенский[144]. Он подчеркивал, что посещение Глинской пустыни оставляет неизгладимое впечатление в сердцах учащихся, облагораживает их души, обогащает светлыми воспоминаниями их детство, "а наше с ними пение священных песнопений во время этих путешествий воспитывает в детях твердость небоязненного, непоколебимого исповедования своей православной веры и подготавливает их к участию в общем массовом пении за церковным богослужением"[145]. Все дети бодро выстаивали монастырские службы, участвовали в крестном ходе, назидались чтением "Глинских листков" и духовных книг, а юным паломницам настоятель монастыря схиархимандрит Иоанникий прислал в гостиницу большой спектроскоп с непрерывно передвигающимися картинками, изображающими святые места Палестины. В память о пребывании в Глинской пустыни все дети получили от настоятеля религиозно-нравственные листки, крестики, а некоторые взрослые — иконы и картины религиозного содержания.

Многогранная просветительная деятельность Глинской пустыни имела огромное влияние на духовно-нравственное воспитание народа, развитие грамотности среди населения. Обитель пользовалась большой популярностью не только в нашей стране, но и за ее пределами. С. В. Булгаков в "Настольной книге для священно-церковно-служителей" писал: "Глинская пустынь пользуется большой известностью. Сюда стекается масса богомольцев"[146].

В начале XX века правящие архиереи писали в Св. Синод: "Православная паства Курской епархии охотно и с усердием посещает богослужение во всякое время года. Трудно бывает найти семью в приходе, из которой не было бы одного или нескольких членов в храме в храмовой праздник. Народ массами с детьми спешит посетить в тот день храм, отстоящий на две-три версты. Ни даль расстояния храма Божия, ни суровая погода, ни домашние дела — ничто не удерживает народ от посещения храма и богослужения. С таким же усердием посещаются паствою богослужения и Св. Четыредесятницы, когда каждый считает своею священной обязанностью принести в эти дни покаяние во грехах, очистить свою совесть от них и приобщиться Св.

Христовых Таин"[147], и несомненно, большая заслуга в этом принадлежала Глинской Богородицкой пустыни[148].

Среди всех многогранных настоятельских трудов основной заботой о. Исаии было созидание правильной духовной жизни братии; при этом большое внимание он уделял бодрствованию каждого инока над своей душой. Сам о. Исаия, несмотря на множество забот, не только не потерял своей внутренней собранности, но и преуспел в трезвении. Он поучал братию непрестанно работать над своим сердцем и умом, помнить, что человек постоянно ходит среди сетей врага. Часто братия,

принимая от него благословение, получали наставление: "Будь внимателен!", и это энергичное слово настоятеля сообщало им бодрость духа. Внимание к помыслам уподоблял о. Исаия мысленной мастерской, в которой страстная жизнь переделывается в бесстрастную. "Если же ум не обуздывает чувств, — говорил он, — то глаза всюду разбегаются от любопытства, уши любят слушать суетное... уста становятся неудержимыми"[149]. Ум такого человека не в состоянии сохранить Божественные заповеди и исполнить иноческие обеты. Призывал он всех стяжать внимание к своим душам, предложенное святыми отцами: "Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи"[150], то помыслы его собираются. Для стяжания этой добродетели особенно призывал он братию хранить везде молчание и подвизаться в постничестве[151]. Отец настоятель побуждал братию к строгому воздержанию в пище. Так, например, он ограничивал братию в белом хлебе и квасе. Отец Исаия ревностно следил за всем в монастыре и не оставлял без внимания ни малейшей погрешности братии, так как

Вид Глинской пустыни с западной стороны.
Дореволюционная открытка

знал, что без контроля, как внутреннего, так и внешнего, трудно человеку спастись. Если кто не достоял Божественной службы, или нерадиво что сделал, или разбил, или оскорбил чем-либо брата, или сказал лишние слова, или засмеялся, или не кротко и смиренно ходил, или не слушал за трапезой душеполезного чтения, или возроптал по поводу пищи, или смотрел с любопытством по сторонам — за все это и за другие, еще и меньшие провинности должен был дать ответ настоятелю. Безусловно, исправление малейших погрешностей иноков, возведение их на самую высоту монашеских подвигов потребовали от настоятеля огромных трудов, но за это он и был признан "строгим ревнителем правил церковных, и жизни иноческой"[152]. Некоторые из братий даже роптали на него за строгость, но он заботился только о том, чтобы деятельность свою сделать угодной Богу. Впоследствии и недовольные были ему благодарны.

Придавая большое значение в деле духовного совершенствования иноков изучению творений святых отцов, настоятель собрал прекрасную библиотеку из аскетических и духовно-нравственных книг. Если в 1894 г. в библиотеке пустыни было лишь 345 экземпляров[153], то в 1910 г. — уже около 1350[154].

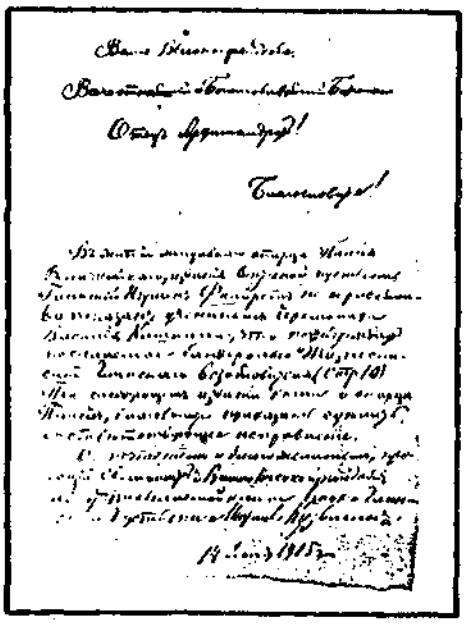
Во время настоятельства этого ревностного подвижника и пламенного молитвенника богослужения в Глинской пустыни совершались с особым благоговением и торжественностью. По отзывам современников, впечатление от богослужений было "поразительное, возвышающее святые молитвенные чувства"[155].

При отце Исаии, кроме положенных по уставу соборных акафистов (в воскресенье — Спасителю, в субботу — Матери Божией), в Глинской пустыни перед ранней обедней стали совершаться также другие соборные акафисты: во вторник — св. великомученице Варваре, в четверг — Святителю Николаю[156]. Соборный акафист Святителю Николаю по благословению архипастыря начал совершаться с 1889 года. Перед первым его совершением настоятель отец Исаия во сне увидел церковь, в которой на полу была покрыта паутиной икона Святителя Николая. Утром он попросил ризничего — иеромонаха Иеронима (Захарова) поискать виденный им образ[157]. Ризничий нашел среди старых икон именно такую икону. Это был образ Святителя Николая Чудотворца, древнего письма, пожертвованный еще в 1821 году игумену Филарету генеральшей А. П. Хвостовой[158]. Игумен Филарет писал в историческом описании обители, представленном в Духовную Консисторию в 1837 году (Дело архива № 255), что эта икона "некиим образом начертана", так как она была написана пером. Святитель на ней изображен в половину роста. От лика его по всей иконе как бы идет сияние. Сребропозлащенная риза на иконе, по всей вероятности, была выполнена позднее, поскольку не соответствовала стилю письма иконы[159]. С тех пор соборный акафист Святителю Николаю всегда совершался в Глинской пустыни перед этим образом. На зиму икону переносили в теплый храм. Ив. Ювачев пишет, что этот образ, так же как образ Нерукотворенного Спаса и копия Иверской иконы Божией Матери, особенно почитался в обители[160].

Настоятель сам прошел строгую школу полного послушания старцам и знал, что невозможно иноку трезвиться без частого

откровения помыслов. Поэтому во время его настоятельства старчество особенно процвело в обители.

В начале XX века Курские архиереи писали в епархиальных отчетах: "Старчество, как духовный институт, издавна существует в Глинской пустыни и оказывает благотворное влияние не только на братию, но и на богомольцев. Подавая пример доброй нравственности, старцы руководят неопытных в духовной жизни и вразумляют заблуждающихся, благодаря их влиянию и строгому надзору братия усердно ревнует о своем спасении"[161]. До 1889 г. послушники могли

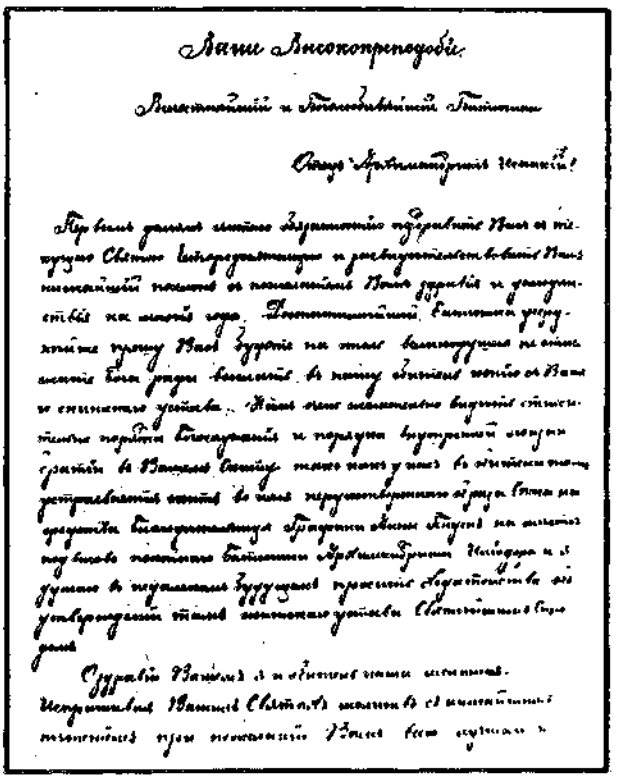

ходить на откровение помыслов к любому старцу или братскому духовнику[162]. Отец Исаия ввел более строгий порядок. При поступлении в обитель каждому назначался старец (по своему желанию нельзя было избирать[163]), которому ежедневно следовало открывать все свои мысли и поступки, без благословения его ничего нельзя было предпринимать. Именно это делание возводило Глинских подвижников на высоту духовного совершенства, сохраняло преемственность древних иноческих традиций. Также и богомольцы "получали удовлетворение религиозно-нравственных нужд своих, обращаясь за советом к просвещенным духовным опытом старцам[164].

При отце Исаии в Глинской пустыни были не один-два, а много

Письмо Глинского инока
Михаила Кузьмина — автора
"Жизнеописания игумена Филарета"
настоятелю Оптиной пустыни
архимандриту Ксенофонту
от 14 июля 1905 г.
РГБ, ф. 213,
к. 74, ед. хр. 12

старцев, известных своей прозорливостью и святостью далеко за пределами обители. Такими духовными светильниками в конце XIX — начале XX в. были старцы: схимонах Архип (Шестаков), схимонах Лука (Швец), иеросхимонах Илиодор (Захаров), духовник и начальник скита иеромонах Феоктист (Бородин), схимонахи Иоанн, Марк, Пантелеимон, монахи Иоанн Терпеливый, Кирилл Юродивый, послушники: Сергей Юродивый, Максим, Николай Донской и другие. Только в многотомное издание "Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и

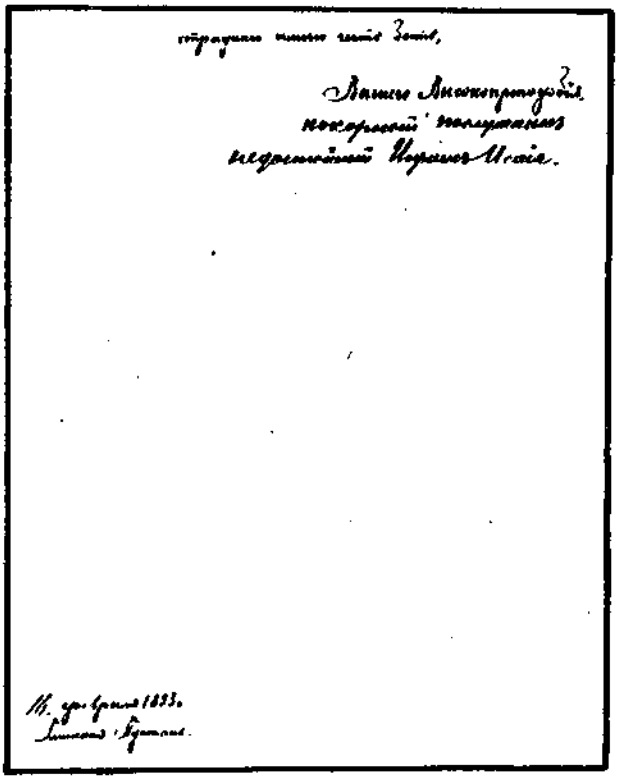

19 веков" включены 14 жизнеописаний Глинских подвижников периода настоятельства отца Исаии[165]. А сколько еще было старцев, чьи подвиги и святость известны лишь Одному Богу!

В добровольном злострадании подвизался сорок четыре года в Глинской пустыни *схимонах Архип* (в миру Афанасий Шестаков) (1825—

На с. 362—363 —
Письмо Глинского настоятеля игумена Исаии (Гомолко) настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Исаакию (Антимонову) об устроении скита Глинской пустыни. 1893 г. РГБ, ф. 213, к. 68, ед. хр. 45, л. 1—1 об.

1895)[166]. Тридцать три года подряд он нес тяжелое послушание на пекарне. Только по принятии схимы он был переведен с этого послушания на чтение Псалтири по благодетелям. За свое терпение, смирение, незлобие, воздержание, послушание о. Архипп сподобился от Бога многих даров: прозрения, исцеления, слез, умно-сердечной молитвы, памяти смертной. На услугу ближнему во имя любви, на послушание "он смотрел как на заработок вечных благ"[167]. Отец Архипп был весьма воздержанным в пище, сне, хранении своих чувств, по слову

апостола Павла: "Все подвижники воздерживаются от всего" (1 Кор. 9, 25) с целью получения нетленного венца.

Особое воздержание имел в пище о. Архипп в дни постов, а с переселением в Спасо-Илиодоровский скит, когда начал причащаться еженедельно, усилил и свой пост, почти всегда у него было сухоядение, без масла. Грубая, сухая пища, разумеется, была вредна "для изможденного подвигами о. Архиппа, но он желал лучше умереть, чем отступить от боголюбезного воздержания, поста и молитвы"[168]. Такое воздержание многим казалось излишним. Но нелишнее оно было тому, кто хотел уподобиться Ангелам. Святой Симеон Столпник говорил: "Хотя пища не оскверняет человека, однако она рождает скверные помыслы, помрачает ум, вкореняет страсть (чревоугодия), претворяет духовного человека в плотского, пригвождая мысли его к плотским вожделениям" (Четьи-Минеи, 24 мая)[169]. А святой Иоанн Златоуст, восхваляя пост, пишет: "Пост — это дар Божий, пост — пища Ангелов, пост посвятил в таинства Моисея, пост утвердил в вере Авраама... пост

освятил Захарию, пост умудрил Иоанна, пост подкрепил Петра, пост доставил награду Павлу... пост... укрепив тело Христа, стремительно отразил нападение диавола... пост отгоняет сон и побуждает к песнопению, пост — вода, напояющая нас и уготовляющая нам источник бессмертия... О, пост! Ты устами постящихся призываешь милость и суд Божий"[170]. Не любящие поста, как правило, бессильны, ленивы, нерадивы и на другие подвиги и тем самым подают врагу повод одержать над собой победу.

С самого начала поступления в обитель в 1852 году и до последних дней жизни о. Архипп особенно подвизался в стяжании смирения, терпения и всеми способами уничижал себя перед другими, заставляя выходить наружу скрывающиеся внутри страсти. С этой целью он носил порванную грязную одежду, нередко спал в пекарне на каменном полу и на угольях или на полке под столом. Если кто-то его ругал, то он всем кланялся и у всех просил прощения. Порой он "тер лицо руками или ерошил волосы на голове. Все это подавало повод называть его юродивым, безумным, прельщенным"[171]. Старец и не отрицал присваиваемых ему эпитетов, а, напротив, говорил: "Лучше всего дураком быть, да надобно уметь им сделаться"[172]. Возложив все упование на Бога, он очень мудро и как можно точнее стремился исполнять иноческий устав, по слову святого апостола Павла: "Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтобы быть мудрым" (1 Кор. 3, 18).

Несмотря на наличие благодатных даров, о. Архипп не превозносился, а считал себя землей и пеплом, в похвалах не тщеславился, а ревновал о совершенстве, в случаях же поношений побуждал себя к покаянию, избегал всякой славы, всячески изнурял свою плоть. Будучи совершенно больным, он "не принимал никаких мер к излечению, напротив того, как бы еще искал случая нанести большой вред своему здоровью. Но это происходило у него не от пренебрежения жизнью, а от полного упования на Бога, без воли Которого и волос с головы человека не спадет, как уверяет нас Слово Божие"[173]. Вместе с тем в перенесении болезней он стяжал и терпение, а без терпения и мужества не может быть совершенна ни одна добродетель. Авва Дорофей пишет: "Если кто не имеет мужества в душе, тот не будет иметь и терпения; а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может исполнить"[174]. Поэтому Христос Спаситель призывал: "Терпением вашим спасайте души ваши" (Лк. 21, 19).

Одним из главных доказательств святости старца и силы его молитв было чудесное освещение дороги в 1882 или 1883 году. Однажды, возвращаясь из Софониевой пустыни в свою обитель, о. Архипп и отец N очень задержались. Ехали темной ночью, "дорога проходила по краю глубокого оврага. Кучер предлагал сойти, и священноинок соглашался, но о. Архипп не хотел. Веря, что Ангелы — служебные духи — посылаются на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1, 14), он сказал: "Молись Богу, на Него надейся: нас сохранят Ангелы Его". С этими словами старец склонил голову на правую сторону и мысленно стал молиться. Отцу N страшно было ехать в полном мраке, при ежеминутной опасности ринуться в пропасть; он мысленно осуждал о. Архиппа и хотел снова сойти. Прозревая мысли

его, старец сказал: "Сиди, я отвечаю; веруй, Господь не попустит", взял отца N за руку и держал. "Не придется отвечать, когда ринемся вниз головой, не соберешь и костей наших", — помышлял отец N, но покорился. Вдруг появился какой-то луч и осветил лошадей, повозку и овраг, а все остальное окружающее пространство осталось в прежнем мраке. Отец N указал кучеру на чудесное освещение, тот молча кивнул головой, чтобы не прерывать молитвы старца, глаза которого были закрыты. Но как только миновала опасность, о. Архипп открыл глаза, перекрестился и громко прославил Бога, а кучер сказал: "Проехали, батюшка!" С окончанием молитвы старца луч света исчез и воцарилась прежняя непроницаемая тьма. Луны вообще не было видно всю дорогу до Глинской пустыни. Это еще более убедило спутников богобоязненного старца в чудесном освещении им дороги по святым молитвам о. Архиппа[175].

В подтверждение возможности чудес приведем слова святого Ефрема Сирина, который говорит, что небо и земля, море и воздух, и все, что в них, повинуются тому, у кого все сердце исполнено страха Божия[176]. А святой Иоанн Лествичник пишет: "Никто по неразумению да не впадет в неверие, видя или слыша в монашеской жизни бывающее выше естества; ибо где Бог, превысший естества, являет Свое присутствие, там много бывает вышеестественного"[177].

Под духовным руководством смиренного, мудрого и строгого подвижника схимонаха Архиппа началась жизнь иноков в Спасо-Илиодоровском скиту Глинской пустыни. Многочисленные примеры духовных наставлений, дара прозрения[178], исцеления, обильно изливавшихся на ближних, читатель найдет в литературных источниках, посвященных боголюбивому старцу Архиппу.

Ближайшими помощниками о. Исаии в деле управления были соборные старцы.

Братским духовником при отце Исаии сначала был (как и при отце Иннокентии) иеромонах Аполлоний (Купчинский)[179]. После его кончины в 1894 году духовником назначили иеромонаха Никандра (Алейникова)[180]. С ноября 1895 года в течение пяти лет духовником был иеромонах Мартиниан (Захаров)[181], с ноября 1900 г. и до июля 1905 года — иеромонах Филимон (Гуторов)[182], его преемником стал иеромонах Терентий (Выблов), бывший духовником Глинской пустыни до 1919 года[183].

В течение первых трех лет управления обителью отцом Исаией *казначеем* был старожил Глинской пустыни иеромонах Амвросий (Распопов), исполнявший это послушание в течение 27 лет[184]. В 1891 году по прошению отец Амвросий был уволен на покой, а на его место определен иеромонах Иосия (Конев)[185]. После него с июля 1897 г., около трех лет казначеем был иеромонах Галактион (Татаринов)[186], затем иеромонах Адриан (Сыромятников)[187], с ноября 1901 г., в течение почти четырех лет, — иеромонах Терентий (Выблов)[188], с июля 1905 г. и до конца настоятельства отца Исаии — иеромонах Филимон (Гуторов)[189].

Благочинным при отце Исаии сначала был иеромонах Домн (Агеев)[190], с марта 1892 по июль 1893 г. — иеромонах Марин (Нужненко)[191], затем — иеромонах Елеазар (Тупицын)[192]. В августе 1897

г. благочинным был определен иеромонах Зосима (Тимков)[193], в ноябре 1902 г. — иеромонах Вассиан (Федоров), впоследствии иеросхимонах Виталий[194]. С июля 1905 г. в течение почти 15 лет благочинным был иеромонах Назарий (Авдеев)[195].

Ризничим Глинской пустыни (как и при архимандрите Иннокентии) до марта 1893 года был известный Глинский старец иеромонах Иероним (Захаров), впоследствии иеросхимонах Илиодор[196]. Затем в течение четырех лет — иеромонах Галактион (Татаринов)[197]; с 1897 по 1900 год — иеромонах Македоний (Жиров)[198], затем — иеромонах Порфирий (Муковоз)[199], с июля 1906 года в течение двух лет ризничим был иеромонах Тимофей (Перфильев)[200], затем с 1907 по 1912 год — иеромонах Аристоклий (Ветер)[201].

Под многоопытным руководством о. Исаии и старцев обители, сформировался целый сонм духовных подвижников. Это настоятель Глинской пустыни в 1912—1922 и 1942—1943 годах архимандрит Нектарий (в миру Николай Нуждин), схиархимандрит Серафим (в миру Симеон Амелин, настоятель обители с 1943 по 1958 г.), архимандрит Серафим (в миру Иван Романцов, духовник обители в 1948—1961 гг.), старец иеросхимонах Никодим (в миру Иоанн Калиуш) и многие другие. По свидетельству одного из великих старцев Глинской пустыни, "среди иноков обители не было ни вражды, ни обмана, ни ссоры, они даже не знали, что такое лесть"[202].

Духовное преуспеяние Глинских иноков, которые "после обычных подвигов внутренних и внешних дошли до того, что чувствовали сильное влечение внутрь, чтобы быть там с единым Господом"[203], позволило о. Исаии осуществить свое сокровенное желание об устроении скита на месте подвигов схиархимандрита Илиодора (Голованицкого).

"Это место прославится", — предсказывал настоятель архимандрит Иннокентий (Степанов). Также и Преосвященный Иустин (Охотин), епископ Курский и Белоградский, посетив "дальнюю пасеку" о. Илиодора, сказал: "Место это освятится"[204]. Действительно, в 1892 году оно освятилось постройкой храма во имя Нерукотворенного образа Спасителя. После освящения храма о. Исаия начал ходатайствовать об открытии при храме Спасо-Илиодоровского скита.

Большое значение придавал о. Исаия составлению устава, который бы определил всю жизнь скитян. Он внимательно изучил уставы нескольких скитов, в том числе скитов Софрониевой и Оптиной пустыней. Так, в начале 1893 года о. Исаия писал настоятелю Оптиной:

"Ваше Высокопреподобие,
Всечестный и Боголюбивый Батюшка,
Отец Архимандрит Исаакий!

...усерднейше прошу Вас, будьте настоль великодушны, не откажите Бога ради выслать в нашу обитель копию с Вашего скитского устава. Нам очень желательно видеть порядок Богослужения и порядок внутренней жизни братии в Вашем скиту, так как у нас в обители тоже устраивается скит во имя Нерукотворенного образа Спаса... на месте подвигов покойного Батюшки Архимандрита Илиодора, и я думаю в недалеком будущем просить ходатайства об утверждении там скитского устава Святейшим Синодом.

О здравии Вашем я и обитель наша молится. Испрашивая Ваших Святых молитв с нижайшим почтением...

16 февраля 1893 г.
Глинская пустынь

Вашего Высокопреподобия
покорный послушник
недостойный игумен *Исаия*"[205].

Составив устав скита, смиренный Глинский настоятель послал его на рассмотрение святителя Феофана, Затворника Вышенского, который признал устав о. Исаии "лучшим Софрониевского"[206].

4 августа 1893 года скитский устав был утвержден Св. Синодом с определением учредить при Глинской пустыни скит[207].

Жизнь скитян устраивалась по совету святителя Феофана Затворника (Говорова), с которым о. Исаия вел переписку. Сущность этой жизни выразилась в словах святителя: "Скит есть обиталище живущих исключительно внутренней жизнью... Он цвет иноческой жизни, свидетельствующий, что водятся и плоды ее... Скитник... как попал в скит, пусть считает себя похороненным, келлия его — окно в небо, туда только пусть и смотрит... На свете только и есть, что он да Бог, да братия по Богу"[208].

В первом пункте устава была указана цель создания скита — "преуспеяние во внутренней жизни"[209]. Настоятель по указанию святителя старался отклонить все, отвлекающее братию от этой цели. Вход в скит женщинам был совершенно воспрещен. Но и мужчины крайне редко посещали скит, только с благословения настоятеля по билету[210]. Даже порядок общения скитян и братии пустыни был определен уставом.

По совету Святителя Феофана для приема посетителей, ищущих духовного совета, вне скита, за скитской оградой была построена особая приемная, по обстановке похожая на часовню. Здесь старцы скита давали наставления приходящим[211].

Из скита были перенесены пасека и редакция "Глинских книжек" и "Глинских листков". Редакцию разместили в отдельном домике в самой пустыни.

Святитель Феофан советовал настоятелю направлять в скит лишь тех, кто "был терт и перетерт в пустыни... Для поступления в скит желание поступить — стороннее дело. Главное, чтоб имел позыв и тяготение к внутрь пребыванию... Боримый страстями не может иметь сказанного тяготения, и ему лучше излечиваться среди братства... Такое тяготение бывает по утишении страстей. Следовательно, сомнительно в юных"[212].

Глинские скитяне большую часть времени проводили в посте и молитве. Литургия была у них по субботним и воскресным дням, в двунадесятые праздники, в царские дни и некоторые дни памяти великих угодников Божиих. В остальные дни совершалась обеднища с акафистом, который на каждый день был иным: в понедельник — св. Архистратигу Михаилу, во вторник — св. Иоанну Предтече, в среду — св. великомученику Пантелеимону, в четверг — Святителю Николаю Чудотворцу, в пятницу — Страстям Господним, в субботу — Богородице, в воскресенье — Спасителю[213]. Будничные скитские службы, в отличие от монастырских, имели свои особенности. Например: "1) На утрени

по прочтении молитв поют "Достойно" и читают двенадцать псалмов по чиноположению, с разделением на четыре части. После псалмов каждой части полагается две сотницы Иисусовых молитв и сотница Богородичных с поклонами. Тропари канонаршат. На четвертой части полагается сотница Богородичных молитв, сотница Ангелу Хранителю и сотница всем святым. 2) На вечерне вычитываются двенадцать псалмов (без сотниц), акафист Спасителю или Божией Матери попеременно и сотница за упокой отец, братий и благотворителей. (Такая же сотница о здравии полагается после обедницы.) 3) На повечерии, пред молитвою

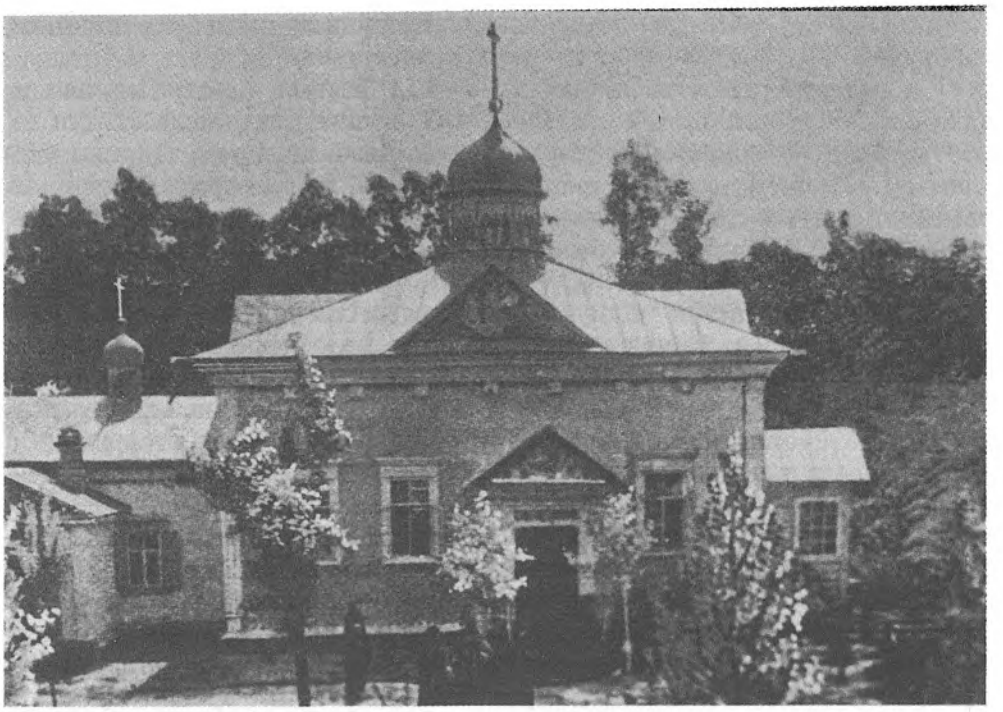
"Владыко Человеколюбче", читается по главе Евангелия и Апостольского Послания. По приложении ко Кресту братия просят прощения друг у друга"[214]. В полночь по звону церковного колокола иноки собирались в храм, богослужение продолжалось более трех часов, затем скитяне расходились по своим келлиям для краткого отдыха, а утром снова вставали на молитву и святое послушание[215].

В скиту были послушания: пономарское, при клиросе, в библиотеке, на кухне, в переплетной и сапожной, при мойке белья, общежительные. Кроме того, в скиту были свои ключник, столяр, портной, садовник и огородник.

Святые врата Свято-Илиодоровского скита. Фотография начала XX в.

В зимнее время, более свободное от общих послушаний, после двух часов дня скитяне собирались для духовного собеседования или назидательного чтения. Здесь присутствовал и начальник скита[216], который определял, что читать и кому читать. После чтения старцы разрешали вопросы и недоумения, если они возникали. В скитской библиотеке было много аскетических книг, творений святых отцов. Они выдавались братии и для келейного чтения.

В скиту, так же как в обители, было введено ежедневное откровение помыслов, о котором святитель Феофан писал, что оно

многоплодно[217]. Святитель Феофан определил и келейные занятия скитян: молитва, чтение и рукоделие[218]. Он предостерегал от хлопотливых рукоделий: "Лучше те, которые можно совершать не выходя из келлии"[219].

Обстановка келлии скитника была самая неприхотливая. Святитель писал: "Ничего нет у него, и не полушки денег: столик, табурет или скамейка, койка, на коей рогожка или войлок, и все"[220]. Пища соответствовала строгости жизни скитян: понедельник, среда, пятница — сухоядение, в прочие дни — щи и каша. Для приготовления такого стола вполне было достаточно 2—3 послушников из самих скитян. Они ходили

Храм в Спасо-Илиодоровском скиту в честь Нерукотворенного Спаса.
Фотография начала XX в.

скитян. Они ходили на все богослужения, так как успевали приготовить такую простую пищу, не оставляя общей молитвы[221].

Помимо общих молитвословий и келейного старческого правила, о. Исаия учредил в скиту непрерывное (деннонощное) чтение Псалтири. (В начале XX века Глинская пустынь была единственной обителью Курской епархии, где поддерживались такие подвижнические труды[222].)

Первоначально скит занимал небольшую территорию, обнесенную плетнем. Кроме храма, здесь были два убогих домика, крытых соломой, и два сарая под одной крышей с домиком. Затем сараи перестроили в жилое помещение, расширили территорию скита. Были построены еще несколько деревянных домиков, плетень заменили деревянным забором[223].

Скитский храм первоначально был весьма невместительным (длиной 7,5 м, шириной всего 5 м)[224]. С увеличением числа скитян (в 1899 г. в скиту было уже 48 человек[225]) его значительно расширили. По отзывам современников, внутреннее устройство храма отрешало душу от земного и способствовало возвышению ее к горнему миру. Иконостас в храме был одноярусный, дубовый, с иконами кисти Глинских иноков, писанных на цинке.

Храмовая икона Нерукотворенного Спаса помещалась над царскими вратами. За правым клиросом в позолоченном киоте была Коневская икона Богоматери, а за левым клиросом в таком же киоте — икона святого великомученика и целителя Пантелеимона — дар Афонского Русского Пантелеимонова монастыря[226]. Перед этой иконой всегда горела неугасимая лампада, а по средам, на обеднице читался акафист святому великомученику Пантелеимону. В металлическом ковчеге хранился "нетленный дар Афонского Андреевского скита, состоящий из части Древа святого Животворящего Креста Господня и двадцати частей мощей святых угодников"[227]. В Спасском храме хранилась также икона Святителя Николая старинного письма — копия чудотворного образа Святогорской Успенской пустыни, присланная бывшим Глинским насельником, настоятелем Святогорской пустыни архимандритом Германом (Клица)[228]. В 1894 году к храму была пристроена деревянная колокольня с четырьмя келлиями[229], а в 1906 году — каменная колокольня с двумя келлиями. В том же году на средства благотворителей скит был обнесен каменной оградой[230].

В скиту, недалеко от храма стоял большой крест с Распятием, перед которым молился старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). Когда сгорела пустынная келлия о. Илиодора, один этот крест остался целым. Он пользовался благоговейным почитанием. Рядом с крестом находилась могила смиренного старца схимонаха Кирилла (Хохлова, +1900 г.), потрудившегося в Глинской пустыни 25 лет[231]. По отзыву настоятеля о. Исаии он был очень усерден к подвижнической жизни[232]. По завещанию о. Кирилла, в крест над его могилой была вставлена икона святых Ксенофонта и Марии с чадами, которую он нашел по особому откровению и от которой дважды получил исцеление[233].

В устроенной в 1899 году скитской деревянной домовой церкви во имя св. Пророка и Крестителя Иоанна иконостас также был дубовый, с иконами, написанными Глинскими иноками[234].

В день престольного праздника 16 августа (ст. стиля) в Спасо-Илиодоровский скит из Глинской пустыни привозили на время богослужения Чудотворный Нерукотворенный образ Спасителя и явленную Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы[235].

С учреждением Спасо-Илиодоровского скита духовная жизнь иноков обители поднялась на еще большую высоту. Совершенство их монашеского подвига ярко выразил святитель Феофан, Затворник Вышенский, в письме к игумену Исаии. Он писал о Глинской пустыни того периода: "Благодарение Господу: иночество живо еще на православной Руси"[236]. Именно поэтому из Глинской пустыни очень часто забирали иеромонахов на начальствующие должности в другие монастыри для утверждения там истинно монашеского жития. Вот лишь немногие примеры.

В 1900 году иеромонах Глинской пустыни Македоний (в миру Максим Жиров) был назначен настоятелем Чуркинской пустыни Астраханской епархии.

Вместе с ним были переведены несколько десятков Глинских иноков и послушников. Они помогли о. Македонию ввести в Чуркинской обители чин Глинской пустыни, придать богослужениям торжественность, упорядочить монастырское хозяйство, открыть новые мастерские (иконописную, переплетную, портную, сапожную и др.), учредить библиотеку, умножить братию до 130 человек, то есть внутренне и внешне возродить эту обитель[237]. Из Глинской пустыни были переведены также: в 1902 г. иеромонах Иосия (Конев) в Белогорскую пустынь братским духовником[238]; иеромонах Адриан (Сыромятников) казначеем, а иеродиакон Игнатий (Макаров) ризничим в Рыльский Николаевский монастырь[239]; в 1905 г. иеромонах Симон (Юнг) назначен настоятелем Пустынского Успенского монастыря[240]; в 1906 году иеромонах Николай (Калиный) — в Николо-Тихвинский скит г. Саратова скитоначальником[241]; в 1909 г. иеромонах Тимофей (Перфильев) — сначала казначеем в Обоянский Знаменский монастырь, а затем благочинным в Курский Знаменский монастырь[242]; в 1909 г. начальник Спасо-Илиодоровского скита иеромонах Анастасий (Тверинов) — настоятелем Путивльского Молченского монастыря; в 1911 г. иеромонах Товия (Ракитин) назначен наместником Тригорского Преображенского монастыря Волынской епархии[243].

Настоятелем Фрумошского, а затем Гербовецкого монастыря Кишиневской епархии был назначен Глинский инок Паисий (в миру Пантелеимон Рухленко).

Впоследствии он состоял в братстве Московского кафедрального Чудова монастыря и занимал должность главного духовника архиерейского дома митрополита Московского и Коломенского Сергия (Ляпидевского); в 1895 году архимандрит Паисий был определен казначеем Чудова монастыря и личным духовником митрополита Сергия. Он был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени, имел серебряные медали в память коронования императора Николая II и в память почившего императора Александра III[244].

Автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" пишет, что Глинская пустынь была "рассадником доброго подвижничества в разных, даже очень отдаленных местах нашего

отечества"[245]. Но и за пределами России подвизались Глинские иноки. Например, в 1899 году по распоряжению епархиального начальства Глинский иеромонах Тихон (в миру Тимофей Ростовский) был перемещен в Русскую Иерусалимскую миссию[246].

Слава о строгости и духовной высоте жизни Глинских иноков, о ее богомудром настоятеле привлекала множество желающих поступить в святую обитель. Стремились в Глинскую пустынь не только новоначальные, но и опытные в духовной жизни подвижники. В архивных документах периода настоятельства о. Исаии хранится множество прошений о переводе из других монастырей в эту святую обитель. Приведем лишь некоторые.

В конце XIX — начале XX века по прошению в Глинскую пустынь были переведены: в 1894 году бывший настоятель Рыльского Николаевского монастыря игумен Симон (в миру Симеон Титов)[247] и иеродиакон Курского Знаменского монастыря Феофан (в миру Феодор Илютченко)[248]; в 1895 году казначей Обоянского Знаменского монастыря Астерий (в миру Владимир Василевский)[249]; в 1896 году иеромонах Белогорской Николаевской пустыни Симон (в миру Симеон Юнин, бывший губернский секретарь, дворянин)[250]; в 1897 году иеромонах Рыльского Николаевского монастыря Арсений (в миру Алексий Толмачев)[251]; в 1899 году монах Путивльского Молченского монастыря Авраамий (в миру Александр Свечев)[252]; в 1904 году — казначей Тихоновской пустыни Калужской епархии иеромонах Досифей (в миру Терентий Кузьмин)[253]; в 1907 году — иеромонах Курского Знаменского монастыря Иулиан (в миру Иосиф Гагарин)[254]; в 1908 году — духовник Рыльского Николаевского монастыря иеромонах Серафим (в миру Симеон Соин)[255]; в 1911 году — наместник Рыльского Николаевского монастыря Иринарх (Степанов)[256] и духовник Тульского Богородичного Щеглова монастыря иеромонах Исаия (в миру Иоанн Миронов)[257].

Маститый старец, ученик преп. Амвросия Оптинского, настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий в последние годы жизни стремился уйти в затвор в Глинскую пустынь. "Строгий иноческий устав обители, аскетическая жизнь братии и ее настоятеля о. Исаии — все влекло к себе старца". Однако он скончался, не успев осуществить свое желание[258].

В обитель возвращались на покой Глинские иноки, ранее переведенные на начальствующие должности в другие обители: архимандрит Паисий (Рухленко), иеромонах Симеон (Юнг), иеромонах Товия (Ракитин), иеромонах Николай (Калиный), иеромонах Николай (Калиуш) и другие.

Только за первые шесть лет управления о. Исаией обителью численность братии возросла вдвое[259], а к 1909 году достигла почти 600 человек[260], хотя принимал в обитель о. Исаия с большой осмотрительностью, предупреждая вновь поступавших: "Живем мы бедно, и послушания у нас тяжелые"[261].

В начале XX века численность братии Глинской пустыни (см. примечания 262—270 в конце этой главы и таблицу 2 на следующей странице) была значительно больше, чем в Софрониевой (в 1907 году примерно в 2 раза)[271].

Таблица 2.

Численность насельников Глинской пустыни в конце XIX — начале XX века (при настоятеле о. Исаии)

Год	Всего	Архимандритов	Иеромонахов	Иеродиаконов	Монахов	Всего монашествующих	Послушников указных	Послушников на временном испытании
1888[262]	*	—	16	10	68	94	*	*
1891[263]	347[264]	1 игумен	18	8	43	70	42	235
1892[265]	406	1 игумен	20	8	79	108	36	262
1894[266]	439	2 игумена	22	14	73	111	43	285
1899[267]	461	1 архим. 2 игумена	24	15	88	130	45	286
1901[268]	460	3	*	*	*	129	45	286
1903[269]	481	3	24	16	106	149	38	294
1904	520	3	25	18	107	153	42	325
1905	490	1	28	18	96	145	51	294
1906	538	2	27	17	103	148	41	349
1908	594	2	38	17	120	177	97	320
1909	598	1	37	18	123	180	95	323
1910	507	1	28	12	96	137	100	270
1911	476		32	13	110	156	68	252
Для сравнения: 1885[270]	222	1 игумен	16	12	61	90	57	75

*Нет сведений

При о. Исаии особенно сильно возросло в монастыре число временных послушников, находящихся на предварительном испытании, то есть в обитель поступало особенно много новоначальных. Если в 1885 году они составляли треть всех насельников, то в 1892—1906 гг. почти две трети (62—65%), на в 1908—1911 гг. — более половины (53—54%). Несколько возросла доля всех послушников (временных и указных): в 1885 году в пустыни было около 60% послушников, в 1892—1910 гг. — более 70%. Монахи в 1885 году составляли около трети братства, в 1892—1910 гг. — примерно пятую часть. Число священнослужителей к 1899 году по сравнению с 1885 годом возросло почти в 1,5 раза, а к 1908 году — почти в 2 раза. Это позволило совершать богослужения в обители с особенной торжественностью, особенно на Пасху, когда все священноиноки принимали участие в богослужении.

В конце XIX века социальный состав насельников почти не изменился, лишь доля крестьян в братстве возросла с 51% в 1885 году до 58% в 1899 году (за счет сокращения доли насельников из купцов). И в последующие годы среди поступавших в обитель преобладали крестьяне. В 1910 году они составили более $^3/_4$ братства. Сократилась доля поступавших из военного звания (до 4% по сравнению с 16% в 1885 году) и мещан (с 15% в 1885 г. до 10%); в 1910 году в обители не было уже насельников из купеческого звания, доля казаков (9%) по-прежнему почти не изменилась[272] (см. "Архив Глинской пустыни").

Изменился и возрастной состав братии. В 1899—1910 гг. насельники в возрасте до 40 лет составляли уже 64—65%, а не половину, как это было в 1885 году. Иеромонахи были в основном в возрасте от 50 до 70 лет, иеродиаконы — от 30 до 50; все монахи — старше 30 лет; послушники — разного возраста, но в 1899 году подавляющая их часть (80%) были моложе 40 лет (причем 60% послушников моложе 30 лет); в 1910 году около 60% послушников были моложе 40 лет (40% послушников моложе 30 лет) (см. "Архив Глинской пустыни").

Иноческая жизнь в Глинской пустыни при о. Исаии была на таком высоком уровне духовного совершенствования, что многие епитимийцы, присылаемые в обитель из других монастырей, исправлялись, пожив в пустыни даже короткое время.

Так, иеромонах Нафанаил (Александров) из Почаевской лавры был перемещен сначала под надзор в Рыльский Николаевский монастырь, затем в Путивльский Молченский монастырь и, наконец, в 1889 г. — в Глинскую пустынь с запрещением в священнослужении. Но вскоре "по одобрении его поведения" игуменом Исаией ему было разрешено священнослужение, а в послужных списках за 1892 г. сказано, что он "качеств добропорядочных и к послушаниям способен"[273]. Также и иеромонах Павлин (Попов) в 1905 году поступил из Белгородского Свято-Троицкого монастыря в Глинскую пустынь под строгий надзор настоятеля с запрещением священнослужения. В том же 1905 г., видя его исправление, настоятель дал о нем отзыв: "Качеств хороших и усерден"[274], и священнослужение было ему разрешено.

Иеродиакон Обоянского Знаменского монастыря Анфим за провинность в 1894 году был прислан в Глинскую пустынь на черные труды с запрещением священнослужения. Менее чем через два года по одобрении настоятеля священнослужение ему было разрешено; в послужном списке о. Анфима сказано: "Качеств хороших, к послушаниям усерден"[275]. Подобных примеров было немало[276].

За свою плодотворную и многотрудную деятельность игумен Исаия 31 мая 1892 года был награжден наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым; 6 мая 1896 года — серебряной медалью в память императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте, в том же году награжден палицей; 6 мая 1900 года высочайше сопричислен к ордену Св. Анны 3-й степени; 21 мая 1903 года возведен в сан архимандрита; 6 мая 1906 года сопричислен к ордену Св. Анны 2-й степени[277].

Его почитали как высокодуховного, "строгого и умного"[278] старца. Святитель Феофан Затворник называл о. Исаию старцем "многоопытной мудрости" и просил его молитв[279]. Сам же старец проводил жизнь скромную, смиренную, желая не человеческой славы, а только угождения Господу и единения с Ним. Постоянная бдительность над собой, непрестанная молитва привели его к подлинному безмолвию и бесстрастию. Как высшего подвига ради любви ко Христу он желал схимы, которую удостоился принять в 1906 году с именем Иоанникий[280]. С этого времени старец усилил свои подвиги, ночи проводил в бодрствовании, ограждая обитель своими святыми молитвами. Жизнь его поистине стала отшельнической, хотя он и оставался настоятелем большого монастыря.

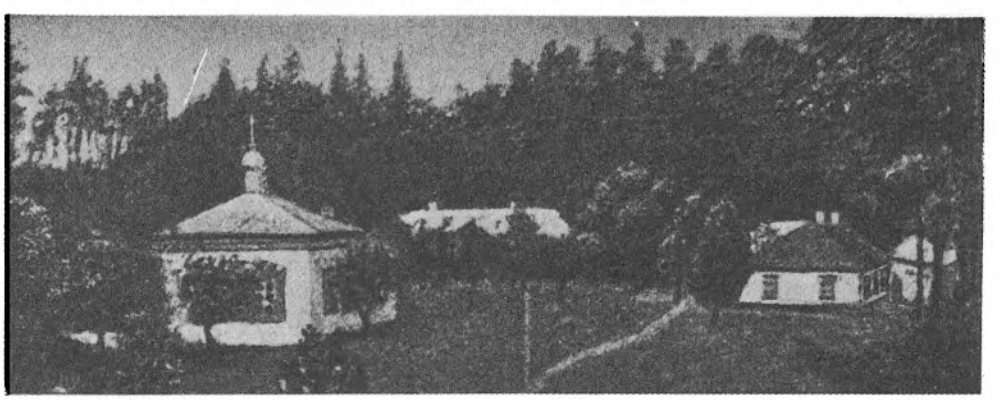
Видя, сколь великую пользу получает обитель от богомудрого старца, враг воздвиг на него гонение, восстановив против него отставного генерал-лейтенанта Павла Митропольского, который арендовал у Глинской пустыни дом. Генералу удалось настроить против схиархимандрита Иоанникия небольшую кучку братий[281], недовольных строгостью схиархимандрита Иоанникия.

Враждующие не останавливались ни перед чем, чтобы возвести клевету на старца-настоятеля и на лучшую в духовном отношении большую часть братии. Они использовали в этих целях даже страницы

Спасо-Илиодоровский
(Дальний) скит
Глинской пустыни
в первоначальном виде.
Основан
в 1893 г.

периодической печати. Так, в журнале "Русская мысль" была опубликована статья С. Лисенко "Черная сотня в провинции"[282]. Зная благоговение народа к святой Глинской обители, клеветник не осмелился прямо указать название монастыря. Статья начиналась словами: "На самой границе Черниговской и Курской губ. находится N-ная пустынь, хозяйственно-богомольственная единица, насчитывающая до 600 монахов". Однако нетрудно догадаться, что на территории этой местности самой процветающей в духовном и экономическом отношениях обителью была Глинская пустынь, против которой враг давно неистовствовал, желая причинить ей какое-либо зло. От первой до последней строки статья преисполнена ложью, клеветой, злобой, оскорблениями, порочащими как настоятеля, так и в целом всю обитель. С. Лисенко пытается представить пустынь как учреждение, далекое от подвижничества. Тенденциозно представлены автором и просветительная деятельность монастыря, и его многочисленные мастерские, и гостиница для богомольцев. Саму же святую обитель он называет не иначе как обширной хозяйственной единицей.

Эта статья не осталась без внимания. В рецензии на третье издание книги "Глинская пустынь"[283] Н. С-ский[284], упоминая о ней, пишет о несостоятельности высказанного в статье взгляда, "сложившегося под влиянием легкомысленной развязности его автора и слабо замаскирован-

ного нерасположения его [автора] к монашеству. Действительность говорит иное"[285]. Присоединяясь к оценке Н. С(енатор)ского, приведем ее здесь. Он пишет: "Точное исполнение в обители строгого устава не дает возможности ее инокам роскошествовать... ибо иметь деньги, как и всякую собственность, уставом воспрещается всей братии, не исключая и "высшей" с настоятелем (гл. 21 устава). Никаких излишеств ни в одежде, ни в пище, ни в питии устав не допускает и решительно осуждает употребление вина: пьянственных же питий отнюдь да не бывает в обители (гл. 3 устава)... Женщинам устав разрешает быть в обители не более трех дней (гл. 23).

Чередующееся с молитвой послушание, внутренняя молитва и постоянное трезвение ума, присутствие при продолжительном богослужении, чтение святоотеческих книг, исполнение старческих правил, совет со старцем и др. дисциплинарные упражнения, как живые фактические данные, в корне опровергают извращенное понятие о Глинской пустыни как хозяйственной единице, внешне объединенной "чем-то якобы не от мира сего". Строгий искус, предваряющий принятие в число Глинской братии, безусловное послушание, беспрекословное исполнение грязных и трудных работ, неослабный труд, восполняемый только 4—5-часовым в сутки отдыхом, отречение от своей воли и собственности стоят в непримиримом противоречии с легковесным заключением автора "Черной сотни" о поступлении в Глинскую пустынь нищих духом, не по религиозным побуждениям, а из-за страха пред "собственной необеспеченной жизнью без обязательного авторитета над собой"[286].

Ничего не добившись публикацией лживой статьи, в 1909—1910 годах клеветники направили в Св. Синод шесть заявлений, порочащих Глинского настоятеля[287]. Его обвиняли в якобы разорительном для монастыря ведении хозяйства[288], хотя быстрое умножение числа братии, рост доходов, земель и капиталов обители, ее щедрая благотворительность, возведение новых храмов, учреждение скита и Дома трудолюбия, иными словами, явное процветание обители свидетельствовали об обратном[289].

В ответ на клеветнические заявления в 1909 г. в Глинской пустыни были проведены две ревизии административно-хозяйственной части, а в 1910 году — дополнительное следствие, по результатам которых Курская Духовная Консистория не только не подтвердила виновность настоятеля, но признала его образ жизни безупречным[290].

Архиепископ Питирим (Окнов), занимавший тогда Курскую кафедру, лично знал высокоподвижническую жизнь схиархимандрита Иоанникия и защищал старца от гонителей. Отсылая в Св. Синод оправдательное заключение Курской Духовной Консистории по делу схиархимандрита Иоанникия, архиепископ Питирим письменно просил митрополита Флавиана (Городецкого) "встать в защиту Глинской пустыни и ее достойного настоятеля"[291]. Тогда Павел Митропольский оклеветал в Св. Синоде и архиепископа Питирима, в результате чего его перевели в другую епархию[292]. На Курскую кафедру был назначен архиепископ Стефан (Архангельский)[293], который поверил клеветникам и направил в начале 1912 г. в Св. Синод прошение об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля. 12 марта 1912 г.

последовало определение Св. Синода об увольнении старца[294], и он был удален из обители.

Безусловно, Богу было угодно, чтобы старец в довершение всех своих подвигов претерпел еще и неправедное гонение. Когда схиархимандрит Иоанникий уходил из обители, вокруг Глинской пустыни был сильный весенний разлив рек, вода поднялась высоко, а старец вышел из монастыря, перекрестил воду и на глазах у всех пошел по ней, как посуху[295], повторив чудо, совершенное некогда преподобным Иоанникием Великим[296]. Так Господь прославил Своего угодника и всем открыл святость его жизни и несправедливость возведенных на него обвинений.

Дальнейшая судьба святого старца неизвестна, но память о нем жива. Рассказы о его святой жизни и подвигах, о его наставлениях передаются из поколения в поколение Глинских иноков[297].

Келлия Дальнего скита.
Фотография
начала
XX в.

Примечания

[1] Жизнеописание схиархимандрита Иоанникия впервые составлено автором по документам государственных архивов и личного архива автора.

[2] РГИА, ф. 796, оп. 191, отд. 1, ст. 2, д. 5, л. 80. Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб. 1902. С. 47; по другим данным, он был из отставных старших сортировщиков Могилевской почтовой конторы (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 9).

[3] Иоанн (Маслов), архимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Диссертация на соискание ученой степени магистра богословия. В 2-х ч. В 8-ми т., Ч. 1. Т.1. Троице-Сергиева Лавра, 1983. С. 125.

[4] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 7.

[5] Выборы настоятеля Глинской пустыни в соответствии с указом № 3474 от 26 августа 1821 г. осуществлялись *из числа братии обители*. В 1888 г. провести выборы настоятеля Глинской пустыни было поручено благочинному монастырей и пустыней настоятелю Путивльского Молченского монастыря архимандриту Иоасафу. По прибытии его в Глинскую пустынь "все монашествующие, в числе 94 человек, имеющих право участвовать в выборах, собравшись 2 октября в храме и отслуживши пред Чудотворною иконою Рождества Пресвятой Богородицы молебен, положили в одну чашу свернутые записки, заготовленные каждым из них отдельно в своей келлии с означением имени того лица, которого каждый из них желал бы иметь настоятелем пустыни. При вскрытии записок в присутствии всех монашествующих оказалось: 61 записка с именем иеромонаха Исаии, 26 записок с именем казначея пустыни иеромонаха Амвросия, 4 записки с именем иеромонаха Мартиниана, 2 — иеромонаха Иерофея и 1 — иеромонаха Поликарпа" (РГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 1—2).

[6] РГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 7.

[7] ГАСО, ф. 454, оп.1, д. 2, л. 1 об.

[8] 31 июня 1890 года епископ Курский и Белоградский Иустин освятил ее придельный храм (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1338, л. 5 об.).

[9] Кроме того, в теплой Успенской церкви выложили 6 печей. (ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 426, л. 14).

[10] Глинская пустынь. Ч. I. С. 30.

[11] Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 153, 180.

[12] ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4.

[13] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 44.

[14] Глинская пустынь. Ч. I. С. 38.

[15] Спасо-Илиодоровский скит... С. 32.

[16] ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4.

[17] Там же, л. 4 об.

На строительство дома и церкви Глинская пустынь затратила 12 тысяч рублей (РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 14).

[18] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2.

[19] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 4.

[20] Там же. "Торжество освящения храма происходило при многолюдном стечении народа" РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2279, л. 8 об.)

[21] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2 об. ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4 об.

[22] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 76. Жизнеописание игумена Филарета... С. 62.

[23] Жизнеописание игумена Филарета... С. 57.

[24] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 4—4 об.

[25] Там же, оп. 2, д. 426, л. 14.

[26] Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 2 об.

[27] РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 14.

[28] Глинская пустынь. Ч. II. Курск, 1912. С. 66.

[29] Там же, С. 31, 66. ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2 об.

[30] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1901, л. 9 об.

[31] Там же, д. 2033, л. 10.

[32] Там же, д. 1784, л. 13; д. 1958, л. 8 об.; д. 2033, л. 10. ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 7.

[33] Беседа, произнесенная Преосвященным Ювеналием, епископом Курским и Белоградским, 22 августа 1897 года по освящении храма, устроенного в Глинской пустыни при братской больнице // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 52. С. 1025—1026.

[34] Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 31.

[35] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1453, л. 15; д. 2033, л. 10.

[36] Там же, д. 1958, л. 8 об.

[37] Там же, д. 1396, л. 16; д. 1510,. л.13; д. 1843, л. 15; д. 1901, л 9об.

[38] Глинская пустынь. Ч. II. С. 77.

[39] Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. Т.2. СПб., 1899. С. 612. В обители было три фруктовых сада и школы плодовых деревьев (*А. Т.* Библиогр. заметка: Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (М., 1891) // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 107).

[40] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 83.

[41] Отец Исаия заботился и об облегчении труда иноков. Например, мойка белья была устроена в отдельном корпусе со всеми новейшими для того времени приспособлениями и сушкой. (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 94).

42 РГИА, ф. 695, оп. 1, д. 155, л. 1—2.

43 Глинская пустынь. Ч. I. С. 50.

44 ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 109.

ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 4.

45 ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 109.

46 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 4.

47 Там же.

48 До 1893 года Глинской пустыни поступало от казны 300 руб. ежегодно за отшедшую в казенное ведомство водяную мельницу. (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109).

49 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

50 Там же.

51 РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 1544.

52 Там же, оп. 186, д. 2928.

Гавриил Петрович Цыгикал поступил в Глинскую пустынь в возрасте семидесяти двух лет. Он ревностно проходил послушание в Спасо-Илиодоровском скиту. В 1907 году был пострижен в рясофор, а в 1911 г. — в мантию с именем Глеб. В 1918 году настоятель писал, что о. Глеб "качеств очень хороших и усерден, однако по старости лет послушания не проходит" (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 69; д. 3, л. 35).

53 РГИА, ф. 796, оп. 186, д. 2897.

54 Там же, оп. 181, д. 2333.

55 Там же, оп. 182, д. 1900.

56 Там же, оп. 186, д. 2899.

57 Там же, оп. 185, д. 2849.

58 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

59 Курские епархиальные ведомости. 1910. № 7. с.57.

60 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2525, л. 9 об.; ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 174, л. 6.

61 Там же, оп. 442, д. 2525, л. 9 об.

62 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 3.

63 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2525, л. 9 об.—10.

64 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 5.

65 РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 14.

66 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 6 об.

В течение 1892 г. "в Глинской пустыни пользовалось монастырской трапезой свыше 60 тысяч человек" (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1396, л. 38).

67 Глинская пустынь. Ч. II. С. 75.

68 Там же. С. 76.

69 Там же. С. 75. При большом стечении народа только хлеба ежедневно выдавалось на братию и богомольцев около 100 пудов.

70 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1396, л. 38.

Автор книги "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891) пишет: "Сам я был свидетелем ... как настоятель о.

Исаия благословил снабдить одного бедного крестьянина лесом на 4 стены" (с.71).

71 Глинская пустынь. Ч. II. С. 80.

72 Курские епархиальные ведомости. 1892. № 2. С. 27.

73 Там же, 1892. № 6. С. 116; № 19 С. 393; № 24 С. 432; № 29 С. 533; № 39 С. 687.

74 Глинская пустынь. Ч. II. С. 80.

75 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1338, л. 9 об.

76 Там же, д. 1843, л. 11 об.

77 Там же, д. 2033, л. 9 об.

78 Там же, д. 1396, л. 13; д.1784, л. 11 об.; д.2033, л. 9 об.

79 Там же, д. 1338, л. 10.

80 Там же.

81 Там же, д.1901, л. 9.

82 Там же, д. 1396, л. 12.

83 Там же, оп. 442, д. 1338, л. 10.

84 Там же, оп. 442, д. 1784, л. 12.

85 Участие монастырей Курской епархии в деле народного образования и благотворительности // Курские епархиальные ведомости. 1891. № 14. С. 230.

86 Там же. С. 229—230.

87 Там же. С. 232.

88 Глинская пустынь. Ч. II. С. 81.

89 Там же. С. 78—79.

90 Там же. С. 79.

91 Там же. С. 81.

92 Глинские Богородицкие книжки // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 514.

93 Там же.

94 Глинская пустынь. Ч. II. С. 81.

95 Глинские Богородицкие Книжки // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 514.

96 Там же. С. 515.

97 Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. СПб., 1906. № 10. С. 154.

98 Глинский подвижник схимонах Архипп: (Память 27 сентября) // Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 352.

99 Объявление об издании Глинских Богородицких книжек // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 517—520.

100 Народное начальное образование в Курской губернии. Курск, 1897. С. LXXXI ("Список книг некоторых ученических библиотек").

101 Объявление об издании Глинских Богородицких книжек // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 517—520.

[102] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь / Курской губернии, Путивльского уезда / : /С картинами/ — Изд. Глинской пустыни. М., 1891. 181 с.

[103] Рецензия: Библиографическая заметка // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 101—108.

[104] Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора: В память избавления Государя Императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 г. с кратким очерком жизни старца Илиодора и одного из учеников его схимонаха Артемия. Одесса, 1899. 40 с.

[105] Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители: В 2-х ч.: С видом монастыря и портретами замечательных Глинских подвижников. Одесса, 1901. 84 с.

[106] Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители. 2-е изд. Одесса, 1904. 82 с. То же. 3-е изд. Курск. 1912. 69 с.

Рецензия: Н. С-ский // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26. С. 646—651.

[107] Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская: Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших: С рис. Одесса, 1901. 28 с.

То же. Изд. 2-е испр. и доп. Одесса, 1907. 64 с.

[108] Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, Курской епархии. Изд. 2-е испр. и доп. Курск, 1892.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария. Курск, 1893.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота / Сост. иеромонах Иассон. Курск, 1894.

[109] Рец.: [П.П.] // Богословск. библиографич. листок: Приложение к журналу "Руководство для сельских пастырей". 1894. № 12 С. 404—406; Богословский вестник. 1894. № 11—12. С. 404—406.

[110] Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. 2-е изд., испр. и доп. Одесса, 1901.

[111] Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902.

[112] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. С картинами. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905.

[113] Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906.

[114] Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907.

[115] Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха Петра. Одесса, 1909.

[116] Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909.

[117] Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

[118] Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

[119] И. М. Концевич пишет, что о. Иассон принял впоследствии схиму с именем Иоанн. (Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвиль, 1970. С. 52).

[120] Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. Предисл., С. V.

[121] Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни. / Собранное игуменом Иассоном. 2-е изд. М., 1906. С. 3.

[122] То же. М., 1887. 274 с., ил.

[123] Церковные ведомости. 1906. № 18. С. 217. В предисловии ко 2-му изд. игумен Иассон писал: "В честь и славу Божией Матери и во умножение мздовоздания в небесных селениях приснопамятному старцу схиархимандриту Илиодору, подносится сей малый труд братии Глинской пустыни, для душеполезного назидания и в молитвенную память о потрудившемся убогом черноризце игумене Иассоне" (Сказание о жизни ... архимандрита Илиодора... С. 5).

[124] Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота / Сост. иеромонах Иассон. Курск, 1894.

[125] Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 45—54.

[126] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905.

[127] РГБ, ф. 213, к.74, ед.хр.12, л. 1.

[128] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 65.

[129] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 93.

[130] Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. СПб., 1906. № 10. С. 154.

[131] Чудотворная икона... С. 27, 46—47.

[132] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 17 об.

[133] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 19 об.—20.

[134] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 17 об.

[135] Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. №№ 38—47, 50.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. №№ 6, 8—9, 11—12, 16.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. №№ 39—41; 1894. №№ 4—6.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 45—54.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни /

Собр. игуменом Иассоном // Курские епархиальные ведомости. 1909. № 16—18.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23—29.

136 Глинский схимонах Артемий: (Память 5 февраля) // Жизнеописания... подвижников... Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 154.

Глинский послушник Прохор юродивый: (Память 24 мая) // Там же. С. 824—825.

Глинский монах Игнатий трудолюбивый: (Память 24 августа) // Там же. Кн. 2. Июль-декабрь. М., 1912. С. 99—101 и др.

137 Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Т.2. М., 1911. С. 143.

138 Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1899. С. 612.

139 Открытие миссионерского кружка во имя св. апостола Иоанна Богослова в Глинской пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1908. № 40. С. 743—746.

140 Там же. С. 744.

141 Проповедническая, просветительная и благотворительная деятельность обителей Курской епархии в 1913 году // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 272.

142 Там же. С. 272—273.

143 Чудотворная икона... С. 27—28.

144 Оболенский Николай, свящ. Паломничество в Глинскую пустынь учениц Селинской церковноприходской школы // Курские епархиальные ведомости. 1911. № 30. С. 305—307.

145 Там же. С. 307.

146 Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей... Киев, 1913. С. 1473.

147 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2336, л. 27.

148 Характеризуя результаты просветительной деятельности в Курской губернии, даже светские авторы отмечали, что "нравы населения сильно изменились к лучшему, развилась любовь к учению, уменьшились предрассудки и суеверия" (Народное начальное образование в Курской губернии / И. П. Белоконский. Курск, 1897. С. 121).

149 Святоотеческие наставления о молитве и трезвении. М., 1889. С. 277.

150 Преподобных отцов Варсонофия и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1883. С. 226.

151 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1164, л. 1.

152 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 92.

153 ГАКО, ф. 20, оп. 1, д. 408, л. 6 об.

154 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 4.

155 Глинская пустынь. Ч. II. С. 58.

[156] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 58.

Ранняя обедня в будние дни в Глинской пустыни была всегда заупокойная. (Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 74).

[157] В очерке "Глинская пустынь" (Одесса, 1904), где сказано, что соборный акафист Св. Николаю начал совершаться с 1899 г. (Ч.1. С. 16), по всей вероятности допущена опечатка. Во-первых, в кн. "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь", изданной еще в 1891 г., сказано, что соборный акафист Св. Николаю начал совершаться со вступлением в должность настоятеля игумена Исаии (С. 58); во-вторых, иеромонах Иероним (Захаров), нашедший икону Св. Николая, был ризничим только до начала 1893 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 11).

[158] Глинская пустынь. Ч. I. С. 16.

[159] Там же. В описи ризницы Глинской пустыни за 1854 г. об этой иконе сказано: "Икона Святителя Христова Николая с изображением по сторонам Спасителя и Божией Матери, старого писания, в сребровызлащенной ризе, вышиною поларшина; весу в ризе два фунта сорок восемь золотников. Пожертвована от генеральши Хвостовой" (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 163).

[160] Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 153.

[161] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14; ф. 796, оп. 442, д. 2461, л. 10; д. 2708, л. 18об.

[162] Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 10.

[163] Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966 г.

[164] РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 18 об.

[165] Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий // Жизнеописания... подвижников... Март. М., 1907. С. 325—331.

Подвижники Глинской пустыни // Там же. Апрель. М., 1908. С. 10—12.

Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Там же. Апрель. М., 1908. С. 110—115.

Глинский подвижник монах Петр // Там же. Апрель. М., 1908. С. 175—199.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Там же. Май. М., 1908. С. 3—17.

Монах Евгений Глинский // Там же. Май. М., 1908. С. 78—86.

Глинский подвижник схимонах Архипп // Там же. Сентябрь. М., 1909. С. 326—361.

Глинский подвижник схимонах Пантелеимон // Там же. Декабрь. М., 1910. С. 239—243.

Глинский послушник Сергий Юродивый // Там же. Т. доп. Ч. I. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912. С. 860—867.

Глинский монах Иоанн Терпеливый // Там же. Кн. 2. Июль-декабрь. М., 1912. С. 266—268.

Глинский монах Кирилл Юродивый // Там же. С. 102—103.

166 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902.

Жизнеописания... подвижников... Сентябрь. М., 1909. С. 326—361.

167 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 7.

168 Там же. С. 11.

169 Там же.

170 Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 9,. Кн. 2, СПб., 1903. С. 915.

171 Духовно опытный отец настоятель, зная подвижника в течение 30 лет, вынужден был образумить заблуждающихся. В защиту старца он сказал: "Это великий муж, дай Бог, чтобы у нас таких было более. Его молитва имеет значение... Надо понимать его чудачества. Он все в нас видит: умрет, тогда поймут, какой он был светильник". (Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 18, 64).

172 Там же. С. 18.

173 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 29.

174 Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. Изд. 2-е. СПб., 1862. С. 168. (Поучение 14-е).

175 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902, С. 38—40.

176 Творения св. Ефрема Сирина. Ч. 1. М., 1882. С. 521.

177 Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Изд. 6-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. С. 175.

178 Впервые дар прозрения проявился у о. Архиппа за 30 лет до кончины. На пекарню, еще будучи послушником, пришел о. Исаия. Отец Архипп сказал: "У этого голос как у о. Иннокентия, он будет игуменом". Так более чем за 20 лет о. Архипп предсказал настоятельство отцу Исаии (Гомолко). (Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 79).

179 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 6.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 83.

180 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 2.

181 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 10.

182 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 11.

183 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 6.

ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 150.

Там же, оп. 1, д. 143.

184 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 5.

185 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 15.

186 Там же, л. 11.

187 РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 13.

188 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 12.

189 Там же, л. 11.

190 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 17.

191 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 16. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 141.

192 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 2.

193 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 13. РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 13.

194 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 17.

195 Там же, л. 13; там же, ф. 750, оп. 2л, д. 150.

196 Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 6.

197 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 11.

198 Там же, л. 12.

199 РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269, л. 13. ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 426, л. 15, 23.

200 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 20.

201 Там же, л. 14.

202 Личный архив автора. Старец Андроник / Павлин (Мищенко), архимандрит. Рукопись. С. 8.

203 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 152.

204 Спасо-Илиодоровский скит... С. 32.

205 РГБ, ф. 213, к. 68, ед. хр. 45, л. 1.

206 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 152.

207 Спасо-Илиодоровский скит... С. 34.

208 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 152.

209 Там же.

210 Спасо-Илиодоровский скит... С. 37.

211 "Первое, что там (в приемной. — *А. И.*) бросалось в глаза — это большое живописное распятие старца Архиппа (Шестакова). Перед креслом стоял маленький церковный столик. На нем была икона и сосуд со святой водой для окропления приходящих. Направо на стене висели три большие живописные картины: одна из них изображала силу молитв одного святого мужа за своего умершего юного ученика, которого он увидел в геенском огне по шею (из повествований св. Иоанна Дамаскина). Другая картина представляла видения св. Андрея Юродивого о том, как враг спасения удерживает грешника не каяться или скрывать грехи и как венчаются искренние исповедники. Третья картина показывала воздушные мытарства св. Феодоры. Такая обстановка приемной (и сам строгий вид старцев-подвижников)... невольно поражали всякого и заставляли хоть на время отрешиться от земного и тленного, чтобы вспомнить "последняя своя". (Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 50).

212 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 153—154.

213 Спасо-Илиодоровский скит... С. 36.

214 Там же. С. 36—37.

215 Там же. С. 37.

216 Вначале во главе братий скита отец настоятель поставил старца подвижника Архиппа (Шестакова). 16 декабря 1893 г. скитоначальником был определен иеромонах Мартиниан (Захаров); в конце ноября 1895 г. — иеромонах Феоктист (Бородин); в августе 1906 г. — иеромонах Анастасий (Тверинов); в августе 1910 г. — иеромонах Тимон (Крагульский); в феврале 1911 г. — иеромонах Исаия (Миронов). (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 10, 13, 18. ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 14 об. РГИА. ф. 796, оп. 202, отд. 1, ст. 5, д. 5/1189, л. 7).

217 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 150.

218 Там же. С. 150.

219 Там же.

220 Там же. С. 151.

221 Жизнеописания Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 48.

222 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2033, л. 8 об.

223 Спасо-Илиодоровский скит при Глинской пустыни // Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. Спб., 1909. С. 270. Спасо-Илиодоровский скит... С. 39.

224 Спасо-Илиодоровский скит... С. 32.

225 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1.

226 Спасо-Илиодоровский скит... С. 33.

227 Там же. С. 33.

228 Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 45.

229 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4.

230 Там же, оп. 3л, д. 174, л. 6.

231 Жизнеописание о. Кирилла см.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. II. 2-я ред.

232 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 35 об.—36.

233 Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 46.

В описи ризницы Глинской пустыни за 1854 год об этом образе сказано: "Икона преподобных Ксенофонта, Марии и чад их Аркадия и Иоанна, с изображением вверху, в малом виде, Божией Матери, в сребропозлащенной ризе; весу в ризе один фунт семнадцать золотников; вставлена в вызолоченном резном за стеклом киоте. Пожертвована иеромонахом Московского Донского монастыря Аркадием". (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 164 об.).

234 Глинская пустынь. Ч. I. Курск, 1912. С. 45.

235 Спасо-Илиодоровский скит... С. 32.

236 Курские епархиальные ведомости. № 10. 1900. С. 152.

237 Высокогорская Успенско-Николаевская Чуркинская общежительная пустынь Астраханской епархии. Краткий исторический очерк. Астрахань, 1903. С. 23. Жизнеописание о. Македония см.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. II. 2-я ред.

238 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 20.

239 Там же, л. 8; там же, д. 1, л. 18.

240 Там же, д. 2, л. 15.

241 ГАКО, ф. 750, оп. 2, д. 6, л. 44.

242 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 9.

243 РГИА, ф. 796, оп. 202, отд. 1, ст. 5, д. 5/1889, л. 7. ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 13.

244 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 4—6.

В Москве подвизались также Глинские иноки: иеромонах Евгений (Попов), в Донском монастыре в 1879—1911 гг.; на иеромонашескую должность в Московскую синодальную церковь 12 апостолов в 1895 г. был определен иеромонах Марин (Нуркненко) (РГАДА ф.1183, оп. 1, д. 6, л. 114).

245 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 92—93.

246 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д.1, л. 20.

247 РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 817, л. 1—2.

248 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 35.

249 Там же, л. 21.

250 Там же, л. 23.

251 Там же, л. 24.

252 Там же, д. 2, л. 41.

253 Там же, л. 12.

254 Там же, л. 16.

255 Там же, л. 23.

256 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 25.

257 Там же, л. 14 об.

258 Воронова Е. Свет во тьме // Русский Паломник. 1906. № 20. С. 318.

Перед смертью архимандрит Мефодий, глубоко почитавший старца Исаию (Гомолко), направил Глинскому настоятелю телеграмму следующего содержания: "Готовый ко отшествию в вечность просит Ваших молитв" (Там же. № 21. С. 330).

259 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89;
там же оп. 2, д. 408.

260 Сокращение численности насельников Глинской пустыни в 1910—1911 гг. вызвано тем, что по распоряжению епархиального начальства многие Глинские иноки были переведены в Юрьев монастырь Новгородской епархии (РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 7), в обители Пскова и Курской епархии: Коренную и Белогорскую пустыни, Обоянский Знаменский, Курский Знаменский и Рыльский Николаевский монастыри (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3. Курские епархиальные ведомости. 1911. № 30. С. 306).

261 Старец Андроник/Павлин (Мищенко), архимандрит. Рукопись. О бедности, бывающей в Глинской пустыни современники писали: "Смотря на благолепный вид храмов и благотворительность обители, кто может думать, что само Глинское братство иногда терпит крайнюю

нужду. Между тем, это бывает нередко, так как запасов в обители не имеется, а при наличном избытке, в уповании на пекущийся Промысл Божий, увеличивается благотворительность" (Глинская пустынь. Ч. II. С. 81).

262 РГИА, ф. 796, оп. 169, оп. 185, л. 1, 5—6.

263 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 93.

264 Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отдел IV, с. 11.

265 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109 (рассчитано автором).

266 Там же, оп. 2, д. 408, л. 2,5.

267 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1 (рассчитано автором).

268 Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 46—47.

269 Данные за 1903—1911 гг. приведены из документа РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 987, лл.6,9,13,17,20,25,29.

270 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89.

271 В 1907 году в Софрониевой пустыни было 108 монашествующих, 37 указных и 145 временных послушников, всего 290 человек (Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 356).

272 Рассчитано автором на основании документов:

ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89.

ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1,2.

273 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 14 об. 15.

274 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 24.

275 Там же, д. 1, л. 31.

276 ГАКО, ф. 20, оп.3л, д. 174, л. 39.

277 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 7—8.

Церковные ведомости. 1892. № 20. С. 20.

278 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

279 Курские епархиальные ведомости. № 10. 1990. С. 152.

Современники писали, что о. Исаия посетил Иерусалим и Афон, где "почерпнул много преданий старчества от уважаемых старцев Востока" (Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 154).

280 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 6.

281 Из 598 насельников пустыни против настоятеля выступили всего 28 человек. (РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 1).

282 Лисенко С. Черная сотня в провинции: Из провинциальных встреч и наблюдений // Русская мысль. 1908. № 2. С. 20—28.

283 Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители. Курск, 1912. Рец. Библиографическая заметка Н. С-ский // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26 (ч. неофиц.) С. 646—651.

284 Автором является, по-видимому, Николай Сенаторский, бывший в этот период преподавателем семинарии и редактором неофициальной

части журнала "Курские епархиальные ведомости", о чем сообщалось в самом журнале (1915. № 36. С. 646).

285 Курские епархиальные ведомости. 1912. № 2. С. 648.

286 Там же. С. 649.

287 РГИА, ф. 797, оп. 78, отд. 3, ст. 5, д. 2.

288 Там же, л. 1.

289 В отчетах о Курской епархии за все годы настоятельства схиархимандрита Иоанникия отмечалось, что монастырское имущество Глинской пустыни "находилось в целости, приходно-расходная денежная отчетность велась правильно, ... вообще все монастырское хозяйство находилось в должном порядке и исправности". (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1901, л. 8—8 об.).

290 РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л.1.

291 Там же, оп. 205, д. 737, л. 10 об.

292 Там же, оп. 439, д. 734. В 1915 году архиепископ Питирим стал митрополитом Петроградским и Ладожским. (Церковные ведомости. 1915. № 48. С. 533).

293 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2461, л. 1.

294 Там же, оп. 194, д. 1164, л. 9. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1912. № 15. С. 91.

295 Личный архив автора. Из воспоминаний архимандрита Андроника.

296 Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Ноябрь. Изд. 2-е. М., 1906. С. 60.

297 Гонители старца были наказаны: неожиданно и скоропостижно скончался от болезненной раны на ноге архиепископ Курский и Обоянский Стефан в 1914 г.; самоубийством окончил жизнь Белгородский епископ Иоанникий, поддерживавший клеветников. (РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, л. 136).

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЗАКРЫТИЕМ (1912—1922)

ГЛАВА IX

После увольнения схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) временно управляющим Глинской пустынью в марте 1912 года был назначен наместник Рыльского Николаевского монастыря игумен Евтихий[1]. Выборы нового настоятеля проводились в Глинской пустыни 4 ноября 1912 года. Большинством голосов (85 из 140) был избран иеромонах Нектарий (в миру Николай Нуждин), временно исполнявший должность настоятеля Глинской пустыни в 1910 году, во время следствия по делу схиархимандрита Иоанникия[2].

Отец Нектарий родился в городе Рыбинске Ярославской губернии в семье мещан[3]. Шестнадцатилетним юношей поступил он в Глинскую пустынь. Вначале молодой послушник проходил различные общие послушания, которые назначаются новоначальным (на мойке, кухне, в хлебопекарне), затем был записчиком в храме[4], канонархом на клиросе и одновременно проходил послушание в живописной мастерской[5].

В 1887 году Николай был пострижен в рясофор[6]. Своим трудолюбием, внимательностью, кротостью и благонравием он скоро привлек к себе внимание настоятеля и был назначен келейником игумена Исаии (Гомолко; впоследствии схиархимандрита Иоанникия)[7]. Под руководством такого опытного наставника Николай прошел строгую школу духовного делания.

В 1894 году, потрудившись в обители почти пятнадцать лет, он был пострижен игуменом Исаией в монашество с именем Нектарий[8], в 1898 году рукоположен во иеродиакона, а в 1901 – во иеромонаха. Затем проходил чредное священнослужение и трудился в живописной мастерской. В мае 1904 года о. Нектарий был командирован для исполнения священнических обязанностей в 271-й Льговский полк, где в 1906 году был награжден набедренником, в августе того же года возвратился в обитель[9].

8 декабря 1912 года о. Нектарий указом Св. Синода был утвержден настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена[10].

Период его настоятельства совпал с одним из самых сложных периодов истории России. Это и первая мировая война, и революция, и последовавшая за ней гражданская война. В те годы Глинская пустынь принимала самое деятельное участие в помощи бедствующему народу, и в этом велика заслуга ее настоятеля. Он руководил всей многотрудной и многоплановой деятельностью монастыря вплоть до его закрытия и проявил себя рассудительным, предприимчивым и благочестивым настоятелем.

Период 1912–1922 гг. представляет особый интерес для исследователей истории Глинской пустыни еще и потому, что ранее о

нем не было опубликовано почти никаких сведений. Последний очерк об обители вышел в 1912 году[11].

К 1912 году Глинская пустынь отличалась благоустройством внутренним и внешним и славилась строгой высокодуховной жизнью иночествующих, чем во многом была обязана трудам прежнего настоятеля обители – святого старца схиархимандрита Иоанникия (Гомолко).

Обитель влекла боголюбивых паломников из самых отдаленных концов России. В то время пустынь поражала богомольцев своим величественным и живописным видом.

Главный въезд в монастырь с северной стороны почти на расстоянии трех верст представлял собой аллею, идущую среди векового

Святые врата Глинской пустыни.
РГИА, ф. 835, оп. 2,
д. 278, л. 239.
Фотография 1892 г.

На с. 395 –
Стенопись левее Святых
врат Глинской пустыни.
Мытарства души
блаженной Феодоры.
РГИА, ф. 835, оп. 2, д. 278, л. 240.
Фотография 1892 г.

соснового леса. Из-за деревьев еще издали виднелись золоченые кресты, главы и белоснежные каменные стены храмов обители. При приближении к вратам гостиного двора монастыря богомольцам открывалась изображенная на них картина Страшного суда.

Своды врат были расписаны изображениями мытарств в загробной жизни души блаженной Феодоры и ликами святых угодников Божиих со священными изречениями, а над всем этим – священные слова: "Грядущаго ко Мне не иждену вон". Миновав гостиный двор и странноприимницу, богомольцы подходили к внутренним святым вратам Глинской пустыни. Один из современников так передавал состояние человека, входящего в обитель: "Вступив во святые врата в смирении... душой и сердцем чувствуется: "место Бо, на нем же стоиши, свято есть" (Исх. 3, 5)[12].

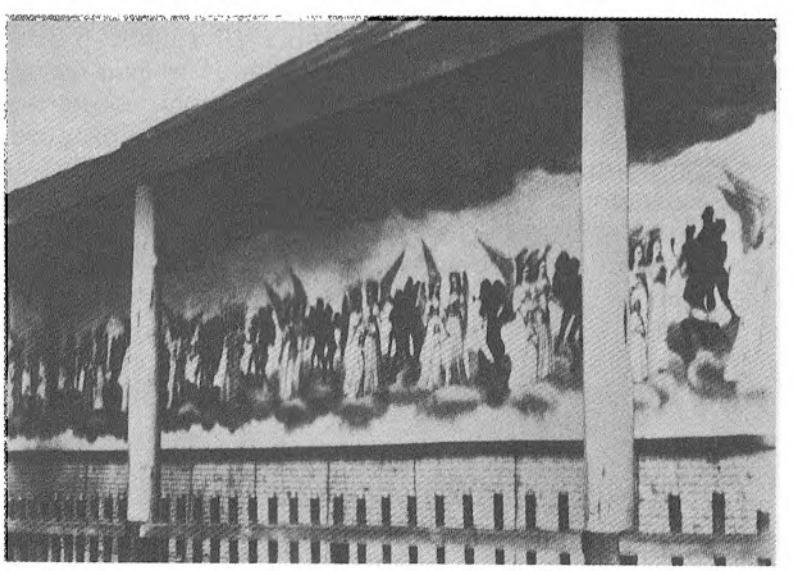
В проходе святых врат был изображен самарянин, очищенный от проказы, благодарящий Господа Иисуса Христа. Надпись над этим изображением гласила: "Благодарность изъявляется благодеяний Божиих на обители сей"[13].

В Глинской пустыни было тогда пять отдельных храмов. Один из них в честь Иверской иконы Божией Матери стоял на обширных каменных сводах святых врат. При входе с гостиного двора все с благоговением поклонялись поставленной над святыми вратами Иверской иконе Божией Матери, присланной с Афона[14].

Справа от святых врат была книжная лавка, где продавались копии чудотворных глинских икон, виды обители, жизнеописания подвижников, книги и листки глинского и других изданий, иконы, крестики и т. д.; слева – просфорня.

В самом центре обители на большой площади высился собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы. К югу от него был расположен теплый трехпрестольный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Через сад и цветник обители шла дорога на юго-восток в Ближний скит, где за каменной решетчатой оградой среди вековых сосен стоял скитский храм во имя св. Богоотец Иоакима и Анны с колокольней.

Около скита в дощатом столбе под осенением креста тщательно сохранялся пень сосны, на которой явилась Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы. На столбе находилась точная копия явленного образа. Немного далее, на лугу, с юго-западной стороны от пустыни находится целебный источник (криница), около которого прежде стоял крест и был прибит корец для желающих испить воды[15].

Южнее Ближнего скита располагалось братское кладбище. К востоку от кладбища, в густом монастырском лесу, находился Дальний (Спасо-Илиодоровский) скит Глинской пустыни, весьма удобный для уединенной созерцательной жизни. В скиту был храм во имя Нерукотворенного Спаса.

Храмы Глинской пустыни были каменные (кроме храма в Спасо-Илиодоровском скиту), прочные, красиво украшены, отличались чистотой, богатством ризницы и церковной утвари. Кроме того, в пустыни было четыре домовые церкви, пятнадцать корпусов для настоятеля с братией и восемь корпусов при гостинице для приема богомольцев, трапезная, прачечная, больница с аптекой, хозяйственные постройки[16]. Обитель отличалась прекрасно организованным монастырским хозяйством.

Отец Нектарий продолжил строительство новых зданий в монастыре. При нем в обители было построено четыре братских корпуса, начато строительство прачечной[17] и гостиницы[18]. Монастырское хозяйство, как и прежде, было образцовым; процветали разнообразные ремесла, садоводство, рыбоводство. Землевладение пустыни, оставаясь самым большим в епархии, приносило наибольший доход[19].

Но главное, чем, как и в прежние годы, славилась обитель, – это высокодуховная жизнь ее иноков. Строгий Афонский устав соблюдался при игумене Нектарии столь же ревностно, как и при его предшественниках. Глинская пустынь продолжала оставаться единственным мужским монастырем в епархии, где поддерживалось неумолкаемое чтение Псалтири[20].

В духовной жизни пустыни главное место занимало старчество. По свидетельству схиархимандрита Андроника (Лукаша), благочинного Глинской пустыни в 1949–1958 гг., при игумене Нектарии были великие старцы: духовник и начальник Спасо-Илиодоровского скита иеромонах Феоктист (Бородин), подвижник Спасо-Илиодоровского скита иеромонах Софроний (Юденков), деятельной Иисусовой молитвой занимался старец монах Герасим (Рунский), особой строгостью жизни отличался иеромонах Иулиан (Гагарин).

Иеромонах Феоктист (в миру Филипп Бородин) родился в 1831 году в семье мещан г. Козлова Тамбовской губернии. В Глинскую пустынь он поступил в 1866 году. С первых дней жизни Филиппа в монастыре проявились такие его качества, как беспрекословное послушание, молчаливость, смиренномудрие и кротость. В обители, благодаря пра-

На с. 397 –
Глинская пустынь. Крестный ход к колодцу в 1959 г. Личный архив автора

Глинская пустынь перед первым закрытием

Мытарства души блаженной Феодоры.
Стенопись левее Святых врат
Глинской пустыни.
РГИА, ф. 835, оп. 2,
д. 278, л. 241.
Фотография 1892 г.

вильному духовному руководству, эти добродетели получили дальнейшее развитие. Через восемь лет настоятель о. Иннокентий (Степанов) постриг его в мантию с именем Феоктист и поручил послушание пономаря, которое считалось в Глинской пустыни весьма ответственным. Проходя пономарское послушание, о. Феоктист почти все время пребывал в храме, где он воочию ощущал славу и величие Божие.

Постоянное общение с Богом через молитву способствовало духовному совершенствованию о. Феоктиста, помогало ему познать самого себя, свою греховность, научило в ближних видеть только одно хорошее.

26 декабря 1889 г. о. Феоктист был рукоположен во иеродиакона, 22 мая 1894 г. – во иеромонаха. Еще в марте 1893 года о. Феоктиста назначили помощником ризничего Глинской пустыни. Это послушание он исполнял с великой любовью, усердием и тщательностью. Настоятель игумен Исаия писал, что он "качеств очень хороших"[21]. Отец Феоктист достиг высокого преуспеяния в духовной жизни. 29 мая 1895 г. он был утвержден братским духовником Спасо-Илиодоровского скита Глинской пустыни[22], а 2 ноября того же года – назначен также и начальником этого скита[23].

Так начался новый период его деятельности – наставнический, который продолжался почти до самой кончины о. Феоктиста. В этой деятельности проявилось все богатство его духовной мудрости и рассудительности.

Отец Феоктист принял начальство над скитом в третий год его существования. Он стал третьим скитоначальником после старца схимонаха Архиппа (Шестакова) и о. Мартиниана (Захарова). Отец Феоктист управлял скитом почти одиннадцать лет. Он много потрудился для благоустройства скита, как внутреннего, так и внешнего его облагораживания. При нем территория скита была расширена и обнесена деревянным забором[24], а затем и каменной оградой, построены новые домики; в 1899 году устроена теплая домовая церковь во имя св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна[25].

Но основной целью заботливого скитоначальника было спасение вверенных его попечению душ.

В Спасо-Илиодоровском скиту, как и в самой обители, духовная иноческая жизнь основывалась на откровении помыслов старцу-духовнику. Такой порядок в скиту был введен настоятелем Глинской пустыни о. Исаией (Гомолко), и о. Феоктист всемерно старался поддерживать его, считая, что это делание является основанием внутреннего благоустройства и порядка как всего братства, так и души каждого в отдельности. Он неоднократно напоминал инокам, что уклоняющиеся от пути откровения помыслов поступают так по действию вражеского внушения.

По отзывам современников, о. Феоктист сам был великим старцем[26]. Он весь был предан многотрудному подвигу водительства душ ко спасению и полагал на это дело все свои силы. Глубокое знание человеческой души, тонкое понимание христианских истин православного нравоучения давали о. Феоктисту возможность безошибочно видеть нравственное состояние обращавшихся к нему и

давать им самые правильные и полезные советы. Имея к о. Феоктисту сердечную веру и сыновнюю любовь, не только скитяне, но и многие из братий обители стремились чаще исповедовать ему свои поступки и тончайшие помыслы. Старец никогда не отказывал в совете и помощи.

Отец Феоктист удивительно соединял в себе качества, необходимые как начальнику скита, так и старцу-духовнику. Будучи скитоначальником, о. Феоктист наблюдал, чтобы иноки в точности соблюдали все правила скита, определенные уставом. Он сам всегда присутствовал в церкви и на трапезе, сам распределял послушания и назначал келейные занятия. Особое внимание о. Феоктист обращал на порядок церковной службы. Он прекрасно знал весь церковный устав и напевы. Это позволило ему ввести в скитское богослужение точность и строгий порядок. В хозяйственных делах он поступал всегда практично и осторожно. Не любил часто перемещать монахов с одного послушания на другое, считая, что на одном послушании скорее учатся терпению. Старец был строг, взыскателен и тверд, но в то же время все его слова были согреты проникновенной душепопечительностью и истинно отеческой любовью.

Скитяне на все спрашивали его благословения. Он же, как монах, привыкший освящать благословением каждый шаг своей жизни, не тяготился никакими вопросами. Сам скитоначальник во всем руководствовался указаниями настоятеля Глинской пустыни.

Мудрый и внимательный руководитель, о. Феоктист входил во все обстоятельства жизни скита, разрешал все возникавшие затруднения и недоумения, оказывал всем своевременную духовную помощь. Под его руководством скитяне, соединившись в одном, общем всем стремлении к высшей духовной жизни, представляли собой братство, в котором при большом разнообразии характеров царствовало удивительное единодушие и согласие.

Жизнь в скиту в то время была очень строгая, пища скудная, трудиться же приходилось много. Отец Феоктист служил для всех примером трудолюбия и сам исполнял многие братские послушания. В келлии он также все делал сам, освобождая своего келейника для других послушаний. Кроме того, он исполнял свою очередь при непрерывном чтении Псалтири в скитской церкви в самые трудные часы, когда все скитяне отдыхали. Казалось, во всем братстве не было более смиренного и трудолюбивого послушника, чем отец скитоначальник. Настоятель схиархимандрит Иоанникий (Гомолко) писал, что о. Феоктист "усерден в безмолвной жизни"[27].

В 1897 году о. Феоктист был награжден набедренником, а в 1901 году – за труды по поддержанию в скиту строгой отшельнической жизни – наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым[28]. Однако он стремился к жизни созерцательной, уединенной и в 1906 году по прошению был уволен от должности начальника скита. Но о. Феоктист не оставил своего старческого служения. Двери келлии и сердце старца Феоктиста всегда были открыты для братии, каждый мог входить к нему в любое время без всякого доклада. Он умел вовремя напомнить приходящим, что жизнь временная дана человеку для того, чтобы ею он приобрел жизнь вечную. Христианин должен еще здесь, на земле, соединиться со Христом, чтобы земная его жизнь стала началом жизни

небесной. Человек, не позаботившийся соединиться со Христом, по отшествии из мира сего будет уже не в состоянии что-либо сделать для этого. Что бы ни случилось, учил старец, вопрос о спасении должен постоянно стоять в центре внимания христианина. Он обязан всегда и везде помышлять о вечности. И тогда его мысль, подобно горящей свече, станет показывать ему, от чего удаляться и к чему стремиться. И если христианин будет так проводить свою жизнь, то непременно ему будет помогать Всевышний Своею благодатию.

С 1911 года по старости о. Феоктист уже не священнодействовал[29]. Чувствуя приближение смерти, он стал еще более внимательно относиться к самому себе, готовясь к той минуте, когда должен будет предстать пред Судией и Господом. И в конце своей жизни старец предался совершенному уединению, безмолвию и самоуглублению. В это время в его душе пребывали покой и духовный благодатный мир, который даруется подвижнику после многолетней борьбы. Точная дата кончины о. Феоктиста неизвестна. В послужных списках братии Глинской пустыни он упоминается последний раз в 1911 году[30].

Старец *иеромонах Софроний* (в миру Семен Юденков) родился в 1843 году в семье крестьян Путивльского уезда Курской губернии. В Глинскую пустынь Семен поступил, когда ему было 25 лет[31]. Сначала он проходил общежительные послушания, затем послушание на клиросе. Чистосердечный, послушный и ревностный подвижник быстро возрастал в духовной жизни под мудрым руководством Глинских старцев. Настоятель о. Иннокентий (Степанов) уже через шесть лет после поступления Семена в монастырь постриг его в мантию с именем Софроний[32]. В 1884 году он был рукоположен во иеродиакона, в 1895 – во иеромонаха[33]. Служение о. Софрония у престола всегда сопровождалось чувством глубокого благоговения. Поразительны были самоуглубление и сосредоточенность, с которыми он совершал таинство св. Евхаристии.

В своей духовной жизни он достиг высокого совершенства. По свидетельству подвизавшихся вместе с ним иноков, о. Софроний был великим старцем[34]. Его руководству поручали многих послушников и новопостриженных.

Система воспитания новоначальных у о. Софрония (как и у других Глинских старцев) заключалась в том, что он приучал их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей. Не легко бывало новоначальному иноку открывать помыслы своему наставнику. Отец Софроний объяснял, что враг часто возбуждает у новоначальных чувство ложного стыда и тем самым препятствует чистосердечному исповеданию своих помыслов старцу. При таком состоянии иноку необходимо приложить усилие к откровенности, после чего она постепенно станет его добрым навыком, и раз от раза он будет открывать свои помыслы непринужденно. Отец Софроний учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало не легко принимать его учение и усваивать себе его правила, то и ему немало трудов стоило каждого отдельно воспитывать, внушить любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

Отец Софроний душу свою полагал за учеников своих: он прощал всякую немощь, лишь бы человек сознавал ее с покаянием. Старец часто напоминал, что только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Этой истине богомудрый пастырь научал как в своих проповедях, так и в личном общении с учениками. Он объяснял, что каждый христианин, тем более инок, должен вести в земной жизни непрерывную борьбу с врагами своего спасения. Средствами борьбы, заменяющими человеку меч и другие орудия, являются Слово Божие и молитва, а средством восстания — покаяние. Погибает только тот, кто не пользуется этими богодарованными средствами.

Отец Софроний от юности всей душой стремился стяжать любовь к Богу и людям, и Господь сподобил его этого величайшего дара. Старец поистине был преисполнен любви и изливал ее обильно на ближних.

В своей пастырской деятельности о. Софроний раскрывал сущность любви и необходимость растворять ею всю добродетельную жизнь человека. "Бог есть любовь" (Ин. 4, 16). Уподобляться Ему, говорил о. Софроний, есть цель всей жизни и деятельности каждого христианина. Но чтобы стяжать любовь, необходимо очиститься от греховной порчи, перестать руководствоваться своим ограниченным умом, но во всем руководствоваться только светом Слова Божия, отказаться от своей греховной воли и жить и действовать по воле Божией, всецело пленить себя в послушание Христово (2 Кор. 10, 5). Кто стремится к развитию в себе чувства любви к Богу, предварительно не очистив себя, тот близок к самообольщению.

В 1898 году о. Софроний был награжден набедренником. Затем, как преуспевший в духовной жизни, он был переведен в Спасо-Илиодоровский скит. Но и сюда братия стремились к нему для откровения своих сердечных помыслов, поскольку он имел дар духовного рассуждения. Обращались к старцу и многие приезжавшие в обитель миряне. Старец никому не отказывал. Он принимал богомольцев в приемной, устроенной за оградой скита.

С особой отеческой любовью принимал о. Софроний тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто стоял на распутье и не знал, каким путем идти ему в жизни. Старец с открытым сердцем выслушивал их скорби и тотчас накладывал пластырь на душевные раны, давал нужные советы и наставления. Он часто говорил, что скорби попускаются людям для того, чтобы они через них находились в постоянном бодрствовании и искании Бога. Духовные беседы с о. Софронием, проникнутые силой и светом благодати, его глубокая молитвенная собранность, проницательный разум, его любовь навсегда оставались в памяти обращавшихся к нему. Посетители говорили, что сам вид старца, его дивное смирение, весь его одухотворенный облик невольно внушали чувство глубокого благоговения. Многие из светских лиц имели его своим духовным отцом. Старец Софроний постоянно ободрял, поддерживал пасомых духовно, водворял в их сердца стремление к небесной жизни, побуждал их к высшим подвигам и мужеству.

Отец Софроний стремился довести до сознания своих учеников, что христианин бывает постоянно подвержен влиянию злой силы, стремящейся умертвить его душу. И если бы Божественная благодать не

укрепляла его и не побеждала эту злую силу, то христианин постоянно бы удалялся от своего спасительного пути. Старец раскрывал учение Православной Церкви о том, что Божественная благодать является той особой силой Святого Духа, которая совершает духовное возрождение верующего человека. Без благодатной помощи и поддержки своего Создателя человек не может прожить ни единой минуты. Сила благодатной помощи в деле спасения человека настолько велика, что ей отводится в этом деле первенствующее место. Однако действие благодати Божией зависит от состояния души христианина. Если человек ведет греховную жизнь, то благодать не может пребывать в его душе. Старец объясняет, что немаловажное значение для привлечения благодати в душу христианина имеет его самопознание. Христианин не в состоянии себя исправить надлежащим образом, если он не познает кроющегося в сердце зла. Наилучшим путем к стяжанию благодати, по учению святых отцов, служит смирение и терпение.

Будучи строгим исполнителем церковных установлений, о. Софроний старался внедрить церковность в сердца всех, кто к нему обращался. И это старец делал с той целью, чтобы привить вопрошавшим любовь к церковным установлениям и приучить их быть послушными сынами Церкви.

Кроме духовного окормления братии и богомольцев, старец Софроний совершал чредное священнослужение в Спасо-Илиодоровском скиту. Последний раз сведения о нем встречаются в послужных списках братии Глинской пустыни за 1911 год[35]. Время кончины его неизвестно.

Иеромонах Иулиан (в миру Иосиф Гагарин) родился в 1853 году в семье мещан г. Мещовска Калужской губернии. Утвердившись в намерении посвятить свою жизнь иноческим подвигам, в 1882 году он поступил в Глинскую пустынь[36]. После общих послушаний он был назначен на послушание при больнице, которое проходил с большим усердием[37]. Постриг в монашество Иосиф принял в 1889 году. В 1893 году его перевели в Курский Знаменский монастырь, где в 1896 году он был рукоположен во иеродиакона, а в 1897 – во иеромонаха. В 1902 году о. Иулиан был награжден набедренником, а в 1907 г. по прошению переведен на покой в Глинскую пустынь[38].

По отзывам современников, о. Иулиан был ревностным хранителем истинно монашеских заветов и вел строго подвижнический образ жизни. Настоятель обители вверял его попечению многих новоначальных. Отец Иулиан убеждал их в том, что чрезвычайно трудно правильно проходить монашеский путь.

Для этого старец советовал живущим в монастыре отсекать свою волю и навыкать послушанию. Сам опытно постигнувший этот трудный, но безопасный путь монашеского делания, о. Иулиан много заботился об искоренении своеволия и самолюбия в своих духовных чадах. Указывая на вредные последствия всякого начинания без благословения, он искоренял самочиние. Старец требовал от учеников полнейшего отречения от своей воли, чем успешно достигал исцеления их душ. Отец Иулиан поучал, что сам труд спасения совершается в деятельной борьбе с грехом, при исполнении заповедей, когда человек невольно видит свои немощи и смиряется.

Речь о. Иулиана была сдержанна, наполнена святоотеческим учением. Он всегда был сосредоточен и молитвенно собран, на исповеди – особенно серьезен и строг. Старец стяжал разум духовный и имел доступ к сердцу каждого. Замечания его как-то особенно глубоко проникали в душу, пробуждали сознание своей греховности пред Богом и стремление исправить свою жизнь.

Отец Иулиан прошел скорбный путь послушания и унижения под руководством опытных Глинских старцев, прежде чем приобрел истинное смирение. Таким же путем он вел начинающих, стараясь, по выражению св. Иоанна Лествичника, "изыскивать случаи для приобретения подвизающимися в деле спасения братиями венцов терпения". Воспитывая в новоначальных безгневие, смирение и терпение, он умышленно делал им несправедливые выговоры. Так он научал своих чад твердо встать на монашеский путь и во всем отсекать свою волю и раздражение. Это был ревностный душепопечитель и строгий духовник, однако он никогда не налагал неблагоразумно тяжелых наказаний.

Своим ученикам о. Иулиан особенно часто напоминал, что необходимым условием внутренней духовной жизни является постоянная сосредоточенность и внимательность ко всем своим действиям, и особенно словам. Старец предостерегал беречь свой ум от рассеянности, ибо это вносит нестроения в духовную жизнь. Он говорил, что этот единственно правильный путь смиренной, постоянно устремленной к Богу духовной жизни является обязательным для каждого христианина, какой бы образ жизни он ни проводил: монашеский или мирской.

Призывая стяжать внимание к своим душам, о. Иулиан указывал инокам на святоотеческое изречение о хранении чувств: "Дар бодрствования (трезвения) не попускает помыслам входить, а если они и войдут, то не допускает им вредить"[39]. Охраняя других и воспитывая их для жизни вечной, о. Иулиан в то же время непрестанно бодрствовал над самим собой.

Это был духовник опытнейший. Одним он преподавал начальные истины, другим – более глубокие и таинственные. Так, например, он объяснял, что жизнь вечная, по словам Божественного Учителя, состоит в познании истинного Бога. "Сия же есть жизнь вечная, – сказал Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве, – да знают Тебя Единого, Истинного Бога и Посланного Тобою Иисуса Христа" (Ин.17, 3), – разумея здесь под *знанием* не теоретическое, умственное познание Бога, а теоретико-практическое, когда, кроме ума, в познании Бога участвует и сердце чрез его постоянную любовь к Богу, участвует и воля чрез свою преданность Воле высочайшей, чрез исполнение заповедей Господних.

Отец Иулиан как пастырь духовный отдавал старчеству все силы ума и сердца. Он воспитал многих высокодуховных подвижников, которые впоследствии также стали известными старцами, в их числе – великий Глинский старец схиархимандрит Андроник (Лукаш).

В конце своей жизни о. Иулиан по болезни уже не священнодействовал. Последнее упоминание о нем в документах обители встречается в послужных списках братии Глинской пустыни за 1911 год[40].

Старец *монах Герасим* (в миру Гавриил Рунский) родился в 1844 году в семье мещан г. Конотопа Черниговской губернии. С ранних лет

он был проникнут горячей любовью к Богу и горел желанием всего себя посвятить Ему.

Посетив Глинскую пустынь, он сразу почувствовал здесь особую близость Божию, благодатность духовной атмосферы обители и бесповоротно решил остаться в монастыре. Так шестнадцатилетним юношей поступил Гавриил в Глинскую пустынь. В обители подвизались тогда такие светочи старческого окормления, как схиархимандрит Илиодор (Голованицкий), иеросхимонах Макарий (Шаров), о. Иннокентий (Степанов), впоследствии Глинский настоятель. Молодой послушник был очевидцем дивных подвигов и таких великих Глинских старцев, как схимонах Евфимий (Любимченко), монах Мартирий (Кириченко), схимонах Архипп (Шестаков), схимонах Лаврентий, схимонах Артемий, монах Досифей благоговейный и других.

Воодушевленный их подвигами, Гавриил ревностно заботился о своем спасении, примерно исполнял послушание и под руководством старцев постигал науку из наук – монашескую жизнь. Невидимая брань со страстями, келейная молитва, чтение Слова Божия и творений святых отцов, ежедневное внимательное самоиспытание и откровение помыслов – вот те духовные делания, в которых возрастала и крепла его душа. В 1878 году после семнадцати лет подвижнических трудов в обители он был пострижен в мантию с именем Герасим и назначен на послушание трапезного[41]. Впоследствии, видя его стремление к строгой духовной жизни, настоятель о. Исаия (Гомолко) назначил его пономарем при церкви Ближнего скита[42]. Более двадцати лет благоговейно исполнял это послушание о. Герасим.

Подвиг непрерывного внимания себе и самоукорение много способствовали старцу в приобретении умной молитвы и созерцании Бога. Молитвенные воззвания и хвала Господу стали той благодатной атмосферой, в которой пребывала душа старца. По отзывам современников, о. Герасим занимался Иисусовой молитвой и достиг в ней высокого совершенства[43]. Настоятель схиархимандрит Иоанникий (Гомолко) ценил его и писал, что о. Герасим "качеств очень хороших и внимательной жизни"[44].

Молитвенный дар старца, молитвенное созерцание им мира духовного влекли к нему сердца многих братий и богомольцев, которые хотели быть его учениками. Опытный делатель молитвы, о. Герасим давал подробные указания, как проходить этот подвиг людям самых разных положений и в разных обстоятельствах.

Старец учил, что стяжание истинной молитвы в своем сердце требует от христианина большого труда и настойчивости.

Он не должен ждать расположения к молитве, но всегда понуждать себя к ней. Перед тем как приступить к молитвенному правилу, нужно подготовить себя к нему: оставить все посторонние мысли, успокоить чувства и вспомнить о Том, к Кому обращаешься с молитвой. Старец говорил, что мы должны дорожить временем молитвы и помнить: погибает тот день и час, в которые человек не призывает Господа.

Сама духовная сущность молитвы – возношение ума и сердца человека к Богу – представляет возможность для постоянного упражнения в ней. Молиться можно всегда и везде: в пути, в часы работы и отдыха, во время бесед и принятия пищи, в уединении и

многолюдстве, стоя, сидя, лежа. Чтоб приобрести постоянную молитвенную настроенность, о. Герасим советовал как можно чаще повторять в уме краткие молитвы: "Господи, помилуй", "Господи, помоги", "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". Но при этом не надеяться на свои усилия, а у Господа просить ниспослать дар молитвы. Старец и сам просил Господа о правильном молитвенном устроении своих духовных чад.

Старец Герасим прозревал помыслы приходящих к нему. Он вел строго подвижническую жизнь и, как Глинский подвижник Досифей благоговейный, никогда не убирал своей келлии.

Около 60 лет подвизался о. Герасим в Глинской пустыни и достиг высоких степеней нравственного совершенства. Время его кончины неизвестно. В послужном списке о. Герасима за 1918 год сказано, что он по старости лет послушание уже не проходил[45].

В те годы старчествовал и сам игумен Нектарий[46]. Старчество и строгость устава привлекали иночествующих и умножали число братии Глинской пустыни. В 1912 г. в обители было 484 человека, в 1916 г. – 435. Сокращение числа братии в 1916 г. (а особенно в 1915 г.) до 379 человек было вызвано тем, что многих послушников взяли в действующую армию[47].

Глинская пустынь всегда была известна своей благотворительностью. В описываемый период ее благотворительность проявлялась в самых разнообразных формах. По сравнению с другими монастырями Глинская пустынь значительно больше помогала бедным, простым людям. Помимо сборов (в помощь бедным, на приюты и т. д.), отчисляемых из монастырских сумм по распоряжению епархиального начальства[48], Глинская пустынь по-прежнему содержала странноприимницу, где принимала приходящих в пустынь богомольцев и странников. Обычно за год бывало не менее 60 тыс, бедных богомольцев.

В 1914 году было отпущено более 60 тыс. бесплатных обедов на общую сумму 8000 руб.[49], в 1915 году – 100 тыс. на сумму свыше 9000 руб.[50], а в 1916 году – один миллион обедов на сумму более 10 000 руб.[51] (При этом в 1913 году было роздано более 5000 пудов печеного хлеба, не считая рыбы, крупы, масла и овощей[52], а в 1915–1916 гг. – более 6000 пудов хлеба ежегодно.)[53]. Кроме того, пустынь помогала бедным вдовам, сиротам и погорельцам из окрестных деревень дровами, лесом, мукой и прочим.

Кроме обычных богомольцев, Глинскую пустынь посещали крестные ходы. Так, в 1913 году в обитель прибыл крестный ход учащихся из г. Рыльска (более 1300 человек), а затем крестный ход из г. Суджи (400 паломников)[54]. В том же году Глинская пустынь в течение двух недель оказывала гостеприимство курсистам-миссионерам[55].

Многие богомольцы пользовались в Глинской пустыни бесплатным лечением. До самого закрытия обители больница Глинской пустыни считалась лучшей в епархии. Во всех епархиальных отчетах периода настоятельства о. Нектария сказано: "Первое место по своему благоустройству и величине занимает больница Глинской пустыни"[56]. Обращавшихся ежегодно за лечебной помощью было от 3570 человек (в 1912 г.) до 11 000 человек (в 1915 г.), в том числе и беженцев[57].

В 1912–1916 годах в Доме трудолюбия при Глинской пустыни обучалось от 30 до 50 мальчиков (в основном бедных сирот). На содержание Дома трудолюбия обитель тратила от 2500 руб. (в 1913 г.) до 4000 руб. (в 1916 г.)[58].

Кроме того, Глинская пустынь оказывала и отдельные пожертвования. Например, в 1913 году на ремонт соборного храма Курского Знаменского монастыря обитель пожертвовала 300 рублей[59].

В период с 1912 по 1914 г. Глинская пустынь пожертвовала в пользу Курского комитета Православного Миссионерского общества и Мис-

сионерско-просветительного братства свыше 100 руб.[60] Пожертвования на эти цели поступали от обители и в последующие годы.

Благотворительная деятельность Глинской пустыни никогда не сопровождалась материальной пользой для обители, а, напротив, она выступала лишь как средство, позволяющее братии монастыря осу-

Столб вблизи ограды
Ближнего скита на месте
обретения Чудотворной
Пустынно-Глинской иконы
Божией Матери.
В столбе сохранялся
пень сосны, на которой
явилась Чудотворная икона.
РГИА, ф. 835, оп. 2,
д. 278, л. 246.
Фотография 1892 г.

На с. 407 —
В Глинской пустыни.
Фотография 1950-х гг.

ществлять истинное благотворение русскому народу во имя Христово. "О, какая великая награда за милость к ближнему – быть самому помилована от Бога на всеобщем и страшном пред всем миром испытании и наследовать уготованное от сложения мира Царство Небесное"[61], – говорит св. праведный Иоанн Кронштадтский. "Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его" (Апок. 22, 12).

Просветительная деятельность Глинской пустыни проявлялась в борьбе с сектами путем проповеди. Члены проповеднического кружка обители, состоящего из 30 человек, ежегодно развивая свою деятельность, сделали проповедование Слова Божия постоянным и планомерным[62]. Во время богослужений ежедневно читались поучения, а внебогослужебные чтения для народа проводились в монастырской гостинице. В благословение от обители бесплатно всем желающим раз-

давались образки, книги, крестики, листки. Ежегодно в 1913–1916 гг. Глинская пустынь выделяла на эти цели около 1000 руб.[63]

Для знакомства с ведением миссионерских диспутов со штундо-баптистами совет Знаменского миссионерско-просветительного братства организовал в Глинской пустыни летом 1913 года миссионерские курсы, где епархиальные миссионеры читали лекции по данному вопросу[64].

Просветительная деятельность Глинской пустыни выражалась также в содержании на ее средства Дома трудолюбия и в пожертвовании монастырских сумм на содержание духовных учебных заведений (в 1915 г. было пожертвовано 179 руб., в 1916 г. – 125 руб.[65]).

Глинская пустынь славилась богатейшей библиотекой. Она располагалась в здании больницы, в отдельной комнате рядом с больничной церковью[66]. При закрытии обители в 1922 году здесь еще сохранилось 14 библиотечных шкафов с книгами (в библиотеке была также фисгармония)[67].

При архимандрите Нектарии в Глинскую пустынь, как и прежде, присылались епитимийцы. Например, в 1912 году на епитимию в пустынь были направлены священник села Гудово и псаломщики из Путивля[68].

Самое деятельное участие принимала обитель в сказании помощи армии и народу во время войны с Германией в 1914–1918 гг. Духовная помощь Глинской пустыни в это время выражалась прежде всего в усердной, вдохновенной молитве ее иноков о даровании победы над врагами на проскомидии, сугубых ектениях за Божественной литургией возносились моления о здравии русских воинов, об укреплении их религиозно-нравственного духа. Совершались также заупокойные литургии и панихиды по убиенным воинам.

Большое внимание уделяла обитель духовно-нравственному воздействию на народ. В проповедях священноиноки разъясняли учение Церкви о войне, о высоте служения христолюбивых воинов, ценой своей жизни защищающих святую веру и Отечество. Такие поучения, с одной стороны, пробуждали патриотическое сознание народа, с другой – напоминали об истинном смысле человеческой жизни – спасении души, о необходимости готовиться к смерти как к переходу в жизнь вечную. Правильное православное отношение к жизни и смерти духовно укрепляло и воинов в действующей армии, их семьи, оставшиеся без кормильцев.

Для удовлетворения религиозных потребностей воинов Глинская пустынь командировала в 1915 году в действующую армию двух иеромонахов – о. Игнатия и о. Архиппа. С ними были отправлены ризница, богослужебные книги, облачения и деньги[69].

В 1915–1916 гг. на защиту Отечества из Глинской пустыни было отправлено 75 послушников[70]. Кроме того, для нужд военной церкви Глинская обитель отправила в Курскую Духовную Консисторию ризницу с иконами, книгами и облачениями, а также другими принадлежностями общей стоимостью до 600 рублей[71].

Глинская пустынь заботилась не только о духовной, но и о материальной помощи страждущим в военное время. Помощь эта была направлена как на излечение раненых воинов, так и на поддержку семей призванных воинов.

В Глинской пустыни был устроен лазарет для больных и раненых воинов на 20 человек. Все необходимые для лазарета вещи (медикаменты, кровати, белье) были заготовлены на средства обители. Ухаживали за больными монашествующие под руководством опытного инока-фельдшера[72]. Кроме того, при обители был устроен санаторий на 12 человек для воинов, нуждающихся после лечения в отдыхе, а также приют для детей погибших (на 15 мальчиков)[73]. Для увечных воинов были оборудованы столярная, сапожная и швейные мастерские[74]. В Курске на средства епархиальных монастырей был оборудован госпиталь. От Глинской пустыни поступало 20% средств на его содержание[75]. На оборудование и содержание еще одного госпиталя (в Знаменской роще Курского монастыря) только в 1914 г. Глинская пустынь пожертвовала более 2000 руб.[76].

В 1915 г. в Глинской пустыни побывало около 60 тыс. беженцев. Они жили в монастырской гостинице и получили 100 тыс. бесплатных

обедов на сумму 10 тыс. руб., пользовались также бесплатно одеждой, обувью, лекарствами, многим из них были выданы деньги[77]. На нужды Красного Креста в 1915 и в 1916 гг. Глинская пустынь пожертвовала по 5000 руб.[78], часть этих денег была направлена на расходы по устройству быта беженцев.

Братия Глинской пустыни неоднократно высылали воинам фронта продукты, одежду, обувь, белье. Так, ко дню Святой Пасхи в 1916 году игумен Нектарий с иноками выслали воинам более пуда сахара, около 7 фунтов чая, 28 фунтов пряников, свыше 12 фунтов конфет, 50 кусков мыла и 30 пар белья[79]. Признательные воины в ответ благодарили монахов как за материальную помощь, так и особенно за духовную поддержку[80]. В 1917 году обитель отправила воинам фронта "100 пудов сухарей стоимостью 250 руб. и 28 пудов квашеной капусты для Варшавского лазарета. Для этого же лазарета отправлено было тою же пустынью 15 пудов баклажанов, 38 пудов огурцов, 1 пуд моркови и 200 пудов сухарей"[81].

О Глинской пустыни в 1912–1916 гг. сохранилось достаточно много сведений, в основном в ежегодных епархиальных отчетах, поступавших из Курской Духовной Констистории в Канцелярию Св. Синода. Но в начале 1918 года Курская Духовная Консистория была упразднена, архив ее похищен[82], и о периоде 1917–1922 годов содержатся в различных архивах лишь отрывочные, разрозненные сведения, но и они позволяют судить о том, что, несмотря на продолжавшуюся войну и революционный переворот, Глинская пустынь до самого закрытия в 1922 году продолжала жить насыщенной, полноценной духовной жизнью, являясь великой духовной поддержкой и опорой для народа.

Несмотря на военное время, в пустыни оставалось достаточно много насельников: в 1918 году – 339[83], в 1919 году – 345[84] человек, хотя не все послушники, призванные в армию в 1914–1916 гг., к этому времени смогли вернуться в обитель, некоторые попали в плен и вернулись лишь в 1920–1921 годах[85]. (Сведения о численности насельников Глинской пустыни за эти последние перед закрытием монастыря годы не сохранились. Известно лишь, что в 1920 году в обители скончалось 20 монашествующих[86].)

Во втором десятилетии XX века социальный состав братии почти не изменился по сравнению с 1910 годом. Несколько возросла доля крестьян, которые составляли в этот период почти 80% насельников обители, доля мещан не изменилась (10%), сократилась доля иноков из казаков (с 9 до 6%) и из военного звания (с 4 до 2,5%), доля насельников из духовного звания составила менее 2%, из дворян в обители был лишь один монах[87] (см. "Архив Глинской пустыни").

К 1918 году в Глинской пустыни было уже 82 священнослужителя, то есть в 2 раза больше, чем в 1910, из них 49 иеромонахов и 33 иеродиакона (в 1910 году – соответственно 29 и 12). Число монахов также возросло с 96 человек в 1910 году до 117, в 1918. Но при этом резко (почти в 3 раза) сократилось число послушников (с 370 в 1910 году до 140 в 1918-м), многие из которых были взяты в действующую армию.

Существенно изменился возрастной состав братии по сравнению с началом XX века. Насельники в возрасте до 40 лет составляли уже не

две трети, а лишь третью часть братии. Больше всего в обители было иноков в возрасте от 40 до 50 лет, которые также составляли почти одну треть от общего числа насельников. Иноков старше 50 лет было соответственно тоже около одной трети[88] (см. "Архив Глинской пустыни").

До самого закрытия в обители неопустительно совершались все положенные богослужения (по праздникам даже три литургии), не прекращалось "неумолкаемое чтение Псалтири"[89]. Как и всегда, совершались постриги в монашество. Даже по отрывочным сведениям, сохранившимся в различных документах, можно заключить, что в 1918 году было совершено не менее 15 постригов[90], в 1920-м – не менее 19[91] (для сравнения: в 1911 г. – 16[92]). По архивным данным, последний постриг был совершен в Глинской пустыни 20 февраля 1922 года[93], но, возможно, были и позже. Совершались также рукоположения во иеромонахов и иеродиаконов[94] (лишь в 1918 году рукоположили 10 иеромонахов и 9 иеродиаконов[95]), постриги в великую схиму. Так, в 1917 году в схиму были пострижены иеромонах Климент и монах Аркадий[96], в 1920 году – иеромонах Акакий (Бордаков)[97], в 1921 году – иеромонах Анатолий (Красовский) и иеродиакон Гавриил (Ворожбит)[98].

Но самое главное – в пустыни по-прежнему процветало старчество, что привлекало не только молодых послушников (в 1917 г. в обитель поступило 13 человек[99], в 1918 г. – 12[100]), но и опытных в духовной жизни подвижников. Так, в 1917 году в Глинскую пустынь вернулся настоятель Омского Покровского монастыря (бывший ризничий Глинской пустыни) – игумен Аристоклий (Ветер)[101].

По прошению на покой в Глинскую пустынь были переведены:

– в 1917 году иеромонах Дионисий (Чуканов), бывший казначей Обоянского монастыря, а затем руководитель миссионерского кружка при Коренной пустыни[102];

– в 1919 году иеромонах Иринарх (Степанов), бывший наместник Николаевского Рыльского монастыря[103];

– в 1921 году архимандрит Феодосий, бывший в течение 33 лет настоятелем Николаевского Одрина монастыря[104].

Все это были старцы высокой духовной жизни. Об архимандрите Феодосии, например, епископ Орловский и Севский Серафим (Остроумов) писал, что это "прекрасно настроенный, монашески воспитанный, духовный старец"[105].

По воспоминаниям Глинских иноков, в то время старчествовал не только настоятель обители[106], но и иеромонах Николай (Калиный)[107], монах Герасим (Рунский)[108], духовник обители иеросхимонах Иоанн (Макаров)[109].

Рапорт настоятеля Глинской пустыни игумена Нектария (Нуждина) Преосвященному Феофану, епископу Рыльскому от 11 июля 1917 г. ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 256, л. 1

Его Преосвященству,
Преосвященнѣйшему Сергію,
Епископу Орловскому.

№ 2993
Января 1917 г.

Сообщаем,
Из Консисторіи Настоятеля Глинской пустыни Игумена Нектарія ея Преосвященство

ПОДУЧЕНО
-4/VIII 1917
17185
581

Почтительнѣйшій рапортъ.

При семъ имѣемъ честь препроводить Вашему Преосвященству копію съ поданнаго отцемъ Игуменомъ Нектаріемъ, Орденовъ Св. Георгія, Св. Владиміра и Св. Анны, для ручательства таковыхъ бо Державою, самъ сей на это послѣдуетъ Ваше-распоряженіе и Афонскаго Свято-горскаго Братства.

Настоятель пустыни Игуменъ Нектарій
Казначей Іеромонахъ Тихонъ
Духовникъ Іеромонахъ Пантелеимонъ
За Канцелярію Іеромонахъ Серафимъ

№ 438
11 Янв. 1917.

Сохранение старческих традиций в обители позволило воспитать истинных подвижников. Преуспеяние их в духовной жизни выразилось и в том, что до самого закрытия обители при ней существовали два скита, где усовершенствовавшиеся в духовной жизни проходили подвиг безмолвия, стремясь к полному единению с Господом (в Дальнем скиту в 1918 году, например, было 12 насельников[110]).

Для содержания обители иноки трудились на разнообразных монастырских послушаниях, в многочисленных мастерских, сохранилась и живописная мастерская[111]. Велись строительные работы. При закрытии обители остались недостроенными прачечная и гостиница[112].

Несмотря на трудные моральные и материальные условия, братия Глинской пустыни до последних дней существования обители продолжали осуществлять христианскую, патриотическую, миротворческую, просветительную и благотворительную деятельность.

Глинская пустынь участвовала в содержании Курского военного госпиталя, существовавшего на средства монастырей епархии. В тяжелом 1917 году эта обитель пожертвовала в пользу духовных учебных заведений Курской епархии 700 руб., которые были распределены между Курской Духовной семинарией (500 руб.) и Старооскольским Духовным училищем (200 руб.)[113].

Обитель по-прежнему оказывала помощь населению. При пустыни сохранилась больница с аптекой[114], где богомольцы получали медицинскую помощь и лекарства. По-видимому, до самого закрытия обители существовал и Дом трудолюбия (в 1919 г. в нем обучалось 20 мальчиков[115], более поздние сведения о численности учеников не сохранились). В описи имущества монастыря, составленной при его закрытии, значатся карты, глобусы и другие учебные пособия[116].

Кроме того, после 1917 года из-за недостатка священнослужителей на приходах Глинская пустынь направляла туда своих иеромонахов, которые с разрешения архиерея совершали также таинства Брака и Крещения[117].

Всей многоплановой деятельностью монастыря вплоть до его закрытия мудро руководил о. Нектарий. Он много потрудился и как администратор, и как душепопечитель. Еще в 1914 году он был награжден наперсным крестом, а в 1918 – представлен к награде "по обстоятельствам военного времени": возведен в сан архимандрита и награжден палицей[118].

Не только настоятель, но и многие монашествующие Глинской пустыни в 1917–1919 годах были удостоены наград.

Так, в 1917 году синодальные награды (наперсные кресты) получили благочинный пустыни иеромонах Назарий (Авдеев)[119] и ризничий иеромонах Виталий (Миркин)[120]. В 1918 году четверо иеромонахов Глинской пустыни были награждены набедренниками[121]. В 1919 году иеросхимонах Иоанн (Макаров), иеромонахи Пионий (Дробязко) и Николай (Калиный) "за долголетнюю монастырскую жизнь и усердное прохождение монастырских послушаний" были также награждены наперсными крестами[122].

Постепенно наступление на Церковь Христову, которое проводила советская власть, затронуло и Глинскую пустынь[123]. Сначала было значительно сокращено монастырское землевладение. К началу 1919 года

у обители оставалось лишь 627 десятин земли[124] по сравнению с 1346 десятинами в 1917 г.[125].

В тот период Глинская пустынь уже не имела удобной, распашной земли. Оставшаяся у обители земля в основном была занята лесом (480 десятин), постройками (25 десятин), оврагами и дорогами[126].

В 1921 году у пустыни отобрали последнюю мельницу, которая перешла в ведение государства[127]. В мае 1922 года в соответствии с декретом ВЦИК от 16 февраля 1922 года было проведено изъятие монастырских ценностей. Всего в Глинской пустыни изъяли "211 серебряных предметов общим весом 11 пудов 5 и $^3/_4$ фунта"[128].

Иноки и верующие просили возвратить одну чашу, так как на всю пустынь было оставлено только две чаши, а по праздникам служили три литургии; просили также вернуть ризу с особо чтимого образа Нерукотворенного Спаса, так как это была "икона старинной живописи и могла прийти в ветхость без ризы"[129], но эти просьбы не были удовлетворены.

Что же касается Чудотворного образа Божией Матери Пустынно-Глинской, то следует отметить, что благодатная помощь от этой иконы обильно изливалась на всех людей и во все время, вплоть до сентября 1922 года, когда за отступление народа от православной веры, по попущению Божию, последовало грозное наказание: Глинская пустынь была закрыта. Еще в октябре 1921 года была создана комиссия по ликвидации монастырей Курской епархии[130], а в конце августа 1922 года – комиссия Путивльского уездного исполкома по ликвидации Глинской пустыни[131]. "Работа по ликвидации пустыни была начата 29 августа 1922 г. и закончена 27 сентября 1922 г... Имущество как церковное, так и хозяйственное взято на учет и занесено в опись"[132]. Автору данной работы удалось разыскать эту ликвидационную опись. Она содержит 75 страниц. В ней указано число икон в каждом храме, приведено описание их ризниц; перечислены также все здания, обители и предметы, в них находящиеся[133]. Поскольку опись представляет большой интерес для исследователей, она полностью помещена в приложении "Архив Глинской пустыни".

Глинская пустынь недаром считалась одним из богатейших монастырей Курской губернии[134]. В 1922 году при закрытии обители в пустыни, кроме храмов и колокольни, было 19 корпусов (в том числе настоятельский, игуменский, архиерейский, 2 иеромонашеских, экономический, канцелярский, пчеловодный и другие), больница с аптекой, библиотека, трапезная, прачечная, книжная лавка, кузница, водокачка и мастерские (сапожная, столярная, портняжная, свечная, переплетная, кровельная, кожевенная, колесная, бондарная, слесарная, жестяная, плотницкая), свечной завод, крупо-просорушка, 13 сараев, 5 амбаров, коровницкий двор и конюшня. В Дальнем скиту, кроме храмов, было 8 корпусов, кухня и колокольня[135].

Сразу же после закрытия обители в ней был образован детский городок им. Ленина[136], куда поместили детей с Поволжья[137]. Имущество монастыря принял по описи заведующий детским городком И. Савицкий[138]. Но, очевидно, тут же началось разграбление имущества монастыря местными властями, так как уже в октябре 1922 года в Путивльский уездный исполком поступило распоряжение Курского

губернского исполкома, запрещающее использовать и распределять имущество Глинской пустыни[139]. Но вряд ли это указание было выполнено, поскольку в феврале 1925 года Курский губернский исполком сообщал в Государственную фондовую комиссию, что "об учете имущества Глинской пустыни никаких сведений не имеется"[140].

Особую ценность представляла библиотека Глинской пустыни, которая считалась лучшей в епархии. При закрытии обители описание библиотеки было включено в ликвидационную опись[141]. Однако уже через полгода в описи имущества детского городка за февраль – март

На с. 415 –
Архиерейский корпус.
Личный архив
автора
Фотография
1950-х гг.

1923 года библиотека не упоминается[142]. Как и остальное имущество обители, она была разграблена. Часть книг из библиотеки удалось сохранить о. настоятелю архимандриту Нектарию.

Опись имущества церквей пустыни за февраль – март 1923 года приведена в "Архиве Глинской пустыни". К этому времени больше всего имущества сохранилось в летнем соборе во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Здесь находились: престол в главном алтаре с серебряной иконой "Тайная вечеря"; 12 Евангелий больших напрестольных; 9 плащаниц; 5 риз серебряных с икон; 107 икон в главном иконостасе, в том числе иконы Божией Матери "Утоли моя печали", Благовещения, Почаевская, Крещения Господня, Тихвинская, Святой Троицы, Распятие Спасителя, икона преподобного Серафима Саровского и многие другие.

В этом же храме сохранились хоругви, подсвечники, лампады, паникадила, ризы, архиерейские облачения, воздухи, покровцы, набедренники, различная церковная утварь (блюда, подносы, ковры, тарелки, дорожки и т. д.)[143].

Какова же судьба величайшей святыни обители – Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы, во имя которой и возникла Глинская обитель?

На этот вопрос мы находим ответ в архивных документах. Сведения об иконе содержатся в расписке членов Церковного совета граждан села Шалыгино, хранящейся в материалах комиссии Путивльского уездного исполкома по ликвидации монастырей. Ввиду важности этого документа, приводим его полностью:

Р а с п и с к а

15 сентября 1922 г.

Мы, уполномоченные от общества Татаренков Феодор Иванович, Морозов Василий Михайлович, Кислощаев Феодор Стефанович, Лупасов Григорий Онисимович, Капорин Демид Стефанович Шалыгинской

волости с. Шалыгино (члены Церковного совета), даем настоящую подписку в том, что мы взяли из церкви бывшей Глинской пустыни икону чудотворную "Рождество Богородицы".

(Подписи)"[144]

Существует предание, что эта святыня и сейчас находится в селе Шалыгино и перед открытием Глинской пустыни святая Чудотворная икона снова появится на своем месте.

Примечания

1 РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1399, л. 1.

2 Там же, л. 1—3.

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

4 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 52.

5 Там же, л. 89.

6 Там же, д. 109, л. 52.

7 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

8 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

9 Там же, д. 3, л. 2.

10 РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1399, л. 4.

11 Глинская пустынь. Ч. I—II. Курск, 1912.

12 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 5.

13 Глинская пустынь. Ч. I. С. 10.

14 Там же. С. 15. Иверская Икона Божией Матери, данная в благословение игумену Филарету в 1817 г. из Софрониевой пустыни находилась в соборе Рождества Пресвятой Богорнодицы в киоте за левым клиросом.

15 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С. 6. Глинская пустынь. Ч. II. Курск, 1912. С. 55.

16 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2 об.
ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 2 об.—4.
РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2279, л. 8 об.

17 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8.

18 ГАСО, ф. Р2308, оп. 1, д. 14.

19 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2525, л. 9 об.

20 Там же, д. 2033, л. 8 об.

21 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 14.

22 Там же, л. 13 об.—14.

23 Там же.

24 Спасо-Илиодоровский скит... С. 39. ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 6.

25 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 4.

26 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

27 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 18—19 об.

28 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 12 об.—13.

29 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 18—19 об.

30 Там же.

31 Там же, д. 89, л. 19 об.—20.

32 Там же.

33 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 18 об.—19.

34 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

35 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 21 об.—22.

36 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 16.

37 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 56.

38 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 16.

39 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. 219.

40 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 22.

41 Там же, д. 89, л. 29 об.—30.

42 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 41.

43 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

44 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 41.

45 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 35.

46 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым) Магнитофонная запись. 1966.

47 РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 987, л. 30 об.; ф. 796, оп. 442, д. 2754, л. 9. ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 501.

48 В 1912 г. в помощь бедным было отчислено 3896 руб., на приют 2275 руб. (Проповедническая, просветительная и благотворительная деятельность обителей Курской епархии в 1913 году // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 274).

49 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2626, л. 13 об.

50 Там же, д. 2708, л. 21.

51 Там же, д. 2754, л. 10 об.

52 Курские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 274.

53 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 17 об; д. 2754, л. 10 об.

54 Курские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 174.

55 Там же.

56 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2525, л. 10; д. 2646, л. 12; д. 2708, л. 19, д. 2754, л. 12.

57 Там же, д. 2525, л. 10. д. 2708. л. 19.

58 Там же, д. 2696, л. 14 об; д. 2754, л. 13 об.

59 Курские епархиальные ведомости. 1913. № 13. С. 195.

60 Курские епархиальные ведомости. 1912. № 11. С. 182; № 21. С. 383; 1913. № 11. С. 146; № 22. С. 327.

61 Отец протоиерей Иоанн И. Сергиев (Кронштадтский). Солнце правды. О жизни и учении Господа нашего Иисуса Христа. Избранные проповеди. 2-е изд., СПб, 1902. С. 72.

62 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2745, л. 10.

63 Там же, д. 2708, л. 16 об.

64 Курские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 519.

65 РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 17; д. 2754, л. 10.

66 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 60 об.

67 Там же.

68 РГИА, ф. 797, оп. 82, отд. 3, ст. 5, л. 416.

69 Отцу Игнатию были выданы 225 руб., ризница, богослужебные книги стоимостью 270 рублей, а впоследствии ему были высланы еще риза, книги и одежда на 100 рублей. Отцу Архиппу была послана риза стоимостью в 200 рублей, книги и облачение стоимостью 50 рублей. (Деятельность монастырей Курской епархии в нынешнюю отечественную войну в течение ее первого года. (Продолжение) /Свящ. Александр Мигулин // Курские епархиальные ведомости. 1916. № 37–38. С. 445.

70 Послушникам выдали 225 руб., 23 монастырских лошади; на покупку для них обмундирования было израсходовано 1500 руб. (Деятельность монастырей Курской епархии в нынешнюю отечественную войну в течение ее первого года: (Окончание) /Свящ. Александр Мигулин // Курские епархиальные ведомости. 1917. № 3. С. 29–30.

71 Там же.

72 РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 794, л. 4.

73 Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 54.

74 Там же, л. 55.

75 Там же, д. 2754, л. 40; ф. 834, оп. 4, д. 794, л. 4.

76 Там же, ф. 834, оп. 4, д. 794, л. 4.

77 Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 57 об.

Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1915. С. 87.

78 Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 56. Курские епархиальные ведомости. 1916. № 43. С. 528.

79 Курские епархиальные ведомости. 1916. № 41–42. С. 539.

80 Там же. 1915. № 25–26. С. 503.

81 Там же. 1917. № 3. С. 29–30.

82 ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 137.

83 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3.

84 Там же, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

85 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966. ЖМП. 1985. № 6. С. 58.

86 Архимандрит Нектарий 21 января 1921 года докладывал в Курский епархиальный совет, что в течение 1920 года в Глинской пустыни умерли схимонахи: Макарий, Иларий, Сергий; иеромонахи: Павлин, Исаакий, Трифон, Александр, Кассиан; иеродиаконы: Вениамин, Иероним, Феофилакт; монахи: Филимон, Анания, Херувим, Августин, Иродион, Варлаам, Иларий, Иосия, Амфилохий. (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 34).

87 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3.

88 Там же, ф. 454, оп. 1, д. 3.
89 Там же.
90 Там же.
91 ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, ф. 750, оп. 2л, л. 615.
92 Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 174.
93 Там же, ф. Р2511, оп. 1, д. 137.
94 Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 256.
95 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3.
96 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 601.
97 Там же, ф. 750, оп. 2л, д. 615.
98 Там же, оп. 1, д. 267.
99 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3.
100 Там же.
101 РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271.
102 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 19.
103 Там же, д. 4.
104 ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974.

В своем прошении на имя настоятеля Глинской пустыни о. Феодосий писал: "С юных лет я имею к сей обители особенное влечение и душевное расположение, и еще в 1863 году я полагал здесь начало монастырской жизни, почему и желал бы дожить в оной последние дни моей жизни".

105 ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974.
106 ЖМП, 1985. № 6. С. 58.
107 *Иеромонах Николай* (в миру Никита Калиный) родился в 1861 г. в семье крестьян Старооскольского уезда Курской губернии. В Глинскую пустынь поступил в 1885 г. Исполнял послушание звонаря, затем был записчиком при церкви (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 62. ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 62). В 1897 г. был пострижен в монашество, в 1900 г. рукоположен во иеродиакона. В сентябре 1906 г. как опытный в духовном делании подвижник перемещен в Николо-Тихвинский скит г. Саратова, где в ноябре 1906 г. был рукоположен во иеромонаха, а в апреле 1906 г. был назначен скитоначальником. За устроение духовной жизни насельников скита, по личному заявлению Преосвященного Аполлинария, награжден набедренником в 1909 г., а в 1912 г. ему было преподано благословение Св. Синода. По прошению в 1913 г. перемещен в Глинскую пустынь, где до закрытия обители был заведующим Сеймскими мельницами. (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 44).

108 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

109 *Иеросхимонах Иоанн* (в миру Иван Макаров) родился в 1876 г. в г. Боброве Воронежской губернии в семье мещан. В Глинскую пустынь он поступил, когда ему было 19 лет. Послушание проходил на клиросе. После пострига в монашество в 1897 г. с именем Игнатий и рукоположения в иеродиакона, в 1898 г. был назначен уставщиком в церкви. В 1902 г. был переведен в Рыльский Николаевский монастырь, где в 1906 г. рукоположен во иеромонаха и назначен ризничим. В 1911 г.

возвращен в Глинскую пустынь. В октябре 1914 г. указом Курской Духовной Консистории была назначен в отряд Красного Креста, где в 1915 г. за ревностное исполнение священнических обязанностей и понесенные труды в Житомирском этапном лазарете награжден орденом Св. Анны II степени. В 1916 г. за подвиги в составе 57-го отряда Красного Креста награжден орденом Св. Анны III степени. После демобилизации в январе 1918 г. о. Игнатий вернулся в Глинскую пустынь, в Спасо-Илиодоровский скит, где в августе 1918 г. был пострижен в схиму с именем Иоанн. В 1919 г. иеросхимонах Иоанн был определен братским духовником и проходил это послушание до закрытия обители в 1922 г. (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6. ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 8).

110 ГАСО, ф. 454, оп. 2, д. 3.

111 Там же, л. 42.

112 Там же, ф. Р2308, оп. 1, д. 14.

113 Из епархиальной хроники // Курские епархиальные ведомости. 1917. № 40–41. С. 412.

114 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 38 об.

115 Там же, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

116 ГАКО, ф. Р309, оп. 5, д. 252, л. 83 об. 85.

117 Там же, ф. 750, оп. 1, д. 283.

118 Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 499. ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 2.

119 *Иеромонах Назарий* (Авдеев) родился в 1846 г. Поступил в Глинскую пустынь в 1869 г., в 1880 г. пострижен в монашество, в 1895 г. рукоположен во иеродиакона, в 1898 г. во иеромонаха. С 1899 г. был помощником духовника, в 1901 г. награжден набедренником, а в 1905 г. назначен благочинным пустыни. (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 499).

120 *Иеромонах Виталий* (Миркин) родился в 1845 г. В Глинскую пустынь поступил в 1870 г., в 1879 г. пострижен в монашество, в 1895 г. рукоположен во иеродиакона, в 1898 г. — во иеромонаха. В 1905 г. награжден набедренником. С 1912 г. был ризничим пустыни (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 499).

121 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 499.

122 Там же, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 40–44.

123 В Курской епархии только в 1917 г. были ограблены вооруженными солдатами Софрониева и Белогорская Николаевская пустыни, Льговский Знаменский женский монастырь; совершено покушение на мощи св. Иоасафа, епископа Белгородского (Из епархиальной хроники) //Курские епархиальные ведомости. 1917. № 40–41. С. 412. Подробности ограбления Софрониевой пустыни и ее хутора "Псёл" //Там же. 1917. № 38–39. С. 431–432. Среди монастырей // Там же. № 40–41. С. 454–457. Новое дерзкое покушение // Там же. С. 445–446.

124 ГАСО, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

125 Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921). М., 1975. С. 174.

126 ГАСО, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

127 Там же, д. 5.

128 В том числе: серебряных риз с икон – 45; серебряных венчиков – 27, серебряных украшений на изображениях Святых – 6, серебряных дарохранительниц – 2 (одна из них с ящиком и ковчегом, в форме собора с украшениями из эмали, другая с ящиком и ковчегом, украшенная эмалью и драгоценными камнями), серебряных чаш – 4, серебряных дискосов – 4, серебряных звездиц, из них одна с украшениями из эмали – 4, серебряных лжиц – 5, серебряных крестов – 9, серебряных лампад – 6, серебряных кадил – 2, серебряных ковшов – 4, серебряных тарелочек – 5, серебряных стаканчиков – 2, серебряных трехсвечников – 1, серебряный киот из 2-х частей, с украшением из эмали и с подписью – 1, серебряная дароносица – 1, серебряных украшений с Евангелий – 60, серебряных массивных украшений с Престола – 3, серебряных украшений с киота – 6, серебряного лома кусков – 7. (ГАКО, ф. Р323, оп. 1, д. 686, л. 42–46).

129 ГАКО, ф. Р323, оп. 1, д. 686, л. 42.

130 Там же, ф. Р325, оп. 1, д. 224.

131 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8.

132 Там же, д. 2.

133 Там же, л. 27 об.–64 об.

134 В справке от 18 февраля 1925 г., направленной Курским Губернским исполкомом в Госфондовую комиссию, Глинская пустынь названа богатейшим монастырем. (ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 763, л. 63 об.).

135 Составлено автором по документам:

ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8. ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3. ГАКО, ф. Р309, оп. 5, д. 252.

136 ГАКО, ф. Р309, оп. 4, д. 104, л. 423, 513.

137 Там же.

138 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 64 об.

139 ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 224.

140 Там же, ф. Р325, оп. 1, д. 763, л. 63.

141 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 60 об.

142 ГАКО, ф. Р309, оп. 5, д. 252.

143 Там же, л. 118–128.

144 ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 91.

Серебряный позолоченный чеканный киот в виде круга (украшенный 4 финифтями и 36 друзами), в котором Чудотворная икона находилась над царскими вратами и опускалась для поклонения, оставался в детском городке после закрытия обители. Он значится в описи имущества детского городка за февраль-март 1923 года. (ГАКО, ф. Р309, оп. 5, д. 252, л. 118–128).

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ КАК ЦЕНТР ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ СТАРЧЕСТВА (1942–1961)

ГЛАВА X

После закрытия Глинской пустыни некоторые из иноков перешли в другие монастыри[1] (но вскоре и те были закрыты)[2], другие служили на приходах. Но так как действующих храмов оставалось очень мало, то большинство иноков вынуждено было жить в миру, занимаясь различными ремеслами. Иеромонахи при этом совершали богослужения и требы на дому. Почти все монашествующие Глинской пустыни побывали в 30—40-е годы в ссылке или в лагерях. Но навык подчинять свою волю воле старца, постоянно наблюдать за собой, сдерживать свои порывы даровал Глинским инокам ту духовную целенаправленность, силу воли и мужество, которые помогли им не только выдержать тяжелые испытания, но и духовно возрасти после закрытия обители.

До 1928 года на территории Глинской пустыни находился детский городок. Затем там была организована сельскохозяйственная артель, которую в 1934 году реорганизовали в колхоз "Красный Октябрь" (село Сосновка). В 1935 году вместо колхоза была создана МТС, а в 1936 году — промкомбинат по изготовлению сельскохозяйственного инвентаря, просуществовавший до Великой Отечественной войны[3].

Летом 1941 года Сумская область, к которой с 1938 года относилась территория обители, была захвачена немцами, а в 1942 году Глинская пустынь вновь была открыта[4].

Возобновителем Глинской пустыни стал ее прежний настоятель — *архимандрит Нектарий* (в миру Николай Нуждин). После закрытия Глинской пустыни ему удалось сохранить незначительную часть имущества монастыря. По Промыслу Божию он не был ни арестован, ни сослан, а жил в Путивле, в затворе, в подвигах строгого поста, богомыслия и усиленной молитвы. Тайно принимал он духовных детей на исповедь; каждую ночь неопустительно служил литургию. Нельзя было без чувства глубокого умиления присутствовать при совершаемых им богослужениях. Дух молитвы, почивавший на нем, переливался, казалось, в сердца предстоящих, и все находили особое духовное утешение в том, чтобы молиться вместе с ним.

Проводя жизнь сокровенную, о. Нектарий приобрел особенную духовную мудрость и прозорливость. Так, например, когда в 1941 году Сумская область была занята немцами и раскулаченные в годы коллективизации люди стали занимать свои прежние дома, о. Нектарий сказал: "Напрасно они это делают, опять их выгонят". — "Да кто же их выгонит?" — спрашивали его. "А кто тогда выгонял, те и теперь выгонят". Позднее слова его исполнились[5].

Когда о. Нектарий еще только собирался открыть Глинскую пустынь, один его духовный сын сказал: "Если откроете обитель,

батюшка, то и я туда пойду". Отец Нектарий долго внимательно смотрел на него, а потом ответил: "Да, ты пойдешь, только не сейчас, потом будешь монах". Действительно, сначала молодого человека забрали на фронт, а в 1947 году он вернулся в монастырь и впоследствии стал монахом[6].

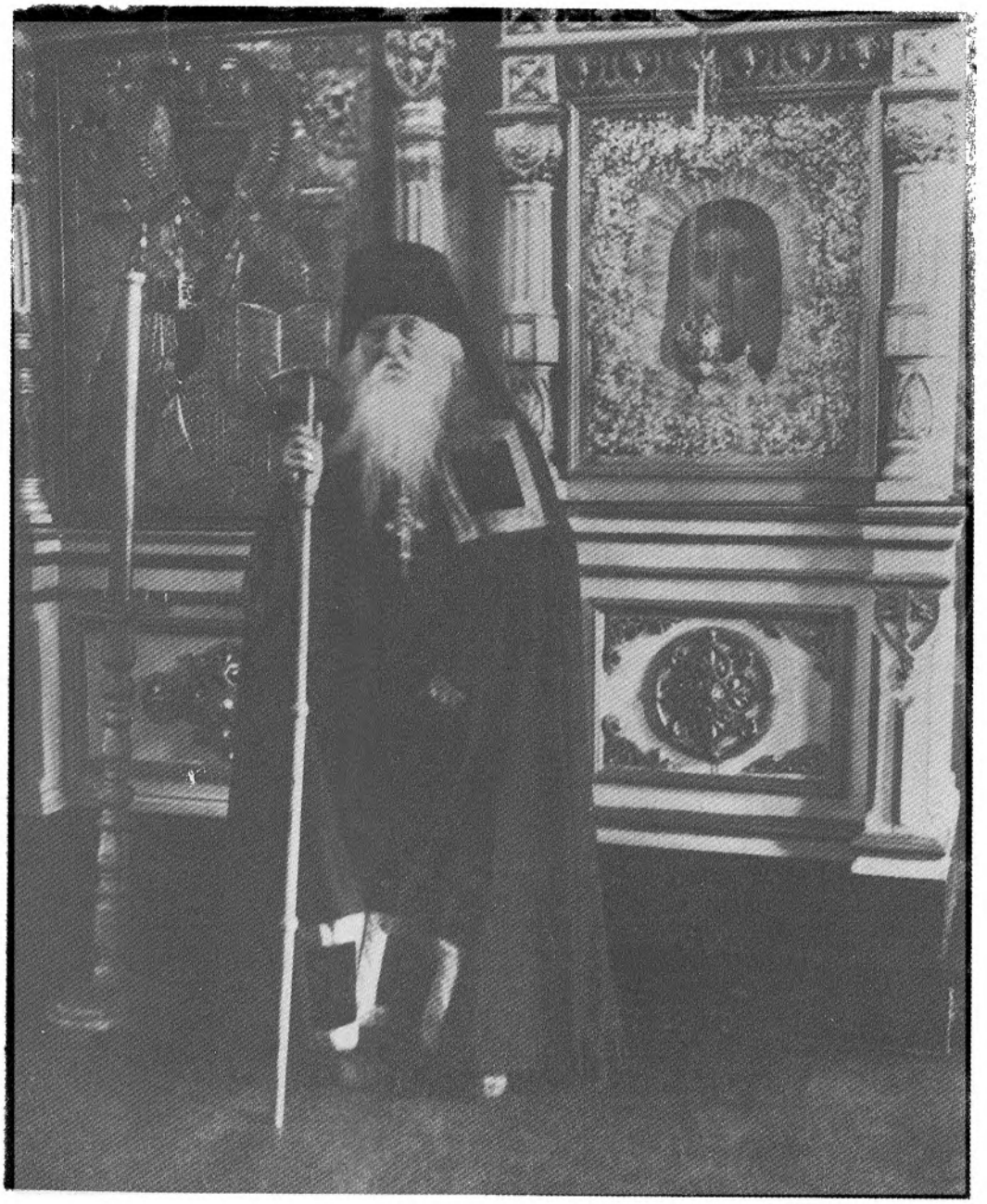
При первой же возможности архимандрит Нектарий приехал в обитель с целью ее восстановления[7] и уже тогда предсказал, что впоследствии Глинская пустынь опять будет закрыта. За двадцать прошедших лет монастырь был разорен, и в нем царило полное запустение. Если при закрытии обители в 1922 году на ее территории было четыре храма (не считая храмов в Дальнем скиту), колокольня и более 30 зданий, то к 1942 году сохранилось лишь шесть полуразрушенных строений. Колокольня была взорвана сразу же после закрытия обители[8], храмы – несколько позже. В феврале 1923 г. все храмы обители (в том числе и в скитах) перечислены в описи имущества детского городка им. Ленина[9], но, по данным аналогичной описи, за апрель 1927 г. на территории пустыни их уже не было[10].

К 1942 году сохранилась лишь больница с домовой церковью во честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, двухэтажный бывший архиерейский корпус и четыре братских корпуса, нуждавшихся в капитальном ремонте. В некоторых частях этих зданий жили колхозники села Сосновка[11].

При архимандрите Нектарии в ведении монастыря находилось лишь два здания: больница с храмом и архиерейский корпус, переданные обители Глуховским лестничеством по ходатайству сварковской религиозной общины[12].

Имущества никакого в пустыни не было, кроме того, что удалось сохранить архимандриту Нектарию[13]. Монастырь содержался тогда на добровольные пожертвования прихожан; братия при поступлении в монастырь также приносила все, что у нее было (хлеб и другие продукты, привели три коровы, одну лошадь)[14]. В монастыре не хватало одежды, обуви (литургии совершали в лаптях). По нескольку дней братия на трапезе вместо хлеба получала лишь вареную свеклу, а то и совсем голодала. Не было муки для просфор, вина для совершения литургии. Но иноки того времени, как истинные подвижники, всё безропотно терпели, благодарили Бога и Матерь Божию только за возможность жить в святой обители. Ведь Глинская пустынь была единственным монастырем, открывшимся в России в то время.

Так, почти без средств, надеясь только на Бога и на помощь благотворителей, от Него посылаемую, принялся архимандрит Нектарий за восстановление пустыни. Сподвижниками его в деле возрождения обители сначала были лишь Глинские иноки: будущий настоятель Глинской пустыни иеросхимонах Серафим (Амелин), иеромонах Гордий (Тюшин), впоследствии иеросхимонах Гавриил и два послушника[15]. Но весть об открытии обители быстро распространялась, и братия начала собираться. К концу 1942 г. в Глинской пустыни было уже не менее 12 насельников, восемь из которых – бывшие иноки Глинской пустыни. Среди них – старец высокодуховной жизни схиигумен Антоний (Ветер) и иеромонах Феоген (Таран), впоследствии также настоятель Глинской пустыни[16]. В 1942 году в Глинской пустыни подвизались также монах

Схиархимандрит
Серафим
(Амелин)
(1874—1958)
в храме Глинской
пустыни. 1957 г.
Личный архив
автора

Силуан (Суровицкий), иеродиакон Тихон (Пономаренко), рясофорные монахи Андрей и Михаил, послушники Александр, Димитрий и Иван[17].

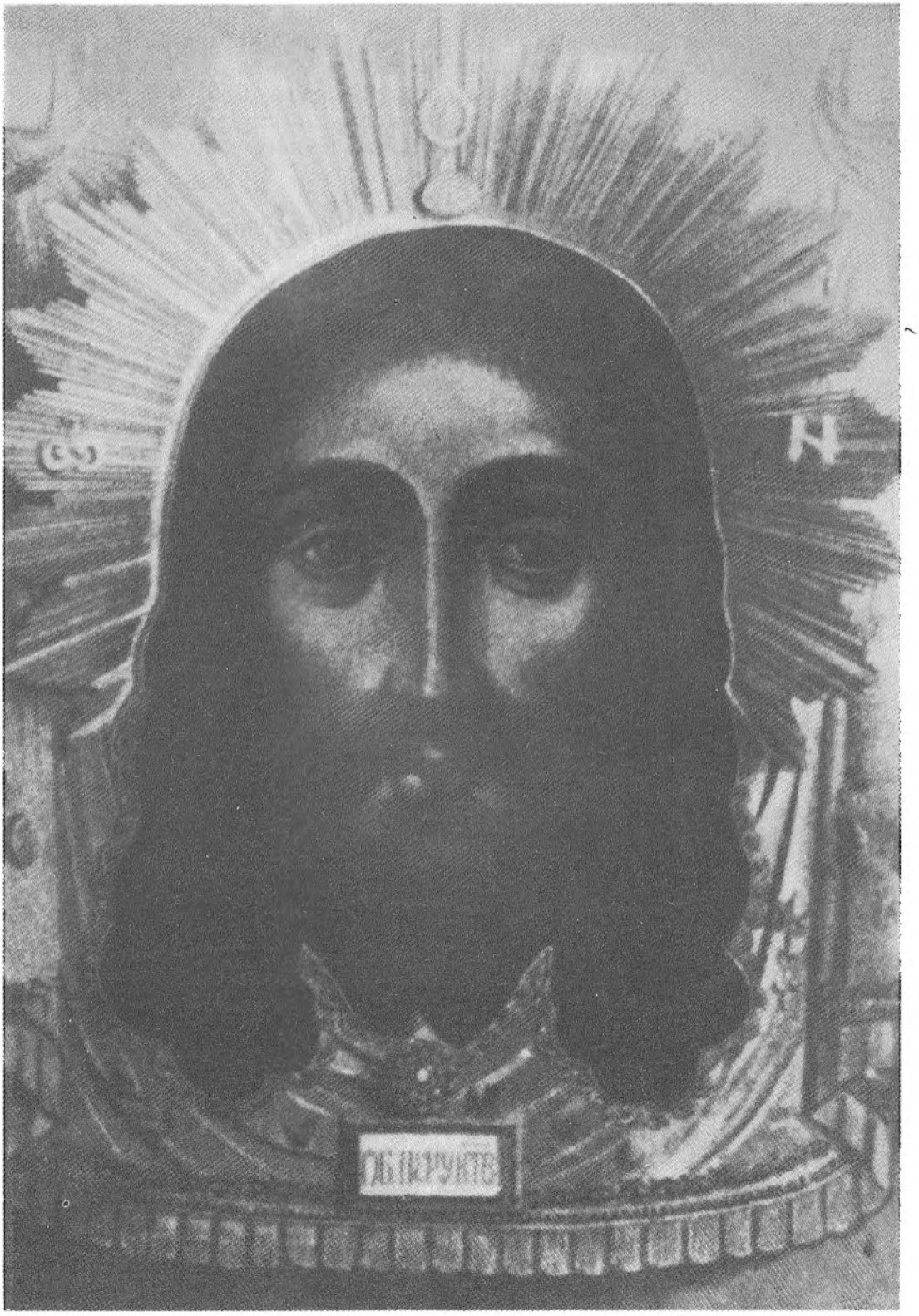
Первой заботой архимандрита Нектария стало восстановление единственного сохранившегося больничного храма, в котором до войны молотили зерно. Стенная роспись в нем осыпалась, живопись была изуродована, иконостасы разграблены, окна выбиты. В бывшем больничном корпусе были восстановлены братская трапезная, кухня (на нижнем этаже) и келлии монахов. В архиерейском корпусе располагались просфорная и келлии. Работы по возобновлению храма и необходимых монастырских строений проводились исключительно силами братии под руководством 79-летнего настоятеля. Не щадя сил и здоровья, о. Нектарий был первым на работах и самым усердным молитвенником в церкви при совершении богослужения. Никогда не оставлял он и келейного правила, и издавна принятого им делания умной молитвы.

Среди трудностей и забот по внешнему восстановлению обители архимандрит Нектарий главное внимание уделял возрождению духовных традиций Глинской пустыни. Будучи сам ревностным хранителем обетов монашества, он прежде всего вновь ввел истинно подвижнический, составленный по образцу Афонского, устав Глинской пустыни. Внимательно следя за духовной жизнью монахов, настоятель не допускал никаких отклонений от него. При о. Нектарии соблюдались все особенности чина богослужения, установленного в обители еще в начале XIX века игуменом Филаретом (Данилевским). Положенные в церкви пение, чтение, поклоны, сидение, стояние и все прочее соблюдалось в точности по уставу.

Много помог отцу настоятелю в деле восстановления Глинского устава *иеросхимонах Никодим* (Калиуш). Строгий аскет, потрудившийся в монашеских подвигах более сорока лет, он был назначен уставщиком обители и, хотя был совершенно слепым, ревностно исполнял возложенное послушание. Отец Никодим (в миру Иван Митрофанович Калиуш) родился в январе 1873 года в г. Конотопе Черниговской губернии в семье мещан. Образование он получил в местном городском училище, которое окончил в 1887 году[18].

От юности ум его был обращен к Богу, и в 1892 году он поступил в Глинскую пустынь[19], где после общих послушаний был определен на клирос[20]. Внимательно следя за богослужением, он стал знатоком древних церковных песнопений, которые только и допускались в Глинской пустыни, и в совершенстве изучил устав. Внутренняя жизнь его всецело была сосредоточена в Боге. В Нем заключались все радости и утешения, смысл и цель жизни Ивана. Глубоко восприняв святоотеческое учение о страхе Божием, он постоянно просил у Бога ниспослать ему этот дар, ибо только присутствие страха Божия в человеке свидетельствует о его духовности. Постепенно страх Божий стал для Ивана "душевным светом", освещающим его жизненный путь, сокровищем его души, великим дарованием Божиим.

Глинский
чудотворный образ
Нерукотворенного
Спаса

В июле 1900 года его перевели из любимой им Глинской пустыни в Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской епархии[21]. Безропотно принял это назначение молодой подвижник. Теперь, когда он лишился окормления опытных Глинских старцев, страх Божий стал главной движущей силой, направляющей его жизнь к достижению единственной необходимой для него цели и смысла земного бытия — стяжания благодати Божией и единения с Богом здесь, на земле, и на небе, в Царстве Божием.

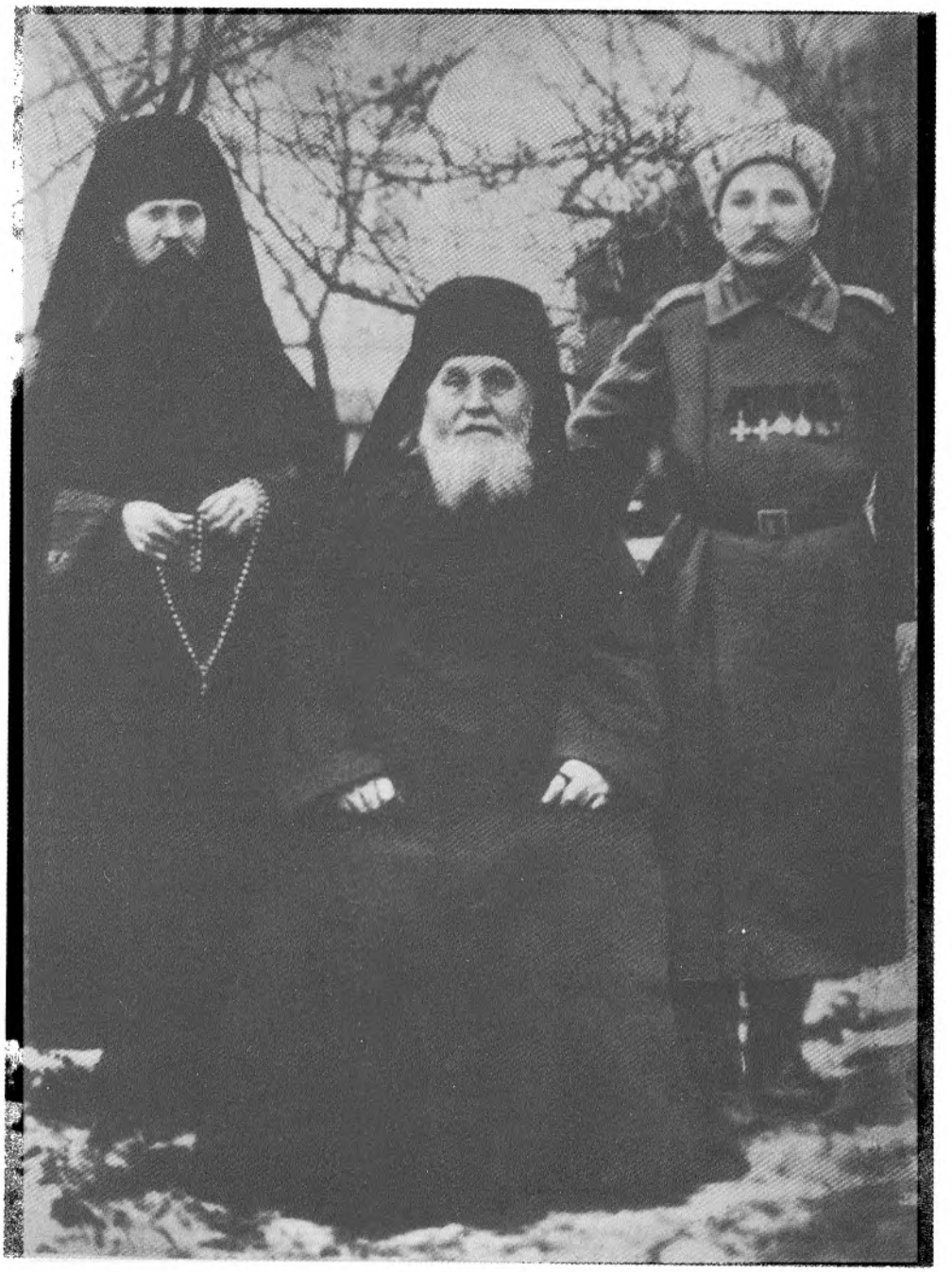
Видя его духовное преуспеяние, настоятель обители в мае 1901 года постриг подвижника в рясофор, а в январе 1903 — в мантию с именем Николай[22]. В том же 1903 году Георгием (Орловым) епископом Астраханским Николай был рукоположен во иеродиакона, а в апреле 1906 года — во иеромонаха[23]. Чистота жизни, строгость в сохранении монашеских обетов стяжали ему уважение всей братии, он поистине служил в Чуркинской обители примером в исполнении всех иноческих добродетелей. Но сердце о. Николая всегда стремилось в Глинскую пустынь, где он полагал начало своих подвигов и надеялся достичь высшего совершенства. 15 декабря 1907 года по прошению он был возвращен в Глинскую обитель[24].

Стремясь стяжать непрестанную умно-сердечную молитву, о. Николай не ограничивался общими иноческими обетами, но пожелал угождать Богу высшими подвигами благочестия и подал прошение о пострижении его в схиму. Несмотря на молодость, о. Николай получил благословение архиепископа Курского и Обоянского Питирима (Окнова), и 11 января 1908 года настоятель обители схиархимандрит Иоанникий (Гомолко) постриг его в схиму с именем Никодим[25].

Приняв великий ангельский образ, о. Никодим совершенно оставил внешние попечения и углубился в молитву. Богослужения он совершал с таким благоговением и страхом Божиим, что братия говорили: "Это Ангел, а не человек". Сам настоятель схиархимандрит Иоанникий отмечал, что о. Никодим очень усерден к священнодействию[26]. Благодать свершения таинств и ношения священной одежды, полученную при хиротонии, он хранил тщательно, помня, что эта благодатная способность относит священство к ряду небесных учреждений. Молитвенно, серьезно и сосредоточенно готовился он всякий раз к очередному богослужению. Это пробуждало в нем сокровенные духовные силы, создавало навык "возогревания страха Божия" (1 Тим. 1, 6).

Священнодействуя, отец Никодим поистине предстоял пред Богом. Ему открыт был мир духовный, и в храме он воочию ощущал славу и величие Божие. Его благоговейное отношение к богослужению выразилось и в прекрасном детальном знании и точнейшем исполнении устава.

В мае 1913 года о. Никодим как строгий ревнитель жизни иноческой был переведен в Белогорский Троицкий монастырь для насаждения там духа истинного подвижничества[27]. В апреле 1914 года архиепископом Курским и Обоянским Стефаном (Архангельским) он был награжден набедренником[28], через два года по прошению был возвращен в любимую им Глинскую пустынь[29], где до самого закрытия обители проходил чредное священнослужение, и по отзыву... настоятеля

Слева направо: отец Серафим (Амелин), отец Нил (дядя о. Серафима) и Тихон Дмитриевич Амелин (брат о. Серафима) в Глинской пустыни. Личный архив автора.
Фотография начала XX в.

архимандрита Нектария был "качеств очень хороших"[30]. В 1923 году Святейший Патриарх Тихон наградил о. Никодима золотым наперсным крестом[31]. После закрытия обители отец Никодим жил в Глухове, где совершал богослужения и требы на дому. В эти годы по Промыслу Божию он потерял зрение и вернулся в Глинскую пустынь в 1943 году совершенно слепым. Но благодаря духовной силе и рассудительности не скорбел, а без ропота и с покорностью благодарил Творца, считая слепоту средством к своему спасению. Вновь поступающей братии передавал он точные сведения, касающиеся всего церковного чинопоследования. Усердие и благоговение его к богослужению были примером для всех в обители. Страх Божий и живое чувство Божия воздесущия были его отличительными чертами. Сама внешность о. Никодима ясно свидетельствовала о высоком благодатном устроении его души. Лицо его всегда было озарено светлой христианской радостью. Он жил в совершенном внутреннем спокойствии и тишине. Нельзя было не удивляться его постоянной духовной бодрости и даже веселости.

Всю свою жизнь старец усердно подвизался стяжать умно-сердечную молитву, и к этому времени она уже непрестанно действовала в его сердце. Господь удостоил о. Никодима и дара прозорливости. Он чувствовал присутствие человека, всегда первый отдавал почтение низким поклоном. Послушников, которые жили с ним с одной келлии, поучал в келлии никого не принимать и без благословения ни от кого ничего не брать. За нарушение его слов всегда обличал, хотя и не мог этого видеть.

Не принимая на себя ответственность духовного руководителя, он умел оказать другим духовную помощь молитвой, дружеским советом или просто намеком.

Опытно познав, как страх Божий очищает сердце от страстей, старец и молодых братий призывал стяжать эту очистительную добродетель. Он говорил, что монах в течение всей своей жизни должен неотступно пребывать в страхе Божием. Только тогда душа сможет служить Богу с благоговением, ощущать в себе присутствие освящающего ее Духа Святого, так как страх Божий утверждает человека во всех христианских добродетелях, просвещает разум, ведет к благочестию, праведности, святости.

В 1953 году о. Никодим мирно почил о Господе, до последней минуты сохраняя ясное сознание. Старческое лицо его после смерти было так благообразно, чисто и светло, что братия Глинской пустыни почитала о. Никодима святым.

Для поддержания и развития духа древнего подвижничества архимандрит Нектарий старался распространить в обители знание святоотеческой литературы. С этой целью в монастыре была устроена библиотека из сохраненных им духовных книг. Но главная заслуга архимандрита Нектария состоит в том, что он восстановил старчество, процветавшее ранее в обители.

"Угловой столп".
Личный архив автора.
Фотография
1950-х гг.

Из учения святых отцов и опытом всей своей жизни архимандрит Нектарий знал, что только полное отсечение своей воли, всецелое послушание старцу рождают истинную борьбу со страстями душевными и телесными, исполнение евангельских заповеданий, самоуглубление, внимание к себе, смирение и неосуждение других, а как результат всего этого — бесстрастие и чистоту чувств и мыслей. Привычка отказываться от своего мнения и следовать слову старца укрепляла силу воли подвижников, необходимую для точного исполнения монашеских обетов. Поэтому с первых дней возобновления Глинской обители иноки должны были открывать духовнику всякую свою мысль и без его совета и благословения настоятеля ничего не делать.

В деле восстановления старчества в Глинской пустыни очень помог архимандриту Нектарию его сподвижник — *схиигумен Антоний* (в миру Авксентий Ветер), которого настоятель поставил духовником обители. Схиигумен Антоний родился в 1870 году[32] в семье крестьян Городнянского уезда Черниговской губернии. Окончив двухклассное училище[33] в 1893 году[34], он поступил в Глинскую пустынь. Проходя общие послушания, обычные для всех новоначальных, он обратил на себя внимание настоятеля игумена Исаии (Гомолко) особенно тщательным отношением ко всем послушаниям. Авксентий совершенно не имел своей воли, всегда исполнял в точности то, что ему говорили, причем запоминал указания дословно, чтобы потом не ошибиться и не делать по своему разумению.

Провидя в нем строгого подвижника, настоятель взял Авксентия в келейники. Многому научился Авксентий у своего наставника, к которому питал не только почтительную любовь, но и глубокое благоговение. Ему были открыты благодатные дарования старца, которые от других отец настоятель тщательно скрывал. Авксентий сподобился быть свидетелем и прозорливости о. Исаии, и благодатных исцелений по его молитвам, и необыкновенной духовной рассудительности старца, но при этом претерпел от него много напрасных укоров и поруганий, чем очищалась душа молодого подвижника.

В 1897 году о. Исаия постриг его в рясофор и через три года в мантию с именем Аристоклий[35]. В 1902 году Аристоклий был рукоположен во иеродиакона, а в 1904 году — во иеромонаха и уже через два года награжден набедренником[36]. С августа 1907 года он исполнял должность ризничего Глинской пустыни, а в феврале 1911 года указом Курской Духовной Консистории был утвержден в этой должности[37]. В его послужных списках сказано, что он был "качеств очень хороших"[38].

На с. 433 —
Преосвященный Зиновий
(Мажуга) (1896—1985),
епископ Степанаванский,
бывший инок Глинской пустыни,
ученик схиархимандрита
Серафима (Амелина).
Личный архив
автора

Имея святое послушание, о. Аристоклий стяжал и плоды его, ибо послушание искореняет все страсти[39]. Еще в молодости приобрел он мирное устроение души, поскольку никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенной покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией. Даже настоятель, всегда остерегавшийся кого-либо хвалить, отступая от этого своего правила, в письме к Глинскому иеромонаху Савватию (Луговому) назвал отца Аристоклия "истинным монахом, которому должно подражать"[40].

13 сентября 1913 г. указом Св. Синода отец Аристоклий как духовно опытный подвижник был назначен на должность настоятеля Покровского монастыря близ Омска[41]. Он ревностно принялся благоустраивать вверенную ему обитель как внутренне, так и внешне. В отношении материальных удобств для братии он довольствовался немногим, а основное внимание устремлял на духовную жизнь монашествующих. Его наставлениями, трудами и молитвами вся их жизнь была основана на тех строго подвижнических началах, которые отец Аристоклий усвоил в Глинской пустыни.

Глинская пустынь. Освящение воды в колодце. 1958 г. Личный архив автора

За усердные труды на благо обители он был утвержден в должности настоятеля и возведен в сан игумена 15 апреля 1915 г.[42] Однако из-за сурового климата здоровье отца Аристоклия "совершенно расстроилось", и в мае 1917 года он подал прошение о переводе его в Глинскую пустынь, поскольку считал себя уже бесполезным — по бо-

лезни — для Покровского монастыря[43]. Указом Св. Синода от 2 августа 1917 года он был перемещен в Глинскую пустынь[44]. Здесь, совершая чредное священнослужение, он подвизался до 1922 года, после закрытия обители жил в Глуховском районе и совершал требы на дому. В книге учета служителей культа Глуховского окружного административного отдела за 1926—1928 гг. он числится как "бесприходный монах"[45].

В эти годы о. Аристоклий был тесно духовно связан с о. Нектарием (Нуждиным), вместе с ним ночью совершал литургии, помогал исповедовать прихожан и сам у него исповедовался. В 1942 году

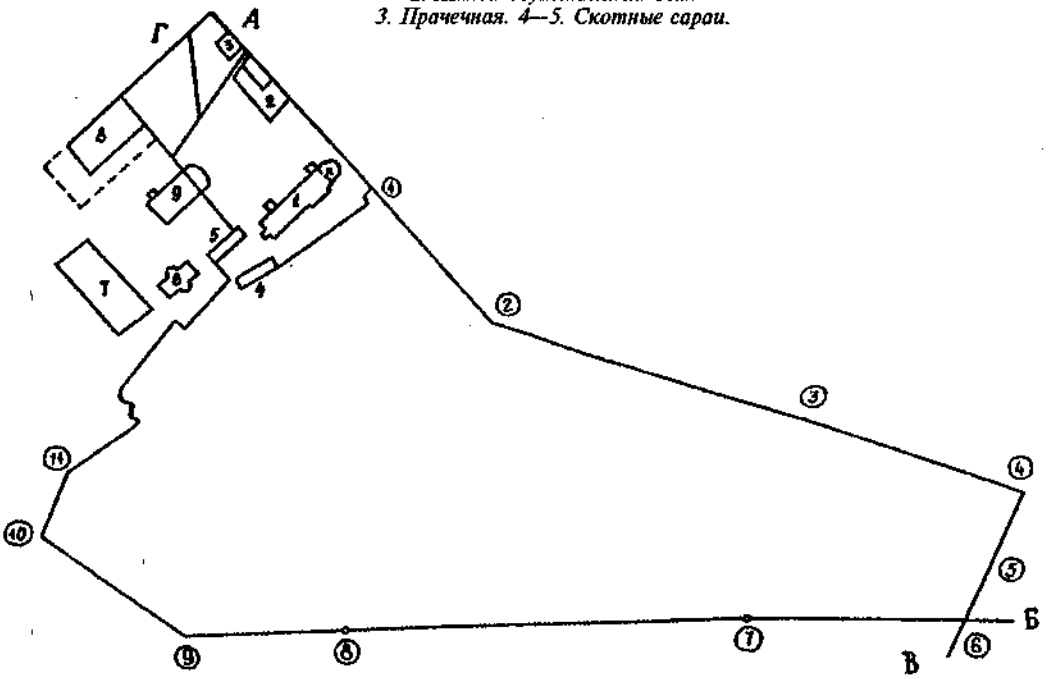
он вернулся в обитель, приняв незадолго перед этим постриг в великую схиму с именем Антоний.

Схиигумен Антоний был муж высокой добродетели. Лицо его казалось суровым, но сердце было преисполнено христианской любовью. Он назидал братию, малодушных утешал, гордых смирял, враждующих своим незлобием примирял. Главнейшим предметом его забот было водворение среди братии духа смирения, послушания, миролюбия и благочестия. Он следил, чтобы иноки не имели никаких пристрастий, даже пристрастия к строгим подвигам.

Мудрость наставлений о. Антония привлекала к нему не одних монашествующих, но и мирян, которые из самых отдаленных мест во множестве устремлялись к нему. Старец и мирян учил чистосердечному исповеданию помыслов. Пройдя суровый духовный подвиг борьбы со

Храм в честь Воздвижения
Честного и Животворящего
Креста Господня.
Личный архив автора.
Фотография
1950-гг.

План отвода земел
ь монастырю "Глинская пустынь".
Составлен в начале 1950-х гг.
ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.
Смежные границы.
От А до Б — с землями Гослесфонда;
от Б до В — артели им. Сталина Гудовского сельсовета;
от В до Г — Госземфонда.
Описание строений.
1. Жилой двухэтажный дом с церковью.
2. Жилой двухэтажный дом.
3. Прачечная. 4—5. Скотные сараи.

своими страстями и опытно изучив все изгибы человеческой души, он сразу же проникал в самую глубину духовного устроения собеседника.

Отец Антоний как сам шел, так и духовных детей своих вел безопасным путем, указанным святыми отцами, которые учат, что христианину прежде всего следует заботиться о познании себя и об

6. Жилой двухэтажный дом — детдом.
7. Жилой двухэтажный дом — детдом.
8. Жилой двухэтажный дом, занимаемый колхозниками.
9. Бывшая теплая церковь, разрушенная.
Меры длины.
1 — 101,4; 2 — 184,5; 3 — 164,3; 4 — 36,3; 5 — 46,0;
6 — 133,7; 7 — 256,5; 8 — 102,3; 9 — 100,0; 10 — 40,0.
Экспликация.
1. Пашня (площадь 7,84).
2. Сенокос (площадь 1,1).
3. Огород (площадь 0,27).
4. Под жилые постройки (площадь 0,11).
5. Под хозяйственные постройки (площадь 0,003).
6. Под двором (площадь 0,7).
Всего земли (площадь 10,05).
Масштаб на оригинале плана: 1 см. — 10 м.
(Ксерокопия оригинала плана хранится
у издателей)

укрощении своих страстей. Он учил, что страсти нельзя считать каким-то легким помышлением, они глубоко входят в душу, оттуда нелегко их изгонять. Если на земле страсть удовлетворяется, то она временно молчит, а по смерти без удовлетворения будет терзать душу. Поэтому так важно познать свои страсти и еще в земной жизни отсекать их, к благим начинаниям не примешивать тщеславия или человекоугодия, а искренне, с нелукавой простотой служить Господу. Неоднократно проявлял старец и дар прозорливости, по силе которого он прозревал греховные намерения человека и вовремя останавливал его.

Это был пастырь духовный, главными чертами которого были сострадание греховным немощам людей, скорбь от согрешающих и пламенное желание приблизить их к Богу. Его поистине можно назвать путеводителем и стражем на пути ко спасению.

В 1946 году, испрашивая о. Антонию сан архимандрита, настоятель обители писал: "Схиигумен Антоний — строгий по жизни, скромный и примерный, любимый всеми как наставник и молитвенник"[46]. Но старец

не дожил до этой награды, он скончался осенью 1946 года[47], к глубокой скорби братии обители и множества богомольцев. Похоронен он был в Глинской пустыни у южной стены Крестовоздвиженского храма.

Кроме схиигумена Антония, в первый год после открытия Глинской пустыни старчествовал также иеросхимонах Серафим (Амелин), бывший казначей обители. Принимал откровение помыслов, давал наставления и сам архимандрит Нектарий.

Заботами настоятеля о внутреннем и внешнем устроении обители быстро умножалось число братии. В 1943 году в пустынь поступили: архимандрит Антоний (Прохода), иеросхимонах Алексий (Заярный), иеродиакон Нил (Логвинов), монах Аполлинарий (Трупчанинов), рясофорный монах Самуил Конобаев, послушники Андрей Коробов, Самуил Ситник, Антоний Мисник, Симеон Нестеренко, Михаил Петренко. Возвратились в обитель и известные высотой духовной жизни бывшие насельники обители: иеромонах Никодим (Калиуш), иеродиакон Иов (Полхов), благочестивый и усердный молитвенник иеромонах Исидор (Шендриков)[48], иеродиакон Игнатий (Щастный, впоследствии иеросхимонах Иларион). В 1943 г. в Глинской пустыни было уже не менее 25 человек (17 из них подвизались в Глинской пустыни до ее закрытия).

Восстановив обитель, собрав братию и учредив старчество, о. Нектарий почувствовал свой близкий исход. Передав управление монастырем избранному братией иеросхимонаху Серафиму (Амелину), он всецело посвятил себя приготовлению к смерти. Тихо угасал много потрудившийся старец, но не переставал поучать иноков, особенно заповедуя полное послушание настоятелю и ежедневное откровение помыслов старцу. Точная дата кончины архимандрита Нектария неизвестна[49], но в списке монахов Глинской пустыни на 6 апреля 1944 г. он уже не значится. Старец был похоронен у южной стены Крестовоздвиженской церкви.

Иеросхимонах Серафим (Амелин) был утвержден в должности настоятеля Глинской пустыни и возведен в сан игумена епископом Белгородским Панкратием (Гладковым) 29 мая 1943 г.[50]

Великий старец о. Серафим был истинным последователем богомудрых настоятелей Глинской пустыни. Именно ему во многом обязана обитель своим духовным расцветом и внешним благоустройством. При нем прославилась Глинская пустынь святыми старцами — духовными руководителями иноков и мирян к вечному спасению.

Отец Серафим (в миру Симеон Дмитриевич Амелин) родился 21 июля 1874 года в деревне Соломино Фатежского уезда Курской губернии[51]. Родители его, простые крестьяне, воспитывали детей в страхе Божием и послушании старшим. У Симеона был брат Тихон, впоследствии также послушник Глинской пустыни[52]. Семья жила строго и благочестиво. Родной дядя Симеона (о. Нил) подвизался в Глинской пустыни, где мальчик неоднократно бывал.

После смерти матери отец Симеона стал настаивать, чтобы тот женился, но душа благочестивого юноши стремилась к духовному подвигу. В 1893 г. он ушел из дома и поступил в Глинскую пустынь[53]. Отец его вначале был этим недоволен, но, приехав в обитель, смягчился и сказал ему: "Раз ушел в монахи, так уж и живи, не уходи отсюда"[54].

В монастыре Симеон трудился сначала на общих послушаниях, ежедневно ходил на откровение помыслов к старцам, обучался подвигам поста и молитвы, читал творения святых отцов. Уже в эти годы его отличала особая тихость нрава и кроткая сдержанность в обращении. Глубоко почитая настоятеля обители схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), Симеон очень внимательно относился ко всем его наставлениям. Поучения настоятеля о том, что без хранения ума все духовные подвиги ни во что не вменяются, побудили молодого подвижника постоянно наблюдать за собой, обдумывать каждое слово и дело, контролировать свои помыслы и чувства.

Все греховные движения души открывал он старцу. Откровенность, простота и искренность были качествами, которые Симеон воспитал еще в родительском доме. Такая бдительность постепенно позволила ему стяжать трезвение, которое "есть необходимая принадлежность истинного духовного делания"[55]. Конечно, не обходилось без скорбей и искушений, но он все переносил со смирением, всегда старался подавлять нетерпение и раздражительность, обретая внутренний мир и успокоение в самоиспытании и самоукорении.

Все более и более убеждался Симеон в спасительности монашества, возлюбил его всем сердцем и стремился к нему. Великой радостью для него было пострижение в 1899 году в рясофор, а 28 ноября 1904 года в мантию с именем Серафим[56]. С этого времени он особенно ревностно подвизался о своем спасении, следил, чтобы ум не развлекался, но был погружен в молитву или благочестивые размышления. С детства он не любил много говорить, но теперь молчание стало для него путем к постоянному богомыслию, средством к тому, чтобы ум был устремлен к небесному, а язык ни в чем не согрешал. Путем такого делания стяжал о. Серафим сокрушение сердца и истинное покаяние.

Трудясь на послушании в живописной мастерской, куда он был определен в 1899 году[57], о. Серафим стремился не только изображать видимыми красками духовный мир, но запечатлеть образ Христа у себя в

сердце. Занятия иконописью подготовили и утончили его ум и чувства к восприятию всего духовного. В короткий срок он овладел искусством живописи и был поставлен начальником живописной мастерской.

Много потрудился подвижник для приобретения смирения: старался не сравнивать себя с другими, а всегда считать хуже всех, "вменять себя ни во что". В этом болезненном для души делании много помогали ему советы старца, имя которого осталось для нас неизвестным из-за смирения о. Серафима, ничего о себе не рассказывавшего. Его духовное преуспеяние выразилось в том, что он приобрел спокойствие души,

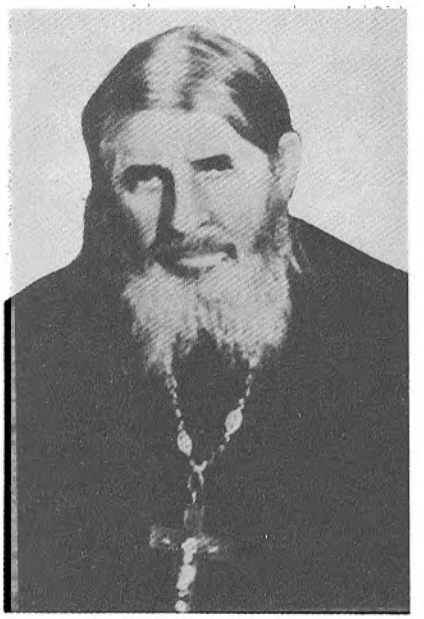

духовное просвещение ума и сердца, ясное познание пути добродетелей. Совесть его, очищенная трезвением, давала теперь истинную оценку всему, что встречалось в жизни, внушала то, что действительно спасительно для души. И это не укрылось от его собратьев.

Внимательные иноки стали замечать, что там, где появлялся о. Серафим, водворялся мир. Недоразумения как-то незаметно и скоро

Схиигумен Андроник
(Лукаш) (справа)
и иеросхимонах Серафим
(Романцов).
Личный архив автора.
Фотография конца
1950-х гг.

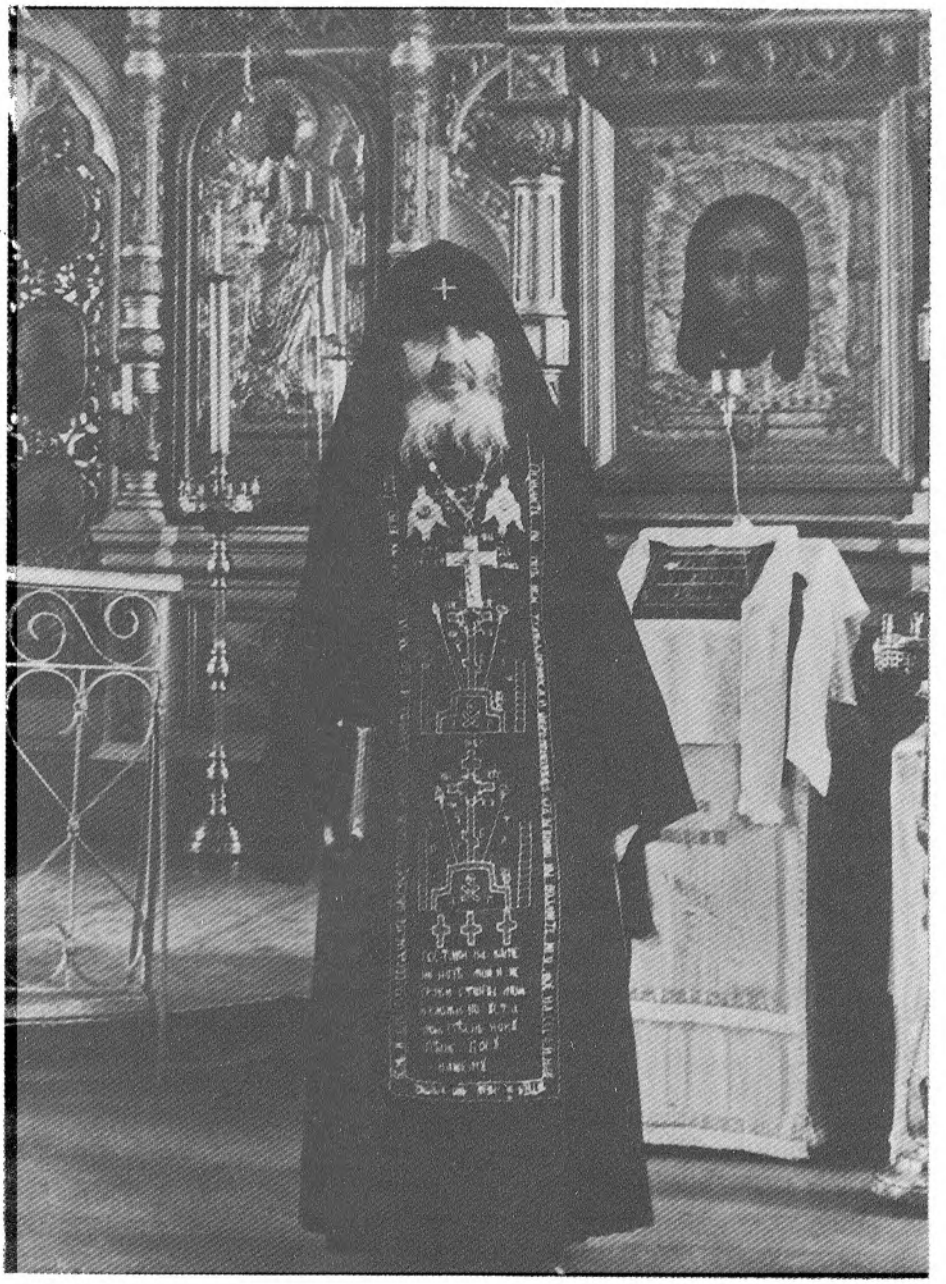
разрешались, ссорящиеся легко и просто примирялись, всякое недоброжелательство исчезало. Многие удивлялись тому, что молодой еще о. Серафим, казалось бы ничем не выделявшийся, не имевший каких-то особых подвигов, даже ничего не говоривший, приносил с собой душам окружающих тот мир Христов, которого так ищут подвижники. Невольно многие старались быть ближе к о. Серафиму; но он, любя всех равно как братьев во Христе, удалялся от бесед, от особенных привязанностей, всегда искал уединения и молитвы, не отказывая, однако, в совете и духовной поддержке тем, кто этого просил.

В 1913 году он был рукоположен во иеродиакона, а в 1917 — во иеромонаха[58], в этом же году он был назначен исполнять должность ризничего[59] обители. Настоятель архимандрит Нектарий, видя его духовную зрелость, возложил на о. Серафима в ноябре 1919 года ответственную и особенно тяжелую в те тревожные годы должность казначея[60], в которой он подвизался до закрытия монастыря, будучи во всех делах "правой рукой" настоятеля. За усердное исполнение своего послушания в 1920 году он был награжден наперсным крестом[61]. После закрытия Курской пустыни о. Серафим жил в селе Ковенки Шалыгинского района Курской (а после 1938 г. — Сумской) области, занимался столярно-слесарной работой[62].

Еще во время революции он тайно принял схиму с тем же именем Серафим. Став схимником, о. Серафим как бы совсем ушел от внешнего мира в свой внутренний, сердечный мир, обретая там Бога. Поразительно было его дарование жить среди мира внутренне, по-отшельнически.

Схиигумен Андроник (Лукаш)
(1889—1974). 1959 г.
Личный архив
автора

Благочинный Глинской пустыни схиигумен Андроник (Лукаш) в храме обители. Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

С 1941 года о. Серафим стал служить в Ильинской церкви с. Ковенки[63], открытой после прихода немцев. Многие богомольцы обращались к нему за советом и получали духовную поддержку. В 1942 году он вернулся в Глинскую пустынь[64] и много потрудился в деле восстановления обители и возрождения ее духовных традиций. Святой

Отец Андроник (Лукаш) на послушании в Глинской пустыни. Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

своей жизнью, кротостью и любовью он всех привлекал к себе. Многие избирали его своим старцем и ходили к нему на откровение помыслов. Братия обители так любили и уважали его, что единогласно избрали своим настоятелем.

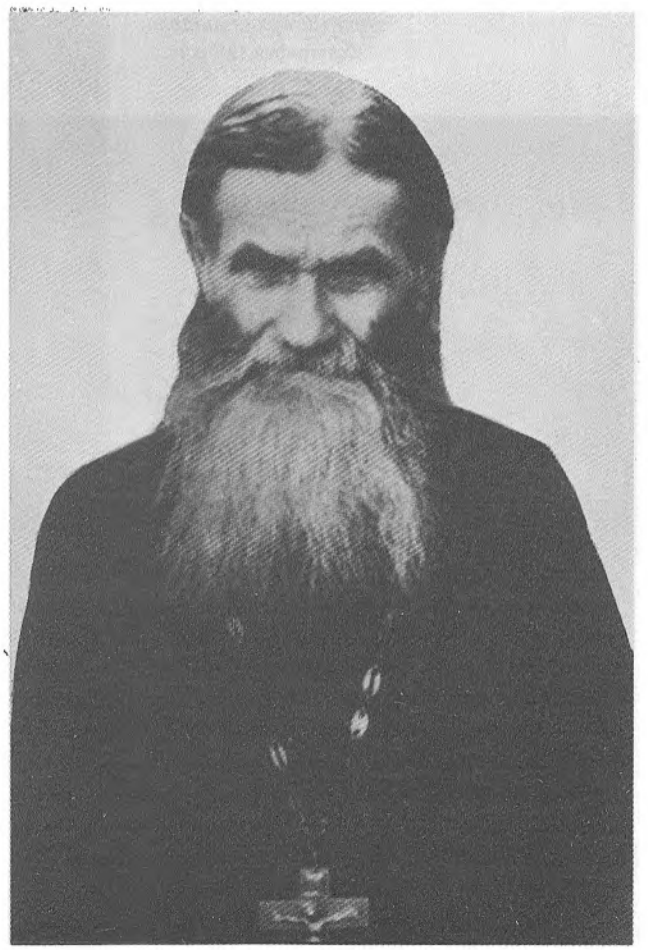
В этой должности о. Серафим усилил свои подвиги, предался

Схииеромонах Серафим (Романцов) и иеромонах Михаил (Петренко) отправляют паломников из Глинской пустыни. Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

великому воздержанию и слезно молился о возрождении духовной жизни обители во всей ее былой славе. Он принял настоятельство в возрасте 69 лет и был уже преисполнен благодатных дарований.

Всю свою подвижническую жизнь о. Серафим любил молчание, так как занимался Иисусовой молитвой, а она несовместима с многословием. Путем этого внутреннего делания он достиг духовного безмолвия и ангельского бесстрастия. До самоотвержения преданный заботам о благе обители, о спасении вверенных его руководству душ, он оставался спокойным и самособранным, несмотря на многотрудные и разно-

образные обязанности настоятеля монастыря. Никогда не было в нем суетливости или раздражения. Благоразумный и рассудительный, он и среди многих попечений умел жить как затворник, пребывая в умносердечной молитве. Эта его непрестанная, вдохновенная молитва незримо ограждала братию от всех козней вражеских.

Иеромонах Михаил (Петренко). 1959 г. Личный архив автора

Путем непрерывной внутренней борьбы, самоуничижения, скорбей и всякого рода испытаний о. Серафим получил великое дарование — любовь к Богу и ближним, горящую в его душе, подобно сильнейшему огненному пламени. С братиями обращался он как с родными детьми. Из любви к ним только и вступал в беседу, и то очень редко, при этом говорил лишь о работе над умом и сердцем. Он учил братию жить в благочестии, волю свою не творить, а иметь полное послушание. Наставлял всегда коротко, четко, ясно. Слово его содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью, так как ум о. Серафима,

просветленный благодатью, ясно постигал истины Божии. Он всей душой любил эти истины, и когда говорил о них, то слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действенно и плодоносно.

Старец во всей полноте имел дар прозрения в тайники челове-

Схиархимандрит
Андроник
(Лукаш).
Личный архив
автора

ческих душ. Приходившие к отцу настоятелю ясно видели, что все их мысли и чувства открыты ему, и без слов ощущали тесный духовный контакт со старцем. В общении с о. Серафимом приоткрывалась тайна молчания. Когда старец в последние годы жизни болел и ему трудно было говорить, то ради его святых молитв многие, лишь побыв в его келлии и даже не сказав ни слова, получали благодатные дарования, уходили утешенные, исцеленные душой. Недаром просившиеся к нему во время болезни уверяли келейника, что ни слова не скажут, не будут беспокоить отца настоятеля своими вопросами, они стремились хоть недолго побыть возле благодатного старца[65]. Рядом с ним отлетало все ненужное, суетное, наносное.

Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. И вот тогда старец с кротостью говорил два-три слова на пользу душе, и эти слова человек, как драгоценное сокровище, хранил незабвенно всю жизнь, благодаря за них Бога.

Пребывая в своей келлии в молитве, о. Серафим всегда знал все, что происходит в монастыре. Его опытному взору были открыты все духовные нужды братии. Например, однажды он неожиданно вызвал к себе в келлию молодого ревностного монаха, который стал так сильно поститься, что даже заболел. Был Петров пост, а отец настоятель налил ему полный стакан кефира и велел пить; из послушания монах выпил, хотя никогда в жизни не нарушал поста. Тогда о. Серафим сказал ему: "Вот так, и не перегибай палку!" Мудро удерживал он молодых подвижников от непомерных подвигов.

Смирение было господствующим качеством его души. Оно проявлялось во всем: и во внешнем виде, и во внутренних поступках. Даже схиму старец носил тайно; не только в документах, которые он подписывал по делам обители, но и в своем послужном списке никогда не указывал, что он схимник. Смирением всех он покорял, даже тех, кто был недоволен, замечания делал с кротостью, но в случае необходимости своим кротким словом мог и сам смирить людей, много о себе думавших; этим он оказывал ближнему духовное милосердие. В келлии его на письменном столе всегда лежала записка с изречением одного из Киево-Печерских подвижников. "Аще ты постник еси и без сна пребываеши, но обой укоризны не перенес, то не узришь спасения. Укоризну пейте, как воду"[66].

Но особой отличительной чертой духовности о. Серафима было его миротворчество. Этот дар начал проявляться еще в молодые годы отца настоятеля, но теперь он раскрылся во всей полноте. Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нес о. Серафим всем окружающим и объединял миром и любовью самых разных людей. Мир — это духовное сокровище, которое Христос принес на землю, примирив Своей крестной Жертвой человека с Богом. Посланный с неба мир является благодатной силой, которая приводит к гармонии все человеческие души. Именно этот дар — мир Христов — через отца Серафима распространял свое спасительное действие на всю братию и богомольцев. Недаром во все время настоятельства отца Серафима жизнь обители была наполнена миром духовным и тишиной.

Это отмечали не только братия, но и многочисленные паломники, приезжавшие в Глинскую пустынь.

Примером всей своей жизни отец Серафим учил, что мир Христов находится очень близко, его можно обрести через веру, добродетельную жизнь и Православную Церковь. Когда на богослужении отец Серафим произносил краткие, но благодатные слова "Мир всем", то, проникая в души молящихся, эти слова способствовали не только их духовному возрождению, но они вливали в сердца последователей Христовых благодатный огонь любви, который в свою очередь через его носителей изливался на всех их близких и родных. Людям открывалось, что Православная Церковь не только хранит Божественное наследие мира Христова, но и непрестанно раздает его верным чадам для их спасения.

Отец Серафим поистине был миротворец, молитвы которого низводили в сердца братии небесную благодать, укреплявшую их в духовной жизни. По болезни в последние годы жизни он редко возглавлял богослужение, но если служил, то всегда со слезами, особенно во время Божественной литургии, когда углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому. Богослужение, совершаемое им, имело особую благодатную силу; своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясало человеческую душу, влекло ее к небу.

Отец Серафим весь как бы растворялся в молитве. Молитва переносила его в неземной мир, делала его жителем иного мира. Порой от одного взгляда на ангелоподобный облик старца у человека происходил в душе нравственный переворот[67].

По молитвам о. Серафима и у всех священнослужителей обители было духовное, благоговейное, святое отношение к священнодействиям. Когда они сослужили отцу настоятелю, то опытно познавали, что всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа Истины. Открывалось это и благоговейно молящимся в храме; поэтому дней, когда служил отец настоятель, особенно ждали.

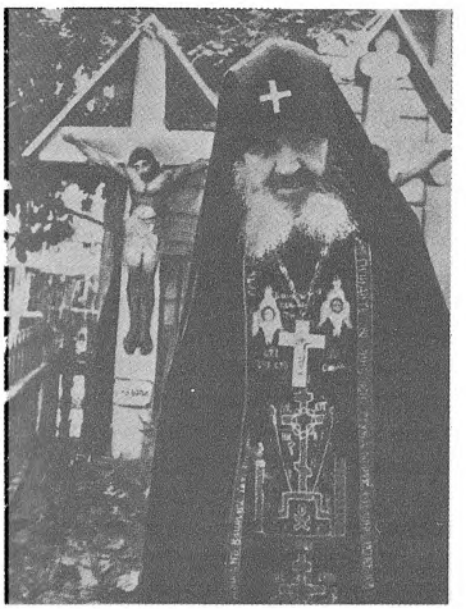
Мудрым душепопечительством была проникнута вся деятельность о. Серафима. Он умело налагал послушания, так как всегда безошибочно видел, к чему более способен человек и какое послушание полезнее для спасения его души. За всем в монастыре, за всеми мелочами он следил тщательно. Отец Серафим не любил повелевать и показывать свою власть, но всегда и во всем был сам начальником и руководителем. Ходил он и по келлиям. Увидев однажды, как молодой послушник лег на кровать в валенках, он сказал: "Ты зачем на чистую постель в валенцах улегся?" Так он поучал, чтобы во всем совесть монахи блюли, даже и в отношении к вещам.

Отец Серафим пользовался огромным авторитетом и уважением. Кроме духовного возрождения, обитель обязана ему и внешним благоустройством. Все здания в монастыре построены при о. Серафиме, его стараниями и трудами. Братия считали себя блаженными, что находятся в послушании у такого старца; одно только его присутствие вселяло в них бодрость духа и воодушевляло на подвиг.

Господь еще при жизни прославил Своего угодника явными чудесами. Например, редкий был день, когда о. Серафим не обходил всех послушаний; он шел по монастырю, но не каждому было дано его

видеть. Это открывалось только духовным старцам. Старцы низко кланялись, а молодые монахи спрашивали, кому они кланяются. Те с благоговением отвечали: "Отец настоятель пошел!" Сами великие Глинские старцы учились у него, а известный святостью жизни схиархимандрит Андроник (Лукаш) особо благоговел пред ним и был у о. Серафима келейником.

Глубоко почитали о. Серафима и все правящие архиереи. Так, епископ Белгородский Панкратий (Гладков) в первый же год настоятельства о. Серафима наградил его палицей и крестом с украше-

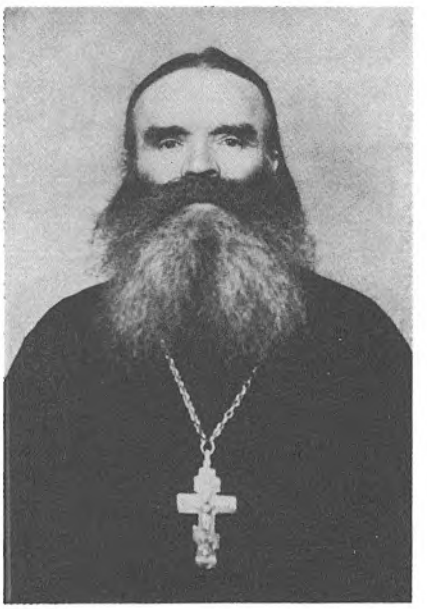
ниями[68]. Архиепископ Сумской и Ахтырский Корнилий (Попов) в 1946 году отзывался о нем как о старце "высокой религиозной настроенности, любимом братией и верующими за обходительность и добродетельную жизнь... достойном преемнике прежних славных в подвижнической жизни настоятелей прославленной Глинской пустыни"[69]. Иларион (Прохоров), епископ Сумской и Ахтырский, в 1948 году возвел его в сан архимандрита и называл о. Серафима "благоговейным и усердным молитвенником, уважаемым братией за добрую жизнь"[70].

Но особенно почитал архимандрита Серафима Преосвященный Евстратий (Подольский), епископ Сумской и Ахтырский в 1951—1958 гг. Он писал Святейшему Патриарху Алексию: "Строгий к себе, благочестивый отец настоятель архимандрит Серафим зорко следит за поведением всех послушников и не допускает ни для кого никаких отступлений от правил монашеской жизни"[71]. "Архимандрит Серафим —

Схиигумен Андроник (Лукаш)
в Глинской пустыни.
Личный архив автора.
Фотография
1950-х гг.

человек прекрасной души"[72]. А для бывшего насельника Глинской пустыни епископа Степанаванского, впоследствии митрополита Тетрицкаройского, Зиновия (Мажуги) (в схиме Серафима) архимандрит Серафим был истинным духовным наставником. Преосвященный Зиновий неоднократно посещал Глинскую пустынь и пользовался душеспасительными советами отца настоятеля.

Время настоятельства о. Серафима условно можно разделить на два периода: 1943—1952 и 1953—1958 годы. Первый период был очень трудным. В эти военные и первые послевоенные годы в обители не

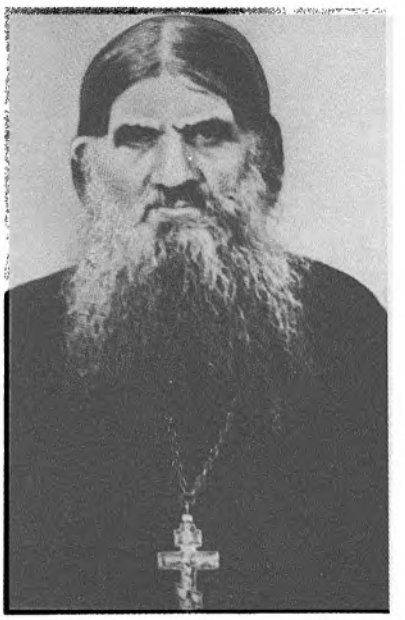
хватало самого необходимого, земли почти не было. В 1943 г. Глинской пустыни удалось получить от Сосновского сельского совета только пять гектаров неудобной болотистой земли[73], которую использовали под огород; зерновые не сеяли. Для обработки земли был лишь один плуг и одна борона[74]. Скота также было мало: лошадь, три коровы, три теленка и подтелка[75].

После освобождения Сумской области от немцев органы советской власти обязали пустынь платить большие налоги (натуральный и денежный налог с земельного участка, налог с урожая, подоходный налог, хозяйственный налог, отчисления в Сосновский сельский совет, средства на приобретение лотерейных билетов, различные займы государства и прочие обложения)[76]. Только с сентября 1943 по февраль 1944 года в фонд государства Глинская пустынь сдала около 50 тыс. руб.[77] Кроме того, было сдано 180 пудов хлеба, 30 центнеров ржи, 50 метров полотна[78]. В 1944 году различные налогообложения составили более 67 тыс. руб.[79], в 1945 — более 53 тыс. руб.[80].

Иеромонах Власий
(Сумин) (1897—1989).
1959 г.
Личный архив автора

Выплачивая столь большие налоги, иноки Глинской пустыни жили в крайней бедности, но всем, что было в обители, делились с богомольцами, помогали им чем только было возможно. Особенно заботясь о сиротах и вдовах, Глинская пустынь в 1943 году пожертвовала в помощь семьям, лишившимся кормильцев, 1,4 тыс. руб.[81], на сирот воинов в 1944 году — 6,6 тыс. руб.[82], а в 1945 — 6 тыс. руб.[83]

Глинские иноки, храня заветы Православной Церкви, всегда жили одной жизнью со своим народом. Во время войны они оказывали материальную и моральную поддержку армии. Чувство патриотизма

имело в них духовную основу. Кроме денежных отчислений в фонд обороны пустынь сдала в фонд Красной Армии 200 пудов зерна и 225 метров холста. Во время прохождения Красной Армии через Шалыгинский район бойцам было выдано 3 пуда печеного хлеба[84].

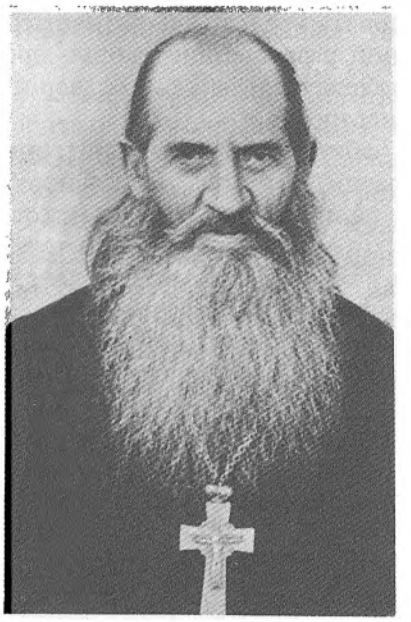
В 1946—1947 годах монахи Глинской пустыни голодали, но с терпением подвизались, все упование возлагая на Царицу Небесную, за все благодарили Бога и безропотно несли каждый свой крест.

Весной 1947 г. по решению Шалыгинского райсовета Глинской пустыни был отведен земельный участок размером 10,05 гектара[85]. С этого времени начали сеять зерновые: в основном овес и просо, а также немного ячменя, кукурузы и фасоли. В огороде выращивали самые необходимые овощи: картофель, капусту, огурцы, помидоры, лук и свеклу[86]. Скота в 1947—1948 годах было по-прежнему немного (2 лошади, 2 вола, 3 коровы, бык и 3 теленка[87]). Кроме скота, в 1947 году в обители завели пчел (14 ульев)[88].

Иеромонах Иосиф
(Ходыревский)
1959 г.
Личный архив
автора

В конце 1940-х годов доходы монастыря в основном поступали за счет продажи свечей (около двух третей от всех доходов), примерно пятую часть доходов составляли пожертвования богомольцев[89]. Более половины доходов расходовалось на уплату налогов: со строений, с посевной площади, за пользование зданием церкви, подоходного налога и других[90].

Но несмотря на все трудности, духовная мудрость и молитвы настоятеля быстро умножали братию монастыря, влекли в обитель духовно опытных иноков, большинство из которых много пострадало за

веру Христову в ссылках и лагерях. Святой своей жизнью они возродили Глинскую пустынь. В 1944 году в обители было уже 37 насельников (17 монахов и 20 послушников); в 1945 — 51, в 1950 — 56 и в 1952 году — 60 (34 монаха и 26 послушников)[91]. К 1944 году в Глинскую пустынь вернулось уже не менее 20 ее прежних насельников, а к концу 1952 года — не менее 37[92].

Несмотря на умножение братии, монастырю до 1948 года по-прежнему принадлежали лишь два двухэтажных здания (церковь с больничным корпусом и бывший архиерейский корпус)[93]. Нижние этажи этих корпусов были из кирпича, верхние обложены кирпичом. Снаружи здания были оштукатурены и побелены. Храм был убран "просто без золота и серебра, но изящно... в том же корпусе находились келлии для монашествующих... а в нижнем этаже помещалась кухня, столовая для братии, сапожная, бондарная и столярная мастерские"[94]. Во втором корпусе были келлии[95], просфорня и пекарня. Жилые строения были заняты до отказа. Еще в 1946 году обитель направила заявление пред-

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Феоген (Таран). 1959 г. Личный архив автора

седателю Сумского облисполкома с просьбой передать монастырю корпус старой больницы, который принадлежал Шалыгинскому промкомбинату[96], поскольку в монастыре не хватало жилых помещений: "в келии живем по 3—5 человек... а корпус старой больницы бездействует, крыша течет... промкомбинату он не нужен"[97]. Монастырь обещал привести корпус в порядок, но в просьбе было отказано.

В 1948 году монахи заняли еще так называемый угловой столп рядом с бывшим архиерейским корпусом — небольшую каменную башенку, где раньше была часовня. Здесь, на первом и втором этажах разместилось лишь по одной келлии. В ноябре 1948 года исполком Шалыгинского райсовета разрешил монастырю использовать под строительство прачечной разрушенное здание, принадлежавшее до этого промкомбинату, расположенное справа от ворот монастыря[98]. В 1949 году прачечная была построена.

В этот период обитель терпела притеснения от председателя соседнего колхоза "Красный Октябрь" (с. Сосновка).

Летом 1947 г. исполком Шалыгинского райсовета принял постановление о том, что братия Глинской пустыни должна помогать колхозу в уборке урожая. Пустынь выделила ездового с подводой на полтора месяца в колхоз. Было перевезено не менее 50 тонн грузов, однако никакой справки о выполненной работе колхоз не дал, и монастырь не имел возможности доказать, что помощь колхозу была оказана[99].

Постепенно отношения с сельским советом так обострились, что в апреле 1949 года архимандрит Серафим (Амелин) направил заявление в Шалыгинский райисполком с просьбой перевести Глинскую пустынь в ведение Шалыгинского сельсовета, "ввиду... незаконных и бюрократических давлений на Глинскую обитель со стороны председателя Сосновского сельсовета"[100]. Эта просьба не была удовлетворена.

О бедности обители в тот период свидетельствует инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря. В 1949 году в храме Глинской пустыни было только 25 икон, 1 потир, 1 лжица, 1 кадильница, 7 лампад, 6 подсвечников. На двух игуменов и 19 иеромонахов облачений было всего 7; диаконов было 5, а стихарей 3; подризников 13 (из них 3 — ветхих)[101]. Опись имущества монастыря за 1952 год[102] полностью совпадает с описью за 1949-й, то есть за три года пустынь не смогла ничего приобрести даже для храма.

В донесении епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Алексию от 3 мая 1952 года о нуждах обители сказано, что здания монастыря "пришли в ветхость, нужны денежные средства для приобретения материалов и оплаты по ремонту строений", келлии монахов переполнены, необходимо "приобрести постельное белье, так как постели насельников... и верхнее одеяние монашествующих изношены; для упорядочения монастырских условий, ввиду престарелого возраста и инвалидности монашествующих, нужно пополнить монастырь трудоспособными насельниками"[103].

В этих тяжелых материальных условиях главной целью отца настоятеля был подъем духовной жизни братии и богомольцев, их нравственное перерождение, стяжание ими Духа Святого. "Ревностный по проведению в обители строгого Афонского устава"[104], отец настоятель

восстановил строго подвижнический уклад жизни Глинских иноков, весь день которых был заполнен молитвой и трудами послушания.

В Глинской пустыни повседневное утреннее богослужение начиналось в четыре часа утра[105]. Сначала вычитывались утренние молитвы, затем была полунощница и утреня; по 3-й и 6-й песни канона и после кафизм с амвона читались святоотеческие поучения и Пролог; после утрени совершался первый час. Утреня обычно оканчивалась в 7—7.30 утра. На утрени молились все насельники обители, а на литургию оставались лишь мантийные монахи, остальные шли на послушания.

После утрени каждый день был акафист Спасителю перед старинным образом Нерукотворенного Спаса (в субботу — акафист Божией Матери)[106].

С 9 часов утра совершалась одна Божественная литургия (поскольку престол в обители был только один), которая оканчивалась в обычные дня к 11 часам утра, затем исполнялись требы. С 12 до 13 часов был обед, после которого до 16 часов все трудились на послушаниях. С 16 до 17 часов совершалась вечерня.

Затем был небольшой перерыв, ужин по монастырскому уставу не полагался. В 18 часов начиналось повечерие, прочитывались каноны Спасителю, Богородице, Ангелу Хранителю и молитвы на сон грядущим. По окончании вечернего богослужения братия целовали крест, прощались друг с другом и шли в свои келлии, где продолжали при свечах молитву наедине.

После вечернего правила никакие встречи и разговоры не допускались. Келейное правило давалось старцем. Обычно оно включало Евангелие, Апостол, Псалтирь. Самым же главным было исполнение пятисотницы с земными и поясными поклонами, которую никогда не опускали, ее вычитывали все насельники обители. На келейную молитву перед утренней службой большинство иноков после небольшого отдыха вставало в 2 часа утра.

Праздничное богослужение в Глинской пустыни начиналось в 16 часов малой вечерней, которая длилась около одного часа, затем был перерыв, и в 18 часов начиналось всенощное бдение, продолжавшееся до часа.

Чин богослужения в Глинской пустыни совершался строго по древнему уставу обители, без малейших сокращений или изменений. Как и прежде, кадили кациями с гробницею на плечах. Пение исполнялось двумя клиросами на гласы и подобны. Левый клирос придерживался старых распевов Глинской пустыни, правый — использовал иногда распевы Киево-Печерской Лавры, обиход[107]. Продолжительное богослужение, совершаемое во всей полноте, постепенно приводило внимательных иноков к богомыслию, которое овладевало всем существом молящихся так, что все земное отступало от них, и даже утомление не чувствовалось.

В храме монахи стояли отдельно от богомольцев, в особой комнате. Здесь были стасидии — специальные места, где можно было стоять и сидеть, садиться же разрешалось только тогда, когда это определено уставом. Благоговейная настроенность во время богослужений поддерживалась и тем, что братия совершали поклоны, снимали и надевали камилавки по уставу все вместе, одновременно.

В 6 часов утра начиналась воскресная или праздничная полунощница, затем был соборный акафист Матери Божией, часы и литургия, которая оканчивалась в 13 часов[108]. По праздникам был звон, звонили в маленькие колокола и подвешенные рейки.

После окончания литургии со Святой Панагией (Богородичной просфорой) шли в трапезную — сначала настоятель, за ним монахи попарно. Впереди несли икону праздника. Во время обеда читались жития святых, за год прочитывали все Четьи-Минеи. По окончании обеда, как это всегда было заведено в обители, в корзинку, которую но-

сил старший трапезный, все опускали остатки хлеба. Потом вставали; возвышалась просфора, все отщипывали частицу просфоры и вкушали ее, прикладывались к иконе, брали благословение у настоятеля и расходились по келлиям. По уставу обители после монахов в этой же трапезной кормили богомольцев. Для богомольцев готовили всегда; что сами монахи ели, тем и людей кормили.

Главной святыней обители был чтимый образ Рождества Пресвятой Богородицы — копия Чудотворной иконы Пустынно-Глинской. Можно отметить некоторые особенности праздничных богослужений. На Рождество Пресвятой Богородицы был крестный ход и водоосвящение на колодце в ограде монастыря.

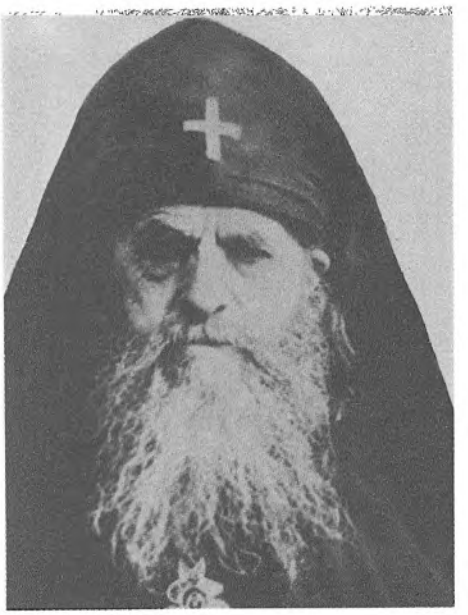
Братия Глинской пустыни.
Личный архив автора.
Фотография
1950-х гг.

На с. 455 —
схиархимандрит Серафим
(Романцов)
(1885—1976)

В субботу 5-й недели Великого поста, на "Похвалу Богородицы" местночтимая икона Божией Матери украшалась цветами, так же как и большие свечи, которые держали в левой руке во время каждения иеродиаконы.

На месте явления Чудотворной иконы, где ранее был Ближний скит, стоял крест, окруженный оградой.

Всей жизнью монастыря управлял отец настоятель. Его ближайшими помощниками, кроме братского духовника, были: казначей — иеромонах Феоген (в миру Фома Таран), впоследствии настоятель

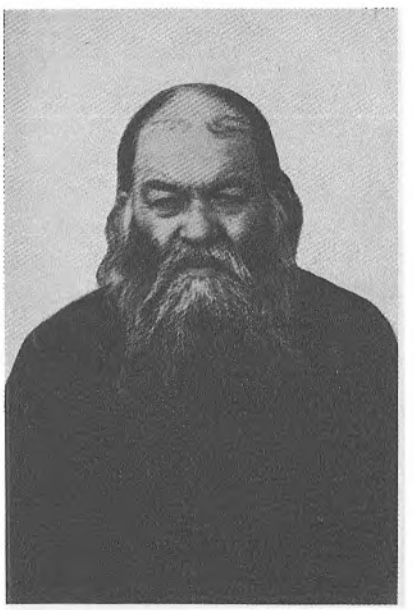

Глинской пустыни; благочинный — сначала иеросхимонах Иов (в миру Иов Полхов), затем иеросхимонах Андроник (в миру Алексей Лукаш); ризничий — до 1949 года иеродиакон Михаил (в миру Григорий Щебедько); эконом иеромонах Гордей (в миру Григорий Тюшин), впоследствии иеросхимонах Гавриил. Все они, кроме иеродиакона Михаила, подвизались в Глинской пустыни еще до ее закрытия в 1922 г.

Бывшие иноки Глинской пустыни до начала пятидесятых годов составляли почти половину насельников монастыря[109]. Благодаря их высокой духовной настроенности, верности древним традициям обители в Глинской пустыни строжайше соблюдались все монашеские обеты.

На послушаниях всё делали только по благословению старшего. Кроме работ на кухне, пекарне и просфорне, в монастыре были послушания в столярной, сапожной и пошивочной мастерских, в прачечной, кузнице, библиотеке, канцелярии, на огороде, на скотном дворе, в обители были также переплетчик, сторож и дворник. Несмотря на то что почти две трети насельников монастыря в те годы были старше 60 лет[110], монахи все делали сами, везде работали только монахи. Немощные телесно, но духовно сильные, они своей молитвенно-трудовой иноческой жизнью восстановили и благоустроили Глинскую пустынь.

Жизнь в обители была поистине постническая. Пищу готовили и ели только один раз в день. Как раньше было заведено в монастыре, ели из одной миски сразу четверо. Варили, как правило, суп или борщ, кашу и компот. Рыбную пищу готовили не чаще, чем раз в год (варили соленого судака), молоко уходило на молокопоставки, братия почти его не получала. Хлеб в основном ели черный, белого хлеба на трапезе давали не более одного куска. До самого закрытия обители хлеб монахи пекли сами и на братию, и на богомольцев. Великим постом постились очень строго, по Типикону. В первую неделю поста старцы три дня

вообще ничего не вкушали, а молодые монахи и послушники не ели ничего вареного. Готовили пищу на дровах и торфе, так как в обители не было ни газа, ни электричества. Электричество не проводили в обитель специально. Отсутствие его отрешало иноков от мирской суеты, а горение свечей более настраивало душу на молитвенное единение с Богом.

В начале 1950 года монахи в келлиях жили по пять-шесть человек (даже старцы жили не по одному), но это не мешало инокам духовно совершенствоваться, так как все в единомыслии и любви работали Господу. Если кто-то вставал ночью молиться, то другому не мешал. Молились тайно, сдержанно, хотя и целые ночи на молитве простаивали. В летнее время уходили молиться в подвал.

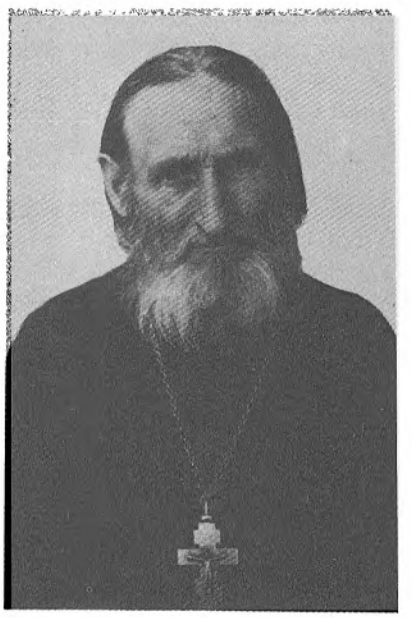
В монашество постригали лишь после длительного искуса. После трехлетнего пребывания в обители давали одежду послушника, затем, через несколько лет, если убеждались в истинных монашеских намере-

Схииеродиакон Евстратий (Урети) (1885—1961). 1959 г. Личный архив автора

ниях послушника, его постригали в рясофор и только после длительного срока, при истинных подвигах и трудах — в мантию.

Волосы и бороду никогда не постригали (за исключением усов, чтобы не мешали священнослужителям во время принятия Святых Таин), в бане никогда не мылись.

Если кто-либо из братии умирал, то в течение 40 дней все насельники обители полагали о упокоении души новопреставленного ежедневно по 12 поклонов[111]. Строгость жизни проявлялась и в том, что инокам не разрешалось выходить за ограду обители.

Иеромонах Павел (Васильев). 1959 г. Личный архив автора

Основой духовного воспитания иноков Глинской пустыни, как и в прежние времена, было старчество. Если архимандрит Нектарий (Нуждин) только начал дело его возрождения, то при о. Серафиме (Амелине) старчество процвело в обители и принесло обильные духовные плоды. Старцы являлись вдохновителями и руководителями духовной и материальной жизни Глинского братства. Ежедневное откровение помыслов, полное отсечение своей воли и безусловное послушание стали нормой жизни для Глинских иноков. Их высокая духовная целенаправленность была результатом старческого окормления.

В середине 40-х годов в обитель поступили старцы: архимандриты Тихон (Беляев), Артемий (Миньковский), Антоний (Прохода). Примером своей жизни назидали также братию иеросхимонахи Иов (Полхов), Петр (Дробязка)[112], Мелетий (Шечко)[113], Алексий (Заярный)[114] и другие.

До 1946 года духовником обители оставался схиигумен Антоний (Ветер). После его кончины на эту должность был назначен *архимандрит Антоний* (в миру Андрей Петрович Прохода). Он родился 1 декабря 1875

года в селе Суходол Улановской волости Глуховского уезда Черниговской губернии в крестьянской семье, образование получил в сельской школе[115]. Рано проявилось в нем звание Божие к иночеству, но как сам старец писал, "обстоятельствами принужденный оставаться при родителях"[116] лишь в 1898 году смог он поступить в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Святой Афонской Горе. Здесь обрел он то, к чему стремилась его душа: строгий иноческий устав, продолжительные богослужения (бдение длилось по восемь, а иногда и по десять—двенадцать часов), руководство опытных старцев. Все внимание иноков обращалось на внутреннее делание, сокровенную жизнь во Христе. Прожив на Афоне семь лет, Андрей был назначен послушником на книжный склад Афонского подворья в Москве[117]. В мае 1906 года, по прошению он был переведен в Донской монастырь[118], где проходил послушание пономаря в соборном храме[119]. 12 декабря 1908 г. Андрей был пострижен в рясофор, а 29 ноября 1909 г. — в мантию с именем Антоний[120].

Настоятель Донского монастыря архимандрит Иаков в докладе в Московскую Синодальную контору писал, что Антоний "ведет себя благонравно и трезво, к начальству относится с должным уважением и послушание, на него возложенное, исполняет с особым усердием и честностью[121]. В 1910 году о. Антоний был рукоположен во иеродиакона[122], а в 1920 — во иеромонаха[123]. С этого времени он особенно усилил молитву, которая указывала ему путь духовного восхождения. Отец Антоний постоянно ощущал суетность и кратковременность земной жизни; многими подвигами он стяжал особую духовную цельность, собранность, спасительную устремленность к вечной жизни. В 1923 году он был награжден Святейшим Патриархом Тихоном наперсным крестом, а в 1928 — митрополитом Сергием — саном архимандрита. В 1932 году, во время гонения на Церковь Христову, о. Антоний был выслан из Москвы и уехал на родину.

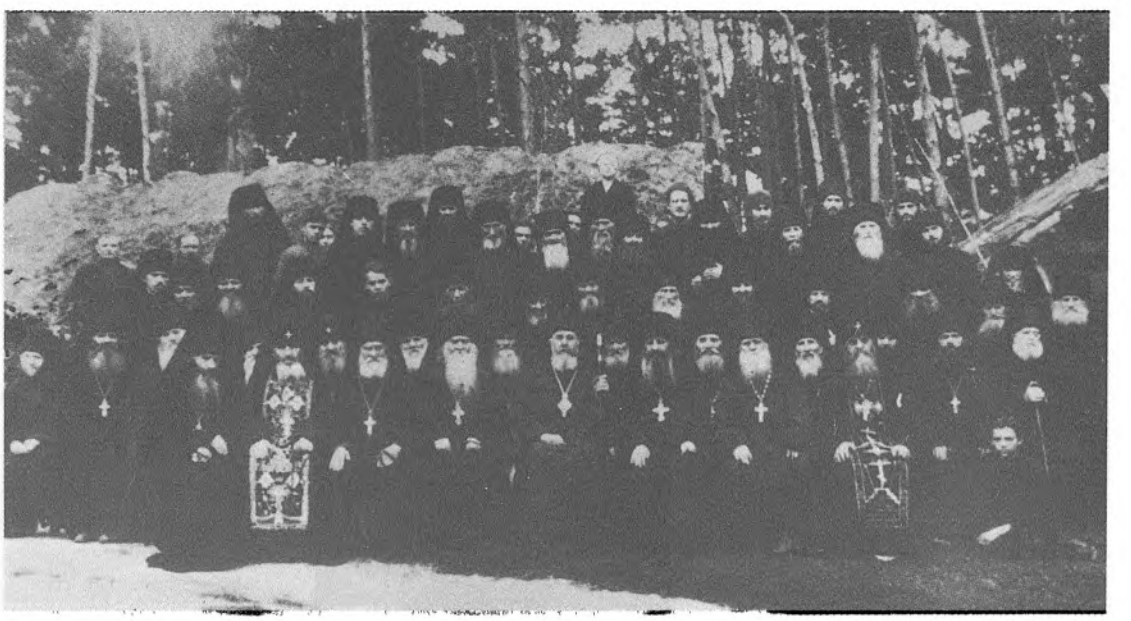
В 1943 году он поступил в Глинскую пустынь, где своим подвижничеством и благочестием, духовной мудростью приобрел всеобщую любовь и почитание. Архимандрит Антоний был назначен духовником братии, когда ему было уже более семидесяти лет. Воспитанный строгими Афонскими старцами, он не только с чувством подлинного смирения познал самого себя, но и провидел душевное состояние тех, кто к нему обращался. На исповедь к нему приходили не только братия монастыря, но и многие миряне.

В своих наставлениях о. Антоний особенно поучал о необходимости молитвы в деле спасения. Он говорил, что при постоянном молитвенном подвиге человек входит в духовное общение с небесным миром, переносится туда своим умом и сердцем, так что небесная отчизна становится для него близкой и родной уже здесь, на земле. Душа искренне молящегося всегда чутко реагирует на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждает его зорко следить за чистотой собственной совести перед Богом и всеми людьми. Архимандрит Антоний не только других учил молиться, но и сам неустанно просил Бога о своих духовных чадах, он искусно врачевал всякие язвы душевные и успешно руководил вверившиеся ему души к духовному преуспеянию.

В 1948 году по старости он был освобожден от должности братского духовника, но продолжал принимать на исповедь богомольцев и тем более не отказывал братии в духовной поддержке.

В 1951 году Великим постом архимандрит Антоний принял постриг в великий ангельский образ с именем Афанасий. На второй день Пасхи, когда он совершал литургию, ему стало плохо. Старца отвели в келлию, где он в тот же день мирно скончался. Похоронен схиархимандрит Афанасий на братском кладбище Глинской пустыни.

Большим духовным авторитетом пользовался в те годы также *иеро-*

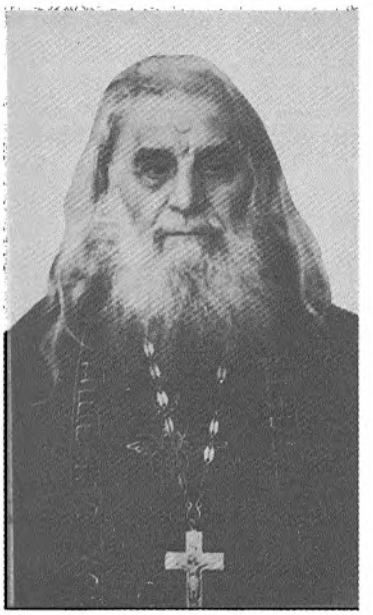

Братия Глинской пустыни в 1958 г. Личный архив автора

схимонах Иов (в миру Иов Никитич Полхов). Родился он в семье крестьян Курской губернии в 1877 году[124], образование получил в сельской начальной школе. В Глинскую пустынь Иов поступил в 1913 году и проходил послушание при бакалейной лавке[125]. Отличаясь сердечной простотой и искренним смирением, он скоро приобрел любовь всей братии. В июне 1918 года Иов был пострижен в рясофор[126], а перед закрытием обители в 1922 году — в мантию с оставлением имени Иов, затем рукоположен во иеродиакона. В 1926 году о. Иов принял великую схиму также с оставлением прежнего имени[127]. Во время Великой Отечественной войны о. Иов жил в г. Белополье Глуховского района Сумской области. В 1943 году он вернулся в Глинскую пустынь, где был рукоположен во иеромонаха, и в 1944 г. назначен благочинным обители. Отличительной чертой о. Иова была постоянная сосредоточенность в себе самом. Он искренне до самой кончины считал себя хуже всех и ниже всех, еще не положившим начала духовной жизни,

и всегда просил у Господа даровать ему покаяние. Молитвенная собранность и внимательное самоиспытание настолько очистили его сердце, что он стяжал внутренний плач, сетование о своих грехах, а в храме почти все время проливал теплые слезы умиления.

Отец Иов "бегал людей", всей душой стремился к уединению, но братия и очень многие богомольцы искали у него духовного совета и утешения. Сама внешность подвижника привлекала к нему людей. В его строгом монашеском облике была какая-то необычная простота и святость. В келлии у о. Иова не было ничего лишнего, только нес-

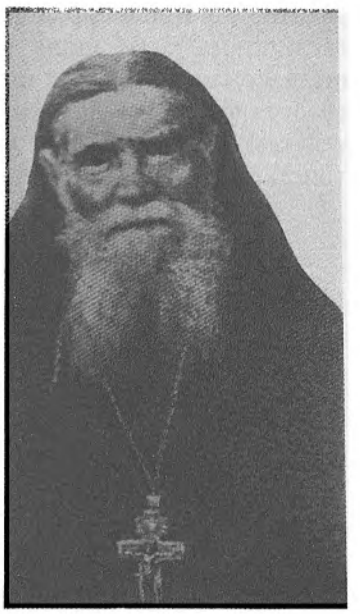
колько икон, четки и самые необходимые книги. Кроме исповеди, ни в какие беседы он старался не вступать. Старец имел дар прозрения. Его простые речи были полны духовной силы и великой веры в помощь Божию. Покаяние считал он основой всех видов христианского подвига, и все его краткие поучения были горячим призывом к истинному покаянию. В 1945 году о. Иов был награжден набедренником, а в 1946 — золотым наперсным крестом[128]. В 1946 году после напутствия Святыми Таинами иеросхимонах Иов тихо и мирно почил о Господе.

В конце 40-х годов в Глинскую пустынь вернулись такие великие старцы и духовные светочи, как схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Романцов). Благодаря их молитвам и трудам, духовное окормление иноков и мирян во всей полноте процвело в обители.

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш), маститый старец, великий молитвенник и смиренный труженик на ниве Христовой, родился 12 февраля 1889 года в селе Луппа Лохвинского уезда

Иеросхимонах Василий (Морин)
(1878—1960). 1959 г.
Личный архив
автора

Полтавской губернии в семье крестьянина Андрея и его жены Акилины[129]. Начальное образование он получил в сельской церковно-приходской школе. В 1906 году, желая всецело посвятить свою жизнь Богу, Алексей приехал в Глинскую пустынь[130] и просил настоятеля схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) принять его в обитель. "Строгий, умный отец Иоанникий", проверяя решимость юноши, спросил: "Ты такой молодой, а послушания у нас тяжелые... Как будешь жить?"[131] Но, видя непоколебимое стремление Алексея к иноческой жизни, принял его в число братства[132]. Сначала Алексей нес послушание в монастырской

гостинице, принимая гостей, затем — на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке и, наконец, в скиту. Первым его старцем был о. Аристоклий (Ветер). Но в 1913 году о. Аристоклий перешел в Омский Покровский монастырь, а Алексея поручили строгому аскету и опытному подвижнику о. Иулиану (Гагарину), который научал его следить за душевными страстями, не действовать по внушению их, а призывая Божию помощь, противоборствовать им. С детства кроткий и смиренный, Алексей полностью предал себя в волю старцев. Такая настроенность привлекала к нему благоволение и милость Божию, помогала возрастать в богоугодной жизни и идти спасительным путем духовного обновления. Тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, посылаются и сугубые скорби. Так и жизненный путь старца был преисполнен различных скорбей.

В 1915 г. Алексея призвали в армию. Сначала он служил в Перми, но вскоре был переведен на фронт, где попал в плен к австрийцам[133] и пробыл в Австрии три с половиной года. Пленных почти не кормили,

Иеросхимонах Паисий
(Гришкин).
1959 г.
АСЕУ

работу давали самую трудную. Многие пленные умерли. Но Алексей усиленно молился и принимал все скорби как от руки Божией. От такого внутреннего устроения в душе его постоянно сохранялся мир. Он стяжал живую веру и получал благодатные утешения.

Об испытаниях тех лет старец с присущей ему кротостью говорил: "Мы землю копали, все равно ведь нужно трудиться. И чудеса Божии сопутствовали нам"[134]. Конвоиры, видя, как старательно он работает, предлагали ему табак (нередко пленные меняли хлеб на табак), но Алексей не брал, они удивлялись и говорили: "И не курит, и трудится"[135].

После окончания войны в 1918 г. он вернулся в обитель, где сначала проходил послушание на монастырской мельнице, а затем был определен на должность эконома[136], 11 июня 1920 г. был пострижен в рясофор, а в 1921 г. принял монашеский постриг с именем Андроник[137]. День пострига навсегда остался в его памяти. Позднее он писал и говорил своим духовным детям: "Помните великий день вашего пострига, помните обеты при постриге, данные нами... быть истинными монахами, во веки не согрешите"[138]. Годы, проведенные в обители, оставили в молодом иноке неизгладимый след и способствовали его духовному совершенствованию. И впоследствии, где бы он ни был, он всегда был тверд в исполнении своих монашеских обетов.

Отец Андроник глубоко переживал закрытие Глинской пустыни в 1922 г. и говорил, что это было "событие страшное"[139]. Своей строгой иноческой жизнью и беспрекословным послушанием монах Андроник обратил на себя внимание епископа Павлина (Крошечкина), Курского викария, который взял его к себе в келейники и в 1922 г. рукоположил во иеродиакона. Старец рассказывал: "Однажды в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами говорила, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, а я сказал: "Бог даст и зазвонят"; за эти слова сослали меня на Колыму в 1923 г. на 5 лет"[140]. В ссылке о. Андроник был санитаром в больнице. Он ухаживал за больными с искренним состраданием и любовью, сам мыл их. Все его полюбили, а сосланные узбеки даже звали "мамой".

Однажды в больницу привезли умершего епископа Иринарха (Синькова). "Привезли его на повозке, повозка коротка, голова висит... Он такой был худой, одни кости..."[141], — вспоминал старец. Отец Андроник обмыл его и упросил врача, чтобы тот отдал для погребения епископа большой гроб, который несколько лет стоял в больнице, потом "застелил гроб белой простыней, из полотенца сделал омофор, надел на епископа свою шапку и в руки дал четки"[142]. Отец Андроник написал епископу Павлину, что Господь сподобил его похоронить епископа Иринарха. В 1936 г. он был награжден за это золотым наперсным крестом Патриаршим Местоблюстителем Блаженнейшим митрополитом Сергием. По амнистии о. Андроник вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у епископа Павлина, который в 1926 г. в Московском храме Воскресения в Сокольниках (к этому времени Преосвященный Павлин был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии) рукоположил его в сан иеромонаха. Через год, когда о. Андроник сильно заболел, он был пострижен в схиму с оставлением имени Андроник (в честь преп. Андроника, память 26 (13) июня[143]).

В 1939 г. о. Андроник во второй раз был осужден и сослан на Колыму. Сначала одиннадцать месяцев держали его в тюрьме, где каждую ночь вызывали на допросы и принуждали оклеветать епископа Павлина, но старец молчал. Ему угрожали, мучили. "Поставят к стене и начинают стрелять, но мимо, запугивают..."[144] Следователь кричал на о. Андроника: "Я тебя убью"; однажды сорвал со старца крест и бросил в печь. Отец Андроник сказал: "Что ты делаешь? Меня крестили, мне дала мать крестик, а ты срываешь". Но на допросах его не били и бранными словами в его присутствии не ругались. Только один раз во время доп-

роса вошел в комнату какой-то верзила и сказал следователю: "Сколько ты будешь возиться с этим стариком?"[145] — и ударил о. Андроника так, что тот потерял сознание. "Очнулся уже в тюремной больнице и на вопросы, что с ним случилось, отвечал, что шел на допрос, упал да о

Настоятель Глинской пустыни
схиархимандрит Серафим
(Амелин) (в центре),
благочинный схиигумен
Андроник (Лукаш)
(сидит слева),
казначей иеромонах Модест
(Гамов) (стоит слева).
Личный архив автора.
Фотография середины
1950-х гг.

камень ударился"[146]. Как-то привели старца в большую комнату, в которой была раскаленная печь, и сказали: "Ну, Лукаш, садись на печку". Отец Андроник спросил: "Как, разуваться? босым лезть?" Тогда его удержали: "Пока подожди". Во время другого допроса раздели до нижнего белья, вывели в коридор, где стояли огромные ящики в рост человека, в таком ящике его и заперли, а мороз был пятьдесят градусов. Старец думал, что замерзнет и умрет там, но в последний момент ящик открыли, под руки вывели его, так как сам он идти уже не мог[147]. Много раз предлагали подписать какие-то бумаги, но о. Андроник отвечал: "Я неграмотный, не знаю, что там написано" и не подписывал. Затем перевели о. Андроника в лагерь; там было легче, допросов не было, "только шпана очень беспокоила, если к ней попадешь"[148]. В лагере много работали; о. Андроник был там дневальным. Трудолюбие, послушание и внутреннее благородство о. Андроника вызывали уважение не только у осужденных, но и у охранников. Сам начальник лагеря очень его уважал, дорожил им и в конце срока взял к себе в дом, где о. Адроник вел все домашнее хозяйство. "Я повесил картиночку "Воскресенье", молился, а когда начальник стал за это упрекать, то сказал: "Не нравится — уйду в лагерь," — рассказывал старец. По-видимому, он сильно болел в то время, так как просил начальника в случае его смерти сообщить в Патриархию, что скончался такой-то схимник. Все в той семье очень полюбили о. Андроника; жена начальника расспрашивала его о духовной жизни, а когда закончился срок о. Андроника и он уезжал в Глинскую пустынь, она дала ему денег на дорогу. Сам же начальник всеми силами пытался удержать о. Андроника, жалко ему было расставаться со старцем[149].

28 сентября 1948 г. о. Андроник вернулся в Глинскую пустынь[150]. С самыми теплыми чувствами братской любви встретили его настоятель и старцы обители. Видя высокоподвижническую жизнь о. Андроника, епископ Сумской и Ахтырский Иларион в апреле 1949 г. назначил его благочинным и ризничим монастыря[151]. Как благочинный он должен был следить за всеми послушаниями в обители, собирать братию на общие послушания (сенокос, заготовку дров, работы на огороде и др.), на которых всегда сам был первым. Во всех делах о. Андроник был энергичен и бодр, так что слово его, живое, задушевное, ясное, подбадривало и всех окружающих. Работать с ним всегда было легко и радостно.

Душа о. Андроника, очищенная многими скорбями, была переполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духоносность и привлекала людей к старцу. Великодушно претерпев все страдания, он делом исполнил заповедь "Любите врагов ваших" и стяжал в своем сердце величайший дар благодати Божией — христианскую любовь к ближнему. Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец всегда смиренно согнувшись. В его послужном списке было сказано: "Отец Андроник отличается особым смирением, кротостью и трудолюбием, послушлив, любвеобилен"[152]. Вначале братия обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю, снисходительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали поверять ему всю свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и благодатное утешение

наполняло их сердца. В короткое время он снискал такое доверие, что стал братским духовником[153].

Епископ Сумской и Ахтырский Евстратий писал: "Отец Андроник... пользуется заслуженным уважением всех насельников обители. Все свободное время проводит в молитве"[154]. Действительно, ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно, как сам писал: "Сколько есть моих сил, всегда днем и ночью я вас поминаю в своих грешных молитвах"[155]. Мудрый духовный наставник, о. Андроник имел дар от Бога безошибочно видеть внутреннее состояние человека. Вся сила духовного руководства старца заключалась в том, что ему свыше было открыто, как и каким путем вести каждую душу ко спасению. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения и слушающих его возводил за собой.

Советы старца всегда были основаны на учении святых отцов. В сохранившихся записях о. Андроника собраны наставления из "Отечника", "Луга Духовного", других святоотеческих творений, а также глубокие по своему содержанию собственные изречения старца, которые он сам переписывал и раздавал своим ученикам[156].

5 мая 1955 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия о. Андроник был возведен епископом Евстратием в схиигумена. Велик был духовный авторитет старца. Не только братия, но и сам настоятель обители архимандрит Серафим исповедовался у него. С глубоким почтением и уважением относился к нему епископ Евстратий (Подольский), который писал о. Андронику: "Вот уже шестой год я знаю Вас в ответственной и многотрудной должности (благочинного. — *А. И.*), которую Вы исполняете с большой ревностью и такой же большой пользой для монастыря... Вы пользуетесь вполне заслуженной любовью как насельников обители, так и многочисленных богомольцев... и моим Архипастырским расположением"[157].

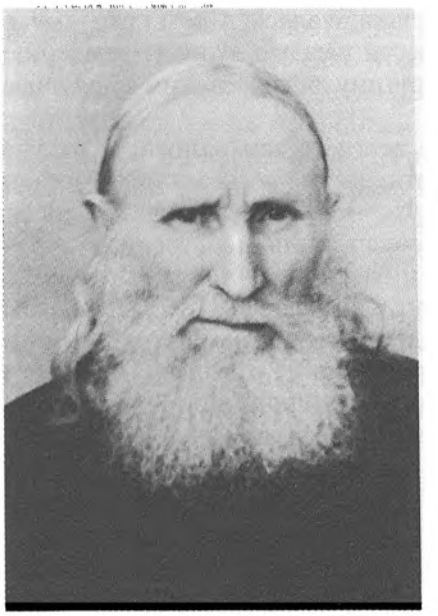
В прошениях обители к архиерею самым убедительным для него аргументом были слова: "Сам схиигумен Андроник лично просит Вас"[158]. В 1960 г. о. Андроник был награжден Святейшим Патриархом Алексием палицей.

После закрытия обители в 1961 г. о. Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение бывшего насельника Глинской пустыни митрополита Тетрицкаройского Зиновия (Мажуги), который очень любил и почитал старца. В Тбилиси послушником о. Андроника был инок Глинской пустыни Вениамин (Селиванов).

В Грузии о. Андроник продолжал свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме св. Александра Невского, кафедральном храме владыки Зиновия. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, со всех концов страны устремились к нему ищущие спасения. Поистине старец был вождь духовный. Вся его жизнь была направлена к одной цели — спасению своей души и ближних. Своим благодатным словом он врачевал язвы страждущих, утешал любовью и участием, разделял скорбь и горе, давал отраду и духовную поддержку. По его молитвам врачевались не только духовные раны, но и болезни телесные. Его пастырство побуждало иерархов Грузинской Церкви ревностнее относиться к своему служению, поскольку у них в храмах было немного

богомольцев, а церковь, где исповедовал о. Андроник, — всегда была переполнена, благодаря молитвенному подвигу старца. В 1963 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия митрополит Зиновий возвел о. Андроника в сан архимандрита.

Тесна была духовная связь о. Андроника со всеми Глинскими иноками, которые часто писали ему и приезжали. "Сердце горело, когда ехали к старцу", — вспоминали они. Письма о. Андроника к его духовным детям — инокам Глинской пустыни, — составляющие часть его духовного наследия, проникнуты необыкновенно искренней, трога-

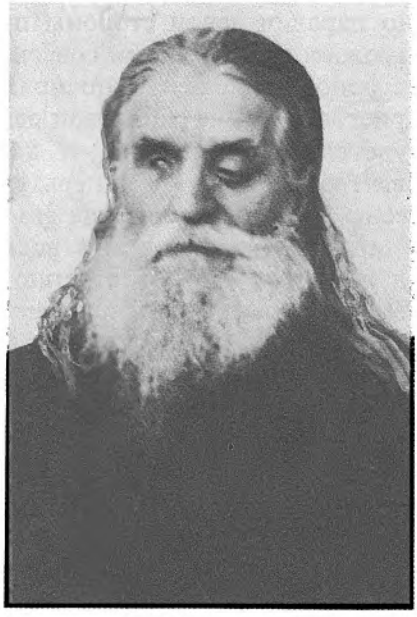
тельной любовью, истинно отцовской заботой и даже лаской. В то же время они содержат и строгие, мудрые высокодуховные наставления. Приведем лишь несколько отрывков из его писем.

"Духовный и возлюбленный мой, родной сыночек, отец... [имя снято автором. — *Примеч. изд.*], Не скорби... Господь — сердцеведец, призови Его крепкою сердечной верой, и Он Всеблагий всегда тебе поможет. А больше всего всегда старайся и дела, и жизнь свою предавать всецело святой воле Божией. Буду молиться за тебя, родной, но ты и сам приложи свой посильный труд к этому делу". "Мужайтесь, и да крепится сердце ваше среди докучливых и иногда устрашающих искушений. Добро всегда иметь Господа пред собою и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве... Господи, посылаешь ми скорби, прошу: пошли и терпение. Господи помилуй — Господи помилуй, Господи прости, помоги мне Господи Крест Твой понести". "Радуйся во искушениях, которые будут допущены тебе, при посредстве их приобретается духов-

Иеродиакон Георгий (Ефименко). 1959 г. Личный архив автора

ный плод". "Молися почаще и говори: "Не яко аз хощу, а яко Ты, Отче". Матерь Божию нужно просить, Она никогда не оставит. Только нужно крепко веровать"[159]. К Матери Божией имел о. Андроник величайшее благоговение и любовь. Он говорил: "Поручитесь Матери Божией — Она вас всегда везде спасет!"

Очень часто старец повторял: "У человека невозможно, у Бога все возможно..."; "Нужно думать и помнить каждую минуту о смерти. Как ложишься спать, думай: "Легли многие и не встали; заснул — и на вечность".

К старцу обращались многие священнослужители для разрешения вопросов, которые у них возникали в их пастырской деятельности. Вот дословные ответы старца на некоторые из таких вопросов.

"Те, кто причащаются каждый день, — эти люди в прелести. Это не нужно, это от лукавого. Причащаться нужно только один раз в месяц. Нужно приготовиться к Причастию, отсекать своеволие, чтоб Причастие было во спасение, а не во осуждение. Каждый день причащаться может схимник, монах больной, седмичный священник... Священникам надо почаще каяться. Людей исповедуем часто, а сами не каемся. Хорошо каждый день исповедоваться, что есть на совести...

Если в храме есть ковры, на которых изображены кресты, то такие ковры надо убрать. На кресте был Господь распят, а мы ходим, топчем. Однажды в Глинскую пустынь прислали дорогой ковер, а на нем большой крест, но сразу заметили, убрали.

Некоторые священники, когда нет вина, совершают литургию на соках. Это грех. Это недопустимо.

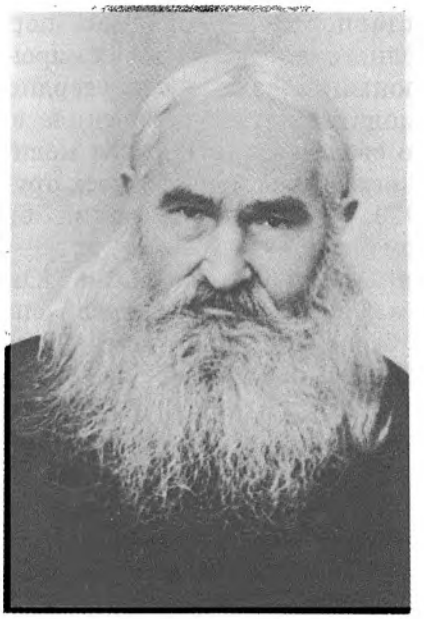
Монах Иакинф
(Резник). 1959 г.
Личный архив
автора

Во время литургии на жертвеннике и на престоле нужно, чтоб обязательно горели свечи, если не горят, то смертно согрешает иерей"[160].

Достигнув преклонного возраста, схиархимандрит Андроник почувствовал, что приближается переход его в иной мир, к чему он готовился всю свою жизнь бдением, пощением и молитвой. В ноябре 1973 года во время чтения утренней молитвы "Боже, очисти мя грешнаго..." он стал говорить невнятно и сбивчиво, вскоре у него пропала речь и отнялась левая часть тела. Многие полагали, что ему осталось жить несколько часов, но Божием Промышлением он еще должен был пожить на пользу своих духовных чад. Через 25 дней речь его восстановилась, но паралич левой стороны продолжался до самой кончины. Не имея возможности по болезни совершать богослужения, он переносил болезнь без ропота и непрестанно молился дома, ежедневно причащаясь Святых Христовых Таин. На первой седмице Великого поста отец Андроник почувствовал облегчение и даже мог петь ирмос "Помощник и Покровитель...". И никто теперь уже не думал, что это была последняя его песнь. На третьей седмице его здоровье ухудшилось, и он перестал принимать пищу. 17 марта, в воскресенье, в половине шестого утра, он был в забытьи. Это состояние продолжалось до 10 часов вечера, когда он внятно произнес слова: "Милость Божия все покроет", а затем начал кого-то благословлять. По-видимому, за его строгую, подвижническую жизнь Господь сподобил его узреть отшедших своих собратий по духу. После этого он пришел в сознание и, тихо сказав: "Я буду умирать", закрыл глаза и уже ни с кем не говорил, хотя все понимал и оставался в полном сознании. Силы старца слабели, и 21 марта, в четверг, в начале шестого часа утра он в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу.

21 марта гроб с телом почившего схиархимандрита Андроника был поставлен в соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси, где митрополитом Зиновием была совершена великая панихида. Тело старца находилось в соборе до 26 марта. У гроба совершались панихиды и читалось местными и приезжими священниками Святое Евангелие. 26 марта архимандрит Иоанн (Маслов) с собором клириков совершил литургию Преждеосвященных Даров. Отпевание и погребение схиархимандрита Андроника было совершено митрополитом Зиновием с собором духовенства. На отпевании молился иерарх Грузинской Церкви епископ Цилканский Гайоз, ректор Мцхетской Духовной семинарии. Бывший насельник Глинской пустыни игумен Иларион (Приходько) сказал сердечное прощальное слово, в котором подчеркнул, что о. Андроник был человеком широкой души, глубокой веры и большим тружеником. Его сердце было исполнено сострадательной любви к каждому человеку, он жил не для себя, но для народа, поэтому к нему вполне приложимо наименование печальника душ человеческих. Затем гроб с телом отца Андроника был обнесен священнослужителями вокруг престола. Прощальная процессия направилась к месту погребения — Грмагельскому городскому кладбищу. По совершении на могиле краткой литии гроб с останками верного служителя Церкви Христовой при пении "Вечной памяти" был опущен в могилу. Прах отца Андроника предал земле митрополит Зиновий, который заботился о нем, как любящий отец о своем сыне. Он же в

сороковой день по преставлении к Богу схиархимандрита Андроника в соборе во имя святого князя Александра Невского в Тбилиси совершил заупокойную литургию и панихиду в сослужении всего духовенства, съехавшегося почтить память старца. Могилу старца посетил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Давид V, который, обращаясь к о. Андронику, положил на его могилу красное яйцо и сказал: "Отец Андроник! Христос воскрес! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что отличало тебя в этой жизни? Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем было открыто твое любящее сердце.

Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства".

Воодушевленные взаимной любовью и единодушием, русские и грузины понесли светлые и глубокие чувства от могилы старца, веря в силу его молитвенного предстательства.

Память об о. Андронике будет всегда жить в сердцах многих людей. Он поистине "подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь ему готовится венец правды, который даст Господь, Праведный Судия в день оный" (2 Тим. 4, 7—8).

Великий Глинский старец *схиархимандрит Серафим* (в миру Иван Романович Романцов) родился 28 июня 1885 г. в деревне Воронок Крупецкой волости Курской губернии в семье крестьянина[161]. О жизни его сохранилось совсем немного сведений, так как "старец о себе ничего не говорил по своей скромности"[162]. Иван окончил церковно-приходскую школу. В августе 1910 г., после смерти родителей, он поступил в Глинскую пустынь[163]. Сначала был определен на послушание при хлеб-

Схимонах Варсонофий
(Середа) 1959 г.
Личный архив
автора

не[164], а через год — при бондарне[165]. В 1914 г. он был взят в армию и участвовал в первой мировой войне. В 1916 г. был ранен и после выздоровления возвратился в обитель. В 1919 г. Иван Романцов принял монашеский постриг с именем Ювеналий. Постригал его настоятель архимандрит Нектарий. Для молодого инока начались годы высшей школы, годы постижения духовной науки из наук — монашеской жизни. Старцем его, как и у о. Андроника (Лукаша), стал иеромонах Аристоклий (Ветер)[166], научивший его чистосердечному ежедневному исповеданию помыслов и внимательности ко всем движениям своего сердца. Впоследствии о. Серафим считал это внутреннее делание очень важным для духовного возрастания и спасения души. Под руководством мудрых Глинских старцев он терпеливо переносил искушения, приобретал навык полного послушания и смирения. Кроме стяжания этих добродетелей, юный подвижник с усердием предался подвигу молитвы; любовь к молитве настолько пленила его сердце, что он не расставался с ней всю свою жизнь. "Горячая молитва, — говорил он не раз впоследствии, — ограждала меня во всех трудных обстоятельствах моей жизни". В 1920 г. монах Ювеналий был рукоположен во иеродиакона епископом Рыльским Павлином[167].

После закрытия Глинской пустыни о. Ювеналий поселился в Драндском Успенском монастыре (Сухумская епархия), где в 1926 г. епископом Никоном был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим[168].

В 1928 году был закрыт и Драндской монастырь. С 1930 г. о. Серафим жил в окрестностях Алма-Аты и работал сторожем на пасеке[169]. В 1930 г. он был арестован и выслан на строительство Беломорканала. С 1934 по 1946 г. проживал в Киргизии[170], сначала в Токтогуле, затем — в Таш-Кумыре. Летом он уходил высоко в горы, где к большому камню была пристроена плетеная хижина; внутри нее было лишь плетеное сидение из лозы и каменный выступ вместо стола. Внизу из-под камня бил родник, а еду ему приносили из ближайшего селения. Жизнь о. Серафима была поистине аскетической, отшельнической. Он весь предался уединению, чтению Божественного Писания, молитве и богомыслию, спал мало, прямо на полу. Под воскресенье и праздники совершал всенощное бдение, стоя на молитве с вечера до утра и весь день потом не давал себе отдыха. Так приносил он искреннее покаяние Богу. Зимой о. Серафим жил в одной благочестивой семье, много ему помогавшей (живы еще родственники этой семьи, которых автор знает). За курятником, скрытно от всех, была сделана келлия, в которой были лишь печка, кровать и стол. Возрастая духовно, о. Серафим не оставлял и других без духовного окормления. По ночам совершал он богослужения, исповедовал и причащал, проповедовал, давал душеспасительные наставления и всех приходивших к нему обращал на путь спасения.

В 1946—1947 гг. о. Серафим жил в Ташкенте, где был духовником при кафедральном соборе[171].

30 декабря 1947 г. он вернулся в Глинскую пустынь[172], а в 1948 г., видя духовную опытность и совершенство его монашеского подвига, архимандрит Серафим (Амелин) назначил иеросхимонаха Серафима на должность духовника.

С самых первых дней пребывания своего в обители о. Серафим всецело посвятил свою жизнь делу духовного окормления братии и богомольцев, и все обращавшиеся к нему видели в нем духовного руководителя и наставника на пути ко спасению.

Это был духовник опытнейший, знаток всех сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. Особым духовным даром старца было умение принимать исповедь, вызывать людей на полную откровенность. Наделенный духовным рассуждением, о. Серафим вся-

кому приходящему к нему давал наставления. С особой отеческой любовью принимал он тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто не знал, каким путем идти в жизни, принимал и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Православной Церкви. В то тяжелое послевоенное время столько горя было в каждой душе! Люди потеряли родных, близких, лишились домашнего очага; надо было поддержать и укрепить их веру. Отец Серафим выслушивал все скорби и тотчас накладывал пластырь на раны душевные, давал нужные советы. Утешение, успокоение и отраду вливали в души скорбящих наставления и молитвы любвеобильного старца. Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению.

Отец Серафим умел дать почувствовать, что земная жизнь — это лишь подвиг временного странствования на пути к вечной жизни; он призывал людей к жизни христианской, совершенной, возвышенной. Все его наставления имели своей целью святость, в смысле отрешенности от

Схиархимандрит
Серафим
(Романцов)

всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Каждого призывал он стяжать в душе дары Духа Святого. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя: "Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном" (Мф. 5, 19).

Пастырство о. Серафима было многогранно. К нему обращались люди с самыми разными судьбами и характерами, устремившиеся в Глинскую пустынь со всех концов страны. Он вникал во все тайники их сердец и своими мудрыми советами умел вовремя и правильно дать каждой душе соответствующие наставления, ведущие ко спасению. Советы о. Серафима имели огромный вес, так как он соблюдал сам в своей жизни то, чему учил других. Все, что говорил старец, было основано на Св. Писании и святоотеческих творениях. Особенно зоркое внимание обращал старец на душевные страсти тех, кто к нему обращался, и учил всех следить за ними, не действовать по их внушению, а, призывая помощь Божию, противоборствовать им. Он учил не оправдывать себя, а осознавать свои грехи и полагать твердое намерение исправиться. Более всего стремился он привести своих духовных чад ко смирению, о котором писал: "Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, но это величайший дар Божий и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами неизъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант. Истинно смиренный всех как себя любит, никого даже и мысленно не осудит, всех сожалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божием, но не предается отчаянию или унынию, а твердо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно смиренный, если имеет какие от Бога дарования: молитву, или слезы, или пост, или иное что, то все оное тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает"[173].

Смирение же самого старца было изумительно. Он никогда ничего не приписывал своим личным дарованиям, не считая себя никаким особым молитвенником, а наоборот, смиряя себя в своих собственных глазах и в глазах тех, кто к нему обращался.

Сознание необходимости помощи свыше, сознание, что он только исполнитель воли Божией, проводник благодати, — это сознание все в его душе покорило глубочайшему смирению и наполнило ее христианским спокойствием. Старец посещал иногда келлии своих учеников и приходил всегда благовременно, имея цель духовную: ободрить и вразумить инока. По уходе его и сама келлия исполнялась благоухания смирения, которым были запечатлены все дела и слова этого поистине дивного старца. Но смирение сочеталось в нем и с ревностью о спасении душ пасомых. Поэтому на исповеди он мог быть и строгим, когда требовалось, обличал прямо и смело, так что духовные дети подчас трепетали лишь от одного вида батюшки Серафима, сознавая свою греховность.

Отец Серафим получал много писем от своих духовных детей; всем он старался ответить, всех утешить и поддержать. Так монахиням, изнегомающим в скорбях и трудах, он пишет: "Радуйтесь о Господе, а не унывайте. Вы сами знаете, что в унынии нет спасения, уныние помрачает

душу и расслабляет чувства. Зачем унывать? Прочь уныние. Да возрадуется душа моя о Господе и уповает на Него. Молитесь, трудитесь, пойте, читайте — все во славу Божию творите, утешайте себя и говорите все, что душу назидает и к Царствию Божию ведет. Тогда сами делом уверитесь, как вся ваша душа покроется мирными помыслами и сердце ваше возвеселится, будучи объято неизреченною радостью о Христе Иисусе"[174].

Дает он в письмах и подробные наставления о том, как спасаться: "Прошу вас и молю: мир имейте между собою и святыню во всем — и в мыслях, и в делах; без сего никто не узрит Господа. Христианской душе, жаждущей спасения, благое дело удержать мысли добрые, а злые, когда они находятся, от себя отгонять. Полезно для этого непрестанно содержать в памяти молитву Иисусову. Берегитесь почасту оставлять свою келлию и ходить без крайней надобности к другим сестрам, дабы не согрешать празднословием, а если и приходит к вам кто бы то ни был, то ради Бога старайтесь беседовать только об одном, что избрали себе на потребу, — яже суть Божия, а не человеческая, в противном случае, то есть когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с прощанием, просите святых его молитв и садитесь за чтение или рукоделие. Что себе желаю, то и вам передаю и советую. Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из сердца ли исходят все помышления злые, за помышлением слова и беседы, а там уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров. Всего больше искушаются наши мысли и слово; но вот тут-то и подвиг, нужно бороться с такими искушениями: лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день Судный. Если бы даже случилось кому-либо из вас скорбные и поносные слышать слова, не смущайтесь, а благодарите — это по большей части служит на пользу нам: ласкательные слова душу расслабляют и лишают ее твердости и мужества. По-мирскому жить, как по течению воды плыть, но духовно жить — нужно противиться миру, уклоняться от суетного ласкания, презирая всякое плотское успокоение, умерщвлять духом всякие страсти и любить всякую нищету духовную, со всяким смирением ради Господа, как научает нас святое Евангелие. Хотя же вначале кажется трудным и горьким, но последствия бывают благие и добрые. "Положи, Господи, хранение устом нашим и не уклони сердца наша в словеса лукавствия". Молитесь о мне, молюсь и о вас"[175].

В своих письмах и наставлениях о. Серафим постоянно предостерегал от осуждения ближних, показывал всю тяжесть этого страшного греха. Убеждая в необходимости терпения на пути ко спасению. "Невозможно без креста спастись... Давайте терпеть и спасемся!"[176] Призывал более всего хранить мир душевный и смиряться, за все благодарить Бога и с детской покорностью все переносить.

Отец Серафим неоднократно подчеркивал, что в деле спасения необходимо иметь руководителя, так как мало кто имеет дар духовного рассуждения и может различать плохое от хорошего. Монашествующих призывал хранить святое послушание, "ибо и Христос, когда пришел на

землю, избрал не пустынное или столпническое житие, но образ и правило повиновения Отцу Небесному... Пребывая в повиновении, радуйтесь, что и вы жительствуете по подобию Господа нашего Иисуса Христа... есть ли что блаженнее сего"[177].

День старца начинался с двух часов ночи, когда он исполнял свое келейное правило, затем неопустительно бывал на богослужении, после которого всего себя отдавал на служение ближним: принимая богомольцев, распределял их на жительство в пустыни, исповедовал, решал все возникшие вопросы, и так до позднего вечера. Ночью отвечал на письма. Переписывал сам и духовных детей благословлял переписывать отрывки из творений святых отцов, которые потом рассылал.

Времени на отдых у о. Серафима оставалось совсем мало, но даже и это время он использовал для молитвы о своих пасомых. Любовь побуждала его самоотверженно заботиться о каждой душе. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами, своей сострадательной любовью! Как сам о. Серафим писал в своем духовном завещании, прося молитв о самом себе: "Все вы были в моем сердце, и ибо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал... Помяните мою любовь к вам, ради которой я пренебрегал моею собственной пользой, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам"[178].

Это был великий угодник Божий и истинный пастырь, в жизни которого действие Божественной благодати, сочеталось с большим личным трудом, непрестанным контролем над собой, духовным бодрствованием и молитвенным подвигом. Поистине это был спутник, который сопровождал людей в Царствие Небесное. За советами к нему обращались и архиереи, видя в нем не плотского человека, а мужа духовного. Святейший Патриарх Алексий лично знал о. Серафима, неоднократно принимал его и беседовал с ним как о духовных предметах, так и о нуждах обители[179].

За усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией Святейшим Патриархом Алексием в 1954 и в 1957 гг. о. Серафим был награжден наперсным крестом, в 1960 г. — саном игумена[180].

После закрытия Глинской пустыни схиигумен Серафим переехал в г. Сухуми, где продолжал свои старческие труды, будучи духовником кафедрального собора г. Сухуми. И сюда к нему стекалось множество богомольцев. Никогда до этого Сухумский храм не был переполнен так, как при о. Серафиме. В последние годы своей жизни, удрученный многими подвигами, старец безропотно нес свой тяжелый крест пастырства. По-прежнему он не только принимал людей, но и рассылал множество писем, отвечал на вопросы своих духовных детей. И никогда никто не слышал от него гласа нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии. Как пастырь он жил во Христе, утвердился в истинной святости, был истинным мучеником, распинался со Христом ради паствы, был достойным носителем благодати Христовой. За ревностное служение Святой Церкви митрополитом Сухумским и Абхазским Илией (ныне Католикос всея Грузия) в 1975 г. о. Серафим был возведен в сан архимандрита.

До конца жизни о. Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума, крепкую веру в Бога и глубокую молитвенность. Он имел непрестанную умную молитву Иисусову.

18 декабря 1975 г., во время всенощного бдения в канун праздника Святителя Николая, о. Серафим почувствовал себя плохо. Он слег в постель. Все время старец читал вслух молитву Иисусову, а когда уставал, то просил других продолжать ее чтение. В течение двух недель он ежедневно причащался Святых Христовых Таин. Будучи в полном сознании, старец сподобился увидеть многих своих братий по духу, которые, по его словам, пели стихиру Божией Матери "Совет превечный". И затем слабым голосом старец сам запел "Вкусите и видите, яко благ Господь, Аллилуиа". После видения он сказал: "О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить". И далее сказал: "Теперь я буду умирать". 31 декабря старец закрыл глаза и уже ни с кем не говорил. 1 января 1976 года благодатный старец мирно предал дух свой Богу.

Канон на исход души старца Серафима читал игумен Исаия. Все присутствующие в благоговейном молчании стояли вокруг одра своего духовного отца, не смея нарушить тишину во время свершения таинства разлучения души от тела.

Весть о кончине схиархимандрита Серафима облетела многие места нашей Родины, она наполнила глубокой грустью сердца духовных чад о. Серафима.

2 января гроб с телом схиархимандрита Серафима был поставлен в кафедральном соборе г. Сухуми. Три дня не прекращались чтение Евангелия и служение панихид. И все это время собор был заполнен духовными детьми о. Серафима, которые пришли проститься со своим наставником и молитвенником.

4 января, в Неделю 28-ю по Пятидесятнице пред Рождеством Христовым (святых отец), митрополит Илия в сослужении многих клириков совершил Божественную литургию и отпевание почившего инока. Митрополит Илия сказал сердечное надгробное слово, в котором охарактеризовал старца как человека подлинно христианской души, смиренного труженика и благодатного молитвенника.

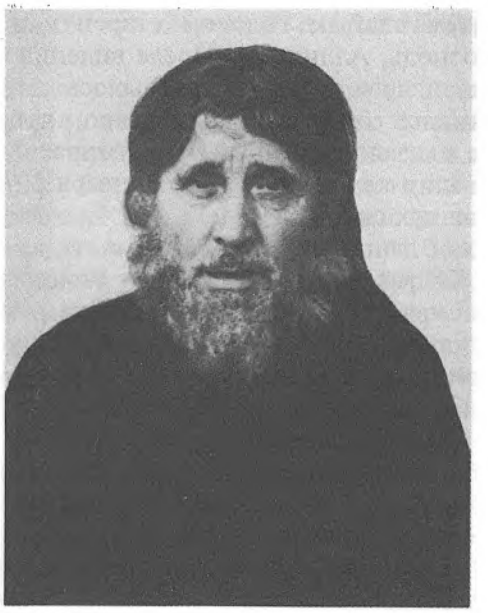
После продолжительного прощания гроб с телом почившего был обнесен священниками вокруг престола и всего храма при погребальном звоне и доставлен на Михайловское кладбище г. Сухуми. У ворот кладбища процессию встретил притч кладбищенской церкви во главе с настоятелем протоиереем Иоанном Андрющенко, который после литии сказал надгробное слово, назвав благодатного старца светильником, горящим на подсвечнике Христовом. При пении "Вечной памяти" тело о. Серафима было предано земле.

9 февраля 1976 г., на сороковой день по кончине схиархимандрита Серафима (это был день празднования перенесения мощей святителя Иоанна Златоуста), в кафедральном соборе г. Сухуми митрополит Илия с прибывшими из разных мест священниками — духовными чадами о. Серафима — совершил панихиду и произнес слово. Обращаясь к почившему как к живому, владыка Илия сказал: "Молись за нас, отче, Богу, потому что ты приобрел пред Ним дерзновение". После панихиды

в кладбищенском храме была совершена заупокойная литургия. До поздней ночи совершались панихиды на могиле старца. Верующий народ долго не расходился.

Для многих православных была очень ощутима потеря о. Серафима. Но они утешались мыслью, что он не умер, а лишь отошел в тот мир, о котором тайнозритель говорил: "Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними" (Откр. 14, 13).

***

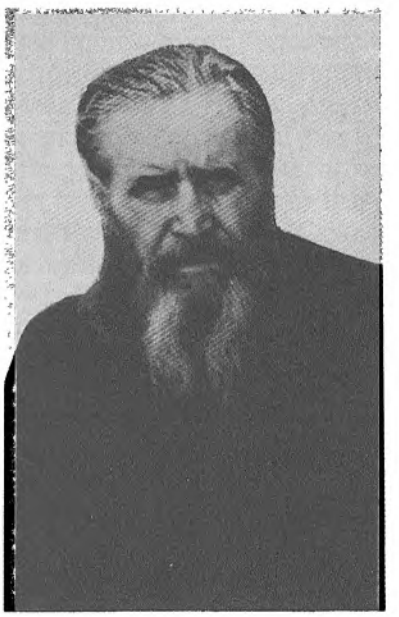
Монах Валериан (Опенько). 1959 г. Личный архив автора

Периоды расцвета и упадка духовной жизни всегда были связаны с возрастанием или уменьшением роли духовного руководства. Возрождение старчества в Глинской пустыни обусловило такой подъем духовной жизни в обители, что слава "о святости жизни насельников Глинской пустыни, строгости ее устава и аскезы"[181] распространилась по всей стране.

В духовной жизни Глинская пустынь занимала самое высокое место. Как и прежде, обитель была центром духовного просвещения старческого окормления и нравственного возрождения. Не только многие архиереи, но и сам Святейший Патриарх Алексий отзывался о Глинской пустыни как о знаменитом, строгом монастыре, глубоко почитал ее опытных старцев и считал их руководство душеспасительным[182].

После десятилетнего управления обителью о. Серафимом (Амелиным) наступил второй период его настоятельства (1953—1958) — период расцвета и благоустройства Глинской пустыни.

Строго подвижническая жизнь Глинских старцев, высокий, духовный авторитет ее настоятеля собирали в монастырь ревнителей настоящего иноческого жития. В святую обитель стремились попасть не только желающие начать монашескую жизнь, но и опытные подвижники, чтобы в среде этой дружины воинов Христовых обрести верный путь к высшему духовному совершенству. В архиве Сумского епархиального управления хранится множество прошений того времени о переводе или поступлении в Глинскую пустынь не только со всех концов нашей страны, но и из-за рубежа[183]. Но по распоряжению уполномочен-

Монах Климент (Григораш). 1959 г. Личный архив автора

ного Совета по делам Русской Православной Церкви по Сумской области прием насельников в святую обитель был ограничен. Если за 1942—1952 годы в Глинскую пустынь поступило более 130 человек, то за период 1953—1958 годов было принято лишь 48[184]. Среди поступивших были такие опытные старцы, как иеромонах Оптиной пустыни Полиевкт (Гришкин; в схиме Паисий), схимонах Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Симон (Хондошко), подвижник со Святой Афонской Горы Виталий (Середа), впоследствии схимонах Варсонофий. Общее число насельников монастыря за этот период изменилось незначительно: с 57 человек в 1953 г. до 64 — 1958. Как и прежде, более 70% братии составляли иноки старше 60 лет[185], нетрудоспособных в 1953—1956 годах было 13 человек[186], в 1958 — 26[187].

Духовное ядро обители до самого ее закрытия составляли подвижники, жившие в Глинской пустыни еще до 1922 года. В 1953—1957 годах их было около одной трети, а в 1958 — около одной пятой от

общего числа насельников[188]. Они восприняли от Глинских старцев XIX и начала XX века древние высокодуховные иноческие традиции обители и передавали их следующему поколению. Так, посредством старческого окормления осуществлялась в Глинской пустыни духовная преемственность.

Средоточием духовной жизни обители были старцы: архимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш) и иеросхимонах Серафим (Романцов). Как писал епископ Сумской и Ахтырский Евстратий: "Трудами о. Андроника, о. Серафима — духовника и настоятеля архимандрита Серафима крепла и процветала Глинская пустынь"[189]. Это были светочи старческого окормления. Главным способом искоренения страстей они считали откровение помыслов, так как оно есть единственное надежное и верное средство, связующее звено, обусловливающее общение пастыря с пасомыми.

Под их руководством возрос целый сонм духовных подвижников, многие из которых впоследствии пронесли старческие традиции Глинской пустыни по всей стране.

Особенно отличались высотой духовной жизни схимники обители. Благословение на постриг в схиму в Глинской пустыни давали с большой осмотрительностью и осторожностью. По учению старцев, схима есть совершенное отчуждение от мира для соединения с Господом. Для схимника недостаточно много поститься и молиться; прежде принятия схимы необходимо стяжать разум духовный, познать свое внутреннее состояние, молиться и поститься разумно и уметь различать злоухищрения врага, чтобы не впасть в самообольщение; так что сподобившиеся пострига в святую схиму в Глинской пустыни стояли уже на высокой ступени внутреннего совершенства.

Духовная сила схимников была очень велика. Болезненные, престарелые, они не пропускали ни одной церковной службы, некоторые из них, опираясь на палочки в обеих руках, еле-еле доходили до храма, но не обращали внимания на болезни, потому что все у них покрывалось духовным. Подвиги схимнические несли сокровенно. Схиму носили под верхней одеждой, как ранее это было принято в Глинской пустыни.

Святостью жизни был известен великий Глинский старец *иеросхимонах Гавриил* (в монашестве Гордий, в миру Григорий Андреевич Тюшин). Родился он 30 сентября 1873 года в деревне Ново-Николаевка Путивльского уезда Курской губернии в крестьянской семье[190].

Рано проявилось его стремление к жизни уединенной и созерцательной. Еще в детстве умел он дома, в большой крестьянской семье, сохранять внутреннее безмолвие. Его глубокая религиозная настроенность выразилась в твердом решении посвятить свою жизнь служению Богу в иноческом чине.

В 1913 году Григорий поступил в Глинскую пустынь. По его словам, жизнь в обители напоминала тогда древние времена монашества. Здесь он получил первые уроки иноческого делания: терпения, строгости к себе и безусловного послушания. Именно эти черты, которые он сам называл азбукой монашеской жизни, отличали его впоследствии. С первых дней поступления в обитель Григорий был особенно ревностен к иноческим подвигам и внимателен к своим помыслам. Его благочестивая

настроенность со временем переросла в состояние строго духовного подвижничества: он искренне отвращался от всякого греха, неправедного слова и дела и вел постоянную борьбу с самыми тонкими движениями самолюбия и самоугодия.

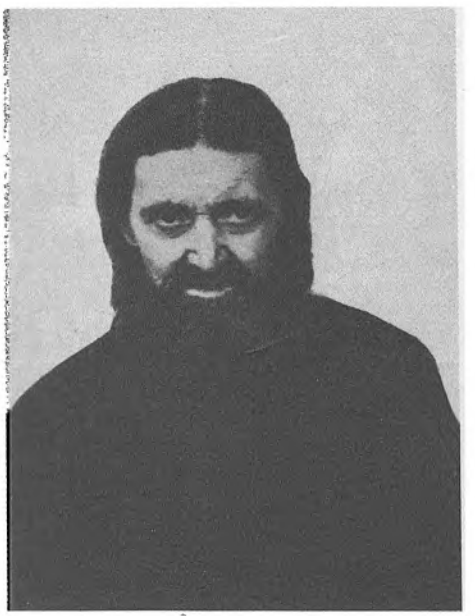
В 1919 году он был пострижен в монашество с именем Гордий[191]. В монашеском чине о. Гордий еще усерднее старался служить Господу, все усилия направлял к тому, чтобы с помощью Божией стяжать в своем сердце огнь Божественной благодати, попаляющей и пожигающей всю греховную скверну. Во время богослужения он следил за собой, чтобы

никогда не отвлекаться; когда молился, старался мыслить только о Боге и о том, что устами произносил пред Ним. После закрытия Глинской пустыни о. Гордий жил на родине, но в 1942 г. одним из первых пришел помогать о. Нектарию в деле восстановления обители[192]. Исполняя должность эконома, он был очень осмотрителен в ведении хозяйства как обязанный дать Богу отчет за монастырское имущество. Бережному отношению ко всему в монастыре учил он и молодых послушников.

Наставники Глинской пустыни:
иеросхимонах Серафим (Романцов),
схиархимандрит Серафим (Амелин),
схигумен Андроник (Лукаш)
(слева направо).
Личный архив автора.
Фотография конца
1950-х гг.

В первые годы, когда у монахов не было обуви, он плел всем лапти, из воска делал свечи для богослужений. Днем без отдыха трудился, ночи проводил в молитве. Среди самых разнообразных трудов послушания он жил в обители как в глубокой пустыне, стяжав полную сосредоточенность духа и непрестанно занимаясь Иисусовой молитвой. Еще в молодости получил он от Глинских старцев наставление: "Будь как глухой, немой и слепой в духовном виде и спасешься", и всегда старался его исполнять. Иногда он настолько углублялся в молитву и богомыслие, что не замечал ни времени, ни окружающих.

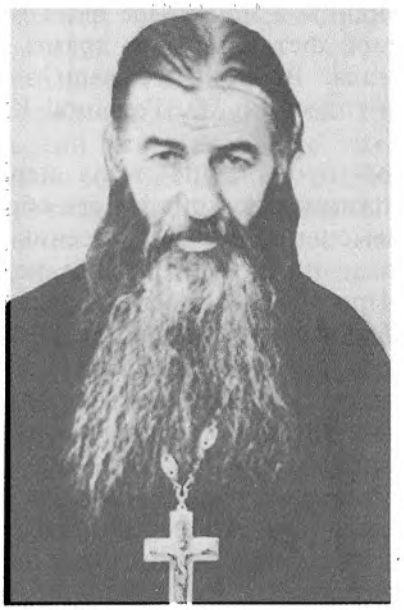

Своим преуспеянием в стяжании умно-сердечной молитвы и внутреннего безмолвия во многом он был обязан о. Серафиму (Амелину), келейником которого был в течение нескольких лет после открытия обители. Не только наставления, но и сам пример святой жизни о. Серафима, которую близко видел келейник, да и одно лишь пребывание в его намоленной, полной сердечных воздыханий келлии приводили душу в то "тихое устроение, в котором почивает Бог"[193].

В мае 1946 года о. Гордий был рукоположен во иеродиакона и в том же году — во иеромонаха[194]. Отец Гордий был предельно исполнителен и тщателен в обычных монастырских послушаниях, но к иерейскому служению он приступал с особой ревностью и страхом Божиим. Пламенное состояние его души передавалось окружающим. Велика была сила совершаемых им благоговейных священнодействий. Даже когда он читал полуношницу в храме, братия говорили, что души их умилялись и возгорались ревностью к духовному деланию.

Монах Иов
(Такшин). 1959 г.
Личный архив
автора

В 1951 году Гордий был пострижен в святую схиму с именем Гавриил. Приняв схиму, он жил как затворник, в келлии пребывал в непрестанной молитве, богомыслии, чтении Священного Писания, в трезвении и рассуждении помыслов, кроме храма никуда не выходил. Храня глубокое смирение и детскую чистоту целомудрия, подвижник всемерно скрывал свой внутренний мир от других. Но лицо его всегда так было озарено отсветом молитвенного пламени, что братия не дерзали даже свободно смотреть на него. Делатель умной молитвы Иисусовой, он достиг в ней высокого преуспеяния.

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Модест (Гамов). Личный архив автора

Старец стремился ни с кем не беседовать, но если просили у него назидания, то всегда готов был поделиться богатством своего чистого любвеобильного сердца и духовной опытности.

Обращавшихся к нему о. Гавриил учил Иисусовой молитве и учеников своих верно вел по пути этого спасительного иноческого делания. Поучения его были четкими и ясными, сразу западали в душу. Он говорил: "Как шурупчик, поставь его в дерево, крути-крути, он и ввернется; так и молитва — повторяй со смирением и страхом Божиим, она и будет прививаться. Бог будет помогать!" За этими бесхитростными простыми словами стоит опыт многолетнего подвига и самоотверженного, напряженного труда.

Старец стяжал и великое дерзновение к Богу, и духовное просвещение ума, и дар прозрения. Благодать Божия преисполняла его сердце, все его существо, а от него изобильно изливалась на других и так умягчала души, что следовавшие его советам забывали всякое земное по-

мышление. Все Глинские подвижники, сами славившиеся высокими добродетелями, глубоко почитали святого старца, стяжавшего истинное духовное рассуждение, и были привязаны к нему искренним духом любви к Богу.

Ущедренный от Бога многоразличными дарованиями, созрел подвижник "в мужа совершенна" (Еф.4,13) и на восемьдесят четвертом году жизни, 1 октября 1956 года Бог призвал его в вечность. Лицо старца, и при жизни благообразное, после кончины так видимо сияло благодатью Божией, что даже глубоко почитавшие его братия обители не могли не удивляться.

Во время его кончины в монастыре было много бесноватых, и ни один из них не смог оставаться в храме во время отпевания иеросхимонаха Гавриила. Все они убежали за монастырь, в лес и кричали там разными голосами: "О, Гавриил! Как ты далеко ушел от нас!"

Братия Глинской пустыни почитала иеросхимонаха Гавриила великим угодником Божиим и по кончине его обращалась к нему, прося его святых молитв и помощи на пути ко спасению.

В те годы в схиме подвизались также иеросхимонахи Иларион (Щастный) и Иоанн (Примаков), схимонах Симон (Хондошко).

Иеросхимонах Иларион (в монашестве Игнатий, в миру Ипатий Филиппович Щастный) родился 25 марта 1867 года в с. Полошки Глуховского уезда Черниговской губернии в семье украинского казака[195].

В 1888 г. Ипатий поступил в Глинскую пустынь, где возрастал в духовной жизни под руководством строгих старцев обители. В 1893 году он был переведен в Троице-Сергиеву Лавру, а в 1897 — в Высоцкий Серпуховский монастырь[196]. Здесь в 1907 году он был пострижен в монашество с именем Игнатий и рукоположен епископом Саратовским Серафимом во иеродиакона[197]. После закрытия Высоцкого монастыря в 1923 году иеродиакон Игнатий перешел в Батуринский монастырь Черниговской губернии, а в 1929 году вернулся на родину, жил у родных и "работал по найму"[198].

В 1943 году о. Игнатий вернулся в Глинскую пустынь. В 1944 г. епископом Сумским и Ахтырским Корнилием он был рукоположен во иеромонаха[199] и стал совершать чредное богослужение в обители. Поскольку это было его основное послушание, то служил он часто. Обуви тогда в монастыре не было, служить ему приходилось в лаптях, и зимой о. Игнатий сильно простудил ноги. Но он безропотно продолжал нести возложенное послушание, несмотря на болезнь. Самоотверженно преодолевая свои немощи, подвижник возрастал в терпении и полной преданности воле Божией. Он не скорбел о болезнях, но считал их необходимым средством воспитания души.

В 1951 году подвижник принял постриг в великий ангельский образ с именем Иларион[200]. После принятия схимы он проводил жизнь, чуждую всякой рассеянности, в непрестанной молитве и богомыслии.

В 1955 году по старости и немощи о. Иларион был освобожден от послушаний. Он так был болен, что и лежать было ему тяжело, но ежедневно понуждал себя, с трудом переступая, ходить в храм на все богослужения и выстаивал все службы с начала и до конца, несмотря на то что ноги его были покрыты ранами и язвами. Автор этих строк,

исполняя в течение нескольких лет послушание аптекаря Глинской пустыни, врачевал и перевязывал его раны и видел, как из них даже черви выпрыгивали, но старец, крепкий терпением, так весь был устремлен в мир духовный, что не обращал на это внимания, болезнь телесная не ощущалась им.

До конца дней иеросхимонах Иларион за все благодарил Бога и безропотно нес свой крест. 14 декабря 1957 года на девяносто первом году жизни с молитвой на устах он предал дух свой Богу[201].

Иеросхимонах Иоанн (в миру Захария Максимович Примаков) принадлежал к тем редким людям, которые с детства и до конца дней хранят незлобную простоту, искренность нрава и бесхитростность. Родился он 5 сентября 1878 года в селе Форостовичи Черниговской губернии в простой крестьянской семье[202].

В 1910 году, стремясь к богоугодной жизни, он поступил в Рыхловский Николаевский монастырь, где уже через два года был пострижен в монашество с именем Зосима, в 1915 году — рукоположен во иеродиакона, а в 1918 году — во иеромонаха. После закрытия обители в 1923 году он служил на приходах Курской епархии. В 1937 году о. Зосиму арестовали и как священнослужителя осудили на пять лет тюремного заключения. После окончания срока он жил в дер. Починка Черниговской области, работал в колхозе сторожем и пас телят. С 1944 года о. Зосима служил священником в Черниговской области, а в 1947 году был принят в Глинскую пустынь. Для него было большой радостью после стольких лет жизни вне ограды монастыря опять поступить в обитель, тем более что строгий устав Глинской пустыни как нельзя более соответствовал самоуглубленному настрою его души.

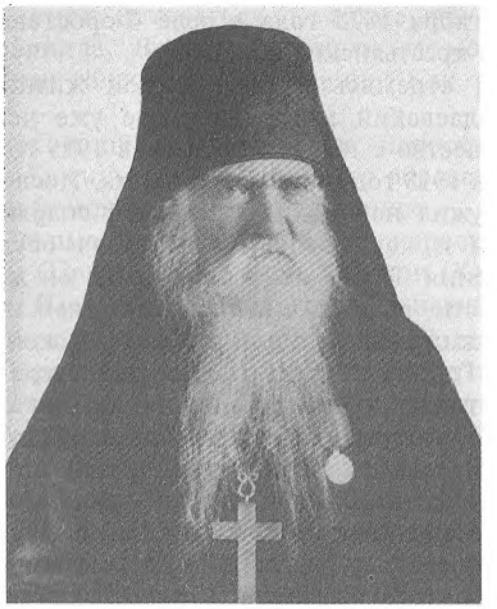
В 1949 г. он был награжден набедренником, а в январе 1953 г. назначен священником в деревню Новая Слобода Путивльского района. Здесь он проявил себя истинным пастырем, не только совершая богослужение, но по-отечески заботясь о спасении вверенных ему душ. Как строгий подвижник, духовно он был выше своей паствы и все силы своей души устремлял на то, чтобы и пасомых возводить к небу. В сентябре 1954 года он был возвращен в Глинскую пустынь, но уже через полгода назначен на другой приход — в село Гремячин Ямпольского района.

Вот как пишет об этом периоде его пастырства благочинный Глуховского района: "Иеромонах Зосима — монах по призванию, но не замкнутый, а общительный. В обращении с людьми ласковый и простой... Влияние его на верующих очень благотворно. За богослужением он говорит проповеди краткие, но внушительные. Пользуется любовью и уважением не только прихожан, но и верующих из дальних мест, посещающих его ради духовного назидания и совета"[203].

Когда старец почувствовал, что силы его угасают, то неоднократно обращался с прошением к епархиальному начальству о возвращении его в обитель. Наконец, в декабре 1956 года он переехал в Глинскую пустынь, где вел высокодуховный образ жизни и постоянно готовился к смерти. Много лет в келлии его был только гроб, в котором он и спал. По ночам он занимался Иисусовой молитвой, не вмешивался ни в какие монастырские дела, но обращался со всеми с искренней любовью, особенно поддерживал молодых иноков, стремился привить им любовь к

молитве. Он говорил, что молитва — это путь к Богу. Молитва носит в себе духовную силу, которая разрушает все козни врага.

Имея великую ревность к богоугодной жизни, о. Зосима особенно жаждал схимы и долго ее просил, но сподобился принять лишь во время предсмертной болезни. Схиигумен Андроник (Лукаш) постриг его в схиму келейно накануне празднования преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова и нарек ему имя Иоанн. Уведомление об этом было послано епархиальному архиерею уже после пострига. Через два дня после принятия схимы 11 октября 1957 года старец почил о Господе[204].

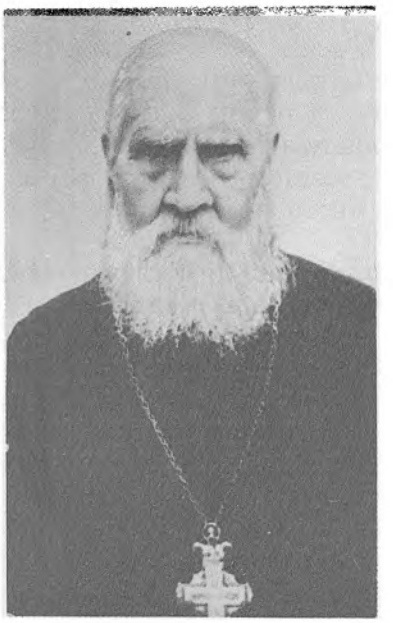

Схиархимандрит Серафим (Амелин). Фотография 1950-х гг.

Схимонах Симон (в миру Сергий Григорьевич Хондошко) родился 2 сентября 1877 года в селе Ляличи Суражского уезда Черниговской губернии. В 1899 году он поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь[205]. В этой обители, основанной на Кавказе монахами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря Святой Афонской Горы, в то время подвизались и мудрые в духовной жизни Афонские старцы — последователи учения преп. старца Паисия Величковского, советами которых и руководствовался молодой подвижник. Особенно он почитал настоятелей обители: старца архимандрита Иерона, управлявшего монастырем до 1912 года[206], и его преемника игумена Илариона. В 1913 году Сергий был пострижен в монашество с именем Симон. Стремясь обновить и очистить свои помышления, он постоянно осуждал самого себя. Память смертная и страх будущего суда, как огонь, поядали нечистоту его сердца и приготовляли к принятию благодатных даров.

В 1925 году обитель была закрыта, но к этому времени, проведя более 25 лет в монастыре, о. Симон был уже опытным подвижником, имевшим духовную целеустремленность и собранность.

Покаяние считал он необходимым целожизненным подвигом, и оно стало его постоянной душевной настроенностью, так что все скорби он воспринимал как средство для очищения сердца от всего греховного. Такое расположение души помогло ему не только мужественно перенести все уготованные испытания, но и получить от них духовную пользу.

Схиигумен Кириак (Оробцов) (1874—1961). 1959 г. Личный архив автора

После закрытия монастыря о. Симон вместе с другими новоафонскими иноками перешел в пустынь в горах недалеко от с. Цебельда Сухумского района, где подвизался пять лет[207], и был пострижен в схиму с именем Симон. В 1930 году пустынь была разорена, а сами пустынники арестованы. Отец Симон был осужден на "принудительные работы в лагерь на Урале"[208]. В 1935 году вернулся из заключения и поселился в селе Енисели[209]. Почти двадцать лет о. Симон провел в этом грузинском селе. Душа его, очищенная искренним покаянием и скорбями, все более и более просвещалась благодатью Божией. С плачем о грехах вымолил он у Господа дар истинного ведения и ясно видел, что есть добро и что есть зло, как надо поступать в том или ином случае. Ему было дано провидеть последствия человеческих действий и поступков.

Отец Симон очень хотел окончить жизнь в монастыре. Летом 1954 года он приехал в Глинскую пустынь, где с любовью был принят о. Серафимом (Амелиным) в число братства[210]. Здесь он пользовался ува-

жением не только старцев, духовно прозревавших высоту его монашеского подвига, но и богомольцев, посещавших обитель.

В Глинской пустыни дар духовного рассуждения о. Симона — плод понесенных им искушений и духовной борьбы — раскрылся во всей полноте в служении ближним.

У тех, кто следовал его советам, жизнь устраивалась, а сами они достигали духовного совершенства. Случаев его благодатной прозорливости было множество. Говорили, например, в обители богомольцы о своем горе: "Кто бы нам посоветовал, растолковал, как быть?" А о. Симон сразу подходил и спрашивал: "Вы меня звали?" Они в недоумении отвечали: "Нет, батюшка, никто не звал". А он опять спрашивал: "Вы меня звали?" и тут же давал ответы на мучившие их вопросы и советовал, как поступить. Только потом они вспоминали, что перед этим говорили: "Кто бы нам растолковал?" Впоследствии богомольцы, уже по опыту зная силу его наставлений и молитв, сами подходили к нему за советом, так что он все время был окружен людьми. Отец Симон много предсказывал, и предсказания его всегда сбывались.

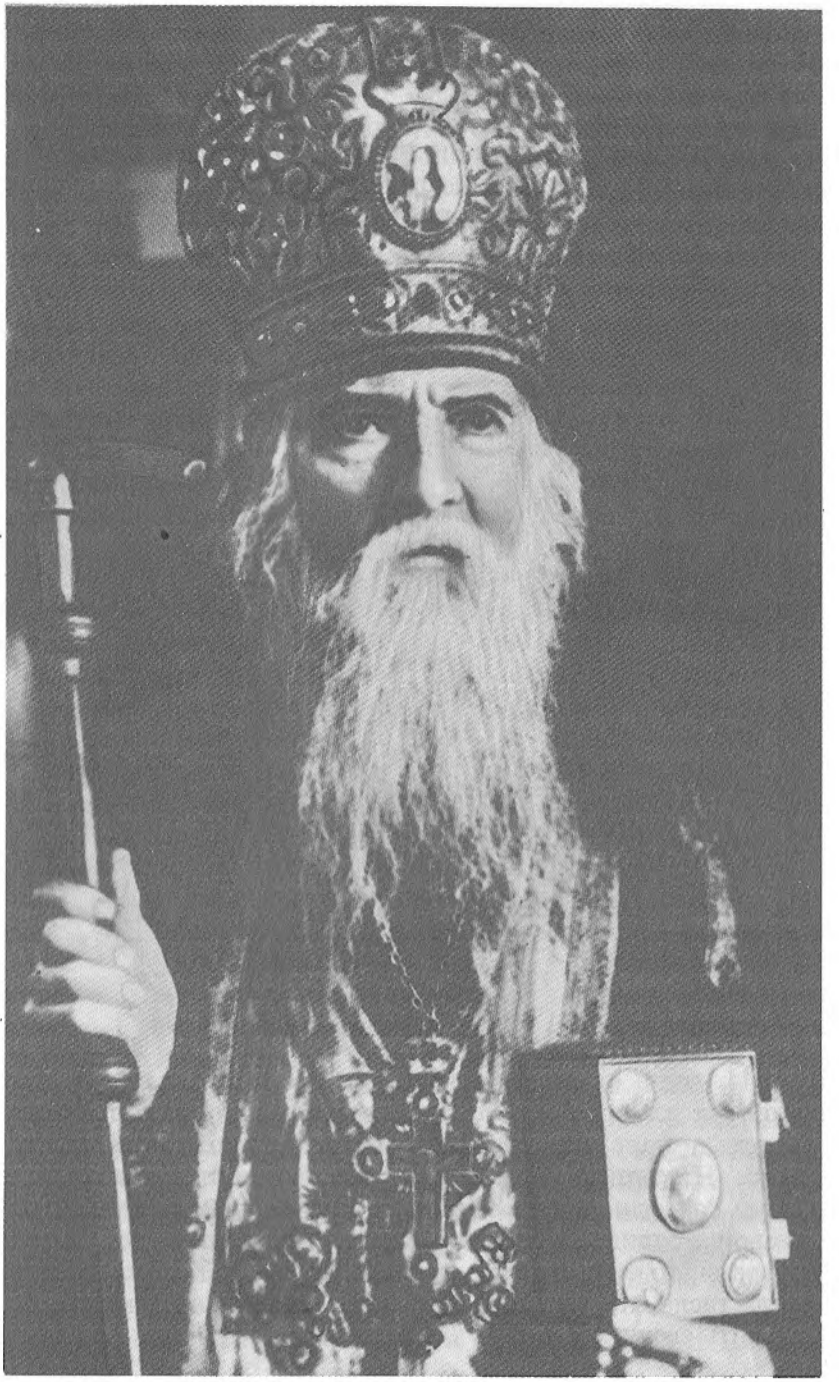
Иногда молодые иноки спрашивали его, как может человек прозревать помыслы ближних, предсказывать будущее. Он отвечал, что как стекло по мере очищения становится прозрачным и более способным пропускать через себя поток света, так и душа, обратившаяся от грехов к Богу, чем более покаянием и верою очищается от грехов, тем более просвещается благодатью, и тогда как бы завеса некая спадает с ее душевного ока и она получает способность ясно видеть то, что прежде от нее было скрыто и чего не видит занятый суетой земной жизни мир.

На основании учения святых отцов и подвижников, а также и своего личного опыта он говорил, что христианское совершенство состоит в глубине смирения. Смирение — основное религиозное чувство, без которого нельзя познать истины, ибо смирение — это способность видеть истину. Смирение открывает нам глаза, и мы можем видеть даже и малые наши погрешности. Пути к достижению смирения — почаще открывать свои немощи на исповеди, а также приучать себя к самоукорению.

Когда старцу исполнилось восемьдесят лет, он почувствовал приближение кончины и в последние месяцы своей жизни, несмотря на слабость телесных сил, всемерно старался утешить, поддержать, наставить и даже обласкать приходивших к нему за советом. Он не только не уединился, а, наоборот, стремился как бы всего себя отдать полностью на служение людям. На второй день Рождества Христова 8 января 1958 года[211] о. Симон с молитвой на устах предал свой дух в руки Божии.

Но не только схимники Глинской пустыни вели жизнь подвижническую. В те годы многие иноки обители были исполнены даров Духа Святого и отличались благочестием.

Все сведения о богослужебном уставе поступавшим в обитель передавал опытнейший уставщик *монах Иакинф* — слепец. Лишенный возможности видеть этот временный мир, очами ума он созерцал Царство Божие.

Настоятель Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Амелин). 1957 г. Личный архив автора

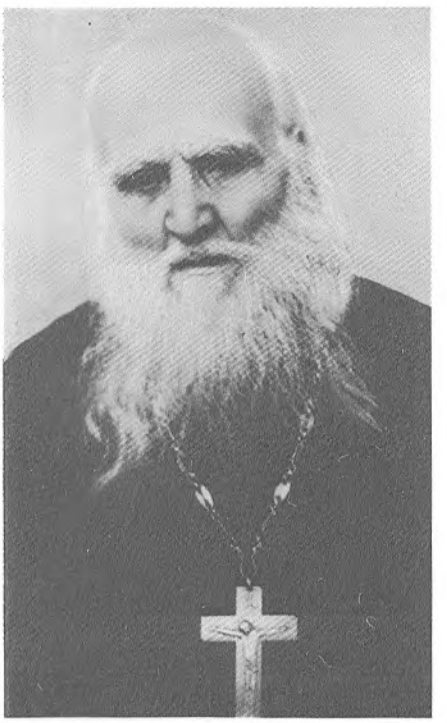
Отец Иакинф (в миру Иаков Антонович Резник) родился 23 октября 1888 года в г. Кролевец Черниговской губернии, в семье украинского казака[212]. От юности он был избран Богом на служение Ему и призван к иноческой жизни. В 1907 году Иаков поступил в Глинскую пустынь, где проходил послушание при корзинной мастерской[213]. В 1920 году архимандритом Нектарием он был пострижен в монашество[214]. Монах Иакинф отличался особенным усердием к молитве и трудолюбием. После закрытия обители он жил на родине. Там потерял зрение и вынужден был питаться подаянием.

В 1944 году он вернулся в Глинскую пустынь и проходил послушание на клиросе[215]. Обладая прекрасной памятью, он наизусть читал Апостол, паремии, детально изучил церковный устав и после кончины о. Никодима (Калиуша) стал уставщиком обители. Отец Иакинф был как огнь. Отличаясь высокой духовной настроенностью, он скрывал свои подвиги. Когда о. Иакинф выходил читать Апостол на середину храма, то брал с собой зажженную свечу; пока он шел, свеча у него иногда гасла, но он этого не мог видеть, читал Апостол, а потом начинал гасить свечу.

В Бозе почивший настоятель
Глинской пустыни
схиархимандрит
Серафим
(Амелин). 1958 г.
Личный архив
автора

Несмотря на слепоту, о. Иакинф все время был в трудах послушания и не только не роптал на свою участь, но благодарил Бога. Постоянным самопринуждением, молитвой и подвигами воздержания он прогнал тьму страстей из своей души и сподобился озарения вечным светом Божиим. Видя его духовную опытность, многие ходили к нему за советом. Отец Иакинф наставлял молодых иноков пребывать все время с мыслью о всевидящем и вездесущем Боге, пред Ним совершать все свои подвиги и дела, выработать ревность к богоугодной жизни и не угашать ее невниманием к своим помыслам. Никогда не было в нем уныния или

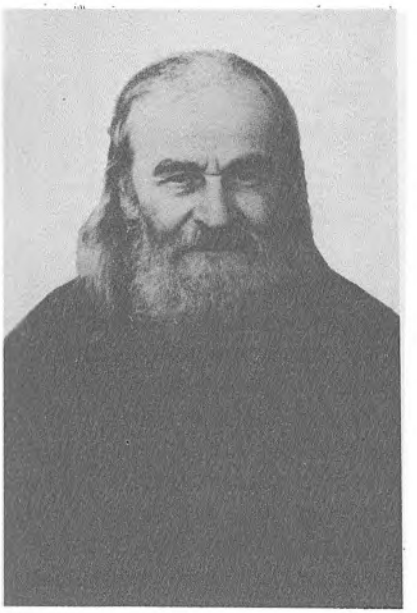
недовольства, наоборот, его бодрость, живая вера в жизнь будущую и стремление к этой жизни передавались окружающим. В общении с ним так чувствовалась эта вечная жизнь, мир иной, что самые тяжелые скорби казались незначительными, страсти умирялись, и человек невольно начинал смотреть на земную жизнь лишь как на приготовление к вечности. Отец Иакинф был в обители до самого ее закрытия. Затем он переехал в село Новая Слобода Путивльского района, к почитавшим его богомольцам, где и скончался.

Большим духовным авторитетом в обители пользовался *иеродиакон Георгий* (в миру Григорий Тихонович Ефименко)[216]. Родился он 23 ноября 1888 года в селе Загребелье Черниговской губернии. Вырос в простой украинской семье, помогал родителям вести крестьянское хозяйство, в 1898 году окончил трехклассную начальную школу.

Схиигумен Николай (Хондарев). 1959 г. Личный архив автора

В 1905 году в возрасте 18 лет он поступил в Глинскую пустынь[217], где безропотно и со смирением исполнял волю отца настоятеля и старцев, неленостно трудясь на монастырских послушаниях, нередко весьма тяжелых. Отличаясь совершенным послушанием всем и каждому, он стремился укрепить свой дух опытами строгого подвижничества. Сердце его разгорелось любовью ко Господу, и целью его жизни стало теснейшее единение души с горним миром.

В 1911 году молодого послушника забрали на военную службу, а с 1914 по 1918 год он был в действующей армии. Вернувшись на родину,

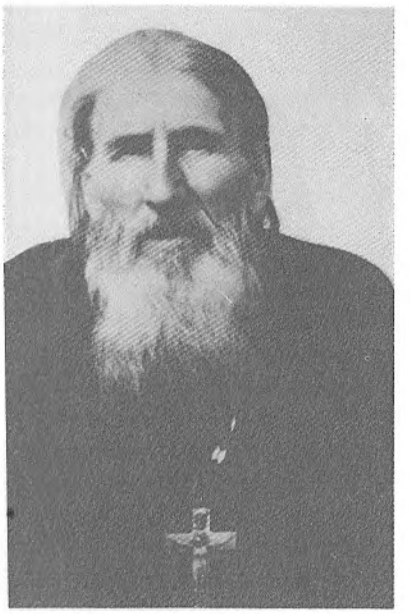
до 1921 года он работал "охранником в лесхозе, затем в ремонтной бригаде на железной дороге и в колходе с. Загребелье"[218]. Но и в миру Григорий не расточил того внутреннего богатства своей души, которое стяжал в обители. Наоборот, он приучил себя думать, что для него в целом мире есть только он сам и Бог, Его любил он всем сердцем, желал и искал. Кроме Бога и своих слабостей, ничего не видел, не знал, и никакая укоризненная мысль в отношении ближних не касалась его ума.

В 1954 году Григорий вернулся в Глинскую пустынь. Более сорока лет пробыл он вне обители, но все эти годы самым верным духовным ориентиром для него были уроки и наставления Глинских старцев, полученные им еще в годы молодости. И он не только усвоил эти старческие заветы, но и осуществил их в своей жизни, и душа его стяжала благодатные дары Духа Святого.

Монах Никандр,
в схиме Никита
(Шапошник) (1884—1960).
Личный архив
автора

В обители Григорий, по своему обыкновению, смиренно трудился: выпекал хлеб, плотничал и тайно, так как это было запрещено уполномоченным, делал свечи. Автор этих строк, еще будучи послушником, помогал ему в этом послушании. За день из чистого пчелиного воска делали несколько пудов свечей (в монастыре тогда уже был свой пчельник).

В 1956 году Григорий был пострижен архимандритом Серафимом в монашество с именем Георгий, а 9 сентября 1956 года епископом Евстратием рукоположен во иеродиакона[219].

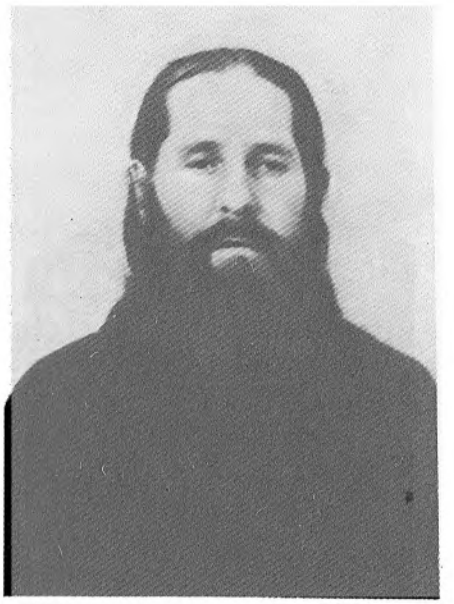

Иеромонах Исмаил,
в схиме Исихий (Невдачин).
Личный архив
автора

В прикровенных речах и намеках скромного и смиренного труженика все более начала обнаруживаться благодатная прозорливость, привлекавшая внимание иноков. Старец провидел духовное состояние близких, предостерегал от падений, раскрывал козни врага. Неоднократно о. Георгий предсказывал закрытие Глинской пустыни, но в то же время, утешая монахов, говорил, что Глинская пустынь опять обязательно будет открыта и даже показывал место, где должен будет строиться новый собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Он рассказывал, что Глинские старцы еще до закрытия обители в 1922 году говорили об этом.

Когда молодые монахи просили у него духовного наставления, то он говорил, что главное — хранить в душе мир. Этот мир ("Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает, Я даю вам". — Ин. 14, 27) есть место, недосягаемое для лукавого. Злой дух, лжец и разбойник духовный, стремится прежде всего вывести человека из рав-

новесия, возмутить его, расстроить. Когда ему это удается через какое-либо искушение или наваждение (чаще всего — через другого человека), тогда в сей "мутной воде" души враг начинает делать свой улов, толкать человека, ослабленного страстью (гнева, зависти, похоти, стяжательности), на преступление, то есть преслушание Закона Христова. И если человек молитвой и покаянием не порвет этой паутины, то делается орудием лукавого, поэтому правило духовной борьбы: всякую страсть побеждать силою Христовой немедленно, как только она зародилась. Изгнать совершенно мы ее не можем сразу, но

можем все время загонять ее на "дно", чтобы там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит "прорыв", сейчас же все внимание сердца надо обратить туда и усилием, то есть молитвенной борьбой, надо восстановить мир сердца, души. Это и есть трезвение духовное.

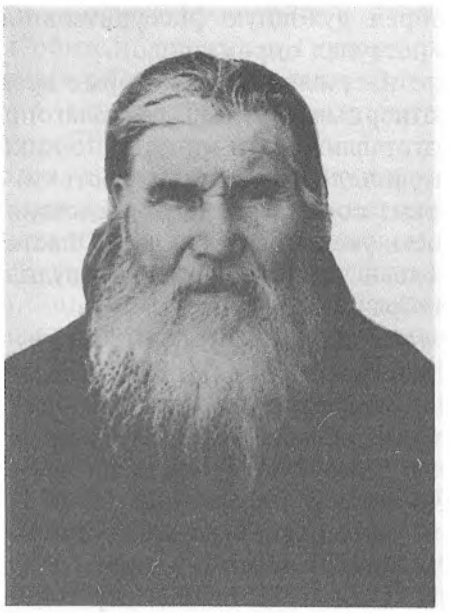
Для духовно трезвого человека враг не страшен. Он страшен и опасен лишь для сонливого, ленивого, расслабленного душой. Такого человека никакая праведность не может спасти. Можно сделать множество подвигов на войне, но если все они закончатся изменой — ничего они не будут значить. "Претерпевший до конца, тот спасен будет". Но если человек будет столько же уделять заботы к охранению своей души, сколько враг употребляет для ее погубления, то, конечно, он может быть спасен. В глубине мирного и свободного своего сердца

Монах Иоасаф (Дегтяренко)
(1915—1960). 1959 г.
Личный архив
автора

он, даже посреди больших испытаний, всегда услышит ободряющий голос: "Это Я — не бойтесь" (Мф. 14, 27).

Отец Георгий неоднократно повторял, что земные пристрастия ослабляют остроту зрения духа. В послужном списке о. Георгия было сказано, что он "примерный монах, способный, весьма скромный, труженик, отличается смирением"[220]. После закрытия Глинской пустыни о. Георгий переехал на родину к родственникам, где и окончил свой земной путь.

Игумен Серафим (в миру Стефан Евтихиевич Кондратенко) родился

Монах Мелетий (Кириченко)
(1883—1960). 1959 г.
Личный архив
автора

24 декабря 1872 года в селе Верхняя Сыроватка Краснопольского уезда Сумской губернии в крестьянской семье[221]. В 1891 году он поступил в Глинскую пустынь, где проходил общие послушания до 1894 года, затем был переведен в Куражский Преображенский монастырь Харьковской губернии. Здесь в 1903 году он был пострижен в монашество, в 1905 году — рукоположен во иеродиакона и затем во иеромонаха. В 1912 году о. Серафим был перемещен в Курский Знаменский монастырь, а в 1914 г. его назначили в действующую армию священником при 442-м Кашинском полку. За добросовестное исполнение священнических обязанностей в 1916 году он был награжден наперсным крестом. В 1917 году о. Серафим вернулся из армии и подвизался в Софрониевой пустыни Курской губернии до самого ее закрытия. С 1921 по 1928 год он был священником в Пантелеимоновской церкви г. Сумы, затем с 1929 по 1943 год служил в разных храмах Сумской и Курской епархий, был

псаломщиком в Николаевской церкви г. Алупки, работал сторожем в разных организациях г. Сумы. С 1943 по 1949 год о. Серафим служил священником в селе Новая Слобода Сумской области. В 1946 году Святейшим Патриархом Алексием он был награжден саном игумена, в 1949 г. ушел за штат, а в 1951 году поступил в Глинскую пустынь[222], где пользовался уважением братии как опытный в духовной жизни, "тихий, кроткий и уступчивый"[223] старец.

У него всегда было много исповедников. За долгие годы монашеской жизни и пастырского служения он изучил малейшие движения души, познал все оттенки той борьбы, которую враг ведет с человеком, и приобрел духовную рассудительность, руководствуясь которой никогда не поступал опрометчиво.

Он не спешил с наставлениями, которые время и терпение могут сделать более плодотворными, а выбирал благоприятные минуты для наставления, сам подготавливал эти минуты, но никогда не предварял их. Слово свое он управлял по обстоятельствам, приспосабливая к различным характерам, соразмеряя с последствиями, которых желал. Такая рассудительность увеличивала силу его пастырской деятельности. До последних дней своей жизни о. Серафим трудился в святой обители. Скончался он 19 октября 1956 г.[224].

Рясофорный монах Глинской пустыни *Самуил* Иванович Конобаев родился 20 августа 1884 года в семье мещан в городе Глухове[225]. Окончив три класса начальной школы, с шестнадцати лет он начал работать в Глуховской типографии сначала переплетчиком, а затем наборщиком. Самуил часто ездил в Глинскую пустынь на поклонение Чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы. Под руководством мудрых Глинских старцев он знакомился с наукой о духовном делании. Самуил стал часто уединяться для молитвы и просить Господа управить его жизненный путь. Пламенная молитва укрепляла в душе молодого человека чувство глубокой любви к Богу. Реальное ощущение близости Бога все более овладевало его сердцем.

Видя стремление Самуила к строгой духовной жизни, в 1909 году старцы благословили его поступить в Глинскую пустынь[226]. Почти сразу он был определен на послушание при живописной мастерской, одновременно как хорошему мастеру ему давали послушание и при переплетной[227]. Но главный его труд был труд внутренний — над очищением сердца от страстей. Это были годы духовного возрастания, постижения основ монашеского делания.

Старцы говорили ему, что путь к вечной жизни состоит в чистоте как телесной, так и душевной. И самым важным условием этой чистоты должно быть господство духа над плотью, который бы стоял на страже сердца, подобно воину на своем посту, и все возникающие в душе скверные пожелания уничтожил бы призванием всесильной помощи Божией.

Чтобы достигнуть свободы от страстей, каждому христианину необходимо воздержание, борьба с телом, так как всякий излишек моментально отражается на внутреннем состоянии духовного человека, стремящегося всегда быть молитвенным, легким, удобоподвижным к добру, свободным от темных, двоящихся и давящих мыслей, неизменно облегающих душу от невоздержания в питии, в пище и сне.

Исполняя наставления духовных отцов, Самуил до конца своих дней непрестанно боролся с самим собой, со своей греховностью и с невидимым бесплотным врагом, пользующимся малейшей оплошностью или невнимательностью человека, тем более инока.

Он выработал в себе столь необходимую в деле христианского спасения ревность к богоугодной жизни и стал строгим подвижником-аскетом, ибо, по мысли святителя Феофана (Говорова), "истинная ревность безжалостна к себе"[228].

В сентябре 1915 года Самуил был пострижен в рясофор. В 1918 году он проходит послушание в Могилевском Братском монастыре, затем был возвращен в Глинскую пустынь[229].

После закрытия обители он жил в Глухове, работал сторожем. В начале 1943 года вернулся в Глинскую пустынь. В период восстановления обители он проходил самые разные послушания, а с 1952 г. — послушание переплетчика[230].

Самуил отличался очень строгой жизнью и необыкновенным простосердечием и смиренномудрием. Побранят его (старцы, проверяя терпение монахов, часто их укоряли), а он улыбается и кротостью своей обезоруживает всех. В храме во время богослужений, когда по уставу можно было сидеть, он, подобно малому младенцу, по смирению садился на пол, поджав под себя ноги. Непрерывная умно-сердечная молитва и ревностное исполнение заповедей Божиих переродили его душу и действительно уподобили ее незлобивым и смиренным младенцем, младенцам о Христе.

Считая себя недостойным монашеского звания, Самуил не принял даже пострига в мантию, но братия искренно уважала и любила его за чудную простоту и девственную чистоту, которую он сохранил с детских лет. Целомудрие — это здравость ума, непотемняемого страстями, всеми вообще, но в особенности страстью плотской, которая сильнее всех помрачает ум, больше всех увлекая сердце. Самуил, всем сердцем преданный Богу, считал, что на нас лежит непременная обязанность очистить самую душу от скверны помышлений, мечтаний и ощущений. И его жизнь была подтверждением того, что целомудрие также означает чистоту сердца от нечистых помыслов, пожеланий и привязанностей.

Чувствуя приближение смерти, подвижник стал еще более внимательно относиться к самому себе, готовясь к той минуте, когда должен будет предстать перед Судией и Господом. В конце своей жизни он предался совершенному безмолвию и самоуглублению. Блаженная кончина его последовала 10 июня 1957 года[231].

В среде таких подвижников и младшая братия возрастала в богоугодной жизни. Старцы подавали пример своим смирением, кротостью, молитвенностью. Это передавалось и позволяло новоначальным инокам духовно совершенствоваться.

В Глинскую пустынь для духовного назидания и исправления, как и прежде (в XVII — начале XX века), присылались провинившиеся клирики. Так, в 1956 году Святейший Патриарх Алексий направил в Глинскую обитель архимандрита Сергия (Гаврилова), бывшего наместника Псково-Печерского монастыря, который прожил в пустыни до февраля 1957 года, затем был перемещен в Астраханскую епархию[232]. В 1957 году для "духовного возрастания под руководством опытных

старцев" были присланы иеромонах Псково-Печерского монастыря Ириней (Пономарев) и иеродиакон Троице-Сергиевой Лавры Ксенофонт (Ращупкин)[233]. Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн в январе 1954 года направил в Глинскую пустынь — "для пользы его души" — монаха Назария (Кулако) из Киево-Печерской Лавры, а в октябре того же года — запрещенного в священнослужении протодиакона Владимирского собора Киева Филиппа (Мошно) "для прохождения епитимии"[234].

В октябре 1957 г. митрополит Иоанн направил на послушание в Глинскую пустынь иеродиакона Киево-Печерской Лавры Геронтия (Резника)[235]. Все епитимийцы с пользой для души пребывали в обители. А иеродиакон Геронтий (Резник), хорошо себя зарекомендовавший, в апреле 1959 года по прошению настоятеля Глинской пустыни был рукоположен во иеромонаха и проходил чредное священнослужение в обители до самого ее закрытия[236].

Духовное окормление и нравственная поддержка народа были одними из главных подвигов Глинских старцев. Святость жизни иноков, чистота их душ, чудеса, ими совершаемые, их молитвы, низводящие благодать небесную в сердца богомольцев, оказала огромное плодотворное влияние на духовное воспитание народа. Люди стремились в обитель со своим горем, скорбями, болезнями. Они видели, что все труды иноков направлены на стяжание в своей душе Царствия Небесного и достижение господства духа над плотию. Глинская пустынь была тем домом милосердия, где каждый встречал теплый прием, искреннюю любовь, получал утешение и необходимую помощь. Богомольцев не только кормили всем, что было у братии, но нуждающимся помогали также деньгами, одеждой, обувью (даже в то время, когда в обители не хватало самого необходимого).

Устав обители, распорядок дня, внутреннее устроение каждого инока — все в Глинской пустыни было удивительно согласовано, проникнуто особой просветленностью и одухотворенностью. Паломники, чувствуя что монахи всецело устремлены к жизни будущей, вечной, сами пробуждались от греховного омрачения, приходили к покаянию и становились ближе к Богу.

Особенно сильно воздействовали на душу глубокая молитвенная настроенность монастырских богослужений и их продолжительность. В храм люди всегда несут страдания и скорби своего сердца, кровоточащие раны своей совести, сознание заблуждения своего ума, расслабление своей греховной воли. Каждый из стоящих в храме в своем сердце молится Богу о помощи в скорбях, об ограждении от соблазнов и искушений, сокрушается о своих неправдах.

Глинские подвижники, имея дух молитвы, с великим дерзновением просили за народ. Поэтому в храме Глинской пустыни душа сама устремлялась ввысь, возгоралась любовью ко Господу. Недаром старцы любили поучать: "Будь свечой горящей!" Богослужения, совершаемые истинными пастырями Глинской обители, перерождали души грешников и обращали их к Богу. Молясь в храме Глинской пустыни, человек мог глубоко понять и внутренне духовно воспринять преизобилие благодатной жизни в Святой Православной Церкви. Молитва переносила людей в неземной мир, по молитвам старцев многие получали дар искреннего покаяния и другие благодатные дарования.

Отношение богомольцев к Глинской пустыни в тот период вполне можно выразить словами: "Мы чувствовали себя там, как в среде святых, и ходили со страхом, как по Земле Святой"[237].

Глинские иноки умели соединить строго подвижнический уклад монастырской жизни с полезной практической деятельностью, свой аскетизм с живым пониманием всех человеческих слабостей и пастырским к ним снисхождением, стремление к высшему духовному совершенству с требованиями действительной жизни и ее разными случайностями.

Слева направо: архимандрит Модест (Гамов), митрополит Зиновий (Мажуга), схиархимандрит Серафим (Романцов), схиархимандрит Андроник (Лукаш). Личный архив автора

Обитель была духовной лечебницей для душ, истерзанных грехом, потерявших или не нашедших смысла жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения, духовной поддержки, а также разрешения своих сомнений и недоумений.

Приезжая в обитель, люди шли на исповедь, выбирали духовника, к которому потом ездили постоянно и советами которого руководствовались всю жизнь. Глинские пастыри были истинными душепопечителями, умели говорить непосредственно с "внутренним человеком" собеседника. Они пробуждали в грешнике недовольство своим состоянием и желание лучшего, заставляли возвыситься над

страстями, утверждали в кающихся надежду на любовь и всепрощение Божие и достигали полного духовного врачевания. Очищение совести и обновление духа получали паломники в таинстве Покаяния, когда исповедовали свои грехи и с сокрушенным сердцем раскрывали перед Богом свои падения, немощи, раны души.

Глинские пастыри разъясняли пасомым чрезвычайную важность таинства Исповеди при смущении помыслов. Иногда случаются помышления неверные и хульные на Бога или на Пресвятую Богородицу, на святых, на Святые Таины, на иконы и т. д. Такие помыслы могут неожиданно возникнуть в любое время, даже во время молитвы или богослужения. Такие злые помышления, возникающие помимо нашего желания, есть внушение врага рода человеческого — диавола. Их надо презирать, как бы их и нет. Не допускать смущения и скорби, ибо этого добивается диавол, но следует открыть их духовнику на исповеди.

Исключительные пастырские качества Глинских старцев — их живая вера в Бога, любовь к Нему и Его народу, жертвенность, твердость и верность долгу — делали их яркими образцами для всех пастырей. В те годы исповедовали богомольцев и пользовались у них авторитетом иеромонахи: Михаил (Петренко), Симеон (Нестеренко), Власий (Сумин) и Иосиф (Ходыревский).

Иеромонах Михаил (в миру Макарий Артемьевич Петренко) родился 25 июня 1883 года в селе Ястребщина Глуховского уезда Черниговской губернии. Родители его были крестьяне. В 1905 году он окончил церковно-приходскую школу, с 1905 по 1907 год был на военной службе, затем жил на родине и занимался сельским хозяйством[238].

29 мая 1943 года Макарий поступил в Глинскую пустынь. Кроме общих послушаний, он исполнял в обители послушание пономаря. В 1945 году он был пострижен в монашество с именем Михаил и рукоположен во иеродиакона, а в 1948 — во иеромонаха, а с 1947 года исполнял должность ризничего[239]. 23 марта 1953 года о. Михаил был назначен экономом обители[240]. В этой должности он много потрудился, ревностно заботясь о строительстве новых зданий в монастыре.

Кроткий, смиренный, молчаливый, он был любим всей братией. В 1954 году о. Михаил был награжден набедренником[241]. В его послужном списке сказано, что он отличался "особым смирением, терпением и послушанием". Отец Михаил совершал чредное священнослужение и исповедовал богомольцев[242].

Это был духовник ревностный, он стремился возрождать души тех, кто к нему обращался, и приводить их к единению со Христом. Требуя от духовных детей глубоко смиренного, молитвенного подвига и духовной борьбы с собой, о. Михаил постоянно ободрял своих чад, водворял в их сердца желание стремиться к небесной жизни и побуждал к высшим подвигам и мужеству. Искренность и сострадание настолько сближали его с духовными чадами, что он прекрасно видел и понимал их духовные запросы, глубоко скорбел об их грехах, все их недостатки и падения считал следствием своей недостаточной ревности и мудрости и поэтому всегда и во всем внутренне укорял себя.

Духовная опытность о. Михаила привлекала к нему и братию монастыря; многие иноки ходили к нему за советом. Возбуждая в них

Схиархимандрит Андроник
(Лукаш).
Личный архив автора

ревность к истинно монашеской жизни и раскрывая ее смысл, о. Михаил говорил, что Царствие Божие есть внутреннее состояние, которое является следствием духовного богоносного настроения души. Человек с таким настроением уже на земле становится членом Царствия Божия и способен переживать радость райского состояния. К стяжанию этого Царствия в своей душе еще здесь, на земле, и необходимо стремиться каждому человеку, тем более монаху. О духовной опытности о. Михаила и о том высоком доверии, которое оказывали ему воспитавшие его Глинские старцы, свидетельствует тот факт, что ему

У могил Глинских старцев: схиархимандрита Серафима (Амелина), архимандрита Нектария (Нуждина) и схигумена Антония (Ветер). Личный архив автора.
Фотография конца 1950-х гг.

поручали совершать постриги в монашество и руководство новоначальными. В 1958 г. Святейшим Патриархом Алексием он был награжден наперсным крестом[243]. После закрытия обители из-за болезни ног он был переведен в Глуховскую районную больницу[244], затем переехал в село Шалыгино, где в скором времени скончался.

Большим уважением как духовник пользовался у богомольцев *иеромонах Симеон* (в миру Семен Матвеевич Нестеренко). Родился он 1 сентября 1920 года в селе Береза Глуховского района Сумской области в бедной крестьянской семье. В Глинскую пустынь поступил в начале 1943 года[245]. Здесь он сподобился подвизаться под руководством великих

Глинских старцев, жил в одной келлии с иеросхимонахом Никодимом (Калиушем) и получал назидание от созерцания самого образа жизни этого святого отца. Семен имел не только беспрекословное послушание, но и всей душой стремился узнать мнение старцев по различным вопросам, чтобы напитать душу их спасительными наставлениями и знать, как нужно поступать в самых разнообразных жизненных ситуациях. Ответами старцев он руководствовался потом всю жизнь. Особенно они помогли ему после закрытия обители.

Несмотря на болезненное состояние, Семен много трудился в

обители. Сначала он исполнял послушание помощника повара. Затем в 1943 году епископ Сумской и Ахтырский Иларион посвятил его в иподиакона[246], и он начал проходить клиросное послушание. Обладая хорошим голосом, он стал канонархом обители и подробно изучил устав. В 1951 году Семен был пострижен в монашество с именем Симеон, 21 мая 1951 года рукоположен во иеродиакона, а 7 февраля 1954 года по иеромонаха[247]. С этого времени и до конца 1955 года о. Симеон служил на приходе[248]. Вернувшись в обитель, о. Симеон совершал богослужения и был назначен духовником богомольцев. В этом своем служении он всемерно старался передать всем, кто к нему обращался,

Отпевание схиархимандрита
Андроника (Лукаша)
совершает митрополит
Зиновий (Мажуга)
с собором духовенства. 1974 г.
Личный архив
автора

Отпевание схиархимандрита Андроника (Лукаша). 1974 г. Личный архив автора

то верное духовное направление, которое сам получил от Глинских старцев. Очистив душу покаянием, отсечением своей воли и терпением болезней, он так ясно видел внутреннее состояние людей, что многие считали его прозорливым. В 1957 году епископ Евстратий наградил о. Симеона набедренником[249].

Стараясь пробудить души пасомых от греховного сна, о. Симеон не только проповедовал, но и перепечатывал на пишущей машинке, а затем рассылал душеполезные поучения из листков, изданных Русским Свято-Пантелеимоновым монастырем на Афоне. Духовные книги в те годы

достать было трудно, и такая деятельность о. Симеона была делом духовного милосердия по отношению к ближним.

Письма о. Симеона часто содержали наставления о неизбежности и необходимости несчастий в жизни человека. "Несчастия, возбуждая от пагубного самозабвения, напоминают человеку, что он странник и пришелец на земле и что наследие его со Христом на небесах, куда и должно стремиться ему всею силою души своей"[250]. Он призывал верующих безропотно переносить скорби и не горевать, а радоваться, что в несчастьях избегают они мирской славы и суеты. После закрытия Глинской пустыни о. Симеон переехал в Абхазию и служил в городе Гудаута в сане архимандрита.

В те годы хорошо было известно многим верующим и имя *иеромонаха Власия* (в миру Василий Михайлович Сумин). Он не только исповедовал богомольцев, но и отчитывал бесноватых. Столь тяжелый подвиг о. Власий взял на себя по глубокому чувству сострадания и

Погребение схиархимандрита Андроника (Лукаша). Личный архив автора

любви к страждущим людям и только после того, как получил разрешение старцев. К нему приезжало много больных и бесноватых, даже в документах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области было отмечено: "Власий... принимает и исцеляет психобольных"[251].

Отец Власий родился 1 января 1897 года в селе Городьково Канышевского уезда Курской губернии. Он вырос в простой крестьянской семье, в 1908 году окончил четыре класса начальной школы и жил с родителями, занимаясь сельским хозяйством[252]. В 1933 году он был арестован и сослан в челябинские лагеря. Вернувшись в 1935 году, жил в селе Вабля Канышевского района и работал плотником[253]. Долгим был его путь к монашеству, лишь в возрасте 56 лет сердце его исполнилось непреклонной решимости всецело служить Богу в иноческом чине, и в апреле 1953 года он поступил в Глинскую пустынь[254]. С первых же дней Василий проявил такое самоотвержение, послушание и терпение, что старцы убедились в его готовности вести строгую монашескую жизнь, и 27 декабря 1953 года он был пострижен в монашество[255], 6 февраля 1954 года рукоположен во иеродиакона и 9 февраля того же года — во иеромонаха[256].

Отец Власий был большой труженик. Как хороший плотник, он строил многие здания в обители, совершал чредное богослужение, исполнял клиросное послушание и исповедовал богомольцев.

В заботах о спасении душ ближних он как ревностный монах не оставлял попечения и о своей душе, однако его внутреннее делание было глубоко сокровенным. В 1957 году епископом Евстратием Сумским и Ахтырским он был награжден набедренником, а в 1960 — наперсным крестом[257]. По распоряжению уполномоченного по делам Русской Православной Церкви и соответствующему распоряжению управляющего Сумской епархией архиепископа Андрея (Сухенко) о. Власий был уволен из Глинской пустыни еще до ее закрытия в начале апреля 1961 года[258]. Но он продолжал свое служение ближним в Грузии. Скончался о. Власий в Тбилиси в 1989 году в сане архимандрита.

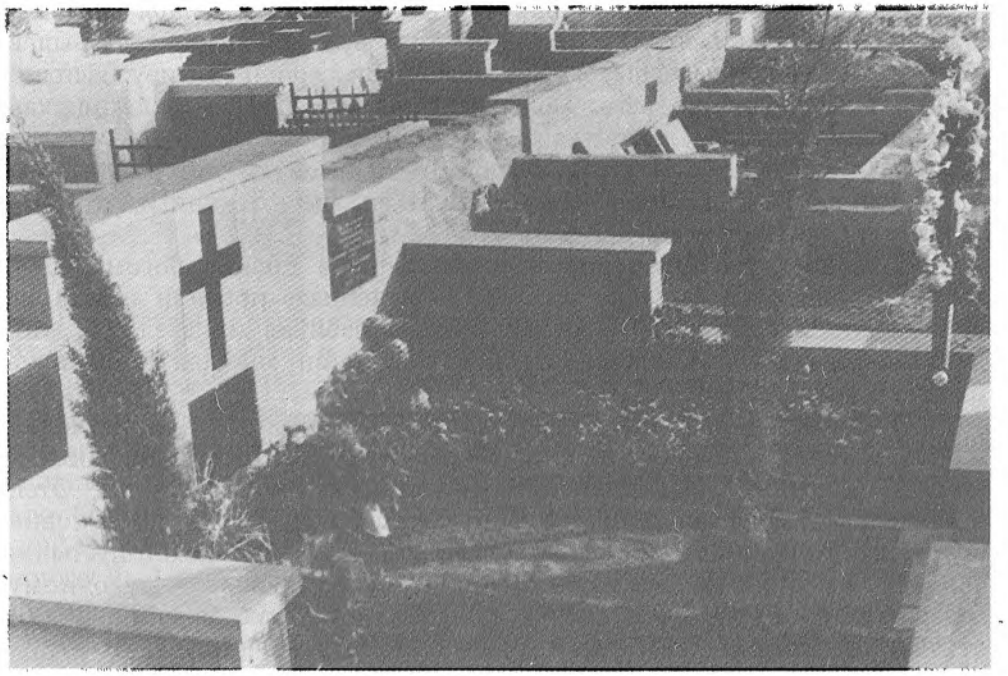
В Глинской пустыни многие духовники отчитывали бесноватых. Взял на себя этот подвиг и *иеромонах Иосиф* (в миру Иван Васильевич Ходыревский). Он родился 20 августа 1896 года в деревне Лукино Курской губернии в крестьянской семье. После окончания сельской школы жил на родине и "занимался сельским хозяйством"[259]. С 1915 по 1917 год он был на фронте, где стал инвалидом. Вернувшись из армии, женился, но в 1934 году овдовел[260]. Затем жил и работал в Курске.

В 1953 году Иван поступил в Глинскую пустынь. Он проявил себя "старательным, скромным и трудолюбивым"[261] послушником, "энергичным работником"[262]. Сначала он помогал на кухне, затем был назначен поваром и гостинником обители[263], кроме того, участвовал в чтении и пении на клиросе[264]. В 1954 году он принял монашеский постриг с именем Иосиф.

19 июня 1957 года епископом Евстратием Сумским и Ахтырским Иосиф был рукоположен во иеродиакона, 1 августа 1957 года — во иеромонаха[265]. С этого времени он начал исповедовать богомольцев. Отличаясь послушанием и ревностью ко спасению, этому же он учил и своих духовных детей. Отец Иосиф умел наставлять и мудро вел

пасомых по спасительному пути, учитывая все особенности характера тех, кто к нему обращался. Так, одна женщина много раз жаловалась ему на исповеди, что ей очень трудно жить вместе со старушкой. "А ты возьми козу", — велел ей о. Иосиф. Она исполнила послушание, но так измучилась с козой, что взмолилась: "Батюшка, пусть старушка всю жизнь живет со мной, только козу благословите вывести".

Отец Иосиф призывал всех как можно чаще исповедоваться, учил, что за утаенные грехи еще здесь, на земле, человек во время предсмертной болезни мучим бывает злой силой, а по смерти подлежит

мучению во аде. От Бога не уйдешь. Нужно жить с Ним; но чтобы жить с Ним, нужно оставить грех, потому что грех есть самое ужасное зло в мире. От него человек терпит всякие бедствия здесь, на земле, и лишается вечного блаженства. Христианская заповедь — это лекарство; и Господу угодно даже одно наше понуждение себя к частому покаянию, так как для нас это как бы "ломка самих себя", ломка в жертву Богу, этим мы выражаем свое нерасположение жить в греховной нечистоте. При закрытии обители о. Иосиф как инвалид был переведен в Глуховскую больницу[266], но затем переехал к сестрам в Курскую область, где и скончался[267].

Могила схиархимандрита Андроника (Лукаша) на Грмагельском кладбище в Тбилиси. Личный архив автора

Исповедь у старцев, строгие богослужения, назидательные проповеди, высокодуховные примеры святой жизни иноков — все это перерождало души паломников и возжигало в их сердцах любовь к Богу и к святой обители. Число паломников, приезжающих в Глинскую пустынь со всех концов страны, с каждым годом возрастало[268], и хотя было мало места для их размещения, но братская любовь всех устраивала и покрывала. Много богомольцев приезжало в этот период из Москвы.

Приезжали опытные врачи, знаменитые хирурги, которые не только лечили братию, но даже делали в обители операции. В 1955 году в Глинской пустыни была оборудована аптека. Благодаря помощи врачей в ней были самые редкие для того времени лекарства. Был в монастыре и свой фельдшер — иеродиакон Виссарион (в миру Василий Семенович Гордиенко). Богомольцам тоже оказывалась медицинская помощь и выдавались лекарства.

В библиотеке монастыря было много духовной литературы. Не только иноки, но и богомольцы могли взять здесь те книги, которые духовник благословил им прочесть[269].

В монастырь приходили многочисленные письма богомольцев. Люди писали о своем горе, скорбях, сомнениях, просили ответа на волнующие их вопросы. Отец настоятель избирал из среды братий духовно опытного инока на должность письмописца для ответов на письма богомольцев.

Эти ответы содержали наставления об истинно христианской жизни, о терпеливом перенесении скорбей, необходимости покаяния и памяти смертной, а часто и конкретные практические советы. Отец настоятель сам читал подготовленные ответы и, найдя их духовно полезными, подписывал. Нередко, получив письмо из Глинской пустыни, человек изменял всю свою жизнь и устремлялся к духовному совершенствованию, поскольку к душеполезному наставлению иноки обители присоединяли и свою горячую молитву о просившем у них помощи и совета.

Расцвет духовной жизни в обители обусловил и ее материальное благополучие. После тяжелых лет лишений, перенесенных иноками с истинным смирением и терпением, Матерь Божия послала обители благотворителей. Со всех концов страны стали поступать в Глинскую пустынь денежные переводы и посылки. Только за апрель 1953 года было получено более 700 посылок из разных городов страны (Москвы, Курска, Куйбышева, Фрунзе, Мурманска, Архангельска, Алма-Аты, Самарканда, Сухуми, Севастополя, Армавира, Челябинска и других городов)[270], а за 11 месяцев 1953 года в Глинскую пустынь поступило более 200 денежных переводов из 119 городов на общую сумму 52330 рублей[271].

Получая в обители все самое драгоценное для души, люди и сами стремились помочь монастырю всем, чем только было возможно. Доходы Глинской пустыни быстро возрастали[272] — в основном за счет пожертвований богомольцев, которые составляли примерно две трети от общего объема поступлений. Остальную часть доходов обитель получала за счет церковного сбора. Доход от сельского хозяйства был минимальным (менее одного процента)[273].

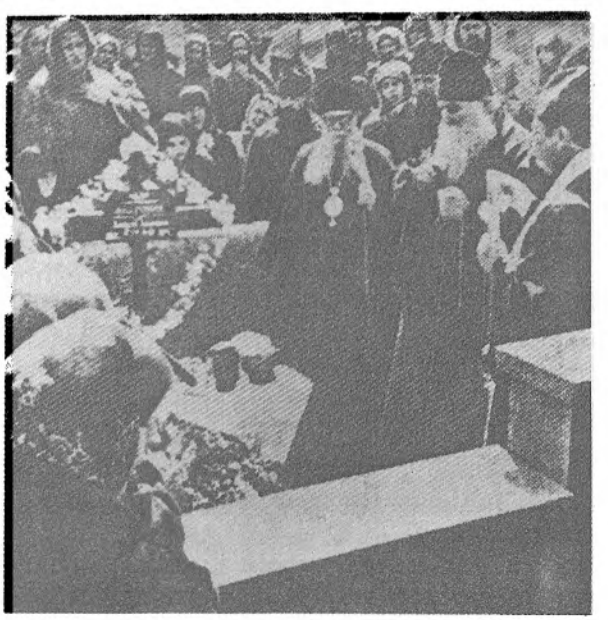
Основные расходы монастыря в этот период были связаны со строительством новых зданий в обители и составляли почти одну треть[274]. Примерно одинаковая сумма средств (4%) уходила на взносы на Патриархию, транспортные и почтовые расходы, топливо, горючее для автомашин.

Подоходный налог составлял около 3% всех расходов. Остальные средства шли на оплату аренды жилья, взносы на госзаймы, страховку строений, медикаменты, доставку продуктов, позолоту и ремонт церковной ризницы[275].

Святейший и Блаженнейший
Католикос-Патриарх
всей Грузии Давид V
и митрополит Тетрицкаройский
Зиновий (Мажуга)
у могилы схиархимандрита
Андроника (Лукаша)
в сороковой день
по его кончине
30 апреля 1974 г.

С ростом доходов возросла и денежная помощь обители богомольцам. Только в 1955 году было роздано нуждающимся богомольцам около 16 тыс. рублей[276]. Земли у монастыря по-прежнему оставалось только десять гектаров, сеяли рожь, овес, кукурузу[277]; на огороде сажали самое необходимое: картофель, морковь, свеклу, огурцы, помидоры, капусту, лук. Сельскохозяйственного инвентаря в обители стало больше. К 1957 году было уже 2 плуга, 5 борон, 5 повозок, водовозная бочка, веялка для очистки зерна[278]. Скота в те годы было немного: 2—3 коровы, 2—3 лошади, 3—4 вола, 2—3 теленка[279].

Увеличение доходов монастыря позволило отцу настоятелю и внешне благоустроить обитель[280]. По молитвам Глинских старцев

органы советской власти хоть и не в полном объеме, но все же разрешили строительство новых зданий в обители. Так, в 1953 году отдел сельского и колхозного строительства Глуховского района дал разрешение на строительство жилого дома (площадью 9 х 5,7м)[281] и колодца, а Преосвященный Евстратий благословил устройство каменного подвала для овощей и водопровода[282]. К 1955 году постройка нового жилого дома с подвалом для овощей была закончена. В этом доме разместились келлии для монахов, а с западной стороны дома — аптека. Летом 1955 года в обители был вырыт колодец[283], а несколько раньше построена кузница у западной стены ограды обители. В 1955 году вдоль северной стороны ограды монастыря построили большой кирпичный сарай (общей площадью 407 м^2)[284], в котором хранились инструменты, инвентарь, уголь, торф, дрова, в его восточной части размещалась столярная мастерская (кирпич для строительства сарая привезли из Москвы). В это же время построили и сапожную мастерскую.

В апреле 1955 года обитель купила старую грузовую машину в Московском военном отделе, после чего монастырь получил разрешение на постройку гаража[285], строительство которого вместе со складом горючего было закончено в 1956 году.

До середины 1950-х годов трапезная и кухня обители располагались в корпусе при храме, а пекарня — в бывшем Архиерейском корпусе. Поэтому в сентябре 1955 года архимандрит Серафим обратился к председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпову с просьбой разрешить постройку нового здания для пекарни, кухни, столовой и подвального помещения под этим зданием для хранения продуктов и овощей[286]. В марте 1956 года соответствующее разрешение было получено, и с весны 1956 года началось строительство трапезной. В основном оно было закончено в 1956 году, а пристройки достраивались летом 1957 года[287]. Вместе с трапезной были оборудованы кухня, пекарня и подвал. Теперь в корпусе при храме располагались только братские келлии, келлия настоятеля, библиотека (которая занимала отдельную комнату) и контора по оформлению документов.

Еще летом 1956 года архимандрит Серафим направил уполномоченному по делам Русской Православной Церкви по Сумской области прошение о разрешении строительства второго этажа над строящимся зданием трапезной. "Усадьба наша мала по своим размерам, где могли бы построить новый жилой дом... а братия живет в крайней стесненности, помещаясь по несколько человек в одной келлии"[288], — писал он, но уполномоченный отказал[289]. Тогда архимандрит Серафим от лица всех насельников монастыря обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову с ходатайством о возвращении монастырю помещения бывшей чайной, которое занимали члены колхоза им. Калинина Сосновского сельсовета. Здание было приведено в безобразное состояние, и насельники обещали "своим трудом и с Божией помощью привести его в порядок"[290]. Но и в этом монастырю было отказано[291].

В 1956—1957 гг. в обители построили новую каменную прачечную[292] (в здании старой прачечной устроили гостиницу для богомольцев)[293],

новый деревянный сарай для скота[294], с восточной и частично с южной стороны монастырь был обнесен кирпичной оградой, а западнее прачечной и со стороны дома инвалидов — дощатой. Последним зданием, построенным в монастыре до его закрытия, был склад для хранения продуктов и одежды с бетонным овощехранилищем под ним. Строительство овощехранилища было закончено летом 1957 года[295], а сам склад — летом 1958 года[296].

В описываемый период был украшен и храм обители. В марте 1953 года прихожане села Викторовки Шалыгинского района пожертвовали

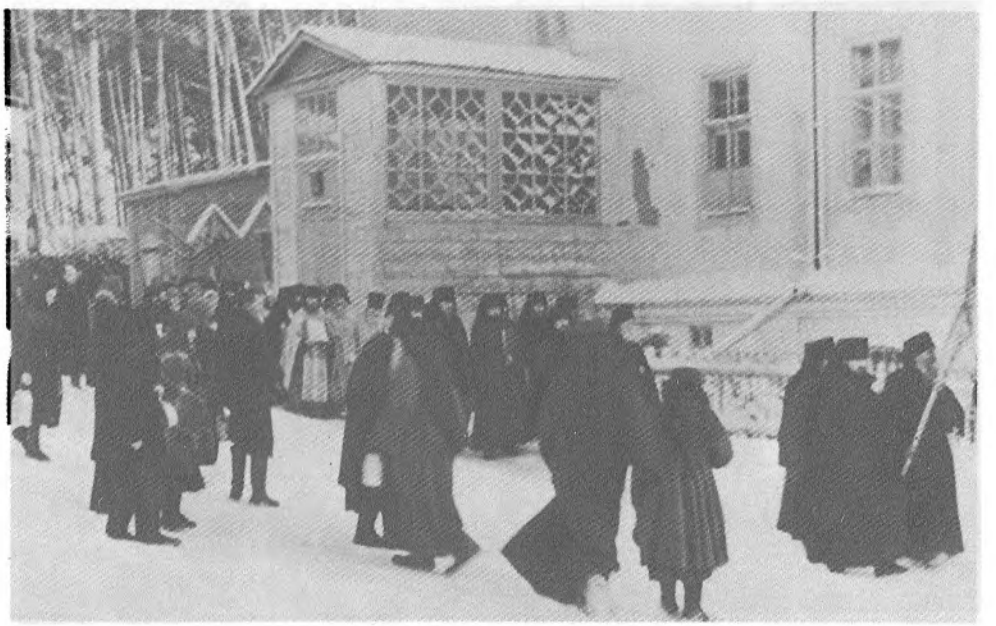
Глинской пустыни 24 иконы, 3 хоругви, катапетасму (завесу), скатерти и полотенца, за что братия принесла им "глубокую и сердечную благодарность"[297]. Весной 1955 г. Глинская пустынь получила иконостас из церкви с. Чижи Павлово-Посадского района Московской области[298].

Если в 1952 году в храме Глинской пустыни было только 25 икон, то в начале 1957 года, кроме предалтарного иконостаса, в храме были еще 2 заклиросных иконостаса, Голгофа с предстоящими, 26 икон на стенах, 10 — на стеллажах, на аналоях — 12[299].

Была пополнена и обновлена ризница обители. Теперь в ней уже было 50 священнических облачений, 20 диаконских (кроме того, 10 траурных священнических облачений и 3 диаконских), 30 подризников, 30 пар поручей, на клиросах стояли шкафы с книгами и пюпитры[300].

Иноки Глинской пустыни.
Личный архив автора.
Фотография конца
1950-х гг.

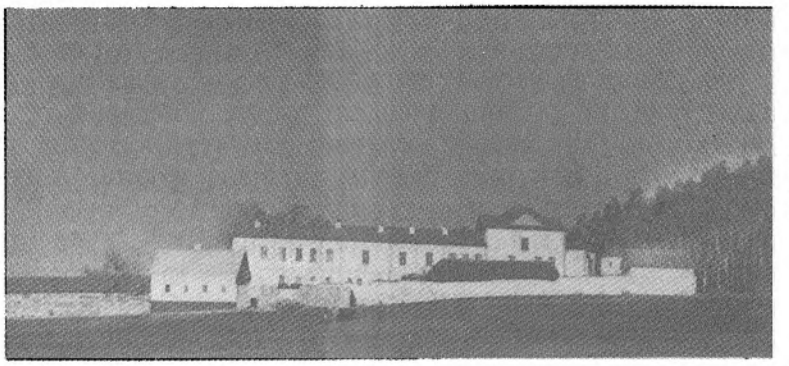
С ростом благосостояния обители и притока богомольцев усилили свой контроль за жизнью монастыря, а также противодействие его расцвету органы советской власти. В сентябре 1953 года в Глинскую пустынь из Москвы с проверкой приезжали заместитель заведующего инспекторским отделом Совета по делам Русской Православной Церкви и уполномоченный Совета по Сумской области. Они потребовали, чтобы в Глинской пустыни обязательно вели учет и записывали в особую книгу всех лиц, приезжающих в монастырь и остающихся на ночь[301]. В конце 1953 года были обложены налогом доходы монастыря за 1951—1953 годы, полученные от посева сельскохозяйственных культур и от содержания скота, что составило более 63 тыс. рублей[302].

В связи с этим архимандрит Серафим (Амелин) обратился с прошением к Святейшему Патриарху Алексию об оказании помощи Глинской пустыни.Последовала следующая резолюция Святейшего: "Ввиду крайней бедности пустыни и необходимости внести этот крупный налог — отпустить в качестве ссуды просимую сумму в 63 тыс. руб."[303].

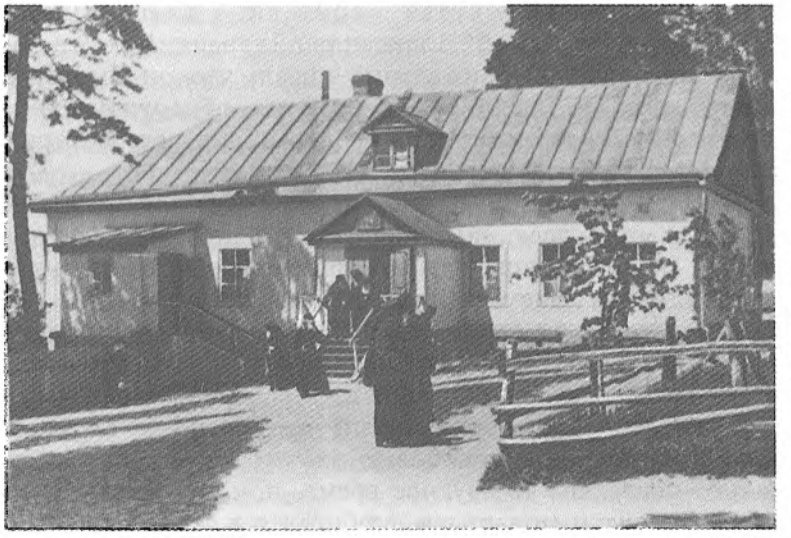
Епископ Евстратий в своем донесении Святейшему Патриарху Алексию писал: "Насельники Глинской пустыни выражают Вашему Святейшеству глубокую благодарность за оказанную им помощь по уплате непосильного для них налога. Примите и с моей стороны сыновнюю благодарность за оказание столь необходимой помощи... насельникам Глинской пустыни, которые ввиду бедности обители без этого дара Вашего Святейшества были бы поставлены в очень тяжелое положение"[304].

Крестный ход.
1959 г.
Личный архив
автора

Глинская пустынь. 1958 г. Личный архив автора

Братский корпус и Святые врата Глинской пустыни. Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

Монастырский домик (правую половину занимало общежитие братии, левую - монастырская аптека). Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

Кроме налога, обитель по-прежнему сдавала обязательные продуктовые поставки государству: от 1000 до 1250 л молока в год; от 162 до 266 кг мяса и 200—300 кг зерна[305]. В июле 1955 года после очередной проверки Глинской пустыни уполномоченный выразил недовольство "большими непорядками" в обители: затягивается богослужение в воскресные и праздничные дни, приобретена грузовая машина и не зарегистрирована, "без нужды, зачем-то" приобретен мотоцикл[306], производится строительство без его письменного разрешения[307]. "С болью в сердце выслушал я все сие", — писал епископ Евстратий после разговора с уполномоченным настоятелю архимандриту Серафиму[308]. Летом 1955 года уполномоченный ответил отказом на прошение архимандрита Серафима о выдаче горючего для грузовой автомашины обители[309] и дал указание председателю исполкома Шалыгинского райсовета "взять под контроль строительство" в Глинской пустыни[310].

За жизнью в обители тщательно следили и в Москве. Так, после того как Глинская пустынь получила в 1955 году иконостас, из Совета по делам Русской Православной Церкви пришел запрос к уполномоченным Совета по УССР и по Сумской области: откуда взят иконостас для Глинской пустыни и кто давал разрешение на его получение[311].

В 1957 году монастырь купил старую автомашину (марки ЗИС-5) и сдал ее на восстановительный ремонт в Глуховскую мастерскую. На второй день после возвращения отремонтированной машины сотрудник ГАИ "изъял ее из обители в г. Глухов"[312]. Несмотря на ходатайство Хозяйственного управления Московской Патриархии, Сумской облисполком возвратить машину отказался. Она была конфискована[313].

После проверки паспортного режима в обители в марте 1958 года последовало еще одно указание Сумского епархиального управления об обязательной регистрации в книге посетителей всех прибывающих в обитель и запрещении проживать в обители без паспорта[314]. Архимандрит Серафим ответил на это, что без паспорта останавливаются только "жители ближайших селений", которые более трех дней в обители не проживают[315].

Пытаясь защитить настоятеля обители, благочинный Шалыгинского района протоиерей Александр Дворецкий в своем рапорте в Сумское епархиальное управление писал, что он бывает в пустыни три-четыре раза в месяц и ни разу не обнаружил лиц, проживающих без паспорта, кроме жителей ближайших сел, которые приходят в обитель поговеть[316].

В апреле 1958 года работники Шалыгинской районной милиции вызвали в паспортный стол всех, числившихся в Глинской пустыни сезонными рабочими (послушников, еще не принятых в монастырь по указу), и предложили им всем в трехдневный срок выйти из монастыря[317], хотя некоторые из них жили в обители уже два-три года. Отцу настоятелю архимандриту Серафиму с трудом удалось их отстоять.

Если в те годы представители советской власти постоянно ущемляли права обители, то епархиальный архиерей — епископ Евстратий, наоборот, с искренней любовью заботился об обители и настолько, насколько позволяло то трудное время, помогал инокам. Он много внимания уделял жизни монастыря, разбирался в самых, казалось бы, мелких делах, сам лично отвечал на письма насельников обители, а

в сложных вопросах обращался в Московскую Патриархию с просьбой помочь монастырю. Письма его к настоятелю архимандриту Серафиму полны отеческой заботы об обители и теплой любви к ее насельникам[318].

В феврале 1957 года архимандрит Серафим (Амелин) обратился к епископу Евстратию с просьбой освободить его по болезненному состоянию и старости (ему было уже восемьдесят четыре года) от обязанностей настоятеля[319]. Наряду с этими причинами, едва ли не основной было стремление старца в конце жизненного пути совершенно предаться богомыслию и безмолвию. Пребывая телом на земле, он давно уже духом был в Горнем Иерусалиме, но, несмотря на затвор, в котором он провел последние годы, заботы о многообразной жизни обители не позволяли ему полностью отрешится от дел земных.

Братия, хотя и скорбела о решении о. Серафима уйти на покой, но по его благословению выбрала настоятелем архимандрита Тавриона (Батозского), который поступил в Глинскую пустынь еще в 1913 году и, находясь в обители до 1922 года, обучался в живописной мастерской под руководством о. Серафима (Амелина)[320].

Надеясь, что архимандрит Таврион, помня иноческие традиции Глинской пустыни, и в должности настоятеля сохранит послушание старцам, о. Серафим (Амелин) в своем прошении епископу Сумскому и Ахтырскому указал на него как на желательного кандидата на должность настоятеля Глинской пустыни[321].

Для окончательного решения этого вопроса духовник обители иеросхимонах Серафим (Романцов) ездил в Москву, где "был на приеме лично у Святейшего Патриарха Алексия... Святейший спрашивал о братии, о храме, о церковных службах, о постройке и обещал назначить архимандрита Тавриона"[322]. По распоряжению Святейшего Патриарха архимандрит Таврион (в миру Тихон Данилович Батозский) был назначен настоятелем Глинской пустыни 14 марта 1957 года[323], а 25 апреля принял все дела от архимандрита Серафима (Амелина)[324]. Но в должности настоятеля о. Таврион пробыл менее года, так как не оправдал доверия братии. В Глинской пустыни, обители истинно православной, он стал вводить западные католические обычаи церковной жизни, что сразу заметили старцы и братия обители. Кроме того, после окончания вечернего богослужения о. Таврион зажигал свечи на св. престоле, открывал царские врата, начинал читать акафисты и "устраивал общенародное пение"[325]. Это противоречило уставу Глинской пустыни, в соответствии с которым после вечернего богослужения братия должна была безмолвно расходиться по келлиям и исполнять келейное правило в тишине.

Отец Таврион приказал вынести Голгофу из храма в соседнюю с храмом комнату[326], ввел при богослужении вместо строгих распевов Глинской пустыни партесное пение, никак не соответствующее всему аскетическому духу обители[327].

При входе в храм о. Таврион повесил большие шторы. Икону "Царь Славы" на горнем месте без совета со старцами заменил иконой "Воскресение Христово"[328]. Что касается замены иконы, то это не запрещено каноном, но в Глинской пустыни, где без благословения старцев избегали малейших нововведений и крайне дорожили древними

традициями, всегда ревностно стремились к соблюдению устава, все эти изменения возмущали братию. Они называли действия о. Тавриона благочестием не по разуму[329].

Особенно недовольна была братия тем, что о. Таврион ни в чем не советовался с глубоко почитаемым в монастыре, старшим его по возрасту и по духу бывшим настоятелем архимандритом Серафимом (Амелиным). Это было нарушением монашеских правил. Наконец о. Таврион ни в чем не считался с мнением совета старцев Глинской пустыни, а поступал самовластно[330].

Стремясь защитить православие в обители, насельники монастыря неоднократно обращались к епископу Евстратию и как в личной беседе, так и письменно выражали свое недовольство нововведениями настоятеля[331]. Обострились отношения у о. Тавриона и с благочинным Шалыгинского района о. Александром Дворецким[332], который до этого всегда отстаивал интересы Глинской пустыни.

Преосвященный Евстратий неоднократно как при посещении обители, так и письменно пытался вразумить о. Тавриона, ссылался даже на то, что доля его болезни (осенью 1957 г. епископ был тяжело болен) "от нестроений в обители"[333], но ничего не изменилось.

О католическом уклоне в действиях о. Тавриона стало известно Святейшему Патриарху Алексию. 14 ноября 1957 года епископ Евстратий получил телеграмму от управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Николая Колчицкого, в которой было сказано, что поскольку "братия Глинской пустыни не очень довольна настоятелем, который делает большие перемены без совета старцев обители, то Святейший Патриарх просит вызвать старцев обители Глинской пустыни... и внушить настоятелю, чтобы все дела в обители решались совместно со всеми старцами, а не единолично настоятелем"[334].

В ответ на эту телеграмму 18 ноября под председательством епископа Евстратия было проведено объединенное собрание Сумского епархиального совета[335] и собора старцев Глинской пустыни в составе настоятеля Тавриона, духовника обители иеросхимонаха Серафима, казначея иеромонаха Модеста и эконома иеромонаха Михаила, на котором участники собрания, "движимые братской любовью и послушанием", единодушно постановили отменить в Глинской пустыни нововведения о. Тавриона, а настоятелю решать все вопросы совместно со старцами. В монастыре завели даже журнал для записи решений, принятых на совещании старцев[336]. Но жизнь в обители не нормализовалась. Западная ориентация в действиях о. Тавриона продолжала проявляться. Отец Серафим (Романцов) вынужден был опять ехать к Святейшему Патриарху и просить о смене настоятеля. 15 января 1958 года настоятелем Глинской пустыни опять назначили архимандрита Серафима (Амелина), а архимандрит Таврион (Батозский) указом Святейшего Патриарха был переведен в Почаевскую Лавру[337].

К этому времени многотрудный старец архимандрит Серафим (Амелин) уже угасал. Пятнадцать лет был он во главе духовного вертограда и не только собрал, но и приумножил братию Глинской пустыни, во всей полноте возродил старчество и древний устав обители; внутренне и внешне украсил монастырь, создал все условия для духовной и материальной помощи богомольцам.

Только безмерная любовь к братии и попечение о благе пустыни заставили его опять взять на себя иго настоятельства, но лишь на несколько месяцев, поскольку боголюбивая душа его уже была готова к переходу в вечность. Всего два дня поболел о. Серафим перед кончиной. В день памяти великих Московских святителей, в субботу 18 октября 1958 года, он стал как бы отмахиваться руками (как говорили старцы: "бесы лезли за братию"), но потом лицо о. Серафима просветлело, сделалось сияющим, и он с великой радостью отошел ко Господу[338].

В воскресенье вечером игумен Феоген (Таран) совершил заупокойное всенощное бдение. В понедельник 20 октября на погребение великого старца прибыл епископ Степанаванский Зиновий (Мажуга). В сослужении двадцати священников и четырех диаконов он совершил заупокойную литургию, затем отпевание и произнес сердечное прощальное слово, посвященное высокодуховной жизни о. настоятеля, и так утешил братий, что они со слезами благодарили его. После отпевания гроб с телом архимандрита Серафима был обнесен вокруг храма. Погребение было совершено при огромном стечении священнослужителей, иноков и богомольцев, глубоко почитавших о. Серафима. У южной стены храма, возле алтаря, гроб был опущен в могилу.

Братия пребывали в сердечной горести о разлуке со смиренномудрым и любвеобильным отцом, молитвенником, преданным Богу и Церкви, который жил не для себя, а для Бога и для других и явил пример истинно монашеских подвигов и высоких духовных дарований. Великим утешением для братии было то, что и после смерти глубокочтимый старец не оставил своих чад. Так, он неоднократно в облачении являлся во сне одному ревностному молодому Глинскому монаху и поучал, как надо жить в монашестве, учил умеренности в подвиге.

После закрытия обители в 1961 году при перезахоронении усопших настоятелей (на общее братское кладбище) были обретены нетленные мощи схиархимандрита Серафима. Даже облачение и гроб святого старца нисколько не были повреждены тлением[339]. Придут времена, может быть, Господь и прославит Своего угодника.

После кончины схиархимандрита Серафима совершаемое им дело воспитания духа и устроения жизни братства на основе старческого руководства не заглохло, а нашло себе новых исполнителей в лице его преемников и продолжателей. Настоятелем Глинской пустыни братия избрала *игумена Феогена* (Тарана), видя в нем истинного ученика и последователя богомудрого старца.

Отец Феоген (в миру Фома Семенович Таран) родился 21 марта 1883 года в селе Головщина Гайвороновского уезда Курской губернии в семье крестьянина[340]. В 1895 году Фома окончил трехклассную сельскую школу[341], а в 1902 году поступил в Глинскую пустынь[342]. После общих послушаний он был назначен на послушание при живописной мастерской[343], где почти двадцать лет трудился под непосредственным руководством о. Серафима (Амелина), постигая не только искусство живописи, но, главное, искусство монашеской жизни. В рясофор Фома был пострижен 24 сентября 1908 года[344], а 29 июня 1918 года — в

Глинской пустыни и ближайшим помощником которого был при восстановлении обители[358].

Когда о. Феогена из Глинской пустыни посылали служить на приход, он не обращал внимания ни на похвалы, ни на осуждение, но строго держался установленных старцем правил жизни внутренней и внешней. Крайне смиренный, о. Феоген всем сердцем внимал не только наставлениям, но и самому образу жизни отца настоятеля, и душа его стремилась впитать в себя и воспринять те добродетели, которыми так богат был о. Серафим.

Особенно старался о. Феоген настраивать душу, чтобы она была кроткая, смиренная, простая и незлобливая, так как только в таких душах обитает благодать Святого Духа. По молитвам своего старца, всегда отличаясь "примерной монашеской жизнью"[359], о. Феоген стал поистине духовной личностью.

3 ноября 1958 г. по желанию братии он был назначен временно исполняющим обязанности настоятеля Глинской пустыни, а 21 февраля 1959 г. утвержден в этой должности[360]. Отец Феоген оправдал доверие братии, настоятельствовал усердно, всегда был на высоте своего положения. Новый настоятель старался во всем сохранить порядок, установленный схиархимандритом Серафимом, и, следуя его заветам, объединял братию в духовный союз. В послужном списке о. Феогена сказано, что "он старался сохранить и поддерживать мирный и спокойный общежительный порядок среди монашеской братии, показывая собою пример исполнителя своего долга перед Христовой Церковью и перед братией Святой обители"[361].

Духовник Глинской пустыни
иеросхимонах Серафим
(Романцов).
1959 г. АСЕУ

монашество[345] с именем Феоген. Смиряя себя во всем, постепенно приобрел он сокрушение сердца.

Настоятель схиархимандрит Иоанникий (Гомолко) писал, что он "качеств хороших и усерден"[346]. В 1919 году[347] епископ Тамбовский Павел (Поспелов) рукоположил о. Феогена в сан иеродиакона. После закрытия Глинской пустыни иеродиакон Феоген служил в Покровской церкви села Белокопытово Глуховского района, с 1932 по 1936 год — в Рождество-Богородичной церкви Глухова, а затем до 1938 года — в Воздвиженской церкви г. Севска. После закрытия этого храма до 1941 года он "работал по найму в Глухове у частных лиц"[348].

Когда в 1941 году открылась Ильинская церковь села Ковенки Шалыгинского района, о. Серафим (Амелин) начал служить там священником, а о. Феоген — иеродиаконом. В 1942 году о. Феоген одним из первых вернулся в Глинскую пустынь[349] и трудился над восстановлением обители. В 1944 году епископом Сумским и Ахтырским Корнилием о. Феоген был рукоположен во иеромонаха, и в том же году награжден набедренником[350]. С 1944 по 1950 год о. Феоген исполнял должность казначея[351] и был надежным помощником настоятеля в деле управления монастырем.

В те годы в епархии не хватало священников на приходах, и 27 марта 1950 года иеромонах Феоген был назначен настоятелем Ильинской церкви села Ковенки[352]. В 1952 году он был награжден наперсным крестом, а затем возвращен в Глинскую пустынь для исполнения той же должности казначея. Однако уже в марте 1953 года о. Феогена опять направили на приход, теперь уже настоятелем церкви села Хмелево Смелковского района Сумской области. Здесь он ревностно подвизался в пастырском служении и в 1958 г. "за усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией"[353], был награжден Святейшим Патриархом Алексием саном игумена. Однако обитель нуждалась в нем, и сам о. Феоген всем сердцем стремился в Глинскую пустынь, где прошла большая часть его подвижнической жизни. Благочинный Глуховского района писал о нем: "Отец Феоген любит свой монастырь и много в нем трудился, умереть желает в монастыре"[354]. Еще летом 1957 г. архимандрит Таврион и старцы обители просили епископа Евстратия вернуть о. Феогена в обитель. Поводом к этому послужило прошение схиигумена Андроника (Лукаша) об освобождении его по болезни от обязанностей благочинного монастыря. Своим преемником он хотел бы видеть о. Феогена, и все старцы обители поддерживали его в этом[355]. Но епископ Евстратий отвечал, что не может оставить благоустроенный трудами о. Феогена приход без священника. В июне 1958 г. уже архимандрит Серафим (Амелин) возобновил прошение[356], и 27 июля 1958 г. игумен Феоген вернулся в Глинскую пустынь, где стал благочинным обители[357].

Почти с первых дней иноческой жизни о. Феоген делал все только по совету о. Серафима (Амелина), чтил его как мудрого старца, ни на йоту не отступал от его воли и питал к отцу настоятелю самую преданную, искреннюю и самоотверженную любовь. Каждое слово отца архимандрита воспринималось им как повеление свыше, и он все силы прикладывал, чтобы исполнить слово старца, от которого получил и первые уроки монашеской жизни, и глубокие наставления о пастырском служении, вместе с которым претерпел тяжелые годы после закрытия

Отец Феоген очень заботился об иноках, плакал, когда сам совершал постриг в монашество. Молитвенность его и духовную поддержку братия всегда чувствовала. Благочинный писал о нем: "Архимандрит Феоген к своим обязанностям относится похвально. В обращении с братией весьма тактичен, всеми насельниками обители уважаем и пользуется высоким авторитетом среди них"[362]. Всех покрывал он любовью, всех упрашивал, чтоб не было ропота, недовольства, чтоб послушания несли с ревностью. Сам крайне смиренный, он и иноков приучал к смирению.

Автор этих строк получил от него наставление, которое запомнил на всю жизнь. Перед вечерним богослужением братия пошли на спевку. Автор как певчий правого хора тоже должен был идти, но не пошел. Настоятель мягко его спросил, почему он остался?

— Да, там лишние разговоры.

— Это не твое дело, ты отвечать за это не будешь. Знай свое дело — следи за собой и исполняй послушание.

Эта кротость настоятеля перерождала человека и побуждала его обращать внимание на себя, а не на недостатки других.

Обитель при о. Феогене духовно возрастала. В Глинской пустыни жили тогда 65 насельников, в том числе 54 монаха[363]. Из бывших насельников в монастыре оставалось 12 человек, но они по-прежнему составляли духовное ядро обители (настоятель, духовник, ризничий, старцы обители). В числе братии при о. Феогене было семь схимников: схиигумен Андроник (Лукаш), схиигумен Николай (Хондарев), иеросхимонах Серафим (Романцов), иеросхимонах Паисий (Гришкин), иеросхимонах Василий (Морин), схииеродиакон Евстратий (Урети), схимонах Филарет (Гончаров). Чистотой своей жизни они и братию побуждали ревновать о духовном подвижничестве.

Схиигумен Николай (в монашестве Никон, в миру Никита Васильевич Хондарев) родился 30 марта 1874 года в селе Уланово Глуховского уезда Черниговской губернии[364]. Родители его были государственными крестьянами. В богобоязненной семье он с малых лет проникся духом благочестия и любовью к святому храму. В 1887 году Никита окончил земское училище, но ничто земное его не привлекало. Душа его искала живого, опытного познания Бога. Жажда спасения влекла юношу к монашеской жизни. Это богоугодное стремление разделял и его близкий друг Григорий Маслов (впоследствии глубокоуважаемый о. Николаем Глинский подвижник иеромонах Гавриил[365]), вместе с которым в 1893 г. он поступил в Глинскую пустынь[366]. Отличавшегося телесной крепостью и силой, Никиту часто назначали на самые тяжелые монастырские послушания, но он так горел любовью ко Господу, что все казалось ему легко и утешительно. Об отдыхе он почти и не помышлял. Старец любил вспоминать, как в те годы его с Григорием направляли охранять монастырский сенокос. Здесь все ночи проводили они в молитве и славословии Бога, затем подкрепляли друг друга духовной беседой, иногда приходилось им и прогонять с сенокоса людей, приводивших туда своих лошадей[367].

В обители Никита проходил также послушание при живописной мастерской[368]. В 1900 году вместе с о. Никодимом (Калиушем) он был переведен в Чуркинскую Николаевскую пустынь[369]. Здесь он отличался

благоговейно-подвижнической жизнью и усердием к службам церковным.

В 1905 г. Никиту перевели в Астраханский Иоанновский монастырь, где он принял постриг в монашество с именем Никон, а 11 декабря 1905 года архиепископом Астраханским Георгием (Орловым) был рукоположен во иеродиакона[370]. Служить о. Никон очень любил и часто сверх своей чреды служил за собратий. В обители все знали, что Никон всегда готов к служению по своей трезвенной и молитвенной жизни.

13 сентября 1909 года архиепископ Георгий рукоположил его во иеромонаха, а в 1912 году как строгий исполнитель обетов иноческих о. Никон был назначен благочинным Чуркинской обители[371].

По указу Св. Синода в 1914 году о. Никона назначили священником при военном госпитале. Жизнь, полная опасностей, укрепила твердость его воли, научила не страшиться никаких препятствий. Старец рассказывал, как в то военное время напали на него бандиты, но, благодаря своей богатырской силе и стойкости духа, он один всех их разогнал[372].

За ревностное выполнение священнических обязанностей и понесенные труды в 496-м военном госпитале о. Никон в 1916 году был награжден наперсным крестом[373], а в 1917 году — орденом Св. Анны 3-й степени[374]. В 1918 г. после заключения мира он вернулся в Глинскую пустынь. В строгих иноческих подвигах, часто совершая богослужение, жил о. Никон в обители до ее закрытия, а затем — на родине у братьев.

С 1929 г. по 1932 год он служил в с. Благодатном Курской епархии. В 1932 году о. Никон был арестован и сослан в Архангельск. В тяжелые годы ссылки он отличался нравственной крепостью духа, которая проявлялась в миролюбии, терпеливом и радостном принятии страданий и испытаний. Вернувшись в 1936 году из ссылки, о. Никон жил на родине и работал печным мастером. С 1941 года о. Никон начал служить в церкви села Береза Глуховского района, а в 1944 году вернулся в Глинскую пустынь[375].

Твердость воли, постоянная ровность характера, любвеобильное обращение со всеми людьми, наконец, природный здравый ум снискали ему всеобщее расположение и любовь. Но его пребывание в обители было недолгим. В том же 1944 году епископ Сумской и Ахтырский Корнилий назначил его служить на приход: сначала в село Ковенки Шалыгинского района, потом на прежнее место в село Береза и, наконец, в с. Ярославца Глуховского района[376].

Отец Никон пользовался огромным авторитетом у паствы. Сама жизнь его была примером для всех. Скорби и искушения способствовали его духовному совершенствованию. Они выявляли все греховное, что оставалось в душе старца, и побуждали мобилизовать внимание и духовную ревность на искоренение того, что удаляет человека от Бога. С Божией помощью преуспел он в подвижнической жизни, созрели в нем духовная мудрость и опытность.

Отец Никон всем сердцем и душой привязан был к храму, жил с ним одной благодатной жизнью, заботился о его благолепии и украшении. Здесь в него проливались дары Божественной благодати, любви и умиления, духовной радости и близости к горнему миру.

Пастырство его было истинно духовное. С верой в силу благодати Божией о. Никон возрождал паству к новой духовной жизни. Своей любовью он побеждал в одних страх, в других холодность и пренебрежение; одних вызывал к доверчивости, других подвигал на покаяние.

Проповеди о. Никона оказывали неотразимое воздействие на слушателей. Преподаваемое им высокое учение посредством многих подвигов стало его собственным цельным и ясным мировоззрением. Более всего он заботился о том, чтобы заложить в глубине сердца человека сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты проповедуемого учения Православной Церкви. Слушатель чувствовал, как самый дух проповедника входит в его душу. Отец Никон не стремился отвлеченными катехизическими и богословскими поучениями привести людей к Богу, а сам был проводником Божественной благодати, изменяющей человеческие сердца.

Отец Никон всегда был ревностным поборником Православия. Он рассказывал, как еще до революции на Пасху в Глинской пустыни он спорил со штундистами, которые говорили: "Наша вера лучше". Для разрешения спора о. Никон предложил взять два яйца и надписать их; на одном написали "Христос воскресе!", на другом — "Штунда". Эти яйца долго лежали, когда их вскрыли, от штундистского яйца пошло зловоние, а первое было свежайшее. Старец рассказывал об этом с детской радостью и даже смеялся.

Часто он говорил в своих поучениях о том, что спасение человека совершается только в Святой Православной Церкви. Но тесного единения со Христом в живом организме Церкви сподобляются только те лица, которые содержат православную веру в чистоте и святости, подвизаются в благочестии и стремятся постоянно пребывать в доброделании. Не все члены Церкви настолько духовно совершенны, но Церковь подает своим последователям врачевство духовное, они могут оставаться в Церкви, если оставят свои грехи, оплачут их и принесут искреннее исповедание перед священником. Господь именно для того и основал на земле Свою Церковь Святую, чтобы всегда очищать, врачевать желающих душевного и телесного здравия, просвещать ищущих освобождения от греховной тьмы; вести человека ко спасению. Раскаявшегося грешника Святая Церковь вновь принимает в свои объятия и подает ему надежду на получение вечной жизни. Отсюда следуют важность и необходимость пребывания в союзе с Православной Церковью и опасность для живущих вне этого священного союза.

Ко всем людям о. Никон относился беспристрастно. В каждом видел только его бессмертную душу и стремился привести ее к Богу. Во всех его словах проявлялся светлый ум и бодрая душа. Сердце о. Никона было открыто всем, поэтому к нему тянулись люди самых разных воззрений. После разговора со старцем в душе человека пробуждалась скорбь о своем недостоинстве, о потере чистого духа, искреннее стремление к Небу.

В 1948 году о. Никон по благословению Святейшего Патриарха Алексия был возведен в сан игумена, а в 1953 г. возвращен в Глинскую пустынь. В обитель стали ездить его бывшие прихожане, обращались к нему и многие другие богомольцы. Часто можно было видеть, как

старец, окруженный людьми, давал советы, отвечал на вопросы, благословлял своих духовных чад, а иногда водил их на братское кладбище Глинской пустыни, где покоится много святых.

Видя духовную мудрость и опытность старца, обращались к нему и многие иноки. Отец Никон говорил, что жить духовно — значит непременно иметь в своем сердце благодать Святого Духа, а духовный подвиг инока заключается в очищении сердца от страстей.

Именно в переоценке духовных ценностей, в перенесении центра своих стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, в освобождении от всего греховного, что отдаляет человека от Бога, и состоит очищение сердца. Это приводит последователя Христова к истинной христианской жизни, что делает его целенаправленным, более сосредоточенным, способным на всякое доброе дело. Духовность свидетельствует о способности христианина жить добродетельно. Первое свидетельство о присутствии в нас Святого Духа — это совокупность добрых чувств и расположений, а также подвиги самоумерщвления и самопожертвования.

В возрасте восьмидесяти пяти лет о. Никон по прощению был пострижен в схиму с именем Николай[377]. Усилив подвиги поста, бдения и молитвы, он по-прежнему принимал иноков и богомольцев, с трогательной заботой и любовью относился к младшей братии. Подвижник Божий отличался необыкновенной добротой, бодрым словом стремился поднять дух молодых иноков, а если они заболевали, делал лекарства и ухаживал за ними. Настоятель отзывался о нем как о "старце примерной жизни"[378]. После закрытия обители схиигумен Николай жил у родственников в Глухове, где окончил свою земную жизнь.

Иеросхимонах Паисий (в монашестве Полиевкт, в миру Павел Дмитриевич Гришкин) родился 8 декабря 1879 года в селе Гусевка Людиновского уезда Калужской губернии в крестьянской семье[379]. Благочестивая семья Гришкиных была обеспечена[380] и часто приезжала на богомолье в Оптину пустынь. С малых лет сердце Павла горело любовью к Богу и к жизни иноческой. Господь еще в детстве даровал ему многоопытного духовного наставника. Им стал бывший келейник преподобного Амвросия, известный впоследствии Оптинский старец Анатолий (в миру Александр Потапов). После кончины скитоначальника Оптиной пустыни о. Иосифа (Литовкина) именно он выделился среди всех учеников старца Амвросия и пользовался всеобщим уважением.

По отзывам современников, "в нем часто чувствовались дух и сила первых великих Оптинских старцев", а по своему "стремительному радостно-любвеобильному и смиренномудрому обращению с людьми он напоминал преп. Серафима Саровского"[381]. По благословению о. Анатолия Павел в 1898 году после окончания сельской школы поступил в Оптину пустынь[382]. Послушание он проходил при рухлядной[383], к старцу своему ходил ежедневно сначала в скит Оптиной пустыни, затем в храм Владимирской иконы Божией Матери, при котором была келлия о. Анатолия. Старец очень почитал святителя Тихона Задонского и часто давал своим духовным детям читать его творения. Поучения же самого о. Анатолия всегда указывали Павлу верный путь к достижению духовного совершенства, а весь строго подвижнический уклад жизни обители не давал ослабеть его ревности.

Копия
Чудотворной иконы
Рождества Пресвятой
Богородицы
Пустынно-Глинской

В 1918 году Павла постригли в рясофор[384], а в 1920 — в монашество с именем Полиевкт[385].

Вместе со своим старцем он пережил в обители все трудности военного времени, революции и гражданской войны. Советы старца и его наставления о. Полиевкт не только с благоговением хранил в своем сердце, но и делом исполнял. Особенно запомнились ему слова старца о пользе откровения помыслов, которое постепенно приводит человека к истинному смирению, рождая в душе сознание своей греховности и болезнование о ней.

Схиархимандрит Серафим
(Романцов)
на смертном одре.
Личный архив автора

За долгие годы жизни в монастыре при полном отсечении своей воли о. Полиевкт достиг высокой степени чистоты сердца и духовной мудрости. Строгость к себе, недоверие к своему мнению и полное послушание были его отличительными чертами.

После закрытия Оптиной пустыни о. Полиевкт работал чернорабочим в Днепропетровске, затем в Козельске, с 1940 по 1943 год жил на родине.

В 1943 году он переехал в Новочеркасск Ростовской области, где в 1945 году епископом Смоленским Стефаном был рукоположен во иеродиакона, а в 1949 епископом Ростовским Вениамином — во иеромонаха[386]. До 1954 года он служил в Новочеркасске, затем в селе Петровское Ростовской области[387].

В 1955 году о. Полиевкт направил прошение архимандриту Серафиму (Амелину) о принятии его в Глинскую пустынь. Об этом же просил епископа Евстратия митрополит Ростовский и Каменский Вениамин, который писал: "Отец Полиевкт — бывший монах Оптиной пустыни, хорошо знающий монастырскую жизнь, он скромен, любит церковные службы и доброго поведения[388].

В мае 1955 года иеромонах Полиевкт был переведен в Глинскую пустынь на покой[389]. Превозмогая болезни, он много трудился в обители, не позволяя себе никаких послаблений. Настоятель архимандрит Серафим писал о нем епископу Евстратию: "Иеромонах Полиевкт, несмотря на престарелые годы и сердечную болезнь, зарекомендовал себя послушным и трудолюбивым старцем, участвуя в физическом труде и отправлении церковных треб"[390]. В 1957 году епископом Евстратием он был награжден набедренником[391].

Это был строгий и ревностный исполнитель иноческих обетов. По отношению к глубоко уважавшей его братии обители он также был строг, требователен и взыскателен. Часто напоминал он инокам об их обещаниях служить Христу верой и правдой, о том, что совесть есть внутренний мздовоздаятель всех дел и поступков христианина, что желающий достигнуть вечного спасения не только должен бороться с грехом, но обязан и не соглашаться с порочными мыслями и пожеланиями, которые нарушают спокойствие его совести.

Имея глубочайшее смирение и самоукорение, он в то же время мог обличить любого, кто не исполнял монашеских обязанностей — и старшего, и младшего.

У о. Полиевкта было очень много почитателей среди богомольцев. Он обладал молитвенным даром так воздействовать на человека, что тот, чувствуя невидимое присутствие всемогущего Господа, со всей откровенностью исповедовал старцу самые потаенные движения своего сердца. Людей, живущих в миру, о. Полиевкт учил созидать свое спасение в мелочах будничной жизни так, чтобы все дела были сделаны ради Господа и во славу Его.

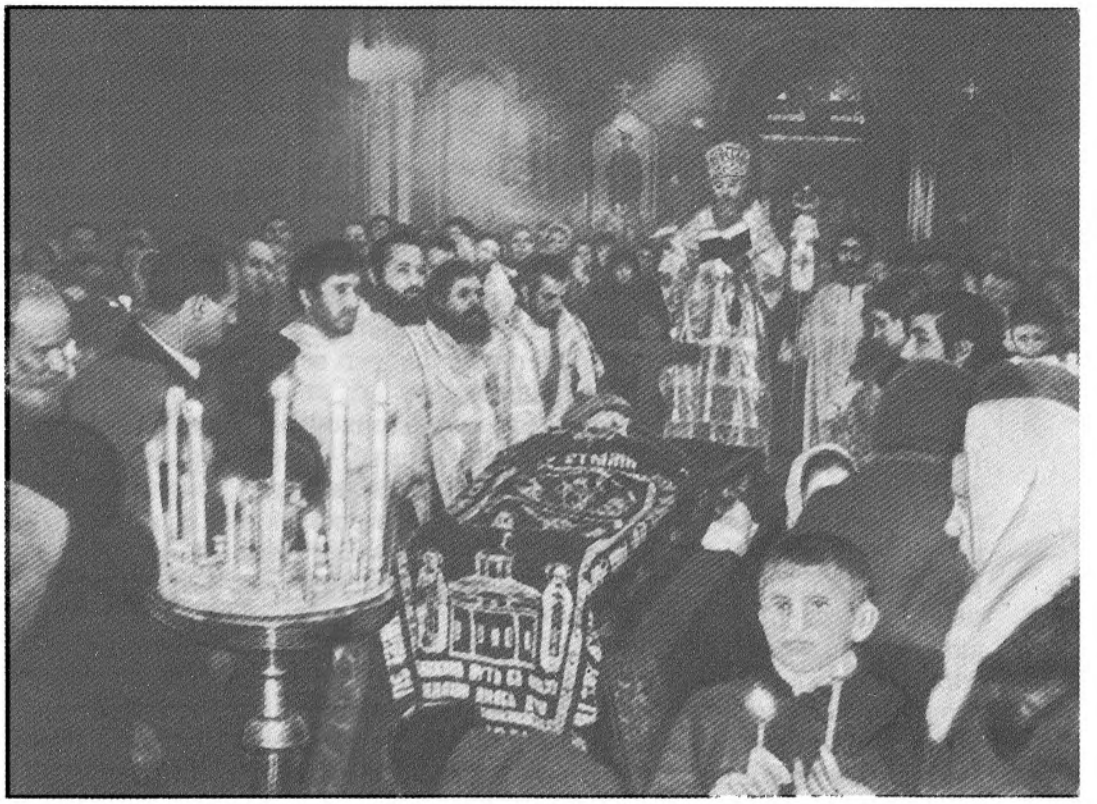
Всех он наставлял пребывать в храме, не развлекаясь и не разговаривая, внимать чтение и пение, так как Слово Божие, как слово Самой Божественной Истины, благодатной своей силой просвещает *разум*, очищает *совесть* и *сердце,* делает их способными к восприятию благодатных внушений. Сила благодати, сокровенная в Слове Божием, возбуждает и укрепляет волю к исполнению закона Божия, к борьбе с искушающим злом и демонами. Слово Божие насаждает и укрепляет в нас веру, любовь к Создателю, утверждает надежду. Словом Божиим вся Святая Церковь в вере пребывает, утверждается и спасается.

Несмотря на строгость, о. Полиевкт всегда принимал самое теплое участие в скорбях ближних, а поэтому он особенно умел утешать приходящих к нему. Он не отчаивался ни в чьем исправлении, умел ободрить и поднять дух у людей нерадивых и малодушных, вселить надежду в унывающих.

Старец старался довести до сознания своих духовных детей мысль, что исполнение воли Божией и надежда на Него доставляют не только облегчение в телесных и душевных скорбях, но и утешение, исключающее возможность всякого уныния.

В возрасте восьмидесяти лет по прошению он был пострижен в схиму с именем Паисий и с присущей ему ревностью подвизался в схимнических трудах. После закрытия Глинской пустыни о. Паисий перешел в Троице-Сергиеву Лавру, где также пользовался большим уважением братии, но в скором времени он почил там о Господе.

Иеросхимонах Василий (в монашестве Вонифатий, в миру Иван Андреевич Морин) родился 10 сентября 1878 года в селе Лошаковка Суражского уезда Курской губернии в крестьянской семье[392]. Рано проявилось в нем стремление к иноческой жизни; уже в семнадцати-

летнем возрасте он поступил в Белогорскую Николаевскую пустынь[393]. В 1909 году Иван был пострижен в монашество с именем Вонифатий, а через четыре года рукоположен епископом Белгородским Никодимом (Кононовым) в сан иеродиакона[394]. В 1915 году по указу Курской Духовной Консистории о. Вонифатий был перемещен в Глинскую пустынь[395]. Переход в прославленную обитель способствовал его быстрому духовному возрастанию. Он получил великую пользу от ежедневного откровения помыслов старцам, от их советов и наставлений. Простой и бесхитростный, о. Вонифатий, исполняя все по-

Отпевание схиархимандрита Серафима (Романцова). 1976 г. Личный архив автора

веления Глинских наставников, преуспевал в духовной жизни. Архимандрит Нектарий (Нуждин) писал, что "иеродиакон Вонифатий качеств очень хороших"[396]. В 1919 году он был рукоположен во иеромонаха и в 1922 году епископом Рыльским Павлином (Крошечкиным) награжден набедренником[397]. После закрытия Глинской пустыни о. Вонифатий жил на родине. С 1930 по 1938 год он служил священником в церкви села Ворошба Суджанского района Курской области[398].

Твердая вера сообщала всей его деятельности характер глубокой убежденности. Постоянное созерцание Бога внутренним оком веры, как Всеблагого Помощника, Всемогущего Защитителя и Премудрого Указателя пути в Его Царствие, давало о. Вонифатию силы к победе над искушениями, к мужественному перенесению напастей и бедствий и к выполнению своего назначения на земле. И своих прихожан о. Вонифатий учил веровать к Бога, то есть иметь живую уверенность в Его бытии и свойствах, признавать умом и сердцем все то, что Сам Бог сообщил нам о Себе в Своем Откровении. Отец Вонифатий говорил, что человек все может потерять в этой жизни, но пока остается в нем вера, жизнь еще впереди. Однако к вере реальной способна только та душа, которая решительным произволением отверглась греха, направилась всей своей волей и силой к Божественному добру. Это возможно путем подвига очищения души от всякой скверны, путем покаяния, к чему он и призывал паству.

Жизнь о. Вонифатия была для прихожан ярким примером проповедуемой им веры. Быть спокойным — вот первое действие твердой веры перед лицом испытания, а о. Вонифатий при всех обидах, неприятностях и скорбях хранил неизменное спокойствие духа и был ко всем приветливым и радушным. Истинное богопознание служило основой его глубокой личной убежденности, и эту убежденность он передавал своей пастве.

После закрытия храма в селе Ворошба в 1938 году о. Вонифатий жил в том же селе и "работал на частных работах", а в 1945 году он вернулся в Глинскую пустынь[399]. Затем с 1954 года служил настоятелем Успенской церкви села Стариково Глуховского района Сумской области. В 1957 году о. Вонифатия перевели в Глинскую пустынь на покой. В том же году он был награжден Святейшим Патриархом Алексием наперсным крестом.

Живя в обители, о. Вонифатий был удивительно ровен в общении со всеми. Всегда "скромный, послушный и смиренный"[400], он никого не отличал. Это был старец простой, но отличавшийся ревностью в исполнении заповедей Божиих. Его краткие слова содержали мудрые мысли, которые рождаются опытом духовной жизни. Душа его была проникнута живейшей любовью к Богу и ближним. Часто, опираясь на палочку, он с трудом ходил по обители и всех благословлял.

Проведя в монашеских подвигах более 50 лет, в 1959 году он принял святую схиму с именем Василий[401], после чего полностью отрешился от внешней жизни и всецело углубился в молитву. Мирно и бодренно готовился он к своему исходу, который последовал на восемьдесят втором году его жизни, 19 августа 1960 года[402]. Похоронен о. Василий на братском кладбище Глинской пустыни.

Схииеродиакон Евстратий (в монашестве Евфимий, в миру Евдоким Иванович Урети) родился 31 августа 1885 г. в селе Великая Костица Ямпольского уезда Подольской губернии в семье крестьян-молдаван[403]. Благочестивые родители воспитывали Евдокима в атмосфере строгой религиозной настроенности. Постепенно у него созрело горячее желание беспрепятственно поработать Богу и достигнуть духовного совершенства. В возрасте 22 лет, испросив благословение родителей, он поступил в славившуюся тогда по всей России Глинскую пустынь[404]. Все в обители его радовало. Даже на тяжелых общих монастырских послушаниях Евдоким трудился всегда бодро и радостно. В 1910 году он был назначен на послушание при Сеймских мельницах[405], но уже через год возвращен в обитель[406].

Как и всякий истинный последователь Господа, он испытывал в своей жизни различные искушения, которые имели большое значение для его духовного возрастания. Старцы говорили ему, что свобода духа человека ограничена грехом, и поэтому борьба с искушениями связана с борьбой за свободу духа. В этой борьбе Евдоким постоянно нравственно совершенствовался.

В 1915 году его призвали в армию; он служил в 20-м Туркестанском стрелковом полку[407] и только через три года вернулся в обитель. Евдокиму дали послушание при ключне[408], которое он старался выполнять с присущим ему усердием. В 1920 году он был пострижен в монашество с именем Евфимий[409]. Он так любил обитель, что даже после ее закрытия решил не уезжать далеко, жил до войны в г. Глухове, работая чернорабочим[410], и часто бывал в Глинской пустыни. В 1941 году о. Евфимий переехал на родину и жил у родных, но уже в 1944 году он вернулся в Глинскую пустынь[411]. В обители он проходил послушание клиросного и различные общие послушания. В церковь ходил неопустительно ко всем службам, стоял неподвижно на одном месте, опустив голову и углубившись в себя. С трогательным детским благоговением молился он Царице Небесной и особенно почитал Чудотворную икону Ее Пречистого Рождества.

В январе 1950 года епископом Сумским и Ахтырским Иларионом он был рукоположен во иеродиакона[412]. "Тихий по характеру, скромный и послушный"[413], о. Евфимий усердно исполнял свое послушание, всем старался услужить и угодить. Ничто внешнее его не огорчало, ни на кого он не гневался и тем более сам никогда никого не огорчал. Келейную жизнь проводил строгую и воздержную, чуждую малейшего саможаления. С 1955 года о. Евфимий жил в одной келлии с о. Полиевктом (Гришкиным), к которому относился с большим почтением, получая от него много духовных наставлений. Пищу о. Евфимий вкушал вместе со всей братией, но очень умеренно. Чтение трапезное слушал всегда очень внимательно, а иногда, заслушавшись, и совсем забывал о пище.

В возрасте семидесяти трех лет о. Евфимий был освобожден от послушаний, но усердно посещал храм Божий. В 1959 году он принял постриг в святую схиму с именем Евстратий[414]. Отец Евстратий от юности посвятил себя Богу и до конца земной жизни был истинным монахом, глубоко верующим, кротким, смиренным, чистым сердцем, монахом-подвижником, монахом-молитвенником. В последние годы его

жизни в нем явился дар прозорливости, прозрения в духовный мир, который он стяжал от Господа. Предсказывая закрытие Глинской пустыни, о. Евстратий особенно молил Царицу Небесную даровать ему кончину в святой обители. В начале 1961 года он тяжело заболел, но терпеливо и благодушно переносил страдания. Несмотря на болезнь, в его душе была великая тишина и тот духовный благодатный мир, который даруется подвижнику после борьбы. 6 мая 1961 года старец со слезами простился с братией и тихо отошел ко Господу[415]. Похоронен схииеродиакон Евстратий на братском кладбище Глинской пустыни.

Благочестивой жизнью отличались также иеромонах Павел (Васильев), монахи Валериан (Опенько), Климент (Григораш), Иов (Такшин) и другие.

Иеромонах Павел (в миру Петр Антипович Васильев) родился 29 июня 1884 г. в селе Большая Грибановка Воронежской губернии[416] в простой крестьянской семье. До 21 года он жил с родителями и занимался сельским хозяйством, затем три года был на военной службе. В 1908 году он переехал в г. Тбилиси, где в течение почти 27 лет работал в Управлении железной дороги. В 1908 году Петр поступил в гимназию, после окончания которой в 1915 году он был назначен инструктором по тарифам в том же управлении. С 1935 по 1952 г. он работал на авторемонтном заводе г. Тбилиси. Затем ушел на пенсию. Петр был женат, у него были два сына и дочь. За этой внешне обычной для многих людей того времени жизнью была скрыта особая, напряженная внутренняя жизнь. Воспитанный в религиозной семье, Петр всегда хранил веру Христову. Его семейная жизнь была строго благочестивой, заполненной трудом и молитвой. В доме всегда неопустительно соблюдались посты, установленные Православной Церковью.

Чтобы научиться познавать Бога и Его Святую волю, он вдумчиво, с благоговением и вниманием читал Священное Писание; детям же разъяснял, что Слово Божие своей благодатной силой проникает во все тайники души человека и показывает ей ту греховную нечистоту, которой она помрачилась и осквернилась. Во время гонения на Церковь он вынужден был скрывать от других уклад своей домашней жизни, но не изменял его.

В 1938 году жена его умерла, и после ее смерти Петр особенно часто размышлял о том, что именно вечность является уделом человеческой души и цель жизни на земле состоит в том, чтобы человек, постепенно развивая свои духовные способности, заложенные Творцом, смог соединиться в Ним в вечности и наслаждаться Его лицезрением. Но он понимал, что для достижения этого от христианина требуется сохранить свою душу и тело от греховных влечений. Руководство к благочестивой и добродетельной жизни Петр нашел в святоотеческих творениях, небольшую библиотеку которых он собрал еще в молодости. В книгах св. отцов глубоко запечатлелся дух истинного христианства. К этим спасительным истинам тяготела душа Петра и в них обретала соответствующую своему состоянию духовную пищу.

Проводя жизнь внимательную, Петр знал, что сердце человека никогда праздным не бывает и он всегда стремился заполнить свое сердце молитвой и спасительным чтением Слова Божия, чтобы диавол не заполнил его своими скверными мыслями и пожеланиями. Так, со

временем он стяжал сокрушение сердца, которое в том состоит, чтобы хранить его и не допускать увлекаться неполезными помышлениями[417].

Остро ощущая свою греховность и виновность пред Богом, он приобрел духовную собранность и ту печаль по Богу, которая рождает истинное покаяние. Стремясь самоотверженно послужить Господу и принести Ему глубокое раскаяние, в конце 1954 года он поступил в Глинскую пустынь[418]. В обители он отличался аккуратностью, исполнительностью, послушанием, смирением[419], но главное — сокрушением и плачем о своих грехах. Уже в 1955 году он был пострижен в рясофор, а в 1957 году — в мантию с именем Павел[420]. В том же 1957 году епископом Сумским и Ахтырским Евстратием он был рукоположен во иеродиакона, а затем — во иеромонаха и назначен секретарем канцелярии монастыря. Послушанием его также было чтение акафистов.

Приняв священный сан, о. Павел все более и более укоренялся в атмосфере молитвенности и священнодействия, при этом он постоянно укорял и обвинял себя во всем, никаких своих добрых дел не видел, а только слабости сознавал.

Молодым инокам, которые спрашивали его, как достичь глубокой покаянной настроенности, о. Павел отвечал, что, по учению св. отцов, плач приобретается большим трудом, через поучение в Писании, терпение, размышление о Страшном суде и стыде вечном, через самоотвержение, которое состоит в том, чтобы отсекать во всем свою волю и почитать себя за ничто.

В 1959 году епископом Сумским и Ахтырским Иоасафом о. Павел был награжден набедренником[421].

Отец Павел подвизался в Глинской пустыни до самого ее закрытия. Затем он уехал к сыну в г. Тбилиси[422], где и скончался.

Монах Валериан (в миру Василий Игнатьевич Опенько) родился 27 декабря 1898 года в г. Глухове Черниговской губернии[423]. Родители его были простые украинские крестьяне. В 1910 году он окончил начальную школу. С детства Василий часто ходил в церковь, вставал у клироса и внимательно слушал, что поют и читают в храме. Если человек увлечен мирской суетой до забвения о духовных предметах, то хотя он и слышит или читает Слово Божие, но не может вместить его (в таком случае сердце бывает подобно наполненному сосуду, который пока не освободится от того, что содержит в себе, не может вместить ничего нового), а поэтому и остается без плода. Наоборот, ищущий спасения всегда стремится внимать Слову Божию и сделать его неотъемлемым достоянием своей души. Так и Василий стремился не пропустить ни одного слова во время богослужения.

Особенно он любил бывать в Глинской пустыни, где величественные и благоговейные богослужения совершались строго по уставу, без пропусков, с канонархом, неспешно, отчетливо и ясно, так что церковные песнопения, поучения, псалмы с их благодатной красотой и глубоким смыслом воспринимались и сердцем, и умом предстоящих и духовно воспитывали их.

В душе Василия рано созрела решимость поступить в эту обитель, но революция и начавшаяся гражданская война помешали осуществлению этого желания.

С 1919 по 1923 год Василий служил в армии; когда же он вернулся домой, Глинская пустынь была уже закрыта. Научившись сапожному ремеслу, он в течение почти 20 лет работал сапожником в г. Глухове. Воздержанный, трезвый и трудолюбивый, Василий отличался крайней нестяжательностью, искренней простотой и христианской кротостью. Часто он шил и ремонтировал обувь бесплатно или за такую плату, какую ему давали, сам же не назначал цену. Жизнь его, внешне ничем не привлекавшая внимания, была наполнена подвигами благочестия. Самоуглубление, продолжительные молитвы, пост, коленопреклонения укрепляли волю Василия, и под покровом глубокого смирения возрастал его внутренний человек. Василий часто ходил на братское кладбище Глинской пустыни, где со слезами молил покоившихся там святых о спасении своей души. В 1943 году он был направлен на службу в пожарную команду г. Харькова и лишь в 1946 году вернулся на родину.

В 1948 году Василий поступил в Глинскую пустынь. "Молчаливый, трудолюбивый, тихий, смиренный и послушный"[424], он был любим всей братией. Сначала Василий плел всем лапти, а затем, когда благосостояние обители улучшилось, шил и ремонтировал обувь братии. Исполняя свое послушание тщательно, со страхом Божиим, усердием и терпением, он очистил душу и сделал свою жизнь угодной Богу. В 1951 году он был пострижен в рясофор, а в 1956 году — в мантию с именем Валериан[425].

Отец Валериан всегда старался хранить молчание, хотя в сапожную мастерскую, где он трудился, приходили не только иноки, но и богомольцы, которым он никогда не отказывался помочь. Если настоятель назначал послушников в помощь ему самому, то он никогда не делал им замечаний, но обязывал всех к исполнению долга своим постоянным усердием к порученному делу. Не имея ни с кем особенной дружбы, он не бывал ни у кого в келлии. Молитва была единственной потребностью его души и наполняла его сердце таким миром, что все земное, житейское было ему чуждо.

Отец Валериан, трудясь на послушании, не мог бывать в простые дни на литургии, но он никогда не пропускал утрени, и вечером при первом ударе колокола, оставив свои инструменты, спешил к вечерне. В храме за богослужением он всем сердцем ощущал Божие присутствие, а для христианина нет большего утешения, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. Отец Валериан раскрывал всю свою душу пред Богом, благодарил Его и воздыхал к Нему, прося Его помощи. Он непоколебимо верил, что истинный христианин не только в земной жизни не разлучается с Богом, но не лишится общения с Ним и в вечности.

После закрытия обители о. Валериана ждали новые испытания. Родственников у него не было, жить было негде, и уполномоченный хотел отправить его в Черкасский дом престарелых[426]. Но о. Валериана согласилась принять в свой дом прихожанка обители больная старушка — Мария Степановна Кудрявцева[427], которая из Москвы переехала в с. Сосновку. Здесь о. Валериан претерпел много горя. Старушка была одинокая, бедная; небольшой дом ее разваливался, средств к существованию не было. По слабости своих сил о. Валериан с трудом ухаживал за больной и не мог заработать даже на еду, так что часто

голодал. Но всецело предав себя воле Божией, он все переносил благодушно. Терпеливое и смиренное отношение к испытаниям свидетельствовало о высоте его духовной жизни. До конца своих дней он прожил в с. Сосновка. Точная дата его кончины неизвестна.

Монах Климент (в миру Карп Романович Григораш) родился 26 мая 1886 года в селе Вершицы Черкасского уезда Киевской губернии в крестьянской семье[428]. В 1896 году он окончил трехклассную начальную школу. До 42 лет Карп жил на родине и занимался сельским хозяйством. Он был женат, но в 1926 году жена его умерла, оставив на его попечении сына. В 1929 году он переехал в Донбасс, где работал в кооперативной артели, с 1933 по 1937 год был бондарем в колхозе близ города Майкопа, а с 1937 по 1950 год — весовым мастером в городе Вольске. Затем он переехал к сыну в Саратов. Здесь произошел полный переворот во всем строе его внутренней жизни. Карп начал усердно посещать храм Божий, все чаще думал о смерти и неизбежном суде Божием, стал бояться умереть без покаяния. Он глубоко осознал, что приготовление к вечности в единении с Богом — вот цель земной жизни человека. Наконец он решился совершенно оставить мир и провести оставшуюся жизнь в покаянии в монастыре. Карп много слышал о высокой духовной жизни Глинских иноков и в 1954 году приехал в Глинскую пустынь, где начал трудиться на благо монастыря. В том же году он был принят в число насельников пустыни "как проверенный и нужный обители работник"[429].

В монастыре он проходил послушание бондаря. В высшей степени трудолюбивый и степенный, он неспешно, но споро исполнял порученное ему послушание. Старцы учили его при исполнении внешнего послушания умом упражняться во внутреннем делании: творить молитву, хранить молчание, стяжать смирение.

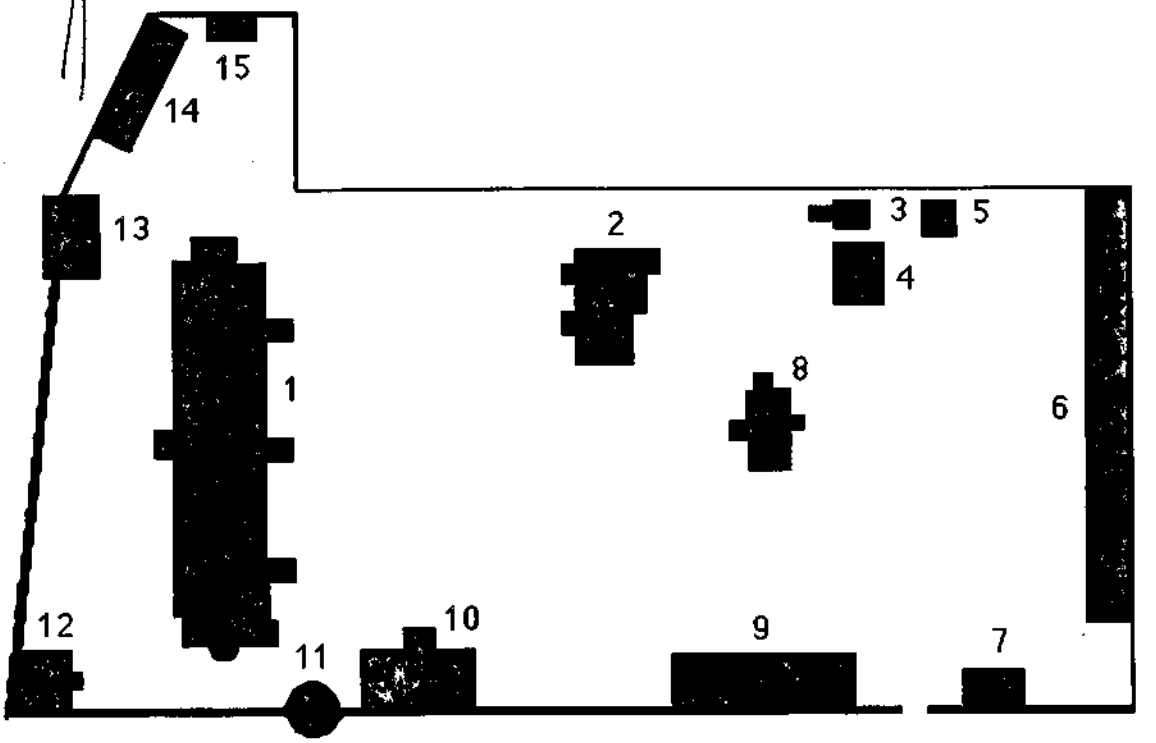
В 1955 году он уже был пострижен в рясофор[430] и с этого времени особенно ревностно начал подвизаться против страстей и невидимых врагов. Более всего Карп заботился об очищении сердца вниманием ко всем его движениям и удалением от земных пристрастий.

Высоконравственная жизнь требовала напряжения всех его духовных сил. Укреплению этих сил на пути нравственного совершенствования способствовала усиленная молитва. В храме Карп стоял с таким благоговением, вниманием и углублением в молитву, что, казалось, никого и не видел. В 1958 году он был пострижен в мантию с именем Климент[431].

Отец Климент был строгий постник. Укрощенное постом тело доставляло его духу свободу, силу, трезвенность, чистоту, тонкость. Отличался о. Климент и редким воздержанием языка. Автор этих строк вместе с ним делал бочки, но крайне редко слышал его речь, смех же он не допускал никогда. Как строгий блюститель всех иноческих обетов, постепенно он достиг высокого нравственного преуспеяния. В душе его не только укоренились благочестивые чувства и стремления, но и родилась духовная мудрость.

В 1959 году он был переведен на более легкое послушание переплетчика[432], которое исполнял до закрытия обители. После закрытия Глинской пустыни в возрасте семидесяти пяти лет он переехал к сыну в Саратов[433]. Дальнейшая судьба о. Климента неизвестна.

Монах Иов (Илья Григорьевич Такшин) родился 20 июля 1886 года на хуторе Зачатеевка Белгородского уезда Курской губернии в крестьянской семье[434]. В своей повседневной жизни его родители стремились к исполнению всех заповедей Божиих, почитали церковные праздники, а главное — имели ту живую веру, которая приближала к Богу и делала явным для них Его вездесущие. Илья с детства любил церковные службы, отличался тихостью нрава, безропотностью, был очень трудолюбив. К родителям он относился с искренним почтением, без их благословения даже не выходил со двора.

План монастыря "Глинская пустынь". 1960 г.
Архив Сосновского дома инвалидов .
1. Храм в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.
2. Трапезная.
3. Склад горючего.
4. Гараж.
5. Кузница.
6. Кирпичный сарай со столярной мастерской.
7. Гостиница для богомольцев.
8. Аптека и келлии братии.
9. Архиерейский корпус.
10. Склад и овощехранилище.
11. "Угловой столп".
12. Сапожная мастерская.
13. Прачечная.
14. Сарай.
15. Сарай

Еще в молодости Илья хотел уйти в монастырь, но, исполняя волю родителей, женился. Однако мирская жизнь не заглушила в его душе жизни религиозной. В простоте своего сердца он все более возрастал в смирении, кротости, других христианских добродетелях и верил, что хотя бы в конце его жизни Господь исполнит его сердечное желание о поступлении в монастырь. На родине, в доме родителей, Илья жил с семьей (у него было два сына) до 1935 года. В 1934 году его жена умерла, и вскоре после этого он переехал в Иркутск, где работал до 1940 года, затем вернулся на родной хутор и трудился в колхозе[435].

Никакие события внешней жизни не могли изменить тихого, глубоко религиозного устроения его души. Он хранил веру православную и через всю жизнь пронес любовь к Богу и верность Его Святой Церкви.

В 1954 году Илья приехал в Глинскую пустынь и в конце того же года был зачислен в братство обители[436]. В монастыре он всегда трудился. Сначала его назначили кухонным рабочим, затем поваром[437]. Это трудное послушание было принято им с радостным чувством, что он потрудится на благо обители. Три года готовил Илья пищу на монастырской кухне, носил воду, рубил дрова, чистил и мыл посуду, работая всегда самоотверженно.

В 1955 году он был пострижен в рясофор, а в 1957 г. — в мантию с именем Иов[438]. Еще через год ему дали послушание на скотном дворе. С любовью и тщательностью ухаживал он за скотом, даже называл животных ласково: "волики, скотинка"; следил, чтобы их не перегружа-

Крестный ход.
Личный архив
автора

ли работой, старался всегда хорошо накормить, на ночь постилал солому. Во всех его словах и действиях чувствовалось смиренное, кроткое, любвеобильное ко всякому Божьему созданию отношение.

Отец Иов очень любил монастырь. О чем бы ни заговорили с ним, всегда в его ответах звучало чувство беспредельной благодарности Богу и Царице Небесной за то, что его приняли в Глинскую пустынь, благодатную атмосферу которой он постоянно ощущал. На богослужениях в храме, стоя позади всех, он часто тихо плакал, благодаря Бога за неизреченную милость к нему, недостойному, каким искренно считал себя о. Иов. Все в монастыре было для него свято, и чувство величайшего благоговения к этому богоизбранному месту переполняло его душу.

Именно поэтому известие о закрытии Глинской пустыни было воспринято им с особой душевной болью. Отец Иов сильно сокрушался, что лишается милости окончить свои дни в Глинской пустыни, не мог представить себе жизни вне святой обители, где душа его получала столько сокровенных благодатных утешений. Он даже кротко, со слезами умолял братию не расходиться, но оставаться в обители по-прежнему. За такие слова в июне 1961 года управляющий Сумской епархией архиепископ Черниговский и Нежинский Андрей исключил его из монастыря[439], но он оставался в обители до самого закрытия, затем переехал к сыновьям на родину[440], где вскоре скончался так же тихо, как жил.

* * *

Во время настоятельства о. Феогена в обитель поступало множество прошений о зачислении в Глинскую пустынь, но по указанию уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области, стремившегося сократить число насельников монастыря, Сумское епархиальное управление всем отказывало (кроме старого и больного иеромонаха Агафоника (Бубнова), нуждавшегося в постоянном уходе)[441].

В обитель по-прежнему со всех концов страны приезжало множество богомольцев, иногда более 700 человек в день[442]. Всех их братия, как всегда, не только кормила, но и предоставляла им ночлег. В гостинице места, конечно, не хватало, и на ночь люди располагались в коридорах корпусов, летом — в сараях.

При о. Феогене доходы монастыря продолжали возрастать. В 1959 году пожертвования богомольцев составили более 66% всех доходов обители, церковный сбор — 32%, около 2% было получено за счет продажи скота и прочих поступлений[443]. В начале 1959 года Хозяйственное управление Московской Патриархии безвозмездно передало Глинской пустыни автомашину[444].

Стараниями о. Феогена обогатилась ризница обители. Теперь в ней имелось уже 89 риз (среди них 5 бархатных, 2 парчовых) и 54 стихаря[445]. В храме, кроме инокостасов, было 93 больших и 60 малых икон[446].

В монастырской библиотеке насчитывалось около 600 экземпляров книг. Здесь были книги по истории и философии религии, церковному праву, апологетике, святоотеческая литература, жития святых, Требники, Минеи, словари, справочники, ноты и светская литература[447].

В 1959 году за труды на благо обители, которая и после кончины схиархимандрита Серафима (Амелина) как внутренне, так и внешне процветала. Игумен Феоген по благословению Святейшего Патриарха Алексия был возведен архиепископом Черниговским и Нежинским Андреем (Сухенко) в сан архимандрита[448].

Во время настоятельства о. Феогена Глинская пустынь по-прежнему являлась великим духовным центром, откуда истинное Православие распространялось по всей стране, поэтому враг воздвиг на обитель сильнейшее гонение. Органы советской власти всеми силами мешали ее духовно-просветительной деятельности. Еще в конце 1958 года о. Феоген получил распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Иоасафа "немедленно уволить всех рабочих, которые не являются зарегистрированными насельниками"[449], то есть всех временных послушников, еще не принятых в обитель по указу. В следующем году вообще запретили принимать новых насельников.

Следили и за тем, чтобы в обители не возрастало число священнослужителей. Епископ, прежде чем рукоположить кого-либо в священный сан, должен был получить на это разрешение уполномоченного, который, как правило, такого разрешения не давал (например, в апреле 1959 года запретил рукополагать в сан иеродиакона четырех монахов Глинской пустыни)[450].

С начала лета 1959 года в монастырь стали приезжать различные комиссии по проверке санитарного состояния и паспортного режима обители[451], цель которых заключалась в том, чтобы опорочить монастырь и подготовить документы к его закрытию. По результатам проверок в вышестоящие партийные и советские органы направлялись требования о закрытии обители, содержащие самую нелепую клевету[452]. В актах, составленных этими комиссиями, подчеркивалось: "В монастырь Глинская пустынь систематически прибывают посетители из самых отдаленных мест Советского Союза"[453], что особенно раздражало местные власти.

Указом Сумского епархиального управления в Глинской пустыни было запрещено предоставлять паломникам гостиницу и кормить их, но, безусловно, этот указ не выполнялся, наоборот, в преддверии закрытия обители братия во главе с настоятелем стремилась как можно больше духовно и материально помочь людям, поддержать и укрепить их на будущее.

Преосвященный Иоасаф (управлявший Сумской епархией в 1958—1959 годах) сам приезжал в обитель и дал распоряжение не кормить паломников. Но старец Андроник (Лукаш), заботясь о сохранении монастырского устава, сказал от лица всех иноков: "Мы не можем отказать в трапезе богомольцам. Не мы их, а они нас кормят". Братия горячо поддержала о. Андроника, и общая трапеза для всех паломников продолжалась в обители в соответствии с уставом.

В архиве уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области за тот период сохранилась "Справка нарушений по монастырю Глинская пустынь". Вот что вменялось в вину обители: "1. В монастыре предоставляют для паломников гостиницу и питание... 2. На автомашине и гужтранспортом привозят и увозят паломников со станции Локоть и из Глухова... На станции Локоть

организовали гостиницу, где останавливаются приезжие паломники... 3. Несмотря на запреты епархиального начальства и угрозы советской власти, Глинские иноки ревностно хранили вековые традиции пустыни, продолжали оказывать самый теплый и заботливый прием богомольцам.

Архимандрит Феоген укреплял и поддерживал духовную и хозяйственную жизнь обители, поэтому, не считаясь с мнением братии, его отстранили от управления монастырем. 29 июля 1960 года указом управляющего Сумской епархией архиепископа Андрея "в силу сложившихся обстоятельств"[455] о. Феоген был не только освобожден от должности настоятеля, но и лишен права оставаться в Глинской пустыни — так опасались его духовно-благотворного влияния на братию.

Временно исполняющим обязанности настоятеля, несмотря на протест братии, был назначен казначей обители *игумен Модест* (в миру Михаил Иванович Гамов)[456]. 3 августа 1960 года архимандрит Феоген передал ему все имущество монастыря[457]. 10 марта 1961 года игумен Модест был утвержден в должности настоятеля и возведен в сан архимандрита[458].

Архимандрит Модест родился в 1903 году в селе Куликовка Щигровского уезда Курской губернии в семье крестьянина, окончил три класса начальной школы и до 1930 года работал на родине, затем до 1948 года — в Восточно-Сибирском геологическом управлении мастером по бурению. В Глинскую пустынь поступил 20 сентября 1948 года[459]. В обители сначала был хлебопеком, затем кладовщиком[460]. Постриг в монашество принял в 1949 году, в 1951 году был рукоположен во иеродиакона, а в 1953 году — во иеромонаха. После перевода о. Феогена (Тарана) на приход, 1 апреля 1953 года о. Модест был назначен казначеем обители и пробыл в этой должности до июля 1960 года[461]. В 1958 году он был награжден наперсным крестом, а в 1959 году архиепископом Черниговским и Нежинским Андреем возведен в сан игумена[462].

Это был "неплохой монах, скромный, аккуратный, способный хозяйственник... усердный труженик по благоустройству обители"[463], послушание казначея нес добросовестно, но не пользовался авторитетом у братии, поскольку не имел молитвенного духа и не отличался подвижнической жизнью. После его назначения на должность настоятеля братия сначала даже пала духом, но вскоре смирилась, поскольку получила духовный задаток от прежних настоятелей.

Уполномоченный по Сумской области и другие представители местной власти рассчитывали, что новый настоятель будет исполнять их волю. Но о. Модест за обитель стоял ревностно, делал что только мог для сохранения монастыря и увещевал братию молиться усерднее, чтобы не закрыли Глинскую пустынь.

Неуклонное возрастание духовной жизни в обители продолжалось, несмотря на все усилия советской власти подорвать ее. Старцы Глинской пустыни принимали, исповедовали, наставляли множество паломников, совершали постриги в монашество и в великую схиму. Во время настоятельства о. Модеста в схиму были пострижены игумен Корнилий (в схиме Кириак, в миру Кирилл Андреевич Оробцов), иеромонах Иннокентий (в схиме Кириак, в миру Кирилл Андреевич Оробцов), иеромонах Иннокентий (в схиме Иона, в миру Иван Дмитриевич

Шиховцов), иеромонах Исмаил (иеросхимонах Исихий, в миру Иван Георгиевич Невдачин), монахи Никандр (схимонах Никита, в миру Федор Моисеевич Шапошник) и Виталий (в схиме Варсонофий, в миру Василий Филиппович Середа)[464].

Схигумен Кириак родился 18 марта 1874 года в селе Васильевка Харьковской губернии. В 1897 году он поступил в Святогорский Успенский монастырь той же губернии[465]. Эта обитель была возобновлена Глинскими старцами, в ней был введен устав Глинской пустыни, и вся жизнь монастыря была основана на традициях Глинского иночества, которые передавались старшей братией вновь поступившим. Здесь под руководством опытных старцев и возрастал Кирилл в духовной жизни. В 1910 году он был пострижен в монашество с именем Корнилий[466], а 17 июля 1916 года епископом Иркутским Зосимой (Сидоровским) — рукоположен во иеродиакона, в том же году перемещен в Дерманский монастырь Кременецкой епархии, где прожил тридцать три года. В августе 1921 г. архиепископом Кременецким Дионисием он был рукоположен во иеромонаха[467].

Постоянством в монашеском подвиге, соблюдением заповедей Христовых, упражнением в доброделании, чтением Священного Писания и творений святых отцов о. Корнилий достиг высокой степени духовного совершенства, и Господь просветил его ум к ведению Божественных Таин.

В 1941 г. о. Корнилий был возведен епископом Кременецким Симоном в сан игумена и награжден крестом с украшениями, а в 1944 г. как отличающийся истинно подвижнической жизнью он был назначен духовником обители и в течение пяти лет окормлял братию монастыря[468]. Великое смирение и благодатный свет внутренней молитвы озаряли его и привлекали к нему сердца братии. После исповеди у о. Корнилия в сердце исповедника пробуждалось искреннее сознание своей греховности пред Богом. Человек обновлялся духом, каялся и устремлялся ввысь. Никогда ничем не выделяясь среди других, о. Корнилий был очень скромен, но иноки невольно благоговели перед ним и уважали за подвижническую жизнь, которая хотя и была сокровенной, но не могла не проявляться в его строгом благообразном облике, поступках, словах и той благодатной помощи, которую получала братия по его молитвам.

В 1949 г. о. Корнилий перешел в монастырь Загайцы Тернопольской епархии, затем в 1950 г. по прошению он был переведен в Глинскую пустынь на покой[469]. Здесь он вел жизнь отшельническую, соблюдая внутреннее безмолвие, трезвился умом и не принимал посторонних помыслов, говорил мало, никогда ни с кем не ссорился. По болезни служил он редко, но, пересиливая себя, ходил ко всем службам церковным, также ходил и в трапезную, чтобы не иметь в келлии никакой пищи. Терпение великое было у него. Однажды в келлии о. Корнилия загорелись от лампады шторы, и он сильно обжег руки, когда гасил огонь. Несмотря на сильнейшую боль, он все равно пошел на службу, но в храме, не выдержав, упал; от удара открылась рана на ноге, и кровь хлынула из сапога. Он очень мучился в болезнях, но безропотно их терпел. Это был подвижник, во всем служивший примером для братии. Как сказано в его послужном списке, игумен Корнилий

"примерный старец, во всем исполнительный, отличающийся смирением"[470]. В обители он один имел крест с украшениями, но никак не возвышал себя, а, наоборот, во всем смирял, ходил, например, на кухню и помогал там чистить картофель, при этом всегда молчал.

В возрасте восьмидесяти семи лет игумен Корнилий принял схиму с именем Кириак в честь св. мученика Кириака (память его 15 мая), а через неделю, 22 мая 1961 г.[471], почил о Господе.

Схимонах Варсонофий (в монашестве Виталий, в миру Василий Филиппович Середа) родился 28 апреля 1878 года в г. Ромны в семье украинского казака[472]. В 1890 г. он окончил три класса народной школы, с 1900 по 1904 г. был на военной службе, а с 1905 по 1906 г. участвовал в русско-японской войне.

Страдания людей, с которыми он столкнулся в это военное время, недолговечность и суетность человеческой жизни, смерть сослуживцев, очевидцем которой он был, глубоко его потрясли. Размышления о смерти, о ее неизбежности возвысили его душу и породили в ней желание послужить Господу в монашеском звании. Стремясь к жизни подлинно аскетической и совершенно отрешенной от мирской суеты, в 1910 г., испросив благословение родителей, он отправился на Афон. Святая Гора своей необыкновенной, как бы специально созданной для иноческой жизни природой, своими древними обителями, продолжительными торжественными богослужениями и богомудрыми старцами совершенно покорила душу Василия, и он со слезами припал к ногам Афонских старцев, умоляя принять его в число братства Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Видя искренность и чистоту его намерений, старцы приняли его в обитель. Прежде всего, по афонскому обычаю, он исповедал духовнику грехи за всю жизнь и, обновленный в таинстве Покаяния, приступил к своим первым монастырским послушаниям. Вначале для испытания твердости его воли Василия назначали на более тяжелые послушания, но, видя его самоотверженность и добросовестность, перевели в канцелярию, где он проявил себя способным, смиренным и трудолюбивым послушником.

Многовековой уклад жизни Свято-Пантелеимонова монастыря был средством к стяжанию иноками благодатных даров Святого Духа. Продолжительные богослужения в храме (когда вся ночь посвящалась исключительно молитве), молитвенное келейное правило, ежедневное исповедание помыслов, строгие посты (в понедельник, среду и пятницу ели один раз в день и без постного масла), труды послушания, чтение святоотеческих творений из богатейшей монастырской библиотеки — все это очищало душу молодого послушника и возгревало его ревность в деле спасения.

Это были годы расцвета русского монашества на Афоне. В обители воздвигали новые храмы, собиралась братия. В 1912 г. в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре было 25 храмов и параклисов, подвизалось более 1800 иноков, среди них много опытных в духовной жизни старцев, деятельно проходивших молитву Иисусову, в их числе и старец схимонах Силуан (в миру Семен Иванович Антонов).

Под руководством Афонских старцев упражнялся в непрестанной Иисусовой молитве и Василий. Это духовное делание стало основным в его жизни. В 1915 г. он был призван в русскую армию и воевал до

заключения мира с Германией. Вернуться на Святой Афон, куда так стремилась его душа, он не смог из-за начавшейся гражданской войны. Василий жил на родине, работая по найму столяром.

В эти тяжелые годы жизнь, проведенная на Афоне, казалась ему раем духовным. Но он, молясь непрестанно, не терял духовной целенаправленности. Его постоянным духовным орудием стало имя Господа, а ревность Божия действовала в нем так сильно, что часто, читая Святое Евангелие, он не мог сдержать слез. Его жизнь — это удивительный пример внутренней собранности и подлинно монашеской жизни в миру.

Лишь в июле 1957 года смог Василий поступить в монастырь. Он приехал в Глинскую пустынь, духовно близкую его сердцу, благодаря строгому Афонскому уставу и молитвенно-подвижнической жизни ее старцев. Более 42 лет прожил Василий вне монастыря, но пришел в обитель истинным монахом. Высоту его духовной жизни прозрел схиархимандрит Серафим (Амелин) и сразу же по поступлении Василия в Глинскую пустынь сам постриг его в мантию с именем Виталий[473], хотя и находился в то время на покое.

После пострига о. Виталий во всех монастырских делахпроявил присущее ему трудолюбие и редкое послушание, отличался скромностью и смирением[474]. "Усердный к молитве"[475], он неопустительно посещал все богослужения, кроме положенного монашеского правила, келейно совершал правило, данное ему ее Афонскими старцами, спал крайне мало, постился строго.

Отец Виталий достиг большого преуспеяния в Иисусовой молитве. Соединенная со смиренным сознанием своих немощей, молитва очистила его сердце от страстей, просветила ум и наполнила душу дарами Духа Святого. Духовная опытность этого старца Божия, несмотря на его крайнее немногословие и сокровенную внутреннюю жизнь, не могла укрыться от внимательной братии Глинской пустыни. И монахи, значительно ранее его принявшие постриг, часто обращались к о. Виталию за советом, особенно относительно молитвы Иисусовой. Старец, богатый опытом, безошибочно руководил ими в этом сокровенном делании. Основываясь на учении св. отцов, он говорил: "Молитва есть дыхание души. Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит святым, таинственным воздухом"[476]. Для стяжания такой молитвы необходимо внутреннее внимание, необходимо смирение, сокрушение сердца и покаяние. Отсутствие этих элементов истинной молитвы есть признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия.

Отец Виталий пользовался в монастыре большим авторитетом и передавал подвижникам многовековые традиции афонского старчества. В преддверии закрытия обители многие иноки обращались к нему за поддержкой и советом, поскольку он долгое время и вне обители жил истинно по-монашески. Наставления его, краткие, ясные, содержали в себе духовную силу, возгревали в братии ревность ко спасению и укрепляли в уповании на великую милость Божию и Его спасительное руководство. Сам же старец незадолго до закрытия обители был пострижен в святую схиму с именем Варсонофий[477] в честь преп.

Варсонофия Великого, поучения которого всегда были для старца верным руководством в духовной жизни. После закрытия Глинской пустыни схимонах Варсонофий перешел в Псково-Печерский монастырь, где мирно почил о Господе.

Иеросхимонах Исихий (в монашестве Исмаил, в миру Иван Григорьевич Невдачин) родился 22 августа 1884 года на хуторе Раскопы Ахтырского уезда Харьковской губернии в бедной крестьянской семье[478]. Окончив трехклассную сельскую школу, он трудился в крестьянском хозяйстве отца[479], но, стремясь умом и сердцем к Богу, оставил родных и в 1909 году поступил в Глинскую пустынь[480]. Здесь старцы направляли его к истинному познанию о Боге, которое только составляет истинную жизнь для нашего духа, к исполнению заповедей Господних. Исполнение же заповедей, по учению старцев, есть не только выполнение нравственных норм, но и получение силы, избавляющей от страстей, соединение в жизни вечной с Самим Господом.

Проходя послушание при ключне[481], Иван вел непрестанную внутреннюю борьбу с грехом. Он хранил себя от рассеянности, потому что рассеянность ума дает повод к возникновению греховных помыслов, а с них уже начинается всякое искушение. Постепенно молодой послушник становился опытным в духовной жизни и способным преодолевать искушения.

В 1915 году Ивана призвали в армию[482]. Вернувшись в обитель через три года, он стал проходить послушание при ближней мельнице[483]. В июне 1918 года архимандрит Нектарий (Нуждин) постриг его в рясофор[484], а в 1919 году — в мантию с именем Исмаил[485].

После закрытия Глинской пустыни о. Исмаил вместе с некоторыми другими иноками обители перешел в Рыльский Николаевский монастырь, где епископом Павлином (Крошечкиным) в конце 1922 года был рукоположен во иеродиакона[486]. После закрытия Рыльского монастыря он служил на приходах в Рыльском уезде, затем в 1925 году переехал в Крым и служил в церкви во имя Казанской иконы Божией Матери в Феодосии. Здесь в 1926 году епископом Феодосийским Кириллом он был рукоположен во иеромонаха. В 1929 году о. Исмаил вернулся в Рыльский район, в село Студенка. В то время он очень болел (у него был хронический бронхит) и не мог совершать богослужений. Немного поправившись, с 1930 года о. Исмаил начал служить в храме села Гамалевка Шосткинского района, в 1933 году был награжден набедренником. После закрытия храма с 1938 по 1941 год он работал сторожем, затем до 1947 года служил в церкви города Шостка.

Деятельность его как пастыря, нравственного руководителя и воспитателя была очень трудна. Но своим смирением и личным нравственным подвигом он стяжал благодать Божию, необходимую пастырю, и, несмотря на болезнь, служил Богу с полным самоотвержением и твердой верностью евангельской истине.

Преосвященный Зиновий (Мажуга),
епископ Степанаванский,
совершивший отпевание
схиархимандрита Серафима
(Амелина).
Личный архив автора

Он от всего сердца, искренно соболезновал людям, по-отечески любил свою паству и наставлял на правильный, спасительный путь.

Высокая молитвенность была основой его внутренней жизни. Много скорбей, телесных болезней и огорчений перенес о. Исмаил, но он всегда находил утешение в горячей молитве. Молитва вводила его в атмосферу небесной жизни, давала силу его духу. Она соединяла его с членами Торжествующей Небесной Церкви и тем спасала от одиночества и уныния. В молитвенности заключалась духовная сила его пастырского воздействия на прихожан. Благодаря ей у о. Исмаила установилась незримая, но реальная связь с народом. В благодатной атмосфере храма, выходя на амвон со словами поучения, о. Исмаил всегда находил души и сердца людей открытыми к восприятию слова Божия. Как пастырь, проводящий жизнь в Боге, он воздействовал на своих слушателей благоразумно и осторожно, поскольку знал все трудности духовной борьбы.

В простых, но красноречивых и мудрых поучениях о. Исмаил знакомил народ с жизнью и страданиями Господа, разъяснял заповеди, обличал пороки. Он духовно возрождал и преображал жизнь людей.

В 1943 году архиепископ Сумской и Ахтырский Корнилий наградил о. Исмаила наперсным крестом. В мае 1947 года он вернулся в Глинскую пустынь. Но недолгим было его пребывание в обители. Через два с половиной года о. Исмаил был назначен настоятелем Николаевской церкви села Яцино Путивльского района Сумской области. По болезни в марте 1953 года архиерей разрешил ему вернуться в Глинскую пустынь, но уже в июне опять направил служить в село Усок Ямпольского района. Болезнь о. Исмаила все усиливалась, и в октябре он опять вернулся в обитель, где был назначен исполнять требы на дому у верующих села Сосновка. Через год его назначили священником церкви села Гамалеевка. Здесь он служил, несмотря на тяжелую болезнь, до августа 1955 года, а затем был возвращен в Глинскую пустынь на покой. В обители о. Исмаил тяжело болел (его мучил почти непрекращающийся кашель), но никогда не уклонялся от посетителей.

Душепопечительность о пасомых всегда преобладала в нем над попечением о самом себе. За советом и наставлениями к нему обращались не только прежние прихожане, но и многочисленные паломники. Его сердечная беседа производила на слушателей глубокое впечатление. Он легко разбирался во всем многообразии духовной жизни, так как сам внимательно трудился над устроением своей души. Отец Исмаил видел путь ко спасению не в догматических размышлениях или в использовании каких-либо приемов созерцания, не в обрядности или необычных подвигах аскетизма, но в богомыслии, молитве, любви, милосердии, в Евангелии.

Этим путем он благоуспешно шел сам и других вел за собой. Отец Исмаил умел подойти к душе грешника так, что располагал ее к духовному обновлению, умел найти в ней зародыши добра и побудить их к произрастанию. Он видел эти спасительные зерна в каждой душе человеческой и соответственно воздействовал на нее, пробуждая жажду истины, правды и святости. Отец Исмаил призывал искать и созидать это Царствие Божие внутри себя, не вращаться во внешнем, разбирая чужие недостатки и дела.

Обращались к нему и иноки обители. Он беседовал с ними о том, как направить душу к общению с Богом и приобрести чистоту совести и сердца. Особенно часто он повторял, что для сокрушения греха, который делает человека духовно мертвым, необходима молитва. Она не позволяет коснеть во грехах, приносит истинное утешение, наполняет сердце радостью и миром. От упражнения в непрестанной молитве человек приобретает молитвенный опыт, опыт борьбы с врагом и его искушениями. Но молитва бессильна, если она не основана на посте. Молитва борется с душевными страстями, а пост отрещает человека от плотских страстей.

Все в обители уважали о. Исмаила. Настоятель архимандрит Феоген писал, что он "примерный, скромный, исполнительный и смиренный" иеромонах[487].

26 февраля 1961 года о. Исмаил по прошению был пострижен в схиму с именем Исихий. Перед закрытием Глинской пустыни 4 июля 1961 года вместе с о. Макарием (Петренко) и о. Иосифом (Ходыревским) он был помещен в Глуховскую районную больницу[488]. Время и место его кончины неизвестны[489].

Схимонах Никита (в монашестве Никандр, в миру Федор Моисеевич Шапошник) родился 11 августа 1884 года в селе Ясенево Сумского уезда Харьковской губернии в украинской крестьянской семье[490]. До двадцати трех лет он жил с родителями, затем поступил в Покровский монастырь в городе Орша. Отличаясь трудолюбием, Федор с ревностью и усердием исполнял послушания.

В 1914 году он был пострижен в мантию с именем Никандр. Приняв монашество, о. Никандр предался особенному воздержанию, старался всегда сохранять мужество в борьбе против бесплотного врага, непрестанно искушающего подвижников. Отец Никандр провел в монастыре пятнадцать лет и за эти годы воспитал в себе постоянную ревность ко спасению, невозмутимость духа, кротость и незлобие.

В 1922 году после закрытия монастыря он вернулся на родину и до 1956 года жил у родных, "занимаясь сельским хозяйством"[491]. В 1956 году о. Никандр поступил в Глинскую пустынь. Скромный и тихий, он много трудился на общих послушаниях, несмотря на свой преклонный возраст. Всю свою жизнь провел он в подвигах труда, молитвы и непрестанного внутреннего самоочищения. Просветленный, благообразный облик подвижника свидетельствовал о молитвенно-собранном устроении его души. 16 октября 1960 года по прошению он был пострижен в святую схиму с именем Никита[492], а 24 октября того же года тихо предал свой дух Богу[493].

Иеросхимонах Иона (в монашестве Иннокентий, в миру Иван Дмитриевич Шиховцов), родился 1 мая 1894 г. в с. Преображенка Шарлыкского уезда Оренбургской губернии в семье крестьян[494]. В 1905 году он окончил церковноприходскую школу, затем "занимался сельским хозяйством на родине"[495]. С 1915 по 1920 г. он был на военной службе, затем вернулся домой. В 1930 году переехал в г. Чкалов. Здесь он жил до 1945 года, "работал на разных работах". Иван с детства был глубоко верующим человеком и никогда не скрывал своих убеждений. В 1945 году он был осужден, почти восемь лет пробыл в лагерях. В 1953 году его реабилитировали, и он вернулся к родственникам в г. Чкалов[496], но

прожил у них недолго. В тяжелые годы заключения в его душе созрело твердое решение посвятить оставшееся время своей земной жизни на служение Богу. Он не раз слышал о славившейся тогда по всей стране Глинской пустыни. Стремясь достигнуть в этой святой обители духовного совершенства, в 1954 году Иван приехал в Глинскую пустынь и был принят в число ее насельников[497]. Архимандрит Серафим (Амелин) назначил его пономарем[498], и он почти все время проводил в храме. Перед началом каждого богослужения первым приходил в церковь, зажигал свечи, лампады, следил за чистотой и благолепием алтаря и всего храма, уходил же по окончании богослужения всегда последним.

В этом послушании он проявил особую тщательность, трудолюбие и ревность к церковному благолепию. Почти постоянное пребывание в храме возвысило его душу, а внимательное отношение ко всем богослужениям способствовало изучению устава. Видя его духовное преуспеяние, настоятель обители уже в 1955 году постриг Ивана в рясофор, а в начале 1956 года — в мантию с именем Иннокентий[499]. В том же году епископом Сумским и Ахтырским Евстратием он был рукоположен во иеродиакона, а затем — во иеромонаха[500]. В октябре 1956 года о. Иннокентий был назначен настоятелем Рождество-Богородицкой церкви села Каменка Тростянецкого района Сумской области[501]. Готовясь к принятию священного сана, о. Иннокентий получил много наставлений от Глинских старцев о сущности пастырского подвига и высоте этого Богом учрежденного служения.

Старцы учили, что от деятельности пастыря зависит временное и вечное счастье человечества, поскольку пастырь служит делу спасения людей. Пастыри должны быть для пасомых проводниками в жизнь вечную и учителями Божественного закона. Но пастырю самому необходимо духовно приобщиться благодатному действию Откровения, и только после этого является способность отражать свет этого Откровения для просвещения других. Доброго пастыря создает собственный духовный опыт и личный непрестанный нравственный подвиг. Истинное пастырское служение всегда сопряжено со многими великими трудностями. Благодатные силы для своей деятельности пастырь получает от Христа и через Христа. В Лице Иисуса Христа дается пастырю не просто пример, но и живая, вечно действующая Божественная Личность, с Которой пастырь теснейшим образом в своем пастырстве связывается, от Которой он может постоянно черпать живую благодать. Православная церковность со всеми священнодействиями и правилами ее есть великое поле духа и возрастающая сила жизни для тех, кто имеет волю и призвание к истинному пастырству.

Глубоко восприняв старческие наставления о пастырстве, о. Иннокентий, ежедневно предстоя престолу, сознавал, что он является посредником между людьми, ищущими святости, и Богом, Источником святости. Поэтому он всеми силами стремился возгревать в себе самом все священное, духовное и непрестанно очищал свое сердце от страстей. Цель его жизни состояла в спасении душ человеческих, искоренении из них всякого зла и приближении их Богу. Делая все возможное, чтобы устранить препятствия для них на пути к Царствию Небесному, он воздействовал на души пасомых не внешними впечатлениями, а согревал их молитвой и Словом Божиим.

Как пастырь христианский, он помнил, что всей жизни человеческой недостаточно для достижения высокого идеала совершенства, и поэтому дело нравственного усовершенствования своих пасомых вел постепенно, сообразуясь с их силами и положением, последовательно возводя их от низшего к высшему. Его пастырское служение было истинно духовным. Благочинный Тростянецкого района, где он служил, оценивая деятельность о. Иннокентия, писал: "Иеромонах Шиховцов убежденный, истинный монах по духу, деятельный приходской пастырь. Он привел храм в прекрасный, благолепный вид как снаружи, так и внутри, обогатил его отличной утварью. Молитвенно-уставно совершает богослужения и часто проповедует. Своими проповедями, христианским поведением, добрыми делами и неустанными трудами на ниве Христовой снискал себе глубокое уважение, почтение и любовь прихожан и заслуживает всестороннего одобрения, похвал и наград. Среди сельских пастырей — примерный"[502]. В 1957 году епископом Евстратием он был награжден набедренником, а на Пасху 1960 года — наперсным крестом[503].

Пользуясь заслуженной любовью и особым почитанием прихожан (многие из которых приезжали к нему издалека), он никогда не видел в себе самом никаких духовных достоинств, а все приписывал Богу. Особенно во время священнодействий о. Иннокентий понуждал себя помнить, что всякое священнодействие, совершаемое священником, есть дерзновенное прошение у Бога чуда. При каждом священнодействии это чудо происходит (вода освящается, евхаристические Дары прелагаются в Тело и Кровь, грехи прощаются, освящаются иконы, кресты, дома и вообще "всякая вещь") независимо от личных достоинств иерея, его ума, внешности, способностей, поскольку Освящающая сила принадлежит Святому Духу. Это проистекает из самой сущности священнослужения. Священник молится, ходатайствует, призывает, а благодать Духа Святого все восполняет, врачует, прелагает и освящает. Так о. Иннокентий отражал внушение лукавого, будто он сам по себе, в силу своих дарований уже достиг особой силы и степени святости и может стать чудотворцем. Он всегда умел смирить себя и в своих собственных глазах, и в глазах своей паствы.

В августе 1960 года о. Иннокентий был уволен за штат по болезни и возвратился в Глинскую пустынь. По прошению 16 октября 1960 года он был пострижен в схиму с именем Иона[504], а 22 ноября 1960 года после продолжительной болезни иеросхимонах Иона скончался и был похоронен при большом стечении почитавших его богомольцев на братском кладбище Глинской пустыни.

Во время настоятельства о. Модеста окончили земную жизнь выделявшиеся своим подвижничеством монахи Иоасаф (Дегтяренко) и Мелетий (Кириченко).

Жизнь *монаха Иоасафа* (в миру Иван Максимович Дегтяренко) замечательна как пример обращения убежденного атеиста, противника Церкви в истинного, ревностного христианина.

Иван родился 3 февраля 1915 года в селе Ново-Ропск Брянской области в крестьянской семье. Он отличался прекрасной памятью, быстрым, восприимчивым умом и, окончив среднюю школу, в 1933 году без труда поступил в Ленинградское педагогическое училище. Иван был

верен духу времени и целиком разделял атеистическое мировоззрение, насаждаемое советской властью, отрицая веру в Бога и вечную будущую жизнь, насмехался над самими Таинствами Церкви Христовой. После окончания училища в 1937 году он был направлен на Дальний Восток, где преподавал в трех школах, проповедуя и своим ученикам атеистические идеи. Но в 1946 году в душе его произошел полный духовно-нравственный переворот. Он вернулся на родину (работал там сторожем), а в 1952 году поступил в Глинскую пустынь[505]. Иван не открывал тайны своего обращения к Богу, но по тому искреннему сердечному покаянию, которое он приносил Ему, живя в обители, можно было видеть, что он всецело откликнулся на призыв Божий и в корне изменил не только свою внешнюю, но, главное, внутреннюю жизнь. Покаяние действительно стало основой его духовной жизни. Он контролировал каждый свой поступок, слова и мысли, так что при малейшем нарушении заповедей Божиих спешил возвратиться на праведный путь к Богу.

Это был большой труженик, отличавшийся постоянной готовностью к любым монастырским трудам. В обители он исполнял послушание пекаря, выпекая хлеб вдвоем с помощником на всю братию и на богомольцев. Безропотно до самой смерти нес он это тяжелое ответственное послушание и не только безукоризненно исполнял его, но и старался успевать ко всем церковным службам, так как был назначен еще и клиросным в храме. В начале 1954 года Иван был пострижен в рясофор[506] и в том же году — в мантию с именем Иоасаф[507].

Сочетая труд с непрестанной молитвой, о. Иоасаф столь ревностно соблюдал все иноческие обеты, что даже среди сонма подвижников Глинской пустыни выделялся строгой жизнью[508]. Смиренный, кроткий и рассудительный, он все время обвинял себя и часто говорил братии: "Я хуже всех, я Бога хулил". Глубокое сердечное сокрушение под руководством опытных наставников переродило и очистило его душу, уподобило ее Христу. Оно же давало о. Иоасафу силы терпеливо переносить все скорби и труды ради Господа.

Как величайший дар Божий он хранил православную веру. Именно поэтому о. Иоасаф особенно ревностно выступил против католического уклона, проявившегося в действиях архимандрита Тавриона (Батозского), и даже писал епископу Евстратию о нововведениях настоятеля.

Высота духовной жизни о. Иоасафа открылась в самой его кончине. Предвидя закрытие монастыря, он очень боялся идти в мир и горячо молился Матери Божией, чтобы забрала его до закрытия.

23 сентября 1960 года он неожиданно плохо себя почувствовал, ночью в обители не оказалось шофера, и в больницу о. Иоасафа привезли только утром, но там уже не смогли ему помочь, 24 сентября, угодив Богу своей самоотверженной иноческой жизнью, монах Иоасаф скончался в возрасте сорока пяти лет[509].

Так Господь слышит праведных людей и исполняет их желания.

Монах Мелетий (в миру Митрофан Петрович Кириченко) родился 23 ноября 1883 года в селе Спасском Кролевецкого уезда Черниговской губернии. Родители его были украинские казаки. В 1895 году Митрофан закончил четыре класса сельской школы, затем трудился в крестьянском хозяйстве отца[510]. С 1905 по 1908 г. он служил в армии, после

демобилизации жил в Баку, работал мастером по обслуживанию телефонной сети. В 1914 году Митрофан был призван на военную службу. После окончания войны в 1918 г. он вернулся на родину, женился и прожил в родном селе почти тридцать лет, работая плотником и столяром (лишь в 1928—1930 гг. он уезжал в Донбасс, где работал крепильщиком шахт).

В начале 1948 года его жена умерла, а 1 октября 1948 г. Митрофан поступил в Глинскую пустынь[511]. Это решение не было вынужденным или поспешным, оно было результатом всей его духовной жизни. Вступление в иноческий чин знаменует собой твердую решимость жить, не поддаваясь увлечениям страстей. Именно такая решимость привела Митрофана в монастырь.

В обители Митрофан проявил себя как кроткий "способный, скромный и послушный" труженик[512]. Хороший плотник и столяр, он очень много работал в монастыре. В начале 1952 года Митрофан был пострижен в рясофор[513], а 28 декабря 1953 г. — в мантию с именем Мелетий[514].

Глинские старцы учили, что христианин, тем более инок, должен не только изучать Слово Божие, но и всегда хранить его в своем уме и сердце, чтобы оно как светильник освещало его путь, исполненный трудов и искушений. Отец Мелетий с таким благоговением и вниманием читал Священное Писание, что знал наизусть всю Библию. Никакое внешнее послушание не могло отвлечь о. Мелетия от размышления о Слове Божием, которое он действительно носил в своем уме и сердце. Так, кроме труда телесного, он непрестанно приносил Богу подвиг и труд духовный. Постоянная богомысленная настроенность делала сразу заметным для него любое греховное движение души, потому что оно было чуждым и противоположным всем его мыслям и расположениям.

Инокам, спрашивавшим его о смысле евангельских изречений, о. Мелетий говорил, что Евангелие — книга духа, она понимается только духовным разумом; ум плотский не может воспринять ее. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие становится доступным и понятым. Человек, привязанный к земле, "читает букву, но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесой"[515]. Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что Оно заповедует. По мере исполнения евангельских заповедей человеку открывается бесконечная глубина Евангелия.

Изучение Слова Божия, творений святых отцов показало о. Мелетию путь к истинному богопознанию, но основным средством богопознания являлась его непрестанная, усердная молитва и чистота сердечная, приобретенная добродетельной жизнью. Молитва была для о. Мелетия первым и сильнейшим средством, оружием против страстей и врагов нашего спасения, а также носительницей особых благодатных даров и состояний. Отец Мелетий говорил, что молитва необходима для сокрушения греха, который делает человека духовно мертвым. Старцы считали о. Мелетия весьма преуспевшим в занятии Иисусовой молитвой.

До последних дней своей жизни о. Мелетий, несмотря на преклонный возраст, оставался одним из самых деятельных и трудолюбивых членов братии. За истинно монашескую жизнь Господь

даровал ему безболезненную и непостыдную кончину. В декабре 1960 года о. Мелетий с молитвой на устах отошел ко Господу на семьдесят восьмом году от рождения. Погребен о. Мелетий на братском кладбище Глинской пустыни[516].

* * *

Архимандрит Модест недолго был во главе обители, так как уже шла активная подготовка к закрытию Глинской пустыни. В августе 1960 г. в Сумском облисполкоме рассматривался вопрос о необходимости "расширения Сосновского дома инвалидов за счет прилегающих территорий"[517], то есть за счет монастыря. В сентябре по указанию секретаря Глуховского райисполкома была сделана выкопировка плана земельного участка, занимаемого Глинской пустынью[518]. Детально прорабатывались меры по удалению монахов из обители. Так, в документах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области за тот период сохранился список монахов Глинской пустыни со следующими пометками против каждой фамилии: "Склонить через родственников к выходу из монастыря", "Удалить по возрасту" (это относилось к монахам моложе 30 лет), "Перевести на приход", "Поместить в больницу (дом престарелых)", а о старцах Андронике (Лукаше) и Серафиме (Романцове) было сказано "Скомпрометировать и удалить"[519].

Осенью 1960 года "советско-партийные органы и работники органов КГБ закончили установление близких родственных связей монахов Глинской пустыни"[520]. С родственниками "проводились беседы с тем, чтобы склонить их взять к себе монахов"[521].

Отцу Модесту было запрещено самостоятельно решать самые простые вопросы. Когда в ноябре 1960 г. почтить память схиархимандрита Серафима (Амелина) в Глинскую пустынь приезжал епископ Зиновий (Мажуга), то разрешение на совершение им богослужений в обители о. Модест испрашивал у уполномоченного. С трудом было получено разрешение на совершение лишь одного богослужения[522].

Несмотря на подготовку к закрытию монастыря, многие богомольцы просили отца настоятеля принять их в обитель. Отец Модест пытался получить разрешение на поступление в пустынь хотя бы одного послушника — шофера. Он писал управляющему Сумской епархией архиепископу Андрею (Сухенко), что обители необходим шофер, из-за отсутствия которого не успели вовремя доставить в больницу монаха Иоасафа (Дегтяренко)[523]. Но архиепископ отказал.

Участились проверки паспортного режима и санитарного состояния монастыря[524]. По результатам этих проверок следовали неоднократные указания от уполномоченного и архиерея настоятелю Глинской пустыни "о недопустимости предоставлять ночлег для приезжих"[525], об удалении из обители сначала временных послушников[526], а затем и монахов. Среди прочих выделялось издевательское по своему смыслу распоряжение архиепископа Андрея от 11 апреля 1961 года: "удалить из обители как несовершеннолетних"[527] всех монахов в возрасте от 27 до 30 лет (всего 6 человек. — *А. И.*). На следующий же день, 12 апреля, последовало еще

одно распоряжение об удалении иеромонаха Власия (Сумина) и монаха Илиодора (Сигиды)[528], уже много лет проживших в пустыни.

В результате этих действий на 14 апреля 1961 года в обители числилось лишь 40 человек[529], тогда как на 1 декабря 1960 года — 58[530]. В действительности эти распоряжения не выполнялись, большинство иноков оставалось в монастыре до самого закрытия.

11 апреля 1961 года архимандрит Модест (Гамов) был освобожден от обязанностей настоятеля[531], а указом архиепископа Андрея от 12 апреля без согласования с братией исполняющим обязанности настоятеля был назначен иеромонах Даниил (в миру Дмитрий Васильевич Новиков)[532], который не отличался духовной жизнью, и братия не считала его своим настоятелем. Весной и в начале лета некоторых монахов из монастыря перевели в Глуховскую районную больницу[533], так что к июлю 1961 года в Глинской пустыни числилось только 30 насельников[534].

Насколько тщательно готовилось закрытие монастыря — можно судить по целому плану мероприятий, составленному уполномоченным и включающему 26 различных пунктов, основными из которых были следующие: "Создать оперативную группу по закрытию монастыря, в прилегающих к монастырю селах организовать лекции на атеистические темы, усилить атеистическую работу во избежание провокационных действий со стороны верующих...

В день закрытия монастыря силами советско-партийного актива, работников УВД и дружинников по разработанной схеме оцепить монастырь, выставить посты на дорогах, идущих к монастырю, чтобы предотвратить проникновение к нему верующих; организовать пост на территории дома инвалидов, чтобы не допустить в монастырь верующих из числа подопечных и обслуживающего персонала; в ближайших селах мобилизовать все население на сельскохозяйственные работы; не допустить в церквах провокационного колокольного звона.

За несколько дней до закрытия проверить в монастыре паспортный режим с целью выдворения паломников; установить строгий контроль за денежными переводами, поступающими в адрес монастыря.

День закрытия монастыря согласовать с бюро обкома КП Украины, после закрытия монастыря на протяжении 5 дней держать пост с целью недопущения на территорию бывшего монастыря паломников и проведения среди них необходимой разъяснительной работы"[535].

На с. 550 —
митрополит Тетрицкаройский
Зиновий (Мажуга),
в схиме Серафим

На с. 551 —
соборный храм Рождества
Пресвятой Богородицы.
РГИА, ф. 835, оп. 2,
д. 278, л. 243.
Фотография
1892 г.

В монастыре же до самого закрытия совершали богослужения и принимали богомольцев. В акте проверки паспортного режима перед самым закрытием обители было сказано, что "все общежития переполнены" богомольцами, среди которых было немало и детей-школьников[536]. 13 июля 1961 года архиепископ Черниговский и Нежинский Андрей (Сухенко) подписал распоряжение о закрытии обители[537]. Была создана комиссия во главе с благочинным Глуховского района протоиереем Константином Лысенко, которая должна была "принять все меры, чтобы закрытие монастыря прошло без эксцессов и неприятностей"[538].

14 июля 1961 года монастырь со всех сторон был окружен "работниками УВД и советско-партийного аппарата", к нему подъехали грузовые машины, на которых монахов быстро отвозили на ближайшую железнодорожную станцию[539].

Монахам запретили брать с собой деньги, одежду или продукты, несмотря на лживое заверение архиепископа Андрея о том, что "братии предоставляется право получить все свои личные вещи и продукты питания"[540].

Все церковное имущество (ризницу, иконы, антиминс, престол, богослужебные книги), монастырскую библиотеку по описи передали на хранение в Свято-Анастасиевскую церковь Глухова[541].

Всего было передано 153 иконы, 89 риз, 54 стихаря и другие предметы из ризницы. В ней до настоящего времени находится и копия Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинской.

Здания и все остальное имущество (инвентарь, автомашина, топливо, продукты) по акту были переданы Сосновскому дому инвалидов[542], преобразованному впоследствии в дом-интернат для психохроников, который и сейчас расположен на территории Глинской пустыни.

После закрытия обители и старцы, и молодые иноки, воспитанники Глинской пустыни, продолжили свое служение Православной Церкви и народу в самых разных концах нашей страны.

Бывший канонарх Глинской пустыни Иван Гудимов (в монашестве Леонтий) стал митрополитом Одесским и Херсонским, иеродиакон обители о. Исаия (в миру Яков Маркович Каравай) — архимандритом, наместником Коренной пустыни в Курской епархии, просфорник Андрей (в миру Анатолий Алексеевич Машков) — игуменом, духовником женской обители села Александровки, бывший повар Глинской пустыни Вениамин (в миру Виктор Александрович Селиванов) — игуменом (служит в Тбилиси). Ведущий певец обители иеродиакон Иларион (в миру Иван Фомич Приходько) служит в Новгороде.

Монах о. Нектарий (в миру Николай Петрович Писаренко) и автор этой работы после закрытия обители поступили в Московскую Духовную Семинарию. Отец Нектарий в сане архимандрита подвизается в Троице-Сергиевой Лавре; о. Иаков (в миру Иван Васильевич Полянский — на Св. Афоне; монах Иоанникий (в миру Иван Алексеевич Леута) — в Туле; архимандрит Павлин (Мищенко) долгое время был благочинным русских приходов в Азербайджане, затем продолжил свое служение в г. Ессентуки.

Как старцам, так и молодым инокам Глинской пустыни после закрытия обители много помогал митрополит Тетрицкаройский Зиновий (в миру Захария Иоакимович Мажуга). Он сам начинал свой иноческий подвиг в Глинской пустыни и всю жизнь был верным последователем ее духовных традиций.

Митрополит Зиновий родился 14 сентября 1896 года в городе Глухове[543]. В 1914 году он поступил в Глинскую пустынь[544], где проходил послушание сначала при кучерской[545], затем при портной[546]. В июне 1920 года был пострижен в рясофор, а в марте 1921 — в монашество[547].

После закрытия Глинской пустыни в 1922 году о. Зиновий поступил в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, где в 1924 году епископом Пятигорским Никоном был рукоположен во иеродиакона, а в 1926 году — во иеромонаха[548].

С 1925 по 1930 год о. Зиновий служил в г. Сухуми, затем в Ростове-на-Дону, где был арестован. В заключении он встретился с о. Серафимом (Романцовым), о чем писал: "Я батюшку Серафима больше... знал по ссылке, когда вместе коротали этот курорт"[549]. С 1942 по 1945 год о. Зиновий служил в Тбилисском Сионском Успенском соборе и был духовником скита св. Ольги в Мцхете. В 1943 году он был награжден наперсным крестом, в 1945-м — возведен в сан игумена. С 1945 по 1947 год служил в селе Кирово, в Армении, с 1947 по 1950 год — в Батуми. В 1950 году о. Зиновий был назначен настоятелем храма во имя св. князя Александра Невского в Тбилиси и возведен в сан архимандрита, а в 1952 году назначен членом Святейшего Синода Грузинской Православной Церкви.

Этот подвижник духа был столь уважаем иерархами Грузинской Православной Церкви, что в 1956 году он, русский, был рукоположен во епископа[550], а в 1972 году возведен в сан митрополита Грузинской Православной Церкви. Владыка Зиновий духовно окормлял русские православные приходы в Грузии[551] и Армении.

Своей богоугодной жизнью он показал высокий пример ревностного служения Церкви и самоотверженной любви к ближним. Владыка Зиновий получил все высшие награды Грузинской Церкви, в том числе и право ношения креста на скуфии. Это был старец высокой духовности; его душа была озарена Божественной благодатию, обильно изливавшейся на всех, притекавших к его духовному окормлению. Имея во всей полноте дар прозрения, митрополит Зиновий вопрошавшим его открывал волю Божию. Богослужения он совершал с таким благоговением, что схиархимандрит Андроник (Лукаш) писал: "Сколько мне радости, что Господь сподобляет меня помолиться в церкви со святителем нашим"[552].

Неразрывно духовно связанный с братией Глинской пустыни, владыка Зиновий писал, что "всегда молится и призывает благословение на всех Глинских"[553] и сам просил их молитв.

В последние годы жизни митрополит Зиновий много болел и, завершая свой земной путь, принял схиму с именем Серафим (в честь преподобного Серафима Саровского).

Скончался схимитрополит Серафим 8 марта 1985 года на восемьдесят девятом году жизни. Он погребен в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси, где тридцать пять лет духовно окормлял свою паству.

Примечания

[1] Например, в Рыльский Николаевский монастырь перешло десять иноков Глинской пустыни (ГАКО, ф. Р2511, оп. 1, д. 137), в Драндский Успенский монастырь, недалеко от г. Сухуми, – двое (ЖМП. 1985. № 6. С. 58; там же. 1976. № 10. С. 29).

[2] К началу 1925 г. были закрыты все 12 монастырей Курской епархии (ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 763, л. 63).

[3] АУПЦ. Беседа с председателем колхоза "Дружба" с. Сосновки П. С. Власенко от 23 октября 1960 г. (Здесь и далее при использовании материалов необработанных архивов, в которых документы несистематизированы по фондам и описям, ссылки даны непосредственно на документ).

[4] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12. д. 4.

[5] Личный архив автора. Воспоминания игумена Глинской пустыни Афанасия (Александра Степановича Кошелева).

[6] Там же.

[7] Точное время открытия обители по архивным данным восстановить сложно. По одним источникам, это было в мае-августе 1942 г. (АСЕУ. Прошение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра Харина от 12 ноября 1956 г.); по другим – в сентябре 1942 г. (АУПЦ). Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.; Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.)

По воспоминаниям игумена Глинской пустыни Афанасия (Кошелева), первую литургию архимандрит Нектарий служил в обители в Неделю святых жен-мироносиц.

В списке регистрации церквей Сумской епархии за 1945 г. указан лишь год открытия Глинской пустыни – 1942 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 4).

[8] ГАКО, ф. Р309, оп. 5, д. 252, л. 15–16.

[9] Там же, л. 118–128.

[10] ГАСО, ф. Р1685, оп. 2, д. 242, л. 10–15; там же, ф. Р2308, оп. 1, л. 14.

[11] АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

[12] Село Сварково расположено в трех километрах от Глинской пустыни.

[13] В мае-августе 1942 г. от отца Нектария из Путивля в Глинскую пустынь было перевезено "6 возов имущества пустыни, в том числе целый воз духовных книг" (АСЕУ. Прошение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра Харина от 12 ноября 1956 г.).

[14] АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

[15] АСЕУ. Прощение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра (Харина) от 12 ноября 1956 г.

[16] Архивные документы Глинской пустыни за эти военные годы не сохранились. Списки насельников Глинской пустыни за 1942 и 1943 гг. составлены автором на основании более поздних документов, в которых указан год поступления иноков в обитель: список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 6 мая 1944 г. (АУПЦ); анкеты служителей культа (АУПЦ); списки братии Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 мая 1953 г.; на 1 сентября 1954 г.; на 1 января 1956 г. (АСЕУ), а также личных сведений автора.

[17] *Монах Силуан* (в миру Семен Афанасьевич Суровицкий) родился в 1878 г. в с. Шалыгино Путивльского уезда, Курской губ. в крестьянской семье; в Глинскую пустынь поступил в 1903 г., послушание проходил при Негровском хуторе, в монашество был пострижен в 1915 г. После закрытия обители жил в с. Шалыгино, работал сторожем в школе. В 1942 г. вернулся в Глинскую пустынь, где исполнял послушание повара; несмотря на болезненность, все старался делать сам. Архимандрит Нектарий писал о нем, что он "качеств хороших и усерден" (АСЕУ. Послужной список монаха Силуана (Суровицкого); ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 92; Там же, д. 3, л. 49). Умер в обители 11 января 1954 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9).

Иеродиакон Тихон (в миру Тарас Титович Пономаренко) родился в 1911 г. в г. Янчикроск Запорожской обл.; в 1929 г. поступил в Киевский Иоанновский монастырь; с 1932 по 1942 г. служил в Никольской церкви г. Запорожья. С 1942 по 1946 г. был иеродиаконом в Глинской пустыни, затем переехал в Свято-Успенский Жировицкий монастырь (АУПЦ. Анкеты служителей культа).

Рясофорный *монах Андрей* Иванович Коровяков родился в 1884 г. в крестьянской семье; в 1909 г. поступил в Глинскую пустынь; послушание проходил при хлебне, потом при портной; в сентябре 1915 г. был пострижен в рясофор. Перенес ампутацию ноги. По отзыву архимандрита Нектария, был "качеств хороших и усерден". После 1922 г. из обители не выходил. После открытия Глинской пустыни исполнял послушания сторожа; скончался в 1947 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 111; Там же, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 62).

Рясофорный *монах Михаил* Федорович Дудкин родился в 1885 г. в с. Ковенки Шалыгинской волости, из крестьян. В Глинскую пустынь поступил в 1905 г., проходил общие послушания. С 1914 по 1917 г. был в плену у немцев. С 1918 по 1942 г. работал на Шалыгинском сахарном заводе. После открытия обители проходил послушание гостинника и сторожа. В мантию пострижен в 1957 г. с именем Мелетий; скончался 22 марта 1959 г. (АСЕУ. Послужной список Михаила Дудкина; список насельников Глинской пустыни на 1 декабря 1958 г.)

Послушник Александр Моисеевич Харин (1898 г. р.) был клиросным, *послушник Дмитрий* Васильевич Новиков (1923 г. р.) — плотником, *послушник Иван* Афанасьевич Гудимов (1929 г. р., впоследствии Леонтий, митрополит Одесский и Херсонский) — канонархом.

[18] АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

19 Там же. В послужных списках братии Глинской пустыни за 1899 г. сказано, что Иван Калиуш поступил в обитель в 1893 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97).

Благочестивое стремление к иночеству Ивана было столь пламенным, что оказало сильное влияние и на его 17-летнего брата Михаила, который в 1894 г. также поступил в Глинскую пустынь (Там же, л. 100).

20 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97.

21 Там же, д. 2, л. 19.

22 Там же.

23 Там же, д. 3, л. 8.

24 Там же.

25 Там же, д. 2, л. 19.

26 ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 174, л. 18.

27 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

28 Там же.

29 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 8.

30 Там же.

31 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

32 Точная дата рождения схиигумена Антония неизвестна. В послужных списках монахов Глинской пустыни за 1899 г. и 1910 г. указан 1868 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82; там же, д. 2, л. 11); в списках за 1918 г. (Там же, д. 3, л. 5) и 1944 г., а также в наградных списках за 1946 г. (АСЕУ) указан 1870 г.; в списке за 1945 г. (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 22 февраля 1945 г.) — 1861 г.

33 АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

34 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82.

35 Там же, д. 2, л. 11.

36 Там же.

37 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 13 об.—14.

38 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82; там же, д. 2, л. 11; там же, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 14.

39 Преподобных отцов Варсонофия великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. 180.

40 РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 3.

41 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 5.

42 Там же, л. 6.

43 РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271, л. 1.

44 Там же, л. 2.

45 ГАСО, ф. Р3131, оп. 3, д. 132, л. 6.

46 АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

47 АШР. Докладная записка секретаря исполкома Шалыгинского райсовета депутатов трудящихся о проверке проживающей в монастыре Глинская пустынь молодежи от 20 февраля 1951 г.

48 АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

49 Благочинный Глуховского района протоиерей Константин Лысенко писал, что архимандрит Нектарий умер в 1944 г. (Рапорт о

перезахоронении почивших настоятелей Глинской пустыни с территории монастыря на братское кладбище от 11 октября 1961 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105).

Однако по воспоминаниям богомольцев, помогавших восстанавливать обитель, кончина его последовала в день памяти преп. Антония Великого 17 января 1943 г. (Личный архив автора.)

50 АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

51 Там же.

52 Тихон Дмитриевич Амелин поступил в Глинскую пустынь в 1950 г. (АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1957 г.).

53 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 49.

54 Личный архив автора. Воспоминания Тихона Дмитриевича Амелина.

55 Игнатий (Брянчанинов), еп. Приношение современному монашеству. 3-е изд. СПб., 1905. Т. 5. С. 265.

56 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 90. Там же, д. 2, л. 49.

57 Там же, д. 1, л. 90.

58 Там же, д. 3, л. 20.

59 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 256, л. 1.

60 Там же, ф. 750, оп. 2 л, д. 6, л. 40.

61 АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

62 Там же. В начале 30-х годов о. Серафима, как и других Глинских подвижников, хотели арестовать и сослать, но почитавшие его крестьяне в корзине вывезли отца Серафима в лес и тем спасли его (Личный архив автора.)

63 АСЕУ. Послужной список архимнадрита Серафима (Амелина).

64 Там же.

65 Во время болезни старец у врачей не лечился. Врачи, приезжавшие из Москвы, сами лечились у него с большой для себя духовной пользой.

66 Записка хранится в личном архиве автора.

67 В 1990 г. сторож Сосновского дома инвалидов, вспоминая о почившем схиархимандрите Серафиме, говорил: "Какой благообразный старец!" Он видел о. Серафима всего несколько раз, но запомнил на всю жизнь.

68 АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

69 Там же. Наградные списки монахов Глинской пустыни за 1946 г.

70 Там же. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

71 Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

72 Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 9 февраля 1957 г.

73 АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

74 Там же.

75 Там же.

76 Налог на земельный участок, например, составил более 1200 руб. (АУЦП. Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.).

77 В том числе: в фонд обороны — 26,6 тыс. руб.; на танковую колонну — 6 тыс. руб.; на военный заем — 2 тыс. руб.; приобретение

лотерейных билетов — 2 тыс. руб., прочие обложения — 13 тыс. руб. (АУПЦ. Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.).

78 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6, л. 21.

79 АУПЦ. Денежная сумма, выданная Глинской пустынью в фонд государства в 1944—1945 гг.

80 Там же. Деньги на уплату налогов обитель, вероятно, получала за счет пожертвований прихожан и церковного дохода (от продажи свечей, тарелочного сбора и треб).

81 Там же. Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.

82 Там же. Денежная сумма, выданная Глинской пустынью в фонд государства в 1944—1945 гг.

83 Там же.

84 Там же.

85 Там же. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.

86 Там же. Отчет Глинской пустыни об итогах посева 1947 г. от 10 июля 1947 г.

87 Там же. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.

Но и за этот скот пустынь обложена была продналогом и в 1947 г. сдала Шалыгинскому отделу заготовок 250 кг мяса и 1050 л молока (Извещение № 8 от райуполномоченного по Шалыгинскому району).

88 АУПЦ. Сообщение епископа Илариона уполномоченному по делам Русской Православной Церкви Сумской области от 31 января 1947 г.

89 Там же. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.

90 Там же.

91 Там же. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 6 мая 1944 г.; АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 22 февраля 1945 г.; на 15 декабря 1948 г.; на 1 октября 1950 г.; на 5 мая 1952 г.

92 Рассчитано автором по послужным спискам монашествующих Глинской пустыни за 1899—1922 гг. и 1944—1952 гг.

93 До 1949 г. территорию рядом с монастырем, принадлежащую ранее обители, "занимал Шалыгинский райпромкомбинат, 2 здания были заняты местпромом, а в одном здании жили колхозники с. Сосновки" (АУПЦ. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.). Но решением Шалыгинского райсовета от 12 сентября 1949 г. эти помещения были переданы Сумскому облоно для организации в них Шалыгинского детского дома (ГАСО, ф. Р7382, оп. 1, д. 14). Детский дом рядом с монастырем просуществовал до 24 сентября 1953 г., затем его помещение было передано Лебединскому дому инвалидов-престарелых (ГАСО, ф. Р7382, оп. 1, д. 14).

94 Алтарь не имел нижнего этажа, от алтаря под храмом шел первый этаж, где располагались кухня и келлии (АСЕУ. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.).

95 Там же.

[96] АУПЦ. Заявление председателю Сумского облисполкома трудящихся от коллектива монашеской общины Глинской пустыни от 8 апреля 1946 г.

[97] Там же.

[98] АГР. Договор о передаче в пользование мужского монастыря Глинская пустынь зданий и культового имущества 14 мая 1951 г.

[99] АУПЦ. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.

[100] АШР. Материалы по монастырю и церквам Шалыгинского района.

[101] АУПЦ. Опись имущества монастыря Глинская пустынь на 5 апреля 1949 г.

[102] Там же. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 июня 1952 г.

[103] АСЕУ. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

[104] Там же. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

[105] Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

[106] До середины 1950-х годов в Глинской пустыни между утреней и литургией был перерыв, во время которого читали правило ко Причащению и проводилась исповедь богомольцев (Там же).

[107] Регентом правого клироса (а также и кузнецом Глинской пустыни) был монах Всеволод (в миру Василий Владимирович Белых). Он родился 15 июля 1888 г. в с. Шерекино Льговского района Курской области, окончил 3 класса начальной школы. С 1916 по 1933 г. Василий работал кузнецом на заводе в г. Льгове; с 1933 по 1936 г. отбывал заключение за религиозные убеждения, затем работал кузнецом в льговском лесничестве. Василий был женат, в 1952 г. овдовел и поступил в Глинскую пустынь. В монашество он был пострижен в 1956 г. В его послужном списке сказано: "Монах Всеволод Белых отличается исключительным смирением, кротостью, послушанием и трудолюбием; обладает хорошим голосом и знаток пения, несет послушание регента". Отец Всеволод подвизался в Глинской пустыни до самого ее закрытия (АСЕУ. Послужной список монаха Всеволода (Белых)).

[108] В 1957 г. часы богослужений были другие: в будние дни вечерня начиналась в 16 часов, затем с 18 до 19 часов длилось повечерие, утреня начиналась в полночь и заканчивалась в 3 часа ночи, с 6 часов утра до 8 служили литургию.

По праздникам всенощное бдение начиналось сразу после повечерия в 19 час. и заканчивалось лишь в полночь. Утреннее богослужение продолжалось с 6 до 11 часов.

[109] В 1942—1943 гг. более двух третей братии составляли те, кто подвизались в пустыни еще до 1922 г., в середине и конце 40-х годов — около половины, в 1952 г. — примерно треть.

[110] В 1944 г. в Глинской пустыни в возрасте свыше 60 лет было 22 человека, от 40 до 60 — 8, от 30 до 40 — 2 и до 30 лет 5 человек (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 6 мая 1944 г.). В

1952 г. в возрасте свыше 60 лет было 44 человека (из них 24 старше 70 лет), от 40 до 60 лет — 10, от 30 до 40 лет — 5, до 30 лет — 3. (АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 5 мая 1952 г.). Кроме того, в числе братства были слепцы и инвалиды; например, в 1945 г. в обители было 30 нетрудоспособных: инвалидов, больных, перенесших контузии (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 22 февраля 1945 г.).

111 Великим постом общего соборования не было, соборовались келейно.

112 Иеросхимонах Петр (в миру Павел Дробязка) — поляк, родился в 1863 г., в Глинскую пустынь поступил в 1889 г. Послушание сначала он проходил при кухне поваром (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109), затем при гостиной. В 1897 г. был пострижен в монашество с именем Пионий, в 1902 г. рукоположен во иеродиакона, в 1907 г. во иеромонаха (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 21). В 1919—1920 гг. он был экономом Глинской пустыни (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6). В 1948 г. он вернулся в Глинскую пустынь, скончался в обители в 1949 г. (АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни на 1 января 1949 г., на 1 октября 1950 г.).

В книге "Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская" (Одесса, 1907. С. 47) описан рассказ рясофорного монаха Семена Викторова послушнику Павлу Дробязке об исцелении его больной руки от помазания маслом из лампады Чудотворного образа Рождества Пресвятой Богородицы в 1893 году.

113 Иеросхимонах Мелетий (в миру Моисей Шечко), по происхождению крестьянин, родился в с. Васинино Путивльского уезда в 1862 г. В 1892 г. поступил в Глинскую пустынь. В 1910 г. был переведен в Путивльский Молченский монастырь, через два года рукоположен во иеродиакона, в 1918 г. — во иеромонаха и награжден набедренником, в 1920 г. награжден наперсным крестом. С 1922 по 1947 гг. жил в Путивле, исполнял требы на дому. В этот же период принял св. схиму. В 1947 г. вернулся в Глинскую пустынь. Скончался в обители в 1953 г. (АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Мелетия).

114 Иеросхимонах Алексий (в миру Антоний Заярный) родился в 1873 г., монашество принял в 1912 г. В Глинскую пустынь поступил в 1943 г., будучи инвалидом, но ревностно трудился на послушаниях. Скончался в обители в 1946 г. (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г., на 22 февраля 1945 г.).

115 РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 172, л. 3.

116 Там же, л. 2.

117 Там же.

118 Там же, д. 88, л. 2 об.

119 Там же, д. 172, л. 1.

120 Там же, л. 4.

121 Там же, л. 1.

122 Там же, д. 88, л. 6. Вместе с о. Антонием в Донском монастыре подвизался в то время бывший насельник Глинской пустыни иеромонах Евгений (в миру Емельян Петров, 1842 г. р.). Он поступил в Глинскую пустынь еще в 1871 г., постриг в монашество принял в 1875 г. С 1879 г. подвизался в Донском монастыре. Как воспитанник прославленной Глинской обители, он отличался строгостью жизни. В послужном списке

его было сказано: "поведения очень хорошего". Отец Евгений был награжден серебряной медалью на Александровской ленте в память императора Александра III (РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 6, л. 114).

123 АСЕУ. Послужной список архимандрита Антония (Проходы). Далее сведения о жизни архимандрита Антония приводятся в соответствии с этим документом.

124 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 65.

125 Там же.

126 Там же.

127 АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни, представленных к наградам в 1946 г.

128 Там же.

129 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75; ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

130 АСЕУ. Послужной список схиархимандрита Андроника (Лукаша).

131 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоаном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

132 Старец Андроник, рассказывая об этом, добавлял: "Келейник настоятеля был с Полтавщины, похлопотал за меня".

133 Вместе с о. Андроником в плен попали еще пять монахов, служивших с ним в одном взводе (Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966).

134 Там же.

135 Там же. Магнитофонная запись. 1966.

136 Там же.

137 ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

138 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

139 Там же. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

140 Там же.

141 Там же.

142 Там же.

143 Там же.

144 Там же.

145 Там же.

146 Там же.

147 Там же.

148 Там же.

149 Там же.

150 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Андроника (Лукаша).

151 Там же.

152 Там же. Послужной список схиигумена Андроника (Лукаша).

153 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 3.

154 АСЕУ. Список монахов, представленных к наградам в 1954 г.

155 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

156 Там же. Наставления схиархимандрита Андроника (Лукаша).

157 АСЕУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия схиигумену Андронику (Лукашу) от 21 сентября 1957 г.

158 Там же. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) Преосвященнейшему Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому от 24 августа 1957 г.

159 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

160 Там же. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым).

161 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).

162 Личный архив автора. Письма митрополита Зиновия (Мажуги).

163 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 116.

164 Там же.

165 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 109.

166 Личный архив автора. Письма игумена Исаии (Каравая).

167 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцева).

168 Там же.

169 Там же. По воспоминаниям духовных чад о. Серафима, после закрытия Драндского монастыря он некоторое время жил в пустыни на Сухой речке, недалеко от Сухуми, под руководством иеромонаха Савватия. Письма игумена Исаии (Каравая).

170 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).

171 Там же.

172 Там же.

173 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Серафима (Романцова).

174 Там же.

175 Там же.

176 Там же.

177 Там же.

178 Там же. Духовное завещание схиархимандрита Серафима (Романцова).

179 АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) Преосвященнейшему Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому.

180 Личный архив автора. Свидетельство духовника о. Серафима (Романцова) о возведении его в сан игумена г. Сумы.

181 АСЕУ. Письмо епископа Астраханского и Сталинградского Сергия епископу Сумскому и Ахтырскому Иоасафу от 12 марта 1959 г.

182 Там же. Письмо архиепископа Днепропетровского Гурия епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 25 ноября 1955 г. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия настоятелю Глинской пустыни архимандриту Таврию от 15 октября 1957 г.

183 Там же. Рапорт архимандрита Тавриона в Сумское епархиальное управление от 18 июня 1957 г.

184 Там же. Список монахов Глинской пустыни на 1 мая 1953 г.; на 1 июля 1954 г.; на 1 января 1955 г.; на 1 января 1956 г.; на 1 января 1957 г.; на 1 января 1958 г.

185 Насельников в возрасте от 50 до 60 лет было в этот период около 6%, а до 30 лет — 5—9% (АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни на

1 мая 1953 г.; на 1 июля 1954 г.; на 1 января 1955 г.; на 1 января 1956 г.; на 1 января 1957 г.; на 1 января 1958 г.

186 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9 об. АСЕУ. Сведения о движении насельников Глинской пустыни за 1954 г.

187 АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни на 1 января 1958 г.

188 Там же. Список монахов Глинской пустыни на 1 мая 1953 г.; на 1 июля 1954 г.; на 1 января 1955 г.; на 1 января 1956 г.; на 1 января 1957 г.; на 1 января 1958 г.

189 Там же. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия архимандриту Тавриону (Батозскому) от 21 августа 1957 г.

190 Там же. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

191 Там же. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 6 мая 1944 г.

192 Там же. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

193 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С.105.

194 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

195 Там же. Послужной список иеромонаха Игнатия (Щастного).

196 Там же.

197 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1956 г. В списке монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г. указано, что Игнатий (Щастный) пострижен в монашество в 1904 г. (АУПЦ).

198 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Игнатия (Щастного).

199 В послужном списке иеромонах Игнатия (Щастного) сказано, что он рукоположен во иеромонаха в 1943 г. (АСЕУ), но в списках монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г. (АУПЦ) и 6 апреля 1944 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6) он значится еще иеродиаконом и лишь в списке на 22 февраля 1945 г. иеромонахом (АУПЦ).

200 АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 12 марта 1952 г.

201 Там же. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1957 г. (в списке проставлены даты кончины монахов в течение 1957 г.).

202 Там же. Послужной список иеромонаха Зосимы (Примакова). Далее сведения о жизни о. Зосимы приводятся в соответствии с этим списком.

203 Там же. Послужной список иеромонаха Зосимы (Примакова).

204 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1957 г.

205 АУПЦ. Анкета служителя культа Хондошко С.Г.

206 Церковные ведомости. 1912. № 20. С.216.

207 АУПЦ. Анкета служителя культа Хондошко С.Г.

208 Там же.

209 Там же.

210 Там же.

На с. 564—565 —
братия Глинской пустыни.
Фотография
1950-х гг.

211 АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) в Сумское епархиальное управление от 8 января 1958 г.

212 Там же. Послужной список монаха Иакинфа (Резника).

213 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 111.

214 АСЕУ. Послужной список монаха Иакинфа (Резника).

215 Там же.

216 Там же. Послужной список иеродиакона Георгия (Ефименко).

217 Там же.

218 Там же.

219 Там же.

220 Там же.

221 Там же. Послужной список игумена Серафима (Кондратенко). Данные биографии о. Серафима изложены в соответствии с этим списком.

222 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 1 мая 1953 г.

223 Там же. Послужной список игумена Серафима (Кондратенко).

224 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 1 января 1956 г.

225 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 174, л. 107 об.

226 Там же.

227 Там же.

228 Феофан, еп. Письмо о христианской жизни. М., 1891. С.3.

229 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 62.

230 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 12 марта 1952 г.. ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10 об.; там же, д. 37, л. 2 об.

231 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 января 1957 г.

232 Там же. Письмо епископа Астраханского и Сталинградского Сергия епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 4 февраля 1957 г.

233 Там же. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 15 февраля 1957 г.

234 Там же. Донесение епископа Евстратия Сумского и Ахтырского митрополиту Киевскому и Галицкому, Патриаршему Экзарху всея Украины от 3 ноября 1954 г.

235 Там же. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 15 октября 1957 г.

236 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 14 июля 1961 г.

237 На богослужения в обитель приходили и инвалиды из расположенного рядом (на территории бывшей Глинской пустыни) Сосновского дома инвалидов, но впоследствии тех, кто ходил в монастырь, перевели в другие дома инвалидов.

238 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Михаила (Петренко).

239 АУПЦ. Список братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни по состоянию на 1 января 1947 г.

240 АСЕУ. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 27 марта 1953 г.

241 Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.

242 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

243 Там же. Послужной список иеромонаха Михаила (Петренко).

244 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.

245 АСЕУ. Послужной список иподиакона Семена (Нестеренко).

246 Там же.

247 Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1954 г.

248 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9. АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

249 АСЕУ. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь. 1957 г.

250 Там же. Письма иеромонаха Семена (Нестеренко)

251 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53. л.10. Там же. д.55, л.21.

252 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).

253 Там же.

254 Там же.

255 АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 28 декабря 1953 г.

256 Там же. Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).

257 Там же.

258 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 13.

259 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

260 Там же. Анкета служителя культа Ходыревского И.В.

261 Там же. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

262 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 31 августа 1953 г.

263 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2. АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

264 АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 31 августа 1953 г.

265 Там же. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

266 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.

267 Там же, л. 63, 76 об.

268 За первое полугодие 1954 г. только "по гостинице Глинской пустыни прошло 720 человек" (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9 об.).

269 Библиотекарем Глинской пустыни был монах Илиодор (в миру Иван Елисеевич Сигида). Он родился 21 сентября 1901 г. в селе Выселки Краснодарского края в крестьянской семье. Во время Великой Отечественной войны он принимал участие в битвах под Сталинградом, на Курской дуге. Находясь на фронте, Иван дал обещание Богу поступить в монастырь, если останется в живых. Сражался он самоотверженно, был ранен, имел четыре награды и благодарности. После окончания войны в 1949 году он поступил в Свято-Духовский скит Почаевской Лавры (его жена и родители погибли). Здесь он был

клиросным, счетоводом и секретарем скита, проявил себя трудолюбивым, примерным послушником. По совету настоятеля скита архимандрита Онуфрия Иван обращался за наставлением к известному тогда по всей Западной Украине 108-летнему старцу великой жизни о. Стефану. Иван писал, что посещение старца "дало положительные благие результаты, сопровождавшиеся спокойствием ума и чувств. Я невольно стал верить ему как посланнику Божию". В 1951 г. настоятель хотел постричь Ивана в монашество, но старец Стефан не благословил, сказав: "Ты после, через несколько лет получишь монашество, а теперь это будет непростительная ошибка, так как ты еще не готов". Иван так и сказал в скиту, но его по-прежнему хотели постричь. Тогда, видимо, по благословению старца Иван подал прошение о переводе в Глинскую пустынь, и в июле 1952 года он был зачислен в Глинское братство. Через два с половиной года архимандрит Серафим (Амелин) постриг его в монашество с именем Илиодор. В обители, кроме послушания библиотекаря, он был еще уставщиком на клиросе. В его послужном списке сказано: "Монах Илиодор Сигида обладает хорошим голосом и умением петь и читать, хорошо знает устав, имеет хороший характер, правдивый, послушный, скромный, трудолюбивый и исполнительный" (АСЕУ. Дело Сигиды Иоанна. Там же. Послужной список монаха Илиодора). Он подвизался в обители до ее закрытия в 1961 г.

270 АУПЦ. Сведения о посылках монастырю Глинская пустынь.

271 Там же. Сведения о денежных переводах монастырю Глинская пустынь.

272 Только за 1955 г. доходы Глинской пустыни выросли на 40% по сравнению с 1954 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп.12, д. 37, л. 6); АСЕУ. Годовой кассовый отчет Глинской пустыни за 1955 г.; Сведения о доходах Глинской пустыни за 1954 г.).

273 АСЕУ. Сведения о состоянии монастыря Глинская пустынь на 1 января 1956 г.

274 Там же.

275 Там же. Годовой кассовый отчет Глинской пустыни за 1955 г.

276 Там же.

277 Там же. Сведения о посевах и урожайности в хозяйстве Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области за 1955 г.

278 Там же. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

279 АУПЦ. Сведения о количестве скота в монастыре Глинская пустынь.

280 Описание строительства зданий в монастыре составлено автором на основании следующих архивных документов: инвентарные описи имущества Глинской пустыни за 1949, 1952, 1957, 1958 и 1961 гг. (АУПЦ), договоры с исполкомом Шалыгинского райсовета о передаче в пользование монастыря зданий и культового имущества за 1949, 1951 и 1952 гг. (АШР), справки о состоянии монастыря, предоставляемые уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви по Сумской области за 1944 г., 1945, 1947, 1952 гг. (АУПЦ), справки

Глуховского бюро технической инвентаризации 1959 г. (АГР); а также на основании личных сведений автора.

281 АГР. Резолюция заведующего отделом сельского и колхозного строительства Глуховского района на заявлении настоятеля Глинской пустыни.

282 АСЕУ. Резолюция епископа Сумского и Ахтырского Евстратия на прошении архимандрита Серафима (Амелина) от 17 мая 1954 г.

283 Там же. Годовой кассовый отчет Глинской пустыни за 1955 г.

284 АУПЦ. Справка Глуховского бюро технической инвентаризации от 24 сентября 1960 г.

285 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 9, л.11.

286 Там же, д. 43, л. 3. В августе 1955 г. архимандрит Серафим обращался с такой же просьбой в Шалыгинский райисполком, но ему было отказано (АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 4 августа 1955 г.).

287 АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

288 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 43, л. 8.

289 Там же, л. 9.

290 Там же, л. 12 об.

291 Там же, л. 13.

292 АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская пустынь по состоянию на 10 января 1958 г.

293 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 48, л. 16.

294 АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская пустынь по состоянию на 10 января 1958 г.

295 Там же. Рапорт Преосвященному Евстратию епископу Сумскому и Ахтырскому настоятеля Глинской пустыни от 11 октября 1957 г.

296 АУПЦ. Справка Глуховского бюро технической инвентаризации от 24 сентября 1960 г.

297 АШР. Материалы по монастырю и церквам Шалыгинского района.

298 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 22.

299 АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

300 Там же.

301 Там же. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия настоятелю Глинской пустыни от 12 октября 1953 г.

302 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 31, л. 15.

303 АСЕУ. Сообщение Хозяйственного управления при Святейшем Синоде от 14 ноября 1953 г.

304 Там же. Донесение Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского от 20 ноября 1953 года.

305 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 8.

306 Мотоцикл был подарен обители в 1955 г. священником о. Александром из г. Павловский Посад Московской области (АСЕУ.

Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 4 августа 1955 г.).

307 АСЕУ. Письмо Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, настоятелю Глинской пустыни от 11 июля 1955 г.

308 Там же.

309 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 9.

310 Там же, л. 11.

311 Там же, л. 18.

312 АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 21 декабря 1957 г.

313 ГАСО, ф. 2196, оп. 12, д. 48, л. 4.

314 АСЕУ. Распоряжение Сумского епархиального управления от 25 марта 1958 г.

315 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) от 28 марта 1958 г.

316 АСЕУ. Рапорт благочинного Шалыгинского района протоиерея Александра Дворецкого от 1 апреля 1958 г.

317 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) от 11 апреля 1958 г.

318 В последние годы управления епархией он много болел и в 1958 г. ушел на покой, о чем сожалела братия Глинской пустыни.

319 АСЕУ. Прощение настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 5 февраля 1957 г.

320 Там же. Автобиография архимандрита Тавриона (Батозского) от 27 мая 1956 г.

321 Там же. Прошение настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 5 февраля 1957 г.

322 Там же. Рапорт настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина), без даты.

323 Там же. Распоряжение Святейшего Патриарха Алексия от 14 марта 1957 г.

324 Там же. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

325 Там же. Протокол объединенного собрания Сумского епархиального совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

326 Там же.

327 Там же.

В IV главе уже было сказано, что благочестивый игумен Филарет (Данилевский) не допускал в Глинской обители партесного пения, и ему следовали все Глинские настоятели. Отец Филарет считал, что "чем далее от естественного пения, чем искусственнее поставлена духовная пьеса, тем менее в ней истинного молитвенного духа... Громкие, потрясающие звуки, быстрые переходы голосов не должны иметь места среди смиренных монахов. Бог любит разумных молитвенников" (Жизнеописание игумена Филарета... С. 103) "Поэтому весь круг богослужебного пения Глинской пустыни до изменений, введенных о. Таврионом, сохранял древние церковные мелодии, в которых

преобладало чувство, воодушевляющее молящихся в ту или иную минуту церковной службы" (Там же. С. 104).

328 АСЕУ. Протокол объединенного собрания Сумского епархиального совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

329 Там же. Прошение монаха Глинской пустыни Иоасафа (Дегтяренко) от 4 сентября 1957 г. При о. Таврионе богослужения в обители начинались в полночь. Братия, горевшая стремлением к подвижнической жизни, это одобряла, но восстала против католического уклона настоятеля.

330 Там же. Протокол объединенного собрания Сумского епархиального совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

331 Там же. Письмо Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 октября 1957 г.

332 Там же. Рапорт благочинного Шалыгинского района протоиерея Александра Дворецкого от 6 апреля 1957 г.; письмо секретаря епископа Сумского и Ахтырского архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 августа 1957 г., письмо секретаря епископа Сумского и Ахтырского благочинному Шалыгинского района протоиерею Александру Дворецкому от 16 августа 1957 г.

333 АСЕУ. Письма членов Сумского епархиального совета архимандриту Тавриону (Батозскому) от 26 сентября 1957 г.; от 9 октября 1957 г. Письмо Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 октября 1957 г.

334 Там же. Протокол объединенного собрания Сумского епархиального совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

335 Там же.

336 Там же. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 25 ноября 1957 г.

337 Там же. Указ Святейшего Патриарха Алексия от 13 января 1958 г.

338 Там же. Рапорт игумена Феогена (Тарана) епископу Сумскому и Ахтырскому от 20 октября 1958 г.

339 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105.

340 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана). В АСЕУ сохранилось три послужных списка о. Феогена за разные периоды его жизни: иеромонаха, игумена и архимандрита. Поскольку ни один из них не объединяет всех сведений, содержащихся в других списках, то использованы все эти документы.

341 Там же. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).

342 В послужном списке настоятеля и братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81) и за 1918 г. (там же, д. 3, л. 55) указано, что о. Феоген поступил в Глинскую пустынь в 1902 г., а в послужном списке архимандрита Феогена от 20 октября 1959 г. указан 1903 г. (АСЕУ).

343 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81; там же, д. 3, л. 55.

344 Там же, д. 2, л. 81.

345 Там же, д. 3, л. 55.

346 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 89 об.

347 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

348 Там же. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).
349 Там же.
350 Там же. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).
351 Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).
352 Там же.
353 Там же. Свидетельство о награждении игумена Феогена (Тарана) саном игумена.
354 Там же. Рапорт благочинного Глуховского района Александра Дворецкого от 23 марта 1953 г.
355 Там же. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 24 августа 1957 г.
356 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) от 18 июня 1958 г.
357 Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).
358 Там же. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).
359 Там же.
360 Там же. Указ епископа Сумского и Ахтырского от 3 ноября 1958 г.; от 21 февраля 1959 г.
361 Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).
362 Там же.
363 Более половины всех насельников (37 человек) были старше 60 лет и почти половина (31 человек) — старше 70 лет; всего 9 человек было в возрасте до 30 лет. Нетрудоспособных было более половины — 34 человека (АСЕУ. Список насельников Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Глуховского района по состоянию на 1 декабря 1959 года).
364 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).
365 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 108. (Иеромонах Гавриил, известный своей прозорливостью, был близким родственником (родной брат деда) схиархимандрита Иоанна (Маслова). Предсказывая будущее о. Иоанна, он говорил родным: "Поверьте, я умру, а в нашем роду будет еще монах". — *Примеч. изд.*).
366 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева). В послужном списке о. Никона за 1889 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 107) и за 1959 г. (АСЕУ) сказано, что он поступил в Глинскую пустынь в 1897 г.
367 Личный архив автора. Воспоминания схиигумена Николая (Хондарева).
368 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 107.
369 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).
370 Там же.
371 Там же.
372 Личный архив автора. Воспоминания схиигумена Никона (Хондарева).
373 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).
374 Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.
375 Там же. Послужной список игумена Никона (Хондарева).
376 Там же.

377 АСЕУ. Рапорт настоятеля Глинской пустыни игумена Феогена (Тарана) епископу Сумскому и Ахтырскому Иоасафу от 13 апреля 1959 г.

378 Там же. Послужной список схиигумена Николая (Хондарева).

379 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16.

380 Там же.

381 Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь: Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 100.

382 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 (Анкета служителя культа Гришкина П.Д.)

383 РГБ, ф. 213, к. 2, Ед. хр. 3, л. 5.

384 Там же, к. 4, ед. хр. 4, л. 105.

385 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

386 Там же. Послужной список иеросхимонаха Паисия (Гришкина).

387 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 об.

388 АСЕУ. Письмо митрополита Ростовского и Каменского Вениамина епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 5 мая 1955 г.

389 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 об.—17.

390 АСЕУ. Рапорт настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 30 июля 1955 г.

391 Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.

392 Там же. Послужной список иеросхимонаха Василия (Морина).

393 Там же.

394 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27.

395 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Василия (Морина). В послужных списках настоятеля с братией Глинской пустыни за 1918 г. указано, что иеродиакон Вонифатий был перемещен в Глинскую пустынь 19 января 1916 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27).

396 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27.

397 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Василия (Морина).

398 Там же.

399 Там же. В списках насельников Глинской пустыни по состоянию на 12 марта 1952 г. сказано, что о. Вонифатий поступил в обитель в 1952 г.

400 Там же.

401 Там же. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 20 октября 1959 г.

402 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

403 АСЕУ. Послужной список схиеродиакона Евстратия (Урети). В документах Глинской пустыни за 1947—1961 гг. фамилия о. Евстратия указана "Урети", однако сам он подписывался "Уретий", фамилия "Уретий" указана и в послужных списках монашествующих Глинской пустыни за 1910 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2), 1911 г. (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174) и 1918 г. (ГАКО, ф. 454, оп. 1, д. 3).

404 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 100 об.

405 Там же.

406 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 101.

407 АСЕУ. Анкета служителя культа Урети Евдокима Ивановича.

408 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 79.

409 АСЕУ. Анкета служителя культа Урети Евдокима Ивановича.
410 Там же.
411 АСЕУ. Послужной список схииеродиакона Евстратия (Урети). Однако в анкете служителя культа Урети Е.И. и в списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г.; 1 января 1958 г., 1 декабря 1959 г. указано, что о. Ефимий вернулся в Глинскую пустынь в 1945 г.
412 АСЕУ. Послужной спискок схиеродиакона Евстратия (Урети).
413 Там же.
414 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 декабря 1959 г.
415 Там же. Рапорт временно исполняющего обязанности настоятеля Глинской пустыни иеромонаха Даниила (Новикова) в Сумское епархиальное управление от 8 мая 1961 г.
416 Там же. Послужной список иеромонаха Павла (Васильева). В списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г.; 1 января 1957 г.; 1 января 1958 г. указано, что о. Павел родился в Тамбовской губернии.
417 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М. 1883. С.224.
418 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об. Там же, д. 34, л. 9.
419 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Павла (Васильева).
420 Там же. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 января 1958 г.
421 Там же. Послужной список иеромонаха Павла (Васильева).
422 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 69.
423 АСЕУ. Послужной список монаха Валериана (Опенько). Далее сведения о его жизни приводятся в соответствии с этим списком.
424 Там же. Послужной список монаха Валериана (Опенько).
425 Там же.
426 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 63.
427 Там же, л. 71.
428 АСЕУ. Послужной список монаха Климента (Григораша).
429 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.
430 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г.
431 Там же. Список насельников Глинской пустыни на 1 декабря 1958 г.
432 Там же. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1959 г.
433 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 70, 76.
434 АСЕУ. Послужной список монаха Иова (Такшина).
435 Там же.
436 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.
437 АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление, 1954 г.
438 Там же. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 1 января 1958 г.
439 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 71.
440 Там же, л. 76.
441 АСЕУ. Распоряжение Сумского епархиального управления от 16 июня 1959 г.

442 ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 16.
443 Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 1.
444 АСЕУ. Письмо члена Хозяйственного управления Московской Патриархии П. Корнилова игумену Феогену (Тарану) от 7 февраля 1959 г.
445 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 86—87.
446 Полный перечень икон Глинской пустыни приведен в документе: ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 88—91.
447 Там же, л. 91.
448 АСЕУ. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).
449 Там же. Распоряжение Иоасафа, епископа Сумского и Ахтырского от 20 декабря 1958 г.
450 Там же. Рапорт игумена Феогена в Сумское епархиальное управление от 13 апреля 1959 г.
451 ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 12, 18.
452 Там же.
453 Там же, л. 17.
454 Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 10—10 об.
455 АСЕУ. Указ управляющего Сумской епархией от 29 июля 1960 г.
456 Там же.
457 Там же. Приемо-сдаточный акт имущества Глинской Рождество-Богородицкой пустыни от 3 августа 1960 г.
458 Там же. Указ управляющего Сумской епархией от 10 марта 1961 г.
459 Там же. Послужной список игумена Модеста (Гамова).
460 Там же. Наличие насельников в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни на 1 октября 1950 г.; там же. Список братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Шалыгинского района по состоянию на 1 мая 1953 г.
461 Там же. Послужной список игумена Модеста (Гамова).
462 Там же.
463 Там же.
464 Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский патерик Т. III.
465 АСЕУ. Послужной список игумена Корнилия (Оробцова).
466 Там же.
467 Там же.
468 Там же.
469 Там же.
470 Там же.
471 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 36.
472 АСЕУ. Послужной список монаха Виталия (Середы). Далее сведения о жизни его приводятся в соответствии с этим списком. В списках насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1948 г. и 1 декабря 1958 г. (АСЕУ) указано, что монах Виталий (Середа) родился в 1868 г.
473 АСЕУ. Указ Сумского епархиального управления от 9 июля 1957 г. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1958 г.
474 Там же. Послужной список монаха Виталия (Середы).
475 Там же.

476 Игнатий, епископ. Творения. Т. I. С. 141, 234. Илиодор, архиепископ. Поучение // Христианское чтение. 1847. Ч. 1. С. 380.

477 В списке насельников Глинской пустыни Глуховского района Сумской области по состоянию на 1 января 1961 г. (АСЕУ) значится еще монах Виталий (Середа), а в списке насельников на 15 апреля 1961 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55) — уже схимонах Варсонофий (Середа).

478 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина). В послужном списке о. Исмаила и в списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г., 1 января 1957 г., 1 декабря 1959 г., отчество его указано "Григорьевич", но в списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1954 г., 1 января 1955 г., 1 января 1960 г., 1 января 1961 г. "Георгиевич".

479 АСЕУ. Анкета служителя культа Невдачина И.Г.

480 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 112.

481 Там же.

482 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина).

483 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 64.

484 Там же.

485 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 года.

486 Там же. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина). Далее сведения о его жизни приводятся в соответствии с этим списком.

487 Там же.

488 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 58.

489 Документы Сумского епархиального управления позволяют утверждать, что в 1962 г. о. Исихий жил в Сумской епархии. Ему была назначена пенсия 20 рублей в месяц (АСЕУ. Выписка из журнала № 20 заседания пенсионного Комитета при Священном Синоде от 3 декабря 1962 г.).

490 АСЕУ. Послужной список монаха Никандра (Шапошника).

491 Там же.

492 АСЕУ. Рапорт игумена Модеста (Гамова) в Сумское епархиальное управление от 16 октября 1960 года.

493 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

494 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Иннокентия (Шиховцова).

495 Там же. Далее сведения о жизни о. Ионы приведены в соответствии с его послужным списком.

496 Иван был женат, но в его послужном списке не указано, когда он женился и когда овдовел.

497 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.

498 Там же, л. 2 об.

499 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 января 1956 г.

500 Там же. Послужной список иеромонаха Иннокентия (Шиховцова).

501 Там же.

502 Там же.

503 Там же.

504 Там же.

505 Там же. Послужной список монаха Иоасафа (Дегтяренко).

506 Там же. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 июля 1954 г.

507 Там же. Послужной список монаха Иоасафа (Дегтяренко).

508 Там же.

509 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

510 АСЕУ. Послужной список монаха Мелетия (Кириченко). Далее сведения о его биографии приведены в соответствии с этим списком.

511 Там же. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 15 декабря 1948 г.; на 1 января 1952 г.

512 Там же. Послужной список монаха Мелетия (Кириченко).

513 Там же. Список насельников Глинской пустыни на 12 марта 1952 г.

514 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 28 декабря 1953 г. В послужном списке монаха Мелетия ошибочно указан год пострига 1954 г.

515 Игнатий, еп. Творения. Т. I. С. 109.

516 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21. АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1961 г.

517 АУПЦ. Заявление заведующего Сумским отделом социального обеспечения от 30 августа 1960 г.

518 ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 267, л. 29.

519 Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 28.

520 Там же, л. 12.

521 Там же, л. 12, 35.

522 Там же, д. 53, л. 24—25.

523 АСЕУ. Прошение настоятеля Глинской пустыни игумена Модеста от 19 октября 1960 г.

524 ГАСО, ф. Р2196, д. 55, л. 5—6, 73; там же, ф. Р1815, оп. 3, д. 267, л. 13—14.

525 Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 20.

526 Там же, л. 19.

527 АСЕУ. Распоряжение архиепископа Черниговского и Нежинского Андрея от 11 апреля 1961 г.

528 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 13.

529 АСЕУ. Список насельников монастыря Глинская пустынь по состоянию на 14 апреля 1961 г.

530 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

531 АСЕУ. Распоряжение Андрея, архиепископа Черниговского и Нежинского от 11 апреля 1961 г.

532 Иеромонах Даниил родился 3 ноября 1923 г. в с. Новая Слобода Путивльского района, окончил 5 классов средней школы. В 1942 г. он поступил в Глинскую пустынь. В 1947 г. был пострижен в монашество, в 1948 г. епископом Сумским и Ахтырским Иларионом был рукоположен во иеродиакона, а в 1954 г. епископом Евстратием — во иеромонаха. С 1954 г. по 1958 г. о. Даниил был настоятелем Покровского молитвенного дома села Олешня Ахтырского района Сумской области. С 1958 г. и до закрытия обители жил в Глинской пустыни. В 1959 г. Святейшим Патриархом Алексием награжден наперсным крестом.

Архимандрит Феоген отзывался о нем как об "усердном в церковной службе, смиренном, скромном, послушном иеромонахе" (АСЕУ.

Послужной список иеромонаха Даниила (Новикова)). После закрытия обители сначала он нигде не служил, затем с 1963 по 1971 г. служил на приходах Псковской епархии; с 1971 по 1978 г. был настоятелем Вознесенской церкви г. Лебедина Сумской области. В 1972 г. о. Даниил был возведен в сан игумена, 2 июля 1979 г. он ушел за штат по болезни и жил у сестры в г. Ромны Сумской области. После тяжелой болезни по принятии Св. Христовых Таин он скончался 16 сентября 1980 г. Похоронен о. Даниил на кладбище при Всехсвятской церкви г. Ромны Сумской области (АСЕУ. Послужной список игумена Даниила (Новикова).Некролог, посвященный памяти игумена Даниила).

533 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 69а—71, 59.

534 Там же.

535 Там же, л. 79—83.

536 Там же, л. 74.

537 Там же, л. 67—68. Глинские старцы предсказали, что архиепископ пострадает за то, что не отстоял святую обитель. Вскоре после закрытия Глинской пустыни он был осужден за свои проступки на пять лет тюремного заключения. После освобождения закончил свою жизнь в Псково-Печерском монастыре (на епископскую кафедру уже не вернулся).

538 Там же, л. 68.

539 В архиве уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области сохранилась записка старца Андроника (Лукаша), которую обнаружили во время закрытия монастыря. Старец пишет: "Меня и Серафима (вероятно, Романцова. — *А. И.*) требуют в Сумы завтра, Колыма угрожает".

540 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 67.

541 Там же, л. 86—91. Полный перечень икон см. в "Архиве Глинской пустыни".

Каркасы иконостаса Глинской пустыни в 1989 г. были переданы во вновь открытые храмы сел Шалыгино и Стариково (Личный архив автора. Заявление настоятеля Свято-Анастасиевской церкви протоиерея Космы Литвинюка от 20 февраля 1990 г.).

542 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55. Там же, л. 93—103. Опись оставшихся после закрытия монастыря продуктов показывает, какой постнической была жизнь иноков; в основном они хранили картофель, горох, пшено, макаронные изделия; ни рыбы, ни рыбных (ни тем более молочных) консервов в монастыре не было вообще.

543 Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Тетрицкаройский // ЖМП, 1985, № 6, С. 58. По данным послужных списков Глинской пустыни за 1918 г., митрополит Зиновий родился в 1895 г. в семье мещанина (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 76).

544 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 76. ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 3 об.

545 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75 об.—76.

546 Там же, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 4. (Дело о проведении обряда посвящения в монашеский сан послушников Глинской пустыни 16—17 марта 1921).

547 Там же. В книге архиепископа Мануила "Каталог русских архиереев на последние 60 лет (1897—1957 гг.)" (Чебоксары, 1959) в ч. III

на с. 68 указано, что митрополит Зиновий принял постриг в монашество в 1917 г.

548 Личный архив автора. Письмо игумена Исаии (Каравая).

549 Там же. Письма митрополита Зиновия (Мажуги) архимандриту Иоанну (Маслову).

550 До 1960 г. Владыка Зиновий был епископом Степанаванским, затем Тетрицкаройским.

551 Православный церковный календарь. 1980. Изд. Московской Патриархии. 1979. С. 150.

552 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаща) архимандриту Иоанну (Маслову).

553 Там же. Письма митрополита Зиновия (Мажуги) архимандриту Иоанну (Маслову).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глинская пустынь по высоте духовной жизни своих иноков и процветавшему в ней старчеству принадлежит к числу величайших православных обителей.

"Благоустроенные монастыри сохраняют и умножают (богоугодным житием иноков) благодать Божию в Русской Церкви. Истинные монахи из глубины своего уединения светят миру простым образом богоугодного жития своего и живым действенным словом спасительной истины"[1]. Эти слова богомудрого Глинского настоятеля игумена Филарета раскрывают непреходящее значение Глинской обители в истории Русской Православной Церкви и всей нашей страны. Глинские подвижники поистине освещали мир светом праведности, молитвы и любви. Они несли христианскую истину во всей ее чистоте, во всей неприкосновенности апостольского и святоотеческого предания всем слоям русского общества.

Даровав миру сонм благодатных старцев, подобных светильникам, "во тьме века сего воссиявшим", Глинская пустынь на протяжении почти четырех веков была центром духовного просвещения. Она оказала огромное влияние на развитие истории нашей страны, на духовно-нравственную жизнь народа и в целом — на русскую культуру.

Могущественное нравственное влияние Глинской пустыни распространялось не только на всю Россию, обитель была известна и далеко за ее пределами. Глинскую пустынь знают и в Америке, и во Франции; знает ее и Афон, и святой Иерусалим — весь православный Восток[2].

Высота нравственного строя Глинской пустыни изумляла современников. Маститый Глинский старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) в благодатном откровении видел на небесах Глинскую пустынь в великой славе[3]. Высоко оценивали Глинскую обитель лучшие русские иерархи Русской Церкви, например, святитель Феофан Затворник (Говоров)[4]. В литературных и архивных источниках сохранились также возвышенные отзывы о духовной жизни Глинской пустыни и ее нравственном влиянии на людей святителя Филарета (Дроздова)[5], митрополита Московского, митрополита С.-Петербургского Исидора (Никольского)[6], архиепископа Литовского Ювеналия (Половцева)[7], архиепископа Харьковского Мелетия (Леонтовича)[8], архиепископа Волынского Антония (Храповицкого)[9], великих Оптинских старцев[10], а в XX веке — Святейшего Патриарха Алексия I[11] и других.

Святая Гора
Афон

Слава о жизни и подвигах Глинских старцев издавна привлекала в эту обитель множество паломников, ищущих духовного наставления, утешения, молитв великих подвижников. И все они находили в обители удовлетворение своих нужд и духовных интересов.

Дух живой веры, смиренной простоты и искреннего братолюбия сиял в Глинской обители и, наполненная этим духом, она являлась несокрушимой поддержкой для народа: оплотом немощных, пристанищем колеблющихся и подкреплением малодушных. Не только простые богомольцы, но и многие иерархи (не считая епархиальных) посещали Глинскую пустынь и пользовались наставлениями ее старцев. В их числе были епископ Севский Кирилл (Флоринский)[12]; епископ Чигиринский, викарий Киевский, Владимир (Алявдин)[13]; известный проповедник, воспитанник Киевской Духовной Академии, архиепископ Воронежский Серафим (Аретинский), архиепископ Черниговский Варлаам (Денисов); епископ Черниговский Нафанаил[14]; епископ Степанаванский, впоследствии митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга).

Чем же были так велики Глинские подвижники пред Богом и людьми? Что так влекло к ним народ и что особенно привлекательного было в их душах и благочестии? На это можно ответить словами апостола Павла: "Не аз живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2, 20).

В Глинской пустыни достигали Духа Святого. Иноки обители воплотили в своей душе Христово учение и поистине были носителями в своем сердце Духа Святого. Живоносный огнь Духа обновляет тех, в кого вселяется. Невещественный Свет Духа просвещает и укрепляет Христовых последователей и тем самым дает им возможность ощутить в своих сердцах Божественную силу, помогающую в их спасении. Через наитие Святого Духа в душах Глинских подвижников снова возобновлялась та духовная благодатная жизнь, которая была утрачена в Адаме. И союз между Богом и ними восставливался в полной своей гармонии и идеальной реальности.

При Божественном содействии Святого Духа они видели пред собой тот путь, по которому им следует идти, чтобы достичь вечной жизни. Дух Святой соделал Глинских старцев духовно сильными, неустрашимыми и ревностными проповедниками учения Христова.

В их сердцах горел яркий пламень любви к Богу и людям. Старцы не отстраняли от себя решение самых сложных вопросов мирского бытия. Они не замыкались в узком кругу монашеских интересов, но полностью отдавали себя на служение Богу и ближним. Глинские пастыри были благостными и лучезарными вестниками Евангельской любви, которая охватывала все слои общества, все возрасты и характеры. Они жили свято; Дух Господень обитал в их сердцах, и поэтому из их душ так щедро изливалась на людей благодатная чудодейственная сила. Неземная красота их подвига человеколюбия и неотразимое духовное обаяние влекли к ним паству. Старцы умели вовремя помочь каждой бедствующей душе и дать ей правильное направление на пути ко спасению. Поистине это были святые вожди нравственности земли Российской.

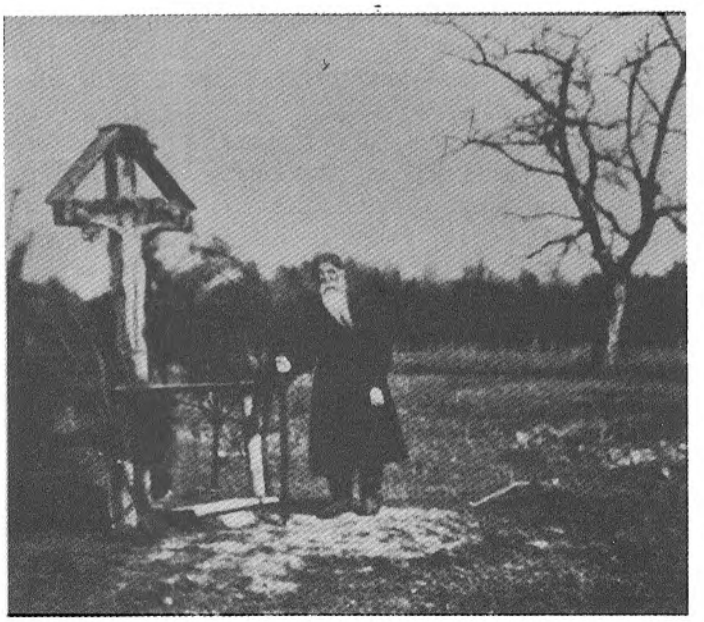
Вот почему люди так неудержимо тянулись к Глинским старцам. Каждый из паломников чувствовал свою немощь и считал, что есть в

мире праведники, которые препобеждают нашу греховную природу и в душе которых живет Дух Святой. Глинская обитель не только укрепляла людей верующих, но и убедительно показывала неверующим или отступившим от правой веры истину и силу Православия. В Глинской пустыни они видели святость и духовную красоту Русской Церкви, ощущали пребывающую в ней благодать Божию, убеждались в том, что спасение совершается только в Церкви Христовой — этой духовной врачебнице, ходатаице пред престолом Всевышнего, неистощимой сокровищнице благодатных даров Божиих.

Настоятель схиархимандрит
Серафим (Амелин)
у креста на месте
явления иконы
Божией Матери
Пустынно-Глинской. 1958 г.
Личный архив
автора

В работе уже неоднократно подчеркивалось, что в духовной жизни Глинской пустыни главное место занимало старчество. Благодаря нравственному водительству старцев, вся обитель была озарена красотой христианского смирения и Божественной любви, сияла истинным духовно-христианским просвещением. И поэтому Глинские иноки так много сделали в области духовного просвещения, возвышения нравственного уровня народных масс. Их ревностное служение всегда было направлено к духовному возрождению народа.

Оказывая духовно-материальную помощь ближним, способствуя сохранению чистоты их нравственной жизни, Глинские старцы в то же время много внимания уделяли и сохранению чистоты их веры.

В своем отношении к раскольникам, сектантам, мистикам они подчеркивали истинность и непоколебимость православного учения. Еще Глинский игумен Филарет прославился как поборник Православия. Значительно активизировалась просветительная деятельность обители в конце XIX — начале XX века, когда было необходимо оградить народ от распространившихся лжеучений.

Тогда в Глинской пустыни был создан специальный проповеднический миссионерский кружок.

Но особенно плодотворной была просветительная деятельность обители в 40—60-х годах XX века, когда восстановленная Глинская пустынь стала центром духовного просвещения и возрождения старчества.

Глинские духовные просветители были истинными патриотами. Имея особую любовь к Отечеству Небесному, они любили и отечество земное.

Их беспредельная и беззаветная любовь к Родине особенно проявилась в военные периоды, когда Родина была в опасности.

Глинская обитель взрастила великих светильников веры и благочестия для духовного просветления, ободрения и утешения народа. И после официального закрытия в 1961 году пустынь продолжала плодотворно влиять на весь быт и строй жизни людей через своих прежних насельников.

Воспитанники Глинской пустыни, воплощая в жизнь высокие традиции обители, своим пастырским и иноческим подвигом, церковно-общественной деятельностью, богословскими трудами продолжали нести немеркнущий свет вразумления, назидания и увещания всем стремящимся к блаженной вечности.

Они призывали к внутреннему очищению и духовному бодрствованию.

Сбылись слова старцев, сказанные при закрытии Глинской пустыни: "К нам в обитель не все люди могли приехать по немощи, из-за далекого расстояния, недостатка дéнег. Богу угодно было, чтобы мы разъехались по всей стране, чтобы Глинские иноки были для всех маяками духовной жизни".

Глинские подвижники всех времен духовно едины. Подобно святым отцам прежних веков, они имели такую большую заботу о пастве, что "не пропускали ни малейшего небрежения или преслушания; они были милостивы, где следовало, и были строги, где настояла потребность; согрешавших обличали и понуждали к добру"[15].

Глинских иноков объединяло и стремление к исполнению строгого устава, составленного "по чину Афонского" еще игуменом Филаретом.

Назидательные примеры из жизни Глинских старцев поучительны для всех христиан, но особенно для пастырей. Они показывают, как правильно поступать в подобных жизненных обстоятельствах, как всегда благотворно влиять на души ближних.

Каждый пастырь в своей деятельности должен руководствоваться теми же христианскими принципами, какими руководствовались отцы Глинские: ревностью и любовью к Богу, к ближним, к Родине, снисходительной мудростью и кротостью.

Подобие
чудотворно-явленной иконы
Рождества Пресвятой Богородицы
Пустынно-Глинской

В заключение важно отметить, что, по предсказаниям духовных старцев, икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская снова должна явиться в эту святую обитель, что послужит знамением к возрождению Глинской обители и к ее последующему процветанию в духовной жизни и просветительной деятельности среди народа.

Примечания

1 Жизнеописание игумена Филарета... С. 43.
2 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 120—122. Глинская пустынь. Ч. I. С. 48.
3 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 192.
4 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 157.
5 РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 9.
6 Там же, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 14.
7 РГБ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41, л. 27 об.—28 об.
8 Очерк жизни... архимандрита Германа. С. 19.
9 Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 18—19. С. 654.
10 РГБ, ф. 214, ОПТ. 384, л. 25; там же. ф. 213, к. 54, ед. хр. 5, л. 7 об., 206 об.
11 АСЕУ. Резолюция Святейшего Патриарха Алексия о направлении иеромонаха Иринея (Пономаренко) в Глинскую пустынь от 10 ноября 1957 г.
12 Чудотворная икона... С. 16.
13 Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893. С. 13.
14 Сказание о жизни... схиархимандрита Илиодора... С. 202—203.
15 Соловьев С.М. Соч. Кн. III. Т. 5. М., 1989. С. 189.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

ОТДЕЛ I
ЛИТЕРАТУРА ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

1. История Российского государства

Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 г. и 1 июля 1926 г. в сопоставлении с довоенным делением России: Опыт установления связи между административно-территориальным составом России и современным составом СССР. М., 1926.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1—2. СПб., 1872—1885; Т. 1. 1872. 767 с.; Т. 2. Вып. 1. 1885. 319 с.

Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории, как науки: История России с древнейших времен. Соч. С. Соловьева. Т. I—VIII. М., 1851—1858.

Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П.Семенов. Т. 1. СПб., 1863.

Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846.

Казенные крестьяне при Екатерине II (1762—1796): Очерк из истории исследования / В. И. Семеновский // Русская старина. 1879. № 1. С. 1—40; № 2. С. 247—266; № 3. С. 377—396; № 4. С. 621—638; № 5. С. 35—54; № 6. С. 231—248.

Карамзин Н.М. История государства Российского: Репринтное воспроизведение изд. 5-го, выпущенного в 3-х кн. с приложением "Ключа" П.М.Строева. М.: Книга, 1988.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1—12. 4-е изд. СПб., 1833—1835.

Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений Н. М. Карамзина. Т. 1—13. Пг.: "Копейка", [1915].

Ключ к "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина / Павел Строев. М., 1836. Ч. 1. 398 с.; Ч. 2. 300 с.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. / Под ред. В. Л. Янина; Вступ. ст. В. Л. Янина и В. А. Александрова. М.: Мысль, 1987.

Ключевский В.О. Сочинения: В 8-ми т. Т. 1—8. М.: Госполитиздат, 1956—1959.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983.

Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841.

Описание государственного архива старых дел, составленное инспектором государственных архивов и членом разных ученых обществ П. Ивановым. М., 1850.

Пророчества о будущем России // Земщина. 1991. № 3 (20), январь. [Передовая статья].

Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899.

Русская историческая библиотека, издаваемая [Императорскою] Археографическою комиссиею. Т. 1—39. СПб., 1872—1927.

Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 4. Харьков, 1892.

Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М.: Мысль, 1989.

Состав и территория СССР сравнительно с довоенным временем. Л., 1926.

Сулькевич С. И. Административно-политическое строение СССР. Л., 1926.

Умрихина А.П. Положение крестьян и их борьба против крепостного строя в Белгородской губернии во 2-й половине XVIII в.: Автореферат. Харьков. 1973.

2. Законы, постановления, распоряжения православных духовных ведомств

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Т. 2. СПб., 1907.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сб. церковных документов. М., 1943.

Сборник Законов о порядке обложения государством поземельным налогом, земскими повинностями и городским оценочным сбором недвижимых имуществ, принадлежащих духовному ведомству и о жалобах на неправильную оценку и на произведенное уже обложение, с приложением определений и Указов Святейшего Правительствующего Синода и Правительствующего Сената по сим делам, преимущественно последнего времени / Сост. коллежский асессор Симеон Васильевич Калашников, столоначальник Харьковской Духовной Консистории. Харьков, 1901.

Собрания постановлений и распоряжений по духовному ведомству. Т. III—IV. СПб., [б. г. изд.].

Церковное благоустройство: Руководственные распоряжения и разъяснения по вопросам церковной практики / Изд. В. А. Мавринского. М., 1882.

Церковное благоустройство: Сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901.

3. История Русской Церкви, Российской иерархии. Православные монастыри Российской империи

Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. 1778. Т. 1—6. М., 1807—1815.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: Сб. сведений, касающихся преимущественно практич. деят. отечеств. духовенства. 2-е изд., испр. и доп. (Вып. 1—4). Харьков, 1896—1900. То же. Киев, 1913.

Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 год. СПб., 1902.

Ведомость о мужских и женских монастырях и общинах за 1915 год. Пг., 1915.

Верховский П.В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архирейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Коллегия Экономии и Канцелярии синодального экономического правления (15 июля 1726 г. —12 мая 1763 г.): Исследование в области истории русского церковного права. СПб., 1909.

Виленский Свято-Духов монастырь: Историческое описание с тремя рисунками / Сост. Флегонт Смирнов. Вильна, 1888.

Высокопреосвященный Ювеналий, архиепископ Литовский и Виленский // Прибавления к "Церковным ведомостям". 1904. № 16. С. 584—586.

Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону / Сост. А. А. Павловский. [Н.-Новгород], 1907.

Геннади Г.Н. Список книг о русских монастырях, церквах. СПб., 1854.

Головацкий Я. Монастыри юго-западной России вообще и Креховский монастырь. [СПб., 1885].

Голубинский Е.Е. История русской Церкви. 2-е изд. Т. 1—2. М., 1901—1911.

Горчаков М.И., свящ. Монастырский приказ. СПб., 1868.

Горчаков М.И., свящ. О земельных владениях всероссийских митрополитов, Патриархов и Св. Синода (988—1738 гг.). СПб., 1871.

Горчаков М.И., свящ. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

Завьялов В. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900.

Захарова Л.Ф. К последствиям секуляризации церковных земель в России // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 165—167.

Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: С библиогр. указателем. Т. 1—3. СПб., 1890—1897.

Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг. М.: Наука, 1975.

Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908.

Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М.: Сов. Россия, 1982.

Иванов В.И. Приходо-расходные книги северных монастырей как источник по социально-экономической истории России: Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М.: Ун-т дружбы народов, 1982.

Иванов П.В. Социально-политические представления монастырских крестьян в России 40—60-х гг. XVIII в. // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та. Вып. 43, ч. 1. Курск, 1967.

Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV—XVI веков / Архим. Леонид. М., 1871.

Извлечение из отчета по ведомству Православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864.

Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867.

Истоки и преемственность: К 1000-летию христианства на Руси // Советская библиография. 1988. № 3. С. 71—78.

Историческое описание Богородицкой Площанской пустыни. СПб., 1855.

Историческое описание Борисовской Девичьей пустыни / Архимандрит Леонид. М., 1887.

Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 2-е изд., испр. и доп. оной же пустыни / И.Л. СПб., 1862.

Историческое описание Курского Знаменского первоклассного монастыря / Сост. И. Истомин. Курск, 1857.

Историческое описание Махрищского монастыря. Сергиев Посад, 1906.

Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей, с показанием начала и построения оных, крестных ходов, храмовых праздников в С.-Петербурге и Москве. СПб., 1819.

Историческое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Архим. Анатолий // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 6. С. 302—309, 563—565; № 11. С. 559, 561, 563, 570.

Казанская Амвросиевская женская пустынь Калужской губ. при с. Шамордине и ее основатель оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Изд. пустыни. 1908.

Канонизация святых: Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра, 1988.

Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В.О. Сочинения: В 8-ми т. Т. VII. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1959. С. 5—32.

Комиссаренко А.И. Хозяйство монастырских вотчин и секуляризационная реформа в России: 20—60-е гг. XVIII в. М.: Ист.-архивн. ин-т, 1985.

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время / Ред. Е. Ю. Концевич и Г. Д. Подмошенский. Джорданвиль, 1970.

Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составляемое при Министерстве внутренних дел А. Глаголевым. Ч. 1. Тетрадь 1—2. О русских крепостях. СПб., 1838.

Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. Ч. 1—4. СПб., 1900.

Макарий (Булгаков). История русской Церкви. Т. 1—12. СПб., 1857—1883.

Монастыри в Российской империи: (Статистический временник Российской Империи. Серия III. Вып. 18) / В. В. Зверинский. СПб., 1887.

Николай (Грачев), иеромонах. Табель современного богослужения, чиноположения, обрядов, соблюдаемых в одиннадцати Российских обителях, двух русских Святогорских обителях и Соборах: Петроградском Исаакиевском и Московском Успенском. Пг., 1915.

Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986.

Обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству: (1734—1869) / Сост. Н. Григорович. СПб., 1869.

Описание монастырей в Российской империи находящихся. М., 1834.

Описание монастырей в Российской империи находящихся, с показанием времени построения оных и в каких классах положены по штатам. 4-е изд., М., 1817.

Основатель Борисовской пустыни генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев и его дочь княгиня Наталия Долгорукая // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М., 1909. С. 361-389.

Памяти архиепископа Ювеналия // Прибавления к "Церковным ведомостям". 1904. № 18—19. С. 651—657.

Подробное и верное описание монастырей, находящихся в Российской империи, расположенное по азбучному порядку и извлечено из новейших отечественных писателей: С присовокуплением дневника отечественных воспоминаний и поучительных статей в прозе и стихах. М., 1829.

Православные монастыри и архиерейские дома в России ныне существующие. М., 1889.

Православные монастыри Российской империи (мужские и женские). [М., 1908].

Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909.

Раскин Д.И. Требования монастырских крестьян в России 30-х начала 60-х гг. XVIII в. // Проблемы отечественной истории: Сб. статей аспирантов и соискателей / АН СССР; Ин-т ист. СССР: Ленингр. отд. М.—Л., 1976. С. 60—78.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852.

Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

Русские святые: Снимки с иконописных изображений и с работ русских художников: Беспл. прилож. к журн. "Душеполезное чтение" за 1908 год. М., 1908.

Сведение о существующих в России Лаврах и монастырях: Собрано из разных источников. М., 1850.

Святые места на Руси: Описание главнейших монастырей, их история и святыни / Сост. М. Г. Волховский. СПб., 1894.

Смирнова В.Б. Вотчинное хозяйство в XVIII — первой четв. XIX в.: (По материалам Саровского монастыря): Автореферат. М., 1970.

Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии на 1914 г. СПб., 1914. То же. СПб., 1916.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. Павел Строев. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1877.

"Тесные врата": (Виды подвижничества в русской земле) / Н. Сперанский. СПб., 1892.

Титлинов Б.В. Правительство Императрицы Анны Иоанновны и его отношение к делам Православной Церкви. Вильна, 1905.

Федотов Г.П. Святые древней Руси (X—XVII вв.). [Б. м. и г. изд.].

Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь: Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926.

Что такое святой Афон для православной России? (Поучение Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, по случаю освящения храма во имя преподобного Сергия Радонежского в Одесском Странноприимном доме Русского на Афоне Общежительного Скита св. Апостола Андрея Первозванного). Одесса, 1887.

4. Литература о Пресвятой Богородице и подвижниках благочестия

Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. Прилож. к журн. "Русский паломник". Кн. III. [б. м.], 1909.

Земная жизнь Пресвятой Девы Марии Богородицы: Учение о Богоматери Филарета, митрополита Московского: Плач Богоматери при Кресте и молитвы к Божией Матери. М., 1899.

Иконография Богоматери: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения / Н. П. Кондаков. СПб., 1910.

Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы с изложением пророчеств и прообразований, относящихся к Ней, учения Церкви о Ней, чудес и чудотворных икон Ее, на основании Священного Писания, свидетельств св. отцев и церковных преданий / Изд. Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. М., 1904.

Слава Богоматери: Сведения о чудотворных и местно чтимых иконах Божией Матери. М., 1907.

Архимандрит Евгений, приснопамятный старец, возобновитель Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1905.

Великий старец схиархимандрит Паисий Величковский: (Память 15 ноября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Ноябрь. М., 1910. С. 330—377, портр.

Верхо-Харьковская игумения Емилия: (Память 29 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Май. М., 1908. С. 290—325.

Евгений, архимандрит Николаевской Чуркинской пустыни. Астрахань, 1888.

Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882.

Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: С портр. / Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря: В 12-ти т. и два тома доп. М., 1906—1912:

Т. 1. Январь. 1906. Т. 2. Февраль. 1906. Т. 3. Март. 1907. Т. 4. Апрель. 1908. Т. 5. Май. 1908. Т. 6. Июнь. 1908. Т. 7. Июль. 1908. Т. 8. Август. 1909. Т. 9. Сентябрь. 1909. Т. 10. Октябрь. 1909. Т. 11.

Ноябрь. 1910. Т. 12. Декабрь. 1910. Том доп. Ч. 1. Кн. I. Январь-июнь. М., 1912. Том доп. Ч. 1. Кн. 2. Июль-декабрь. М., 1912.

Житие и наставления преподобного Амвросия старца Оптинского. М.: Изд-во "Прометей" МГПИ им. Ленина, 1989.

Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847.

Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца / Составлено о. иеромонахом, ныне архимандритом Никоном. 5-е изд., испр. и доп. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.

Житие святого отца нашего Митрофана, епископа Воронежского. М.: Синод. тип., 1907.

Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. 4-е изд. Муром, 1893.

Иоанн (Маслов), архимандрит, доцент Московской Духовной Академии. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении: В 2-х ч. / Московская Духовная Академия: Кафедра патрологии: Магистерская диссертация. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1981. Ч. I. Жизнеописание Святителя Тихона и его литературное наследие. 271 с., фотогр.; Ч. II. Учение Святителя Тихона о спасении. 430 с.

Марк (Лозинский), игумен, профессор Московской Духовной Академии. Отечник проповедника: (Практич. пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1971.

Махно Лев, прот. Светлой памяти моего друга игумена Марка (Лозинского). Загорск, 1973. Машинописный текст.

Описание жизни блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной пустыни и ее старчества / Составлено по прежним жизнеописаниям и новым источникам прот. С. Четвериковым. Изд. Козельской Оптиной пустыни. [Б. м.], 1912.

Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. СПб., 1900.

Русский общежительный скит Св. Пророка Илии на Афоне. 4-е изд. Одесса, 1913.

Святой Преподобный Серафим Саровский чудотворец: Его жизнь и подвиги, с приложением наставлений для монашествующих. Одесса, 1903.

Сергей Александрович Рачинский: (Память 25 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М., 1909. С. 302—326.

Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Ч. 1. Сергиев Посад. 1908.

Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Вып. 1. Сергиев Посад, 1908. То же. Вып. II. Сергиев Посад, 1909.

Старцы о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М., 1909. С. 452—620.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988.

5. Курская губерния (область). Курская, Белгородская (Белгородская), Сумская епархии. История монастырей и церквей

Адрес-календарь или Общий штат Курской губернии на 1853 г. Курск, 1853.

Анатолий (Ключаров), архимандрит Рыльский. Материалы для истории Курской епархии: (Окончание) // Курские епархиальные ведомости. 1885. № 14. С. 699—717.

[Рецензия]: Харланов И., свящ. Примечание к статье о. архимандрита Анатолия (Ключарова) "Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1889. № 19. С. 329—333.

Архимандрит Анатолий: (Некролог) // Курские епархиальные ведомости. 1886. № 15. С. 728—730.

Булгаков Г. Белгородские торжества церковного прославления св. Иоасафа: 1-я гл. Отчета Курского Знаменского Богородичного Братства. Курск, 1912.

Ведомость общего прихода и расхода сумм по содержанию госпиталя монастырей Курской епархии с 19-го августа 1915 года по 1-е января 1918 года // Курские епархиальные ведомости. 1918. № 10. С. 221—222.

Высокопреосвященный Феоктист, архиепископ Курский // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 35. С. 701—711.

Год революции в России / *М. М.* // Курские епархиальные ведомости. 1918. № 11. С. 240—241.

Голицын Н.Н., кн. Монастыри Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1856. № 34. С. 249—251; № 41. С. 270—271; № 48. С. 507—508; 1857. № 28. С. 157—162 (Окончание).

Головашенко. Исторический обзор Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1854. № 29. С. 242. [Инициалы автора в источнике отсутствуют].

Денисов Д. Поездка в Путивль // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. Кн. I. СПб., 1838.

Деятельность монастырей Курской епархии в нынешнюю отечественную войну в течение ее первого года / Свящ. Александр Мигулин // Курские епархиальные ведомости. 1916. № 35—36. С. 425—429; № 37—38. С. 444—448; № 43—44. С. 526—530; 1917. № 3. С. 29—32.

Деятельность православного русского духовенства Курской епархии во время второй отечественной войны / 1914—1915 гг. / // Курские епархиальные ведомости. 1915. № 38. С. 671—677; № 40. С. 717—725; № 41. С. 739—746; № 42. С. 765—770; № 43. С. 789—792; № 46. С. 843—848; 1916. № 10. С. 148—152; № 11—12. С. 168—171; № 17—18. С. 223—229; № 19—20. С. 258—262; № 22. С. 290—295; № 37—38. С. 439—443; № 39—40. С. 473—477; № 41—42. С. 496—500; № 45—46. С. 539—543.

Егоров П. Полувековое служение в должности законоучителя Курской классической гимназии протоиерея А. А. Танкова // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 23. С. 555—564; № 24. С. 584—590.

Журнал торжественного заседания Курской губернской ученой архивной комиссии: 19 июля 1903 года // Труды Курской губернской ученой комиссии. Вып. 1. Ч. II. Курск, 1911.

Златоверховников Н.И. Краткий исторический очерк Курского края. Курск, 1912.

Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902.

Знамения милости Божией по молитвенному предстательству святителя Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского // Курские епархиальные ведомости. 1909. № 33. С. 660—665.

Значение даров Царствующего Дома церквам и монастырям Курского края // Курские епархиальные ведомости. 1913. № 8—9. С. 183—187; № 10. С. 216—221.

Из истории Курской епархии. Прот. Н. И. Булгаков (1787—1850 гг.). Биографич. заметка: /Авт.: *А. Т.)* // Курские епархиальные ведомости. 1889. № 45. С. 840—848.

Историко-статистическое описание Молченской Рождество-Богородицкой Печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни и состоящего при ней скита во имя Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, находящихся в Курской епархии, составленное игуменом Палладием по благословению Преосвященного Ювеналия, епископа Курского и Белоградского. М., 1895.

Исторические справки по поводу имеющего исполниться в близком будущем столетия со времени окончательного образования Курско-Белоградской епархии / Ф. Титов // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 36. С. 372—580.

Историческое описание Борисовской Тихвинской девичьей пустыни / Архимандрит Леонид. М., 1872.

Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. 5-е изд. испр. и доп. М., 1898; 4-е изд. [Б. м.], 1889; 3-е изд. Курск, 1885; 2-е изд. СПб., 1876; 1-е изд. СПб., 1865. [Авт.: Леонид (Кавелин)].

К биографии Преосвященного Илиодора, епископа Курского и Белоградского // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 4. С. 52—57.

К биографии Преосвященного Феоктиста, епископа Курского и Белоградского // Курские епархиальные ведомости. 1888. № 49. С. 864—869.

К жизнеописанию святителя Иоасафа (Горленко): Святитель Иоасаф как духовный поэт и проповедник / Федор Титов // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 19. С. 406—417.

К истории раскола в Курской епархии: Старообрядческие скиты и молельни в Обоянском уезде. 1836—1837 гг. / *А. Т.* // Курские епархиальные ведомости. 1869. № 31. С. 511—515.

К сведению настоятелей церквей и монастырей Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1916. № 43—44. С. 580—581.

Календарь и памятная книжка Курской губернии. Курск, 1884. То же. Курск, 1888. То же. Курск, 1890. То же. Курск, 1891.

Капланский И.Ф., прот. Белгородский Рождество-Богородицкий женский монастырь. Курск, 1911.

Каталог Путивльской городской публичной библиотеки "Г. Г. Маклаковых". Путивль, 1890.

Краеведческий сборник: (Материалы в помощь учителю истории) / Курский ин-т усоверш. учителей. Курск, 1952.

Краткие исторические сведения о Белоградском Николаевском монастыре Суджанского уезда Курской губернии / Собрал прот. Иоанн Терлецкий // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 30. С. 430—449.

Краткое историческое описание Рыхловской пустыни / Мельхиседек, архимандрит. Москва., 1844.

Курская губерния: Список населенных мест по сведениям 1862 г. СПб., 1868.

Курская карманная справочная книжка на 1892/93 год. Курск, 1892. То же — на 1893/94 год. Курск, 1893.

"Курский адрес-календарь" на 1883, 1911, 1914, 1916 гг. Курск: Губ. стат. комитет, 1858—1916.

"Курский календарь": Справочная и адресная книга на 1912 г. Курск, [1912].

Курский край в религиозно-церковном отношении с древних времен // Курские епархиальные ведомости. 1887. № 8. С. 410—425; № 9. С. 465—489; № 10. С. 529—537; № 12. С. 625—641; № 16. С. 814—834; № 18. С. 908—926; № 19. С. 973—984; № 20. С. 1019—1033.

Курский областной архив: Путеводитель. Курск, 1972.

Курский областной краеведческий музей: Путеводитель. Курск, 1973.

Лебедев А. Исторические разыскания в южно-русских архивах. М., 1884.

Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1891. № 12. С. 189—197; № 19. С. 326—339; № 20. С. 362—368. В конце последн. статьи указан. авт.: *А. Т.*

Материалы для истории Курской епархии: Белгород и его святыня // Курские епархиальные ведомости. 1871. № 7—19; 1872. № 3—19; 1873. № 2—3; 1878. № 13—14; Белгородский Николаевский монастырь // Там же. 1873. № 10—12; 1880. № 6—8; 1883. № 1—16; Упраздненные Николаевский и Обоянский монастыри // Там же. 1885. № 11—14.

Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний; городов и станиц Донской области по приходным книгам жилых данных церквей патриаршего Казенного приказа 7136 (1628—1746 гг.). М., 1913.

Монастыри и церкви (существующие и упраздненные) и святыни г. Путивля. Глава 1. Описание монастырей и церквей существующих и упраздненных // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 28. С. 658—667; № 29. С. 679—686; № 30. С. 697—706; № 31. С. 712—720; № 32. С. 731—739; № 33. С. 756—764; № 34. С. 777—785; № 35. С. 794—803.

Народное начальное образование в Курской губернии: С диагр. / И. П. Белоконский. Курск, 1897.

Нефедовский Е.Г. Путивль: Историко-краеведческий очерк. Харьков, 1966.

Новые материалы по истории Курской епархии: (Из архива Курского Межевого отделения) // Курские епархиальные ведомости. 1915. № 29. С. 522—525; № 30—31. С. 547—549.

О назначении епископа Сумского и Ахтырского Иоасафа на кафедру Днепропетровскую // ЖМП. 1959. № 6. С. 29.

Об учреждении близ г. Тулы мужского Богородичного общежительного монастыря // Тульские епархиальные ведомости. 1868. № 15. С. 443—445.

"Обзор Курской губернии" за 1883—1915 гг. Курск, 1884—1916.

Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное С. Ларионовым, того наместничества и Верхней Расправы прокурором. М., 1786.

Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой общежительной Софрониевой пустыни, находящейся в Курской епархии. СПб., 1846. То же. 2-е изд. Одесса, 1891.

Отчет о состоянии церковноприходских школ и школ грамотности в Курской епархии за 1887/88 учебный год // Курские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 99—118.

Очерк Путивльского уезда // Курские губернские ведомости. 1859. № 40. С. 231—233.

Памятная книжка Курской губернии на 1860 г., 1884 г., 1892 г., 1893 г., 1894 г. Курск. В изданиях на 1892—1894 гг. указан сост.: секр. стат. комитета Т. И. Вержбицкий. На 1892 г. см. также: Курская карманная справочная книжка. Курск, 1892.

Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812—1814 гг.: (К 100-летнему празднованию великих событий борьбы против нашествия на Россию Наполеона I) / А. А. Танков // Курские епархиальные ведомости. 1911. № 44. С. 417—420; № 48. С. 477—479; № 51—52. С. 533—534; 1912. № 17. С. 399—402; № 24. С. 553—557; № 28. С. 716—720; № 30. С. 809—813; № 31. С. 862—867.

Письма Преосвященного Илиодора, архиепископа Курского и Белоградского, к Иннокентию, архиепископу Херсонскому // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 7. С. 151—158; № 8. С. 173—178; № 9. С. 193—201; № 10. С. 211—214; № 11. С. 227—233.

Письма Преосвященного Феофана Затворника к игумену Глинской пустыни Исаии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 149—155.

Преображенский П. Путивльский Молченский Печерский монастырь. Киев, 1887; То же. М., 1884.

Программа Чрезвычайного Епархиального съезда духовенства и мирян Курской епархии (16—19 мая 1917 г.) // Курские епархиальные ведомости. 1917. № 20—21. С. 196—197.

Проповедники Курской епархии начала прошлого XIX века: Избранные проповеди из числа говоренных священнослужителями Курской епархии в 1815 году // Курские епархиальные ведомости. 1903. № 4. С. 59—62.

Проповедническая, просветительная и благотворительная деятельность обителей Курской епархии в 1913 году // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 272—275.

Проповедное слово в Белгородской епархии в XVIII веке // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 37. С. 715—720; № 38. С. 732—736; № 39. С. 753—764; № 40. С. 776—784; № 41. С. 807—811; № 42. С. 830—838.

Раздольский П.М. Памятники церковной старины в Путивле: Доклад, заслушанный в Императорском Харьковском Университете в заседаниях Историко-Литературного кружка. Курск, 1903.

Санитарное состояние пустынь Курской епархии (в период эпидемии холеры) // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 25. С. 573—581.

Сборник действующих постановлений и приказов Курского Губернского исполнительного Комитета, изданных в период 1922—1925 гг. Курск: Изд-во ГИК, 1925.

Святитель Иоасаф Белгородский: (Память 10 декабря) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. М., 1910. С. 184—205.

Сенаторский Н. Обстоятельства, влиявшие на открытие епархии в Белгороде // Курские епархиальные ведомости. 1890. № 22. С. 314—325; № 23. С. 336—346; № 25. С. 365—374; № 26. С. 383—392.

Сенаторский Н. Перенесение архиерейской кафедры из Белгорода в губернский город Курск // Курские епархиальные ведомости. 1890. № 49. С. 843—849; № 50. С. 872—878.

Сенаторский Н. Пределы Белгородско-Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1890. № 44. С. 691—702; № 45. С. 719—730.

Сказание о чудесах Курской-Коренной иконы Знамения Пресвятой Богородицы / Изд. Коренной Рождество-Богородичной пустыни. Курск, 1914.

Сосновский К.П. Бумаги старых лет по Курскому уезду // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Ч. 1. Курск, 1911. С. 273—295.

Список лиц духовного звания Курской епархии, кои удостоены награждения ко дню Рождения Его Императорского Величества Высочайшими и Синодальными наградами // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 242.

Статистика землевладения 1905 г. "Свод данных по 50 губерниям Европейской России". Вып. 1—51. СПб., 1906; Вып. 37. Курская губерния... 1906. СПб., 1906.

Странствования арабского патриарха Макария из Алеппа в Москву при царе Алексее Михайловиче: Из записок его архидиакона / Савельева П.С. // Библиотека для чтения. Т. 15. разд. III. "Науки и художества". СПб., 1836. С. 1—25, 60—112.

Танков Алексей, прот. Из истории проповедничества в Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1899. № 27. С. 469—472.

Танков А. Из истории раскола в Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1889. № 2. С. 33—41; № 3. С. 46—54; № 8 С. 123—129; № 9 С. 141—150; 1898. № 16. С. 146—152; № 17. С. 173—178; 1900. № 16. С. 286—293; № 50. С. 1117—1123.

Танков А. Из истории церковного пения в Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1899. № 38. С. 623—627.

Танков А. Историко-статистические сведения о монастырях Белгородской митрополии // Курские епархиальные ведомости. 1899. № 41. С. 692—696; 1900. № 39. С. 873—883.

Танков А.А., чл. Курской губ. ученой архивной комиссии. Курский край в начале царствования Петра Великого: (Конец XVII века): Историч. очерк // Труды Курской губ. ученой архивной комиссии. Вып. II. Курск, 1915. С. 206—231.

Танков А. Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 36. С. 685—699; 1898. № 28. С. 400—408; № 29. С. 415—418; № 31. С. 454—458; № 32. С. 463—472; № 33. С. 478—486; 1899. № 48. С. 872—874; № 49. С. 890—893; 1903. № 23. С. 480—486.

Танков А. Несколько данных из прошлого Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 156—160.

Танков А. Образование духовенства Курской епархии в конце XVIII века // Курские епархиальные ведомости. 1899. № 27. С. 473—476; № 30. С. 510—513; № 32. С. 537—540.

Танков А. Черты из истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1898. № 42. С. 618—622; № 43. С. 629—634; № 44. С. 645—648; № 46. С. 666—671; № 47. С. 682—686; № 48. С. 695—697; 1900. № 4. С. 46—52; № 10. С. 156—160.

Троицкий Н.И. Памятники Знаменского монастыря в Курске. Курск, 1884.

Участие духовенства Курской епархии в Отечественной войне / Авт.: *А. Т.* // Курские епархиальные ведомости. 1890. № 39. С. 580—585; № 40. С. 591—598.

Участие Курского духовенства в религиозно-патриотической деятельности в эпоху Крымской войны / А. Танков // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 34. С. 528—534.

Участие монастырей Курской епархии в деле народного образования и благотворительности // Курские епархиальные ведомости. 1891. № 14. С. 227—236.

Участие монастырей Курской епархии в призрении раненых и больных воинов // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 33—34. С. 687—691.

Четыркин Ф.В. Курская святыня: Курско-Коренная Чудотворная икона Богоматери и места пребывания святой иконы Знаменский монастырь и Коренная пустынь. СПб., 1899.

Щедрая лепта Курских обителей // Курские епархиальные ведомости. 1915. № 33—34. С. 600—603.

ОТДЕЛ II
ЛИТЕРАТУРА О ГЛИНСКОЙ РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОЙ ПУСТЫНИ И ЕЕ ПОДВИЖНИКАХ

6. Литература о Глинской Рождество-Богородицкой пустыни

Альбом видов Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. Глухов, Черниговской губернии. (Б. г. изд.). 24 л. вкл. илл.

Архив Глинской пустыни // Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 76—77.

Беседа, произнесенная Преосвященным Ювеналием, епископом Курским и Белгородским, 22 августа 1897 года по освящении храма, устроенного в Глинской пустыни при братской больнице // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 52. С. 1025—1026.

Воронова Е. Свет во тьме // Русский паломник. 1906. № 20, 21.

Воспоминания архимандрита Пимена // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1876 г. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 3—72.

Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители: В 2-х частях: (С видом монастыря и портретами замечательных подвижников). Одесса, 1901. 84 с. (Ч. 1. С. 1—54. Ч. II. С. 55—82). То же. Одесса, 1904. 82 с.

Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители. 3-е изд. Курск, 1912. 69 с. (Ч. 1. С. 5—47. Ч. II. С. 48—69).

[Рецензия]: И. С-ский // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26. С. 646—651.

Глинская Рождество-Богородицкая заштатная (с 1764 г.) мужская пустынь // Православные монастыри Российской Империи (мужские и женские). Т. 2. [Б. м.], 1909. С. 349—352.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь: (Курской губернии, Путивльского уезда): (С картинами). Изд. Глинской пустыни. М., 1891.

[Рецензия]: Библиографическая заметка // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 101—108.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь / Архимандрит Анатолий // Курские епархиальные ведомости. 1886. № 5—6. С. 8—17; № 8. С. 17—24; № 9. С. 25—32; № 10. С. 33—40; № 11. С. 41—48; № 13. С. 57—64; № 15. С. 73—80; № 17. С. 89—96.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь, в Путивльском уезде // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909. С. 268—270.

Глинские Богородицкие книжки: Объявление об изданиях Глинских Богородицких книжек // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 514—520.

Глуховщина: Исторический очерк. Глухов, 1966. Машинописный текст. Шалыгино. На укр. яз.

Заявление дворянки Харьковской губернии Парасковьи Гавриловны Цыцерской настоятелю Глинской Богородицко-Рождественской пустыни игумену Исаии [об исцелении] // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 30. С. 673—675.

Иоанн (Маслов) архимандрит. Глинский Патерик. Московская Духовная Академия. Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1970. 324 с. Машинописный текст. [Находится в библиотеке Московской Духовной Академии].

Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский Патерик. Т. 1—3. 2-я ред. Машинописный текст.

Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинская пустынь // Туристские новости. 1991. № 13—14 (65—66), 2—15 апреля. С. 4. (Паломничество в России).

Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством общества истории и древностей российских соревнователем: В 2-х ч. Ч. I—II. СПб., 1836.

Лисенко С. Черная сотня в провинции: (Из провинциальных встреч и наблюдений) // Русская мысль. 1908. № 2. С. 20—28.

Некролог: Во вторник 8 февраля в Глинской пустыни совершено торжественное погребение скончавшейся там одной благочестивой благотворительницы обители, дворянки девицы Веры Михайловны Л-вой. И жизнь почившей, и кончина ее представляют немало назидательного // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 12. С. 239—243.

Открытие миссионерского кружка во имя св. Апостола Иоанна Богослова в Глинской пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1908. № 40. С. 743—746.

Паломничество в Глинскую пустынь учениц Селинской церковноприходской школы / Свящ. Николай Оболенский // Курские епархиальные ведомости. 1911. № 30. С. 305—307.

Платонов И. Пребывание явленной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни в г. Глухове в 1879 г. Белгород, 1880.

Платонов И. Пребывание явленной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни в г. Глухове в нынешнем году // Курские епархиальные ведомости. 1879. № 20. С. 982—996.

Софрониева и Глинская пустыни / *Н. С.* / [Б. м. б. г.] 40 с.

Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора: В память избавления Государя Императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 г. С кратким очерком жизни старца Илиодора и одного из учеников его схимонаха Артемия. Одесса, 1899. Курск, 1912.

Устав Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии Путивльского уезда. [Б. м.], 1910.

Фатеев А. Богородичны на Господи воззвах, именуемые догматиками, Богородичны на стиховнах, антифоны и ирмосы воскресных гласов Киевского распева из обихода Глинской пустыни Курской губернии. СПб., 1901.

Церковные ведомости. 1899. № 51—52. С. 396; 1905. № 1. С. 15; № 19. С. 220; № 49. С. 537; 1906. № 18. С. 217; 1912. № 15. С. 91; № 50. С. 465; 1913. № 38. С. 471 и др. О возведении в духовный сан, назначениях на должность, перемещениях Глинских иноков.

Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская: Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших: С рис. Одесса, 1901. 28 с.; То же. 2-е изд. Глинской пустыни, испр. и доп. Одесса, 1907. 64 с., илл.

Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 151—152; № 12. С. 180—183.

Явление помощи и заступления Пресвятой Владычицы Богородицы во время пожарного бедствия в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 10. С. 154—156.

7. Литература о Глинских подвижниках благочестия

Глинский монах *Александр* нестяжатель: (Память 20 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. I. Кн. I. Янв.-июнь. М., 1912. С. 648—651.

Глинский монах *Ананий* лекарь: (Память 7 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 110.

Глинский иеросхимонах *Анатолий*, благоговейный: (Память 30 ноября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Ноябрь. М., 1910. С. 740—742.

Глинский послушник *Андрей* смиренный: (Память 22 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. I. Кн. II. Июль-дек. М., 1912. С. 321—323.

Глинский послушник-скитянин *Андрей* кроткий, послушливый и смиренный. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 12.

Схиархимандрит *Андроник* (в миру Алексей Андреевич Лукаш): Некролог / Архимандрит Иоанн (Маслов), доцент МДА // ЖМП. 1974. № 8. С. 45—46. (Вечная память почившим).

Старец *Андроник*. Краткое жизнеописание старца Андроника. / Архимандрит Павлин (Мищенко). Загорск, 1978. Машинописный текст. Личный архив архимандрита Иоанна (Маслова).

Архимандрит *Аполлинарий*: (Память 11 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. II. Июль-дек. М., 1912. С. 266.

Глинский схимонах *Артемий*: (Память 5 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. Янв.-июнь. М., 1912. С. 154.

Глинский схимонах *Артемий* — ученик схиархимандрита Илиодора, любитель безмолвия. О нем: Подвижник Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 10.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха *Архипа:* С портр. старца. Одесса, 1902. 111 с.; 1 вкл. л. портр., илл.

Глинский подвижник схимонах *Архип*: (Память 27 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М., 1909. С. 326—358, 361.

Жизнь старца *Василия Кишкина* и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. 2-е изд. Брянской Белобережской пустыни. Одесса, 1904. 84 с.

Строитель отец *Василий*, настоятель Белобережской пустыни: (Память 27 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 249—295.

Глинский послушник Василий Милонов кающийся: (Память 30 января) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. Янв.-июнь. М., 1912. С. 146—148.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архмандрита *Германа* / А. Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. 140 с.

Глинский монах *Димитрий*. О нем: Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий: (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 336, 339.

Монах *Досифей* Глинский: (Память 5 ноября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Ноябрь. М., 1910. С. 82—86.

Глинский монах *Досифей*. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 9.

Краткое сказание о жизни монаха *Досифея* / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 45—54.

Монах *Евгений* Глинский: (Память 12 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Май. М., 1908. С. 78—86.

Глинский монах *Евгений*. О нем: Подвижники Глинской пустыни (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 10.

Глинский иеромонах *Евграф*, подвижник: (Память 12 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. 1. Янв.-июнь. М., 1912. С. 859—860.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах *Евфимий* / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. 24 с.

Глинский подвижник схимонах *Евфимий*: (Память 7 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. 1. Янв.-июнь. М., 1912. С. 205—220, портр.

Глинский монах *Евфимий*. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. М., 1908. С. 10.

Высокопреосвященный *Зиновий*, митрополит Тетрицкаройский // ЖМП. 1985. № 6. С. 58—59.

Пивоваров Борис, прот. Памяти митрополита *Зиновия* // Там же. С. 60—62.

Иеромонах *Иассон*. О нем: Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. V (предисловие);

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвиль, 1970. С. 52; Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 73; Церковные ведомости. 1905. № 1. С. 15; 1906. № 18. С. 217.

Глинский монах *Игнатий* трудолюбивый: (Память 24 августа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. 2. Июль-дек. М., 1912. С. 99—101.

Глинский монах *Игнатий* кроткий, братолюбивый. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 10.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита *Илиодора*, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1887. 274 с., илл.; То же. 2-е изд. М., 1906. 274 с., илл.

Старец схиархимандрит *Илиодор*: (Память 28 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июнь. М., 1908. С. 369—410.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита *Илиодора*, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном // Курские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 1—8; № 17. С. 9—16; № 18. С. 17—24 и др.

Глинской пустыни иеросхимонах *Илиодор:* (Память 9 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 110—112, 115.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах *Илиодор* // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 475—480; № 24—25. С. 481—497; № 26. С. 498—503; № 27—28. С. 504—517; № 29. С. 518—525.

Краткий очерк жизни архимандрита *Иннокентия*, настоятеля Глинской пустыни / Изд. Глинской Рождество-Богородицкой Пустыни. Киев, 1906. 16 с., илл.

Архимандрит *Иннокентий*, настоятель Глинской пустыни: (Память 17 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М., 1909. С. 207—217, портр.

Некролог // Курские епархиальные ведомости. 1888. № 40. С. 654—655. [О кончине настоятеля Глинской пустыни архимандрита *Иннокентия*].

Глинский подвижник схимонах *Иоанн:* (Память 1 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Октябрь. М., 1909. С. 3—5.

Глинский схимонах *Иоанн*. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 10.

Глинский монах *Иоанн* терпеливый: (Память 12 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. 2. Июль-дек. М., 1912. С. 266—268.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха *Иоанна*. 6-е изд. Одесса, 1893. 98 с., илл.

Глинский схимонах *Кирилл*. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 11—12.

Глинский монах *Кирилл* юродивый: (Память 3 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. 2. Июль-дек. М., 1912. С. 102—103.

Схимонах *Лаврентий* Глинский: (Память 24 августа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Август. М., 1909. С. 492—503.

Очерк жизни схимонаха *Луки*, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. 58 с., илл.

Схимонах *Лука*, подвижник Глинской пустыни: (Память 1 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Май. М., 1908. С. 3—17.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха *Макария*. Курск, 1893; То же. 2-е изд., испр. и доп. Одесса, 1901. 56 с., портр.

Иеросхимонах *Макарий* Глинской пустыни: (Память 21 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Февраль. М., 1906. С. 262—287, портр.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха *Макария* // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 6. С. 1—8; № 8. С. 9—16; № 9. С. 17—24; № 11. С. 25—32; № 12. С. 33—40; № 16. С. 41—45.

Иеросхимонах *Макарий* прозорливый // Русский инок. 1912. № 7. С. 41—48.

Письма покойного миссионера архимандрита *Макария*, бывшего начальником Алтайской Духовной миссии. Ч. I—II. М., 1860. Ч. I. 357 с.; Ч. II. 234 с.

Архимандрит *Макарий*, основатель Алтайской Духовной миссии: Краткие сведения о его жизни и деятельности. СПб., 1892. 100 с.

Архимандрит *Макарий*, первый Алтайский миссионер. 2-е изд. М., 1892. 18 с.

Архимандрит *Макарий*, основатель Алтайской Духовной миссии: (Память 18 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Май. М., 1908. С. 129—155, портр.

Благовестник: Чувствования москвитянки при свидании с Алтайским духовным миссионером, о. архимандритом *Макарием*, основавшим свое пребывание среди калмык, Томской губернии и Бийском уезде // Странник. 1872. Март. С. 274—276. В сноске: Сообщено томским свящ. о. Николаем Сосуновым.

Голубинский Д. *Макарий*, основатель Алтайской миссии: По бумагам Ф. А. Голубинского // Душеполезное чтение. 1891. Ноябрь. С. 599—602.

Архимандрит *Макарий*, основатель Алтайской миссии // Прибавления к "Церковным ведомостям". 1886. № 46. С. 1264—1267; № 49. С. 1380—1387; № 50. С. 1411—1416.

Новое об архимандрите *Макарии* Глухареве // Прибавления к "Церковным ведомостям". 1905. № 25. С. 1035—1039.

Глинский послушник *Максим* смиренный, усердный и благодушный юноша. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 12.

Схимонах *Марк*. О нем: Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий: (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 325—331.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах *Мартирий* / Собр. игумен Иассон. Курск, 1910. 33 с., 1л. портр., 3 вкл. л. илл.

Глинский подвижник монах *Мартирий* постник: (Память 6 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 108—110.

Глинский монах *Николай* скорбящий: (Память 14 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. Янв.-июнь. М., 1912. С. 587—588.

Глинский послушник *Николай* донской. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 11.

Воскресенский А. Архимандрит *Паисий*, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской губернии. Астрахань, 1904. 43 с.

Архимандрит *Паисий*, настоятель Высокогорской Чуркинской пустыни: (Память 19 июля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июль. М., 1910. 379—407.

Глинский иеросхимонах *Пантелеимон* отшельник: (26 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. Янв.-июнь. М., 1912. С. 365—366.

Глинский подвижник схимонах *Пантелеимон*: (Память 13 декабря) Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Декабрь. М., 1910. С. 239—243.

Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха *Петра* / Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. 32 с., илл.

Глинский подвижник монах *Петр*: (Память 14 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 175—199.

Глинский монах *Пимен*. О нем: Подвижники Глинской пустыни: (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 10—11.

Иеромонах *Порфирий* (Глинская пустынь). О воспитании девиц в духе истинно-христианском // Странник. 1866. Сентябрь. СПб., 1866. С. 85—125.

Иеромонах *Порфирий* (Глинская пустынь). Взгляд на монашество // Странник. 1867. Февраль. С. 39—51.

Иеромонах *Порфирий* (Глинская пустынь). О причинах расколов // Странник. 1867. Июнь. С. 123—129.

Иеромонах *Порфирий* (Глинская пустынь). Беседа со старообрядцами // Странник. 1867. Июль. С. 10—31.

Иеромонах *Порфирий* (Глинская пустынь). О бессмертии // Странник. 1868. Март. С. 95—102. В конце ст.: 15 дек. 1867 г.

Глинский иеромонах *Порфирий*. О нем: Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий: (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 331—336.

Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство. (Валаам). 2-е изд. СПб., 1889. 275 с. [О Глинском о. *Порфирии*. С. 264—266].

Земщина: [Газета] 1991. № 3 (20). Январь. С. 1. [Упомин. о Глинском старце *Порфирии*].

Глинский послушник *Прохор* юродивый: (Память 24 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. 1. Янв.-июнь. М., 1912. С. 824—825.

Глинский подвижник иеродиакон *Серапион*: (Память 25 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июнь. М., 1908. С. 326—330.

Глинский иеросхимонах *Серафим* любомудрый: (Память 16 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. Янв.-июнь. М., 1912. С. 588—589.

Схиархимандрит *Серафим* (Романцов): Некролог / Архимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1976. № 10. С. 29—30.

Глинский послушник *Сергий* юродивый: (Память 14 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. Янв.-июнь. М.,1912. С. 860—862.

Страшный суд Христов. М., 1990. [О Глинских старцах см. С. 37].

Жизнь и подвиги старца *Феодота:* (С портр.) / Сост. иеромонах Иассон. Курск, 1894.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах *Феодот* / Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. 32 с., портр., илл.

Глинский старец о. *Феодот*: (Память 16 июля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июль. М.,1908. С. 200—220, портр.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца *Феодота* // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 1—8; № 40. С. 9—16; № 41. С. 17—24; 1894. № 4. С. 25—32; № 5. С. 33—40; № 6. С. 41—43.

До и после пострига: Поучения монахам Глинского игумена *Филарета*. 3-е изд. Глинской пустыни в перев. со слав. яз. Курск, 1911. 32 с.

Наставления игумена *Филарета* Глинского // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. М.,1913. С. 598—610, портр.

Жизнеописание игумена *Филарета*, возобновителя Глинской Общежительной Пустыни Курской епархии: С картинами. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905. 164 с.

Жизнеописание игумена *Филарета*, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. 2-е изд., испр. и доп. Курск, 1892.

[Рецензия]: П. П. // Богословский библиографический листок: Приложение к журн. "Руководство для сельских пастырей". 1984. № 12. С. 404—406; Богословский вестник. 1894. № 11—12. С. 404—406.

Жизнеописание игумена *Филарета*, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб., 1856. 90 с., портр.

Игумен *Филарет*, настоятель и возобновитель Глинской пустыни: (Память 31 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 355—402, портр.

Жизнеописание старца игумена *Филарета*, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 38. С. 1—8; № 39. С. 9—16; № 40. С. 17—24; № 41. С. 25—28; № 42. С. 29—36; № 43. С. 37—44; № 44. С. 45—52; № 45. С. 53—60; № 46. С. 61—68; № 47. С. 69—76; № 50. С. 77—83.

ОТДЕЛ III
ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СПРАВОЧНИКИ, СЛОВАРИ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

1. Энциклопедии

Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / Под ред. А. П. Лопухина. Т. I—II, Пг., 1900—1910.

Энциклопедический словарь / Изд. Павленкова Ф.Ф. СПб., 1899.

Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. Т. 1—82; 4 доп. т. СПб., 1890—1907.

2. Справочники и справочная литература

Адрес-календарь духовного ведомства: (Первый полный сборник справочных именных указаний всех должностных лиц духовной администрации). СПб., 1878.

Зайончковский П.А. Справочники по истории дореволюционной России. 2-е изд. М., 1978.

Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901. 132 с.

Справочники по истории дореволюционной России: Библиогр. указ. 2-е изд., пересмотр. и доп. / Науч. рук., ред. и вступит. ст. проф. П. А. Зайончковского. М.: Книга, 1978. 639 с.

3. Словари

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847.

Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского. СПб., 1903.

Опыт исторического словаря всем монастырям, находящимся в России. (Б. м. и б. г.). 399 с.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., (б. г.). Т. I. 1120 ст.; Т. II. 2464 ст.

Полный церковно-славянский словарь / Сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. М., 1900.

Словарь географический Российского государства, собранный А. Щекотовым. Т. 1. М., 1801; Ч. 2. М., 1804.

Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. В 5-ти т., М., 1988.

Словарь Академии Российской по азбучному признаку расположенный. СПб., 1822.

Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1862.

Словарь церковно-славянского языка, составленный акад. А. Х. Востковым. СПб., 1858.

4. Библиографические указатели

Алфавитно-предметный и хронологический указатель к постановлениям и приказам Курского Губернского Исполнительного Комитета, опубликованным в сборнике постановлений и приказов за 1922—1925 гг. Курск: Изд-во ГИК, 1925. 28 с.

Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (с 1721—1889 гг. включительно) и гражданских законов, относящихся к Духовному Ведомству Православного исповедания / Сост.: коллежский асессор Симеон Васильевич Калашников, столоначальник Харьковской Духовной Консистории. Харьков, 1890. 254 с. То же (с 1721—1895 гг. включит.). 2-е изд. — Харьков. 1896. То же (с 1721—1901 гг. включит.). 3-е изд. СПб., 1902.

Каталог библиотеки Императорской Археологической комиссии. СПб., 1904. 455 с.; То же. Дополнение... за 1905—1906 гг. 1907. 80 с.; То же ... за 1907—1909 гг. 1910. 60 с.

Монастыри, города, церкви: Бюллетени № 23—35: Каталог. Л., 1933. Лит. на рус. и иностр. яз.

Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. Ленина: Указатель. Т. 1. Вып. 2. 1917—1947. М., 1986.

Русские дореволюционные газеты в фондах Государственной библиотеки СССР им. Ленина: Отдел газет. В 2-х ч. М., 1977. Ч. 1 (1702—1916). А—М. 266 с.; Ч. 1 (1702—1916). Н-Я. 273 с.; Ч. 2 (1702—1916). Алфавитный каталог. 223 с.

Трутовский В.К. Список изданий Императорского Московского археологического общества за 50 лет его деятельности, с указанием их содержания. М., 1915.

Указатель важнейших статей, помещенных в "Курских губернских ведомостях" с 1839 по 1900 год / Сост.: А. А. Танков // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. II. Курск, 1915. С. 112—147.

Указатель "Курских епархиальных ведомостей" за истекшее 25-летие издания их с 1-го янв. 1871 года по 1-е янв. 1896 года // Курские епархиальные ведомости. 1896. № 11. С. 1—8.

Указатель статей, содержащихся в журнале "Чтения в Обществе любителей духовного просвещения... за 17 лет, с 1863 по 1880 г." М., 1880. 60 с. То же... с 1890—1894 гг. и с 1910—1912 гг. / Сост.: прот. Н. Д. Извеков. М., 1913. 60 с.

ОТДЕЛ IV
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Выпись из писцовых и дозорных книг Рождества Пречистой Богородицы Молченского монастыря игумену Герасиму с братиею (1621 г. февр. 5) // РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9534.

Грамота игумену Молченского монастыря Варлааму с братиею на бортные ухожья, пахотную землю, рыбные ловли и бобровые гоны в селе Ясмани и в Печерской волости (1633 г. окт. 22) // РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9589.

Выпись из отказных книг игумену Молченскаго монастыря Селиверсту с братиею на бортные ухожья, рыбные и звериные ловли в Путивльском уезде (1677 г. июля 28) // РГАДА, ф. 281, оп. 34, д. 9614.

Межевая книга на земли в Крупецкой волости Севского уезда, 1685 г. // РГАДА, ф. 1255, оп. 4, д. 23.

Жалованная грамота Петра I украинскому гетману И. С. Мазепе на вотчину Крупецкую волость в Севском уезде. 1703 г. декабря 13 // РГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. IV, № 52.

Ведомость об иеромонахах Севского Спасского монастыря. 1722 г. // РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 644.

Прошение Путивльского Молченского монастыря игумена Моисея с братиею об отдаче по прежнему ко оному монастырю Глинскую пустынь со всеми угодиями, которой завладел Киевский архиерей собою. 1729—1731 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Правительствующего Синода. 1729 г. Т. IX. СПб., 1913. С. 624—629.

Ведомость об иеромонахах, иеродиаконах и простых монахах, находящихся в монастырях г. Москвы и его уезде: {В Троице-Сергиевой Лавре записаны монахи, постриженные в 1704—1705 гг. в Глинской пустыни | 1731 г. // РГИА, ф. 796, оп. 12, приложение XI.

Реестр Синодальной области монастырям мужским и девичьим. 1734 г. // РГИА, ф. 796, оп. 15, д. 305.

Ведомость о монастырях, бывших в ведении Московских патриархов и отошедших к Синодальной области. 1738. // РГИА, ф. 796, оп. 19, д. 401.

Ведомость о монастырях: / Ставропигиальной Киево-Межигорской Белоградской губернии Глинская пустынь (1743 г.) / РГИА, ф. 796, оп. 24, приложение VII. (С. 756).

Ведомость о монастырях и церквах в России. 1743 г. // РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 105, л. 10об.

Реестр монастырям мужским и девичьим. 1754 // РГИА, ф. 796, оп. 35, приложение XXXVIII.

Родословная книга с дополнительными статьями: Родословная князей Глинских. Рукопись сер. XVIII в. // РГБ, ф. 178, ед. хр. 734.

Доклад Комиссии о церковных имениях, состоящих на своем содержании безвотчинных монастырях и пустынях. 1764 г. // РГБ, ф. 218, к. 845, ед. хр. 6.

Опись, учиненная имеющейся в Севском уезде Крупецкой волости приписной к Путивльскому Молченскому монастырю Рождества Пресвятой Богородицы Глинской Богородицкой пустыни. 1764 г. // РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154.

Опись, учиненная имеющемуся в г. Путивле Молченскому монастырю. 1764 г. // РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 481.

По рапортам монастырских властей о монахах-беженцах Глинской пустыни: (Рапорт Кирилла, еп. Севского). 1770 г. // РГИА, ф. 796, оп. 51, д. 139.

Именной указ о произведении архимандрита Аггея во епископы Белоградской епархии. 1774 г. // РГИА, ф. 796, оп. 55, д. 5.

Рапорт о действительном исполнении указа в доставлении сведений о колодниках, содержащихся в монастырях. 1776 г. // ГАБО, ф. 494, оп. 1, д. 2, л. 12.

Рапорт Севского епископа Кирилла о назначении игуменов в Путивльский Молченский, Рыльский монастыри и Софрониеву пустынь. 1777 г. // РГИА, ф. 796, оп. 58, д. 384.

Алфавит хранящимся в чертежном архиве планам с книгами Курской губернии Путивльского уезда. 1780 г. // РГАДА, ф. 1354, оп. 219, ч. 1 (М-23).

Отхожего сенного покоса 1-я часть, что у Дубового ровца по обе стороны реки Орловки и при озере Любиной Струге. Владение Глинской Богородицкой пустыни. 1782 г. // РГАДА, ф. 1354, оп. 219, ч. 2, д. 144, О—18.

Сенного отхожего покоса 1-я часть, владение Глинской Богородичной пустыни. 1784 г. // РГАДА, ф. 1354, оп. 219, ч. II, д. С—111.

Сеннаго отхожаго покоса, что у Любки, владение Глинской Богородичной пустыни. 1784 г. // РГАДА, ф. 1354, оп. 219, ч. II. д. С—114.

Кальковка слободки Шутовки, Сучкиной тож, владение Богородицкой Глинской пустыни иеромонаха Софрония с братиею. 1784 г. // РГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939.

Алфавит хранящимся в чертежном архиве планам с книгами Курской губернии Путивльского уезда; Богородицкая Глинская пустынь // РГАДА, ф. 1354, оп. 219, ч. 1, Б-20.

Экономические примечания на 352 дачи Путивльского уезда. 1784—1785 гг. // РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633.

Экономические примечания на 351 дачу и описание г. Путивля. 1785 // РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634.

Генеральный уездный план-атлас Путивльского уезда Курской губернии в 2-х частях. Часть 2. 1785 г. // РГАДА, ф. 1356, оп. 2, д. 175.

Геометрический генеральный план г. Путивля и его уезда, состоящего в Курском наместничестве, сочинен в Курской межевой конторе в 1785 г. // РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ч. 1, д. 1962.

Атлас Путивльского уезда Курской губернии в 2-х частях. Часть 2. 1785 г. // РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ч. 1, д. 1964.

Об угодьях монастырей в Курской губернии за 1798 г. // РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 197.

По рапорту белгородского епископа Феоктиста о восстановлении в Печерском Молченском Богородицком монастыре в г. Путивле Курской губернии архимандрии и о произведении в сан архимандрита игумена монастыря Паисия. 1799 г. // РГИА, ф. 796, оп. 80, д. 483.

Прошение казначеи Белгородского Рождество-Богородицкого женского монастыря о высылке шнуровой книги для описи имущества монастыря и описания Глинской Богородицкой пустыни. Январь-декабрь 1802 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39.

Ведомости о монастырях по епархиям за 1807 г. // РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956.

О смерти архимандрита Балаклавского Георгиевского монастыря Дионисия. Определен туда Строитель Глинской пустыни иеромонах Белоградского архиерейского дома Курской епархии Евтихий. 1809 г. // РГИА, ф. 796, оп. 89, д. 576.

Именные списки настоятелей и настоятельниц монастырей за 1810 год // РГИА, ф. 796, оп. 91, д. 1016.

Сборник проповедей XIX в. Слова разных пастырей церкви на разные случаи: (Слово Евгения, епископа Курского и Белоградского на освящение храма в Глинской пустыни в 1820 г.) // РГБ, ф. 213, ОПТ-154.

Об отводе земель Глинской пустыни. Об отводе лесного участка при деревне Шутовке Путивльского уезда Глинскому Богородицкому монастырю. Ноябрь 1820—1823 гг. // РГИА, ф. 379, оп. 4, д. 1058.

Об отводе земли Глинской пустыни. 1820—1823 гг. // РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 330.

По донесению Евгения, архиепископа Курского и Белгородского об испрошении Высочайшего повеления на совершение крепостного акта на жертвованные Глинской Богородицкой пустыни майором Дмитрием Бровцыным земли с постоялым двором. Декабрь 1820—1821 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 101, д. 1220.

По рапортам Обер-Прокурора Св. Синода министру духовных дел и народного просвещения об испрошении Высочайшего соизволения на совершение крепостных актов на пожертвование в пользу Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии путивльским помещиком Дмитрием Бровцыным постоялого двора со всем хоромным при нем строением и 10 десятинами сенокосной земли. 26 янв. 1821 г. // РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 127.

О пожертвованном постоялом дворе в пользу Глинской пустыни Курской епархии Тульским мещанином Бровцыным. Янв.-окт. 1821 г. / РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7885.

О пожертвовании помещиком Бровцыным в Путивльском уезде постоялого двора с 10 десятинами сенокосной земли в пользу Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. 1821. // РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 252.

По просьбе дворян и других обывателей г. Путивля о введении в Глинской Богородицкой пустыни устава Афонской Горы. 4 февраля 1821 г. // РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7889.

По запросу Департамента Духовной Канцелярии Св. Синода о решении Св. Синода, последовавшем на прошение Строителя Глинской Богородицкой пустыни о введении в пустыни порядков и устава Афонского Софрониевой пустыни. 1821 г. // РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 393.

По приказу Департамента Духовных дел Канцелярии Св. Синода о присылке разных сведений о Глинской Богородицкой пустыни в Курской епархии. 1821 г. // РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 804.

По копии с Именного Высочайшего Указа о прибавке в Глинской Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии 13 монашеских вакансий с тем, чтобы поступающие получали содержание от самой пустыни: Устав означенной пустыни, составленной настоятелем. 16 авг. 1821 г. // РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936.

Опись 1619 Камер-фурьерским журналам Императора Александра Павловича 1801—1825 гг. — № 17 (за 1821 г.) // РГИА, ф. 516, оп. 1 (29/1619).

О напечатании представленной Филаретом, Митрополитом Московским и Коломенским рукописи Строителя Глинской Богородицкой пустыни Филарета под заглавием "Поучение к новопостриженному монаху". Циркулярный Указ о рассылке указанного сочинения по всем епархиям. 1823 г. // РГИА, ф. 796, оп. 104, д. 1000.

Рапорты Преосвященных с ведомостями о монастырях, монашествующих за 1823 год // РГИА, ф. 796, оп. 105, д. 1339.

Рапорты епархиальных архиереев синодальных контор о монастырях, пустынях, настоятелях и с табелями и монашествующих. 1823 г. // РГИА, ф. 796, оп. 104, д. 1375.

Об отводе земли Глинской пустыни Курской епархии. 1823 г. // РГИА, ф. 560, оп. 1, д. 382.

По прошению Курской епархии Глинской пустыни Строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи и об исходатайствовании денежного пособия на уплату долгов. 1819—1824 гг. // РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829.

По доношению Владимира, еп. Курского и Белгородского об укреплении за Глинскою Богородицкой пустынью 2-х дворовых мест в г. Глухове, пожертвованных мещанином Моисеем Заводовским. 1826 г. // РГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325.

О пожертвовании в г. Глухове Черниговской губ. от послушника из мещан Заводовского дворовых мест 1 десятина и до 336 кв. сажен в пользу Глинской Богородицкой пустыни. 1826 г. // РГИА, ф. 797, оп. 3, д. 11580.

По именному Высочайшему указу об увольнении за болезнью Обер-Священника Павла Моджугинского. О пострижении Обер-Священника Моджугинского в монашество с перемещением из Валаамского монастыря в Глинскую пустынь. 1827—1831 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 108, д. 1279.

По доношению еп. Курского Владимира с приложением прошения и писем пребывающего в Глинской пустыни архимандрита Макария о дозволении ему отправиться в Иркутскую епархию для проповедования Слова Божия языческим народам. 1829 г. // РГИА, ф. 796, оп. 110, д. 417.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей в 1831 г. // РГИА, ф. 796, оп. 113, Д. 1923.

Список настоятелей монастырей и ведомость о монастырях в 1832 г. // РГИА, ф. 796, оп. 114, д. 1231.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей в 1834 г. // РГИА, ф. 796, оп. 116, д. 1084/37.

По донесению Илиодора, епископа Курского о прибавлении к штатному числу монахов Глинской пустыни еще 10 человек. 1834 г. // РГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473.

Бередников Яков Иванович. Письма к Строеву П.М. (о составлении каталога настоятелей монастырей). 1835—1841 гг. // РГБ, ф. 291, п. 2250, ед. хр. 4.

Материалы Археографической комиссии. 1836—1838 гг. // РГБ, ф. 291, п. 2243.

Дело об отказе Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской губернии в отводе ей дополнительных земельных угодий из крестьянских наделов. 1836—1839 гг. // РГИА, ф. 383, оп. 30, д. 573.

Об увольнении в Иерусалим монаха Глинской пустыни Пафнутия. 1836 г. // РГИА, ф. 796, оп. 117, д. 1597.

По предложению Синодального Обер-Прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии. 1837 г. // РГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202.

Письмо начальника Алтайской миссии архимандрита Макария к императору Николаю I. 1837 г. // РГБ, ф. 214, ОПГ. 445—1.

Макарий (Глухарев), архимандрит. Портрет. Литография Э. Мамонова. На паспарту // РГБ, ф. 213, к. 113, ед. хр. 3.

Ведомость об епитимийцах в 1838 г. // РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 1725-а.

По рапорту епископа Курского Илиодора о производстве иеромонаха Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Филарета во игумена. 1839 г. // РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 333.

Послужные списки настоятелей и настоятельниц монастырей за 1839 г. // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 501.

Дополнительные сведения к "Истории Российской иерархии" о монастырях Курской и Белгородской епархий // РГАДА, ф. 1629, оп. 1, д. 127.

Статистические ведомости о монастырях и монашествующих по всем епархиям за 1840 год // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 286.

По рапорту Илиодора, епископа Курского: О смерти настоятеля Глинской Богородицкой пустыни игумена Филарета. 1841 г. // РГИА, ф. 796, оп. 122, д. 825.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1843 года // РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 1877.

О построении в Глинской Богородицкой общежительной пустыни теплой каменной церкви. 1843 г. // РГИА, Ф. 796, оп. 124, д. 1811-д.

По донесению Илиодора, архиепископа Курского о возведении в игуменский сан Строителя Глинской пустыни иеромонаха Евстратия. 1844 г. // РГИА, ф. 796, оп. 125, д. 1762.

Послужные списки настоятелей разных монастырей за 1844 г. // РГИА, ф. 796, оп. 125, д. 1863.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1846 г. // РГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1.

Арсений (Митрофанов, Алексей), игумен и архимандрит Святогорского Успенского монастыря Изюмского уезда Харьковской губернии (1844—1859). Письма к Моисею (Путилову). 1846, 1854, 1858 гг. // РГБ, ф. 213, к. 90, ед. хр. 16.

Арсений, архимандрит Святогорского монастыря. Портрет. Литография // РГБ, ф. 213, к. 111, ед. хр. 11.

Формулярные списки настоятелей и настоятельниц монастырей в 1848 г. // РГИА, ф. 796, оп. 180, д. 1638.

Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1849 г. // РГИА, ф. 796, оп. 131, д. 2009.

Об увольнении в Иерусалим монаха Глинской пустыни Израиля. 1849—1850 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1157.

Об увольнении в Иерусалим проживающего в Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии архимандрита Иоанникия. 1849—1850 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1158.

Об увольнении послушника Глинской пустыни Тарабана за границу для поклонения Св. местам. 1852. // РГИА, ф. 796, оп. 133, д. 1700.

Иерархических каталогов Российских древних епархий поверка с летописями. 1853 г. / Священник Михаил Диев // РГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1768.

Главная опись церковного и ризничего имущества Курской епархии Глинской Рождество-Богородицкой мужской общежительной пустыни, составленная в 1854 г. // РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727.

Ведение церковных и монастырских приходорасходных книг и современное положение по ним денежного хозяйства // РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 783.

Об увеличении числа монашествующих и об учреждении больницы для больных иноков Глинской Богородицкой общежительной пустыни. 1854 г. // РГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115.

Документы (свидетельства о послушании, пострижении в монашество), выданные разными монастырями лицам разных сословий // РГБ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 30.

Сведения, кем были управляемы монастыри в 1860 г. // РГИА, ф. 796, оп. 142, д. 1826.

По представлению Сергия, епископа Курского об увольнении на покой настоятеля Глинской пустыни игумена Иоасафа и о назначении на его место иеромонаха Ювеналия. 16 окт. 1861 г. // РГИА, ф. 796, оп. 142, д. 1804.

Письма митрополиту Сергию Ляпидевскому Ювеналия, архимандрита по делам Курского епархиального управления. 1862 г. // РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639.

По донесению Сергия, епископа Курского о возведении в сан архимандрита настоятеля Коренной Рождество-Богородичной пустыни игумена Ювеналия. 1862 г. // РГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145.

Указ Св. Синода об избрании Настоятелей общежительных монастырей. 20 марта 1862 г. // РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 333.

Ювеналий (Половцев). Письма к Моисею (Путилову). 1862 г. // РГБ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41.

Письма к игумену Моисею (Путилову) монашествующих // РГБ, ф. 213, к. 51, ед. хр. 10.

Ювеналий (Половцев). Письма к Исаакию (Антимонову). 1862—1865 гг. // РГБ, ф. 213, к. 73, ед. хр. 16.

Жизнеописание игумена Глинской Богородицкой общежительной пустыни. Рукопись 2-й пол. XIX в. // РГБ, ф. 214, ОПТ-292.

Житие старца Площанской пустыни строителя Белобережской пустыни Василия (Владимира Тимофеевича Кишкина), написанное монахиней Борисоглебского монастыря Ангелиной. Рукопись втор. пол. XIX в. // РГБ, ф. 213, ОПТ-284.

Жизнеописание старца Василия (Владимира Тимофеевича Кишкина). Рукопись втор. пол. XIX в. // РГБ, ф. 213, ОПТ-285.

Амвросий (Гренков). Письма к Варваре и Серафиме (Тимковским) монахиням, 1862—1871 гг. // РГБ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 5.

Амвросий (Гренков Александр Михайлович), иеросхимонах. Письма к Варваре и Серафиме (Тимковским), монахиням. 1864—1872 гг. // РГБ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 6.

Амвросий (Гренков Александр Михайлович), иеросхимонах. Письма к Варваре (Тимковской), монахине. 1868, 1870 гг. // РГБ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 7.

Амвросий (Гренков). Наставления и письма // РГБ, ф. 213, к. 50, ед. хр. 1.

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре). 1857—1873 гг. // РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93.

Илиодор, схимонах. Письмо к Варваре и Серафиме, монахиням. 1863 г. // РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 92.

Амвросий (Гренков Александр Михайлович). Письма к Серафиме (Тимковской), монахине. 1863—1871 гг. // РГБ, ф. 213, к. 55, ед. хр. 13. Амвросий (Гренков), иеросхимонах. Письма к Серафиме (Тимковской), монахине // РГБ, ф. 213, к. 55, ед. хр. 14.

Макарий (Иванов Михаил Николаевич), иеросхимонах. Письма к Тимковской Варваре Ильиничне и др. 1847, 1856—1861, 1875 гг. // РГБ, ф. 213, к. 77, ед. хр. 25.

Выписки из писем старца иеромонаха Макария (Иванова) к монахиням Троицкого Севского монастыря // РГБ, ф. 214. ОПТ-392.

Письма игумена Антония (Путилова) к разным лицам // РГБ, ф. 214, ОПТ-397.

По донесениям духовных Консисторий сведения, кем были управляемы монастыри в 1863 г. // РГИА, ф. 796, оп. 145, д. 238.

Письма иеромонаха Макария (Иванова), Леонида (Наголкина) и других к разным лицам // РГБ, ф. 214, ОПТ-384.

Герман, архимандрит Святогорского Успенского монастыря Харьковской губернии. Письмо к Исаакию (Антимонову). 1864 г. // РГБ, ф. 213, к. 67, ед. хр. 55.

По донесению Преосвященного Сергия, епископа Курского о деньгах, завещанных Курским купцом Александром Морозовым в пользу Глинской пустыни. Декабрь 1865 г. // РГИА, ф. 796, оп. 146, д. 1951.

Глинский монастырь, об устройстве принятого от него в казну имения. Окт. 1866 г. // РГИА, ф. 385, оп. 18, д. 207.

По предложению Обер-Прокурора Св. Синода об испрошении Высочайшего соизволения на приобретение Глинской Богородицкой пустынею Курской епархии Сеймских казенных мельниц. 1869 г. // РГИА, ф. 796, оп. 150, д. 1479.

О разрешении принять от Глинской Богородицкой пустыни 4 % непрерывно-доходные билеты в уплату за купленные с торгов Сеймские казенные мельницы в Путивльском уезде Курской губ. Окт. 1869 г. // РГИА, ф. 583, оп. 4, д. 277.

О покупке Глинской Богородицкой Пустынью Сеймских казенных мельниц. Окт. 1869 г. // РГИА, ф. 797, оп. 39, ст. 4, отд. 3, д. 124.

Об укреплении земли за Глинскою пустынью, подаренной женою штабс-ротмистра Евдокиею Мовчан по Курской епархии. 1874—1875 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 155, д. 173.

По вопросу, возбужденному настоятелем Глинской Богородицкой пустыни о том, какие документы следует получить названному монастырю по содержанию водяной мукомольной мельницы. 1876 г. // РГИА, ф. 796, оп. 157, д. 1657.

О доставлении Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода сведений о находящихся в России мужских и женских монастырях и общинах и о числе монашествующих. 1880 г. // РГИА, ф. 797, оп. 50, отд. II, ст. 3, д. 243.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89.

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена. 1888 г. // РГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185.

О продаже недвижимого имущества, принадлежащего Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. 1889 г. // РГИА, ф. 796, оп. 170, д. 1372.

Письмо игумена Глинской пустыни Исаии Дмитрию Михайловичу Струкову об иконописной мастерской в монастыре. 1891 г. // РГИА, ф. 695, оп. 1, д. 155.

Филимонов Д.Д. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) // РГБ, ф. 178, № 3003.1.

Сочинения архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) // РГБ, ф. 178, № 3003.2-3003.4.

Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1890—1906 гг. // РГБ, ф. 213, к. 1, ед. хр. 3.

О принятии Глинской Рождество-Богородицкой пустынью земли, жертвуемой крестьянином Антоном Алюшкиным Косминым. 1891 г. // РГИА, ф. 796, оп. 172, д. 1544.

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней. 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109.

Исаия, игумен Глинской Богородицкой пустыни Путивльского уезда Курской губернии. Письма Исаакию (Антимонову). 1893—1894 гг. // РГБ, ф. 213, к. 68, ед. хр. 45.

Исаия, игумен, настоятель Глинской пустыни. Письмо от Александра Алексеевича Нахласа об обращении иудеев в Христианство. 1893 г. // РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 105.

Ведомость описная и перечневая монахов и послушников Глинской Богородицкой пустыни за 1894 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408.

Симон (Титов Симеон), игумен, живущий на покое в Глинской пустыни. 1895 г. // РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 817.

Прошение Глинской Рождество-Богородицкой пустыни иеромонаха Марина в Московскую Синодальную контору о переводе его в Московскую Синодальную 12 Апостолов Церковь. Окт.-дек. 1895 г. // РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 141.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454. оп. 1, д. 1.

Об укреплении за Глинской Рождество-Богородицкой пустынею недвижимого имущества, завещанного вдовою штабс-ротмистра Мовчан. 1900 г. // РГИА, ф. 796, оп. 181, д. 2333.

По представлению Преосвященного Курского об испрошении Высочайшего соизволения на изменение воли вдовы штабс-ротмистра Евдокии Мовчан, завещавшей постройки, возведенные на арендованной земле в пользу Глинской пустыни и к укреплению означенного имущества за поименованной пустынью. 1899—1901—1902 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269.

По прошению братии Глинской пустыни Курской епархии иеромонахов: Иосии, Виссариона и др. о воспрещении настоятелю поименованной пустыни продавать водяные мельницы. 1901 г. // РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4344а.

Об укреплении за Рождество-Богородицкой Глинской пустынью Путивльского уезда недвижного имущества, завещанного статским советником Ивановым-Камаевым. 1899—1901 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 182, д. 1990.

Списки настоятелей и настоятельниц монастырей с краткими биографическими сведениями за 1900—1903 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 521.

Краткий отчет Глинской общежительной пустыни, составленный из приходорасходной книги неокладных сумм за 1903 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 420.

Окладной лист и доклад настоятеля Глинской Богородицкой пустыни об уплате земских повинностей (фев. 1903—янв. 1904 гг.) // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 426.

Списки послушников Оптиной пустыни 1904, 1914 гг. // РГБ, ф. 213, к. 2, ед. хр. 3.

Материалы о послушниках Козельской Введенской Оптиной пустыни и др. 1900 гг. // РГБ, ф. 213, к. 3, ед. хр. 15.

По представлению Преосвященного Курского о принятии Глинской Рождество-Богородицкой пустынью земли, завещанной Марией Франциссонз. 1904 г. // РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2849.

О принятии Глинской Рождество-Богородицкой пустынею земли, жертвуемой казаком Варфоломеем Горкавым. 1905 г. // РГИА, ф. 796, оп. 186, д. 2897.

О продаже земли, принадлежащей Глинской Рождество-Богородицкой пустыни крестьянину Дионисию Спиченко. 1905 г. // РГИА, ф. 796, оп. 186, д. 2978.

О принятии Глинской Рождество-Богородицкой пустынею в Путивльском уезде недвижимого имущества, завещанного мещанкою Евдокией Сахаровой. 1905 г. // РГИА, ф. 796, оп. 186, д. 2899.

О принятии Глинской Рождество-Богородицкой пустынею недвижимого имения, жертвуемого казаком Гавриилом Цыгикав. 1905 г. // РГИА, ф. 796, оп. 186, д. 2928.

Кузьмин Михаил, монах Глинской пустыни, автор книги "Жизнеописание Глинского возобновителя". Письмо к Ксенофонту, архимандриту. 1905 г., июля 14 // РГБ, ф. 213, к. 74, ед. хр. 12.

О пострижении в монашество указного послушника Донского монастыря Андрея Проходова. 1909 г. // РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 172.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей. 1910 г. // РГИА, ф. 796, оп. 191, ч. 1, 2 ст., 1 отд., д. 5.

О возведении монаха Донского монастыря Антония в сан иеродиакона. 1910 г. // РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 88.

Послужные списки монашествующих Донского монастыря за 1910 г. // РГАДА, ф. 1629, оп. 1, д. 56.

Письма к митрополиту Флавиану (Городецкому) Питирима, епископа Курского о делах Курской епархии. 1905—1911 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 737.

Послужной список Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией. 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174.

Послужной список братии Московского Ставропигиального Донского монастыря за 1911 г. // РГАДА, д. 1183, оп. 1, д. 6.

Письма Стефана (Архангельского), ректора Тифлисской Духовной Семинарии, затем епископа Сумского, архиепископа Могилевского и Курского митрополиту Флавиану по делам Семинарии и епархиального управления, в том числе о ревизии монастырей. 1911 г. // РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 750.

Ведомость о лицах духовного звания, присужденных к наказанию по Курской епархии. 1912 г. // РГИА, ф. 797, оп. 82, отд. 3, ст. 5, д. 416.

По ходатайству Преосвященного Курского об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. 1912 г. // РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164.

О замещении должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии. 1912 г. // РГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1399.

Списки монастырей по епархиям. 1913 г. // РГИА, ф. 797, оп. 83, отд. II, ст. 3, д. 315.

Дело с послужными списками монашествующих лиц по ведомству Конторы Св. Синода // РГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 6.

Отчетные ведомости Костромской и Курской епархии за 1912 г. // РГИА, ф. 796, оп. 82, отд. 3, ст. 5, д. 424.

Алфавитный список миссионеров и список миссионерских должностей по епархиям. 1909—1913 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 304.

Отчет о состоянии Омской епархии в 1913 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2593.

Ведомости об архивах Курской Духовной Консистории. 1903—1910, 1912, 1914 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1081.

Отчет о состоянии Омской епархии за 1914 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2654.

Деятельность монастырей Курской епархии в нынешнюю Отечественную войну в течение ее первого года. (1914—1915 гг.) 1916 г. // РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 794.

Сведения о монастырях за 1915 год // РГИА, ф. 797, оп. 85, отд. II, ст. 3, д. 389.

Деятельность православного русского духовенства Курской епархии во время отечественной войны (1914—1915 гг.) // РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 981.

Ведомость о монастырях и монашествующем духовенстве за 1915 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 501.

Отчет о состоянии Омской епархии за 1915 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2716.

Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей. 1916 г. // РГИА, ф. 796, оп. 202, отд. 1, ст. 5, д. 5/1889.

О награждениях за благотворительную и общественную деятельность по епархиям. 1916—1919 гг. // РГИА, ф. 797, оп. 86, отд. 4, ст. 4, д. 10.

О самоубийстве в Путивльском монастыре бывшего белгородского епископа Иоанникия. 1916 г. // РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 266.

По прошению архиепископа Курского Тихона об увольнении его от управления Курской епархией. 2 мая 1917 г. // РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 136.

Об избрании епископа на Курскую кафедру. 1917 г. // РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 321.

По представлению Преосвященного Омского с ходатайством об освобождении игумена Аристоклия от должности настоятеля Покровского монастыря. 1917 г. // РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271.

Дело о посвящении монахов Глинской пустыни Георгия, Филарета и Сафония в иеродиаконы. Июль 1917 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 256.

О перемещении архимандрита Адриана из Таврической епархии в Глинскую пустынь. Сент. 1917 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 191.

Ходатайство архиепископа Таврического Димитрия об удалении из Таврической губернии архимандрита Адриана. 1917 г. // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 768.

О перемещении архимандрита Адриана из Таврической епархии в число братии Глинской пустыни. 1917 г. // РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 156.

О назначении архимандрита Глинской пустыни Адриана в действующую армию. Дек. 1917 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 192.

Рапорт игумена Нектария о пострижении в схиму иеромонаха Климента и монаха Аркадия. Дек. 1917 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 601.

Список церковных служителей, представленных к наградам за 1917—1918 гг. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 499.

Документы, связанные с жизнью и деятельностью Козельской Введенской Оптиной пустыни в 1917 — 1918 гг. // РГБ, ф. 213, к. 4, ед. хр. 4.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3.

Протоколы сельских сходов (Шалыгинский волисполком). 1919 г. // ГАСО, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

Рапорт настоятеля Глинской пустыни о переводе временных послушников в число постоянных. Ноябрь 1919 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 143.

Донесение Преосвященного Орловского в Курский Епархиальный Совет о монахе Глинской пустыни. 1919 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 2 л, д. 150.

Послужные и формулярные списки монахов Курской епархии за 1914—1920 гг. // ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6.

Дело о посвящении послушников Глинской пустыни в монашеский сан // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144.

Дело о пострижении в схиму иеромонаха Глинской пустыни Акакия и диакона Петра Дюмина. 1920 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 615.

Дело о проведении обряда посвящения в монашеский сан послушников Глинской пустыни. 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 266.

Рапорт архимандрита Нектария об умерших в Глинской пустыни. 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 34, л. 3.

Рапорт настоятеля Глинской пустыни о совершении иеромонахами религиозных обрядов в приходах. 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 283.

Дело по рассмотрению прошения настоятеля Глинской пустыни о посвящении иеромонаха Анатолия и иеродиакона Гавриила в схимнический сан. 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 267.

Прошение архимандрита Феодосия настоятеля Николаевского Одрина монастыря о переводе его в Глинскую пустынь. 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974.

Путивльский уездный отдел земледелия. 1921 г. // ГАСО, ф. Р3041, оп. 1, д. 5.

Переписка с местными исполкомами Советов о Церковном помещении, имуществе и по другим вопросам. 1921 г. // ГАРФ, ф. 393, оп. 27, д. 1389, д. 365.

Переписка Курского губернского исполнительного комитета. 1921 г. // ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 137.

Переписка с редакцией журнала "Революция и церковь". 1921—1922 гг. // ГАРФ, ф. 353, оп. 2, д. 719.

Переписка с Путивльским исполкомом по делам Путивльского уезда. 1922 г. // ГАКО, ф. 325, оп. 1, д. 224.

Протоколы заседаний Путивльской и Тимской подкомиссий по изъятию церковных ценностей и описи изъятых церковных ценностей. 1922 г. // ГАКО, ф. 323, оп. 1, д. 686.

Послужной список иеромонаха Иринарха (Ивана Степанова) за 1922 г. // ГАСО, ф. 454. оп. 1, д. 4.

Материалы комиссии Путивльского уисполкома по ликвидации монастырей. 1922 г. // ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8.

Переписка с губснабом, губраспредом, губпродкомом, угороно и др. по вопросам приема и устройства детей с Поволжья. 1922 г. // ГАКО, ф. Р309, оп. 4, д. 104.

Смета расходов по перевозке живого и мертвого инвентаря скотного двора, "садово-огородного хозяйства" Курского ГУБОНО из г. Курска в Глинскую пустынь. 1923 г. // ГАКО, ф. Р 638, оп. 1, д. 2, л. 23.

Финансово-материальные документы детгородка им. Ленина Путивльского уезда. 1923 г. // ГАКО, ф. Р309, оп. 5, д. 252.

Анкеты монахов Глинской пустыни, перемещенных в Рыльский Николаевский монастырь. 1923—1924 гг. // ГАКО, ф. 2511, оп. 1, д. 137.

Список предприятий общего отдела Путивльского УИК. 1924 г. // ГАКО, ф. Р718, оп. 2, д. 14, л. 29.

Список монастырей Курской губернии, представляемых Губмузеем для взятия их на учет. 1925. // ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 30, л. 51.

Справка в Госфондовую комиссию об имуществе бывшей Глинской пустыни. 1925 г. // ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 763, л. 63.

Акт ревизии детгородка "Новый мир". 1926 г. // ГАКО, ф. Р1832, оп. 1, д. 435.

Книга учета служителей культа Глуховского окружного административного отдела. 1926—1928 гг. // ГАСО, ф. Р3131, оп. 3, д. 132.

Акт ревизии Глинской детской трудовой колонии им. В. И. Ленина. 1927 г. // ГАСО, ф. Р2308. оп. 1, д. 14.

Учетно-оценочная ведомость живого инвентаря, находящегося в детской трудовой колонии "Глинская пустынь" // ГАСО, ф. Р1685, оп. 2, д. 242.

Ведомость использования рабочих, отбывающих принудительные работы. 1927—1929 гг. // ГАСО, ф. Р4918, оп. 1, д. 4.

Списки молитвенных домов Сумской области за 1944—1945 гг. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

Список регистраций церквей Сумской области за 1945 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 5.

Решение Шалыгинского Райсовета депутатов трудящихся о передаче помещения Шалыгинского промкомбината (б. Глинская пустынь) Сумскому ОблОНО для организации Шалыгинского детского дома. 1949 г. // ГАСО, ф. Р7382, оп. 1, д. 1.

Акт передачи имущества Шалыгинского детского дома (б. Глинская пустынь) Лебединскому дому инвалидов-престарелых. 1953 г. // ГАСО, ф. Р7383, оп. 1, д. 14.

Материалы по монастырю "Глинская пустынь" за 1953 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 31.

Материалы по монастырю "Глинская пустынь" за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34.

То же... за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37.

То же... за 1956 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 43.

То же... за 1958 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 48.

То же... за 1960 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53.

То же... за 1961 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 13, д. 71.

Материалы по религиозным культам за 1959 г. // ГАСО, ф. Р1815. оп. 3, д. 235.

То же... за 1960 г. // ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 267.

То же... за 1960—1961 гг. // ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 268.

Материалы по закрытию монастыря "Глинская пустынь" // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55.

Генеральный план Глинской пустыни 1960 г. (Архив Сосновского дома инвалидов).

Архивные документы: справочные, статистические, фотографии

Списки епархиальных епископов с 1795—1871 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 516.

Списки епархиальных Преосвященных. (Б.г.) // РГИА, ф. 706, оп. 440, д. 1097.

Формулярные списки монашествующих. Михаил (Матфей) Лузин — Курский епископ // РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 611.

Формулярные списки монашествующих. Питирим (Павел Васильевич Окнов) — Курский архиепископ // РГИА, ф. 796, оп. 439, д. 734.

Портреты начальствующих и других лиц монашествующего духовенства. 1870—1905 гг. // РГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59.

Глинская Богородицкая мужская пустынь: (Фотографии) // РГИА, ф. 835, оп. 2, д. 278.

Статистические ведомости о монастырях Курской епархии. 1903—1914 гг. // РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 987.

Список русских монастырей и сравнительная статистическая таблица мужских и женских монастырей в Европейской и Азиатской России. // РГИА, ф. 1579, оп. 1, д. 116.

Книга объявлений по Канцелярии Синода о назначениях, перемещениях, увольнениях в отпуска и от службы епархиальных епископов (1906—1917) // РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 518.

*Епархиальные отчеты (1856—1916 гг.)**

Отчет о состоянии Курской епархии за 1856 год // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 3. Там же, 1859 г. (д. 30); 1861 г. (д. 57); 1862 г. (д. 100); 1863 г. (д. 143); 1864 г. (д. 178); 1868 г. (д. 276); 1869 г. (327); 1870 г. (д. 376); 1871 г. (д. 426); 1872 г. (д. 476); 1873 г. (д. 530); 1874 г. (д. 581); 1875 г. (д. 635); 1876 г. (д. 686); 1877 г. (д. 738); 1878 г. (д. 790); 1879 г. (д. 836); 1880 г. (д. 881); 1881 г. (д. 935); 1882 г. (д. 962); 1884 г. (д. 1030); 1885 г. (д. 1082); 1886 г. (д. 1135); 1887 г. (д. 1186); 1889 г. (д. 1288); 1890 г. (д. 1338); 1892 г. (д. 1396); 1893 г. (д. 1453); 1894 г. (д. 1510); 1895 г. (д. 1566); 1896 г. (д. 1624); 1897 г. (д. 1675); 1898 г. (д. 1727); 1899 г. (д. 1784); 1900 г. (д. 1843); 1901 г. (д. 1901); 1902 г. (д. 1958); 1903 г. (д. 1974); 1904 г. (д. 2033); 1905 г. (д. 2095); 1906 г. (д. 2153); 1907 г. (д. 2217); 1908 г. (д. 2279); 1909 г. (д. 2336); 1910 г. (д. 2395); 1911 г. (д. 2461); 1912 г. (д. 2525); 1913 г. (д. 2586); 1914 г. (д. 2646); 1915 г. (д. 2708); 1916 г. (д. 2754).

*Пропуски отчетов за отдельные годы объясняются отсутствием документов в архиве.

Документы АСЕУ за 1945—1961 гг. Документы АУПЦ за 1944—1961 гг. Документы АГР за 1951—1952 гг. Документы АШР за 1950—1951 гг.

Документы личного архива архива (в том числе послужные списки насельников Глинской пустыни, письма и наставления Глинских старцев, магнитофонные записи бесед, альбом фотографий "Глинская святая Рождество-Богородицкая пустынь").

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГР
Архив Глуховского райисполкома.

АУПЦ
Архив уполномоченного по делам Православной церкви при Сумском облисполкоме.

АСЕУ
Архив Сумского епархиального управления.

АШР
Архив Шалыгинского райисполкома.

ГАБО
Государственный архив Брянской области.

ГАКО
Государственный архив Курской области.

ГАРФ
Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО
Государственный архив Сумской области.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ.
Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители: В 2-х ч. 2-е изд. Одесса, 1904. *

ГЛИНСКАЯ РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКАЯ ОБЩЕЖИТЕЛЬНАЯ ПУСТЫНЬ.
Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь:
(Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА...
Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя
Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. *

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ... ПОДВИЖНИКОВ...
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков. М., 1906—1912.

ЖМП
Журнал Московской Патриархии.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МОЛЧЕНСКОЙ... ПУСТЫНИ...
Историко-статистическое описание
Молченской Рождество-Богородицкой
Печерской мужской общежительной Софронневой пустыни
и состоящего при ней скита во имя Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна,
находящихся в Курской епархии, составленное игуменом
Палладием по благословению Преосвященного Ювеналия,
епископа Курского и Белоградского. М., 1895.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛИНСКОЙ БОГОРОДИЦКОЙ ПУСТЫНИ...
Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни,
состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде,
составленное Николаем Самойловым, состоящего
под Высочайшим покровительством общества
истории и древностей российских соревнователем:
В 2-х ч. СПб., 1836.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЖИЗНИ... ИЕРОСХИМОНАХА МАКАРИЯ.
Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901.

МДА
Московская Духовная Академия.

ОЧЕРК ЖИЗНИ... АРХИМАНДРИТА ГЕРМАНА.
Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894.

РГАДА
Российский Государственный архив древних актов.

РГБ
Российская государственная библиотека.

РГИА
Российский государственный исторический архив.

СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ... СХИАРХИМАНДРИТА ИЛИОДОРА...
Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоюм. М., 1906 *.

СПАСО-ИЛИОДОРОВСКИЙ СКИТ...
Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора:
В память избавления государя императора Николая Александровича
от опасности в Японии в 1891 г.: С кратким очерком жизни старца
Илиодора и одного из учеников его схимонаха Артемия. Одесса, 1899.

СПИСКИ ИЕРАРХОВ И НАСТОЯТЕЛЕЙ...
Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П. Строев. М. — СПб., 1877.

ЧЕТВЕРИКОВ СЕРГИЙ, ПРОТ. МОЛДАВСКИЙ СТАРЕЦ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ.
Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988.

ЧОИДР
Чтения в обществе истории и древностей российских.

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА...
Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская: Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших. 2-е изд. Одесса, 1907 *.

* При ссылке на другое издание этой же книги указываются место и год издания.

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Публикуемый труд схиархимандрита Иоанна (Маслова) "Глинская пустынь" был написан им как диссертация на соискание степени доктора богословия.

В соответствии с авторским текстом сокращение имени автора дано в виде букв "*А. И.*" — архимандрит Иоанн. О том, что автор был схимником, стало известно после его кончины.

Список сокращений составлен нами. Сокращения названий архивов даны на 1 января 1994 г.

Приводимые нами в начале этой книги на с. 5, 6, 8, 9 тропарь, кондак, величание и две молитвы Глинской иконе Богородицы цит. по кн.: "Чудотворная икона..." (с. 59—62) с сохранением орфографии источника.

На с. 325 настоящей книги приведена фотография среднего иконостаса соборного храма Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни. Именно в этом иконостасе находилась Чудотворная икона Рождества Богородицы Пустынно-Глинская.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
11

ВВЕДЕНИЕ
19

ГЛАВА I
Возникновение Глинской пустыни и ее Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы
43

ГЛАВА II
Глинская пустынь и Путивльский Молченский монастырь (1648—1764)
63

ГЛАВА III
Глинская пустынь во второй половине XVIII—начале XIX века (1764—1817)
89

ГЛАВА IV
Игумен Филарет — строитель и возобновитель Глинской пустыни (1817—1841)
119

ГЛАВА V
Глинская пустынь в середине XIX века: ее старцы и духовное развитие (1841—1861)
209

ГЛАВА VI
Духовная связь Глинской пустыни с Оптиной
251

ГЛАВА VII
Глинская пустынь в период настоятельства архимандрита Иннокентия (1862—1888)
307

ГЛАВА VIII
Глинская пустынь в конце XIX — начале XX века. Настоятель обители старец схиархимандрит Иоанникий (1888—1912)
337

ГЛАВА IX
Глинская пустынь перед первым закрытием (1912—1922)
393

ГЛАВА X
Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества (1941—1961)
423

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
581

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
587

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

ISBN 5—900937—01—1

Н. Н. Визжилин — макет и оформление.
С. О. Николаев — компьютерная верстка.

Лицензия ЛР № 063945 от 20 марта 1995 г. АОЗТ "Самшит". Москва, 125-057, Ленинградский проспект, д. 77/2, корп. 4. Подписано в печать 22. 05. 95. Формат 70x108/16. Печ. л. 38. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон. Тираж 30 000 экз. Заказ № 338. Можайский полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати. 143200, Можайск , ул. Мира, 93.